

Суд и наказания за преступления против веры и нравственности

Памяти дорогих родителей

Предисловие

Принятые сокращения многотомных изданий.

Предисловие

Предмет нашей работы – преступления против веры и нравственности. Но это общее определение требует некоторых пояснений.

Если мы возьмем два предельных момента нашей темы – эпоху Св. Владимира и действующее право, то увидим значительную разницу в положении изучаемого нами вопроса. Разница есть и в подсудности этих преступлений и в их наказании. Тогда как первоначально они были подсудны церковному суду и наказывались церковными наказаниями, теперь они почти всецело подсудны уголовному суду и караются на общем основании наказаниями уголовными. За период десяти столетий создалось мало-по-малу перемещение религиозных преступлений из одной сферы суда в другую. Это перемещение не было делом насильственным. Только Петр Великий, когда он изъясил из церковной подсудности преступления против нравственности, поступил, пожалуй, вопреки практике. Но Свод законов уголовных 1832 г., предоставляя суду уголовному преступления против веры, констатировал только наличное, фактическое положение дела. Таким образом перемещение создано само собой, развилось постепенно из некоторых условий и обстоятельств практикою жизни и суда, словом было явлением естественным. Но само собою понятно, что подобное перемещение религиозных преступлений должно было отразиться так или иначе и на юридической конструкции этих преступлений. Неизбежно должны были выдвинуться в антирелигиозных и безнравственных деяниях такие стороны, которые бы позволяли им стать в один уровень со всеми другими уголовнонаказуемыми посягательствами, т. е. должно было

совершиться их уголовно-юридическое преобразование. Процесс этого постепенного перемещения и преобразовании и его итоги как по отношению к уголовному праву, так и по отношению к юрисдикции церкви, – которая часть своего суда передала в ведение государственной юстиции, – и составляет предмет нашего изучения. В каком объеме и форме существовала и применялась церковная дисциплина по религиозным преступлениям, каким образом создавалась их уголовная наказуемость, как последняя развивалась параллельно ослаблению церковной дисциплины, каково положение той и другой системы наказаний в настоящее время, и каковы итоги указанного изучаемого перемещения для церкви – вот ряд отдельных вопросов, решению которых посвящены дальнейшие страницы. Чтобы получить сколько-нибудь ценные результаты, мы должны были исчерпать, по возможности весь церковно- и уголовно-юридический материал, какой только дает история и действующее право, равно как и уголовно-юридическая доктрина прошлого и настоящего.

Таким образом, все наше сочинение распалось на две части: 1) историко-юридическую и 2) догматико-юридическую. Первая рассматривает историю этого вопроса, а вторая дает представление о современном положении наказуемости религиозных преступлений. Историческая часть в свою очередь распадается на две главы: из них первая обнимает время до-Петровское, а вторая XVIII и XIX столетия, кончая Уложением о наказаниях уголовных и исправительных. Первая эпоха носит следы Византийских уголовно-правовых традиций; а вторая проникнута влиянием Запада, которое с Екатерины II прогрессирует, если не всегда в законодательстве, то по крайней мере в доктрине.

Идя все в глубь истории Русского права, мы приходим в конце концов к праву Византийскому. Оно хотя непосредственно в нашу тему и не входит, но игнорировано быть не может, поскольку его нормы отразились на развитии до-Петровской догмы.

Отсюда план нашего сочинения такой.

Часть первая. Преступления против веры и нравственности по римско-византийскому праву.

Часть вторая. Преступления против веры и нравственности в истории русского права.

Глава первая. Время до-Петровское.

Глава вторая. Время после-Петровское.

Часть третья. Современное положение вопроса о наказуемости религиозных преступлений по русскому праву.

Глава первая. Объем применения церковной дисциплины к преступлениям против веры и нравственности по русскому праву.

Глава вторая. Учение современной юриспруденции о наказуемости религиозных преступлений.

Глава третья. Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., в его отношении к религиозным преступлениям.

Заключение.

При изучении взятого нами вопроса мы имели возможность воспользоваться архивом Казанской Духовной Консистории с разрешения Высокопреосвященнейшего Арсения, Архиепископа Казанского, ныне Архиепископа Харьковского, которому и выражаем свою признательность.

Приятным для себя долгом считаем принести свою искреннюю благодарность глубокоуважаемому проф. Илье Степановичу Бердникову за его руководство нами в настоящей работе, литературные указания и методологические советы, особенно драгоценные для начинающих работников пера.

Принятые сокращения многотомных изданий.

А. А. Э. = Акты, изданные Археографической Экспедицией. Тт. 1–4.

А. и. = Акты исторические. Тт. 1–5.

Д. А. И. = Дополнения к Актам Историческим. I–IX.

Д. Р. В. = Древняя Российская Вивлиоика.

Ж. М. Н. П. = Журнал Министерства Народного Просвещения.

Ж. М. Ю. = Журнал Министерства Юстиции.

О. А. С. С. = Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода.

О. М. А. М. Ю. = Описание документов и дел Московского Архива Министерства Юстиции.

П. С. З. = Первое Полное Собрание Законов Российской Империи.

2 П. С. З. = Второе Полное Собрание Законов Российской Империи.

3 П. С. З. = Третье Полное Собрание Законов Российской Империи.

П. С. П. = Полное Собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного Исповедания. Серия первая. Тт. I-VIII.

П. С. П. Сер. 2 = Полн. Собр. пост. и расп. по Вед. Прав. Исп. в царствование Елизаветы Петровны. Т. I.

П. С. Р. Л. = Полное Собрание Русских Летописей. I-XI, XIV-XV.

Р. И. Б. = Русская Историческая Библиотека.

Р. Л. А. = Русско-Ливонские Акты, собранные Напиерским.

С. Г. Г. Д. = Собрание Государственных Грамот и Договоров.

С. И. Р. И. О. = Сборник Императорского Русского Исторического Общества.

Ч. О. И. Д. = Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских.

Cod. = Codex Justiniani.

C. Th. = Codex Theodosianus (ed. Haenel).

Dig. = Digesta sive Pandecta.

Inst. = Institutiones Justiniani.

Eel. = Ecloga (Zachariǎ, Collectio librorum ineditorum).

Epanag. = Epanagoge (Zachariǎ, ibid.)

Bas. = Basilica (ed. Heimbach).

Proch. = Prochiron (Zachariǎ, Ὁ πρόχειρος νόμος).

**Часть первая. Преступления против веры
и нравственности по римско-
византийскому праву.**

Глава первая. Уголовная наказуемость религиозных преступлений в римско-византийском праве¹.

Римское право, как публичное, так и частное, в сильной степени было проникнуто сакральным характером. В сфере публичного права ни одно важное действие как народа, так и магистратов не могло обойтись без религиозных церемоний, так же как в сфере гражданского права (*juris civilis*) ни один институт не оставался вне той или иной связи с религией. Поддержание культа домашнего, рав во и участие в культе государственном были священными обязанностями каждого *civis Romani*. Религия римского государства по своему существу была национальной, она была, по выражению Моммсена, ничем иным, как идеальным отображением народного чувства, религиозностью выраженного в сакральной форме патриотизма². И не смотря на громадное общественное значение религии, римское языческое право не знало сакральных преступлений и не выработало особого сакрального процесса.

В древнейшую эпоху римской истории, когда ординарный суд творили *quaestores parricidii* и *duoviri perduellionis*, даже такое преступление, как *sacrilegium*, рассматривалось под формою *parricidium*'а: «*sacrum sacrove commendatum qui clepsit rapsitve, parricida esto*»³. В республиканский период за все время господства квестийного процесса последний не применялся к религиозным преступлениям. Уголовные наказания здесь не имели места по принципу: *deorum injuriae diis curae*⁴. Но оставаться без всякой защиты религия в Риме не могла. Ея юридическая охрана осуществлялась иным путем, помимо уголовного процесса, именно магистратами в силу принадлежащего им *jus coërcendi*⁵. *Jus coërcendi* – это право магистрата, в силу принадлежащей ему *imperium* или *potestas*, принудить непокорного гражданина к выполнению того или иного действия, необходимого в интересах государства, или наложит на него наказание за совершение действия, принесшего государству ущерб. Магистратская коэрция была тем же, чем теперь является полиция. И со стороны своих задач, и со

стороны формы магистратская коэрция отличается от *judicium'a*. На особенностях коэрции и необходимо остановиться.

Хотя римская религия и была религией государственной, религией национальной, но она не исключала религий других народов. «Все народы имеют свою религию, римляне – свою», говорил Цицерон. Боги других народов могли делаться богами Рима, если только на это последовало согласие Сената, выраженное в *senatusconsultum'e*. По мере того, как римское гражданство распространялось из пределов Рима в Италию, из Италии в другие области, принадлежавшие Риму, и боги новых стран стали находить себе уголок в римском капитолие. На ряду с *dii indigetes* явились *dii novensiles*. Рим не запрещал своим гражданам (*cives Romani*), родом из Фригии, Антиохии, Финикии и других мест, молиться их отечественным богам вместе с богами государства, – Рим не мог запретить негражданам (*non cives Romani*) молиться тому богу, какому кто хотел. Поэтому-то в Риме существовала большая свобода относительно личного отправления каждым своих религиозных обязанностей, равно как предоставлялась полная возможность собираться в коллегии для общего поклонения или служения тому или иному божеству⁶. При такой свободе могли случаться и злоупотребления: или под покровом религии совершались опасные для государства и безнравственные деяния, или же случались отпадения от национального культа в иные религии. В этих случаях и надзор и расправу ведала римская религиозная полиция, т. е. магистраты. Появляется ряд постановлений, имеющих в виду ограждение неприкосновенности религии и культа: в 568 г. от осн. Р. принадлежащие к коллегии Бахуса присуждаются народом к смертной казни⁷; издаются, далее, постановления о прекращении человеческих жертвоприношений в Италии⁸, Галлии⁹ и Африке¹⁰, обрезание раба наказывается, как кастрация¹¹, запрещаются введение новых и неизвестных религий¹², волшебство и гадание¹³, запрещается отпадение в иудейство¹⁴ и т.д. Но ограничиваться только указанными случаями коэрция не могла. Магистрат свое *jus coërcendi* мог применять там, где он хотел, и настолько, насколько считал

необходимым. Его постановление имело силу, пока он имел *imperium* или *potestas*: прекращались его полномочия, напр. по истечении законного срока, *eo ipso* оканчивалось и действие *juris coërcendi*.

С возникновением принципата *imperium* перешел на принцепса, императора, как высшего носителя этого *imperium*'а. Он явился высшим и полновластным магистратом. Его воля и желание стали законом: «*quod principi placuit, legis habet vigorem*»¹⁵. Отсюда *jus coërcendi*, хотя и распределялось по низшим магистратам, но свой главный источник имело в *imperium*'е *princeps*'а. *Princeps* мог распространять это право на такие отношения, на какие хотел. В деле религии он мог воспретить тот или иной культ, или, наоборот, потребовать служения одному какому-нибудь богу, ибо его воля была абсолютной, подобно тому, как его особа была священной (*augustus, divus*). Дион Кассий въуста Мецената влагает такие слова, обращенные к Августу: «и сам ты всячески почитай божество по отеческому преданию и других к тому принуждай; обращающихся же к чужим культам за это ненавидь и наказывай»¹⁶. На этот скользкий путь религиозного принуждения римские императоры постепенно и вступили. О Калигулле известно, что он велел в Иерусалимском храме, в его «святая святых», поставить свою статую и ей поклоняться, как богу¹⁷. Диоклетиан *adorari se ut deum jussit*¹⁸. Еще резче право религиозного принуждения было выражено некоторыми императорами в деле гонений на христиан. Юридические основания их преследования Моммсен¹⁹ разделяет на три категории:

1) Христиан преследовали не за их религию, а за другие, учиненные ими преступления. Такой смысл имеет *epistola* имп. Адриана проконсулу Азии Минуцию Фундапу²⁰.

2) Христиан судили за оскорбление величества (*crimen laesae majestatis*). При этом по отношению к ним, как свидетельствует Тертуллиан²¹, различали два рода такого оскорбления: более легкое – невоздавание богам должной чести (*crimen laesae Romanae religionis*) и более тяжкое – оскорбление цезаря, оскорбление *majestas imperatoris*.

3) Христиан судили, как нарушителей общественного строя, в порядке применения в нем *jus coercendi*. В этом последнем случае все зависело от усмотрения высшего магистрата, каковым был *princeps*. Этим объясняется то, что гонения были при немногих императорах, были явлением исключительным, иногда даже местным: в одной половине империи христиан преследовали, а в другой они пользовались миром. Если от усмотрения магистрата зависело стать в такое или иное отношение к христианам, то от его же усмотрения зависела и форма разбирательства дел христиан. Он мог решать дело или ординарным способом, передавши его на суд присяжных *judices*, или решать его *extra ordinem* чрез *cognitio*. Последняя форма преобладала. Такой знаток римской юридической литературы, как Моммсен, утверждает, что ему неизвестно ни одного случая, чтобы религиозные преступления христиан решала присяжная коллегия, а все они решались экстраординарным процессом²². Экстраординарный процесс не был связан ни законодательными нормами, ни сферой определенных наказаний. Отсутствие определенных норм касательно исповедовавших христианскую религию лиц вызывало со стороны последних жалобы на то, что их судят незаконно. В *Passio s. Achatii* мученик говорит проконсулу Марциану: *Ius publicum punit scortatorem, adulterum, furem, corruptorem sexus virilis, maleficum et homicidam. Horum si reus sum, ante vocem tuam jam me ipse condemno; sin vero, eo quod Deum, qui est verus, colo, ducor ad poenam, non legis, sed judicis voluntate condemnor*²³. Христиан преследовали не столько за то, что они христиане, сколько за их неуважение к *dii populi Romani*, или отказ воздать поклонение гению императора, который был земным богом, как Юпитер был богом неба (Овидий). По римским понятиям этот отказ был преступен именно потому, что этим наносилось оскорбление и самому государству²⁴.

Не связанная законодательными нормами, определяющими состав того или иного преступления, *coercitio* не была связана и наказаниями. История гонений, говорит проф. И.С. Бердников, — показывает, что христиане испытали все казни, которые были положены в римских законах за прочие религиозные

преступления, а именно: распятие на кресте, сожжение, растерзание зверями, побиеие камнями, утопление в воде, усечение мечем, ссылку в рудокопни, изгнание, продолжительное заключение в темнице, осуждение на работы в гинееях в качестве государственных рабов²⁵. «Но казнь постигала христиан не вдруг, а обыкновенно после продолжительных предварительных пыток и мучений. Конечно пытки были делом обыкновенным в римском уголовном процессе времен империи, особенно по делам об оскорблении величества, но в отношении христиан оне имели особый смысл. Во всех прочих случаях пытки употреблялись с целью вынудить у обвиняемого признание в том обвинении, которое ва него возводилось. Христиан же подвергали пыткам после их сознания в предполагаемом преступлении с целью заставить их отказаться от этого самого преступления»²⁶. Эта особенность станет нам понятной, если мы припомним, что *jus coërcendii* состоит прежде всего в том, чтобы принудить гражданина к совершению известного действия, положим, воскурения еиміама пред статуей императора, или клятвы его именем и т. п.

Таким образом, хотя римской религии и чужда была идея религиозной нетерпимости и принуждения, но возникновение ея относится еще к языческому праву. В русской литературе был высказан взгляд, что «принцип религиозной нетерпимости проведен был в государственный строй христианскими императорами древняго Рима»²⁷. Это не совсем верно. Принцип этот *implicite* заключается в полновластии императора, которому по *lex regia* народ передает *omne suum imperium et potestatem*, – в том, что воля и желание императора отождествляются с законом²⁸. Этот последний принцип римского публичного права, из которого вытекали вышеуказанные притязания Калигуллы и Диоклетиана, а равно и все гонения на христиан, пережил язычество и в эпоху христианских императоров имел такую же силу, как и раньше. Из этого принципа уже логически вытекало формальное право религиозного принуждения и религиозная нетерпимость. Если принцепс-язычник, считая себя богом, имел право от подданных потребовать себе поклонения, как богу, – то и император-христианин имел такое же право потребовать

служения Тому Единому Богу, в которого он веровал. Формально между этими двумя действиями разницы нет, ибо *quod principi placuit, legis habet vigorem*.

Абсолютный характер власти императора, юридическая обязательность всего, *quod principi placuit*, как существенный фактор римского публичного права императорского периода, дал со времени христианства ряд новых правоположений в сфере религиозных преступлений.

После того, как христианская религия стала на место язычества религией государственной, юридическая охрана язычества сделалась невозможной. Оно потеряло и свои привилегии, и свои права. Их получило христианство. Но тогда как языческий Рим защищал религию преимущественно чрез религиозную полицию, христианские императоры стали защищать неприкосновенность христианства судом²⁹. В конституциях христианских императоров содержится угроза наказаниями за многочисленные преступления. Христианство пользовалось большею правозащитой, чем язычество. Причину этого нужно видеть прежде всего в том, что заботы о благе христианства признавались императорами за их нравственную обязанность. Так, Константин Великий говорил Никейскому собору: «Я почитаю моим священным долгом охранять в народе, составляющем церковь православную, единство веры, духа, общение и согласное исполнение обязанностей»³⁰. Θеодосий Младший в одном из своих постановлений против несториан пишет: «Мы думаем, что нашему императорскому величеству прилично давать подданным нашим наставления касательно благочестия: потому что полагаем,, что наибольшее благоволение Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа можно заслужить в том случае, когда и сами мы будем, по силам, благоугождать Ему и подданных наших к тому же располагать»³¹. Забота о благе церкви в кругу государственных забот занимает одно из первых мест. «Императорам нашим, говорится в эдикте префектов Флавия Анеемия, Фл. Басса и Фл. Симплиция по делу Нестория, императорам нашим всего приятнее заботиться о благочестии. И подлинно так. Если они, так сказать, не боятся постоянно, каждый день, с заботливостью

предаваться государственным занятиям, присоединяя к дневным и ночные бдения: то как было им не признать, что то же самое с особенною ревностью должно быть наблюдаемо ими в отношении к благочестию и религии»³²? Тоже выражают и сами императоры. В послании императора Марвиана епископам о созвании собора в Нивее говорится: «Всем занятиям должны быть предпочитаемы божественные дела. Ибо, мы верим, при благоволении всемогущего Бога, общество будет сохранено и улучшено»³³. В своей речи на Халкидонском соборе Маркиан говорит: «Когда божественным определением мы избраны были на царство, то между столькими нуждами государства не занимало нас так никакое дело, как то, чтобы православная и истинная вера христианская, которая свята и чиста, пребывала бессомнительною в душах всехъ»³⁴. Усвоение подобной точки зрения должно было совершаться тем быстрее, что духовные писатели поддерживали ее. «На то дана Богом благочестию царей власть над всеми людьми, говорит Григорий Двоеслов, чтобы имели помощь стремящиеся к добру, чтобы шире отверзался путь на небеса, чтобы земное царство служило небесному»³⁵. Кареагенский собор постановляет просить благочестивейших царей, да повелят совсем искоренить остатки идолов во всей Африке; да повелят воспретить от языческого заблуждения привнесенные пиршества и в городах и селахъ; да воспретится представление позорищных игр в день воскресный и т. д.³⁶ Отцы первого вселенского собора обращаются к имп. Константину, чтобы он учение веры сохранил целым и ненарушимым, – «да никто из еретиков, проникнув в церковь, не расторгнет единства Троичного Бога, и не подвергнет нашей веры поруганию. Причиною же настоящего собрания и рассуждений наших, говорится в обращении далее, – неистовый Арий... Повели, государь, чтобы он, оставив свое заблуждение, не восставал против учения апостольского; или, если останется упорным в своем нечестивом мнении, изгони его из общества православной церкви, – да не колеблет он более своими нечестивыми мнениями веры душ слабыхъ»³⁷. – Но охрана православной церкви была не только личною обязанностью императоров, она была обязанностью общественною,

государственной. Императоры Θεодосий Мл. и Валентиниан III в грамоте на имя Кирилла Александрийского о созвании ефесского собора пишут: «Состояние нашего государства зависит от образа богопочтения, и у них много общего и сродного. Они поддерживают одно другое и каждое из них возрастает с успехами другого, так что истинное богопочтение светится правдивою деятельностью, а государство цветет, когда соединяет в себе то и другое»³⁸. В одной из своих конституций те же императоры выражают, что «*magis religionibus, qum officiis et labore corporis vel sudore nostram rem publicam contineri*»³⁹. Маркиан писал папе Льву Великому: «Мы желаем, чтобы истинное благочестие христиан и вера апостольская пребывала твердою и сохранялась в благочестивом духе всем народом. Ибо мы не сомневаемся, что безопасность нашего могущества поддерживается правильною верою и благоволением нашего Спасителя»⁴⁰. Импер. Юстиниан в своей *epistola* Атабрию пишет: «Всегда оказывая всяческое внимание святым церквям во славу и честь святой непорочной и единосущной Троицы, мы убеждены, что ею спасемся как мы сами, так и государство»⁴¹. То же самое он повторяет и в письме к конст. патр. Епифанию⁴².

Таким образом, и личное поборание по благочестию и признание за охраною православной церкви государственного значения⁴³, – вот те мотивы, по каким действовали римско-византийские императоры, придавая государственную охрану православию.

Как же смотрели на такую деятельность императоров св. отцы, учителя и церковные писатели? Считали-ли они уместным применение светскою властью наказаний за религиозные преступления и полагали-ли в этом отношении какие-либо ограничения?

Мы уже видели, что на церковных соборах не раз заседающие в них свв. отцы обращались к императорам, прося их с своей стороны принять те или иные меры, издать те или иные распоряжения. Таким образом здесь светская власть представляется действующей параллельно с церковною властью и в одном направлении с нею, хотя и различными способами: церковь действует мечем духовным, светская власть

–мечем материальным. Задача светской власти состоит в том, чтобы содействовать умиротворению церкви, защищать ее от всякого насилия теми средствами, какими она располагает, и теми мерами, какия ей свойственны. «Ты возвратил мне покой церкви, пишет св. Амвросий императору Грациану, ты заградил уста нечестивых – о, если бы и сердца! И сделал это не умалением веры, а авторитетом власти»⁴⁴. Св. Григорий Богослов в письме к консулу Постумиану (383 г.) пишет ему: «ничего не почитай столько приличным твоему начальствованию, как это одно, чтобы под твоим начальством и твоими трудами умирены были церкви, хотя бы для сего нужно было с особенною строгостью наказать мятежных»⁴⁵. Таковую же мысль проводил в своих письмах в императору Льву I римский папа Лев Великий: «царская власть тебе вручена, пишет он ему в одном письме, – не только для управления миром, но в особенности для защиты церкви»⁴⁶. «И что всего более соответствует твоей власти, как не то, чтобы ты своею конституцией содействовал миру церкви и во всех твоих подданных защищал Божии дары»⁴⁷. Другой римский папа – Ормизда – в письме к императору Юстину первому, где его побуждает к совершенному искоренению евтихианской ереси, пишет ему: «сделай так, чтобы враг не имел убежища, из которого бы мог снова восстать; отними у него всякую защиту, и если даже остаются какие-нибудь следы его, все сие изгладь кроткими мерами, дабы зараженный ядом корень нечестия и не совершенно потребленный не расширился снова и не пустил отпрысков»⁴⁸. Защита церкви и забота о ее внешнем мире и спокойствии есть не только личное дело царей, а их долг в отношении к церкви⁴⁹. Все их успехи, все их подвиги – не их дело, а Божие⁵⁰. А потому и дарованную от Бога власть они должны употреблять на служение делу Божию. «А чем могут служить Богу в страхе цари, если не тем, что религиознейшею строгостью станут возбранять и наказывать все то, что совершается против Божиих повелений. Иначе он служит как человек, иначе–как царь. Как человек, он служит Богу праведною жизнью, а как царь, он совершает служение

изданием (sanciendo) законов, предписывающих справедливое и запрещающих с подобающею твердостью противное»⁵¹.

Но наказующая власть царей – власть особая, отличная от церковной, хотя тоже божественная по происхождению, имеющая свои задачи и проявляющаяся в особых, ей свойственных формах. «Сам Бог так пожелал, чтобы созданная Им власть имела свою силу, – говорит Иоанн Златоуст⁵². Ея сила – сила меча, сила внешнего принуждения. Она простирается на всех, все ей обязаны подчиняться – будь это апостол или евангелист, пророк или иной кто⁵³, – но наказывает она только нечестивых, только им она страшна. Комментируя слова ап. Павла, что власть – Божий слуга во благое (Рим. XIII, 3), Иоанн Златоуст говорит: «я советую целомудрие, и она о том же говорит чрез законъ; я убеждаю вас, что не должно жадничать и похищать, и она настаивает на том-же, но принуждая, так что она соработник мне и помощник, на это и послана Богомъ»⁵⁴. С такой точки зрения применение к религиозным преступлениям, наказаний светскою властью вполне законно. Тот-же Иоанн Златоуст высказал прямо мысль о допущении светских наказаний по отношению к еретикам. «Христос воспрещает, говорит он в 47 беседе на Евангелие от Маттея, – исторгать плевелы, чтобы, исторгая их, не истребить вместе и пшеницы. Таким образом он запрещает войны, всякое кровопролитие и убийства; и еретиков убивать значило бы водворять в мире самую жестокую и непримиримую войну. Не возбраняет Христос разгонять скопища еретиков, заграждать им уста, отнимать у них свободу, но убивать не дозволяетъ»⁵⁵. Еще определеннее высказался об отношении светской власти к религиозным преступлениям бл. Августин: «Мы учим, что человеку дана свободная воля, однако таким образом, чтобы за тягчайшие его прегрешения и божескими и человеческими законами были положены наказания с полною справедливостью; и к обязанностям религиозных царей относится наказывать со всею строгостью не только любодеяния, или убийства, или иные подобного рода пороки и преступления, но даже и святотатства»⁵⁶, – т. е. не только преступления уголовныя, но и религиозныя. В других сочинениях бл. Августин указывал на то,

что светская власть должна наказывать ереси и расколы, идолослужение и вообще всякие грехи⁵⁷, она должна заботиться о том, чтобы церкви в ее деятельности не препятствовали ее враги, как внешние, так и внутренние⁵⁸. Сами императоры «более желают набожнейшими законами исправлять ошибки нечестия и тех, кто знамение Христа употребляет против Христа, устрашением и наказанием приводить к каеолическому единству, чем оставлять их на заблуждение и гибель»⁵⁹. Значение распоряжений светской власти открывается из того, что императоры своими законами побуждают еретиков подумать о том, за что они терпят преследование, хотя непосредственно к истине и не приводят; законы являются только поводом обращения к ней⁶⁰.

Итак, светская власть является споборницей церковной власти. Там, где не действует убеждение священника, может подействовать страх уголовного наказания⁶¹, а там, где бессильны и не страшны светские кары, может возыметь силу наказание церковное⁶². Но как помощница церкви, хотя и помощница самостоятельная, власть светская должна руководиться тем-же, чем руководится и церковь, действовать в том же направлении, в каком действует и церковь. «Император внутри церкви, а не выше ее; добрый император ищет помощи церкви, а не отвергает ее»⁶³. Поэтому и его законы не должны быть выше законов Божиих⁶⁴. Как в делах финансовых государь советуется с своими чиновниками, так и в делах веры он должен советоваться с епископами⁶⁵. Говоря иначе, светская власть должна наказывать только те преступления, какия уже осуждены церковью, она должна наказывать нечестивых и не должна применять наказания к лицам благочестивым⁶⁶. Но это взгляды св. Амвросия Медиоланского – писателя западного; на востоке же не было поставлено каких-либо особых ограничений деятельности светской власти, и самый вопрос о том, как далеко должна простираться в этом деле светская власть, оставался вообще открытым, исключая разве тот пункт, что свв.отцы, как напр. Иоанн Златоуст, осуждали применение смертной казни к еретикам. Только тогда, когда на православие воздвигали гонения, свв.отцы церкви высказывались вообще

против всякого принуждения в деле веры⁶⁷. «Христианам не позволено ниспровергать заблуждение принуждением и насилием, но заповедано убеждением, словом и кротостью совершать спасение человеческое» – говорит Иоанн Златоуст⁶⁸. «Не оковами, не мечем и не вооруженной рукой проповедуется истина, но убеждением и советом. Но где может быть свобода убеждения, когда управляешься страхом императора. И какую может иметь силу совет, когда противоречащий постигается наказанием, ссылкой и смертью» – говорит другой страдалец за православие, св. Афанасий⁶⁹. Но рассуждая таким образом, отсюда не делали на востоке никаких дальнейших выводов по вопросу о наказуемости религиозных преступлений. Иначе обстояло дело на западе.

Признание за государями права активного участия в деле наказания за религиозные преступления повело к постепенному развитию теории правомерности принуждения, как средства борьбы с ересями и расколами. Принуждение не есть только атрибут уголовного наказания, полагаемого за то или иное нарушение государственного порядка, оно есть мера особого воздействия на преступника с целью заставить его переценить свои религиозные убеждения или свою жизнь. Наказание вообще есть временное или вечное лишение тех или иных благ гражданского общежития, как воздаяние за какое-нибудь преступление. Между тем по теории принуждения наказания должны группироваться так, чтобы иметь желательный конец, довершить те задачи, какие им даны. На этой теории принуждения, развиваемой Опатом Милевитским, Фирмиком Матерном и бл. Августином, выросла позднее католическая инквизиция, хотя на законодательстве восточных византийских императоров она не оставила следов. Оставляя в стороне взгляды двух первых писателей, уделим несколько внимания бл. Августину⁷⁰.

Первоначально бл. Августин не сочувствовал принуждению для внушения веры. «Мое первоначальное мнение было такое, пишет он, что никого не следует принуждать к единению со Христом, что надо действовать словом, бороться прением, побеждать убеждением, чтобы те, кого мы звали еретиками, не

оказались лжеправославными»⁷¹. Но потом он пришел к противоположному мнению. Самые факты обращения донатистов к православию под воздействием направленных против них строгих мер убедили бл. Августина в том, что страх наказания является горьким, но целительным лекарством. И в этом наказании проявляется не ненависть к врагу, а напротив любовь к нему. «Не всякий, кто щадит, друг и не всякий, кто бьет, враг. Лучше раны, нанесенные другом, чем поцелуи врага, лучше любить со строгостью, чем обманывать с нежностью»⁷². Если бы церковь предоставляла заблуждающимся оставаться в их заблуждении, то она воздавала бы им злом за зло. По отношению к заблуждающимся иногда следует принимать строгия меры. Бл. Августин поясняет это таким примером: «ведь если бы кто-нибудь увидел, что враг его, вследствие очень сильной лихорадки, стал безумным и бежит в пропасть, то не воздал-ли бы он злом за зло скорее в том случае, если бы допустил его бежать, чем в том, если бы позаботился схватить его и связать. И однако он показался бы больному в высшей степени неприятным и враждебным именно в тот момент, когда он был ему в высшей степени полезен и относился вполне милосердно»⁷³. Следовательно в отношении к еретикам и раскольникам церковь может употреблять и принуждение, лишь бы возвратить их к единению с церковью. Как в притче Спасителя господин, созывавший на ужин гостей, послал своих рабов звать их, а когда званные не пришли, то велел рабам идти на распутия и изгороди и приглашать всех встречных (*cogite intrare* – по латинскому тексту, Лук. XXIV, 22–23), – так и церковь должна побуждать ко входу (*compellere intrare*) в нее всех, кто находится на распутиях и изгородях жизни, т.е. еретиков и раскольников⁷⁴. Но узаконяя принуждение, бл. Августин не указывал частнее тех мер, какими должны принуждаться еретики или раскольники ко вступлению в церковь. С этой стороны любопытнее распоряжения, сделанные папою Григорием Двоесловом о том, как поступать с теми, кто придерживается еще идолослужения. «Мы желаем, чтобы ты таковых обратил строгостью, и если таковые суть рабы, наказывай их ударами. Если же свободные, они должны быть

приводимы к покаянию приличным одиночным заключением, так чтобы тех, кои пренебрегают здоровыми и избавляющими от вечной смерти увещаниями, по крайней мере мучения телесные могли привести к желаемому здравью души»⁷⁵. Другие же ревнители этой теории, как Опат Милевитсвий и Фирмик Матерн, даже оправдывали применение за религиозные преступления смертной казни, хотя большинство западных отцов отрицали применение за религиозные преступления этой высшей формы наказания. Если с одной стороны Фирмик призывал власти к окончательному истреблению язычников⁷⁶, если Опат смертную казнь приравнивает к поступкам Моисея, казнившего около 23 тыс. человек евреев, – Финееса, убившего любодеев, и Илии, истребившего ложных пророков⁷⁷, то с другой стороны уже Киприан Кареагенский писал: «Бог установил смертную казнь для тех, которые оказывали непокорство судиям и священникамъ; и они погибали от лезвия меча материального, пока существовало еще обрезание телесное. Но с тех пор, как началось обрезание духовное, непокорные противники погибают от меча духовного, отлучаясь от церкви»⁷⁸. Св. Амвросий также высказывается за неупотребление смертной казни ко всяким грешникам. «Всякая вина осуждается с большею строгостью, если каждый ненавидит свое преступление и начинает в себе осуждать согрешение, говорит онъ; ибо когда виновный убивается, то наказывается более лицо, чем самая вина, а там, где вина прощается, разрешение лица есть уже наказание греха»⁷⁹. Этими словами св. Амвросий комментирует слова Спасителя блуднице: иди и впредь не греши, – тогда как по закону она должна подлежать смерти. Наконец и бл. Августин был против смертной казни. Это явствует из его письма к проконсулу Апрингию, где он просит его не применять смертной казни к донатистам, а если он на это не согласен, то внести его суждения и письмо в судебные акты⁸⁰. Следовательно крайние выводы о наказании еретиков смертной казнью принадлежат лишь некоторым церковным писателям, а не крупным представителям богословской мысли в западной церкви.

Что же следует из всего вышесказанного? Отцы и учителя церкви, рассматривая светскую власть, как власть самостоятельную и божественную по происхождению, видели в заботах императоров о благе церкви их долг пред Богом, вручившим им эту власть. Предоставляя последним в этой деятельности полную свободу и самостоятельность, они желали только того, чтобы деятельность императоров направлялась ко благу церкви, а не к ее вреду, чтобы они наказывали врагов православия, а не самих православных. Не выставляя каких-либо ограничений светской власти в деле наказания ею за религиозные преступления, они осуждали лишь применение смертной казни и содействие власти признавали нужным лишь до тех пор, пока не восстанавливался церковный мир.

Глава вторая. Преступления против веры и нравственности, подлежавшие уголовному наказанию в римско-византийском праве⁸¹

Из преступлений против *веры* наказывались уголовно: а) принадлежность к недозволенным религиям; б) апостасия; в) еретичество; г) богохульство; д) прерыв богослужения; е) *serulcri violatio*; ж) волшебство; з) святотатство и и) лжеприсяга.

А) Принадлежность к недозволенным религиям.

Уголовная наказуемость принадлежности к недозволенным религиям тесно связана с религиозной политикой императоров в отношении к язычникам и иудеям. Не входя в изображение исторического хода этой политики⁸², укажем только ее заключительный вывод.

Строгия и решительные стеснения язычников, начавшиеся еще при Константине Великом, значительно усилились при Феодосии Великом, который эдиктом 385 г. запретил совершение языческих жертвоприношений, особенно гадательных⁸³, под угрозой божеских в человеческих взысканий⁸⁴. Места языческого богослужения были присоединены к государственному имуществу⁸⁵; за жертвоприношение было положено *ultimum supplicium*⁸⁶. Юстиниан особым эдиктом постановил, чтобы те, кто еще не крестился, будут ли они в столице или провинции, объявили себя – и вместе с женами, детьми, словом всем семейством, ходили в церковь и поучались там истинной христианской вере, а по научении приняли крещение. Неисполнение этого влекло лишение права владеть движимым и недвижимым имуществом, конфискацию имущества и наказание ссылкой (*ἐξορία* – *exilium*)⁸⁷.

В последующие памятники византийского права вошло лишь запрещение языческих жертвоприношений под угрозой *ἐσχάτη τιμωρία*⁸⁸, или конфискации и ссылки⁸⁹.

С неменьшею строгостью относилось византийское право и к иудеям. Оно не давало им права владеть, как *mancipium*, рабами из христиан⁹⁰; занимать какие-либо общественные или

административные должности⁹¹; запрещало жениться на христианках⁹². Как иудеям, так и самарянам было запрещено свидетельствовать на суде против христиан⁹³. О самарянах, кроме того, есть две новеллы Юстиниана, 129 и 144. Самаряне, на которых, по меткому замечанию Гиббона, «язычники смотрели, как на иудеев, иудеи, как на схизматиков, христиане, как на идолопоклонников»⁹⁴, иногда назывались еретиками. По своему юридическому положению они принадлежали к одной категории с язычниками, еретиками и иудеями. Император Юстиниан сначала (в 551 г.) хотел было уравнивать самарян с христианами, отменив многие ограничения в сфере наследственного и вещного права⁹⁵; но впоследствии, в 572 г., «нашел более правильным вернуться к древнему и прежде действовавшему по отношению к ним закону своего отца»⁹⁶.

Тот же Юстиниан самарянам, иудеям, язычникам, словом всем нехристианам запретил держать у себя рабов-христиан⁹⁷.

В позднейшем византийском законодательстве о евреях осталось общее постановление, запрещающее им, под угрозой смерти, обрезать рабов-христиан⁹⁸. Только Лев Философ сделал попытку абсолютно запретить придерживаться иудейства под страхом наказания смертью наравне с отступниками⁹⁹.

Б) Отпадение от христианской веры.

Если самая принадлежность к иудейству, или язычеству, не освобождала от воздействий со стороны светского правительства ограничительного или карательного характера, то отпадение (апостасия) должно было наказываться еще строже. Понятие апостасии, как оно выясняется в Феодосиевском кодексе¹⁰⁰, не ограничивается переходом в одно только язычество. Апостасией одинаково будет отступление и в иудейство, и в манихейство¹⁰¹. Наказания за это преступление не одинаковы. Так, за переход в иудейство Константин положил *roenas meritas*¹⁰², а Констанций конфискацию¹⁰³. Отступление в язычество по закону Аркадия и Гонория влекло лишение прав завещания и некоторых других¹⁰⁴, тогда как Юстиниан говорит:

Ставшие христианами и сподобившиеся святого и спасительного крещения, если снова окажутся впадшими в

эллинское заблуждение, подлежат крайнему наказанию (τιμωρίαις ἐσχάταις)¹⁰⁵.

И в последующее время для отступничества не было одного общего наказания. Отпадение в иудейство каралось конфискацией¹⁰⁶, в еретичество – ограничением вещных и наследственных прав¹⁰⁷, а в язычество – смертью¹⁰⁸. Смертью же, как мы видели, наказывалось и вторичное отпадение в манихейство¹⁰⁹.

Если так строго каралось отступничество, то еще строже наказывалось совращение. Напр., обычным наказанием за совращение в иудейство была смерть¹¹⁰. Смерть же влекло и совращение раба-христианина¹¹¹.

В) Еретичество.

Ересь рано была признана преступлением. Император Феодосий II отнес ее к *publicum crimen* на том основании, что «*quod in religionem divinam committitur, in omnium fertur injuriam*»¹¹². Что касается самого понятия еретичества, то оно было дано и церковным и светским законодательством. «Еретик есть, иже верою чуждъ, а иже по некоему незнаему вопрошению, той есть раскольникъ» – говорит первое пр. Василия Великого, как оно читается в Кормчей книге. Понятие о ереси дают и кодексы. В одном месте читаем:

*Haereticorum autem vocabulo continentur, et latis adversus eos sanctionibus succumbere debent, qui vel levi argumento a iudicio catholicae religionis et tramite detecti fuerint deviare*¹¹³.

Прибавим к этому еще определение еретичества, данное ими. Юстином:

αἰρετικὸν γάρ πάντα, χαλοῦμεν, ὅστις μὴ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς ὀρθοδόξου καὶ ἀγίας ἡμῶν ὑπάρχει πίστεως¹¹⁴.

Таким образом еретичество – это разномыслие в предметах веры, влекущее разрыв религиозного единения еретиков с церковью¹¹⁵. Не ограничиваясь общим определением ереси, кодекс Юстиниана поименно перечисляет все главнейшие и менее главные ереси первых четырех веков¹¹⁶, и отчасти пятого и шестого столетий. Но нужно заметить, что как в этом перечислении, так и вообще в законодательстве об еретиках не проводится строгого и последовательного разграничения ереси

и раскола, сплошь и рядом и еретики и раскольники облагались одинаковыми наказаниями, и некоторые из последних, напр. донатисты, наказывались строже, чем иные еретики. Вообще же наказания за ересь были строгия. Помимо того, что еретики были лишены многих прав гражданских, подвергались разного рода стеснениям, напр. по закону 383 г. не могли отлучаться с места своего рождения¹¹⁷, – они подлежали и уголовным наказаниям.

В законодательных памятниках римско-византийского права мы встречаем следующие наказания еретикам:

1) Смертную казнь. Она применялась к манихеям¹¹⁸; налагалась за вторичное отпадение в манихейство¹¹⁹, – за утайку сочинений Ария¹²⁰, за сокрытие евномианским духовенством книг, содержащих их лжеучение¹²¹, – за распространение евтихианства¹²². В Юстиниановом кодексе она положена для всех вообще еретиков за нарушение изданных против них постановлений¹²³.

2) Ссылку и изгнание (*deportatio et exilium*). Ссылка применялась главным образом к ересеучителям. Так, при Константине Великом был сослан Арий¹²⁴, при Θεодосие Великом – Евномий¹²⁵, при Θεодосие Младшем Несторий¹²⁶. Кроме того подвергались: а) *deportatio* те, кто стал бы писать против 4 Вселенского собора или иметь у себя, читать и переписывать изданные против него книги и сочинения¹²⁷, – б) *exilium* – кто из еретического евтихианского духовенства стал бы посвящать епископов или других клириков¹²⁸, – собирать на улицах собрания и разговаривать о предметах веры¹²⁹. В этом последнем случае *exilium* соединялось с проскрипцией. *Exilium* в соединении с денежным штрафом было назначено и за повторное крещение¹³⁰. Употреблялись *deportatio* и *exilium* и в других случаях¹³¹.

3) Проскрипцию¹³².

4) Телесные наказания по отношению к рабам¹³³.

5) Конфискацию. Θεодосий Великий в 381 г. постановил: «*Omnia loca fiscalia statim fiant, quae sacrilegi hujus dogmatis vel sedem receperint, vel ministros*»¹³⁴. Θεодосий Младший

установил конфискацию имений, принадлежавших еретикам-несторианам¹³⁵.

6) Infamia¹³⁶.

7) Денежные штрафы¹³⁷.

8) Удаление из городов и преимущественно из столиц – Рима и Византии¹³⁸.

Но все эти наказания полагаются не только за принадлежность к ереси, как она определена выше, но и за разные другие преступления, которые так или иначе связаны с ересью: напр., распространение ереси, совершение еретическим духовенством богослужения и хиротонии, созвание собраний и рассуждение на них о предметах веры, писание или только чтение уже написанных против православной веры сочинений и т. д.

Из обширного законодательства об еретиках первых христианских императоров в позднейшем Византийском праве осталось очень немного. Так, сохранило силу постановление об ограничении еретиков в сфере гражданских прав¹³⁹. Дети еретиков, переходя в православие, имели право требовать себе пропитания от своих родителей¹⁴⁰. Вторичное отпадение в манихейство наказывается смертью¹⁴¹. Бесславие постигает манихеев даже после их смерти¹⁴².

Из исторических фактов наказания ереси можно указать на наказание Иоанна Итала, который при Алексее Комнине за свои еретические суждения собором был приговорен к заключению в монастырь¹⁴³. Впрочем, обычно ересь, как преступление, стала пониматься в смысле апостасии, она слилась с этим последним преступлением.

Г) Богохульство.

Постановление о богохульстве мы находим в 77 новелле Юстиниана. В этой новелле не выдержан строго юридический тон. Самый состав богохульства, как преступления, вовсе не очерчен. Оно названо здесь непристойностью – *ἀτόλμη*. За него положено наказание – *τιμωρία ἐσχάτη*¹⁴⁴.

В последующих памятниках византийского права мы более не встречаем постановлений о богохульстве. В сохранившемся тексте Базилик этой новеллы нет. Но Винер не нашел

возможным признать, что эта новелла не была рецепирована Базиликами; напротив, он думает, что она была помещена в *LX kh.*, преимущественно трактующей об уголовном праве¹⁴⁵.

Д) Неуважение к богослужению и его совершителям. (*Turbatio sacrorum*).

За насильственное вторжение в церковь и нанесение оскорбления священнослужителю в Кодексе Феодосия Младшего положена смерть¹⁴⁶. Юстиниан несколько изменил этот закон. За нанесение в церкви не при богослужении кому-либо из священнослужителей оскорбления он назначил виновному телесные наказания и ссылку; за тоже деяние, но совершенное во время богослужения и сопровождаемое при этом ругательством над Св. Тайнами, – смерть¹⁴⁷. Это постановление Юстиниана вошло и в Базилики¹⁴⁸.

Е) Оскорбление мест погребения. (*Sepulcri violatio*).

Sepulcri violatio означает поругание всякого рода мест погребения. «*Sepulcri appellatione*, говорит Ульпиан¹⁴⁹, – *omnem sepulturae locum contineri existimandum est*». Все отдельные виды этого деликта Рейн¹⁵⁰ разграничивает на две группы:

1) повреждение надгробных памятников и 2) разрытие могил и осквернение трупов.

Первая группа обнимает а) случаи разрушения гробниц¹⁵¹, присвоения и унесения надгробных камней – мрамора, колонн и т. п.¹⁵²; б) превращение гробниц в места жительства¹⁵³; в) обмен или продажу их (*permutatio*), а равно и употребление для других целей¹⁵⁴; далее, б) стирание надписей на колоннах¹⁵⁵; г) погребение другого трупа в саркофаге, в котором один уже имеется¹⁵⁶; д) погребение трупа в чужой гробнице без разрешения ее собственника¹⁵⁷ – тоже будут составлять *sepulcri violatio*. Сюда же можно отнести и запрещение устраивать к местам гробниц сток дождевой воды (*stillicidium*)¹⁵⁸.

Вторая группа – *violatio* в отношении в самым трупам – обнимает всякия действия над трупами, как погребенными, так и не погребенными. К первому случаю будут принадлежать – извлечение из гробниц тел и повреждение последних¹⁵⁹, а равно и простое обнажение их¹⁶⁰, – наконец – похищение¹⁶¹. Ко второму – воспрепятствование совершению погребения¹⁶².

Что касается наказуемости *sepulcri violatio*, то прежде всего каждому заинтересованному лицу (*ad quem res pertinet*) предоставлялся иск – *actio in factum*, именно – *sepulcri violati actio*¹⁶³; виновный платил штраф, *quantum ob eam rem aequum videbitur*¹⁶⁴. Если же заинтересованное лицо не пользовалось своим правом жалобы, тогда предъявить иск мог всякий посторонний; это была так называемая *actio popularis*¹⁶⁵. Наказанием был тоже денежный штраф, но в определенном размере, именно в 100 ф. золота за повреждение и разрушение гробниц и 200 – за проживание в них¹⁶⁶. Ко всему этому присоединялась *infamia*¹⁶⁷. За обнажение трупов были положены – ссылка (*in insulam*) для привилегированных лиц и рудники (*in metallum damnatio*) – для непривилегированных¹⁶⁸. Похищение трупа наказывалось так же¹⁶⁹, но если оно было совершено *manu armata*, то – смертью¹⁷⁰. Повреждение трупов наказывалось смертной казнью, если виновные были *humiliores*, и *deportatio in insulam*, если – *honestiores*¹⁷¹. За разрушение гробницы рабом были назначены каторжные работы, если это было сделано им без ведома его господина, и *relegatio*, если по его приказу (*auctoritate*)¹⁷². Похищение мрамора и камней от чужой гробницы было обложено штрафом в 10 ф. золота¹⁷³. Такой же штраф влекло одно прикосновение к трупу¹⁷⁴.

Из этого, довольно обширного, законодательства о *violatio* в позднейшем византийском праве осталось только одно обнажение мертвых, которое каралось отсечением рук¹⁷⁵. Только Базилики рецепируют 12 тит. 47 кн. Пандект. Они назначают, напр., наказание за повреждение трупов, смотря по положению лица, именно – смертную казнь или ссылку на острова¹⁷⁶; за разрушение рабом гробницы – рудники или *relegatio*¹⁷⁷; за похищение с гробницы мрамора или камней – штраф в 20 ф. золота¹⁷⁸. – Лев Философ в 96 новелле раскапывание могил с целью ограбления, совершенное в первый раз, освободил от наказания; вторично же учиненное, оно влекло по новелле телесные наказания по спине и острижение¹⁷⁹.

Ж) Волшебство. (*Crimen mathematicorum*).

Волшебство означает собою знание и пользование неведомыми силами природы в каких-нибудь целях. В Римской империи и республике оно стояло в связи с самым государственным культом, который допускал, напр., птицегадание. Но уже и здесь некоторые виды волшебства, были уголовно наказуемы¹⁸⁰.

Кроме прорицательства было запрещено и занятие магией¹⁸¹.

Кроме этого запрещалось гадать о здоровье принцепса¹⁸², рабам – о здоровье своих господ¹⁸³.

Со времени христианских императоров репрессия против волшебства в его обоих формах – гадания о будущем и колдовства – приняла более решительный вид. Так Константин В. запретил обращаться к искусству магов и злоумышлять против чьего-либо здоровья или целомудрия¹⁸⁴, а Констанций воспретил прибегать к гаруспексам, назначив за нарушение этого обезглавление¹⁸⁵. Он же разрешил применение к магам и волшебникам пыток¹⁸⁶. По свидетельству церковных писателей, Тертуллиана¹⁸⁷ и Пруденция¹⁸⁸, и за колдовство наказывали тоже смертью. В Институциях Юстиниана под *Lex Cornelia de sicariis* подводится смерть от ядов, употребляемых при волшебстве¹⁸⁹. Это же мы встречаем и в Прохироне Македонских императоров¹⁹⁰. Базилики за употребление каких-нибудь снадобий в целях повредить здоровью или расположить к плотскому вожделению целомудренные помыслы назначают изгнание и конфискацию имущества¹⁹¹. Те же Базилики запрещают всякое предсказание будущего¹⁹². Подобное постановление читаем и в Прохироне¹⁹³ и в Эпанагоге¹⁹⁴. Эклога чародеям назначает усекновение мечем¹⁹⁵. Тоже наказание положено в Базиликах магам и халдеям¹⁹⁶ и в одной из Новелл имп. Льва Философа вообще чародеям¹⁹⁷. Арменопул в своем Шестокнижии останавливается на волшебстве несколько подробнее. Во-первых, подлежит смертной казни тот, кто дал другому питье, от которого произошла какая-нибудь болезнь, хилость или смерть¹⁹⁸. Во-вторых такому же наказанию подлежат все, кто чрез волшебство (*διὰ γοητείας*) будет склонять целомудренные души к похоти¹⁹⁹. В третьих наказываются

конфискацией все фабриканты так называемых амулетов (φύλαχτά)²⁰⁰, а равно и любовных напитков (φύλτρα)²⁰¹. Наконец, в четвертых, запрещается под угрозой смерти призывание демонов²⁰².

3) Святотатство.

Святотатство в римском праве передается термином *sacrilegium*. Но этот термин имеет два смысла. В обширном он обозначает оскорбление святыни вообще. В этом смысле всякое религиозное преступление есть *sacrilegium*. Такое словоупотребление этого термина довольно обычно. Так, в Феодосиевском кодексе назван *sarcilegus* не почитающий воскресного дня²⁰³, – судья, по небрежности которого кто-нибудь проникнет в капище²⁰⁴, – донатисты *sacrilege* отступили от православной церкви²⁰⁵, – *apostatum nomen* есть *sacrilegium*²⁰⁶. Прелюбодеи – это *sacrilegi nuptiarum*²⁰⁷. Оскорбление священника в храме – тоже *sacrilegium*²⁰⁸. *Sacrilegium* в этом обширном смысле определяется так:

*Qui divinae legis sanctitatem aut nesciendo confundunt, aut negligendo violant et offendunt, sacrilegium committitur*²⁰⁹.

В тесном смысле *sacrilegium* означает только кражу *res sacra* из храмов или других публичных мест. «*Sacrilegus dicitur, qui sacra legit, i. e. furatur*», говорит Сервий²¹⁰. «*Sunt autem sacrilegi*, говорит римский юрист Павел, – *qui publica sacra compilaverunt*»²¹¹. Отсюда кража из храмов вещей, принадлежащих частным лицам, не была святотатством²¹². Не считалось святотатством, хотя и наказывалось строже простой кражи, похищение *sacra*, принадлежавших частным лицам²¹³. Виновные в святотатстве наказывались по *Lex Iulia peculatus*. Этот закон формулирован так: «*ne quis ex pecunia sacra religiosa publicave auferat neveintercipiat neveinrem suam vertat*»²¹⁴. Наказанием по этому закону за святотатство была первоначально *aquae et ignis interdictio*, замененная потом *deportatio*²¹⁵. *Deportatio* не могла быть назначена менее 15 лет²¹⁶.

В позднейшем византийском праве проводится различие между святотатством, совершенным в алтаре, и святотатством,

совершенным вне алтаря в храме. За первое полагается ослепление, за второе – телесные наказания и острижение²¹⁷.

И) Лжеприсяга (Perjurium).

Присяга, как ее определяет Цицерон, есть *affirmatio religiosa; quod autem affirmate, quasi deo teste, promisseris, id tenendum est*²¹⁸. Это, так называемая, обещательная присяга – *jusjurandum promissorium*. Кроме этой присяги, в римском праве еще существовали: *j. judiciale*, *j. delatum*, иначе *j. necessarium*, *j. voluntarium*, *j. in litem*. *Perjurium* относилась не во всем этим видам присяги. Цицерон говорит: *non falsum jurare perjurare est, sed, quod ex animi tui sententia juraris...*, *id non facere perjurium est*²¹⁹. Таким образом лжеприсяга может быть только по отношению к *jusjurandum promissorium*. В законодательстве Юстиниана *perjurium* имеет место и при других видах присяги.

Как же наказывалась лжеприсяга?

В древнейшем римском праве она была ненаказуема: *perjurii poena divina exitium, humana dedecus*²²⁰. В начале республиканского периода по закону XII таблиц наказывал за лжеприсягу цензор²²¹. В императорский период *perjurium* облагается уже наказаниями уголовными. Сначала наказывалось только то *perjurium*, в котором присяга была произнесена *per genium principis*. Виновный в этом случае подлежал *fustibus castigatio*, при чем во время наказания ему приговаривали: *πρότῃς μή ὀμνυς* – *temere ne jurato*²²². Затем стала наказываться лжеприсяга и в других случаях²²³.

Христианские императоры *perjurium* обложили *infamia*²²⁴, которая соединялась с лишением некоторых процессуальных прав – права жалобы и иска²²⁵.

В позднейшем византийском праве за лжеприсягу виновный наказывался отрезанием языка²²⁶. Базилики рецепировали постановление Юстиниановского кодекса об *infamia*²²⁷ и Дигест о наказаниях телесных²²⁸. Подробно о клятвопреступлении говорится в Номоканоне Фотия²²⁹.

Из преступлений против нравственности мы рассмотрим только следующие виды: а) прелюбодеяние, б) непотребство и в) кровосмешение.

А. Прелюбодеяние.

Исходным пунктом всего римского законодательства о прелюбодеянии является Lex Iulia de adulteriis coërcendis, изданный при Августе²³⁰ в 18 г. до Р. Х. Этот закон сохранял свою силу на много столетий. Содержание этого закона таково: «ne quis posthac stuprum adulterium facito sciens dolo malo»²³¹. След., этот закон относится не только к adulterium, но и к непотребству (stuprum).

Состав прелюбодеяния, как оно определялось Lex Iulia de adulteriis, имеет ту особенность, что для наличности преступления безразлична форма брака: было-ли matrimonium justum или injustum, а отсюда и uxor justa или injusta, прелюбодеяние одинаково имело место²³². Даже неверность конкубины jure extranei рассматривалось, как adulterium²³³. «Наес lex ad omnia matrimonia pertinet», говорится в Пандектах²³⁴. Прелюбодеяние не могло иметь места только к тем женщинам, quae publicae mercibus vel tabernis exercendis procurant²³⁵, – а также по отношению к рабе. В этом случае к виновному мог предъявиться иск или по Lex Aquilia actio injuriaе, или же actio de servo corrupto²³⁶.

Прелюбодеяние может иметь место только там, где между адультером и адультерой нет ни кровных, ни родственных по браку отношений. Со стороны того и другого необходим dolus malus, по крайней мере в форме знания о существовании нарушаемого брачного союза. «Adulterium sine dolo malo non committitur», говорят римские юристы²³⁷. На ряду с главными виновниками по Lex Iulia наказывались и подстрекатели (qui suavit)²³⁸.

До Lex Iulia прелюбодеяние считалось delictum privatum и, как таковое, подлежало judicium domesticum²³⁹ и судье, разбиравшим штрафы de moribus, de re uxoria²⁴⁰. Adulter подвергался мщению со стороны оскорбленного мужа или отца²⁴¹. Захваченную в прелюбодеянии жену муж мог убить безнаказанно, но она его пальцем тронуть не смела²⁴².

Lex Iulia de adulteriis, сделавши прелюбодеяние delictum publicum, однако предоставил отцу (pater familias) право мести по отношению к adulter'у своей дочери²⁴³. Filius familiae уже не

мог убить adulter'a своей дочери²⁴⁴. Супруг мог убить только захваченных в прелюбодеянии с его женой infames – вольноотпущенников и рабовъ; жену же убить не имел права²⁴⁵.

Что касается публичных наказаний за прелюбодеяние, то по свидетельству юриста Павла уличенные в прелюбодеянии женщины лишаются половины приданого и трети их доходов и подлежат ссылке на острова; а мужчины также наказываются relegatio in insulam и лишением половины доходов на время ссылки²⁴⁶.

Кроме наказания прелюбодеяние влекло и лишение некоторых прав. Так, адультера лишалась права вторично вступить в брак²⁴⁷, adulter, если он был в военной службе, лишался права долее в ней оставаться²⁴⁸. Ни он, ни она не имели права быть свидетелями²⁴⁹.

С большею строгостью посмотрели на прелюбодеяние христианские императоры.

Уже Константин В. приравнял его к убийству и волшебству и назначил за него смерть²⁵⁰, вероятно, впрочем, адультеру²⁵¹. Смертная же казнь была назначена за прелюбодеяние госпожи с своим рабом²⁵². Наказание за прелюбодеяние смертной казнью осталось вплоть до Юстиниана²⁵³, который оставил в силе законы Константина касательно прелюбодеяния²⁵⁴. Виновная в прелюбодеянии жена, по законодательству Юстиниана, – помимо того, что ее муж был в праве потребовать кроме данного ей брачного дара еще 1/3 часть приданого, если не было детей²⁵⁵, подлежала заключению в монастырь²⁵⁶.

В позднейшем византийском законодательстве наказание смертью за прелюбодеяние было отменено, а вместо него было велено прелюбодеев, после телесного наказания и острижевия волос, наказывать еще вырыванием ноздрей²⁵⁷. При этом византийским правом проводится различие между прелюбодеем, имеющим жену, и прелюбодеем холостым²⁵⁸. Первый наказывался вдвое строже второго. Наказанию за прелюбодеяние не подлежали лица, имевшие сообщение с женщиной, уже не раз прелюбодействовавшей с другими²⁵⁹.

Говоря о наказании по отношению в прелюбодее, мы должны указать, что памятники позднейшего византийского

права выделяют в особый вид прелюбодеяние женатых лиц с рабынями своими²⁶⁰ и чужими²⁶¹. Наказанием за это преступление служили частью телесные наказания, частью денежные пени.

Помимо этих наказаний уголовного характера в отношении к прелюбодею сохранились до последнего времени следы самосуда. Так, не считался убийцею муж, убивший прелюбодея своей жены на месте преступления²⁶². Но эти права мести ограничиваются только мужем и отчасти отцом²⁶³, т. е. как раз наоборот, чем это было определено *Lex Iulia de adulteriis*.

Как же наказывалась участвующая в прелюбодеянии жена? Относительно этого говорится в Эклоге и Шестокнижии Арменопула. Оба эти памятники указывают наказание за прелюбодеяние вообще, тогда как в Прохироне и Эпанагоге предусматривается только случай прелюбодеяния женщины с своим рабом²⁶⁴. По Эклоге обоим участникам прелюбодеяния назначается одинаковое наказание²⁶⁵. Арменопул следует в данном случае 32 новелле Льва Философа²⁶⁶, где к прелюбодейце впервые применено вырывание ноздрей, и где, кроме того, положено сохраненное со времен Юстиниана заключение ея в монастырь²⁶⁷. Прибавим в этому, что оскорбленный супруг имел право на приданое своей жены.

Попустительство мужа прелюбодеянию своей жены византийскими завовами наказывается обрезанием носа²⁶⁸.

Б. Непотребство (Stuprum).

Объект непотребства определяет Модестин: «*stuprum in vidua, in virgine, in puero committitur*»²⁶⁹. Отсюда и *stuprum* может быть двух видов: 1) *stuprum cum femina* и 2) *stuprum cum masculo*.

1.

Непотребство с женщиной.

Непотребство с женщиной, как преступление, требует для своего состава некоторых условий. Женщина, с которой совершено преступление, должна быть свободной и незамужней. Непотребство по отношению к рабе рассматривалось, как *injuria*, и взыскивалось исками – или *actio legis Aquiliae* или *actio de servo corrupto*²⁷⁰. Непотребство с

замужней или конкубиною другого лица было прелюбодеянием. В самом деянии непотребства важно было то, что оно не было ни браком, ни конкубинатом, а внебрачным половым сожитием²⁷¹. Наказанием за *stuprum*, по крайней мере некоторые виды его, до *Lex Iulia de adulteriis* служила *multae irrogatio*²⁷²; *Lex Iulia* назначает для непривилегированных преступников телесные наказания в *relegatio*, а для привилегированных – конфискацию половины имущества²⁷³. Обольщение же наказывалось смертью²⁷⁴. Случаи насильственного непотребства относились или к *injuria* или к *vis*²⁷⁵ и карались *aquae et ignis interdictio*, в редких случаях смертью²⁷⁶.

В позднейшем византийском праве непотребство с женщиной имеет следующие виды: непотребство добровольное, растление малолетней, растление чужой невесты, блуд с женщиной, давшей обеты девства, непотребство незамужней госпожи с своим рабом.

Добровольное непотребство – это случаи, когда сама, еще непорочная, девушка (ή χόρη παρθένος) дала согласие на сожитие, но без ведома родителей. Виновный мог покончить дело или браком, если родители на это были согласны, или же должен был уплатить определенную сумму денег (один литр золота), а если он был беден, то подвергался телесным наказаниям и острижению²⁷⁷.

Насилие над девушкой, соединенное с растлением ея, наказывалось вырыванием ноздрей²⁷⁸. Так же каралось и растление малолетней, не достигшей еще 13 лет²⁷⁹.

Растление чужой невесты (μνηστή) каралось, как и изнасилование, вырыванием ноздрей, хотя бы она сама и изъявила согласие на непотребство²⁸⁰. Наконец квалифицируется как непотребство: 1) соитие с женщинами, давшими обеты девства: монахинями, аскетессами, діакониссами²⁸¹. Оба виновные в этом случае наказывались одинаково вырыванием ноздрей²⁸²; 2) блуде незамужней женщины с своим рабом²⁸³.

Эти виды непотребства Арменопул дополняет еще одним – непотребством ремесловым (проституцией), за что виновная

каралась $\chi\omicron\upsilon\rho\acute{\alpha}\ \chi\alpha\iota\ \rho\omicron\rho\lambda\eta$, а участвующий с ней в непотребстве мужчина штрафом в пользу казны²⁸⁴.

2.

Мужеложство.

(Nefanda tabido)

Хотя педерастия явилась в Риме довольно рано²⁸⁵, но законодательство о ней появляется сравнительно поздно. Первый закон относительно ея –это Lex Scantiniana или Lex Scatiniana, о котором упоминают как языческие, так и христианские писатели²⁸⁶. По этому закону за педерастию полагался штраф – аесем millia aeris²⁸⁷. С появлением Lex Iulia de adulteriis педерастию стали рассматривать, как stuprum²⁸⁸, и виновного наказывать ссылкой²⁸⁹. Насильственное мужеложство наказывалось смертью²⁹⁰, причем оно подводилось под Lex Cornelia de sicariis²⁹¹. Склонение к педерастии несовершеннолетнего мальчика (puer praetextatus) посредством подарков или денег наказывается наравне с обольщением, т. е. оконченное – смертью, не оконченное – deportatio in insulam²⁹².

Христианские императоры за педерастию назначили смертную казнь в двух формах: 1) усекновения мечом²⁹³ и 2) сожжения²⁹⁴. Юстиниан мужеложству посвятил Nov. 141, хотя и не дал определенной санкции на это преступление.

В позднейших памятниках Византийского права мужеложство каралось усекновением мечом²⁹⁵, а скотоложство (ἀσέλγεια) отрезанием детородного уда²⁹⁶.

В. Кровосмешение (Incestus).

Кровосмешение, incestus, в римском праве было двух родов: incestus juris gentium и incestus juris civilis. Первое означает кровосмешение между родственниками восходящих и нисходящих линий²⁹⁷ и ближайших боковых, напр. между братьями и сестрами²⁹⁸, между дядей и племянницей²⁹⁹. Второе относится к родству, вытекающему из matrimonium juris civilis. Это различие двух видов кровосмешений не было санкционировано законом, а лишь было усвоено юристами³⁰⁰.

В праве республиканского Рима incestus наказывалось смертной казнью: incestus pontifices supremo supplicio sanciunto³⁰¹. Формою этой казни была praecipitatio de saxo

Tarpejo³⁰². После появления Lex Iulia de adulteriis кровосмешение стали делить на три вида: 1) кровосмесительный брак. Он законным не признавался, и дети, рожденные в этом браке, считались незаконными. Виновные в этом оба лица карались levius, если брак был совершен palam, gravius, если – clam³⁰³. 2) кровосмесительное прелюбодеяние, когда кто-нибудь имел сношение с замужней родственницей. В таком случае для мужчины наказанием была ссылка, а женщина судилась, как adultera³⁰⁴. 3) кровосмесительное непотребство, т. е. сношение с незамужней родственницей. Для виновного в этом преступлении полагалась частью deportatio in insulam³⁰⁵, частью – relegatio³⁰⁶. Эта схема деления кровосмешения не была сохранена в последующее время. Дальнейшие узаконения касаются преимущественно брачных видов кровосмешения.

Христианские императоры к кровосмешению отнеслись со всею строгостью. Так, Констанций и Констант угрожают за него смертью³⁰⁷; Аркадий и Гонорий эдиктом 396 г. отменяют это постановление, ограничиваясь только конфискацией приданого и лишением виновных права завещания, при чем заключенный ими кровосмесительный брак считался недействительным³⁰⁸.

Юстиниан за кровосмесительный брак положил следующие наказания: ссылку, лишение должностей, конфискацию имущества и (для viles) телесные наказания³⁰⁹.

В позднейшем византийском праве за кровосмешение положено 1) усекновение мечем, если кровосмешение имело место между родителями и детьми, или братьями и сестрами; 2) телесные наказания,стрижение и вырывание ноздрей: а) в случаях соития отца с невесткой, сына с мачихой, вотчима с падчерицей, дяди с племянницей и наоборот; б) в случае сношения с двумя родственными между собою лицами, напр., двумя сестрами, матерью и дочерью³¹⁰; 3) только телесные наказания – за кровосмешение в таких комбинациях родства: а) между двоюродными братьями и сестрами; б) между отцом и матерью, сыном и дочерью; в) между двумя братьями и двумя сестрами; г) между двумя братьями и матерью и дочерью; д) между племянником и вдовою дяди; е) между дядей и вдовой племянника³¹¹.

Во всех этих случаях кровосмешения видную роль играет церковно-гражданское законодательство о родстве, как препятствии к браку.

Часть вторая. Преступления против веры и нравственности в истории русского права.

Глава первая. Преступления против веры и нравственности по русскому до-Петровскому праву.

1. Подсудность и наказуемость религиозных преступлений в до-Петровской Руси.

§ 1.

Впервые с религиозными преступлениями в праверусском мы встречаемся в известном уставе св. Владимира. Этот устав, определяя положение новой, христианской религии в современном государственном быту, между прочим, устанавливает юрисдикцию церкви и по религиозным преступлениям. Два пункта в этом факте заслуживают особенного внимания.

Первый пункт был уже не однажды отмечен исследователями, – это именно резко бросающееся в глаза влияние 1) Византийского права и 2) закона Моисеева на устав св. Владимира. Неволин почти все содержание устава сводит к закону Моисееву. Так, по его взгляду, источником запрещения

а) идолослужения – служат 2 Моис. XX. 2. 3 (Кормч.ч. 2 л. 64), 3 Моис. XXIV. 10–16. (Кормч. ч. 2л. 64 об.), 5 Моис. XIII, 13–18, XVII, 2–5, XXVIII, XXIX, XXXII и пр.;

б) волшебства – 3 Моис. XIX. 26. 31 (К. ч. 2 л. 72); XX, 6 (К. ч. 2 л. 72). 23. 27; 5 Моис. XIII, 2–6, XVIII, 9–22 и пр.;

в) неблагопристойной защиты мужа женою – 5 Моис. XXV, 11–12 (Кор. ч. 2 л. 68 об.);

г) блуда и прелюбодеяния – 2 Моис. XXII, 16–17. (К.ч. 2. л. 69), 3 Моис. XIX, 20, 22, 29. XX. 10(К. ч. 2 л. 69 об.); XXI, 9 (К. ч. 2. л. 69 об.). 4 Моис. V, 11–31; 5 Моис. XXII, 23–27. (К.ч. 2 л. 69);

д) упрека в незаконном сожитии – отчасти 4 Моис. V, 11–31, 5 Моис. XXII. 13–21 (К. ч. 2. л. 68);

е) неестественных пороков – 3 Моис. XVIII, 22, 23; XX. 13. 15–16 (К, ч. 2 л. 69 об., л. 71); 5 Моис. XXVII. 21³¹².

Другие ученые указывают, как на источник устава св. Владимира, на так называемый Закон судный людем. Так, «смильное заставание» К. Мысовский понимает, как блуд, и источник этой статьи указывал в подробной редакции закона судного³¹³.

Проф. Суворов, под словом «смильное» понимая жалобы жен на мужей, живущих в любовной связи, источник ея указывает к 4 и 5 ст. Закона судного по его краткой редакции³¹⁴. О неестественных пороках в уставе св. Владимира (в подробной редакции) могла идти речь также под влиянием Закона судного³¹⁵. Равным образом, и «мертвецы сволочать» могли взяться из статьи Закона судного: «иже совлачит мертвеца во гробе»...³¹⁶

Правда, не все преступления, упоминаемые уставом Св. Владимира, могут быть сведены к статьям закона судного людям и закону Моисееву. Некоторые статьи образовались уже на русской почве, как то: зубояжа, крест посекут, на стенах режут. Но относительно этих последних статей возможно допустить предположение, что они были вводными статьями, лишь с течением времени включенными в первоначальную, основную редакцию устава св. Владимира, которая была не туземного характера. Нам представляется, что криминальное право устава св. Владимира, в его первичной, по своему характеру византийской, редакции, еще нельзя считать правом русским, хотя бы с рецепцией византийской догмы. Мы вполне соглашаемся с В. Сокольским, что рецептированное право есть *новое* право, так что «чужое (т. е. рецептируемое) право есть только один из элементов сложения новой формации права»³¹⁷. Поэтому, криминальное право устава св. Владимира есть право чисто византийское, по отношению же к Руси оно есть право, так сказать, *идеальное*, нормы которого только хотели ввести в русскую жизнь, сделать их правом действующим.

Хотя практическое применение этих норм, как увидим ниже, представило большия отклонения от чистой византийской догмы, тем не менее оно дало сильный толчек русскому праву, заставило последнее сделать ряд новых правоопределений.

Второй важный пункт в факте установления церковной юрисдикции по религиозным преступлениям составляет факт двойственности функций церковного суда. Так как в эту эпоху церковь вообще ведала не одно дело спасения душ, а на нее было возложено много чисто земных забот, близко подходящих к

задачам государства³¹⁸, то, в частности, и в сфере суда церковь выступает в двоякой роли: церковный суд с одной стороны является институтом чисто церковным, с другой стороны судом, аналогичным суду светскому, только в пределах определенной компетенции.

Как церковное учреждение, древне-русский церковный суд располагал целым рядом дисциплинарных мер, а как суд с криминальной компетенцией, до некоторой степени даже заменяющий суд княжеский, церковный суд своими задачами и своею деятельностью сближался с задачами и деятельностью княжеского суда, с практикой последнего согласовал и свою практику. Его решения, как только церковного суда, имели обязательность условную, создаваемую согласием виновного члена принять церковное наказание, а его решения, как суда с криминальной компетенцией, были обязательны безусловно, и, можно думать, допускали принудительное исполнение князьями или их властями. Эта особенность организации древне русского церковного суда должна была отразиться и на наказуемости религиозных преступлений.

Так как в Византии подобные деяния запрещались и церковными канонами, и уголовными законами, то для первых русских иерархов, которые в большинстве были из греков, могло представляться делом вполне естественным отдавать по желанию предпочтение то той, то другой функции, иначе говоря – пользоваться то чисто-церковными наказаниями, то прибегать к криминальным или же и одновременно осуществлять в церковном криминальном суде обе его функции, т.е. одновременно назначать за религиозные преступления наказания двоякого рода, – церковные, как за церковные преступления, и уголовные, как за уголовные.

Это сделать можно было тем легче, что подобный пример был налицо. Как известно, в краткой редакции Закона судного людем –юридической компиляции болгарского происхождения – за каждое преступление полагалось двоякое наказание: и по закону церковному, и по закону людскому. А эта (краткая) редакция Закона судного людем встречается уже в древнейшем номоканоне, известном на Руси, именно в Схоластиком³¹⁹. О

подобной практике двоякого наложения наказания церковного и криминального свидетельствуют некоторые статьи устава Ярослава. Но подобное воздействие норм Закона судного на русскую судебную практику должно было встретиться с целым рядом препятствий, которые затрудняли применение церковных и уголовных наказаний в точном соответствии с постановлениями Закона судного.

На первых порах христианства на Руси, когда юные христиане еще не достаточно окрепли в вере, они могли очень часто погрешать против веры и нравственности христианской. Почти каждый новокрещенный мог оказаться, по неведению, слабости или иным причинам, тяжким грешником и преступником, заслуживающим по строгой букве византийской догмы суровых наказаний. Но не говоря уже про то, что строгое применение буквы закона к подобным грешникам было бы не рационально, оно не могло иметь места и по другой причине. Дело в том, что всякое противозаконное деяние, раз оно совершается почти постоянно и носит массовый характер, совершенно парализует действие закона, и запретительные нормы остаются почти пустым звуком. Борьба с преступником, тогда только возможна, когда он одинок, когда самое его деяние есть исключение из обычных фактов. Раз этого нет, строгий закон должен неизбежно быть смягчен, чтобы стать действующим правом. Видоизменение строгих норм неизбежно. В приложении к древнейшему праву на Руси это одинаково можно сказать как о церковных, так и об уголовных наказаниях. О том и о другом скажем отдельно.

Первоначально число епархий было не велико: оне были обширны, и епископу было не возможно иметь самому надзор за юными, а потому и неустойчивыми членами церкви. Отсюда и надзор за поведением их, а равно и известную степень дисциплинарной власти должен был получить приходский священник в пределах своего прихода. Его дисциплинарная власть связывалась с исповедью и была довольно обширна. В одном древне-русском святительском поучении новопоставленному священнику читаем: «А доуховные дети оучи, исправляй по мере грехов, запрещай, епитимию давай,

отлоучай; непокорника, в грехы въпадающа от церкви отлоучи, от себе отжени, дѡндеже обратиться к тебе»³²⁰. Но имея широкую покаянно-дисциплинарную власть, пресвитер должен ею пользоваться осмотрительно. «Разумейте, читаем мы в другом поучении, – како держати дети духовные ни слабо, да не лениви будутъ, ни жестоко, да не отчаются, не дару деля прашающе, ни взятыя ради горко наскакающе. Разумейте, кого отлучити от тела и крови Господни, кого ли от оглашенных, на колико ли время»³²¹.

Из этих слов мы видим, что дело духовного наказания – такое дело, которое должно согласоваться с индивидуальными свойствами и качествами каждого отдельного лица. А потому и общия нормы покаянной дисциплины имеют условный характер: ими определяются только высшия меры того наказания или эпитимии, какую должен понести грешник за свое согрешение. Условиями, какия влияют на размер наказания, являются: 1) искреннее покаяние: «а иже кто покается, говорить одно поучение, – не мозите тяжки заповеди дати»,³²² 2) общее состояние кающагося. Тот же автор изданного Павловым сочинения говорить: «а еже о брашне и питыи, а то по человеку рассуди, как боудеть: оже боудеть крепок, се болшу заповедь дати ему, да нь токмо греха избудеть, н и венча добоудеть; паки ли кто слаб, а лъжьшю заповедь дайте, отъ в отчаяние не въпадетъ»³²³. Он же в другом месте говорить: «а сиротам не мозите великой опитемыи дати»³²⁴. Епископ Нифонт на вопрос Ильи: если кто-нибудь кается, а грехов у него будет много, – отвечает в таком смысле, что ему нельзя тогда же дать продолжительную эпитимию, «н что любо мало, да оли тому обоучаться; тоже придавати по малоу, а не велми стягчати емоу»³²⁵.

Наконец, 3) влиял на размер эпитимии и самый вид преступления, равно и способ совершения последняго. В чем же состояла самая эпитимия? Эпитимия, какую несли по суду своего духовного отца кающиеся, имела две стороны; она состояла 1) в лишении грешника некоторых христианских благ и во 2) в совершении им некоторых определенных подвигов. Первый признак, так сказать, отрицательный, второй –

положительный. Со стороны отрицательной эпитимия означала прежде всего лишение приобщения тела и крови Христовых³²⁶. Лишение приобщения было большею частью временным, до исполнения кающимся срока эпитимии. Но при тяжелой болезни дать св. Причастие дозволялось, хотя бы срок эпитимии и не исполнился. В случае выздоровления кающийся, однако, должен был исполнить не выполненную им часть эпитимии: «Аже кто болен покается, а боудеть при смерти, дайте причащение любо си и велми грешень; даже (= а если) ся изболит (т.е. выздоровеет), а тъгда дайте им опитемью»³²⁷. Но если покаяния со стороны грешника не последовало, то ему не должно и давать Св. Причастие. «А которого человека, говорить М. Киприан, – отец душевный не благословить за его непослушание, а он живет лета, а не знается, ни кается, а придеть к смерти, да и так не кается, не достоить ему дати святого причастья а почнет каатися пред смертью и плакати, исповедаа своя вины, ино прияти его в покаяние и причастие дати ему»³²⁸.

Кроме лишения права причащения, грешника лишали права давать в церковь какие-нибудь дары и приношения, напр. просфоры³²⁹ или свечи³³⁰, лишали иногда права целовать крест и св. мощи³³¹, лишали и самого входа в храм («от церкви отлучение»)³³². Кроме того особенно непокорных пресвитеры могли даже вовсе отлучать от церкви. Такой отлученный становился, «яко язычник и мытарь»³³³. Самое отлучение называется «совершенным отлучением»³³⁴, «совершенным осуждением»³³⁵, а еще чаще «проклятием»³³⁶. Выясняя каноническое значение проклятия духовников, Киприан пишет: «Не весте ли писание, глаголющее, яко аще плотьских родитель клятва на чада чадом падает, колми паче духовных отец клятва и та сама основания подвижет и пагуби предаеть?»³³⁷.

Лишение грешника каких-нибудь из указанных прав однако еще не исчерпывало всего содержания эпитимии. Лишаясь того или другого права, грешник должен был заслужить получение этого права своим раскаянием и какими-нибудь положительными подвигами. Только после этих подвигов он

могь получить разрешение от грехов и епитимии и право причащения, приношения в церковь просфор и свечей, церковного входа. Для получения всего этого прежде всего грешник должен был принести покаяние. В одном древнем «Поучении духовника исповедающимся» это покаяние определяется так: «покаяние же не ино что есть, н въздыхание и слъзы и троуд, и еже зазирати себе исмерити душу свою постъмь и бдениемь и молитвою»³³⁸. В этом уже определении указываются положительные элементы церковной епитимии; это именно – пост и молитва. Это и есть то, что называется в некоторых памятниках «заповедью»³³⁹. Пост был одним из самых употребительных, излюбленных средств покаянной дисциплины. Его прежде всего имеют в виду, когда хотят наложить епитимию. Иногда термин епитимия и не определяется ближе и точнее, если под ней разумеется пост³⁴⁰. Что касается исчисления поста, то в счет срока епитимии не входили обыкновенные церковные посты, напр. четьредесятница. «А говение есть всем крестьяном равно, акы покаальником, тако непокаальником, да того деля не чтетъся в опитемью»³⁴¹. Срок поста был не одинаков. Руководством пресвитерам в этом деле, кроме личного опыта и индивидуального состояния кающегося, служили древние епитимийники. Широкое распространение в древней Руси Постникова номоканона в его различных редакциях и разнообразных, вариациях этих редакций указывает на то, что нормы этого номоканона были образцом покаянно-дисциплинарной практики древне-русской церкви³⁴². Согласно этому номоканону (в его редакциях, образовавшихся на Руси), напр. за блудодеяние пост полагался два года³⁴³, за прелюбодеяние три или два года³⁴⁴, за кровосмешение 2 года³⁴⁵, за гробокопательство один год³⁴⁶, за чародеяние и потвори – три года³⁴⁷ и т.д. Пост обыкновенно соединялся с поклонами. Так, за прелюбодеяние, кроме двухгодичного поста, грешник должен был класть ежедневно по 100 поклонов, за гробокопательство число поклонов такое же, за чародеяние только 50 поклонов в день и т.д. Иногда, впрочем, «молитва и моление» имели и самостоятельный характер «заповеди», а не дополнения только к посту³⁴⁸. В назначении срока епитимии

образцом и руководством служили иногда и начала соборных святоотеческих правил, напр. Св. Василия Великого, а не одне только нормы номоканона, известного с именем Іоанна Постника³⁴⁹.

Как применялись на практике все эти церковные нормы, насколько было точно соответствие русской практики касательно срока епитимии за то или другое прегрешение с этими нормами, ответить на это мы затрудняемся. Но мы можем по крайней мере определить те преступления, на какия распространялась покаянная дисциплина. Так, в канонических ответах Іоанна II запрещается употреблять в пищу удавленину (ст. 3), запрещаются уклонения от исповеди (ст. 5), двоеженство (ст. 6), волхвования и чародеяния (ст. 7), браки смешанные (ст. 13), совершение языческих обрядов (ст. 15), кровосмесительные браки (ст. 23), общения в еде с иноверцами (ст. 28).

В других памятниках мы встречаем епитимию за прелюбодеяние³⁵⁰, блуд³⁵¹, трибацию³⁵², языческие обряды³⁵³.

В святительском поучении новопоставленному священнику мы читаем: «не принеси приноса в божии жертвник ѿ неверных, ни ѿ еретик, ни ѿ блудник, ни прелюбодеи, ни ѿ татии и разбойник и грабитель, и властель немилосерд, пи ѿ кърчемника, и резоймьца, ротника и клеветника, поклепника и лжи послоуха, вълхва и потворника, игырца и злобника или томя челядь свою гладьмь и ранами: кто боудеть ѿ таковых, а не покаются, не емли оу них приноса»³⁵⁴. В другом поучении читаем: «Блюдете же и чад ваших родившихся ѿ вас, да до жены не осквернаться блудом и девица до мужа»³⁵⁵. Все эти места, если читать их в контексте, говорят только об епитимии, налагаемой по суду духовного отца, т.е., употребляя термин католического церковного права, о *forum internum*.

Участие епископа в покаянной дисциплине имело тогда только место, когда виновный и обличаемый священником упорствовал в своем грехе: «аще ли кто противиться вашему правоверью, читаем в епископском поучении собору священников, – мьне поведайте: аз обличю и и ѿ церкви ѿжену»³⁵⁶.

С другой стороны в церковной дисциплине в древней Руси имели значительное применение наказания светского характера. В Законе судном людем, уголовное право которого заимствовано, с некоторыми, впрочем, изменениями, из Эклоги, практиковались денежные пени (Слав. Корм. ч. 2, гл. 46, гл. 5 и 9), членовредительные (гл. 6, 7, 12) и телесные наказания (гл. 14, 25, 29), продажа (гл. 10, 11, 25, 28), изгнание (гл. 9. 29) и даже смертная казнь (гл. 16). Но применение всех этих наказаний судом церковным, который есть суд любви и милости, было делом, не отвечающимъего идее и основному характеру. Это с одной стороны, а с другой – в первоначальную эпоху христианства русскому уголовному праву были неизвестны еще ни телесные, ни членовредительные наказания. Христианство появилось в ту эпоху, когда родовая месть уступала свое место системе выкупов. По тем данным, какие встречаются в Русской правде, видим, что родовой мести уже Ярославом создаются ограничения: в случае убийства, напр., могли мстить только определенные лица, именно брат за брата, сын за отца, отец за сына, племянник за дядю (Ак. сп. ст. 1). А сыновья Ярослава и вовсе отменили месть («отложиша оубиение за головоу, но коунами ся выкоупати» – Кар. сп. ст. 2). С этого времени денежные пени получают особенно широкое распространение. Всякое преступление сводится к понятию вреда, материального или нематериального, частного или публичного, и всякий вред допускает материальное возмещение, в форме штрафа, композиций. – В виду этого применение на церковном суде наказаний, упоминаемых в законе судном, употреблялось только отчасти и было поставлено в рамки местных условий.

В Никоновской летописи рассказывается о двух случаях наказания еретиков заключением в *темнице*. Первый случай относится к XI в., а другой к XII³⁵⁷. Но наши криминалисты отрицают существование на Руси тюремного заключения, как наказания в древнейшую эпоху до Судебника царя Ивана III. Так Неклюдов говорить, что «старинное наше законодательство совершенно не знало тюремного заключения, как самостоятельного наказания. Одна статья, встречающаяся об этом предмете в Уставе Ярослава оземских делах

«сквернителям творяй стража и мечем усечени будутъ» – подтверждает сказанное и дает повод думать, что законодательство знало тюрьму только, как место, предохранительное от побега для обеспечения исполнения над преступником наказания»³⁵⁸. Точно также и И.Я. Фойницкий выражается, что «уже в княжеской Руси мы встречаем заключение в порубы, или погреба, но не в качестве наказания, а в значении меры предварительного или гражданского заключения (договор 1195 г. ст. 13, договор 1229 г., ст. 8 и 9)»³⁵⁹. То же повторяет и Н.С. Таганцев³⁶⁰. А между тем в указанных статьях летописи говорится о заключении в темнице, как о наказании. Следовательно, здесь мы видим одну из попыток проведения в русское право византийских наказаний. Весьма возможно, что эти темницы были тоже не более, как погреба архиерейских домов. – Часто-ли применялось это наказание? На том основании, что устав Ярослава не знает этого наказания, можно думать, что оно не привилось, и наказание темницей двух еретиков было не общим правилом, а лишь редким исключением. Таким же редким исключением было и применение членовредительных наказаний, которое имело место по отношению к Суздальскому епископу Θεодорцу. Обычным криминальным наказанием в церковном суде стали денежные пени. Но чтобы отчетливее представить себе то место, какое в русском церковном праве заняли денежные пени, и выяснить причины этого явления, сначала мы должны рассмотреть, в каком виде существовал институт денежных пеней в средневековом католическом праве.

И в церквах запада денежные пени появляются, как заимствование из права народного. Народному праву германцев денежные пени знакомы так же давно, как и месть, или лишение мира. Но вообще пени следуют за местью и являются заменой лишения мира. Денежные пени обеспечивают мир преступнику и предотвращают месть. Вместе с тем, они иногда являются наказанием в собственном смысле, особенно за маловажные проступки. Отсюда денежные пени тройного рода: 1) *Busse*, 2) *Wehrgelde* и 2) *Freidensgelde* (*Fredum*). *Busse* – это денежный штраф, как наказание. *Wehrgelde* – денежный штраф, как выкуп.

Fredum –денежный штраф, как покупка мира³⁶¹. Общераспространенность этого института, который мог заменять почти все наказания, делала возможным перенесение его в сферу церковного права.

В собственноцерковном праве Запада денежные штрафы являются в двух видах: 1) как выкупы (redemptiones), заменяющие несение эпитимии и 2) как самостоятельное наказание.

Как выкупы, денежные пени появляются главным образом в пенитенциалах. Старейшие из пенитенциалов – это ирландской группы³⁶². А в Ирландии возникновению системы выкупов, помимо торжества идеи воздаяния, лежавшей в основе церковных и светских наказаний, не мало способствовало, как доказывает В. Сокольский, и то обстоятельство, что «светский и церковный суды очень часто отправлялись одними и теми же органами. А именно в те времена, когда христианство стало распространяться в Ирландии, у кельтических племен, населявших эту страну и не перешедших еще от родовой к политической организации общества, не существовало правильно организованной судебной власти. Для разбора тяжёбных дел прибегали обыкновенно к брегонам, – так назывался класс сведущих в праве людей, – решения которых имели значение третейского приговора. После принятия христианства монастырские общины приобретают в глазах народа равный авторитет с так называемыми родами или школами брегонов. К их третейскому суду начинают прибегать и в тяжбах светского права». С течением времени упрочившаяся, эта «юрисдикция церкви в светских делах не могла не иметь влияния на дальнейшее развитие покаянной системы. И в самом деле, духовный судья, в большинстве случаев долженствовавший назначать и пеню светского права за то самое деяние, за которое он только что назначил эпитимию, не мог не привыкнуть смотреть на пеню и на эпитимию с одной и той же точки зрения. В его глазах и пеня и эпитимия стали иметь одну общую цель, одно общее значение: доставить удовлетворение за содеянную неправду. Отсюда к замене пени

эпитимией и эпитимии пеней всего один шаг, и этот шаг в действительности и был сделанъ»³⁶³.

Пенитенциалами, хотя и не всеми, эта система выкупов была усвоена³⁶⁴. На материке же, и именно в Испании, т.е. в сфере Вестготского права, денежные пени начинают употребляться и как самостоятельное наказание. Так, один из Толедских соборов за воспрепятствование разрушению языческих капищ угрожает анаемой и сверх того, богатым пеней в 2 литра золота, а бедным – сотней ударов³⁶⁵. В XI в. наказания штрафами становятся сравнительно более частыми и применяются, во Франции и Италии, при даваемых папами привилегиях за их нарушение, при синодальных судах (Sendgerichte), святотатстве и некоторых других преступлениях³⁶⁶. Денежные пени были восприняты и декреталями, хотя принятие этого вида наказания, равно и других, в роде смертной казни, ссылки и т.д. в Corpus juris canonici, не оказало почти никакого влияния на систему канонических кар³⁶⁷. Штрафы продолжали существовать и далее. Папа Александр III в своем послании к Кентерберийскому архиепископу, хотя и отнесся не особенно одобрительно к штрафам, однако мирился с ними; их допускал папа Иннокентий III; они сохранились вплоть до Тридентского собора (Sess. XXV. с. 13. 14. de Ref.)³⁶⁸. Но их значение и роль были ограничены. Своим происхождением связанные с редемпциями, денежные штрафы были употребительны, пока существовала система выкупов, хотя и обнимали не особенно много преступлений, но с течением времени они стали применяться значительно реже.

Переходим к праву русскому.

У нас на Руси в древнейшем церковном праве денежные пени, как выкуп эпитимии, не употреблялись, а употреблялись только, как самостоятельное наказание. Причем денежные штрафы имели значительно более обширное применение, чем на Западе. Они были до XIV-XV ст. почти единственным карательным институтом, каким церковь пользовалась наравне с эпитимией. Устав Ярослава перечисляет целый ряд деяний, какия подлежали денежному штрафу в пользу епископа. В виду

такого значения штрафов в древне-русском церковном суде на выяснении их возникновения необходимо несколько остановиться. Выше мы уже заметили о двойственности церковного суда. Епископу в древней Руси не только приходилось, как духовным судьям в Ирландии, переходить от суда церковного к суду светскому, чтобы наложить на виновного светское наказание после того, как на него наложена эпитимия, но ему приходилось в одно время судить виновного и по закону церковному, и по закону людскому, и как содеявшего грех; и как совершившего преступление. Поэтому здесь и не могло быть выкупа, редемпции, а напротив оба наказания, и церковное и криминальное, должны были существовать параллельно. Но в тех случаях, когда церковного наказания по роду и обстоятельствам деяния не было или не могло быть, оставалось еще наказание криминальное, ибо в этом случае епископ был таким же судьей, как и князь. Понятно, что здесь епископу приходилось согласовать свой суд с судом княжеским. А князь судил пообычному праву, в котором главная роль принадлежала денежным взысканиям. По обычному же праву должен был решать криминальные дела и епископ. И в подобном, решенном епископом, деле, виновный виру платит епископу, ибо платилось тому, кто творил суд. От допущения виры в церковном суде дело пошло к расширению применения денежных штрафов. Толчек этому мог дать отчасти Закон судный людем, который, напр., за блуд допускал денежные штрафы (Кормч. ч. 2, гл. 46, гл. 5 и 9). По аналогии денежные штрафы могли быть распространены и на все виды блуда. А затем, аналогично непотребству, и всякия другия преступления в суде церковном с течением времени стали наказываться денежными штрафами. К этому должно было побуждать еще и неудобство наложения публичного покаяния и недостаточность церковно-дисциплинарных мер, связанных с судом духовного отца.

Уже в одном из правил митрополита Иоанна II мы встречаемся с принципиально-выраженным разрешением применения строгих мер в суде церковном. Правило это читается так: «Иже волхвованья и чародеянья творяще, аще

мужю и жене, словесы и наказаньемъ показати и обратити от злыхъ; якоже от зла не преложаться, яро казнити нав збраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрезать сих телесе: не бо приимаетъ (сего) церковное наказание и оученье»³⁶⁹. Греческий текст этого места читается так:

«Τοὺς γε μὴν ἐπάοιδαῖς καὶ μαγείαις, ἐσχολακότας, εἴτε ἄνδρες εἰσὶν εἴτε γυναῖκες, λόγοις καὶ νοουθεσίαις τὰ πρῶτα ἐπιστρέφειν καὶ ἀποιοῦν τῶν κακῶν ἔργων χρεῶν: ἀμεταφέτους δὲ μένοντας, αὐστηροτέρως κολάζειν εἰς ἀποτροπὴν τοῦ κακοῦ μὴ μέντοι θανατοῦν ἢ ἀκρωτηριάζειν τὰ τούτων σώματα: οὐ γὰρ ἀνέχεται τοῦτο ἐκκλησιαστικὴ παιδεία καὶ νοουθεσία»³⁷⁰. В этих словах митрополит Иоанн II предписывает в том случае, когда увещание не оказало надлежащего действия на грешника, употреблять и более серьезные меры карательного характера. На это именно и указывает выражение: «αὐστηροτέρως κολάζειν» с большей строгостью наказывать. При этом М. Иоанн запрещает лишь употреблять такие меры, как лишение жизни и наказания членовредительные. Что же это за «более суровое наказание», о котором говорит М. Иоанн II? Покойный А.С. Павлов так комментировал эту статью: «в Уставе св. Владимира дела о волшебстве, как известно, отнесены к суду святительскому, который при рассмотрении как этих, так и других дел, ему подсудных, должен был руководиться греческим номоканоном. Здесь, в номоканоне, чародеям и волшебникам определена смертная казнь, или членовредительные наказания (Номок. Фот. тит. IX, гл. 25). Кроткий и человеколюбивый Иоанн II не велит настаивать на точном исполнении этих законов, даже в тех случаях, когда нравственные меры исправления виновных окажутся безуспешными. «Убивать или уродовать тела людей – говорит он – противно духу церкви и правилам церковной дисциплины». Однакож, он предписывает наказывать нераскаянных и суеверов «с большей строгостью», т.е., судя по ходу речи, подвергать их не только церковным, но и *внешним* наказаниям, виды которых определены были в церковном Уставе Ярослава (денежные пени, заключение в дом церковный, предание «на казнь» князю и т. п.)³⁷¹. С приведенной тирадой только отчасти можно согласиться.

Несомненно, Иоанн II допускает применение карательного воздействия в церковном суде наряду с мерами дисциплинарно-исправительными, хотя и суживает пределы этого карательного воздействия в круг тех мер, которые отвечают духу церковной дисциплины. Какие это меры, он не говорит. А.С. Павлов отвечает за него, но едва ли верно. А. С. Павлов перечисляет те виды наказаний, о каких упоминает так называемый Устав Ярослава, именно денежные пени, заключение в дом церковный, предание «на казнь» князю. Какое значение имеет в Уставе Ярослава последнее наказание, мы увидим далее. Что касается заключения в дом церковный, то в Уставе Ярослава это не столько наказание, сколько институт, аналогичный современному полицейскому задержанию или аресту. Остаются только денежные пени. Мы думаем, их-то почти исключительно и имел в виду Митр. Иоанн. Правда, позднее пени широкое применение имели только по отношению к преступлениям против нравственности. Но это никак не могло исключать желания распространить этот карательный институт и на другие религиозные преступления. – Как бы то ни было, но мало-по-малу употребление денежных пеней в суде церковном стало явлением общим.

Однако, применяя денежные пени, епископы не забывали, что они делали только половину дела. Другой половиной было наложение эпитимии. Подобную практику нам и рисует тот же устав Ярослава, за некоторые деяния сразу назначающий два наказания – эпитимию и штраф, что очень напоминает наложение наказания в Законе Судном людям (краткой редакции) и по закону церковному и по закону людскому.

Как догадывается читатель, в штрафах Ярославова устава мы видим действительное отражение церковно-судебной практики, а не простое свидетельство об археологических симпатиях кодификатора этого устава. Но здесь приходится встретиться с одним важным вопросом, именно – о размере налагаемых уставом штрафов. Проф. Суворов решительно высказался против того, чтобы такие высокие пени, какие назначает Устав Ярослава, могли когда-либо практиковаться; он их находит чудовищными и не соразмерными с материальным

состоянием большинства преступников³⁷². Бесспорно, штраф в 5 гривен золота не мал, и платить его было трудно, особенно небогатому человеку, но одно это еще не дает нам оснований видеть в нем простую выдумку. Мы не должны измерять старину по нашей современной мерке и современным представлениям, а должны сравнивать изучаемую древность с ближайшими к ней по времени веками. И в данном вопросе мы должны посмотреть, согласуются или притиворечат нормы Ярославова Устава порядкам и праву Московского государства в эпоху XVI и начала XVII в., как времени более близком к XIII и XIV в.в., чем XIX и XX столетия. Для этой цели пособием могут служить постановление о безчестии, т.е. словесных обидах. После Ярославова Устава о безчестии подробно говорит Царский Судебник 1550 года. Нам и следует сопоставить постановления этих двух памятников, ибо трудно думать, чтобы при консервативности обычного права, за 2 века произошли большие перемены. Но сначала нужно перевести деньги Ярославова Устава на денежный счет Московского времени. Так как денежная система Устава Ярослава таже, что и Русской Правды, то для нашей цели мы воспользуемся трудами русских ученых, писавших о деньгах Русской Правды³⁷³. Мы будем вычислять, чему равняется на Московские рубли максимальный размер штрафа, встречающегося в Уставе, именно 5 гривен золота. Такой штраф полагается только за квалифицированные (по объекту) преступления, а потому, если окажется, что он не так «чудовищень» по Московским воззрениям, то нет оснований считать его невозможным и на два-на три столетия раньше, не говоря уже про штрафы меньшего размера.

Учение установили, что в начале XVI в. из фунта серебра чеканили от 5 до 6 рублей³⁷⁴. А в древности изъфунта выходило 2 гривны серебра, так как каждая гривна серебра равнялась полуфунту³⁷⁵. Считая древний (Киевский) фунт = 72 золотникам, а новый (Новгородский, а потомь Московский) – 96 золотн., т.е. признавая их отношение равным пропорции 3: 4 или иначе $\frac{3}{4}$: 1, мы можем допустить, что старинная гривна серебра, имевшая 36 золотников чистого весу серебра, по количеству этого серебра равнялась $2\frac{1}{4}$ рублям XVI века³⁷⁶. А считая отношение

между гривной серебра и гривной золота равным пропорции 17 : 1, согласно с Мрочек-Дроздовским³⁷⁷, мы видим, что гривна золота, переводя ее на Московския деньги, не превышала 38 $\frac{1}{4}$ руб., а след. 5 гривен золота равнялись 191 $\frac{1}{4}$ рублям (Московскимъ).

Теперь посмотрим, была ли для Московского времени подобная пеня «чудовищной». Известно, что по Царскому Судебнику (ст. 26) за безчестие, нанесенное высшему служилому человеку, виновный платил против оклада обиженного; а за безчестье женам этих служилых людей платилось вдвое против окладов их мужей. Зная некоторые из этих окладов, мы можем определить, до какой суммы могли доходить штрафы за безчестие боярских жен. В начале XVII в. по окладным книгам 7135 (= 1627 г.) года князь Влад. Тим. Долгорукий получал 300 руб. Более его в томъже году получали бояре Ив. Бор. Черкасский – 600 р., Д.М. Пожарский и Сицкий по 400 р.³⁷⁸ Т.о., в начале XVII в. штраф за безчестье боярских жен мог подниматься до 600, 800 и 1200 р. Но этого еще мало. По уложению (X, 99) дочерям безчестье платилось вчетверо против отцов. Допуская, – а нет оснований не допустить, – что этот принцип имел место и в первой половине XVII в., до 1648 г., мы можем видеть, что строгое применение 26 ст. Судебника Иоанна IV могло возвышать штраф за безчестье боярской дочери до очень крупной цифры в 2400 р. Что же удивительная, если в XIII-XIV в.в. оскорбленная боярышня получила бы только 191 $\frac{1}{4}$ руб.?! Конечно, и этот штраф в 191 $\frac{1}{4}$ р. был не мал, и бедным его платить было труднее, чем богатым, но на основании вышеизложенного, его нельзя все же считать «чудовищнымъ». Нельзя забывать и того, что таким штрафом санкционируются квалификации, а не простые преступления.

Денежные пени, который церковный суд употреблялъ в своей практике, – единственное наказание карательного характера. Правда, в Уставе Ярослава упоминается еще заключение в дом церковный, но это едвали было наказанием, ибо древнейшее русское право лишение свободы знало только, как принудительную меру против преступниковъ в целях исполнения ими наказания, или против лиц, не исполняющих их

гражданских обязательств в целях исполнения последних. Конечно, заключение в дом церковный могло быть прототипом заключения в архиерейском доме, но само по себе оно пока едва ли еще было наказанием.

Кроме указанных наказаний, т. е. эпитимии, денежных штрафов и заключения в дом церковный, в Уставе Ярослава идет речь, еще об одном наказании, в словах: «а князь казнить». Обычно в них видят указание на зачатки того порядка вещей, который сложился в конце XV и XVI века, именно указание на предание наиболее важных и закоренелых преступников, на казнь князю. Для правильного понимания этого выражения необходимо прежде всего обратить внимание на то, что оно упоминается только по отношению к тем преступлениям, где положен денежный штраф, но не положено эпитимии³⁷⁹. Из этого существует одно лишь исключение. Именно – статья о зажигательстве в подробной редакции Ярославова Устава читается так: «Аще кто зажжет гумно или двор или иное что, Митрополиту 40 гривен, а опитимью подымут, а князь их казнить»³⁸⁰. Но в других редакциях устава об эпитимии за зажигательство не говорится (по Христ. Влад. – Буданова, ст. 10). Включена эпитимия, вероятно, потому, что она налагается за это преступление и Законом судным людям³⁸¹, а равно и древними эпитимийниками³⁸².

Оставляя это исключение в стороне, мы можем допускать, что там, где эпитимия не имела места, двойственность наказуемости известных деяний, подлежащих криминальной компетенции церковного суда, выражалась в допущении наказания церковной властью и князем. Здесь идея о двойной наказуемости – церковной и криминальной – религиозных преступлений переходит в идею их наказуемости в двух судебных местах: на суде у епископа, и на суде у князя, т.е. в идею их двойной подсудности. Полное выражение эта идея получила позднее.

В некоторых случаях возможно и иное понимание выражения «князь казнить». Княжеской казни рядом с церковной подлежат такие деяния, как зажигательство и пострижение бород и усов. Но по Русской правде штрафъи за

зажигательство (Кар. спис.ст. 97) и за вырывание бороды и усов (Ак. сп. ст. 7. Кар. 78) шел князю. Поэтому, в выражении «а князь казнить» можно видеть не добавочное наказание к наказанию, наложенному епископом, а наказание альтернативное. В смысле альтернативы можно понимать это выражение и по отношению к другим преступлениям. Из этих преступлений в последующее время одни сохранились в сфере церковной подсудности, как изнасилование, а другая, как похищение (см. ниже) и безчестие (Суд. 1550 г.ст. 26), перешли в суд светский. Равносильное этому выражение мы встречаем и в капитуляриях германских императоров: *duas partes eidem presbytero, tertiam pro fredo ad acclesiam et insuper bannus noster*³⁸³. Здесь *Wehrgelde* и *fredum* назначаются в определенном размере, тогда как назначение *bannus* предоставляется усмотрению князя.

Первоначальная церковно-судебная практика в отношении религиозных преступлений отступала от начал и норм Закона судного людем, заключавшего в себе нормы византийского права. Из всех, упоминаемых Законом судным людем, наказаний на суде церковном применялись одне лишь денежные пени, или параллельно с эпитимией, или независимо от нея.

Но если первоначальная церковно-судебная практика в России отступала от норм византийского права, как она выражались, напр. в Законе судном людем, то какая же роль в этой практике принадлежала византийским правовым началам, какое значение в первоначальной истории русского права играло право византийское, какое влияние оно оказало на нормы русского права? В сфере юридической византийское влияние проявлялось с двух сторон: материальной и формальной. Материально византийское право влияло как своими правовоззрениями, так и своими правоположениями. Под первыми мы вообще разумеем совокупность идей и принципов, обнимающих сферу правовых отношений, а под вторыми – отдельные юридические нормы и законодательные определения, регулирующие данное конкретное отношение, какой-нибудь единичный факт, частный юридический казус.

Полное применение византийских правоположений в сфере юридических отношений древне-русского общества затруднялось громадным различием праворазвития Византии и России, их бытовых и культурных условий жизни. Духовенству, которое на первых порах было единственным проводником византийской юридической догмы, приходилось невольно считаться с состоянием русского общества и жертвовать более совершенной юридической техникой Византии в пользу менее совершенных норм обычного права русского. На первых порах правоположения Византии не могли усвоиться, да и вообще со стороны *материальной* влияние Византии, хотя и было очень сильным, но не исключительными Проф. Э.И.Леонтович даже выражается, что влияние византийского права «было у нас ничтожно, сравнительно с тем влиянием, какое оказало римское право на жизнь других западно-европейских народов. У последних оно становится известным в лучших источниках (Сборник Юстиниана, напр., сXII в. уже переводится на французский язык), делается везде на Западе действующим правом не только в церковных, но и в светских судах, – с XII в. римское право становится во Франции и Германии общим правом, обычай же составляет исключение. Такой силы и значения греко-римское право никогда не имело у нас: оно никогда не вытесняло туземного права; если у нас и применялись на практике (и то сравнительно в позднее время) сборники греко-римских законов, то это делалось лишь в виде исключения из общего порядка, или как привилегия духовенства, или же в виду неполноты светского законодательства, восполнявшаяся употреблением на практике церковных сборников»³⁸⁴.

В материальном отношении влияние Византии на русское право особенно чувствительно должно было сказаться в тех явлениях, которые вытекали из возникших на почве принятия христианства новых жизненных отношений, не известных и чуждых традициям туземного права. Новое брачное и семейное право, новые отделы уголовного права и т.п. – все это с момента крещения должно было стать под знамя византийского права. Здесь византийское право насаждало на Русь новые

правоположения. Но почва, на которой насаждали новые семена, изменила общий вид посаженного растения. Только после продолжительной культуры русская помесь дала византийские всходы. В частности и в сфере изучаемого нами вопроса значение византийского права в том, что оно определило общий состав религиозных преступлений, указало те отдельные виды преступных деяний, какие входят в эту группу; оно же указало специфические признаки каждого преступления. В начале XIX ст. Киевский Митроп. Евгений (Болховитиновъ), рассуждая о практическом значении Кормчей книги для его времени, выражался, что «есть ли Кормчая книга и помещенные в ней Градские Законы потеряли уже свою силу в назначении меры наказаний по делам гражданским и уголовным, по причине изданных уже у нас на оные своих Градских Уставов, то не теряет еще доныне силы своей в определении существа преступлений, по крайней мере в делах Церковныхъ и Духовныхъ»³⁸⁵. Но если так для 1822 г., то для древнейшего русского права эти слова еще более справедливы. На составе преступлений церковных уставов св. Владимира и Ярослава, на составе преступлений, упоминаемых в древнейших памятниках русского канонического права, уже заметно влияние Византии. И не только нормы церковного, но и нормы светского Византийского права воспринимались правом русским.

Но не только своими правоположениями влияла Византия на русское право, но и своими правовоззрениями, и не только материально, но и формально. Если применение буквы византийского закона затруднялось складом бытовых и юридических условий России, если, с другой стороны, новые потребности юного христианского общества требовали и новых правоопределений, каких не имела Византийская догма, имеющая в виду совершенно другое общество и другие потребности, то этим вызывалось создание новых норм, применительно к особенностям русской жизни. Но юридическое творчество предполагает сильное развитие мышления и юридической техники. Тому и другому на Руси еще нужно было учиться. Положительный материал для этого давало тоже

византийское право. Его правовоззрения, юридические принципы и идеи по мере возможности усваивались и распространялись и на те факты и явления русской жизни, относительно которых не было прямых постановлений в Византийском праве. Византийские правовоззрения влияли на русское право и материально и формально. Напр. в Уставе св. Владимира находим такое выражение: «в племени или в сватовстве поймутся». Здесь, вместо перечисления отдельных видов родственных отношений, при которых браки запрещались и, в случае совершения их, подлежали суду церковному, указывается только общий принцип родства. И любопытно, что такая формулировка этого принципа осталась в русском праве надолго. В Стоглаве, в одном месте говорится: «чтобы венчаться ни в кумовстве, *ни в сродстве, ни в роду, ни в племени*»³⁸⁶. Настолько живуча оказалась формулировка византийского правового принципа, данная при Владимире Святом.

Материально усвоенный юридический принцип распространяется на целый ряд новых явлений и отношений. Это распространение принципа, подведение под него отдельных фактов требует работы мысли и некоторого искусства. Приложение принципа к данным практики вызывает уже формальную работу мысли, содействует формальному праворазвитию. С этой стороны влияние Византии было громадно, хотя в литературе оно еще мало оценено. Но так как право существует не для одного лишь умственного упражнения, то и формальное праворазвитие имеет ценность не само по себе, а потому, что оно может устанавливать новые нормы применительно к данным конкретным фактам, что оно является рычагом материального праворазвития. И тот же, приведенный нами, пример запрещенности браков в племени и сватовстве, при его формальном раскрытии, дал ряд отдельных правоопределений, с какими мы встречаемся в уставе Ярослава. Конечно, на отдельные правоопределения этого устава могли оказывать влияние византийские правовоположения, но в некоторых случаях кодификатор устава Ярослава и сам пробует сделать выводы из указанного принципа, хотя это ему и

дается с трудом. Одна из статей Ярославова устава читается так: «аже ближний род поймется, епископу 80 гривен, а их разлучить и епитимию да примуть». В первой половине кодификатор не сказал ничего нового по сравнению с Уставом св. Владимира, он только сделал перифраз последнего, так. обр., оказавшись бессильным развить принцип в отдельные положения. Но за то он сблизил один принцип –запрещенность браков в родстве – с другим, наказуемостью таких браков, и выразил эту наказуемость в формах обычного русского права. В других случаях в русском праве возникало создание новых преступлений на почве более широких обобщений. Такова, напр., зубояжа Владимирова устава, – один из видов преступного волшебства; таковы: *крест посекут, на стенах режут* – того же устава, – виды преступного суеверия, и т. п.

Порядок церковного суда и наказаний, приурочиваемый исторически к Закону Судному людям и к уставам русских великих князей Владимира и Ярослава, представляет только первый опыт применения к практике русской Церкви византийских начал. Более совершенным образом сказалось влияние византийских начал на порядке суда по религиозным преступлениям в позднейшее время русской истории.

§ 2.

Практика совместного назначения двоякого наказания – церковного и светского, рисуемая уставом Ярослава, к XVI в. уже прекращается. В XV и XVI вв. встречаются уже более или менее отчетливые известия об одном публичном покаянии, без денежных пеней. Митропол. Фотий в своих посланиях Новгородцам и Псковичам уже довольно ясно говорит о публичном покаянии. В основание церковно-дисциплинарной практики он кладет церковные каноны. Так, трактуя о многобрачии, он в одном месте говорит: «По Великого же убо Василья слову, аще мужь иметь жити с четвертою с женою, или жена за четвертымь мужемь, тех божественная правила отлучают: в церковь не входить четыре лета, по четвертом же лете входить в церковь, божественного же причащения не приимаеть до 18 лет, ни доры, ни Богородицина хлеба. Триженьцы же низвергающихся, якоже скверны церковные

бывши, даже до пяти лет непричастнымъбыти повелеваем, и летом сим мимошедшим, и пакы единою в лете к причащению божественному приходити в честного и спасительного Пасхи дни»³⁸⁷. Позднее, около половины XVI в., дьяку Висковатову за его мнения об иконах была соборно положена такая эпитимия: «Архиепископы и епископы со всем освященным собором судихом и дахом тебе епитемью на три лета: едино ти лето плакаться подобает, вне дверей стоя церковных и входящим верно молясь молитву творити за ся, исповедавая своя согрешения; потом же второе лето послушаючи божественных писаний прият будеши в церковь; и третье лето да стоиши с верными в церкви, общения же не приемлеши; скончавшим же ся трем летом, Св. Таин причастник будеши, потому что еси по три годы, от своего мнения, не послушав божественных писаний, о тех святых честных иконах сомнение имел и вопил и возмущал народ православных хрестьянь»³⁸⁸.

Эта эпитимия наложена на Висковатого в виду его раскаяния; нераскаянных же отлучали или от церковного входа, или налагали анаемеу. Особенно часто практиковалось лишение права входа церковного. По свидетельству Герберштейна иногда по самым неважным причинам не пускали в церковь. Такие исключенные стояли вне храма, у его дверей и окон, откуда они так же хорошо могли слышать церковное пение и видеть все совершающееся в храме³⁸⁹. Анаеematствовали обыкновенно еретиков.

В XVI и XVII вв. прохождение публичной эпитимии не редко стало совершаться в монастырях. Так в 1543 г. новгородский архиепископ Феодосий, по предписанию Московского митрополита, писал в псковский монастырь о некоем старце Савватие, печерском вкладчике, который впалъ в тяжкие грехи и не был принят Киево-Печерским игуменом Корнилием: «И яз, архиепископ, по повелению пресвятейшего господина Макария, того старца Савватия к вам послал и вы б его безо всякого прекословья к себе в монастырь взяли, да дали бы есте его старцу добромупод начало, чтоб жил с правилом, да к церкви ходил ко всякому правилу к началу, а стоял бы пред церковью во вся дни до скончания всякого правила, а в церковь бы есте

ему ходити не велели, а доры и проскуры и хлебца Пречистые ему не давали до нашего указу, а в трапезу бы есте его ко всякому пению пущали, и ясти ему в трапезе велелис братиею, толко б ему входу в церковь не было, а за монастырь его не пущати, и по кельям бы ему сходу не было ни с кем, только б знал пред церковью стоял да молитву говорил на всяком правиле без престани, а в трапезе бы на всяком правиле потомуж с молитвою стоял и со слезами и со всяцем вниманьем о своем съгрешении, а ты б его наказывал и поучал по божественным правилом. Ты-же, сыну, не обленись принимати грешников в покаяние; паче того требующего покаяния старца Саватея потщись молитвою и постом исправить во спасение душевное, елика твоя сила; и велел бы есте к тому старцу Саватею приходити священнику доброму, чтоб его спрашивал о его согрешениях, и он бы ему давал опитемью по правилам Св. Апостол и Св. Отец, чтобы он в конец душею непогибъ; а не учнет каятись, и вы б его в крепости держали да ко мне отписали; а учнет каятись от всего сердца Господу Богу, молитесь, чтобы он получил отпущение греховъ; а нечто случится ему болезнь к смерти и учнет каятись, и вы б его велели отцу духовному причастити... и послежив будет, вы б велели отцу духовному потомуже опитимью на него положить, поправилам Св. Апостол и Св. Отец, доурочных летъ; а как те его урочные лета, по нравилам Св.Апостол и Св. Отец, пройдут и вы его о Христе с братиею съсчитали»³⁹⁰. В этом примере мы видим, что публичная эпитимия проходит в монастыре. Но пребывание в монастыре под началом было иногда и самостоятельной формой наказания, так наз. монастырским заключением или монастырским подначальством. Состояние заключенных в монастыри было различно. Различие зависело от характера совершаемых заключенными трудов, от степени предоставленной им свободы и т.д. Положение заключенных определялось указом, по которому того или иного отправляли в монастырь. (Указ содержал в себе, так сказать, инструкцию насчет того, как должно было монастырское начальство держать себя по отношению к присланному). Для примера приведем хотя один подобный указ. «От Преосвященного Корнилия,

Митрополита великого Нова-Града и Великих Лук, Соловецкого монастыря келарю, старцу Лаврентию, казначею старцу Илариону, с братиею. В нынешнем 7186 г., Июля в 18 день по нашему преосвященного Митрополита указу послан к вам в Соловецкий монастырь черный поп Аарон и Софийского дому и наш сын боярский Василий Малгин, да бобыль Гаврилко Гусев, да посадский человек Гришка Судоплетов скованы в кандалах, софийского дому и нашим сыном боярскимъс Иваном Жегловым, да недельщиком Мишкою Афонасьевым. И как к вам ся наша преосвященного митрополита грамота придет, а Софийского дому и наш сын боярский Иван Жеглов да недельщик Мишка к вам в Соловецкий монастырь приедут, и вы б у него, сына боярского да недельщика Мишки, сына боярского Василия Малгина и бобыля Гаврилку и посадского человека Гришку Судоплетова взяли, и те домовые кандалы велели снять и отдали сыну боярскому Ивану Жеглову, да недельщику Мишке, а их, черного попа Аарона и сына боярского Василья Мелгунова и бобыля Гаврилку велели в свои монастырские кандалы заковать на шесть недель, и къ церкви Божией, к божественному пению к вечерням, и к заутреням, и к обедням велели б им, черному попу Аарону, сыну боярскому Василью Мелгунову и бобылю Гаврилке, приходить по вся дни безобленно в кандалах, и как шесть недель минет, и вы б кандалы с них велели снять, и велелитому черному попу Аарону в Соловецком монастыре стоять на клиросе, а бобылю Гаврилке велели б работать монастырскую работу с монастырскими работниками и велели б беречь их с великим бережением, чтобы они из монастыря никуда не ушли. А посадского человека Гришку Судоплетова, сковав в монастырские кандалы, велели б посадить в тюрьму, и беречь так же с великим бережением, чтобы он из тюрьмы не ушел и дурна никакова над собою не учинил. А буде он, Гришка, раскается и захочет во иноческий чин постричься, и вы б его, Гришку, велели постричь в рясу, и отдали под надзор попу, или старцу добру, искусну и крепкожителю, и велели б за ним подсматривать. А буде он учнетъ жити по монашескому чину, велели б постричь совершенно, и велели б в том (быти) монастыре в монастырских службах, где доведется, а

без нашего, преосвященного митрополита, указу выпускать из монастыря никуда не велели б. Писано в Нове-Граде 7186(1678) г. Юля 18 дня»³⁹¹.

Большинство заключенных в монастыри обязывались посещать монастырское богослужение, при чем некоторым дозволялось стоять только у церковных дверей³⁹². Для духовных³⁹³, а иногда и недуховных³⁹⁴, было обязательно келейное правило. Иным нарочито полагались поклоны. Число поклонов было громадно: оно доходило иногда до 1000 в день. Архимандрита Дионисия, московского справщика при Патр. Филарете, заставляли в течение многих дней класть установленные поклоны в комнате, наполненной густым дымом³⁹⁵. Довольно часто заключенных заставляли совершать различные монастырские работы – в поварне, в хлебнеи т.п. Так в 1632 г., было велено Новгородского попа Ивана, сосланного в Корельский монастырь, держать в хлебне скованного и заставлять сеять на братью муку в течение года, при чем пост, молитву и поклоны он должен был совершать по монастырскому чину³⁹⁶. В 1653 г. Патр.Никон распорядился Соловецких старцев Герасима и Иону «держать (в Корельском монастыре) под крепким караулом, в черной службе, в хлебне или поварне»³⁹⁷.

Подобный труд был особенно тяжел потому, что его нередко заключенный должен был совершать закованный в «чепь и в железа»³⁹⁸, которые существовали в монастырской дисциплине уже в конце XVI столетия³⁹⁹. Здесь монастырский труд соединяется с лишением свободы. В других случаях лишение свободы состояло в том, что заключенный не мог выходить из ограды монастыря (общее правило) или из своей кельи, что встречается реже⁴⁰⁰. В худшем положении находились те заключенные, у которых заключение в монастырь соединялось с заключением их в монастырские тюрьмы. Первое упоминание о монастырских «порубахъ» и «подклетахъ», служивших прототипом позднейших монастырских тюрем, находится еще в летописях и относится к половине XII в. Когда князь Игорь Ольгович Киевский в 1146 г. был разбит и взят в плен кн. Мстиславом Мстиславовичем, то последний, как говорится в

Лаврентьевской Летописи, – «посла и в монастырь на Выдобычь, а оттуда⁴⁰¹ Переяславлю: и всадиша и в поруб в монастыре у святого Іоана и приставиша ему стороже»⁴⁰². Никоновская летопись этот рассказ варьирует так: «В Переяславли у святого Іоана, в подклете камене, за сторожи в велицей крепости»⁴⁰³.

В конце XIV в. Суздальский епископ Дионисий в уставной грамоте Снетогорскому монастырю пишет: «Аще кто въпреки начнет глаголати игумену, и въздвигати начнеть свары, заперт таковой да будет в темници, дондеже покается»⁴⁰⁴. В начале XV в., в 1422 г., или 1425 г. Митрополит Фотий писал в Псков: «А что ми пишете, что и черницы от мужей жены постригают, а без игуменов, ино тех постригающих должно есть показнити заточениемъ в монастыри в *храмине или яме*»⁴⁰⁵. Монастырские тюрьмы в XVI и XVII в. в. были двух родов, – каменные и земляные. Каменные тюрьмы тоже были разного вида. Так «в Соловецком монастыре, – говорит Н.Д. Сергеевский, – это не что иное, как полые пещероподобные пространства внутри крепостной стены, имеющие неправильную яйцевидную форму и размерами не превышающая трех с половиною аршин в высоту и двух с половиною в ширину. Простые неотесанные валуны, из которых сложена вся крепостная стена, образуют собою стенки вместилища, без всякого иного пола и потолка. Маленькое окошечко, пробитое в камнях наклонно сверху вниз, дает возможность видеть клочек неба; небольшая дверь, обитая железом, составляет входъ»⁴⁰⁶.

В некоторых монастырях существовали *каменные мешки*, т.е. узкие высокие башни, возведенные внутри обыкновенных крепостных башен, равной высоты с этими последними. Эти внутренние башни делились на несколько этажей, и каждый этаж составлял отдельное помещение, невысокое, очень узкое и тесное, с отдельным ходом. Такие каменные мешки существовали, напр., в монастырях Кирилло-Белозерском⁴⁰⁷, Спасо-Прилуцком⁴⁰⁸ и Соловецком⁴⁰⁹.

Земляные тюрьмы существовали едва ли не в одном Соловецком монастыре. Здесь они помещались под одной из башен, называемой «Корожной». «Судя по описаниям земляных

тюрем, говорить Колчин, –это были вырытые в земле ямы, аршина 3 глубины; края у них были выложены кирпичемъ; крыша состояла из досок, на которые была насыпана земля. В крыше находилось небольшое отверстие, закрываемое дверью, запирающеюся на замок, в которую опускали и поднимали узника, а равно подавали ему пищу. Для спанья пол устилался соломой»⁴¹⁰.

Не знаем, насколько были обширны земляные тюрьмы в других монастырях, но Соловецкая «корожня», повидимому, предназначалась только для одного узника. По крайней мере, когда в 1725 г. игумена Варлаама Овсянникова привезли в Соловки, то не посадили в «Корожню», как было велено в указе Св. Синода, потому что в «Корожне» содержался уже малороссиянин Захар Патока, а посадили в тюрьму к Никольским, воротам⁴¹¹.

Земляные тюрьмы, как тюрьмы одиночные, применялись преимущественно к раскольникам. Напр. Архиеп. Маркелл велел двух раскольников, взятых под Псковом, не смотря на их покаяние, «посадить в самую крепкую земляную тюрьму»⁴¹². Патр. Иоаким, после Соловецкого бунта, писал 15 декабря 1676 г. в Соловецкий монастырь о принесших раскаяние монахах: «Оставить их чернцов в монастырев службах монастырских, в каких хто годитца, смотря по исправлению покаянного жития их, а в которых явитца какое непокорение, или раскол и противность: и их держать, оковав, в монастырских же трудахъ; а буде которые и в таковомъ смирении явятся противныжъ; и таковых велеть вметать в земляные тюрьмы»⁴¹³. Этот вид заточения был очень тяжел, потому что узник, часто скованный по рукамъ и по ногам, совершенно не видел света, и водящийся в земляных тюрьмах крысы нередко объедали у него и нос и уши⁴¹⁴. Земляные тюрьмы в Соловецком монастыре существовали до 1742 г., когда Императрица Елисавета Алексеевна велела их засыпать⁴¹⁵.

Кроме специальных тюрем целям темничного заключения могли служить в монастырях разные хозяйственные помещения, в роде погребов, подвалов и т.п. В Соловецком, напр., монастыре были тюрьмы келарския; в тюрьмы же были

обращены подвалы монастырских соборов – Успенского и Преображенского⁴¹⁶. Но иногда для тюрем устраивались особые помещения, построенные ad hoc. Так, описывая Троицко-Сергиевскую Лавру, Павел Алеппский говорить: «мы увидели в монастыре новую деревянную келью с одним только отверстием, без дверей; в ней заключены три человека. Мы осведомились о них, и нам сказали, что это бывшие дьяконы, которые, когда умерли их жены во время язвы, оставили дьяконство и женились на других. Патриарх Никон, услышав о них, немедленно заключил их в оковы и прислал сюда, приказав построить для их заключения этот домъ»⁴¹⁷.

Кроме цепей, желез и тюрем в обиходе монастырской дисциплины видное место занимало так называемое "монастырское смирение"⁴¹⁸, состоявшее в телесных наказаниях. Право применения телесного наказания в монастырях почти безконтрольно принадлежало игуменам. Эти наказания иногда были в полном смысле слова «нещадными». В 1666 г. Содовецкие монахи жаловались царю на своего игумена Вареоламея, что он «без милости бьет плетьюми»⁴¹⁹. Плети очень часто употреблялись в «монастырском смиреньи»⁴²⁰; оне бывали и обыкновенные, и «большая»⁴²¹. Кроме плетей употреблялись еще «шелепы»⁴²². Это тоже плети, только не ременные, а веревочные, лычные или мочальные. Протопоп Аввакум упоминает, напр., о «канатном толстом шелепе»⁴²³. Реже употребляются батоги⁴²⁴ и палки⁴²⁵. Все виды орудий, – весь, так сказать, обиход «монастырского смиренья», – перечислены в одной сатирической челобитной XVII ст. В ней читаем: «А в Колязине обитель немалая, казна большая, после мору старых лет в запасе осталось, в хлебне по подлавичью стулья да чеши валяются, в мукосейне по спицам шелепы да плети висят, в караульне по подлавичью снопы батоги лежать, а у нас, богомольцев твоих, от того страху очи не видят, а у малодушных за плечами кожа вертится, от того и ночью не спится»⁴²⁶. В этом обиходе только не упоминаются орудия пытки, так как пытка в монастырях была делом весьма редким. Она едва ли не в одном только Соловецком монастыре и имела место, может быть, по причине отдаленности этого

монастыря от материка и трудностей путей сообщения. Но как бы то ни было, факт употребления в Соловках пыток засвидетельствован, именно уставной грамотой Холмогорского Архиепископа Аеанасия Соловецкому монастырю от 2 октября 1696 г. В ней Аеанасий пишет монастырю: «СВ (202 = 1694 г.) іуніа ко 27-му числу в ночи у вас гостинничей слуга Іван Филипов обретесе мертв у бывшего иеродіакона Макарія в келии, и по той причине, по вашему общему приказу, по многих великих истязании и биении, оный иеродіакон Макарии расстрижен, и діаконства извержен и пытан граждански в хомут кладен, и на дыбу подыман і кнутом бит, і огнем жжен, і водою пытан, а при том пытошном деле были монахи Варсонофей городничей, Варлам Мусин, Аврамей Митусов со стрелцами: да того же времени они пытали крылашан монахов Стефана и Андроника, якож о сем пространнее того вашего бывшего городничего Варсонофия распросные речив вашем приказе являютъ»⁴²⁷. Но пытки в монастырской дисциплине все же большая редкость. И без того была тяжела эта дисциплина. А насколько вообще она была сурова, можно видеть из письма Тобольского Архиепископа Нектария к некоему Ивану Михайлову, своему покровителю. В этом письме Нектарий вспоминает время, проведенное им в Ниловой пустыни. «И како терпел, пишет он, от начальника моего с первых дней два года: по дважды на всякой день в два времени бит был, а не во едино время на день бои были. Но и в Светлое Воскресение Христово дважды бит был. И того сочтено у меня в два года по два времени на всякой день боев тысяча четыреста и тридесять. А коль ран и ударов на всякой день было от рук его честных, и тех не считаю. Бог весть, и не помню: от ран великих едва дыхание бысть во мне. Пастырь мой плоть мою сокрушал, а душу спасал. Что ему в руках прилучилось, тем и жаловал мене, своего сиротку и малого птенца. Учил клюкою и остном, прободал и мелном, коим в жерновы мелют муку, и пестом, что в ступе толкут, и кочергою, что в печи углие гребут, и поварнями, что яству варят, и рогатками, что раствор на хлебы, или на просфоры и на пироги в сосудех бьют, чтобъ хлебы или просфоры и пироги белы были. Того ради и тело мое начальник

бил, чтоб душа моя темная светла была и бела, а не черна. И в ушатах, что двоя воду носят, мотор, и тем древом из ногу моего икра выбита, что бы ноги мои на послушание Христа ради готовы были. И не токмо древом всяким, но и железом и камением и за власы рванием, но и кирпичем, и что прилучилося в руках его, чем раны дать, и что тогда очи его узрят, тем душу мою спасал, а тело смирял. И в то время персти моих рук из суставов выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и ныне немощен и скорбен, чаю себе вскоре смерти»⁴²⁸. Случалось иногда, что суровые монастырския наказания оканчивались смертию наказанного. Так, рассказывается, что Патр. Никон одного иеромонаха Даниила «велел бить нещадно и чепь на нево наложить и в хлебню его отволочь: и тот черный поп Даниил в чепи в хлебне и умерь». Тот же Никон велел своего повара Ивана «бити плетми большими, и бив замертво покинул, и от тех побой в другой день и умерь»⁴²⁹.

Положение лиц, посланных в монастырь по указу царя, патриарха или митрополита, точно сообразовалось с инструкцией указа. Снятие, даже временное, цепей, а тем более освобождение без особого указа было невозможно. Если бы даже заключенные были больны, то их все равно продолжали мучить⁴³⁰. Монастырское начальство само не смело даже тяжело больного напутствовать Св. Дарами без особого на этот предмет указа⁴³¹.

«Монастырское смирение», в его грубых формах телесных наказаний и мучений, было однако настолько обычным, что не возбуждало против себя никаких протестов. Правительственная церковная власть, повидимому, терпела его. Но применение в монастырях пыток встретило отпор. Патр. Адриан, прослышав об употреблении в Соловецком монастыре пыток, пишет холмогорскому Архиепископу Аеанасию: «послать бы тебе от себя указ з жестоким подкреплением, чтоб в том Соловецком монастыре архимандрит Θирс і впредь по нем будущим властем и братии отнюдьни въ каких делах пыток не чинить ни каким ухищрением, или каким вымыслом томительски, голодом, мразомъи прочими, да не будет тако отнюдь, смирать по

монастырскому чину, как і в протчих святых обителехъ»⁴³². В исполнение этих слов Патр. Адриана, Архиепископ Аеанасий посылает в Соловецкий монастырь уставную грамоту от 20 Октября 1696 г., в которой пишет: «Темже отныне заповедуем вам и засвидетельствуем пред хотящим судити живые и мертвые Іисус Христом, и повелеваем с волею блаженнейшего і всесвятейшего патріарха, в потомное время ни по единому образу таковая творити: аще у вас в Соловецком монастыре или в вотчинах, яковие и смертное дело діаволим наваждением или убийство будет тайное, или явное, от какова либо случая, из противных. І в таковых случаях вам архимандриту и келарю: и казначею з братиею, и в потомное время жития по вас сущим, никого никогда, не токмо иеродіаконов или монахов росстригая, но и мирских людей граждански отнюдь не пытатъ, и ни в каких делах, никаким ухищрением і вымыслом пыток не чинить, в хомут не класть, кнутом не бить, застенка не творить, и на дыбу не подымать и стрясок не давать, огнем не жечь и водою не пытатъ, и голодом не морить, и мразом мучителски не томить, вся бо сия гражданская дела паче ж царских велении смотрительная, а не монашеская дела суть. Ибо в потомное время блюдитесь, от сицевых бесполезных и неповеленных вам дел над каноны святых Апостол: и святых Отец творити. Аще ж в потомное время таковые смертные или убийственные, или содомския, или прелюбодейственныя, по діаволу навождению дела явятся имуть у вас в монастыре, или в вотчинах ваших от якова либо лица монахов или мирских: и сия дела повелеваем вам засвидетельствовать, елико возможно писменно, и розыскав без крови и мук, таже тех людей отсылать к нам преосвященному Архиепископу ради исправления на Холмогоры с вашими отписками и с розыском с нарочными посылщии, за стрелецким караулом. И сицевия злоделатели имут от нас смотрительно по канонам суждены и наказаны быти. Аще же всеконечно будут подлежать гражданского истязания или казни, тогда по рассмотрению нашему тии злоделатели убицы будут отсланы в градской суд из нашего приказа по обыкновенному чину с писанием ко испытанию или казни, яко да и прочии таковии злоделатели восприимуть в потомное время страх и

уцеломудрится имут ко спасению. Аще же иные случайные человеческому существу кия либо из противных монашеския или мирския дела явитися имут у вас в монастыре или вне монастыря, подлежащая суду вашему: исицевая дела вам смотрительно розыскать по вине смотря смирять тех людей иколюбно (а не мучителски до смерти) по монастырскому чину, якож і в прочих святых обителях обыче творитися от боголюбивых настоятелей»⁴³³.

Телесные наказания имели место не в одной только монастырской дисциплине. Смирjali и на патриаршем дворе⁴³⁴, батоги и плети употреблялись и на архиерейском дворе⁴³⁵. Битье шелепами предоставлялось поповским старостам⁴³⁶. Даже священники могли сажать на цепь при церкви и наказывать шелепами. Несколько интересных в бытовом отношении фактов из своей практики рассказывает протопоп Аввакум. В первом послании к некоему Симеону он передает, как в Тобольске однажды ночью во время совершения Аввакумом «правила», к нему явился пьяный чернец и назойливо кричал: «учителю, учителю! дай мне скоро царство небесное». Призвав его в избу, Аввакум спрашивает: «чесо просиши?» Он же отвечает: «хощу царства небесного, скоро, скоро!» Аз же глаголю ему: «можеш ли пити чашу, ея же ти поднесу?» Он же рече: «могу, – давай в сий час не закосня». Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить, вершить чернеца хощу. Еще же и канатной толстый шелеп приказал зделать. Взявше книгу, отходную стал ему говорить и со всеми прощаться. Он же задумался. Тоже на стул велел ему главу возложить – и шелепом пономарь по шее. Онъже закричал: «государь, виноват, пощади, помилуй!» И пьянство скочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему четки в руки, полтора ста поклонов пред Богом за епитимию велел класть. Поставит его пономарь в одной свитке, манатью и клобук снял и на гвоздь повесил. Я, став пред образ Господень, вслух Исусову молитву говоря, на колени покланюся, а он последую стоя за мною, также на колени, а пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал: так его употчивал пономар-еть! Вижу я, яко

довлеет благодати Господни: в сени его отпустили отдохнуть, а дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и через забор, да и бегом. Пономарь кричит вслед: отче, отче! манатью и клобук возьми: «горите вы и совсемъ»! Не до мантии стало»⁴³⁷. Тот же протопоп Аввакум однажды в Сибири, застав предюбодеев на месте преступления, отослал их в приказ воеводы. Но отсюда блудницу обратно прислали ему под начал. «Я, говорить Аввакум, – под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, – заревела: государь, батюшка, Петровичь! Согрешила пред Богом и пред тобою! Виновата, не буду так впредь делать! Прости меня грешную! Кричит ночью в правило, мешает говорить. Я су перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожит и говорит: нет, государь, не до вина стало. Дай пожалуйста кусочек хлебца. И я ей говорю: разумеи, чадо – похотение то блудное пища и питие рождает в человеке и ума недостаток... Потом дал ей четки в руки, велел класть пред Богом поклоны. Кланялася, кланялася, – да и упала. Я пономарю шелепом приказал... И плачу пред Богом, а мучу. Начала много дал, да и отпустилъ»⁴³⁸.

Тюрьмы, как и плети и батоги, не были принадлежностью одних монастырей. Оне существовали и при дворе епископов. Так, описывая архиерейский дом в Коломне, Павел Алеппский замечает, что «в епископском доме есть большая тюрьма с железными колодками для преступниковъ»⁴³⁹. По другому поводу он же пишет: «Во всяком месте (пребывания архиерея) есть тюрьма, снабженная тяжелыми железными оковами и большими деревянными колодками. Если кто из настоятелей монастырей или важных священников совершит проступок, тот, будучи заключен в оковы, должен просевать муку ночью и днем при пекарне, пока не отбудет срок наказания»⁴⁴⁰.

В таких чертах рисуется церковная дисциплина XVI и особенно XVII столетия. На ней заметно отразились современные порядки светского права. Покаянная дисциплинарная сторона в наказании судимых в церковном суде отступает на задний план, – наоборот, выступает на первое место карательная сторона, в ея характерной для данного времени форме «смирения» во всевозможных его видах. Даже

монастырское заключение является наказанием сколько церковного, столько же, если не более, криминального характера. Оно всякую минуту могло быть превращено в заключение тюремное. А земляные и каменные тюрьмы монастырския не уступали, ни по своей крепости, лишавшей почти совершенно преступника возможности бегства, ни по своей суровости, тюрьмам не монастырским. Эта до некоторой стороны обмирщенная церковная дисциплина в применении к религиозным преступлениям подчеркивала их криминальный характер, затушевывала их противоцерковность и создавала удобную *почву* к изъятию некоторых преступлений из сферы церковной компетенции в сферу компетенции уголовной, потому что назначение не только телесных наказаний, но и монастырского заключения могло совершаться не по патриаршему только или митрополичьему указу, по и по указу царя⁴⁴¹.

Мысль об уголовной наказуемости религиозных преступлений со стороны светской власти на Руси существовала издавна. Хотя церковному суду и предоставлялось право наложения криминального наказания за преступления против веры и нравственности, но выбор криминальных средств ограничивался мерами более легкими. Митр. Иоанн II запрещал применение судом церковным смертной казни и членовредительных наказаний: «не бо принимает сего, говорит он, церковное наказанье и ученье»⁴⁴². Пролитие крови и смерть запрещал позднее и Митр. Фотий⁴⁴³. Между тем источники византийско-болгарского и византийского права, как «Закон судный людемъ», Эклога, Прохирон и др., постоянно напоминали о том, что в Византии преступники против веры и нравственности «уцеломудрялись» светскими наказаниями. Под влиянием Византийских законов и на Руси начинает сравнительно рано проводиться идея объуголовной наказуемости целого ряда преступных деяний. Сохранился любопытный пример прилаживания этих византийских правовоззрений на русской почве, именно в русских вариациях на одно место 77 новеллы Юстиниана. Это место новеллы, которая довольно часто в переводе и извлечениях помещалась

в Кормчих книгах и имеется уже в первоначальном славянско-русском Номоканоне, – в древне-русском переводе читается так: «Повелехом же преславному епарху црьского града пребывающая в реченьих злоба и нечистоты их деаніа и по семь нашемъ законоположении обьдержати и в последняя влагати муки»⁴⁴⁴. Это-то место и подверглось на русской почве любопытным переделкам. Так, в «Епископском поучении Христоролюбивым княземъ» речь ведется уже от лица епископа, и эта тирадаприводится в такой редакции: «повелеваем же епархови града: лестьця, хульники, ротници, мужеложники, убийця, девам растление имущи, насилующи – казнити по закону и и в последняя влагати муки, не щадети злое творящих пред Богомъ»⁴⁴⁵. Но с течением времени это место подверглось еще дальнейшей переработке. В одном древне-русском «слове от св. отец, как кристианом жити», это самое место, в более пространном виде, приводится после обличения всевозможных языческих суеверий. Автор этого слова говорит, что некоторые «немошь волшьбою лечат. и наузы чарами, бесом требищя приносят. и беса глемого тряскею творят. отгоняюще и. Еллиньско пишут на яблоце слово и кладут и на престле в год службы. Се проклято е. сего ради многи от бга казни на ны суть за неправды наша. Господь не рече целити чарам ини наоузы ни встречу, ни в полаз ни в чех веровати. то поганьское есть дело. аще ли от крестиян кто сотворить тако горше поган осудится. Аще о сем покаяния не примутъ. того ради елико ж крестянского рода, да не творят того, зла бо согрешеніа суть. рота, клевета, клятва, лжипослушество. зависть, татба. гнев. пианство, обида, лихоимство. скупость. и прочее. А телесноа скверность, и прелюбодеяние. содомско блужение. в племени поятие. Поганскийи есть, вернийи же сего, аще ведающе. не обличают таковых. ни наказуют. и ти осужению соделницы суть, паче же прозвитеры. аще таковых не оучат, не исправляют не претят по Бозе ревнующем за истинну. от инуд горе таковым будет учителем. инем подгнетаю негасимом будут огни. Кождо иерейство дрьжит. дабы тем кормились. А не печалуют о духовных чтобы пріат имь зад вечного живота...Аще злоб не останут делати. аще ли нецы и деют злая и духовного не

слушают оучения. и не каются, тацыи подимуть по делом мучение, и велим градским властелемъ не щадити зло творящих пред Богом. но казнити я лестыця. хулники. ротники. мужеложники, оубийца. тати, чародея. девам насилующая, блудяще с мужатицами. такая велим в конечные влагати муки, градским казнити законом. а не щадити злых. да ся накажут. и останут деяти злая, властели бо от Бога устроени. человек ради нетворящих закона Божия. да страх видевшие казни и Бога убоятся, властели да не щадят зло творящих. слуге быти Божию праведьномуу суду, а человецы же злобные такіа ведуще. да не таят. да не сами пред Богом с ними осудятся в муку»⁴⁴⁶. Здесь епарх превратился уже в «градского властеля». Перечисляется большее количество преступных деяний. Выясняется значение и самые обязанности «этих властелей» по отношению к преступным деяниям. Идея уголовной наказуемости религиозных преступлений, как видим, сквозит в этом слове очень заметно. Но эта идея, теоретически так рельефно выраженная в приведенной тираде, – идея, источник которой теряется в византийских традициях, – в право русское прошла далеко не сразу. Требовалось сначала точнее определить положение высшей светской власти по отношению к религиозным преступлениям, привлечь ее к этому делу, заставить ее видеть в этом свою обязанность, а не узурпацию прав церковного суда в сфере криминальной компетенции. Все это совершилось постепенно.

Свержение монгольского ига и объединение Руси под властью Московского царя создало мало-по-малу прочное и устойчивое положение для княжеской власти. А перенесение в Москву митрополии сделало этот город центром не только политической жизни, но и церковной. Факт перенесения митрополии имел то значение, что сосредоточил в Москве две сильных власти и придал разрозненным русским владениям характер единого целого, единого общего государства с единым светским главою и единым духовным. Близость к Митрополиту ставила Великого Князя Московского в близкое отношение и к делам церковным, заставляла «почасту взирать с отцами своими митрополиты в греческий Номоканонъ». К этому

фактическому положению Великого князя, а потом и царя, как блюстителя церковных дел, присоединялась еще та идейная постановка вопроса о царской власти, какую давали в своих сочинениях московские публицисты XIV-XV вв.⁴⁴⁷

Еще до XIV в. духовными писателями проводился взгляд о божественном происхождении царской власти. Известен факт обращения епископов к князю Владимиру относительно казни разбойников: *«Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование»*⁴⁴⁸. Позднее Митр. Никифор выражался, что *«князья избрани бысте от Бога и возлюблены бысте Имъ»*⁴⁴⁹. В начале XIV в. сам Константинопольский патриарх пишет Тверскому князю Михаилу Ярославичу: *«Истинно видим, яко Богом дана ти есть власть и княжение, понеже тщишия и дерзаеши, да ходять людие поправде, в славу Богу»*⁴⁵⁰.

Из этого учения о богоустановленности княжеской власти были, между прочим, сделаны два вывода. Первый – это то, что князья, в силу их сана, были ответственны пред Богом особым образом, более, чем все прочие⁴⁵¹. А второй вывод, что князья должны быть блюстителями чистоты православия. Эта последняя мысль, как доказывает М. Дьяконов⁴⁵², впервые стала у нас проводиться греком, – именно Митр. Никифором в двух его посланиях к Владимиру Мономаху. Он пишет, что нашел *«князя благоверна по Божии благодати и не уклонишеся от первы веры... храняже еже по Бозе ревность и до сего дьне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти целу; съблюденеже ти се будет, аще в стадо Христово не даси влъку внити, и аще в виноград, иже насади Бог, не даси насадити тръния, но съхраниши преданіа старое отец твоихъ»*⁴⁵³. Но эта идея об охране чистоты православия у нас не нашла себе до Флорентинской унии подходящей почвы. Только благодаря событиям, последовавшим за унией, опять с большею силою и определенностью, а равно и в новой формулировке, высказалась идея блюстительства русскими князьями православной веры. Съодной стороны соблазн, произведенный мптрополитом Исидором, принявшим унию, а с другой и отношение к этому делу Великого князя Василья Васильевича, который собрал по поводу этого на собор боголюбивых

епископов, архимандритов, игуменов и прочих священноиноков и, на основании соборного приговора, заключил митрополита в монастырь⁴⁵⁴. – имели два важных следствия. В умах современников было – с одной стороны – возбуждено сомнение в чистоте веры принявших унию греков, а с другой – рельефно оттенилось положение и деятельность Великого князя, явившагося ревностным поборником по православию. Его поведение заслужило общия похвалы, как современных, так и позднейших писателей⁴⁵⁵. Естественно, что с падением Царя-Града, второго Рима, взоры русских обратились на Московского князя, как на единственного царственного покровителя православия и блюстителя чистоты правоверия. Мало-по-малу мысль подыскала и теоретическое обоснование такого порядка вещей. Когда иго монгольское было окончательно свергнуто, когда Московский Вел. Князь стал *de facto* и *de jure* свободным властелином русской земли, окончательно сформировалась мысль о перенесении на Москву прежнего значения столицы Византийской Империи⁴⁵⁶. Тогда же была окончательно формулирована и знаменитая теория третьего Рима. Все попытки доказать особое религиозно-политическое значение Руси, оправдать на явлениях практической жизни эту теорию, были, – по замечанию Дьяконова, – столь же фиктивны и отличались таким же мистицизмом, как и самая теория Москвы – третьего Рима, но по тем выводам, какие сделаны были изъних политической практикой того времени, эти мистические фикции имели несомненное реальное значение⁴⁵⁷. Для нас важны не столько теоретические предпосылки этого учения, сколько практические выводы этой теории и итоги ее по отношению к нами изучаемому вопросу. Первою обязанностью, какую указали В. Князю, первым делом, которое он должен был выполнить, чтобы воочию доказать свое поборание по церкви Божией, – было искоренение новгородских еретеков, так наз. жидовствующих.

Необходимость применения «градских казней» к еретикам отчетливо была высказана еще несколько раньше, в самом начале XV в.⁴⁵⁸ Митр. Фотий писал в 1427 году псковским посадникам и духовенству касательно стригольников: «Удаляйте

собе от тех в ястии и питии, и казньми (толико не смертными, но внешними казньми и заточеньми) приводяше тех, да будут в познание и обращение к Богу»⁴⁵⁹. К концу этого столетия «внешняя казнь» были признаны недостаточными для наказания еретиков. Новгородский епископ Геннадий, в послании к собору владык, рекомендует только с той целью учредить собор, чтобы «еретиков казнити, жечи да вешати»⁴⁶⁰. А в послании к М. Зосиме он настаивает, чтобы тот усиленно убеждал Вел. Князя принять меры против еретиков. «А ты господин, отец наш, сыну своему Великому князю накрепко о том вспоминай, понеже должно ти есть. А толко Государь наш, сын твой, князь Великий того не обышет, а тех не казнить, ино как ему с своей земли та соромота свести? Ино Фрязове по своей вере какову крепость держат: сказывал ми посол цесарев про Шпанского короля, как он свою землю очистил, и яз с тех речей список тебе послал. И ты б, господине, о том Великому Князю пристойно говорил, нетокмо спасения ради его, но чести для Государя Великаго князя, занеже не кому иному того Государю разговорити; алежит то на тебе, на отце нашем, да и на нас, на твоих детехъ»⁴⁶¹. Сам он обходился с еретиками далеко неснисходительно. Когда Московский Государь послал к нему некоторых из жидовствующих, то Геннадий «за 40 поприщ повелеваше всажати на коня в седла ючные и одежда их повеле обращать передом назад, и хребтом повеле обращать их к главам конским, яко да зрят на запад в уготованный им огонь, а на главы их повеле взложить шлемы берестяны остры, яко бесовские, а еловцы мочальные, а венцы соломенны, с сеном смешены, а мишени писани на шлемех чернилом, се есть сатанино воинство, и повеле водити по граду и сретающим их плевати на них, и глаголати, се врази Божии и христианстии хульници, потом же повеле пожещи шлемы, иже на главах ихъ»⁴⁶². После этого издевательства они, вероятно, были наказаны только заточением⁴⁶³.

Другим проповедником идеи необходимости «градских казней» для еретиков был преп. Иосиф Волоцкий. Он все время полемизировал с заволжскими старцами, которые утверждали, что еретиков не следует предавать казням. В 1493 г. он в

послании Суздальскому епископу Нифонту пишет: «А иные, господине, говорят, что грех еретика осужати: ино, господине, не токмо их осужати, но и казнити и в заточение посылати, точию смерти предати епискупом не повелено есть: а царие благочестивии и смерти предаша от жидов и от еретиков многих непокаявшихся»⁴⁶⁴. Более подробному раскрытию этой мысли Иосиф Волоцкий посвятил 13-е слово на Новгородских еретиков⁴⁶⁵. Он вменяет в обязанность каждому христианину «испытывать и искоренять лукавство»⁴⁶⁶ еретичествующих. Указывает, что запрещение Иоанном Златоустом убивать еретиков относится к людям духовного чина, а не к царям, князьям и судиям, которые «власть прияша от Господа Бога во отмщение злодеем, в похвалу же добро творящимъ»⁴⁶⁷. Он приводит разнообразные примеры наказания еретиков из древне-христианской жизни; обращается к властям и вменяет им в особую обязанность блюсти стадо Христово. «Слышите, цари и князи, – восклицает он – и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам, яко слуги Божии есте: сего ради поставил есть вас пастыря и стража людем своим, да соблюдете стадо Его от волков невредимы: вас бо Бог в Себе место избралъ на земле и на свой престол посади, милость и животъ положи у вас, и мечъ вышня Божия десница вручи вамъ»⁴⁶⁸. А в заключение этого 13-го слова он так резюмирует свою мысль: «Се убо явьственныи есть и известно воистину всем человеком, яко и святителем, и священником и иноком, и простым человеком и всем, иже христианская мудрствующим, подобает осужати и проклинати еретики и отступники, царем же и князем и судиям земским подобает сих в заточение посылати и казем лютым предати»⁴⁶⁹.

Все свои положения преп. Иосиф в сжатой форме выразил в небольшом послании своем к Великому Князю Василию Ивановичу, которого он просил о наказании царским судом еретиков. «О том, еже грешника или еретика руками убить или молитвою едино есть; понеже Моисей скрижали ручные разбив, Илия Пророк чытыреста жрец закла, и Финеес брата над Мадіамлянынею блудяща копием прободе, и Апостол Петр Симона Волхва молитвою разби, при Нероне даре и Павел

Апостол Симона Волхва молитвою ослепи, и Левъ епископ Катанский Леодора Волхва патрахилью связа и созже и донеле же Леодор сгоре, Епископ же Лев из огня невредим, а другого Волхва Исидора молитвою созже той же Епископ при Греческом Царе, сих ради свидетельствова, аще грешника, или еретика убити молитвою или руками едино есть, и молимся тебе Государю отом, чтобы Государь своим Царским судом искоренил той злый плевел еретический в конецъ»⁴⁷⁰. Деятельность Иосифа однако долго оставалась безуспешной. Иван III обходился хорошо с дьяком Курициным и протопопом Алексеем, которые оба были заражены ересью. И хотя распоряжения собора 1505 года против жидовствующих и были изданы от имени Иоанна III, но трудно решить, – изменил ли он свои взгляды на них, или эти распоряжения изданы были Василием Иоанновичем, который председательствовал на соборе⁴⁷¹. Как бы то ни было, но по определению этого собора 1505 г. было велено «лихихъ» из еретиков казнить смертной казнью. Так. обр., трое – Курицин, Коноплев и Максимов – были сожжены в клетке; Некрасу Рукавову на Москве отрезали язык, а в Новгороде тоже сожгли, как и еще некоторых других⁴⁷². Принцип уголовной наказуемости еретиков нашел себе здесь полное выражение. Иосифлянская доктрина восторжествовала. Позднее и Максим Грек по делу некоего Исаака Жидовина молил соборъ "смутившего паству Спасову предать внешней власти в казнь»⁴⁷³, – и тем выразил свою солидарность с иосифлянцами в этом вопросе. – Но блюстительством правоверия неисчерпывались обязанности великого князя по отношению к религиозно-нравственной жизни подвластного ему народа. Ему указывали широкую задачу общего воздействия на всю сферу религиозно-нравственной жизни. Еще в начале XV ст. игумен Кирилл писал Можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей вотчине не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ; крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут... Также, господине, уймай под собою люди от скверных слов и от лаяния, понеже все то прогневает Бога; и аще, господине, не подщитися всего того управити, все то на тебе взыщется:

понеже властитель еси своим людем от Бога поставлена"⁴⁷⁴. Преп. Іосиф видит обязанность царей вътом, чтобы «все обладаемое от треволнения спасти и многогреховного смятения»⁴⁷⁵. Такие же мысли внушал в своем послании Іоанну Грозному Новгородский Архиеп. Θεодосий. «Тобе, государю, пишет он, по подобию небесные власти далъти есть небесный Царь скипетр земного царствия силы, да человеки научиши правду хранити и еже на ны бесовское отженеши желание. Якоже кормчий бдит всегда, тако и царский многоочитый твой ум содержит твердо доброго закона правило, иссушаа крепко беззаконіа потоки, да корабль всемирные жизни не погрязнят волнами смущеніа... Подобаает же ти, благочестивый царю, всяко тщание имети *сущих под тобою от треволнения спасти душевнаго и телеснаго*"⁴⁷⁶.

Но если уже в посланиях духовные лица так ярко раскрывают обязанность князей в отношении своих подданных – блюсти их религиозно-нравственную жизнь, то несомненно еще более значения имели личные беседы князей с окружавшими их представителями церковной иерархии. Вращаясь в этой атмосфере идей и понятий, постоянно напоминавшей князьям об их священном долге по отношению к церкви и ея интересам, они, конечно, не могли оставаться глухими ко всему этому, они усваивали мысль об их ответственности за состояние религиозно-нравственной жизни их подданных. Іоанн Грозный в первом послании кн. А. Курбскому писал: «Аз убо верую, яко о всех согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но *и о подвластных мне дати ответ, аще моим несмотрением погрешать*"⁴⁷⁷.

В своей речи кь Стоглавому собору Іоанн IV просил отцов собора указать меры к поправлению поизшатавшихся нравов народных и обещал свое содействие кьэтому. Собор с своей стороны решительно санкционировал применение уголовной кары там, где не действовали меры церковного запрещения. «Благочестивому царю в царствующем граде Москве и по всем градом Российского Царства, говорит собор, заповедь учинити, чтобы волхвы и чародеи и кудесники и смотрящие в раелеи и во аристотелевы врата, и по звездам, и по планидам и

діавольскими действои мир прельщают и от Бога отлучают, и прочая еллинская беснования творят, от ныне бы впредь те ереси поправаны были до конца»⁴⁷⁸. В другом месте также говорится, чтобы по всем градом «царю свою царскую угрозу учинити и заповедь,... чтобы православные християне таких богомерзких книг еретических у себя не держали и не чли»⁴⁷⁹. Эта же мысль повторяется и в других местах⁴⁸⁰. Царския распоряжения, на издании которых так настаивал Стоглавый собор, не заставили себя долго ждать. Типичен указ Ивана Грозного, данный чрез год после Стоглавого собора: «По Цареву и Великого Князя слову Ивана Васильевича всея Руси дана Выпись Оondreю Берсенеу да Хозяину Тютину о том, что не велено священническому и иноческому чину, по священническому и иноческому чину, по священным правилом и по Соборному Уложению, в корчмы входить, ни в пианство упиватися, ни празнословити, ни лаяти и им того бречи накрепко по всей Москве. И которые священники, и діаконы, и иноки, забыв страх Божий и презрев священная правила, и царскую заповедь и Соборное Уложение, учнут по корчмам ходити и учнут в пианство упиватися и по двором и по улицем скитатися пиане, или учнут сквернословити, или матерны лаяти кому, на соблазн мирским человеком, или пиани учнут битися и драться: и им таких безчинников, попов и дьяконов и черьнцов имати да и заповедьна них Царскую имати, по земскому обычаю, якож и с простых людей безчинников и бражников заповедь емлют; да отсылают тех черьнцов в монастыри, к архимаритом и игуменом, и они их смиряют по монастырскому чипну, а попов и діаконов отсылают к поповским старостам и они о тех безчинникех Святителем возвещают и святители их исправляют по священным правилом. Да по Цареву ж и Великого Князя слову Оondreю дахозяину велети по торгом кликати: чтобы православнии християне от мала и до велика, именем Божиим во лжу не клялись, и на криве креста не деловали и иными клятвами не клялись, и матерны бы не лаялись, и отцем и матерью скверными речьми друг другане упрекали и всякими б неподобными речми скверными друг друга не укоряли, и бород бы не брили и не обсекали, и усов бы не

подстригали, и к волхвом бы и к чародеем, и кь звездочетцем волховати не ходили, и у польбы чародеи не были. А которые безчинники, забыв страх Божий и царьскую заповедь, учнут именем Божиим во лжу клятись, или на криве крест целовати, и отцем и матерью укорятися, и скверными речьми лаяти и учнут бороды брить и обсекати, и усы подстригати и к чародеемък волхвом и к звездочетцом ходити волховати, и к полям чародеи приводити, и в том на них доведут и обличены будут достоверными свидетели; и тем быти от Царя и Великого князя в великой опале, по градским законам, и от Святителей им же быти в духовном запрещении по священным правиломъ»⁴⁸¹. Этот любопытный указъкак будто весь составлен по программе, начертанной в Стоглаве. Несколько неожиданным является только первая половина его. Здесь Иоанн Грозный с решительностью ополчается на духовный чин, между тем как это дело никак не светской власти, а церковной. Но и на счет этого мы можем найти в том-же Стоглаве, в его 34 главе, если только будем читать ее по изданию Кожанчикова. В этой статье говорится, что за безчиние священники подлежат наказанию: «овому духовное наказание, овому страх, иному же отлучение по священным правилом, а которые священники и диякони не учнут слушати святительская наказания по правилом святых отец и святой херотонии, таковии будут от своих святителей в копечном отлучении священства и преданы будут царскому суду»⁴⁸². А если так, то естественно, что на светскую власть падала забота о благочинии и по отношению к духовным лицам, при том раньше того времени, как они предстанут на суд царский. Кроме того, если царская власть была обязана предупреждать соблазны, то она не могла быть равнодушна к беспорядкам и безобразиям среди духовенства, раз ею подобное неблагоприличие преследовалось и среди мирян. Но как бы то ни было, этот решительный указ начинает собою ряд других аналогичных указов, направленных на приведение в нормальный вид религиозно-нравственных аномалий.

Так, Алексей Михайлович в своей речи ко вселенским Патріархам на большом Московском соборе 1667года, прекрасно выразил свою заботу о благоустроении церковных

дел. «Молим убо вы, так обратился он к восточным иерархам, – и увещаем, яко да со всяким тщанием прилежите о сем деле Божии, во еже бы *нам о попечении*, вам же о нерадении и пренебрежении в страшный день отмщения Судии нелицеприятному слова не воздати. Се мы засвидетельствуем безначально живущего и безконечно царствующего, яко *готови есма вся наша и самих нас положити на поборение по Церкви Божіи*; вы точию, о делателии нивы Христовой, небрежениемотягчены не будите»⁴⁸³. Эта же самая забота о благочестии и благочинии церковном, проистекающая из сознания своей ответственности пред Богом, побуждала Алексея Михайловича издать такого же рода распоряжения, какия изданы были Иоанном IV. Вот наиболее характерные из этих распоряжений. В 1649 г. Верхотурский воевода Раф Всеволожский посылает память прикащику Ирбитской слободы Григорию Барыкову, с приказом объявить государев указ такого содержания: «чтоб в Ирбитцкой слободе мирские всяких чинов люди, и жены их и дети, в Воскресенье и Господьские дни и великих Святых, к церквам Божиим к пению приходили и в церкви Божии стояли меж себя смирно, в церкви Божии, в пенье, никаких речей не говорили, и слушали бы церковная пения со страхом и со всяким благочестием, внимательно, и отцов своих духовных и учителных людей наказанья и учения слушали, и от безмерного пьяного питья уклонились и были в трезвости, и скоморохов с домрамии гуслями, и с волынками и со всякими играми, и ворожей, мужиков и баб, к болным и ко младенцом и в дом к себе не призывали, и в первой день луны не смотрили, и въ гром на реках и озерах не купались, и с серебра по домом не умывались, и олова и воску не лили, и зернью и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медведей не водили, и с сучками не плясали, и никаких бесовских див не творили, и на браках песней бесовских не пели, и никаких срамных слов не говорили, и по ночам на улицах и на полях богомерзких песней не пели, и сами не плясали и в ладони не били, и всяких бесовских игр не слушали, и кулачных боев меж себя не делали и на качелех ни на каких не качались, и на досках мужской и женской пол не скакали, и личин на себя не накладывали, и

кобылок бесовских не наряжали, и на свадьбах безчинства и сквернословия не делали. И где объявятся домры, и сурны, и гудки и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и тебе б все то велеть выимать; и изломав те бесовские игры велеть жечь; а которые люди от того ото всего богомерзкая дела не отстанут, и учнут впредь такова богомерзкая дела держаться, и тебе б, по Государеву указу, тем людям чинить наказание: где такое в Ирбитцкой слободе безчиние объявится или кто на коготакое безчиние скажет, и ты б тех людей велел бить батоги; а которые люди от такова безчиния не отстанут, и выймут у них такие богомерзкие игры вдругоряд, и ты б тех ослушников велел бить батоги... А которые люди отътого не отстанут и объявятся в такой вине втретие и вчетвертые, и ты б о том писал и тех ослушников с приставы присылал на Верхотурье»⁴⁸⁴.

Кроме заботы об искоренении языческих суеверных обычаев, другая забота Алексея Михайловича, это – исполнение церковных уставов: посещение праздничного богослужения и исповедь. Относительно посещения богослужения в воскресные и праздничные дни и прекращения на это время мирских работ в 1617 г. был издан указ такого рода: «В нынешнем во 155 году Марта в 17 день Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси указал, и Великий Господин, Святейший Иосиф, Патриарх Московский и всеа Руси, с Митрополиты, и со Архиепископы, и со архимандриты, и игумены, и с протопопы и со всем священным собором, уложили: по правилу святых Апостол и святых Отец, в воскресный день отнюдь не подобает никому делати, господину и госпоже, мужеского и женского полу ни рабом, ни свободным, но упражняться и приходить к церкви Божии на молитву, а в Суботу преставати от всякого дела, как начнут в соборе благовестить к вечерне, за три часа до вечера и торговати покинуть, и ряды затворить, и торговые бани по тожь время оставить и всякого чину людям в бани не ходить; а наутрее, в воскресной день, до пятого часа рядов не отпирать и ничем не торговать, а как четыре часа минет и в начале пятого часа, тогда всякими товары и харчем торговать и ряды отворить;

а скотской корм овес и сено продавати во вся дни и часы невозбранно. А в Господьские праздники тож творити, как и в воскресные дни. А когда бывают со кресты ходы и тогда в рядах ничем не торговать и рядов не отпирать до тех мест, как изъходу со кресты придут в Соборную церковь, а потом торговать. А в зимнюю пору, когда бывают во дни семь часов, и тогда торговать и ряды отворять в начале четвертого часа, а в вечере от всего престать за час ночи»⁴⁸⁵.

Постановление Алексея Михайловича потом перешло и в Соборное Уложение⁴⁸⁶. За ослушание наказывали. Так, в 1669 г. князь Оболенский был посажен в тюрьму за то, что у него в неделю всех Святых крестьяне на дворе работали⁴⁸⁷.

Обязательность пощения Алексей Михайлович отметил два раза. Первый указ был дан в октябре 1650 г. Им в предстоящий Филиппов пост было повелено всем православным христианам поститься со всяким благоговением, по правилу Св. отец и по уставам, а во время божественного пения в церкви стоять со страхом и молитву творить безпрестанно, а разговоров между собою и шептания и никаких речей между собою не говорить. «А будет кто, забыв страх Божий, в нынешний Филиппов пост поститься и к церкви Божией приходить не учнет, или которые люди учнут жити без отцов духовныхъ; и тем людям быти от нас в наказаньи»⁴⁸⁸. Другой указ был объявлен 1 марта 1674 года на постельном крыльце: «Стольники, стряпчие и дворяне и дети боярския и всех чинов люди! Великий Государь велел Вам сказать: ныне приспе время святого и великого поста к покаянию на очищение от грех всем православным христианомъ; и вы б приходили к Церкви Божией во вся дни и молились Господу Богу, и у отцов своих духовных исповедывались, а которые сподобятся Святых Божиих Таин, и те причащались, также и домочадцом своим велели к церквам Божиим приходить и исповедываться ж, а в Соборе и по приходским церквам указал Великий Государь досматривать, кто учнет приходить, а которые к церквам Божиим для моления приходить и поститься не станут и тем от Великого Государя быть в наказании»⁴⁸⁹. Уважение к установлениям церковным должно проявляться и в отношении к предметам священным, и

не только в церкви, но и везде и всегда. В этом отношении интересен указ, данный Владимирскому воеводе Плещееву. Алексей Михайлович жалуется на непочтительное отношение к Св. Тайнам, несомым для напутствования больных. Поэтому, «желая о исправлении благочестия и скорбя о гибели душ Христианских, что за такое небрежение и бесстрашие многие люди гнев Божий на себя наводятъ», он велел учинить крепкий заказ, чтобы священника, несущего Св. Дары, всегда сопровождали, кроме причетников со свечами, из прихожан человек по десяти и больше, а мимохожие бы расступались, проезжающие выходили из телег и саней и отдавали поклонение «со страхом и трепетомъ». «А которые бесстрашники, продолжает далее указ, – неимущие в себе страха Божия, Святым Божиим Тайнам чести воздавать, и священнику, идущему со Святынею, пространная пути давать и в стороны уступать и с лошадех ссадиться и из саней и из телег выходит и поклоняться не учнут, и тех бесстрашников велено всяким людем имати, и по Нашему Указу, таким невежам и бесстрашником, велено чинить жестокое наказание и ссылатъ их в монастыри въсмиренье, для исправленья в их бесстрашии, покаместъ навыкнутъ иметь страх Божий»⁴⁹⁰.

Соблюдение благочиния и благоговения требовалось и вовремя крестных ходов. Так, указ 29 июня 1668 года требовал, чтобы, «когда будут из Соборные Апостольския Церкви с иконы ходы, также и Ему, Великому Государю, выходы в Соборную Церковь и в иные церкви и места, и в то б время всяких чинов люди и люди их близко соборные церкви и по дороге на лошадях не сидели б истояли б без шапок, а с лошадьми стояли на площади от соборные церкви и от иных церквей поодаль, и стояли смирно и безмятежно, и меж себя у них никаких игр не было, да и пешие б никакие в то время не сидели, а стояли б без шапокъ; а буде тех чинов люди учинят мимо сего государева указу и впредь кто из них пойман будет, и тех чинов людем быть от Великого Государя в опале, а людем их, кто так учинит, в жестоком наказанье без всякия пощады»⁴⁹¹.

Так. обр., мы видим, что в эпоху Алексея Михайловича число указов, касающихся разных сторон церковно-религиозной

жизни не уменьшилось, а возросло. Религиозный формализм, проникавший воззрения Московской эпохи, заметно отразился на составе тех религиозных преступлений, какие предусматривались вышеприведенными и подобными им распоряжениями. Точка зрения на противников этих распоряжений двоякая: они и грешники и ослушники, в силу чего и наказываются, как потому, что были ослушники, так и для того, чтобы впредь имели страх Божий. Наказанию был придан не только карательный, но и воспитательный характер. Но это своеобразное воспитательное значение наказания могло отпасть, и тогда караемые им деяния становились только уголовно-наказуемыми преступлениями в их чистой форме.

Если теперь мы сопоставим указы Алексея Михайловича с указом Ивана IV 1552 г., то заметим между ними то различие, что в указе последнего идеей ослушания поглощаются почти совершенно другие элементы преступления, почему он так категоричен и беспощаден, между тем как в указах Алексея Михайловича есть тон соболезнавания, который как будто смягчает запрещенность известных деяний. Но это различие только, так сказать, психическое, а не юридическое. По своей юридической структуре те и другие деяния одинаково являются запрещенными. Для исполнительных инстанций мотивы этих запрещений не важны. Почему бы ни было запрещено то или иное деяние, но раз оно запрещено, оно должно быть караемо. Практикою судов всякий наносный слой чувства был сметен и оставался один только голый остов сурового, беспощадного к ослушникам и забывателям страха Божия, закона.

§ 3.

Изображение факторов и условий наказуемости религиозных преступлений в Московскую эпоху было бы не полно, если бы мы уклонились от рассмотрения того, каково было за это время положение вопроса о свободе вероисповедания. Правда, ни XVI, ни XVII века не дали *юридического* решения этого вопроса. Он решался только фактически, но тем не менее фактическое его решение было фундаментом, на котором в XVIII в. создалось юридическое решение вероисповедного вопроса и которое обусловило самую

форму этого юридического решения. Для большей отчетливости сопоставим русскую постановку вероисповедного вопроса в XVII в. с современною постановкою этого вопроса в доктрине Запада. На Западе свободу вероисповедания выводили из двух условий: 1) из отрицания у власти – церковной или государственной – права религиозного принуждения и 2) признания за индивидуумом права свободного следования в деле религии убеждениям своей совести. С одной стороны – оппозиция католичеству с его инквизицией, ауто-да-фе, религиозными войнами и т. д., – с другой – расположение к свободомыслию и ереси, были теми импульсами, какие влияли на такую постановку вопроса о свободе религиозного исповедания. Отрицали религиозный догматизм в пользу свободы совести и религиозного индивидуализма. Борьба шла между различными религиозными партиями или сектами. Во Франции избивают гугенотов, в Швейцарии предают сожжению антитринитариев, в Англии преследуют дессидентов, в Нидерландах – арминиян, в Чехии – гусситов etc. На почве всех этих отношений и фактов юридическая доктрина пыталась, в противодействие господствовавшей всюду нетерпимости одних лиц к религиозным убеждениям других, провозгласить принцип свободы совести, т. е. права всякого индивидуума, без всякого внешнего принуждения веровать тому и так, чему и как кто желает, иначе говоря – полного религиозного индивидуализма. Так, еще в 1324 году *Марсилиус* Падуанский в своем сочинении: *Defensor pacis* отрицал за духовною властью право наказывать еретиков. «Еретик (по его взгляду) должен быть судим по закону Божьему, а потому он может быть наказан только в будущей жизни Христом: священнику здесь принадлежать только увещание. Человеческий же закон может воспретить еретикам пребывание в известной стране, как людям, вредным для других»⁴⁹².

Основатель протестантства Лютер первоначально также был против наказания еретиков. Он писал: «еретиков надо побеждать не огнем, а Писанием, как делали прежние отцы церкви. Если бы все дело состояло в том, чтобы победить еретиков огнем, то палачи были бы ученышими учителями в

мире»⁴⁹³. И только позднее, когда в самом лютеранстве произошел раскол, он допустил принуждение в делах веры. Но Меланхтон уже склонялся в сторону религиозной нетерпимости⁴⁹⁴. В кальвинизме религиозная нетерпимость была доведена до крайних пределов. Нравственную дисциплину, которую церковная власть охраняла духовным оружием, светская власть должна была поддерживать принудительными средствами. Церковь осуждала еретиков, гражданский правитель предавал их сожжению⁴⁹⁵. После продолжительных религиозных войн Европа кое-как умиротворилась. Политические мыслители снова подняли вопрос о свободе совести. Так, Мильтон в трактате «о гражданской власти в духовных делах» доказывает, что ни один человек не должен преследоваться за свое вероисповедание, и всякая протестантская секта, какова бы она ни была, должна быть терпима⁴⁹⁶. Равным обр., и Спиноза отстаивает неприкосновенность человеческой совести. Внутреннее поклонение Богу и внутреннее благочестие остаются правом каждого отдельного лица, ибо совести своей никто не может перенести на другого. Душевное настроение не дается внешнею властью; силою и законом никого нельзя сделать блаженным. Следовательно, всякий может свободно мыслить и чувствовать в делах веры⁴⁹⁷. Человеческая природа настолько разнообразна, что один придет в благоговение от того, что в другом возбудит только смех. А потому, лучше предоставить каждому свободу убеждения и право следовать какому-нибудь вероисповеданию (*die religiösen Urkunden*) по своему расположению (*ex suo ingenio*)⁴⁹⁸. Локк в своих «Письмах о терпимости» утверждает, что «государство не должно навязывать никому той религии, которой он не желает; мало того, оно не должно предписывать и ту религию, которую истинной признает церковь; государство не более частного лица знает, какой путь ведет ко спасению; равным образом и церковь не может быть безошибочным авторитетом, ибо история показывает, что церковь часто и грубо ошибалась»⁴⁹⁹. Уже из приведенных выдержек можно видеть, в каком направлении западная юридическая доктрина решала вопрос о свободе

вероисповедания. Она требовала свободы мысли в деле религии и свободы религиозного поведения. Она отрицала ортодоксальный догматизм и религиозную нетерпимость. В этом заключалось ее требование свободы совести. Несколько иначе ставился вопрос о свободе вероисповедания у нас, в России. У нас не поднималось вопроса о правомерности ереси или раскола. И хотя вопрос о наказуемости ереси в конце XV и в начале XVI в. и вызвал споры иосифлян с заволжцами, но этот вопрос сводился к тому, как действовать по отношению к еретикам, какими именно мерами, а не к тому, признавать за еретиками право свободно мыслить и жить по-своему, или нет. Известный старец Артемий в своем "Послании утешительном в скорби сущим Слова ради Божия" пишет: «Аще и словом исповедуют ведети Бога, дела же отместятся. Моя бо, рече, овца гласа Моего слушают, глаголющаго: научитеся от мене, яко кротокъ есмь и смирен сердцем, а не суров и безчеловечен, и съгрешающия исправите духом кротости, а не ранами и убийством и темницами и юзами»⁵⁰⁰. Не сочувствуя деятельности партии иосифлян, Артемий однако не говорит того, что *согрешающие* должны так и остаться в своем согрешении и заблуждении. Нет, они должны быть «исправлены», но только «духом кротости», а не принудительными мерами. Здесь нет речи о том, чтобы даровать заблуждающим *право* остаться без исправления. Ни о терпимости еретичества, ни тем менее о его какой бы то ни было правомерности в Московском государстве не поднималось вопроса. Требование свободы веротерпимости возникло в сфере других отношений, и склад этих отношений повлиял на самую постановку этого вопроса.

Со времени Иоанна Грозного начинается в Россию наплыв иностранцев. С одной стороны развитие торговых отношений и появление в России иноземных купцов, с другой – дипломатические связи с иностранными дворами, а также привлечение на русскую службу иностранцев, – все это вызвало значительное увеличение в России числа иностранцев. Одни из них селились в России, натурализовались, другие пребывали временно. По своему вероисповеданию одни иностранцы были

католики, другие – протестанты; по национальности тут были и англичане, и немцы, и французы, и голландцы, и датчане. Естественно представляется вопрос: какое же юридическое положение они должны были занять в Московском государстве, в каких отношениях стать к вере православной? Не касаясь вопроса о других правах иностранцев в России, посмотрим, каково было их вероисповедное положение⁵⁰¹.

Общий принцип, которому следовало Московское правительство, – это предоставление каждому иностранцу свободы держаться своей веры безпрепятственно; ограничения касались только права иностранцев, строить иноверные храмы и в них совершать общественное богослужение. Пропаганда иноверия среди православия абсолютно была воспрещена; пропаганда среди иноверцев не воспрещалась. Рассмотрим подробнее каждый из указанных пунктов.

Хотя русские и считали свою веру выше всяких других вер – католичества и протестантства, но тем не менее никогда не принуждали иностранцев принять православие. «Не слышно, писал в начале XVII в. Олеарий, – чтобы русские насильно кого обращали в свою веру, напротив, – каждому они предоставляют свободу совести, хотя бы это были их подданные и рабы»⁵⁰². Это не единственное свидетельство. Само правительство не раз выражало это. Так, в 1569 г. в царской грамоте, данной англо-русской компании говорится: «Мы по нашей милости, вышеназванному обществу английских купцов, их преемникам, служителям и торгующим от них, которые живут или будут жить в Москве или ином каком месте нашего государства, дозволили хранить свой собственный закон, и никто из наших да не принуждает их против воли к нашему закону и вере»⁵⁰³. В 1582 г. во время переговоров царя Ивана с Антонием Поссевином, последнему 21 февраля был сказан в посольской палате такой ответ царя: «Римлянам, Венецианам и Цесаревой области торговым людям в Московское государство приезжать и торговать повольно и попам с ними их веры ездить воля безо всякого возбранения, только им учения своего русским людям не плодить и костелов им в государстве Московском не ставить; каждый в своей вере да пребывает, и грамотой утверждать то не

для чего: в Московском государстве много разных вер, и мы ни у кого воли не отнимаем, живут, кто как хочет»⁵⁰⁴. В письменном ответе, данном при прощании Антонию, было также сказано: «которые люди римской веры начнут приезжать в здешния государства, и в том государь велел учинить повольность, кто в которой вере, тот в своей вере и пребывает, зазоры им и укоризны в том неть»⁵⁰⁵. Но не допуская по отношению к иностранцам принуждения в вере, Московское правительство не давало им и большой свободы. Уже в приведенном ответе Ивана Грозного папскому нунцию мы видим отказ в разрешении католикам иметь свой костел. Как католики этого ни добивались, но они ни в XVI, ни в XVII в. не получили нужного им разрешения. Борис Годунов во время переговоров с Польшей ответил Льву Сапеге: «дозволить полякам строить латинския церкви нельзя, но не запрещается им приезжать в Россию и жить по их вере»⁵⁰⁶. В 1686 г. царевна Софья в наказе послам, отправляемым в Вену, указала: «а о строении костела отказать, а в доме римлянам по своей вере молитвы отправлять невозбранно»⁵⁰⁷. Даже вопрос о постоянном ксендзе на Москве встретил, прежде чем получить разрешение, немало затруднений⁵⁰⁸. Русские опасались католической пропаганды среди православных, и – основательно. В XVII в. иезуиты разных стран проникли в Москву и открыли здесь пропаганду католичества. Патриарх Иоаким настойчиво указывал государям Ивану и Петру Алексеевичам, что «иезуиты прежде в Московском государстве нигде не имели пристанища, потому что они святой соборной Восточной Апостольской церкви и ея догматам чинят противность и раскол, и людей прельщают и римской вере научають»⁵⁰⁹. Патриарх просил о изгнании иезуитов из России. 20 октября 1689 г. иезуитам был прочитан Высочайший указ, чтоб они «в путь свой собирались бы и выезжали»⁵¹⁰. В России было разрешено из духовных католических особ быть только ксендзам из плебанов, а не из монашествующих орденов. В 1691 г. 29 августа цесарскому послу Куртцу было сказано о католическом духовенстве и костелах то же, что было постановлено в 1689 году: «Костелу, иезуитам и училищам их ныне и впредь на Москве не быть.

Когда было дозволено иезуитам для любви к Цесарю жить до указу на время спокойно и отправлять службу на дому, то они начали жить противно, вступаться не в свои дела, вмещать новое, писать по почте в иные государства о том, о чем не надлежало; святейшему Патриарху и всему грекороссийскому духовенству и благочестию чинили многую противность, на прелесть и на ссору печатали на русском языке многие листы и призывали в свои училища русских людей... Прежде же допустили их в Москву на время из любви братской к его цесарскому величеству. Одному же светскому священнику кроме иезуитов и иных законников побыть в Москве на время царское величество указали, и то ради начальных людей римского исповедания, которые ныне у Государя на службе, и отправлять ему для них службу на дому»⁵¹¹. Так. обр., разрешая духовной католической особе пребывание в Москве, государи русские выставляли это, как особую милость с их стороны, а не как какое-нибудь право со стороны католиков. Московское правительство как бы остерегалось предоставить иностранцам полную свободу богослужения, как право, и тем связать свою собственную свободу по отношению к ним. Этоже можно сказать и касательно протестантов, положение которых в отношении свободы общественной богослужения было вообще значительно выгоднее положения католиков.

Хотя протестанты и питали иногда мысль о пропаганде протестантства среди русских, но дробность отдельных протестантских сект и их взаимное соперничество в России не давало благоприятных условий для успешной пропаганды. Поэтому и Московское правительство относилось к протестантам дружелюбнее. Предоставляя протестантам право свободного личного исповедания ими своей веры, оно различало протестантов оседлых и протестантов не оседлых. Последним, как напр. купцам, оно не разрешало строить кирки и отправлять в них общественное богослужение. «Правительство, очевидно, опасалось, что кирка, построенная лицами, разбредшимися по различным пунктам государства, легко могла бы послужить не столько к удовлетворению действительных религиозных нужд протестантов, которые там были не

многочисленны, сколько превратиться в оплот и орудие пропаганды, а это было бы ничем неоправдываемым нарушением непоколебимых прав господствующей православной церкви. И какие приемы ни употребляли западные правительства, чтоб добиться разрешения для наезжавших к нам на время купцов строить свои кирки, постоянно поэтому получался ответ: купцы вольны отправлять службу своей веры у себя на дому, но особых церквей строить не могут. Такой ответ слышали послы всех протестантских государств больших и малых, близких и отдаленных»⁵¹². Несколько иначе обстояло дело по отношению к протестантам, состоявшим на русской службе и имевшим оседлость в больших городах, особенно в Москве, где они жили целыми общинами. За отдельными протестантскими общинами фактически установилось право иметь свои кирки, хотя и с особого каждый раз разрешения. Появление первой Московской кирки относится к концу 1575 года или к началу 1576⁵¹³. Но около 1580–1581 г. она была разрушена⁵¹⁴. При Борисе Годунове снова была построена немецкая кирка, но ее московское правительство считало нужным скрыть от иноземных правительств. Когда, во время сватовства Михаила Феодоровича за племянницу Густава Адольфа Шведского, последний требовал, чтобы для будущей царицы была построена кирка, бояре отвечали: «Костелы иных вер в Московском государстве никогда не бывали и впредь то статися не может, потому что то нашей православной вере противно»⁵¹⁵. Давая разрешение на построение кирок, Московское правительство, так сказать, только терпело их. Иногда оно давало приказ разрушить построенные кирки. Так были кирки разрушены в 1632 и в 1643 г.г.⁵¹⁶. С образованием в Москве Ново-Иноземской слободы, куда были выселены в 1652 г. из города иностранцы, вопрос о постройке кирок получил более твердое решение. При размежевании земли в новой немецкой слободе пасторы получили большие участки, в силу того, что на их участках должны были стоять и храмы⁵¹⁷. В этой слободе появилось целых три кирки. И когда, в 1669 году возник спор о месте, на котором была построена Бауманом кирка, то, не смотря на то,

что Бауман уступил землю под кирку не по закону, так как Булартом, от которого он принял ее, половина ее была захвачена самовольно, однако наше правительство 13 января 1670 г. определило: «тому месту быть под киркой, и дать на то место данную»⁵¹⁸. Этим создавались уже более устойчивые условия существования в Москве немецких кирок, почему у немцев возникла мысль вместо первоначальных деревянных зданий выстроить новые каменные. Старая лютеранская община первая добилась разрешения построить каменную кирку. Но если в высших светских правительственных кругах к делу замены деревянной кирки каменной отнеслись милостиво, то ревнители православия из высшего духовенства, оставаясь на традиционной точке зрения, что в Москве иноземному костелу или кирке быть не гоже, взглянули на это неодобрительно. Выражением такого взгляда является опубликованное проф. Амфианом Лебедевым «Слово на Латинов и Лютеров: яко в Московском царствии и всей Российстей земли не подобает им костела или керки еретических своих вер созидати»⁵¹⁹. Автор этого «Слова» начинает его текстом: *«возненавидех церковь лукавующих и с нечестивыми не сяду»* (Пс. 25. 5). Он исходит в своих доказательствах из той мысли, что «велия разность есть православной церкви и еретической». «Храм православный российския веры храм есть молитвы, а еже лютерския керки и латинския ереси костелы сотворити вертепы суть разбойническия»⁵²⁰. Автор до глубины души возмущается тем, что иностранным купцам разрешают постройку каменных еретических храмов, и тем как бы наводят укоризну на веру православную. «Никакоже подобает, говорить автор «Слова», в Московстем государстве сему быти, не точию каменным латинскому костелу и лютеранской керке, но ниже древянымъ; тако же и им развратником православные веры ложным учителем ксендзом латинским и пастором лютерским и кальвинским отнюдь не подобает в России быти и своя им ереси учити, тайного ради их лукавства, ниже еретических им мшей (мша – это, очевидно, месса) в Российской земли попускати им служити; а еже купеческого ради дела в Российской земле

творити им своя ереси зловерие, и церкви и костелы того деля купечества попушати им здать, то знатно убо, яко вера православная начатся продаватися, и крепость и постоянство от православных начат отступати, понеже привниде слабость в неправосоветующих, или уже сумняются и о православной греческой вере, аще есть Богу угодна, или мнят таково же и за равно хотят почитати». Но этого мало. Автор «Слова» приводит еще доказательства в пользу того положения, что не должно допускать построения иноверцами каменных храмов. "Аще убо, говорить он, попустити им создати костелы или керки, еже есть их церкви, и всякое служение и мши еретическия служити, то явное подаси им лютером латинником споможение учити и развращати к своей погибельной ереси соблазн и претыкание благочестивым и сомнение в православной вере закона греческого велие сотворити и дерзновение не худо, мнози бо начнут глаголати: яко бы аще их латинников и лютеров видели неправую веру держащих, то не повелели бы и возбранили им костел или керку созидати, и по своей еретической вере в них служити. И от сего убо и своей православной греческой вере ругательство, укоризна и поношение будет, понеже явных отступников, проклятых еретиков и развратников во свою российскую землю хулящих и отметающих православие греческое, а римскую и лютеранскую веру утверждающих, приял еси, и в создании костела их или керки споспешествовал скверного ради прибытка купеческаго»⁵²¹. Автор «Слова» приводит далее из ветхозаветной истории примеры разрушения идольских капищ. «Виждь, возлюбленне, делает он отсюда вывод. –каково и прежде бяше о сограждении церквей в вере постоянство и крепость, и не даяху отступнических олтарей созидати; то почто ныне хочещи еретиком и нечестивым отступником, яко да имут в России керки и костелы, а еще пред лицом на горе, иже пред Москвою от восток, еже непрестанно будет зретися, яко же терние во очию нашу, и помрачати зрение православные веры. Имуще бо ревность Дому Божию, православнии, видя такое нечестие, в России возникнувшее, непрестанно воздыхают и слезами, и начало основания ереси лютерския и латинския быти помышляют в

попущении семь»⁵²². Автор «Слова» требует прекращения постройки иноверными купцами храмов, а для самих купцов ставит альтернативу: «или каящиеся да приступают к правой вере, или да отженутся от жительства царствующего града весьма, и костелы их или керки разорити, понеже и благочестивым российским купцем от их еретического в царствующем граде Москве и во иных российских градах жительства велие истощание, и приводят их российских купцев в последнюю нищету: а еже к сему уже их злomu на российских купцев разорению попустити им керки и костелы со дерзновением здати, то уже и душевное богатство, его православную российскую веру, в попрание им и в поругание отдати, еже и ныне они еретицы непрестанно нашу православную веру хухнают и укоряют, аще и не совершенно властвуют»⁵²³. Правда, в России из иностранцев есть не одни купцы, есть и чиновники, есть и воины, есть и полководцы, которые просят кирки, но им следует отвечать так: «яко труды и службы их малы и худы суть противу царского им жалования и денежных кормовъ; а прежнее житие их, егда бяху в своих еретических землях, зело было нище и убого и укорительно, от них же неции и смертные казни за своя злая дела во своих землях по суду достойны быша претерпети и того ради в Россию избегоша, сим укывшеся от смертные казни; инии же от них, аще бы не мзды ради, или купли действия жили, то убо держали бы с нами православную веру и во всем согласие имели, яко содержит восточная церковь греческого благочестия, а иже ради благочестия из своая земли отъехавша и своему природному Государю изменили, не мню аз такового иному государю верно служити, но время получив, такожде изменит, и знамение того есть понеже не правоверство прежняго своего господина держить»⁵²⁴. Автор «Слова» далее приводит пример коварства лютеровъ и примеры благочестивая поборания по вере русских, взятые из древней истории. В заключение он говорить: «Паки реку ти: яко убо оных — немецких керок деревяных до ныне никто же у них знаяше, имяху втайне, яко мыши в норы своя в домех своих, их же не быкто нарек керками, но простые анбары, ничим же разнствующия от прочих домовъ; но сие их отступническое

каменное здание уже не втайне, но яве без всякая опасения боязни создается, и за равность себе святым церквам творят, вси бо приходящи людие из различных, странъ Московского государства, самодержавства великих государей наших, православных российских царей, обитающих сему, вопрошающе глаголати имут: что суть сия великая здания и как именуются? Тогда вопрошаеми поведаящи им радостне отвещают: сия есть церковь Божия святая соборная и Апостольская во имя Пресвятые Богородицы, сия же обитель есть Св. Архангела Михаила и Святителя Алексия, нарицается же Чудов монастырь, а сия есть церковь Спасова и обитель, и прочия святые церкви и обители, – поведаяще, веселят вопрошающих. Егда же узрят вопрошающие лютерское оное здание еретическое и вопросят: а сия здания како именуются? тогда убо со многим стыдом и срамом вопрошаеми вздохнут и поведают глаголюще: немецких еретиков лютеровъ и кальвинов керки суть ныне не во мнозех днех складены быша, советом некоего первосоветника. Вопрошающи ж слышав же сие безчестное поведание, абие содрогнувся, на мнозе безмолствовать имут, посем же и тии вздохнут и рекуть: Господи, Иисусе Христе, Боже наш, соблюди и сохрани православную веру православных христиан во векъ века: еретическая бо лютерская вера в близости уже пришла есть и без боязни на месте православномъ седе, и соборную, и апостольскую святую церковь хребтом своим утесняетъ; но яко же спасительно Твое слово, еже святии Евангелисты твоя написаша, реченное: горе миру от соблазна, нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит, унее ему было бы, аще бы жернов осельский обложен был о выи его и ввержен в море, неже соблазнит сих единого: всяко убо, Господи, исполнится слово твое на оном, не даждь ему, Владыко, без покаяния погибнути, но обрати его, Святе Святых, в покаяние, да паки воссоветует во благая и полезная о церкви твоей святей, избавить ея от скверные соседки тоя еретическия немецкия керки, и складенные пещеры повелением твоим возненавидевше да размещут. И сиевая убо рекши и иная отъбожественная писания воспомянувшы, зряще в очию здание лютеров, с

печалию отыдут. Егда же кождо оных вопрошающих отъидет в страну свою, и сия возвещающе прочим, от всех слышаны будут, и вси убо слышаши сия, проклинати имут таковая присоветовавшего и от такового попущенного соблазна и Божия гнева и, страшаясь невинности ради своея, Господу Богу непрестанно имут молитися; сего ради, дабы нас гнев Божий не постиг, подобает нам в православной вере крепкостоятельным быти и никакоже еретиков помощи давати, и мести скверным верам их чинити, еже есть костел или керку здати и зданию их споспешествовати. Отринем убо прошения их и созданные их керки из основания размещем, да от Господа Бога за сие приимем милость в настоящее житие, чисто от ересей поживше, и вечных небесных благ, яко православнии, получим во Христе Иисусе Господе нашем»⁵²⁵. Из приведенного «Слова» можно видеть, как тревожила ревнителей старины и поборников православия постройка каменных керок в Москве. Они боялись за свое родное православие и опасались усиления иноверной пропаганды. Но государственные потребности времени и нужда в иностранцах, побудили Московское правительство разрешить иноземцам постройку каменных кирок. Этим самым создавались условия для признания за иностранцами права на совершение общественного богослужения. Петр Великий своим манифестом 16 Апреля 1702 г. установил это право, основываясь именно на факте.

Но дозволение протестантам построить в Москве каменные кирки не было равносильно дозволению пропагандировать протестантство⁵²⁶, хотя не было прямого запрещения обращать в протестантство неправославных, т. е. иноверцев. Так, не мало обращенных в протестантство татарок повыходило замуж за протестантов⁵²⁷.

В строгия рамки в отношении пропаганды было поставлено и католичество. «Русские государственные люди, говорит Д. Толстой, – весьма разумели дух этого учения и очень верно провели черту между религиею и пропагандою, между духовными нуждами католиков и кастовыми притязаниями их духовенства: римско-католики могли молиться по обрядам их веры и иметь для этого своих священников, но не

принадлежащих к монашеским орденам, учрежденным по большей части для распространения католицизма; они и в России оставались католиками, никто не принуждал их переменять веру, но за то решительно воспрещено католическим духовным совращать православных»⁵²⁸.

Так. обр., вопрос о свободе вероисповедания Московское государство фактически решало так: оно не преследовало личных религиозных убеждений и относилось терпимо к вере иностранцев; оно допускало безусловно свободу домашнего богомоления и до некоторой степени даже общественного, но за то решительно воспрещало пропаганду иноверия среди русских, оставляя, впрочем, открытым вопрос о пропаганде иноверия среди не православных. На почве этого фактического решения вопроса возникло в XVIII в. решение юридическое, начало которому было положено Петровским указом 16 Апреля 1702 года, коим фактические отношения предыдущего времени были возведены в отношения правовые. Но об этом в следующей главе. А теперь перейдем к выяснению взаимоотношения между церковным судом и светской юстицией в XVII в. по религиозным преступлениям.

§ 4.

С двух сторон мы будем рассматривать этот вопрос: 1) со стороны взаимоотношения церковной и светской подсудности и 2) со стороны взаимоотношения церковных и уголовных наказаний по религиозно-нравственным преступлениям.

Хотя религиозные преступления в XVI-XVII ст. вообще подлежали суду церковному, но это положение нельзя понимать в строгом смысле. Древне-русское право сплошь и рядом допускало конкуренцию подсудности⁵²⁹. Правительство русское, хотя и старалось более или менее разграничивать компетенции разных административно-судебных учреждений, но принцип этого разграничения большею частью был территориально-вотчинный, а не ведомственный. И даже попытки ведомственного определения компетенции того или иного учреждения не предупреждали еще возможности рассмотрения каким-нибудь учреждением дела, повидимому, не принадлежащего к его компетенции. Поэтому-то, хотя

«духовные дела», или «духовные вины» подлежали суду церковному, тем не менее они могли судиться и судом светским. Относительно некоторых из этих преступлений имеются несомненные данные. Напр., блудное дело искони принадлежало юрисдикции церковного суда. Даже иностранным писателям это бросалось в глаза⁵³⁰. Котошихин о XVII ст. ясно говорит, что «в блудном деле указ на патриаршем дворе, или у митрополитов, и у архиепископов и у епископовъ»⁵³¹. А между тем посягательства на целомудрие женщин могли ведаться и другими учреждениями⁵³², и тот же Котошихин рисует такую картину: «А которые люди воруют з чужими женами *из девками*, и как их изымают, и тогож дни или на иной день обеих, мужика и женку, ктоб каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутомъ»⁵³³.

В преступлениях особо-важных, как напр. в расколе, церковная и гражданская власть действуют совместно. Раскольников судят церковные соборы, на которых присутствует и царь. По иным вопросам, напр. об обязательности пощения, о почитании воскресного дня и т.п., издаются постановления и царския и патриаршия одновременно. Все это чрезвычайно затрудняет проведение к концу XVII в. пограничной линии между компетенцией духовной и светской юрисдикции по религиозным преступлениям. Нужно только заметить, что все, что могла в этой сфере наказывать церковная власть, могло наказываться и высшей светской властью, т.е. царем. Но нельзя того же сказать наоборот. Уложение 1648 года формулировало несколько религиозных преступлений, которые подлежали исключительно суду светскому. Не говоря о богохульстве, преступлении в этом отношении спорном⁵³⁴, можно указать на церковный мятеж (Улож. I, 2–9) и соращение (Ул. XXII, 24). Это же отсутствие определенных границ для деятельности светской власти в сфере суда по религиозным преступлениям повлекло за собой то любопытное явление, что монастырское заключение, институт *церковно-карательный*, стало назначаться иногда по одному царскому указу⁵³⁵. И наоборот, в суде церковном высшие уголовные наказания, в роде смертной казни, могли назначаться только с тем ограничением, что исполнители этих

приговоров были светские учреждения. По крайней мере Котошихин говорит: «а кого у них (т.е. в судах патриарха и церковных властей) за *духовные дела* в воровских статьях, *осудят на смерть*, кто какую казнь заслужит, и они из дела выписав *приговор свой* посылают с теми осужденными людьми в царской суд, и по тому их приговору ис царского суда велят казнить *без задержания*, кто чего достоинъ; а у самих у них властей таких людей без царского ведома не казнят ни за что»⁵³⁶. Равно и в тех случаях, когда нужно было кого-нибудь пытать, духовное начальство посылало обвиняемых к светскому начальству⁵³⁷.

В каком же отношении в XVII в. стоят друг к другу наказания церковные и уголовные? Уголовные и церковные наказания различаются и по их существу и по их целям и по способу их назначения. Но в судебной практике XVII в. грани между сферой уголовных и сферой церковных наказаний ступсевались. Суды церковные применяют уголовные наказания, а суды светские – наказания церковные. Церковная власть в свою дисциплину заимствует некоторые карательные институты из светского права, а светское право облагает уголовные преступления наказаниями церковными. Правительство всячески хочет воздействовать на преступника и общество, чтобы только искоренить «воровство». И когда оно имеет в виду общество, оно преступника наказывает кнутом и виселицей; когда оно хочет его исправить, оно его посылает в монастырь замаливать грехи. Рассматривая преступление под углом зрения государственного вреда, Московское правительство было беспощадно к преступнику. Но этому же правительству известна и другая точка зрения, оно может проникаться жалостью «к великому дуровству» учинившего преступное деяние, и, проникшись заботой о его грешной душе и вечном спасении, это правительство уголовное наказание уже смело и решительно заменяет наказанием церковным или вовсе его отменяет⁵³⁸. Вот эта-то нотка христиански-гуманного отношения к преступникам и сглаживает многия суровые черты закона и вносит живительное начало в строгия отношения всеильного судьи и малосильного подсудимаго. Эта именно усвоенная светскою властью

церковная точка зрения на преступника, как грешника, и обуславливает к нему применение церковных наказаний по делам уголовного характера. Но тогда как светское правительство усваивает снисходительное отношение к преступнику, церковная власть начинает обращаться с грешником, особенно непреклонным и упорным, так же, как власть светская с преступником, сурово и беспощадно. Дух апостольской любви и снисхождения уступает место строгой непреклонности карательного воздействия, и вместо прежнего «наказания и учения» применяется всюду «смирение». Церковный суд все возвышает и возвышает интенсивность наказания, он берет в светском праве одно за другим уголовные наказания, доходит даже до назначения смертной казни. Благодаря тому, что уголовное право сплошь и рядом пользуется наказаниями церковными, а церковное право прибегает к наказаниям уголовным, – наказания за религиозные преступления были разнообразны, от эпитимии, монастырского заключения до тюрьмы и ссылки, – от денежных пеней и телесных наказаний – до смертной казни. За одно и то же преступление могло быть разное наказание, смотря по тому, налагала это наказание светская или церковная власть, царь или воевода, патриарх или поповский староста. Однако, одна общая черта объединяет и светскую юстицию и церковный суд в этой сфере: это признание религиозных преступлений деяниями особой важности и потому применение к ним более суровых наказаний. Из этих наказаний светская и духовная власть более всего любили монастырское заключение. Как институт карательно-дисциплинарный, смотря по надобности могущий превращаться и в чисто церковное наказание, так же как становиться тюрьмой и местом ссылки, монастырское заключение было особенно пригодно для преступников против веры и нравственности. Заключение в монастырь, они должны были каяться в своих грехах, исполнять в той или иной форме церковную эпитимию, но они, как заключенные, как «колодники»⁵³⁹, за свое «воровство» должны были нести законную кару. Такое разнообразие норм дисциплинарной и карательной деятельности церковного и светского суда в

отношении к религиозным преступлениям, вместе с возможностью смешения подсудности этих преступлений, составляет характеристическую особенность Московского права XVI и XVII ст. в отношении изучаемого нами вопроса. Праву этой эпохи было неизвестно положение современного уголовного права: *non est crimen sine lege*, и что всякое «*crimen*» наказуемо в пределах той санкции, какую назначил «*lex*». Неизвестно было и другое правило современного *Strafrecht*'а: *non bis in idem*. В те времена отлично пользовались не одним, а двумя и тремя наказаниями за одно и тоже преступление, причем соединение уголовного наказания с церковным было делом заурядным.

2. Круг преступлений против, веры и нравственности, наказуемых по древне-русскому до-Петровскому праву⁵⁴⁰.

1. Преступления против веры.

Преступления против веры мы будем рассматривать в порядке их возникновения, т.е. сначала те, которые упоминаются уже в древнейших юридических памятниках, а потом и те, которые возникли позднее. Именно, мы будем рассматривать а) идолослужение, б) волшебство и чародеяние, в) святотатство, г) лжеприсягу, д) ересь и раскол, е) богохульство, ж) совращение, з) церковный мятеж.

А. Идолослужение и неисполнение христианских обязанностей.

Первое, что должны были искоренять, с чем должны были бороться древне-русские пастыри в только что крестившемся русском народе, это привязанность к старой языческой вере, совершение старых языческих обрядов и параллельно этому пренебрежение к исполнению своих новых обязанностей, напр. непосещение христианского богослужения, несоблюдение постов, воскресных дней и т. п. И действительно, церковная власть рано вооружилась против идолослужения, совершаемая юными христианами, стала трактовать его, как одно из преступлений. Так, в распространенной редакции устава св. Владимира в числе предметов церковного суда указывается: «кто молится под овином или в рощеньи, или у воды⁵⁴¹». Митрополит Иоанн II указывает уже подробнее на то, как должно поступать с совершителями языческих обрядов. «И еже, говорит он, жрут бесом и болотом и кладязем, и иже поимаются, без благословенья счѣтаются, и жены отметаються и свое жены пуцают и прилепляются инем, иже не приимають святых таин ни единью летом аще не от отца духовного связани будутъ ни причащаются, – и ты веси яве тем всем чюжим быти наша веры отвержени сборные церкви. И всею силою потщися възбранити и направляти на правую веру: имей к ним наказанье и поученье⁵⁴², не единою, ни двождь, но различно, дѡндеже

уведають и разумеють воистину и добру научиться. Не покоряющежеся и своя злобы не останучеся, чюжа имети от сборные церкви и наших заповедии недостойны и непричастны⁵⁴³». Увещание и вразумление, а если оно не подействует, то запрещение и отлучение – вот те средства, какия священник должен применять к совершающим языческие обряды. Таким же точно образом следует поступать и с теми, кто не исполняет постов и уклоняется от св. Причастия. «Иже не причащается крайцех в рустей земли, якоже еси рекл, и в великое говенье мясо ядят и скверное, подобает всяким образом направляти и възбраняти ту злобу наказаньем и оученьем възвращати на правоверное оученье, и потруженьем, яко не крестьяну сущю, да темь страхомь остануться тоя злобы и на веру благообразную приложаться. Пребывающюже тако и не преложащюся, не даяти им святого причащенья, но яко иноплеменика воистину и веры нашае противника поставити и в свою волю ходити⁵⁴⁴». В дальнейших памятниках церковная права об идолослужении, как преступлении, не упоминается почти вовсе, хотя идолослужение существовало кой-где и в XVII в. Напр. Архиепископ Новгородский Макарий упоминает, что в Водской пятине некоторые все еще «молятся по скверным своим мольбищам древесом и камению по действию діаволу⁵⁴⁵».

Но это было уже на окраинах, где соприкасалось русское население с языческим и где таким соседством поддерживалась языческая обрядность. В центрах Московского государства эта языческая обрядность обращается в суеверие. Здесь внимание обращается уже не на борьбу с остатками идолопоклонства, а на то, чтобы следить за неуклонным исполнением христианами своих христианских обязанностей – особенно таких, как посещение богослужения в воскресные и праздничные дни и неуклонное в положенное время пощение. О первом говорит знакомый нам указ Алексея Михайловича 1647 г., воспроизведенный в Уложении (X,

25), а также указы патриарха Іосифа⁵⁴⁶ и ростовского митрополита Варлаама⁵⁴⁷. Точно также Новгородский Митрополит Макарий в грамоте архимандриту Тихвинского монастыря Іосифу пишет, чтобы он «игуменом и строителем и

черным и белым попом и діаконом заказал, чтобы они к церкви Божии православным христіяном по праздником Господским и по воскресениям приходить велели и во время святая пения в церкви Божии стояли бы со страхом и с трепетомъ и молились Богу с сокрушенным сердцем и смирением, кождо о своем согрешении, а меж собою в церкви Божии не говорили и не смеялись и жен в церковь в белилах пущать не велети». За ослушание указ угрожает пеней и наказанием без пощады⁵⁴⁸. Как наказывали за это, видно из приговора по делу князя Оболенского, который в 1669 г. был посажен в тюрьму зато, что у него в неделю всех святых работали на дворе крестьяне⁵⁴⁹.

Так же, как посещение богослужения в праздничные дни, вменялось в обязанность и соблюдение постов. Несколько указов Алексея Михайловича приведено выше. Иногда, пред какими-нибудь исключительно важными событиями соблюдение постов было особенно обязательно. Напр. в 1662 г. было велено поститься пред началом войны с Польшей⁵⁵⁰. Несоблюдение постов влекло за собою прежде всего наказание эпитимией. Котошихин свидетельствует, что кто не хочет поститься в посты и ест рыбу и упивается вином, «иных унимают, смиряют и отлучают власти и попы от церкви Божии и возлагают эпитимию⁵⁵¹». Но иногда эпитимии было недостаточно. Тогда прибегали к другим средствам. Так, в 1683 г. Холмогорский архиепископ Аеанасий за непощение угрожал пеней, – «что мы преосвященный архиепископ укажем⁵⁵²». У Павла Алеппского находим любопытное известие о том, как наказывали тех, кого в дни поста царские ратники встречали пьяным или с сосудом хмельного напитка в руках. «Его обнажали в этот сильный холод (речь идет о первой неделе Великого поста) и скручивали ему руки за спиной; палач шел позади него, провозглашая совершенное им преступление и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычачьих жил: как только она коснется тела, тотчас же брызнет кровь. В таком положении водят человека по городу и затем сажают в

тюрьму на известное время, пока он не отбудет положенного срока⁵⁵³». Это и есть так называемая «торговая казнь». Необходимость пощения связывалась и с

необходимостью исповеди, а необходимость исповеди требовала, чтобы у каждого христианина был отец духовный. В одном указе Митр. Фотий пишет псковичам в 1419 году: «А которые люди живут без покааніа, и отпа духовного не держать, аще и к церкви приходят, не приимати приношения от них к церкви, но своим детем духовным възбраняйте с таковыми ни ясти ни пити, ни в своя дома призывати, ниже к ним ходити, понеже си сами отлучишася стада Христова словесных овец⁵⁵⁴».

В XVII в. Алексей Михайлович жаловался, что многие именуются все христианамы, живут 30, 40, 50 и больше лет, а иные дожили и до старости, а духовников (отцев духовныхъ), «николи не имеют и неисповедыванием грехов своих душами своими погибають». «И сего ради мы, читаем несколько дальше, Великий Государь, о таковых погибелных и некаящихся душах изволили душею своею поскорбети, чтоб таковых погибелных душ на истинный путь на покаяние обратити, и тем гнев Божий укротити, и милостива Его себе сотворити православному роду Российскому благочестивые своя державы». Дальше читаем: «а будет кто, своим закоснением и жестокосердием, к покаянию необращателен будет и сему нашему государьскому повелению явится ослушник, и таковым непокоривым имати у архимандритов и у игуменов и у протопопов и у поповъ имянные росписи, за руками, и о том к нам Великому Государю к Москве писати и росписи ослушником и бесстрашником велите подать въ Монастырьском Приказе околничему нашему Ивану Ѳедоровичу Болшему Стрешневу, да дьяком нашим Петру Малыгину да Ондреяну Ерохову, и таковым ослушником наш Великого Государя указ будет с опалою, безо всякия пощады⁵⁵⁵».

Б. Волшебство и чародейство.

Рядом с идолослужением должно быть поставлено волшебство. И то и другое одинаково древни, и то и другое одинаково отражают в себе старое язычество. Однородно с волшебством и чародеяние. Впрочем, чародеяние и волшебство первоначально были не однородны. Чародей (чары, очаровывать) – это лицо, обладающее знанием чудесных сил природы и умением ими пользоваться. А волхв – это посредник

между богами и людьми, т. е. лицо, обладающее знанием воли божества и могущее наводить на людей его гнев или милость. Отсюда чародеяние близко стоит к зелейничеству, а волшебство к ведьству. Неволин замечает, что словом чародеяние в древне-славянских книгах переводилось греческое слово *φάρμακία*⁵⁵⁶, а *φάρμακον* – это «зелье», одурманивающий напиток, как целебный (отсюда значит лекарство), так и ядовитый (отсюда значит ядъ). Приготовление зелья и будет составлять преступление «зелейничества», упоминаемое в уставе Св. Владимира. Однородно с «зелейничествомъ» будет то преступление, которое в уставе Св. Владимира передается словом «потвори» – от слова: потвор (растворъ) – яд⁵⁵⁷. По Голубинскому, потвори – это устройство посредством волшебства действий в мечте или мечтательных, призрачных, – обморочивание⁵⁵⁸.

Словом волшебник передается греческое – *μάντις*⁵⁵⁹, прорицатель, предсказатель, – откуда волшебство тоже, что и «ведьство». – Но нужно заметить, что точное разграничение всех этих терминов, которые сведены во едино в уставе Св. Владимира, не имеет значения, потому что все они выражали одно понятие, которое можно назвать общим именем колдовства.

У древних германцев, у которых в миеологии борьба доброго и злого начала проявлялась очень рельефно, еще задолго до христианства колдовство было черным делом, колдуньи считались находящимися во власти злых духов⁵⁶⁰. Между тем в русской миеологии не было такого резкого дуализма⁵⁶¹, а потому только с христианской демонологией явилось представление, что колдун – лицо, одержимое злым духом. Волхвы, как языческие жрецы, первые сделались клиентами бесов, а за ними и все, занимающиеся непонятным, нечистым делом, особенно исследующие действие разных трав. Тоже самое было и у древних германцев. В их праве приготовление ядов (*Vergiftung*) было преступлением однородным с колдовством (*Zauberei*)⁵⁶². Кроме указанных видов колдовства, о каких говорит устав св. Владимира, к волшебным же действиям нужно отнести и упоминаемые в этом

уставе деяния: «зубоежа», «крест посекуть», «на стенах режутъ», «девка дѣтя повръжетъ.» Что такое «зубоежа», ученые расходятся. Неволин говорит: «может быть, слово зубоежа должно объяснять из следующих слов устава Ярослава о церковных судах: «а же мужа два бѣеться, один другого укусить или одереть, епископу 3 гривны»⁵⁶³. Голубинский приводит пояснение Иоасафовской редакции: «аще в которой в сваре кто кого зубом ясть»⁵⁶⁴. Но вернее мнение Павлова, который говорит, что «зубоежа», если и была укушением, то не простым, а соединенным с особенною, волшебною силою, которая причиняла укушенному вред, «порчу»⁵⁶⁵.

Для понимания этого преступления необходимо его сопоставить с «чином исповеди, паче же скимницам.» В нем мы читаем: «или суть в тебе потвори. ли волхвованіе. ли угрызняти челка умела еси» – и дальше, следующий вопрос: «ли зубы кусала еси кого» (Горчак. К ист. эпит. пом., 70).

Угрызение – это какое-то особое, волшебное действие; его, притом, не всякий «умеетъ» делать. Следовательно, это тоже один из видов волшебства. Точно также и выражения устава: «крест посекут, на стенах режутъ» понятнее при сопоставлении их с тем же чином исповеди: «На

стене у церкви выпела еси, ли у креста, ли у стых вчи – 5 лет пост со слезами вельями и поклон» (Горчак, *op. cit.*, стр. 70). Оба эти действия тоже имеют какой-то суеверный характер.

Так как колдовство включает в себя и зелейничество, то, как одно из волшебных действий, мы должны рассматривать и тот случай, «аще девка дѣтя повръжетъ». Очевидно, здесь разумеется выкид плода, имевший место после приема какого-нибудь снадобья. Вспомним один из ответов Нифонта Новгородскаго. Когда его Илья спрашивал: «аже жени делающе что любо срадоу, и вержаются и измѣтають?» – то он ответил: «аже не зельем вережаютъ, нетоу за то опитемья»⁵⁶⁶. Для параллели можно привести постановление салического закона (Lex Salica, *em.* XXI, § 4): Si quis mulieri herbas dederit, ut infantes haberi non possit. *sol.* LXII⁵⁶⁷.

Как же наказывались разные виды волшебства? Относительно эпитимии за погубление плода в одном памятнике

древне-русского церковного права мы находим такое постановление: «ино аще животное погубить, 15 лет есть опитемья; аще образ есть, 7 лет опитемья, а зарод аще есть, 5 лет опитемья. А к смерти аще будеть, дати ей святое причастие»⁵⁶⁸.

Соборное Уложение к этому преступлению относится строго. Оно велит казнить смертью мать за убийство ею прижитого незаконного младенца, или того, кому она поручила бы это сделать (Улож. X X I I , 26). По своей редакции статья Уложения близко подходит к подобной же статье Литовского статута (Ред. III разд. XI, арт. 60).

Переходим к вопросу о наказаниях за волшебство вообще. Выше мы уже привели место из канонических ответов Митрополита Иоанна II, где он велит волхвов и чародеев, если меры увещания окажутся не действительными, «яро казнити на взбранение.» В этих словах едва ли можно видеть указание на «предание на казнь князю», а естественнее видеть в них указание просто на применение более решительных мер, какими может располагать церковная дисциплина в своем *forum externum*, предоставляя определить практике виды этих наказаний. Какия же наказания выработала за это преступление судебная практика? В этом вопросе необходимо указать 1) наказания волхвов и 2) наказания за волшебство. Волхвов, как официальных представителей язычества, как лиц, составлявших оппозицию новой вере и поддерживающему ее правительству, наказывала светская власть и наказывала очень строго. Так,

в 1024 году были казнены волхвы в Суздале⁵⁶⁹, в 1071 г. в Новгороде⁵⁷⁰. В 1091 году волхв явился в Ростове —, «иже вскоре погыбе,» может быть тоже был казнен⁵⁷¹. В 1227 г. Новгородцы сожгли 4 волхвов — «творяхуть е потворы деюще, а Бог весть; и съжгоша их на Ярославли дворе»⁵⁷². Волшебство и чародеяние, как колдовство вообще, в смысле пользования нечистыми силами во вред какому-нибудь человеку, каралось слабее. Митрополит Фотий в 1410 г. писал новгородскому духовенству: «Також учите их (т.е. своих духовных детей), чтобы басней не слушали, лихих баб не принимали, ни узлов, ни

примольвлєніа, ни зєлья, ни вороженья, и елика такова, занеже с того гнев Божий приходитъ; и где таковыє лихїе бабы находятся, учите их, чтобы прєстали и каяли бы ся, а не имут слушати, не благословляйте их и крестьяном заказывайте, чтобы их не дрѣжали межу собя нигде, гонили бы их от собя, а сами бы от них бегали, аки от нечистоты. А кто не имет вас слушати, и вы тех такоже от церкви отлучайте»⁵⁷³. А в одном святительском поучении духовенству и миряном читаем: «А ворожей бы баб, ни мужиков колдунов не было у вас никого в приходе; а у кого в приходе есть, и вы мне скажите, а кто не скажет, а выму, ино священника отлучю, а бабу или мужика колдуна выдам прикащиком, и они казнять градским закономъ»⁵⁷⁴.

Светская власть к этому преступлению в XV в. относилась строго. Так, Карамзин рассказывает, что в 1462 г. «Іоанн Можайский, осудив на смерть Боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре вместе с женою за мнимое волшебство»⁵⁷⁵. Тот же Иван Можайский и за то же преступление сжег мать некоего Григория Мамоны, одного из любимых воевод Ивана III⁵⁷⁶.

Вопрос о волшебстве был поднят и на Стоглавом соборе. Мы уже знаем, как решил этот собор вопрос о наказании волшебства и суеверных языческих обычаев. Он признал потребным издание царской заповеди, чтобы волхвы, кудесники, смотрящие в раели и т. д. были от царя в великой опале⁵⁷⁷. Такая же «царская заповедь» должна быть издана и против ложных пророков и святош, которые ходят по селам и погостам и смущают народ богомерзкими прельщенными⁵⁷⁸. Этот же Стоглавый собор запретил обращаться к волхвам под угрозою 6-летнего отлучения св. Таин, ссылаясь при этом на 61 и 62 пр. Шестого вселенского собора⁵⁷⁹. Стоглавый собор кроме того запретил чтение суеверных книг и тетрадей⁵⁸⁰.

С этого времени начинаются строгія постановления светской власти о волшебстве, в связи с постановлениями о других, запрещенных собором 1551 г., преступлениях: суеверии, скоморошестве. Так, через год после Стоглавого собора вышел

известный уже нам указ Ивана Грозного 1552 года. В 1555 г. игумен Троицко-Сергиева монастыря Иоасаф

с соборными старцами постановил не держать и не принимать в Присецкой волости ни скоморохов, ни волхвей, ни баб ворожей, под денежной ответственностью каждой сотни»⁵⁸¹.

Возникают и процессы о волшебстве. Так при Иване Грозном его первые советники, Сильвестр и Адашев, были обвинены в том, что они каким-то коварством извели царицу Анастасию Романовну. Их судили заочно. Царь приговорил их к заточению: Сильвестра – в Соловецком монастыре, а Адашева под стражу в Дерпт»⁵⁸². В 1606 году в Перми возникли два дела о порче людей посредством икоты⁵⁸³. В 1628 г. дьячек Семенко Григорьев за хранение гадательных тетрадей был сослан в Нижегородский Печерский монастырь в черную монастырскую работу на один год с лишением Св. Причастия⁵⁸⁴. В 1647 г. было велено заточить в монастырь крестьянина Мишку Иванова – за чародейство и за косной развод и за наговор⁵⁸⁵. Около 1670 г. Шуяне били челом Алексею Михайловичу, что «посацких людей жены и дети одержими от нечистых духов, страждущие в Божественную Литургию и в молебное время мечтаются всякими различными кознодействиями и кличут в порче своей стороны на уездных людей: что, де, их портят тот и тот человек. И в прошлом, Государь, во 177-м году страдала от нечистого духа Шуянина, посадкого человека Ивашкова жена Маурина, Ирина Оедорова, а кликала, в порче своей, на Шуянина, посацкого человека, Оедьку Якимова: и по твоему, Великого Государя, указу, по тое, Ивашковы, жены Маурина, выклички, тот

Оедька Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертью. А ныне та Ивашкина жена Маурина, Иринка, и уездные люди, страждущие от нечистых духов, кличут в порчах на иных Шуян посацких людей. Великий Государь, смилуйся, пожалуй нас сирот твоих, вели, Государь, в Шуе в съезжей избе воеводе Ивану Ивановичу Боркову челобитье наше принять и записать, чтобы нам сиротам твоим, в том деле от тебя, Великого Государя, в пене и в опале не быть»⁵⁸⁶. Котошихин свидетельствует, что «за волховство, за чернокнижство» мужчин

жгут живыми⁵⁸⁷, а женщинам «за чаровство» отсекают головы⁵⁸⁸.

В. Святотатство.

О святотатстве впервые упоминается в уставе Св. Владимира. В нем говорится как о самой свято-татьбе, так и об оскорблении мертвых тел («мертвецы сволочать»). Но здесь еще не полагается за это преступление никакого наказания. Ясные упоминания о святотатстве, как церковной татьбе, мы находим в обоих судебниках (1493 г. ст. 7; 1550 г. ст. 61) и книге Разбойного Приказа⁵⁸⁹. Но по мнению некоторых ученых о нем упоминаете 7-я статья Псковской Судной Грамоты: «А храмскому (кримскому, кромскому) татю и коневому и переветнику и зажигальнику, тем живота не дати»⁵⁹⁰.

В понимании употребленного здесь слова «храмскому» (в других вариантах «кримскому», «кромскому») исследователи этого памятника разошлись. Устрялов, производя слово храмскому от слова хоромы, видит в этих ворах комнатных воровъ; Соловьев предполагает, что «кромской» означает торговый, а Энгельман видит в упоминаемых здесь ворах – воров на Корму, на Кремле, т. е. воров казенного имущества⁵⁹¹. Но с другой стороны указание на святотатство в этом выражении видят – Мурзакевич, первый исследователь Псковской Судной Грамоты, Владимирский – Буданов⁵⁹², Беляев⁵⁹³, Сергеевич⁵⁹⁴, а также и Есипов. Последний находит доказательство в аналогичной этому месту статье 35, а разногласия объясняет неточностью рукописи⁵⁹⁵.

Святотатство, как об нем говорит 7-я статья Псковской Судной Грамоты, означает кражу вещей из церкви. Здесь с одной стороны не проводится разграничения между кражей предметов священных и несвященных, с другой стороны совершенно не упоминается о другом виде святотатства – гробокопательстве. Наказание за святотатство полагается очень суровое: «тем живота не дати», т. е. безусловная смерть. Практика Псковской Судной грамоты привилась в русской жизни. Судебник Ивана III 1497 г. о святотатстве упоминает в ст. 9: «А государскому убойце и коромольнику, церковному татю и головному, и подметчику, и зажигальнику, ведомому лихому

человеку живота не дати, казнити его смертною казнию.» Церковный тать здесь фигурирует, как один из самых тяжких преступников. Он такой же лихой человек, как и «государский убойца», «подметник, зажигальникъ». И наказание ему полагается одинаковое с наказанием этих последних – безусловная смертная казнь.

Состав святотатства определяется так же, как и в Псковской Судной грамоте, т. е. как квалифицированная кража из церкви. Такой-же точно характер носит это преступление и в Судебнике Ивана IV 1550 г. «А государскому убойце, и градскому сдавцу, и коромольнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигальнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию». Здесь то же уравнение святотатства с другими преступлениями по наказуемости и та же общность в определении его состава. Такую же точно редакцию имеет и постановление Судебника Царя Федора Ивановича 1589 года, оставшаяся одним проектом: «А горьскому убойце, и градскому здравцу, и коромольнику, и церковному татю, и головному, и коневому, и подметчику, и зажигальщику, и ведомому лихому члку живота не дати, казнить смертною казнию»⁵⁹⁶.

Последнее постановление касательно святотатства мы находим в Уставной книге Разбойного Приказа⁵⁹⁷. «А церковных татей казнити смертию, а животы их отдать в церковные татьбы». Этим и заканчивается законодательство о святотатстве в эпоху до Уложения Алексея Михайловича.

В эпоху Алексея Михайловича вопрос о святотатстве был поднят, как светскою, гражданскою, так и духовною, церковною властью. Не только Соборное Уложение и Новоуказные статьи содержат в себе постановления об этом преступлении, но и акты двух Московских церковных соборов 1667 и 1669 г. При этом духовная власть несколько не повторяет постановлений власти светской, а, напротив, рассматривает святотатство с точки зрения канонического и византийского законодательства.

Первым законом о святотатстве в XVII в. является постановление Соборного Уложения: «А церковных татей

казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавать в церковные татьбы.» (Ул. ХХІ, 14). Состав преступного деяния здесь совершенно не определяется. Потребность более точного определения природы и состава святотатства, как преступного деяния, и вызвала на соборе 1666–1667 г. вопрос о том, как понимать святотатство, – в широком ли смысле, подводя под это понятие и кражу поставленного в церковь на хранение имущества частных лиц, – или в более узком, как кражу одних лишь священных предметов. Ответ на это был дан такой: «К сим отвечаем по 10 правилу⁵⁹⁸ первого и второго соборов, иже глаголет: аще кто возьмет от св. олтаря сосуд некий освящен святому олтарю, или иные вещи в потребу неосвященну употребити, или отдаст иным в простую потребу, апостольские правила 72 и 73 отлучают и мы таковых соотлучаем же, и зело праведно: зане аще кто от церкви возьмет свечи, или елей, и ино мало нечто, отлучается, аще ли будет и сам служай церкви; кольми паче святотатцы, аще мирстии суть или от священного чина, имут показатися таковии тяжкою казнию. Глаголет же и Григорий Нисский в осьмом своем правиле, яко святотатьба в ветхом писании бе осуждена, якоже и убийство, зане таковых убийцов и святотатцов равно каменем побиваху, якоже и Ахар укаменовася со всем родом своим, аще и господственно краденое не бе им освящено Богу. К сим же повелевает *градский законъ* о святотатцех: кто поидет нощию во святилище и приступит ко святому престолу, и крадет от священные вещи, да отсечется глава его, аще же кто и в день от церкви крадет нечто ради убожества своего, да бьют его первее до ста ударов по

рассуждению крадомых вещей; аще же есть многокрадомое, да будет заточен. Также повелевают законы градстии: кто украдет нечто, еже не Богу освящено, но поставленное в церкви сохранения ради, не святотатец таковой именуется, но токмо тать»⁵⁹⁹.

Таким образом, духовная власть в решении вопроса о святотатстве согласуется или, по крайней мере, желает согласоваться с церковным и византийским законодательством.

Но, впрочем, ссылки на постановления «градских законов» сделаны довольно свободно⁶⁰⁰. Соборные постановления через два года, в 1669 г., были дополнены 14-ю статьями – «о следствии, суде и наказании людей духовного чина»⁶⁰¹. Из них 13-я статья касается и святотатства. «Аще кто пойдет нощию во святилище и приступит ко святому Престолу и крадет освященные вещи, да отсечется глава его, аще кто и в день от церкви крадет нечто ради убожества своего, да бьют его впервые до ста ударов, по рассуждению крадомых вещей; аще же есть многокрадомое, да будет осужден в ссылку; аще ли кто украдет нечто, ежели Богу не освященно, а поставлено в Церкви сохранения ради, таковой не святотатец именуется, но токмо тать».

Как видим, это почти дословное повторение «ответа» на 3-й вопрос IV главы соборных определений 1667 г. Здесь более или менее раздельно обрисовываются отдельные моменты в понятии святотатства. Область святотатства, как преступления, ограничивается кражей одних лишь освященных вещей из алтаря, причем проводится различие между кражей ночной и кражей дневной. Ночная кража, как указывающая на обдуманное намерение и характеризующая преступника-святотатца, как лихого человека, карается строже, чем дневная. Последняя может быть совершена только ради «убожества.» Наконец при дневной краже различается первая свято-татьба и рецидивная. Но спрашивается: кто является субъектом святотатства по этим статьям? По мнению Белогриц – Котляревского⁶⁰², которое принимает и Есипов⁶⁰³, 13-я ст. соборного постановления 22 января 1669 г. касается одного лишь духовенства. Основание этого Белогриц-Котляревский видит 1) в самом заголовке соборных определений, и 2) в том обстоятельстве, что по полному собранию законов соборные статьи относятся к 1669 г.⁶⁰⁴, а не к 1667 г, как это отмечено в Актах Археографической Экспедиции⁶⁰⁵, а от того же 1669 г. в новоуказных статьях имеется специальная статья о святотатстве (ст. 12). Это мнение вполне справедливо, особенно, если мы примем во внимание то, упущенное Белогриц-Котляревским, обстоятельство, что и постановления собора 1669 г. и

Новоуказные статьи помечены одним и тем же числом, именно 22 января. А невозможно допустить, чтобы одна и та же

власть издала в один день два постановления, одно на другое не совсем похожих. Естественнее, поэтому, думать, что статьи собора 1669 г. имеют значение только для одного церковного суда. В светских судах святотатство судить должны были по 12-ой новоуказной статье, которая имеет такое чтение: «А церковных татей, который тать войдет в день или в ночь и что возьмет от святых сосудов или потир, или иные какая вещи: и тем татям учинить казнь, отсечь левую руку, да правую ногу; а будет которые тати покрадут церковь, и что возьмут, и ему учиня наказанье, отсечь левая рука.»

Эта статья, если ее сравнивать с 13 ст. собора 1669 г., имеет некоторые особенности. Прежде всего, ночная татьба из церкви и дневная не различаются по степени наказания. Как та, так и другая одинаково наказываются отсечением левой руки и правой ноги. Затем не определяются с точностью предметы, похищение которых составляет святотатство, это вообще какая-нибудь вещь, т. е. как освященные и предназначенные для церковного употребления, так и не освященные, но только находящаяся в алтаре. Кража же из церкви, а не из алтаря чего-нибудь будет простой кражей, и виновные будут просто татями (ст. 12).

Конец 12-ой стат. говорит о рецидивистах: «а за две церковные татьбы таким татям учинить по Уложению казнить смертью, и животы их отдать в церковные татьбы.» При этом разумеется татьба именно из алтаря, а не из храма. Но новоуказная 12-я ст. не может заменить 13-ой ст. собора 1669 г. Стремясь к упрощению юридической конструкции святотатства, Новоуказные статьи совершенно выкинули различие освященных и не освященных предметов, каковое было выдвинуто на московских соборах. Но от этого вряд ли могла сколько-нибудь выиграть точность юридической конструкции святотатства. В вопросе о наказании все приведенные статьи совершенно расходятся друг с другом. Уложение, следуя судебникам и Уставной книге Разбойного Приказа, за святотатство карало смертью. Между тем церковное

законодательство, различая отдельные виды церковной татьбы, только за ночную кражу из алтаря полагает это наказание, ограничиваясь сотней ударов за дневную, произведенную ради убожества. Но если дневная кража была произведена не «по убожеству,» то наказанием служило заточение. Эта система кар была повторена и в 13-ой ст. собора 1669 г., при чем за последний вид святотатства назначено не заточение, а ссылка. 12-я новоуказная статья стремится к введению однообразия в наказании, а потому и указывает только два вида наказания: отсечение левой руки и правой ноги за кражу из алтаря, – и только руки за кражу из церкви. Но на практике продолжала за святотатство практиковаться смертная казнь. О ней упоминаете Павел Алеппский, не указывая лишь ее формы⁶⁰⁶. По свидетельству Петра святотатцев сажали на кол, и когда преступник умирал, тело его снимали, выносили за городские ворота и здесь, предав сожжению, засыпали пепел землей⁶⁰⁷. А по словам Котошихина за церковную татьбу сожигали живыми⁶⁰⁸. При Федоре Алексеевиче в 1683 г. смертная казнь за святотатство была снова санкционирована⁶⁰⁹.

Г. Лжеприсяга.

Рассматривая лжеприсягу с религиозной стороны, мы можем видеть в ней одно из религиозных преступлений; рассматривая же ее с точки зрения судебной истины, мы можем трактовать ее, как преступление против судебной власти или против общественного доверия, что ставит лжеприсягу наряду с лжесвидетельством и ябедничеством. Церковная власть лжеприсягу рассматривала, как преступление религиозное. Митрополит Фотий в своей грамоте во Псков в 1427 году замечает: «А что ми пишете, что суть у вас и таковыи людие, ротники, и крест целуют на криве: ино крест дан от Христа христианом, верою тому поклоняются, и истиною, и чистотою того честного креста целовати; и целуяй тако крест освящает себе и от болезни и от недуг всяческих исцелевает, а не верою и не истинне целуяй крест, и той убо лжеобещник еиисцелно врежает себе, а по писанию, яко богоубийца вменяется таковой и поругатель честному Кресту»⁶¹⁰. В другом поучении неизвестного автора клятвопреступников велено предавать

эпитимии, «а кто целует крест не виновате, и вы бы тех не причащали без опитемы: отлучали бы есте на лето от Христовых таин, а епитемы шесть лет по святым правиломъ»⁶¹¹.

Но и светская власть была заинтересована в том, чтобы не было ложных крестоцелований. Между тем до XVII в. постановлений о лжеприсяге почти нет. Только в дополнительных статьях к царскому судебнику полагается за лжеприсягу пеня, что Государь укажет⁶¹². Возможно, что лжеприсяга была делом сравнительно редким. Правда, Альберт Кампензе около 1524 г. писал папе Клименту VII, что у русских о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно⁶¹³, но это несомненно преувеличение. Олеарий свидетельствует, что за лжеприсягу у нас наказывались ссылкой⁶¹⁴. Определеннее говорит о наказании за лжеприсягу Соборное Уложение. «А кто крест поцелует, читаем в 9-ой ст. XIV гл., или

кто кого ко кресту приведет не по правде: и сыщется про то до пряма: и тем людем за то чинить жестокое наказание, как о том писано выше сего в суде о крестьянах,» – выше сего, т.е. в XI гл. 27 ст., где подробно определяется наказание за ложное целование в случаях укрывательства чужих крестьян. Именно, там говорится: «и ему (преступнику) за вину, что он крест поцелует не по правде, учинить жестокое наказание, бить его кнутом по торгом по три дни, чтобы про то было ведомо многим людем, за что ему такое наказанье указано учинить, и бив его кнутом по торгом по три дня, посадить его в тюрьму на год, и впредь ему ни в чем не верить, и ни в каких делех ни на кого суда не давать.»

Субъектами лжеприсяги могут быть «Московского Государства всяких чинов русские люди» (XIV г. 1 ст.). Но исключаются духовные люди и монахи, так как первые вместо присяги свидетельствуют по священству, а вторые – по иноческому обещанию (XIII гл. 6 ст). Не могли быть субъектами лжеприсяги лица, не имевшие права давать крестное целование, напр. лица моложе 20 лет (гл. XIV ст. 1) и в исключительных случаях 15 лет (ст. 5).

Преступное деяние состоит в сокрытии правды на суде. Ложная присяга может иметь место а) при обыске (гл. X, ст. 161); б) при тяжбах вотчинных (гл. XIV) в) при укрывательстве чужого беглого крестьянина (гл. XI, ст. 27; гл. XX, ст. 49). Кроме простой лжеприсяги Уложение знает еще присягу насильственную, напр. вельможа может принудить насильно целовать крест на криве кого-нибудь из своих крестьян (XIV, 10).

В постановлениях о присяге мы видим ту особенность, что здесь указаны мотивы строгого наказания за это преступление. Первый мотив – это пример церковного и светского византийского законодательства. Прежде всего делаются ссылки на правила св. Василия, именно на 82 и 64. Первое из них говорит о преступивших клятву по нужде, а второе – о вольном клятвopеступлении.

Кроме ссылок на правила св. Василия В., в Уложении делается ссылка и на градские законы: «о том же Царя Льва Премудрого новая заповедь 72 повелевает кленущемуся во лжу язык урезати, аще после обличен будетъ». Но делаемая здесь на 72 новеллу Льва Философа ссылка неточна. Из новелл Льва о лжеприсяге говорит 76 новелла (по изданию Цахаріэ), хотя она имеет в виду ложное свидетельство священников, а не вообще лжеприсягу. Но подобное постановление мы находим в Эклоге (Tit. XVII, 2)⁶¹⁵ и в Прохироне: (39,46): «...Ἐπίοριος δὲ μετὰ ταῦτα ἀποδεικνύμενος ὑλῶσσοιοπείσθω» (Ecl. XVII, 2).

Помимо ссылок на Византийские церковно-гражданские законы мотивом наказуемости лжеприсяги является религиозный характер крестного целования – значение креста Христова. Поэтому-то, – говорится в Уложении, – «подобает отцем духовным детей своих духовных поучати и наказовати страху Божию, и чтобы промежу себя и в соседстве жили любовью, не крали, не разбивали, и не ябедничали, и на лжи не послушествовали и чужого не восхищали, и сами не обидими, и скверными речьми не укорялися и накриве бы креста не целовали, и именем Божиим во лжу не ротилися и не клялися, занеже Православным Христианом крестное целование ротою и накриве в конец отречено бысть священными правилами, но вдан от Христа христианом крест на освящение и просвещение и на

отгнание врагов видимых и невидимых и того ради православным христианом достоит святому кресту верою поклоняться, и истинною и чистотою, и того честного креста целовати со страхом, и с трепетом и с чистою совестью. И целуяй тако крест, освящает себе и от болезней и от недуг всяческих исцелеваетъ; а не верою и не истинне и на лжи целуяй крест, и той бо лжи обещник есть, и не исцельно повреждает себе, и по писанию, яко Христоубийца вменяется, таковой поругатель честному Кресту» (Ул. гл. XIV, ст. 10).

Эта длинная выдержка вводит нас в круг того мировоззрения, отмечает тот религиозный колорит, как им проникнуто законодательно Уложения о лжеприсяге. За лжеприсягу по Уложению полагается трехдневное наказание кнутом по торгам, при чем преступник не мог быть более свидетелем на суде.

Д. Ересь и раскол.

Самые ранние известия о наказании еретиков относятся к XI и XII столетиям. Их два; оба они находятся в Никоновской летописи; первое записано под 1004 г: «Митрополит Леонт посади в темницу инока Андреяна, скопца. Укаряше бо сей церковныя законы, и епископы, и презвитеры, и иноки; и помале исправися и прииде в покаяние и познание истины, якоже и многим дивитися кротости его и смирению и умиленю»⁶¹⁶. Об этом еретике Голубинский думает, что это был богомил⁶¹⁷. Другой случай записан в той же Никоновской летописи под 1123 годом: «Того же лета Преосвященный Никита митрополит Киевский и всеа Руси в своем граде в Синелице затвори в темнице злого еретика Дмитра»⁶¹⁸. Что это за еретик, невозможно определить по отсутствию для этого данных, кроме эпитета «еретикъ».

Но все это отдельные, единичные случаи. С еретичеством, как преступлением, в русском праве мы встречаемся главным образом с XIV в. С этого времени путем настойчивых действий со стороны церковной власти ересь признается государственно–церковным преступлением, к которому применяются довольно суровые меры. Первыми испытали на себе действие репрессивных мер стригольники. Преследование их началось с

Новгорода, где в 1375 г. трое ересеначальников были сброшены в воду⁶¹⁹. Позднее и псковичи с благословения церковной власти также взялись за «показание» еретиков, повергание их «во измождение плоти», для спасения их душ грешных⁶²⁰. Часть была казнена, часть бежала. У пр. Иосифа Болоцкого сохранилось известие, что псковичи, желая «упразднить ересь», с этою целью «посылаху к благочестивым князем и к святителемъ и воеводам, еже како бы еретики упразднити. И инако не возмогаша сих упразднити, точию егда совет приемши посадницы от благочестивых князей и святителей и от всех благородных христиан, и послаша яти стригольники и не единогоже оставиша, по всех в темницу ввергоша, даже до конца живота их, и тако искоренися и упразднися прелестная она ересь»⁶²¹. В XVI в. после приговора собора 1505 г., как мы уже знаем, были сожжены важнейшие из жидовствующих⁶²². Впрочем, смертной казни за такие «богохульный вины»⁶²³ предавали лишь нераскаянных, долгия предварительные увещания которых были безуспешны. Сожжение, однако, было не единственным наказанием за ересь, употреблялись и другие наказания. Напр., в 1511–12 г. оставшихся еретиков царь Василий велел «всех в темницу вметати и быти неисходным до кончины живота ихъ»⁶²⁴. Также игумен Артемий по тому же делу жидовствующих, только позднее, был сослан в Соловецкий монастырь, при чем велено «пребывать ему внутри монастыря с великою крепостию и множайшим хранением, заключену ж ему быти в некоей келье молчальне»⁶²⁵. В 1531 г. на соборе был осужден за поругание русских церковных уставов, охуление русских чюдотворцев и ересь Максим Грек и был сослан в Тверской Отроч монастырь⁶²⁶. За ересь же и Вассиан Патрикеев был сослан в Волоколамский монастырь⁶²⁷. В 1619 году кн. Елена Мосальская была отправлена в Горицкий девичь монастырь, может быть, за ересь, а может быть только за религиозное сомнение. По крайней мере, в царской грамоте по этому поводу говорится: «чтобы она (Масальская) не отстала надеждой к Богу»⁶²⁸. В 1623 г. князь Иван Хворостинин за то, что «воскресение мертвых ложно быти вмени», был сослан в Кирилло-Белоозерский монастырь⁶²⁹. В 1670 г. была сожжена в

срубе монахиня еретица и ведунья, а вместе с ней ея воровския заговорные письма и коренья⁶³⁰. В 1684 г. был сожжен иноземец Квиринко «с книгами и письмами того богомерзкими»⁶³¹.

С половины XVII в. возникает новое общественное явление – раскол, и число религиозных преступлений увеличивается еще одним. Окончательно раскол осуждается на Большом Московском соборе 1666–7 г.; но еще до этого против некоторых вожаков раскола были приняты правительством меры. Так напр., протопоп Аввакум, еще за несколько лет до собора, был сослан сначала в Тобольск, а потом из Тобольска на Лену⁶³². Но ему удалось вернуться в Москву, где он прожил, впрочем, не долго. Ему опять приказали ехать на Мезень⁶³³. Это было в 1664 г. А через полтора года его вызвали в Москву, где собирався собор. В Москве Аввакума держали в разных монастырях, сначала 10 недель в Пафнутьевском, затем в Николо-Угрешском в холодной палате 17 недель, потом снова в Пафнутьевском монастыре держали его скованным в темной палате около году⁶³⁴, пока не состоялось определение собора о раскольниках. На этом соборе, осудившем раскол, наложившем на непокорных клятву, был поставлен вопрос о применении к ним «градских казней». Самый вопрос был формулирован так: «аще еретики и раскольники, подобает ли наказатися

градским законом, или токмо церковным наказаниемъ?» Ответ был дан: «ей, подобает их наказати и градским казнениемъ». Положительное решение поставленного вопроса мотивируется далее примерами наказания еретиков светскою властью в Византийской империи. В заключение снова резюмируется решение указанного вопроса: «се убо познаваем от сих, яко еретики и раскольники не токмо церковным наказанием имут наказатися, но и царским, сиречь градским законом и казнениемъ»⁶³⁵.

Всматриваясь в формулировку вопроса и аргументацию ответа, мы легко можем видеть, что уголовная наказуемость раскола возникла из уравнивания его с ересью. В вопросе говорится нераздельно о расколе и ереси, в аргументации речь идет *только о еретиках*, а вывод делается не только по отношению к ереси, но по отношению к *расколу*. Как бы то ни

было, но решением Большого Московского собора было узаконено применение к раскольникам уголовных наказаний. Первыми наказаниями

были ссылка и тюрьма. Главнейших раскольников: Аввакума, Епифания, Лазаря, Θεодора, сослали в Пустозерск. В Пустозерскъ они получили царский указ о том, что вместо смертной казни велено –Аввакума посадить в земляную тюрьму, в сруб, а прочим – резать языки и сечь руки. На основании этого указа у Лазаря вырезали весь язык и отсекли по запястье руку, у Епифания вырезали язык и отсекли четыре пальца, а у Θεодора вырезали язык весь, оставив только небольшой кусочек, «накошь резанъ», и отсекли руку, поперек ладони⁶³⁶.

Иных раскольников держали в земляных тюрьмах⁶³⁷, иногда на цепи и скованных в железо⁶³⁸. Если верить Аввакуму, то еще при его жизни несколько раскольников сожгли⁶³⁹, а одного так даже повесили⁶⁴⁰. Но едва ли ложно допустить, чтобы стали предавать смертной казни раскольников, когда были живы расколоучители. Только с 80-х годов XVII ст. можно говорить о сожжении раскольников. В 1681 г. церковный собор, с патріархом Іоакимом во главе, обращается к царю Θεодору Алексеевичу: «И ныне просим и молим Великого Государя Царя и Великого князя Θεодора Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белые России Самодержца: которые отступники и развратники, но многом церковном учении и наказании и по нашей архиерейском прошении к их обращению истинного покаяния явятся противны, святой Церкви непокорны, и таких противников указал бы Великий Государь Царь и Великий князь Θεодор Алексеевич... отсылать ко градскому же суду, и по своему Государеву рассмотрению, кто чего достоин, указ чинить»⁶⁴¹.

Только с этого времени, можно думать, и начинает применяться смертная казнь к раскольникам. Первыми жертвами были, конечно, расколоучители. Об их смерти П. Мельников рассказывает так: «Патріарх Іоаким стал настоятельно требовать казни расколоучителей, из далекого Пустозерска поддлерживавших и распространявших раскол

повсюду. Было повелено: «за великия на царский дом хулы сожечь ихъ». Это было исполнено в Пустозерске 1 апреля 1681 года. На площади построили сруб из дров, на котором сгорели Аввакум, Лазарь, Епифаний и Никифор. Аввакум предвидел казнь и заблаговременно распорядился имуществом и роздал книги. На казнь собрался народ и снял шапки... дрова подожгли, замолчали все; Аввакум народу говорить начал и крест сложил двуперстный: «вот будете этим крестом молиться, – во век не погибните, а оставите его – городок ваш погибнет, песком занесетъ; а

погибнет городок, настанет и свету конецъ». Огонь хватил казнимых, и один из них закричалъ; Аввакум наклонился к нему и стал увещавать... Так и сгорели»⁶⁴². Этот рассказ повторяет Есипов⁶⁴³ и другие⁶⁴⁴. Но А.К. Бороздин, не вполне доверяет этому рассказу. Впервые, неизвестны источники его: может быть, он составлен по местным рассказамъ; а во вторых, в одной раскольнической повести дата смерти Аввакума другая, а именно – «в лето 7190 (1682), апреля 14 дня, в день великого пятка»⁶⁴⁵.

После расколоучителей пострадали и другие раскольники. Так, в 1682 г. было велено «предать градским казнямъ» сысканных новгородских раскольников⁶⁴⁶, а в 1684 г. было велено иконника Ѳедку Михайлова сжечь, а распопа Никитку и расстригу Исайку бить на козле кнутом и для исправления сослать в монастырь. Но если бы здесь они не принесли покаяния, велено было их казнить⁶⁴⁷.

В 1685 г. Апреля 7 были изданы «указные статьи о раскольникахъ», содержание которых сводилось к следующему: 1) упорных раскольников, которые с пыток упорно будут стоять в расколе, а покорения святой церкви не принесут, их за таковую ересь по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять; 2) покаявшихся посылать в монастыри на покаяние; 3) подстрекателей к самосожжению – жечь; 4) переkreщающих и первое крещение называющих неправым – жечь без всякого милосердия; 5) переkreщенных, если они будут виниться без всякой противности, наказывать кнутом и отсылать к епархіальному архиерею для епитимии; не

покоряющихся наказывать смертью; 6) оговоренных в расколе, если это окажется справедливым, бить кнутом и сослать в дальние города; 7) за недонесение о расколе и понаровку раскольщикам чинить жесточайшее наказание⁶⁴⁸. После этого указа преследование раскольников должно было принять особенно строгия формы.

Несколько позднее принцип «градской» наказуемости раскола и ереси был выражен на соборе, по делу о разрешении от клятвы Симеона Медведева. Здесь было постановлено, что если он или его соумышленники по покаянии снова будут обличены в «отступстве», то их телесной казни предавать – «таковой, яковую казнишася Новгородские еретицы в лето 7013 (1505), на них же собор бе на Москве в лето 6999 (1491) при Великом князе Иоанне Васильевиче и митрополите всея России Симеоне; или яко при благочестивейших Государех, Царех и Великих князех Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче, всеа Великия и Малые и Белые России Самодержцех, в 190 году (1682) Никита суждалец роспопа главосечен и в блато ввержен псом на спедь»⁶⁴⁹.

О деятельности церковных судов по отношению к расколу в конце XVII в. даются соответствующие сведения в «Статьях о Святительском Суде», собранных, по повелению Патр. Адриана, и в Инструкции поповским старостам. В Инструкции читаем: «Будет в городе и в селе и деревнях явятся раскольники чернцы, не повинующиеся Святей Восточней Соборней Апостольстей церкви и преданию Святых Апостол и Святых Отец, и станут в мирских домах жить, и Христиан от православные веры своим злохитрством и учением сатанинским отвращать и безчинство какое чинить, и про тех раскольников учинится от кого ведомо или сам уведает, и тех раскольников чернцов сыскав, на Десятильниче дворе расспрашивать, какого он чину в мире был и где жил, и кто его постригал и в котором году и месяце и числе, и в котором монастыре или в коей пустыне и в доме, и сколь давно пострижен, или сам на себя чернеческое платье положил, и который год, как он от истинная православный христианския веры совратился и христиан православных своим злохитрством и сатанинским учением кого

не отвратил ли, и будет колико отвратил или в овинех и в лесах пожег, о том о всем его допросить подлинно, и допросив, сослать его в монастырь, и держать до указу Святейшего Патриарха в крепости, чтоб никуда не ушел, и о том писать Святейшего Патриарха в Розряд, не мотчав, да и о бельцах раскольников же чинить по сей же вышеписанной статье"⁶⁵⁰.

Здесь идет речь только о раскольнических монахах и при этом не говорится собственно о наказаниях за раскол. Об этом последнем говорится в «Статьях о святительском суде». В них читаем: «А в Патриарше Розряде, по указом Святейших Патриархов, и по делам, раскольников и противником церковным и новоисправным книгам и

церковным догматом, которые в таких противностях по изветам иманы были в Патриарш Розряд, которые от противности своей обращались к покаянию и вины свои приносили истинно, такие посылаемы под начало в разные монастыри, а о иных отцем духовным приказано надсматривать, и собраны по ним поручные записи, чтобы они впредь противности такой не держались и с раскольники не знались, и ходили бы в церковь Божию и имели бы отцов духовных, и исповедались и по достоинству причащались Святых Таин от священников прихоцких, кто в котором приходе живет. А сущих таких противников, которые от противности к покаянию не обращались и в упорстве и в расколе стояли непреклонны ко истинне и такие из Патриарша Розряду отсылаемы в Стрелецкой Приказ, и в иные Приказы и города к воеводам к градскому суду»⁶⁵¹.

Е. Богохульство.

В древнегерманском праве о богохулении, как преступлении, хотя и говорится, но не во всех памятниках. В Вестготском праве есть особое положение «о богохулителях Св. Троицы». Закон грозит битьем, бичеваньем в сто ударов, конфискацией и ссылкой тому, кто произнесет хулу на одно из Лиц Св. Троицы, откажется принять или выплюнет Св. Дары⁶⁵². В Капитуляриях франкских королей также встречаются постановления о богохульстве. Виновный сначала подвергался

заклучению до принесения публичного покаяния; если же этого не последовало, то подлежал уголовному наказанию⁶⁵³.

В праве древнерусском первое и единственное постановление о богохульстве встречается в Соборном Уложении. До издания Соборного Уложения известно только несколько случаев наказания за богохульство.

В Новгороде в 1488 году «били в торгу попов Новгородских, что поругались иконам пиани, а прислал их Архиепископ Геннадий; и бив, отослали их опять ко Владыке»⁶⁵⁴.

В смутное время, когда Москвою владели поляки, некто Блонский, стоя на страже у Никольских ворот, выстрелил несколько раз в изображение Богородицы, стоявшее на воротах. Московские бояре пожаловались гетману Гонсевскому. Последний приказал судить преступника по Московским обычаям, и ему всенародно отрубили обе руки и ноги и прибили на ворота, где он стрелял, а туловище, еще живое, сожгли пред этими самыми воротами⁶⁵⁵.

В Соборном Уложении богохульству посвящена отдельная статья, именно 1 ст. 1 гл. Новоуказные статьи (22 Января 1669 года) о богохульстве умалчивают. Статья Уложения о богохульстве имеет такую редакцию: «Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и Русской человек возложит хулу на Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников: и про то сыскивать наврепко всякими сыски. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив казнити, сжечь» (гл. I, ст. 1).

Субъектом этого преступления является всякий человек, какия ни буди веры. Этот принцип, что вероисповедание субъекта в богохульстве не имеет существенного значения для состава преступления, с этого времени прочно и твердо держится в русском праве. Он повторяется и в Своде Законов уголовных 1832 года (ст. 182 прим.).

Преступное действие состоит в похулении предметов христианского почитания, поклонения и верования. Но этой статьей имеется в виду не одна только словесная форма

богохуления. Под эту статью могли подводить и кощунство, и иные неприличные деяния, выражающие собою неуважение к тому или иному предмету христианского почитания.

Наказание за это преступление самое высшее, именно – смертная казнь сожжением. Но в виду строгости наказания, Уложение требует, чтобы оно налагалось именно тому, кто был виновен: и «про то сыскивати всякими сыски, да будет про то сыщется допряма». Наказание предваряется обличением виновного. Но в чем состоит это обличение, на основании приведенной статьи трудно определить. – Своим источником эта статья имеет постановление закона Моисеева: «Аще пришелец, аще ли иноземец, внегда проклянет имя Господне, да умретъ»⁶⁵⁶. Но редакция Уложения значительно расширяет и отчасти разъясняет это постановление Моисеева закона, отчасти же приспособляет его к русским отношениям,

заменяя пришлецов и туземцев иноверцами и русскими, а проклятие имени Божия – возложением хулы.

В практическом отношении эта статья служила нередко основанием обвинения раскольников. В начале XVIII в. можно указать несколько примеров⁶⁵⁷ подобного наказания раскольников по статье о богохульстве. По юридическим воззрениям XVII в., противление св. церкви и их непочтительные отзывы о ней трактовались, как богохульство. Ясный след такого взгляда находим в «Статьяхъ о святительском суде». Здесь читаем: «А в прошлом 206 (1698) г. церкви Петра и Павла, что в Новомещанской слободе, діакон Петр за неправую веру и хулы на Восточную церковь, святейшего Патріарха соборным и церковным суждением извержен и послан ко Аеанасию, Архиепископу Холмогорскому и Важескому, велено приводить его к сущему обращению; а буде не обратится и учнет чиниться противен, и его велено сослать в Соловецкий монастырь и держать в тюрьме под крепким началом за караулом и никого к нему не припускать и чернил и бумаги не давать и никакого письма писать не велеть», – и далее прибавляется: «А иных дел и указов Святейших Патріархов о богохульниках в Патріаршем Разряде не сыскано»⁶⁵⁸. Это место дает ключ к уразумению вопроса о

подсудности богохульства. Та или иная подсудность этого преступления стояла в зависимости от субъекта преступления. Если субъектом был раскольник, то при его упорстве, он, как хулиатель веры и св. церкви, судился за богохульство и судом светским, а при его раскаянии подлежал суду церковному, только лишь как раскольник, при чем богохульство почти сливалось с расколом. Если же субъектом богохульства был не раскольник, а тем более, если он был иноверец, то богохульство судилось не церковным судом, а уже уголовным.

Кроме богохульства в памятниках древне-русского права мы встречаемся еще с фактом сродного богохульству деяния, которое Московские юристы называли поруганием православной веры. В 1696 году подъячий Петр Власов «за его дуровство и за поругание православные христианские веры», выразившееся в том, что «он, Петрушка, на кружечном дворе сняв с себя крест да закладывал в пропой на вино», был послан под начал духовным заказчиком, Уфимского Успенского монастыря игумену Веніамину и соборному протопресвитеру Стефану Евстафьеву. При этом им была дана такая инструкция уфимским воеводой Василием Θεодоровичем Леонтьевым: «и вам бы его, Петрушку, приняв, держать до указа Великого Государя в смиреньи на чеппи, и дать ему по правилу святых Апостол и святых Отець еиптимию, какой правильной вины надлежит, и покамест он, Петрушка, правильную заповедь исправить, с чеппи не свободждать и велеть повседневно быть у всякой божественной службы, в церкви быти с начала и до отпуску во всякой кротости и целомудрии»⁶⁵⁹.

Ж. Совращение.

Статья о совращении, как и о богохульстве, явилась также впервые только в Уложении, может быть, под влиянием имевших место в XVII в. фактов совращения⁶⁶⁰. Эта статья имеет две редакции: краткую в Уложении (гл. XXII, ст. 24) и пространную, с добавлениями, в новоуказных статьях (ст. 109). Краткая читается так:

«Аще будет кого бусурман, какими нибудь мерами, насильством или обманом Русского человека к своей бусурманской вере принудить и по своей бусурманской вере

обрежет, а сыщется про то допряма, – и того бусурмана по сыску казнить – сжечь огнем без всякого милосердия. А кого

он Русского обусурманит: и того Русского человека отослать к Патріарху, или ко иной власти, и велети ему учинити указ, по правилам Апостол и Святых Отець».

Субъект этого деяния – бусурман. Под этим словом приходится разуместь в данном слччае только иудеев и мусульман⁶⁶¹. Основанием для этого служит 1) то, что только в иудействе и магометанстве существует обрезание, а 2) ссылка на градские законы, сделанная в новоуказных статьях под статьей о совращении: «А в градских законах написано: аще жидовин, или Агарянин дерзнет развратить из христианской веры Христианина, повинен есть казни главней; а аще жидовин, христианина раба имый и обрежет его, да отсекут ему главу». Практика, впрочем, как замечает Владимирский-Буданов, расширила применение этой статьи и на всех совратителей, т.е. как из язычников, так и из христиан инославных исповеданий⁶⁶².

Совращение имеет место только в отношении русских людей, только русский может быть объектом совращения.

Преступное деяние состоит в совращении и обрезании. По прямому и непосредственному смыслу приведенной статьи Уложения о совращении преступный факт состоит в обрезании. Самый переход в бусурманскую веру только и выражается этим последним. Все те фазисы, какие проходит преступная воля в осуществлении своего намерения, каждый в отдельности, не имеют значения, только итог этой деятельности и составляет преступление. Но в оценке его эти способы совращения не лишены некоторого значения. Совращение или обрезание потому и является преступным, что оно, по воззрению Уложения, совершается только или насилием, или обманом.

Совращение в Уложении акт односторонний. Совращенный – вероотступник – не считается в собственном смысле преступником. Как жертва или насилия, или обмана, он только потерпевшее лицо. Свободный выбор и перемена веры считалась делом немислимым, невозможным. Поэтому, вероотступнику полагалась одна только эпитимия, по назначению Патріарха.

Источником статьи о совращении, как показывает ссылка в 109 новоуказной статье, были градские законы. Первая половина приведенной выше цитаты взята из Прохирона Македонских императоров: *Ἐὰν ἰουδαῖος τολμήσῃ διαστρέψαι χριστιανὸν λογισμόν, ἰπόκειται κεφαλῆῃ τιμωρία* (Proch. XXXIX , 32)⁶⁶³, но цитируется по Кормчей (ч. 2 гл. 48 пр. 39, 32), где к слову «жидовинъ» прибавлено «или агарянинъ». Вторая половина цитаты представляет уже дословный перевод Proch. t. 39 с. 31: *Ἐὰν ἰουδαῖος χριστιανὸν ἀνδράποδον κτήσῃται καὶ περτέμῃ, κεφαλῆῳς τιμωρεῖται*⁶⁶⁴. Самый вид смертной казни чрез сожжение, можно думать, заимствован из Литовского статута, в котором в обеих его последних редакциях (II-ой – 1566 г. Разд. XII , арт. 5 и III-ей – 1588 г. Разд. XII, арт. 9) положено это именно наказание.

3. Церковный мятеж.

Церковный мятеж, как богохульство и совращение, впервые предусматривается Уложением. Ему здесь посвящены 2–9 статьи I главы. Церковными мятежниками Уложение называет лиц, допускающих какое-нибудь безчинство в храме, сопровождающееся прерывом богослужения. Церковным мятежникам полагается различное наказание – в зависимости 1) от того, прервано было богослужение или нет, а 2) от разных форм произведенная безчинства и безпорядка.

О прерыве богослужения трактует 2-я статья: «А будет какой безчинник, пришед в церковь Божию во время святыя литургии, и каким ни буди обычаем Божественные Литургии совершити не дает: и его изъймав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертию без всякия пощады.» Субъектом этого деяния может быть всякое лицо. Способ совершения преступления в составе его не играет никакой роли. Наказание одинаково во всех случаях, – это смерть без всякой пощады. Безчинство в церкви, не сопровождавшееся прерывом богослужения, за исключением одного случая, каралось не так строго. Все деяния этого рода могут быть распределены на три категории: 1) случаи словесного оскорбления в церкви лиц духовного чина; 2) случаи ссор, поднятых в церкви, и 3) подача в церкви челобитных царю или патриарху.

Относительно первой категории деяний имеется одна 3-я статья: «А будет кто во время святыя Литургии и в иное церковное пение, вшед в церковь Божию учнет говорити непристойные речи Патріарху, или Митрополиту, или Архиепископу, или Епископу или Архимандриту, или игумену и священническому чину и тем в Церкви Божественному пению учинит мятеж, а Государю про то ведомо учинится и сыщется про то допряма, и тому безчиннику за ту его вину учинити торговая казнь».

Этим запрещается произносить непристойные речи священнослужащим и тем препятствовать совершению богослужения. Наказание – торговая казнь.

Ссоры в храме должны производить соблазн больший, чем простая неблагопристойность. Ссора в храме может иметь несколько форм, смотря по способу совершения деяния: 1) когда кто-либо кого-нибудь обезчестит словом, но не ударит (ст. 7); 2) ударит, но не ранит (ст. 6); 3)

ранит, но не убьет (ст. 5); наконец 4) убьет в храме (ст. 4). Соответственно этому изменяется и самое наказание. За простое оскорбление словом – тюрьма на месяц, причем обезчещенному виновный платит пеню в размере, установленном в Уложении (гл. X, ст. 26–29). За удар, не

сопровождаемый пролитием крови, полагалось виновного бить батогами, а также с него полагался штраф в пользу потерпевшаго. За нанесение ран – «торговая казнь без пощады и вкинути в тюрьму же на месяц, да на нем же взяти раненому за увечье безчестье вдвое». Наконец, за убийство – смерть убийце. Все эти четыре случая церковного мятежа представляют собою не что иное, как квалификацию других преступлений, – против чести, личной неприкосновенности и жизни. Так, простые преступления против чести влекут лишь одну денежную пеню (Улож., гл. X, ст. 26–29). Нанесение ран карается штрафом в 50 р. За каждую рану (гл. XXII, ст. 10–12), а простое убийство, хотя и наказывается смертью, но различается, как умышленное и неосторожное (гл. XXI, 69), между тем как при убийстве в церкви это различие исчезает.

Ст. 8 и 9 запрещают подавать в храме челобитные. Мотив этого преступления указан в 8 ст.: «чтобы оттого в церкви Божией церковному пению смущения не было, понеже церковь Божия устроена приходити на молитву. И православным христианом подобает в церкви Божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити». Это запрещение было вполне своевременным. Обычай бить челом царю в церкви во время службы Божией, нарушавший благочиние и благолепие священнослужения, нашел себе в указанных статьях Уложения противодействие. По ст. 9. того челобитника, который, «забыв страх Божий и презрев царское повеление, учнет ему, Государю, или патриарху или иным властем в церкви Божией во время церковного пения о каких своих делах бить челом: и того челобитчика за то вкинути в тюрьму на сколько Государь укажет».

Этими тремя видами и исчерпывается вся область церковного мятежа, не сопровождающаяся прерывом богослужения.

Некоторые из статей о церковном мятеже появляются в Уложении впервые, а некоторые внесены сюда из византийского права чрез Кормчую. Так источником 2-й статьи Уложения Тиктин указывает вторую половину 74 титула Сборника Иоанна Схоластика в 87 т., источник которой 31 гл. 123 новеллы Юстиниана⁶⁶⁵: *Εἰ δὲ αὐτὰ τὰ θεῖα μυστήρια καὶ τὰς θείας λειτουργίας ταραξεί ἢ ἐπιτελεῖσθαι κωλύσει, κεφαλῆνῳς τιμωρεῖσθω* (Anecdota, ed. Heimbach, t. II, p. 230). «Аще же кто божественный тайны и божественную службу смятет, мечем главу его да отсекуть» (Корм. 2, гл. 42, гл. 74). А для третьей статьи 1-й главы Уложения источником послужила первая половина того же 74 титула, представляющая собою начало той же 31 главы 123 новеллы Юстиниана: *Εἰ τις θεῶν μυστηρίων ἢ τῶν ἄλλων ἁγίων λειτουργιῶν ἐπιτελουμένων ἐν ἁγίᾳ εἰσελθὼν ἐκκλησίᾳ ἢ τῷ ἐπισκοπίῳ ἢ τοῖς κληρικοῖς ἢ τοῖς λαϊκοῖς ἢ τοῖς ἄλλοις ὑπηρέταις τῆς ἐκκλησίας ὕβρεων τι ἐπαγάοι, κελεύομεν τοῦτον βασάνους ὑπομεῖναι καὶ εἰς ἐξορίαν πεμφθῆναι*. «Аще кто божественным тайнам или иным святым службам сотворяемом, во святую церковь вшед или епископу, или причетником, или ином слугам

церковным досаду нанесет, повелеваем сего муками казнити и в заточение послати» (Кормч. ч. 2, гл. 42 гл. 74).

И. Безчинство, игры и скоморошество.

Христианские начала в языческую среду проникали постепенно и не без борьбы. В жизни и нравах новых членов церкви старая, привычная закваска язычества была еще прочна. А потому духовенство всеми мерами должно было восстать против всех этих следов языческой жизни, еще не успевших изгладиться и исчезнуть. Духовенство вооружалось: а) против употребления запрещенных видов пищи, в) против суеверия и гаданий и у) против игр и скоморошества.

а) Митрополит Иоанн II в своих канонических ответах говорить: «А еже емленные животные от пса или от звери или от орла или от иная птице, а оумирает, аще не зарезано будет человеком якоже божествнии отци повелеша; не подобает ести. Прилежи паче закону неже обычаю земли. Тоже соблюдеши и звериядиным⁶⁶⁶.

В Уставе Ярослава встречаем статью: «а кто поганое ясть по своей воли, или кобылину или медвежину, или иное что отреченное митрополиту в вине и в казни» (Ст. 48 по изд. Голубинского). В начале XV в. митрополит Фотий в одном из посланий замечает, что есть удавленину запрещено святыми отцами, причем ссылается на 63 прав. Св. Апостол, 67 пр. Трулльского собора и на 57-ю (58 – по Zachariä, Jus graeco-rom. III, p. 152–153) новеллу императ. Льва Мудрого, который за это велит подвергать виновных острижению бород и заточению⁶⁶⁷.

Позднее, и на Стоглавом соборе запрещали «кровоядение и удавленину». «Аще кто от ныне впред кровь животных ким любо образом ясти начнет пили удавленину, причетник или мирский человек, да отлучается, и того ради благочестивому Царю повелети посылать свою заповедь по всем градом, и по торгам. чтобы удавленины тетеревей и зайцов не продавали, а православные бы христиане сих не покупали и не яли и отнюдь, и всякого животного крови тем бы себе не сквернили, и Бога тем не прогневали и боялися бы священных правил запрещения, да не осуждена будут отлучением от всякия святыни»⁶⁶⁸. Но употребление удавленины в пищу продолжалось. В одном указе

патріарха Іоасафа читаем такі строки: «и едят удавленины и по торгом продают удавляемые гуси, и утята и тетереви и зайцы, их же отнюдь не подобает православным христианом ясти»⁶⁶⁹.

В половине XVII в. Новгородский митр. Киприан в одном из своих правил говорить: «а который молозиво есть или удавленипу, и тех отлучати на многия лета от святого причащения: те суть кровоядцы»⁶⁷⁰.

в) Запрещая христианам поклонение языческим богам, духовенство запрещало все, что могло указывать на старые верования.

Так, Кирик спрашивает: «Аже се родоу и рожанице крают хлебы и сыры и медъ? – Бороняше велми: негде, рече, молвить: «горе пьющим рожанице»⁶⁷¹. Это свежий еще остаток языческой обрядности, теперь утративший прежний религиозный смысл. Нечто подобное постановлено было и на Владимирском соборе: «и се слышахом: в субботу в вечерь собираются вкупе мужи и жены и играют и пляшут бесстыдно, и скверну деют в ночь святого воскресения, яко Дионусов праздник празднуют нечестивии елини, вкупе мужи и жены, яко и кони вискают и ржут и скверну деют. И ныне да останутся того; аще ли, то в преже реченный суд впадут»⁶⁷², т. е. будут прокляты.

До XIV в. язычество существовало более или менее самостоятельно. «Новая вера, говорит П. В. Знаменский, не вытеснила старую, даже не изменила ее; обе они соединились между собою чисто механически, а не органически. Народ ясно помнил свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поучения представляют еще в животрепещущих образах. После XIV в. язычество повидимому стушеввалось; его догматика забывается; в поучениях является на первом плане обличение не миѠа, а языческой обрядности, которая пережила миѠ, но без него и сама побледнела и потеряла свой смысл»⁶⁷³.

Начав борьбу с остатками язычества, в виде суеверия и старых обрядов, ставших простыми играми, с поучения церковь мало-по-малу перешла к более строгим и решительным мерам. Особенно сильно вооружился против «бесовских потехъ» Стоглавый собор. В 92 главе, озаглавленной «о игрищах еллинского беснования», читаем: «Еще же мнози от неразумия

простая чадь православних христиан во градах и селех творят еллинское беснование, различные игры и плясания, в навечерии праздника Рождества Христова, и против праздника Рождества Иоанна Предтечи в нощи, и в праздник весь день, мужи, и жены, и дети в домех по улицам отходя, и по водам глумы творят всякими играми и песньми сотанинскими, и многими виды скаредными, подобно же сему творят и во святія вечера, и в навечерии Богоявления Господня, и тем Господа Бога прогневают ни ким же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказуеми, таковые творят неподобные дела, святыми отцы отреченныя. Отныне же впредь подобает православным христианом вместо сих беснований в такая святые и честные праздники приходити ко святым Божиим Церквам и упражняться на молитву, и божественными песньми ублажаться, и божественного писания со вниманием слушати и божественную литургию со страхом предстояти, и потом в домех своих учреждатися, вкупе о Бозе ликовствующе со священническим чином и со други своими духовне, нищих питающе, и в славу Божию веселящися, а не упиватися во пьянство. – И того ради по священным правилом и по заповедем Святых Апостол и Святых Отец всем православным христианом на таковая еллинская *бл̑сования* не ходити ни во градах ни по селом, и о том благочестивому царю своя заповедь учинити, чтобы православные христиане на таковые бесования не сходилися, и чтобы проклятое еллинское бесование впредь попроно было до конца».

Стоглавый собор коснулся и разных суеверий того времени. Царь Иоанн Грозный говорит собору: «русальи о Иванове дни и в навечерии Рождества Христова и в навечерии Богоявления Господня сходятся народи мужи и жены и девицы на ночное плещевание и безчинный говор, на бесовские песни, и плясание, и на Богомерские дела и бывает отроком осквернение и девкам разтление, и егда ночь мимо идет к реце тогда отходят крепцыи и с великим кричанием аки беснии омываются водою, и егда начнут заутреню, тогда отходят в дома своя и падают аки мертвии от великого клоктания»⁶⁷⁴. Тот же собор свидетельствовал, что в великий четверг порану солому

палят и кличут мертвых⁶⁷⁵. Собор оставил описание еще одного обряда, обряда поминовения усопших: «В троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом умерших с великим воплем, и егда скомрахи учнут играти во всякие бесовские игры, и они от плача преставше начнут скакати и плясати, и в долони бити и песни сотонинские пети на тех же жальниках обманьщики и мошенники»⁶⁷⁶.

Против этих обычаев вооружалась не одна церковная, но и светская власть. Так, в 1628 году было велено: «кликати бирючую по рядом и по улицам, и по слободам и в сотнях, чтобы с кабылками не ходили, и на игрища б мирские люди не сходилися, тем бы смуты православным крестьяном не было, и коледы бы и овсеня и плуги не кликали; а кто учнет сего Государева указу ослушаться, и тем людям быть от Государя Царя и Великого Князя Михайла Ѡедоровича всея Руси в опале, а от Великого Государя Святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всея Руси, в запрещенье и в духовном наказанье»⁶⁷⁷.

С памятью Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского мы уже знакомы. Приведем однородный указ Алексея Михайловича Белгородскому воеводе Бутурлину. В нем мы читаем: «Да в городех же и в уездах от прелесников и малоумных людей делается бесовское сонмище: сходятся многие люди мужесково и женсково полу по зорям и в ночи чародействуют, с солничного восхода первого дни луны, смотрят, и в громное громление на реках и озерах куплются, чают себе от того здравья и с серебра умываются, и медведи водят и с собаками пляшут, зернью и карты и шахмоты, и лодыгами играют, и безчинное скакаше и плесание, и поют бесовския песни; и на святой недели жонки и девки на досках скачуть; а об Рождестве Христове и до Богоявленьева дни сходятся мужесково и женсково полу многие люди в бесовское сонмище по дьявольской прелести, многое бесовское действо играют во всякия бесовския игры, и в навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявления Господня клички бесовские кличут – коледу и таусен, и плугу, и многие человецы неразумием веруют в сон, и встречу и в полаз

и во птичей грай, и загадки загадывают и сказки сказывают небылные, и празднословие с смехотворением и кощунанием, и души своя губят такими помраченными и беззаконными делами, и накладывают на себя личины и платье скоморошское и меж себя нарядя бесовскую кобылку водят: и в таких в позорищах своих многие люди в блуд впадают и незапную смертью умирают, а в той прелести крестьяне погибают и с качелей многие убиваются до смерти»⁶⁷⁸.

Все это указ запрещает под угрозой наказания за ослушание.

у) Сильному осуждению со стороны церковной и светской власти подвергались и древне-русские артисты, скоморохи⁶⁷⁹. Первоначально против них вооружаться стали только отдельные волости, и то только против насильного, без приглашения, вторжения скоморохов в волость. Въ уставных грамотах довольно часто встречаются выражения: «а скоморохи в тех селех не играют»⁶⁸⁰, «а скоморохов у них в волости играти не освобождают»⁶⁸¹. «А скоморохом у них ловчей и его тиун по деревням силно играти не ослобожает: кто их пустить на двор доброволно, и они тут играют, а учнут у них скоморохи по деревням играти силно, и они их из волости вишлют вон безпенно»⁶⁸². «А скоморохом у них в волости силно не играти, а кто у них учнет в волости играти силно, и старосты и волостные люди высылают их из волости вон, а пени им в том нетъ»⁶⁸³.

В приговорной грамоте Троицко-Сергиевского монастыря 31 октября 1555 года говорится: «не велели есмя им в волости (присецкой) держати скоморохов, ни волхвей, ни баб ворожей, ни татей, ни разбойников: а учнут держати и у которого сотского в его сотной выймут скомороха, или волхва, или бабу ворожею, в его сотной, и на том, сотском и на его сотной, на сте человек, взяти пеню десять рублей денег, а скомороха, или волхва, или бабу ворожею, бив да ограбив да выбити из волости вон, а прохожих скоморохов в волость не впускать»⁶⁸⁴.

Стоглавый собор решительно заявил, что «отрицают вся божественная писания и священная правила, всякое игране и зернь, и шахматы, и тавлеи, и гусли, и смыки, и сопели, и всякое гудение и глумление и позорище и плясание»⁶⁸⁵. На

замечание царя о том, что «по дальним странам ходят скомрахи ватагами многими по шестидесят и по семидесят и по сту и по деревням у христян сильно едят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам людей разбиваютъ», – собор предлагает: «Благочестивому Царю своя заповедь учинити, якоже сам вестъ, чтобы впредь такое насильство и безчиние не было»⁶⁸⁶. Но решительные мероприятия против скоморохов со стороны правительства начинаются только в следующем веке.

В памяти, выданной по указу патриарха Иоасафа, в 1636 году, Августа 14 дня, тиуну Мануйлову и поповскому старосте, Никольскому попу Панкратию, читаем, что в праздники Господни «вместо духовного торжества и веселия восприимше игры и кощуны бесовския, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинския игры творити и в бубны бити и в сурны ревети и руками плескати, и плясати, и иная неподобная делати; и о тех праздницех сходящиеся многие люди не токмо что молодые, но и старые, в толпы ставятся и бывают бои кулачные великие и до смертного убойства и в тех играх многие и без покаяния пропадают, и всякого беззаконного дела умножилось, Еллинских блядословий и кощун и игор бесовскихъ»⁶⁸⁷.

«А которые, – читаем дальше, – будут впредь учнут жити, священницы или мирстии людие, мужие и жены, в непослушании, и о сих всех заповеданных заповедей, яже суть в сей памяти наперед написано, да не учнут хранить и учнут ходити по прежнему своему извычению, по воли сердец своих, древних своих прелестей не отめщуеи вся сия, яже в сей суть памяти писанная презирающе, и о таковых бы и о их непослушании извещали бы великому господину, Святейшему Иоасафу, патриарху Московскому и всеа Руси»⁶⁸⁸. Строгий указ был издан против скоморохов царем Алексеем Михайловичем в 1648 году. Царская грамота Белгородскому воеводе Бутурлину велит учинить заказ, «чтобы в городе, и в слободах и в уезде мирские всяких чинов люди от безмерного пьяного питья уклонялися, и были в твердости, и скоморохов з домрами, и гусли, и волынками и всякими игры и ворожей, мужиков и баб, к болным и ко младенцом в дом к себе не призывали... А где

объявятся домры, и сурны и гудки и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел винимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того богомерзкая дела не отстанут и учнут впредь такова богомерзкая дела впредь держатся, и по нашему указу тем людям велено делать наказанье: где такое безчиние объявится, или кто на кого такое безчиние скажет, и вы б тех велели бить батоги; а которые люди от такого безчиния не отстанут, а вымут такие богомерзкие игры в другие, и вы б тех ослушников велели бить батоги; а которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине в третье и в четвертые, и тех по нашему указу велено ссылать в у крайные города за опалу»⁶⁸⁹. После этого уже и церковная власть издает более строгия постановления против скоморошества. Сохранился указ митрополита Ростовского Юны в Великий Устюг, от 21 октября 1658 года, которым «велено на Устюге на посаде и в устюжском уезде учинить заказ крепкой, чтобы отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б и в домры и в сурны и в волынки и во всякия бесовския игры не играли и песней сатанинских не пели и мирских людей не соблажняли; а буде такие люди впредь объявятся и указу сего святительского не послушают, поводчики с медведи учнут ходити и скомрахи в гусли и в домры и в сурны и в волынки и во всякия бесовския игры играть, и сатанинския песни петь и мирских людей соблажнять, или мирские люди тех скомрахов или медвежьих поводчиков с медведьми в дома своя пускати, а ему великому Святителю про то ведомо учинится, и тем людям и скомрахом и медвежьим поводчиком быть от него Святителя в великом смиреньи и наказании без пощады и во отлучении от церкви Божии»⁶⁹⁰.

II. Преступления против нравственности.

Преступления против нравственности мы станем рассматривать в такой системе: а) преступления против союза семейного, куда войдут 1) недозволенные браки, 2) прелюбодеяние, 3) непочтение детей к своим родителям, б) преступления против чистоты нравов и целомудрия: 1) блуд, 2)

кровосмешение, 3) изнасилование, 4) сводничество, 5) противоестественные пороки, в) безчестие.

А. Преступления против союза семейного.

1. Недозволенные браки.

С началом христианства был внесен новый взгляд на весь строй семейной жизни, а также на самый первый момент брака. По свидетельству Нестора, первоначальной формой брака у русских было похищение. Так, он о древлянах упоминает, что они «умыкиваху у воды девица»⁶⁹¹. Также о радимичах, вятичах и северянах он говорит, что они собирались «на плясания и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся»⁶⁹². С этим языческим порядком церковь должна была вступить в борьбу. Но это совершилось не сразу, хотя в пространном списке Устава Св. Владимира, находящемся в Синодальной Корчмей № 132, и есть «умычка», но это слово приписано сверху⁶⁹³, следовательно, явилось не рано. Ясное свидетельство об умычке находится в Уставе Ярослава. Но этот устав характеризует преступление похищения не столько уже, как одну из форм заключения брака, сколько как особое деяние, близкое к лишению свободы и отчасти к изнасилованию. Статья Ярославова Устава читается таким образом: «Аще кто умчит девку или насилить аще боярская дщи, за сором ей 5 гривен золота и епископу 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а епископу гривна золота. Добрых людей за сором 5 гривен серебра, а на умычницех по гривне серебра епископу, а князь казнить»⁶⁹⁴.

«Статья эта, говорит В. Сергеевич, – представляет соединение языческой практики с нововведениями эпохи христианской. Денежный выкуп за насилие и похищение есть, конечно, остаток глубокой старины. Статья различает обыкновенное насилие и квалифицированное. – За обыкновенное полагается 5 гривен серебра пострадавшей, т.е. пол-виры. Этот платеж совершенно совпадает с тем, какой определен в Смоленском Мстиславовом договоре⁶⁹⁵. Насилие боярских дочерей есть насилие квалифицированное и ведет к чрезвычайному увеличению штрафа. В виду того, что по градским законам насилие девице, помимо членовредительного

наказания, влекло за собой вознаграждение пострадавшей, равняющееся трети, даже половине имения виновного, выкуп в 5 гривен золота не должен казаться невероятным. Назначение штрафа в пользу представителя власти в равном размере с частным вознаграждением встречаем и в других памятниках (договор Новгорода с немцами конца XIII в.) и также не представляет ничего невероятного»⁶⁹⁶.

«Похищение женщин, или умычка, говорит далее тот же автор, несомненно составляла обиду и до принятия христианства; но похищение, о котором говорит Ярославов Устав, не из этой до-христианской практики, а из 40 статьи XXXIX титула градских законов. Ярославов устав облагает штрафами разных размеров того, кто умчит, и «умычниковъ». Первый платит от 5 гривен серебра до 5 золота, а вторые – всегда по гривне. Эти «умычники» – суть пособники, помогавшие в похищении, а не главные виновники. О таком же различии главного виновного и помогавших ему говорит и 40 ст. градских законов. Это не может быть случайное совпадение, здесь надо предполагать прямое влияние»⁶⁹⁷.

Статья Устава Ярослава сливает похищение с насилием. Это не должно нас удивлять. Подобное явление наблюдается и в праве древнегерманском⁶⁹⁸. Вильда, авторитета в истории древне-германского уголовного права, замечает, что весьма трудно провести различие между изнасилованием (Nothzucht), похищением женщин (Frauenraub) и увозом (Entfuhrung). Непотребство и похищение могут различаться только по цели; в первом случае эта цель – просто телесное совокупление, а во втором похищенная предназначена для брака, она – Ehefrau. Но похищенная может отказываться в согласии на брак, тогда этот брак будет насилием. Здесь же различие между увозом и похищением, так как при увозе женщина дает свое согласие на него, а при похищении она только жертва. Но в свою очередь, увоз приближается к противозаконному сожителству, поскольку похищенная неспособна без воли родителей выразить свое согласие на брак⁶⁹⁹.

Подобное же явление смешения и слияния разных юридических понятий наблюдаем и в Ярославовом Уставе.

Похищение в нем рассматривается, как акт не добровольный, а потому и являющийся насилием.

Из последующего законодательства можно указать только на одну статью о похищении, встречающуюся в Соборном Уложении. «А будет, читаем здесь, – кто умысля воровски, придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинити, или ея из того дому похочет куды увести, а люди ее от такова не оборонять, и учнут помочь творити темь людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется: и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом лриедет и которые люди и воровство учинят помочь, всех казнити смертию.»

Субъектами преступления, предусматриваемого этой статьей, являются 1) похитчики, 2) пособники – рабы. Но те и другие отвечают за разные преступления. Одни за похищение, другие за необорону своей госпожи. Тем не менее наказание и тем и другим одинаковое – смертная казнь. Что касается источников этой статьи, то их указывают различно. Тиктин видит в этой статье расширение 36 ст. 39 титула Прохирона: *Δοῦλος συνειδὼς καὶ συμπράττων τῇ ἀρπαγῇ τῆς ἰδίας δεσπίνης καίεται*. Напротив, Владимирский-Буданов⁷⁰⁰ ее источник видит в Литовском Статуте (III ред. XI разд. 12 арт.). Но последнее мнение не вполне справедливо. Цитируемый им артикул говорит о насилии «девки албо учстивой невесты». Если потерпевшая «волала кгквалту» и сбежавшимся на ее крик показала знаки преступления, то показание свидетелей, видевших эти знаки, безусловно было решающим, почему виновный, говорит артикул, «тогда маеть быти каран горломъ». Если же на ее крик никто не прибежал, хотя и слышал этот крик, то истица может доказывать свое обвинение присягой. А речи о наказании этих, слышавших, но не прибежавших лиц, которые в Уложении 1649 года называются рабами, нет.

На ряду с похищением, превратившимся мало-по-малу из языческой формы заключения брака в один из видов насилия, церковь вооружилась и против браков, заключенных без благословения церковного, а также против браков кровосмесительных и двоеженства.

Требование, чтобы браки новохристиане заключали по священническому благословию и без всяких языческих обрядов, духовенством предъявляется довольно рано. Митрополит Иоанн II говорит, что отторгнуты от Св. Церкви все, кто сочетается без благословения священнического⁷⁰¹. В другом месте он говорит: «яко же еси рекл оже небывает на простых людех благословение и венчанье, но боляром токмо и князем венчати, простым же людем, яко же и меньшице поимають жены своя с плясанием и гуденьем и плесканьем, разум даемь всяк и речем: иже простии законы простыцем и невежам си творять совкупление, иже кроме божественные церкви и кроме благословенья творять свадьбу, таинопоимание наречеться: иже тако поимаються, якоже блудником епитемью дати»⁷⁰². В конце XIII в. или в начале XIV Митрополит Максим велит, чтобы христиане, «аще старии суть, аще и млади да венчаются в церкви»⁷⁰³. В XV в. вооружался против неблагословенных церковью браков Митрополит Фотий. «А которые, пишет он в послании новгородцам 29 Августа 1410 года, – живут не по закону с женами, без благословения поповска понялися, тем опитимья три лета, как блуднику, да паки совокупити их, а учити их и приводити их к православию: со благословением бы поимались с женами; а не со благословением восхотят жити, ино их разлучати; а не послушают, и вы, попы, не принимайте их ни приношения, ни доры не давайте им, ни Богородицына хлеба»⁷⁰⁴. Тоже он писал и Псковичам⁷⁰⁵.

Тот же Фотий по другому случаю говорит, что уклоняющиеся от венчания «яко закону Божию разрушители и ругателие, и сие мирьской казни великой подлежат, а душевной же казни, яко душегублени суще»⁷⁰⁶.

Требуя церковного благословения брака, церковь в то же время неодобрительно относилась к разным языческим обрядам, употреблявшимся при браке.

Так, напр., церковь запрещала «сыр краять роду и рожанице» при сговоре⁷⁰⁷. В постановлениях Владимирского собора 1274 года читаем: «И се слышахом: в пределех новгородских невесты водят к воде. И ныне не велим тому тако быти, аще ли, то проклинати повелеваемъ»⁷⁰⁸.

На Стоглавом соборе царь Иван заявлял, что «в мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники и гусельники и смехотворцы и бесовские песни поют. И как к церкви венчаться поедут: священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рищут, а священники им о том не возбраняют и не запрещают»⁷⁰⁹. Собор это запретил. Но на деле эти явления продолжали существовать. От половины XVII века есть свидетельство, что «в городах и у уездных людей у многих бывают на свадьбах всякие безчинники, и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими игры»⁷¹⁰.

О браках между близкими родственниками упоминает уже Устав Св. Владимира: «в племени или сватьстве поймутся». В Уставе Ярослава говорится в одной лишь общей статье: «Аже ближний род поймется, епископу 80 гривен, а их разлучить, а епитимьи да примуть». То, что о кровосмесительных браках это всего лишь одна статья, между тем как о кровосмешении не брачном Устав Ярослава говорить подробно, это может доказывать, что у язычников такие браки были редки, в противоположность германцам, у которых они допускались⁷¹¹.

Что касается вопроса о том, в каких степенях родства и свойства браки разрешались древне-русским правом, а следовательно, в каких они влекли наказания, – на это ответить трудно.

Необходимо иметь в виду сделанное некогда Невוליным замечание, что «до издания печатной Кормчей книги при Патриархе Никоне применение греческих законов о запрещенных для брака видах и степенях родства не могло быть у нас единообразно, потому что не одне и те же статьи входили в состав рукописных кормчих книг, если бы даже мы упустили из вида то обстоятельство, что трудно было вполне проникнуть системы греческих законов о запрещенных для брака видах и степенях родства»⁷¹².

Что же касается наказания за такие браки, то необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях брак расторгался, и брачившиеся подвергались наказанию, а в иных, – хотя супругов и предавали эпитимии, но брак их однако не расторгли.

Двоебрачие, как у нас, так и у германцев⁷¹³, стало преступлением лишь со времен христианства. Против него, так же как и против похищения и кровосмесительных браков, рано должна была вооружиться церковная власть. Митрополит Иоанн II велит отказывать в причащении тем, «иже бесстуда и бессрама в жене имеют», ибо это, поясняет он, – противно нынешнему благочестию и благопристойности римского общежития⁷¹⁴.

В Уставе Ярослава читаем: «аже муж оженится иною женой, со старою не распустився, муж епископу в вине, а молодую в дом церковный, а со старою жити»⁷¹⁵. И еще: «аще две жены кто водит, епископу 40 гривен, а которая подлегла, то поняти в дом церковный, а первую держати по закону; а иметь лихо водити ю, казнью казнить его»⁷¹⁶.

Трудно сказать, почему в Уставе Ярослава помещены две одинаковых статьи (разница между ними только в том, что 13 ст. определяет точнее пеню, а 7 ст. выражается вообще: «епископу в вине»). Вероятнее всего, что это вина кодификатора, который по ошибке повторил эту статью.

Рассматривая первый брак, как законный, а второй, заключенный при существовании первого брака, как не законный, устав предписывает прибегать к немедленному разлучению второй жены с ее супругом. Поэтому заключение «молоды» в дом церковный является именно, как такое наиболее решительное средство к расторжению нового незаконного сожителства. Возможно, что вторая жена в церковном доме могла нести эпитимию, как прелюбодейца.

Но церковь подвергала эпитимии и второй брак, заключенный по смерти первой жены, а также и третий после двух первых. В одном святительском поучении говорится: «а двоеженцов и троеженцев не причащайте без опитемы: двоеженцу молодому два года, а старому четыре года, а троеженцу молодому четыре годы, а старому шесть лет»⁷¹⁷. Митроп. Киприан в своих ответах игумену Аеанасию велит «истязати» вступающих в третий брак. Молодому за его младость он разрешает третий брак, но с предварительной трехлетней эпитимией, и положительно запрещает его тем, кто

уже приближается к старости⁷¹⁸. Митроп. Фотий писал новгородцам о третьем браке: «а третье бы поиманье не было, но аще кто будет млад, а детей не будет у него от первого брака, ны от второго, потому надобно рассужение, со опитемию великою поняти третью, не входити в церковь 5 лет, ни святого причащеніа не приимати, ни доры, не богородицына хлеба»⁷¹⁹. А еще раньше Митроп. Іоанн II велел извергать священника, совершившего третий брак⁷²⁰.

Постановления Фотия о третьем браке представляют некоторое видоизменение правил о третьем браке Константина Багрянородного и Романа⁷²¹. Тогда как по «Тому единения» (*τόμος ἐνώσεως*) этих императоров 5-летняя эпитимия полагается лицам старше 40 лет и имеющим детей, по Фотию она полагается человеку «молодому» и при том не имеющему детей, а потому женищемуся ради чадородия.

Вопрос о втором и третьем браке был поднят, между прочим, на Стоглавом соборе. Стоглавый собор в основание своих постановлений берет 2 прав. Св. Никифора Исповедника: «Двоеженец не венчается, но и запрещение примет не причастится Святых Таин 2 лета, а триженец 5 летъ»⁷²². Соответственно этому и собор постановляет: «а второму браку венчания несть, но токмо молитва по правилом. Под запрещением второму браку 2 лета епитимии. Аще будет млад, то едино лето. А третьему 5 лет от общения и всякия святыни»⁷²³. Такое же постановление встречаем в Наказном списке по Стоглаву Саввы Сарского и Подонского (Павлов, Еще нак. сп., стр. 21–22. Зап. Нов. Ун. т. IX).

В конце XVII в. третий брак уже разрешается. По Инструкции патриарха Адриана только с венечных памятей в таком случае бралась высшая пеня – десять алтын⁷²⁴. Это постановление имело силу и в XVIII веке⁷²⁵.

Четвертый же брак был вовсе запрещен. Еще до Стоглавого собора митроп. Фотий писал: «А который муж иметь жити с четвертою женою, или жена за четвертым мужем, тех божественная правила, по великого Василья слову, от святого причащеніа и от всякого освященья отлучают: в церковь не ходити, ни причастья не приимати, дондеже расторгнется

беззаконное сожитие ихъ»⁷²⁶. В послании во Псков Фотий образ прохождения эпитимии четверобрачными излагает несколько подробнее: «В церковь не входить в четыре лета, по четвертом же лете входить в церковь, божественная же причащения не приимает до 18 лет, ни доры, ни богородицина хлеба»⁷²⁷. Митрополит Иона около 1452 года писал Вятскому духовенству: «слышим, како тамо ваши духовнии дети незаконно живут, поймающе жен до пяти, до шти, до седми, а вы их благословляете и приношение от них приемлете, что есть Богу мерзко»⁷²⁸. На Стоглавом соборе четвертый брак был возбранен. «А четвертый бы брак от вас никогда не именовался. О четвертом браку и законнии правила возбраняють»⁷²⁹. При этом делается ссылка на правило св. Василия, тождественная с приведенной выше в послании Фотия к Псковичам: «Но Великого же убо Василия слову: аще муж иметь жити с четвертою женою или жена с четвертым мужем, тех божественная правила отлучают. В церковь не входить 4 лета. По четвертом же лете входить в церковь, божественного же причащения не приимает до 11 лет, ни доры, ни богородицина хлеба»⁷³⁰.

Делаемая ссылка на правила св. Василия не совсем точна. Ближе сюда подходит 80 правило: «Многоженцы осквернения отступающе и беззаконный разрушающе брак, четыре лета запрещение приимут, аще и болий есть грех сей, едино убо лето плачущеся, три же припадающе, и тако сподоблени будут причащения Божественных даровъ»⁷³¹.

Но в этом правиле речь идет о многоженцах вообще, а не только о четверобрачных, и при этом вовсе не запрещается приступать к св. Причастию до 18 лет. Откуда взялось это 18-летнее запрещение, ответить мы затрудняемся⁷³². Нужно только заметить, что все соборное определение – 23 и 24 главы – представляет дословное повторение послания митр. Фотия во Псков⁷³³.

И в последующих узаконениях встречаемся с запрещением четвертого брака. Церковный собор 1572 года, разрешая Иоанну Грозному четвертый брак, однако полагает на него эпитимию: «в

церковь не входити до Пасхи; а на Пасху в церковь Царю Государю воитти и в том его

Государя духовнику его, по нашему благословенно и прощению, разрешити, к доре ему, Государю, к меньшей ити и Пасху ему Государю вкушати, для Светлого Христова воскресенья, тот ему Государю день дан на разрешение. Потом лето с припадающими, и как пройдет то лето, и в том его Государя на Пасху духовнику, по нашему благословению и прощению, разрешити, и к доре ему Государю к большой и к меньшей ходити; потом лето едино с верными да стоять, и как пройдет то лето, в том его, Государя, также на Пасху духовнику его разрешити и Божественных Христовых Таин Царю Государю причастится; а с лета 81

благословили есмя и разрешили Государя Царя и Великого Князя к пречистые хлебу после стола ходити и приимати по Владычьним праздником и по Богородичным, когда Государя Бог сподобит и ко святой воде и к чудотворцевым медом, милостыню же о семь Царю Государю творити, елико изволить». Но разрешая Ивану Васильевичу под эпитимией червертый брак, собор постановила «А прочии человецы от мирских Царского Синклита и до простых никакоже да не дерзнет таковая сотворити, четвертому браку сочетатися; аще кто гордостию дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити, пригрозным клятвам, да будет таковой за дерзость по священным правилам проклять»⁷³⁴.

При Алексее Михайловиче и Θεодоре Алексеевиче четвертые браки были окончательно запрещены, хотя и без уголовной санкции, а только с ограничением некоторых гражданских прав⁷³⁵. По Инструкции П. Адриана четверобрачных надлежало ссылатъ в монастыри под начал и держать их в смирении до указу (ст. 64).

2. Прелюбоддеяние.

По древне-германскому праву субъектом прелюбоддеяния могла быть только жена по отношению к своему мужу, а не наоборот. Муж имел право держать кинкубину, и даже самые гордые женщины это допускали, если только оне по-прежнему оставались хозяйками дома⁷³⁶. Из того, что своей неверностью

жена наносила обиду прежде всего своему мужу, вытекало право его наказывать свою жену и ее сообщника на месте преступления. Последнего муж мог безнаказанно убить одного, или, как требовало это бургундское право, вместе с неверной женой⁷³⁷. Но вообще наказание жены в большинстве древнегерманских законодательств предоставлялось усмотрению оскорбленного супруга. Он мог подвергнуть ее каким-нибудь позорящим наказаниям, обрезыванию волос, обнажению и обрезыванию одежды, носа, ушей, изгнанию из своего дома⁷³⁸, он мог ее и убить. Со времени христианства становится ответственным за прелюбодеяние и муж пред своей женой⁷³⁹. Так, по закону Фростетинга (Frostethingsgesetz) жена имела право взыскивать со своего мужа за каждую неверность по 3 марки; а по верхне-шведскому праву сообщница мужа в прелюбодеянии выдавалась его жене для мести: с нею она могла поступить, как хотела: обрезать ей нос и уши, платье, и даже убить ее⁷⁴⁰.

В древне-русском праве языческого периода муж мог при жене иметь у себя наложницу – рабу. В Русской Правде читаем: «Аще боудоуть робьи детп оу моужа, то задници им не имати; но свобода им (съ) матерью» (Кар. сп. ст. 110). Слово «мужъ» нельзя ограничивать только холостыми; а если так, то из неумения этого сожития мужу можно выводить и его неответственность. Сообщник прелюбодеяния мог быть убит, мог и платить виру. Это видно из договоров Смоленска с немецкими городами. Так, в одном договоре неизвестного князя читаем «оже имуть русина вольное у вольное жены в Ризе (Риге) или на Готьском березе, оже оубьють и тот оубить; паки ли не оубьють, платити ему 10 гривен серебра, тако и немечицю Смолинське»⁷⁴¹.

В Мстиславовом договоре о праве убить прелюбодея уже не упоминается вовсе. «Аже застанете Роусин Латинеского человека свою женью, – чигаем здесь, – за то платити гривн 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Ризе и на Гочьком березе платити»⁷⁴². О наказании жены здесь не говорится ничего, да и вообще ничего не известно о том, кто и как наказывал жену за прелюбодеяние. Только из того, что «преступаете

прелюбодеяния по древне-русскому праву является с теми же особенностями, какие характеризуют его и по германскому праву», можно допускать наказание неверной жены оскорбленным супругом, может быть, даже смертью⁷⁴³.

С принятием христианства не только прелюбодеяние жены, но и прелюбодеяние мужа стало наказуемым. Относительно последнего ясно говорит Уставъ Ярослава: «аж еуж от жены блядеть, епископу в вине, а князь казнить» (ст. 6). Что за прелюбодеяние полагалось церковное наказание, это естественно, но «князь казнить» – это лишнее усердие кодификатора Ярославова устава. Прелюбодеяние несомненно и безусловно подлежало суду церковному. По прелюбодеянию мог быть развод, а все брачное право ведала церковь, а потому она же должна была наказывать и прелюбодеяние. Вероятно, дела о прелюбодеянии ограничивались одной эпитимией. Эпитимию виновному мужу за это преступление велено давать 15-летнюю⁷⁴⁴.

О прелюбодеянии в дальнейших историко-юридических источниках почти совершенно не говорится. Только некоторые отрывочные сведения мы можем почерпнуть из разных памятников, лишь отчасти разъясняющие этот вопрос. Хотя по церковному праву и муж, прелюбодействующий от жены, наказывался, как прелюбодей, но жизнь, по-видимому, большую ответственность возлагала все же на женщину. Герберштейн дает нам ценное указание, как москвичи понимали термин прелюбодеяние. Он говорит, что москвичи «*adulterium pop appellant nisi quis alterius uxorem habuerit*»⁷⁴⁵. Т.е. прелюбодеяние женатого с незамужней не было прелюбодеянием, а только простым блудом. А на блуд москвичи смотрели снисходительно. Не даром Антоний Поссевин, перечисляя заблуждения русских, заметил в этом перечне: «*errant Graeci, cum dicunt simplicem fornicationem non esse peccatum*»⁷⁴⁶.

Как наказывалось прелюбодеяние жены, если супруг не просил развода, не известно, но, вероятно, он мог расправляться с нею своим судом и своими средствами. При разводе же брака по прелюбодеянию жены последняя

подлежала эпитимии, и повидимому, даже пострижению в монашество. Намек на это дает один из вопросов крутицкого Архиепископа Леонида Св. Синоду в 1722 году. Именно он спрашивал: «которые мужья на жен своих покажут прелюбодейство или иные какие важные вины и по исследованию оное за женами явится, и таких жен, по правильном отлучении от мужей, куды ссылать в содержание, или их в монашество постригать?» Св. Синод их постригать в монашество запретил⁷⁴⁷.

Дела о прелюбодеянии ведал суд духовный. Так, к патриаршей юрисдикции принадлежали жалобы, какие приносили «мужие на жен и жены на мужей в прелюбодеянии или же в иных делахъ»⁷⁴⁸.

Инструкция Патриарха Адриана в этом преступлении различает две формы: 1) когда «блудное дело учинит на силу с девкою или со вдовою муж от живые жены». В таком случае виновному полагались шелепы и эпитимия – месячное заключение под начал в монастырь, и «в монастыре велеть ему быти между церковного пения в монастырских трудах, а к церковному пению к вечерне и к утрени и к литургии велеть приходить и после литургии на всякий день по сту поклонов класть земныхъ»; кроме того на виновном следовало «доправить той девке за безчестье против отца ея окладу вчетверо, а вдове противу окладу мужа ея умершего вдвое»⁷⁴⁹. 2) Когда такое блудное дело не осложнялось насилием, а было совершено по согласию. «А будет, говорится в упомянутой Инструкции п. Адриана, – кто от живые жены приживет у вдовы или у девки робенка, и в роспросе та вдова или девка на того скажете, что он то блудное дело учинил с ними не насильно, и тому, кто с ними такое блудное дело учинил, и той вдове или девке учинить вышеписанное их наказанье и за безчестье той вдове или девке ничего не править, по тому, что оне и сами в роспросех сказали, что то блудное дело учинили с тем своею волею, а не насильно»⁷⁵⁰.

Но эпитимия не была единственным наказанием за прелюбодеяние. Котошихин свидетельствует о другом порядке вещей. «А которые люди, говорит он, – воруют з чужими женами

и с девками, и как их изымают и того ж дни или на иной день обоих мужика и женку, ктоб каков ни был, водя по торгом и по улицам нагих бьют кнутомъ»⁷⁵¹. Это подтверждается и Павлом Алеппским: «Прелюбодю, если царь и патриарх о нем не узнают, возможно спасение от казни: после того как его обведут по городу под кнутом, заключают в тюрьму и налагают большой штраф»⁷⁵².

3. Непочтение детей к родителям.

О нем впервые говорит Устав св. Владимира: «отца или мать бьет сын и дщи». Первоисточник этой статьи в законе Моисеевом: «иже бьет отца своего или мать свою, смертью да умереть» (Корм. ч. II, гл. 45, 6).

В Уставе Ярослава об этом преступлении говорится так: «аще сын бьет отца или мать, да казнят его волостельскою казнию, а епископу в вине» (ст. 29). Почему здесь говорится о волостельской казни, трудно сказать что-либо определенное. Известно, что в XVII в. родители на детей в непослушании били челом Патриарху⁷⁵³. Нужно ли разуместь под этим непослушанием побои, наносимые непослушным сыном отцу, или нет, – сказать не возможно. Может быть, ко времени кодификации Ярославова устава нанесение побоев родителям детьми стало наказываться уже князем, а потому, чтобы спасти епископскую юрисдикцию, кодификатор Ярославова устава все же внес в него это преступление, отмечая церковную подсудность этого преступления неопределенным выражением: «епископу в вине». Но все это лишь догадки.

Яснее и определеннее об этом преступлении говорит Уложение: «А будет кто сын или дочь, не помня закону Христианского, учнет отцу или матери грубые речи говорить, или отца или мать с дерзости рукою зашибет и в том отец или мать учнут бити челом: и таких забывателей закона Божия за отца и мать бити кнутомъ» (Улож. XXII, 4). Возможно, что на включение этой статьи в Уложение повлиял Литовский Статут, где находится подобное же постановление: «если бы сын, албо девъка непомнечы на пана бога и на родича свои торъгнулься рукою ударыл, або пхнул з гневу такового не толко выречи се

может, али горлом от уряду за жалобою и доводом родичов каран быти маеть»⁷⁵⁴.

Б. Преступления против целомудрия и чистоты нравов.

1. Блуд.

В языческой Руси, где свободно допускалось наложничество, где существовало поклонение фаллосу⁷⁵⁵, где на зимних посиделках царила полная свобода полов⁷⁵⁶, о блуде, как преступлении, не могло быть и речи. С христианством и блуд простой, и конкубинат становятся преступлениями. Но первым средством борьбы с блудом стала эпитимия, налагаемая духовниками. Такую именно практику рисует вопрос Кирика Еп. Нифонту: «аще отроцы холостии каются оу нас, яко блюстися блуда, да другый и сблюдеть колико любо, а другый мало, далсь и падають: лзе ли им в божници быти и еоуангелье и дора ясти?»⁷⁵⁷. Обещания «блюстися блуда», какия давал юный христианин, были для его широкой разгульной натуры делом, очень трудным для исполнения. На это имеется целый ряд данных из памятников древнерусской эпитимийной практики. Так, Илья спрашивает Нифонта: «аже человек въсхощет покаяться, а разоумети боудет аще не мочися емоу остати блуда? – Приими, рече, да слышав от тебе наказанья, останеться». И еще: «а еже на человеце нахолосте боудет опитемья, а падеться в ней? Достойно есть ему изънова начати, а за падение ему прияти»⁷⁵⁸.

Кирик встает в недоумение в вопросе о том, тайное или явное наложничество лучше: «а аже, владыко, се друзии наложници водят яко с своею, а друози с многими отаи робаи: которое лоуче?» Видимо, ему все же представлялось наложничество, по крайней мере, теринным, только он не знал, какой его вид.

Новгородский епископ Илья запрещает без покаяния давать блудникам причащение: «аще холостым, то не дайте отиноудь иже блоуд творять; оли ж при смерти тъже дайте»⁷⁵⁹.

Простой блуд судился церковью тогда исключительно судом *forum internum*. В Уставе Ярослава говорится только о блуде квалифицированном. Так, ст. 4 (по изд. Владимирского-Вуданова) читается следующим образом: «аще у отца и у

матери дщи девкою дитяти добудеть, обличив ю, поняти в дом церковный, а чим ю род окупить».

Рождение незамужней девушкой ребенка, как *reccatum publicum*, подлежит и эпитимии публичной. Эпитимию эту должна нести виновная в доме церковном до тех пор, пока «родъ», т.е. семья ее не выкупит, иначе – не внесет за нее денежного штрафа.

Другой квалифицированный вид блуда – это «аже черниц или черница, или поп, или попадья, или проскурница впадут в блуд, тех судити епископу опричь мирян и во что их осудить, воленъ» (ст. 30). В одном памятнике, называемом «Вопрос священнический», за блуд с попадьею и ей и ея сообщнику полагается 15 лет эпитимии, а за блуд с черницею – 10 лет⁷⁶⁰.

В дальнейших памятниках присоединяется еще конкубинат. Указание конкубината можно видеть в словах послания митроп. Фотия 29 Августа 1410 года. Фотий пишет: «А котории живут не по закону с женами, без благословеніа поповска понялися, тем опитиміа три лета, как блуднику»⁷⁶¹.

По Московскому праву и блуд, и прижитие детей являлись преступными. Но за простое непотребство на практике, повидимому, наказывали не очень часто. Слова Поссевина, приведенные выше, указывают на это в достаточной степени⁷⁶².

Стоглавый собор, сделав вскользь упоминание о наложничестве среди духовенства, не счел нужным много распространяться про наложничество и среди мирян⁷⁶³.

Савва, епископ Сарский и Подонский, в своем «наказе» (по Стоглаву), тоже предписывает духовенству наблюдать, чтобы «наложниц не держали»⁷⁶⁴.

В XVII в. за «блудное воровство» наказывали кнутом. В самом начале этого столетия, в эпоху смутного времени, когда Москвою завладели поляки, один польский жолпер насильно увлек и обезчестил русскую девушку. Гетман Гонсевский было приговорил его к смерти, но один судья посоветовал наказать виновного по московским обычаям: его высекли кнутом всенародно. Москвичи остались довольны наказанием⁷⁶⁵.

От половины XVII в. нам сохранил известие, уже цитированное нами, Котошихин. Он свидетельствует, что «которые люди воруют с чужими женами и з девками и как их изымають и тогож дни или на иной день обеих мужика и жонку, ктоб каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутомъ»⁷⁶⁶.

За квалифицированные виды блуда, – незаконное сожитие (конкубинатъ) и блуд, осложненный рождением младенца, – наказывали иногда пеней, иногда заключением в монастырь.

В 1628 году боярский сын Нехорошко Семичев «за его великое воровство, и за беззаконное за блудное дело, что он воровал с рабами своими с девками многижда, блудил и прижил с ними семеро робят, а те девки меж себя двоюродные сестры», – был сослан в Корельский Никольский монастырь. Здесь он был должен в хлебне в цепх сеять на братию муку, выгребать из печи пепел и вообще исполнять черную монастырскую работу⁷⁶⁷. В 1633 году в тот же Корельский Никольский монастырь был сослан стольник Колычев за блуд⁷⁶⁸.

В обоих случаях указ был дан Патриархом Филаретом, потому что «роби на господий своих в блудодеянии били челом на патриаршем дворе»⁷⁶⁹.

Незаконному сожитию с рабами посвящает одну статью и соборное Уложение. «А кто учнет у себя в дому, говорит 80 ст. XX гл., – делати беззаконие с рабою с женкою, или с девкою и приживет с нею детей и в том на него та раба учнет Государю бити челом: и таких жен и девок, и на кого они учнут Государю бити челом, отсылати на Москве на Патриарш двор к Патриаршим приказным людям, а в городех к Митрополичьим и к Архиепископским приказным же людям, и велеть про них сыскивати святительским судом, и указ им чинити по правилу Святых Апостол и Святых Отец и по допросу обоих их отцев духовныхъ».

В практике же церковного суда за прижитие незаконно детей установилось в конце XVII в наказание денежным штрафом.

Так, в Патриаршем наказе Белозерских патриарших сел прикащику Рагозину от 19 декабря 1674 г. говорится: «А которая девка или вдова родит ребенка и с кем приживет, и на тех

людех править пени по два рубли по осьми алтын по полуторе деньге на человека»⁷⁷⁰.

Тоже читаем в наказной грамоте Новгородского Митрополита Павла в Макарьев Желтоводский монастырь 9 июня 1687 года: «А которая вдова приживет беззаконно, или девка родит, и по допросным речам на тех людях, с кем они беззаконно прижили, с очных ставок, по розыску, вместо наказания править пени по два рубли по осьми алтын по две деньги»⁷⁷¹.

В 1695 году Новгородский Митрополит Евфимий Иверскому архимандриту писал: «да тебе ж, сыну, в своем заказе ведать, в которых домех девки и вдовы, а в монастырех старицы младенцов родят, и о том их допрашивать и сыскивать, и те их допросные речи и сыск, за руками, с отписками, присылал в наш розряд, а с кем они беззаконно прижили, и с тех править пени по два рубли осьми алтын по две деньги, и те деньги присылать в наш казенной приказ, а тех девок, вдов и стариц отсылать под начальы в девичьи монастыри, и держать их в подначальстве недел по пяти и по шти, и велеть отцем их духовным наказывать от святого писания, чтобы они впредь так не безчинствовали»⁷⁷².

Штрафом же велит наказывать блудодеяние и Сибирский Митрополит Макарий⁷⁷³.

Блуду, осложненному рождением младенца, посвящает три статьи и Инструкция Патр. Адриана поповским старостам.

В ст. 29 говорится: «Которая вдова или девка приживет с кем беззаконно и родит робенка и тое родильницу молитвою очистить без замочгания, и младенцу имя нареши, и тое роженицу, в коем дому она живет, собрать по том поручная запись, чтоб покамест она обможется куды не ушла, а как обможется, и ее взять на десятильничь двор, и допросить, с кем она того робенка прижила, и того, на кого она скажет, сыскав, допросить, и по розыску учинить ему наказание, бить шелепами нещадно и сослать под начал в монастырь на месяц, и в монастыре велеть ему быти между церковного пения в монастырских трудех, а к церковному пению к вечерне и к утрени и к литургии велеть приходить, и после литургии на

всякой день по сту поклонов класть земных. А роженице чинить указ против тогожь, как ей минет четьредесять дней».

«А будет, говорить следующая 30 ст., которые беззаконнородившия жены или девкт учнѹт в роспросех своих говорить, указывая тех людей, с коими оне беззаконнственное дело учинили, будто на нее вдову или девку в какой домовней отлучке то блудное дело учинил, не знаемо какой

человек, или про кого скажет именем, а где он живет, про то скажет, не ведает, или про кого скажет в дальном расстоятельном отъезде, что его сыскать невозможно и таким беззаконнородившим вдовам и девкам вышеписанное наказание чинить вдвое, чтобы оне тех блудников никакими отговорками в беззаконнственном деле от наказания ни для чего не укрывали».

Кроме этих наказаний «того вдовца, со вдовою, который приживет с нею беззаконно робенка, или отрока с девкою венчать, а никто б без венчания беззаконно со вдовою или с девкою не жил, а буде такой безчинник явится, и того с тою вдовою или с девкою по розыску венчать же» (ст. 31)⁷⁷⁴.

2. Кровосмешение.

С большими подробностями о кровосмешении толкует Устав Ярослава. Он перечисляет различные виды кровосмешения. Так в нем говорится о кровосмесительном непотребстве между кумом и кумой (ст. 9 по изд. Вл.-Буданова), братом и сестрой (ст. 11), свекром и снохою (ст. 17), о непотребстве с двумя сестрами (ст. 18), с двумя братьями (ст. 20), с мачехою (ст. 19).

В списке Ярославова Устава, находящемся в Соловецкой Кормчей 1493 г., говорится еще о непотребстве деверя с падчерицею, деверя с ятровью и отца с дочерью.

Источниками всех этих статей служат канонические постановления о кровосмешении. Особенно много данных дают для этого правила Св. Василия Великого.

Рассмотрим последовательно указанные виды кровосмешения.

а) Кровосмешение кума с кумой. Блуд кума с кумой Устав Ярослава рассматривает, как квалификацию: за него положен

штраф в гривну золота. Основания этой квалификации могли лежать или в личной тенденции кодификатора, или же в недоразумении переписчика, который, может быть, соединил две статьи, из коих одна говорила о блуде с кумом, а другая о блуде с кумой, в одну: «аже кум с кумою створить блудъ». Византийское законодательство хотя и воспрещало брак между восприемником и воспринятой девицей (1.26. С. 5,4), между восприемником и матерью воспринятого младенца и т. д. (Тр. 53 пр. Eclog. II, 2; Proch. VII, 28), но в нем не существовало запрещения браков между самими двумя восприемниками одного младенца⁷⁷⁵, потому что самый факт существования в константинопольской церкви при крещении непременно двух восприемников (положение, старательно защищаемое покойным А. С. Павловым⁷⁷⁶) еще оспаривается и не может считаться доказанным, особенно для древнейшего времени⁷⁷⁷. Сомнительно, чтобы такая практика существовала и в русской церкви в древнейшее время⁷⁷⁸, а потому и не могло возникнуть квалификации блуда между кумом и кумой, как любодеяния кровосмесительного.

Но тенденция считать блуд кума с кумой кровосмешением на Руси все-таки существовала. В одной Кормчей древнейшего времени находится статья, перечисляющая виды «кровомешства». В ней читаем: «третие кровомешство двема кумома» etc.⁷⁷⁹.

Возможно, что подобная статья оказала свое влияние на кодификатора устава, если не произошло вышеуказанной ошибки переписчика.

Стоглавый собор уже прямо предписывает, чтобы не венчали брака в кумовстве⁷⁸⁰. Это правило повторяется и в наказных списках по Стоглаву, напр. в «наказе» Саввы, епископа Сарского и Подонского, сказано: «чтоб женилися ни в кумовстве»⁷⁸¹...

β) Кровосмешение брата и сестры запрещается Св. Василием Великим в 75 правиле, под страхом лишения причащения Св. Таин на 15 лет. Номоканон I. Постника уменьшает его до 3 лет⁷⁸². Его запрещают и градские законы⁷⁸³. В Уставе Ярослава за него положен штраф в 100 гривен.

у) Св. Василий Великий за кровосмешение свекра с снохою полагает 11-летнюю эпитимию (пр. 76), а в Номокапоне I. Постника эпитимия сокращается до 2 лет⁷⁸⁴. Устав Ярослава назначает штраф в 100 гривен, а по другим спискам только в 40 гривен.

δ) Кровосмесительный брак последовательно с двумя сестрами предусматривает также Св. Василий Вел. в 78 правиле. В Уставе Ярослава говорится о «падении» вообще; за это штраф в 30 гривен.

ε) Что касается кровосмешения с двумя братьями, то в одной (русской) редакции Постникова Номоканона читаем: «а иже со двумя братами смесившися кровомешество имать дваца семь летъ»⁷⁸⁵. По Уставу Ярослава любодействующая жена заключалась в дом церковный, а братья должны были внести штраф в 100 гривен, вероятно, – каждый.

ζ) О кровосмешении с мачихою говорит 79 пр. Св. Василия Вел., а также и закон Моисеев⁷⁸⁶. По уставу Ярослава – штраф в 40 гривен.

η) В вопросах скимницам (в чине покаяния паче же скимницамъ) есть вопрос о блужении с деверем⁷⁸⁷, в обширной редакции Ярославова устава есть две статьи, которыми назначается за кровосмешение деверя с падчерицей и ятровью штраф в 12 гривен.

θ) О кровосмешении отца с дочерью говорится в градских законах⁷⁸⁸. В уставе Ярослава – штраф в 40 гривен.

Вот и все постановления Ярославова устава о кровосмешении. С этим преступлением в памятниках до-Петровского права мы более не встречаемся. Конечно, из этого нельзя делать заключения, что нормы этого Устава были действующими за весь этот период. Несомненно судебная практика разрядов изменила эти нормы, по крайней мере их санкцию, но за неимением сведений о деятельности епархиальных судебных учреждений об этих изменениях мы ничего определенного сказать не можем.

3. Изнасилование и растление.

Выше мы уже говорили, что проводить точно разграничение между похищением и насилием по древне-русскому праву

невозможно. Тоже можно сказать и о растлении. Это не самостоятельное преступление, а один из видов насилия, совершенно сливающийся с изнасилованием.

Изнасилование, как и похищение, считалось преступным в древне-русском праве. Первые известия об этих преступлениях находим в договорах с немцами. В договоре Новгородского князя Ярослава Владимировича с Киевом (ок. 1189–1199 г.г.) находятся две статьи об изнасиловании: 1) «оже пошибает мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривен ветхими кунами, а жене или мужьское дчери 40 гривен кунами»; 2) «оже кто робу повержетъ, а не соромить, то за обиду гривна. Паки ли соромить, собе свободна»⁷⁸⁹.

Первая статья за «пошибание» назначает штраф князю и обиженной по 40 гривен ветхих кун. Что такое пошибание, можно видеть из параллельного места в Мстиславовом договоре: «аще Латинеский члвк оучинить насилие свободне жене, а боудеть пьреже на ней не был сором, за то платити гривен 5 серебра»⁷⁹⁰. Это сопоставление дает полное основание думать, что пошибание не другое какое-нибудь преступление против целомудрия женщин, а именно изнасилование. 40 старых гривен представляют полувирье, так же, как и 5 гривен серебра. По некоторым же спискам Мстиславова договора и по безыменному договору⁷⁹¹ за насилие свободной жене штраф может доходить и до 10 грив. серебра, т. е. до полной виры. Одинаковость наказания за пошибание и изнасилование дает право отождествлять эти два преступления.

Договоры в отношении наказуемости различают насилие свободной женщине и рабе, – свободной женщине, на которой прежде не было срама, и свободной женщине, на которой был срам.

Женщине свободной, на которой не было срама, изнасиловавший платит 5 гривен серебра (по др. 10)⁷⁹².

Женщине свободной, на которой был срам, за насилие платилась гривна серебра: «аже боудете пьрвее на ней сърьм был, взяти ей гривна сьрьбра за насилье»⁷⁹³.

По Мстиславову и безыменному договорам за насилие рабе штраф был в гривну серебра. По договору Ярослава

Владимировича этот штраф в гривну серебра полагается и за одно только покушение на изнасилование («поверьжеть, а не соромить»).

Другая особенность этого договора та, что насилие господина своей собственной рабе влекло ее освобождение: «паки ли соромить, себе свободна». «Только при таком предположении и понятно ее (рабы) освобождение», – замечает Сергеевич⁷⁹⁴.

Об изнасиловании говорят церковные уставы Св. Владимира и Ярослава; но здесь оно называется «пошибаниемъ». Пошибание, которое в некоторых списках устава Ярослава стоит перед словами «премежу мужем и женою о животе», с легкой руки Карамзина (т. I, прим. 506), понимается, как ссора и драка, и в таком смысле вошло даже и в словари некоторых видных филологов-славистов⁷⁹⁵.

Только А.С. Павлов указал настоящее значение слова пошибание, именно как изнасилование⁷⁹⁶.

Устав Св. Владимира не санкционирует пошибания. Санкцию его мы находим в Уставе Ярослава: «аже кто пошибаетъ боярскую дщерь, или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а меньших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; а нарочитых людей – 3 рубли, а епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривен, а епископу 15 гривен, а князь казнить» (Ст. 2 по изд. Влад.-Буданова).

Градация наказания за пошибание соответствует градации наказания за похищение («аще умчить девку или насилить»). В статье о «пошибании» упоминаются вместо добрых людей (которые стоят в ст. об умычке) «нарочитые люди». Это, можно думать, те же самые добрые люди, т.е. свободное городское население; а «простая чадь» – это просто крестьяне и сельские люди. О насилии же рабам ничего не говорится. За насилие крестьянке по уставу Ярослава полагается штраф в пользу виновной и в пользу епископа по 15 (а по другим спискам – по 12) гривен кун.

Тот принцип Ярославова договора XII века, что за насилие штраф идет и в пользу обиженной и в пользу князя, сохранил свою силу и в Уставе Ярослава, с тем только изменением, что

место князя занял епископ. Последний свою долю получал во всяком случае, кто бы ни случился объектом изнасилования, дочь больших бояр, или дочь меньших бояр, нарочитых людей или простой чади. В первом случае он получал 5 гривен золота, во втором – 5 гривен серебра, в третьем – 3 (а по друг. списк. 2) рубля и в последнем 15 гривен кун.

Мог ли изнасиловавший жениться на изнасилованной, этого по уставу определить нельзя. Так как византийские законы безусловно воспрещали брак при умычке (см. Корм. гл. 48, гр. 7; гл. 27), но разрешали кончить дело браком при растлении, имевшем место с согласия виновной (См. Корм. гл. 48, гр. 39; гл. 65) ,– а о насилии с растлением не говорится ни того, ни другого (гр. 39, гл. 66), – можно допускать положительный ответ на поставленный вопрос.

Как в последующее время наказывалось изнасилование, из памятников не видно, но судилось оно судом церковным⁷⁹⁷ за одним исключением, о котором говорить Уложение Алексея Михайловича. Исключение это – когда «кто ратные люди, едучи на Государеву службу, или с Государевы службы по домом, учнут ставиться и по селом и по деревням, во дворех или в гумнех для воровства и станут грабити и учинять смертное убийство, *или женскому полу насильство ...* и тех за смертное убийство и *насильство женскому полу*, казнить смертию» (Улож. VII, 30).

Впрочем, это преступление можно рассматривать, как одно из военных преступлений. Квалифицируется оно по субъекту злоупотребления, потому что, как совершаемое лицом вооруженным и в силу своего военного положенія облеченным большими полномочиями, оно (преступление) является более безнаказанным и тяжелым.

Изнасилование и растление без подобной квалификации наказывались слабее. О том и другом преступлении нам сохранилось от конца XVII стол, несколько фактов.

В 1687 году приговорен Степан Коробын, кроме кнута и уплаты безчестья, к отдаче в монастырь, до указа, за изнасилование⁷⁹⁸.

В 1685 г. боярский сын Дмитрий Рахманинов за растление девки Телепнева сначала был приговорен к ссылке, но потом это наказание заменено было отсылкой Рахманинова в полк⁷⁹⁹.

В 1689 г. Оска Попов, обвиняемый в растлении нищей девки Оеклицы (13 лет), был сослан по приказу Великоустюжского Архиепископа Александра в Ивановский монастырь под начал, но потом был освобожден под обязательством платить по договору на вено обезчещенной им девке⁸⁰⁰.

Растление, соединенное с изнасилованием, влекло смертную казнь. «Мы заметили, пишет Павел Алеппский, – что они (москвиты) казнят смертью, без пощады и помилования, за четыре преступления: за измену, убийство, святотатство и лишение девицы невинности без ее согласия»⁸⁰¹.

4. Сводничество.

С законодательными постановлениями о сводничестве, как преступлении, встречаемся очень поздно. Первое указание относится к уложению 1649 года, где мы читаем: «А будет кто мужеского полу или женского, забыв страх Божий и христианский закон, учнут делать свады женками и девками на блудное дело, а сыщется про то допряма: и им за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание бити кнутомъ» (Улож. гл. XX, ст. 25). Статья эта дословно повторяется и в новоуказных статьях (ст. 110). Субъектом сводничества, как преступления, могут быть одинаково мужчины и женщины.

Самое деяние состоит в сведении девок и женок для блуда. Следовательно, лица, занимающиеся сводничеством, являются лишь пособниками непотребства, хотя это пособничество и принимает самостоятельную форму особого преступления.

По прямому смыслу слов приведенной статьи: «учнут делати свады», для наличности преступления требуется, чтобы сводничество было обращено в занятие и ремесло более или менее постоянное. Но практика значительно расширяла понятие сводничества. Сохранился факт, когда пособники изнасилования были наказаны по статье о сводничестве⁸⁰².

Приведенная статья Соборного уложения о сводничестве взята из Литовского Статута⁸⁰³. Изменено только наказание. По

статуту велено, чтобы сводников и сводниц «за оказанием явным имати казали и карали обърезаньем носа ушу и губы и з мест выганяли, а где бы ся и по таком каранью тым же спросным зыском живили, тогды вряд таких на горле карали маеть» (Ред. III, разд. XIV, арт. 31).

5. Противоестественные пороки.

О противоестественных пороках в древне-русском праве постановлений очень мало. В Уставе Ярослава есть статья: «А с животною (в друг, список. животиною) 12 гривен, а в епитимию вложить» (ст. 12 изд. Влад.-Буданова). Позднее этот штраф заменился, повидимому, более строгим наказанием. У Герберштейна есть одна неопределенная фраза: «*cum brutis congregientes, ne illi quidem ultimo sufficiunt supplicio*»⁸⁰⁴. Из нея мы видим, что скотоложство не наказывалось смертью, но чем именно, —неизвестно. На Стоглавом соборе, поднявшем так много вопросов, касающихся религиозно-нравственной жизни русского общества, был поднят вопрос и о «содомском грехе». В 33 главе мы читаем: «Нецыи же к тому злу, забывше страх Божий скверное беззаконие творят, иже не подобает православным христианом. реку же содомскую пагубу, многим людем на смятение и на соблазн и погибель. а от множества народа и от иноверных поношение и укоризна нашей православной христианстей вере. и о тех всех отреченных и скверных. и скаредных. и зазорных дел отцем духовным и священным протопопом и священником детей своих духовных накрепко испытovati и запрещати с великим истязанием духовным. чтобы таких скверных и мерзких дел не творили. и которые покаются, и впредь обещаются не творити тех и вы бы их исправляли по правилом святых отец и святых апостол. а без опитемии бы есте не прощали, а которые не исправляются, ни каются, и вы бы их от всякие святыни отлучали и в церковь входу не давали и приносу от них не принимали. дондеже покаются и престанут от своих золь»⁸⁰⁵.

Позднее, в XVII в., за содомское дело уже жгли живыми, как свидетельствуют Котошихин⁸⁰⁶ и Павел Алеппский⁸⁰⁷.

В) Б е з ч е с т ь е.

Термин «безчестье» в памятниках древне-русского права употребляется в двух смыслах – обширном и тесном. В обширном смысле безчестье близко к обиде, и в этом значении употребляется для выражения преступления вообще, с точки зрения какого бы то ни было ущерба, причиняемого преступным деянием какому-нибудь лицу. В тесном смысле безчестье – это некоторые специальные обиды, именно – оскорбление словом.

О безчестии в этом последнем смысле мы и будем говорить.

В древнегерманском праве обида словом считалась деянием наказуемым; только в одном датском праве не встречается ясных юридических указаний на наказуемость словесных оскорблений⁸⁰⁸. Чуткий к словесным обидам германец в отношении наказуемости различал обиды нескольких видов. Так, на севере тяжкия обиды влекли полную виру, меньшия – половинную, некоторые – трехлетнее изгнание и лишение мира, а три названия – труса, побежденного и любовника – влекли мщение и смерть⁸⁰⁹. Смерть влекли и словесные оскорбления, нанесенный рабом или слугою своему господину⁸¹⁰. В законодательстве салических франков название кого-либо лисицей влекло с оскорбившего в пользу обиженного штраф в 3 шилл.; название зайцем штрафовалось в 6 шилл.; 15 шил. полагалось за название «cinaedum» (любовник); 45 шил. за обвинение в прелюбодеянии с какою-либо женщиной; 6273 шил. за обвинение в колдовстве, причем женщине за подобное же оскорбление платилось вдвое больше⁸¹¹. Иногда на ряду со штрафом в пользу обиженного шел штраф и князю⁸¹².

По сравнению с германским правом, древнерусское право представляет некоторые особенности. Прежде всего должно заметить, что древнейший памятник русского права, именно Русская правда, совершенно

не говорит о словесных обидах; в ней даже не встречается самого термина «безчестье», кроме трех позднейших списков, относящихся уже к XVII стол.⁸¹³

Впервые термин «безчестье» встречается в Двинской уставной грамоте 1397 г.: «а кто кого излает боярина... а наместницы судят ему по его отечеству безщестие; також и

службе». (ст. 2 по изд. В.-Буданова). В этой статье ясно выражен иной принцип наказуемости безчестия, чем какой установлен в германском праве. Основую наказуемости словесных обид в русском праве служить «отечество», т.е. общественное и служебное положение того или другого обиженного лица, а не самый вид обид, наносимых ему. Женщинам «безчестье» платят по отцу или по мужу. Словесные обиды, в древнейшем русском праве, повидимому, не наказуемы, стали наказываться под влиянием греческого и церковного воздействия. Устав Св. Владимира говорить «об урекании блядней, зельи и еретичествомъ». В некоторых списках устава говорится только о первых двух уреканиях, а последнее стоит отдельно. В других списках, напротив, последнее стоит так: урекание еретиком. Устав Ярослава не упомянул о урекании зельи и еретичеством, но зато он подробнее развил первый вид урекания. «А кто зовет, читаем в 22 ст. (изд. Влад.-Буданова), чужю жену блядью великих бояр, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а князь казнит. А будет меньших бояр за сором ей три гривны золота, а епископу три гривны золота. А будет городских людей за сором ей три гривны серебра, а епископу три гривны серебра. А сельских людей за сором гривна серебра, а епископу гривна серебра».

Здесь различаются жены бояр, горожан и поселян, т.е. только свободных классов населения. О рабах здесь не говорится. Оскорбление словом, нанесенное рабе, не наказуемо. Этот принцип отчасти проводится и в царском судебнике 1550 г. (ст. 26). О субъекте преступления не говорится, следовательно, оскорбление рабом жены своего господина наказывается одинаково с оскорблением, нанесенным ей свободным человеком, т.е. не квалифицируется по субъекту. Статья эта предусматривает только один вид оскорбления – название честной жены непотребной женщиной. Она не говорит о том, какое наказание полагалось за подобное оскорбление не жены, а дочери кого-нибудь, а равно за другие по содержанию виды словесных оскорблений.

Основание наказуемости – общественное положение мужа. В отношении к женщинам замужним принцип отчества

заменяется, таким образом, принципом наказания сообразно положению мужа. Но в памятниках древне-русского права встречается попытка провести другой принцип: принцип наказуемости безчестия и по материнству. Этот принцип выражен в одной статье Погодинского списка Русской Правды⁸¹⁴, но встречающийся и в качестве приложения к Судебнику Константина. Читается эта статья так: «А за безчестную гривну золота, оже будет баба была в золоте имати, – взяти ему 50 гривен за гривну золота; аже будет, баба была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра пол осьмы гривны кунъ»⁸¹⁵.

Мрочек-Дроздовский таким образом комментирует эту статью: «Слово безчестная гривна, говорит он, – по всей вероятности, имело значение *термина*, подобно напр. словам: «свадебная куница», «татин рубль». Эта *гривна* или пеня за безчестье должна была уплачиваться золотом или серебром, смотря по происхождению обиженного, но при этом, по происхождению его по женской линии. Заметим здесь кстати, что такое определение благородства решительно не в духе нашего права, а потому, вряд-ли может считаться русским. Но как-бы то ни было, смысл ясен – *баба, мать в золоте*, значит, что он по своему происхождению за безчестье вознаграждались золотом, а не серебром. При этом, как видно из постановления, мог быть и такой случай, что *баба* была в золоте, а *мать* не была: «а по матери ему не взяти золота». Что же это значить»⁸¹⁶?

«Выражение: «а по матери ему не взяти в золоте» не может быть объяснено в том смысле, что предполагаемая здесь *потерка* произошла потому, что мать своим замужеством унизила свое *золотое* происхождение; эта потеря могла быть и по вине бабы, т. е. *баба, или мать*

матери, вышедши замуж за человека низкого происхождения, передала это унижение и дочери. Словом только благородство двух степеней восходящих по женской линии давало лицу, не имевшему отечества, права на высшее вознаграждение за безчестье. Но благородство одной бабы, породившей мать данного лица в неравном браке, если и

давало некоторые преимущества этому лицу, то в значительно меньшей мере»⁸¹⁷. Что касается времени появления этой статьи, то «статья о «безчестии» появилась в то время, когда понятие о *безчестии* было чувствительно еще только в высших слоях древне-русского общества; вследствие этого само собою разумеется, что в этой статье, по самому смыслу, не могло быть упомянуто о безчестии такого лица, которое ни по бабе ни по матери не могло *взяти золота*»⁸¹⁸. Но приведенный этой статьею принцип в праве русском не сохранился. Судебник 1550 года санкционирует иной порядок. Штраф за безчестие уступается по общественному положению того или другого лица. "А безчестие, читаем в 26 ст., – детям боярским, за которыми кормления, указывати против доходу, что на том кормленье доходу по книгам, а женам их безчестия вдвое против их доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколько которой жалованья имал, то ему и безчестие; а жене его вдвое против его жалованья. А діаком палатным и дворцовым безчестия, что Царь и Великий Князь укажетъ; а женам их вдвое против их безчестия. А гостем болшим безчестия пятьдесят рублевъ; а женам их вдвое против их безчестия. А торговым людем, и посадским людем и всем середним, безчестия пять рублев, а женам их безчестия против их безчестия вдвое. А боярскому человеку доброму безчестия пять рублев, опричь тіунов и доводчиковъ; а жене его вдвое. А тіуну боярскому, или доводчику и праветчику, безчестия против его доходу; а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестия рубль, а жене его безчестия два рубля. А боярскому человеку молодчому, или черному городскому человеку молодчому безчестия рубль же, а женам их безчестия вдвое»⁸¹⁹.

В Судебнике царя Феодора Іоанновича 1559 года, проэктировавшем некоторые перемены предыдущего судебника 1550 года, находим о безчестии несколько любопытных статей: «А скомороху описному, говорит 65 ст., безчестия два рубля, а жене его ничего. А неописному скомороху гривна безчестия, а жене его вдвое (ст. 66). А каликам безчестия, которые из кусов ходят, 4 алтыпы (67 ст.). А Московским городским нищим

кликуном безчестия 8 ал (тынъ) 2 де (нги) (ст. 08). А выблядкам, которые не у венчаные жены родился, тому безчестия 2 де (нги) (ст. 69)⁸²⁰.

Еще подробнее о безчестии говорить Уложение 1649 года, стремясь создать полное соответствие между общественным положением обиженного и штрафом в его пользу. Безчестию в Уложении посвящена X гл. 26–99 ст.; приведем последнюю из этих статей, 99-ю: «А будет кто ни буди, обезчестит непригожим словом чью жену, или дочь девку или сына неверстанного, какова чина ни буди, и женам и дочерем девкам и сыновьям неверстанным, по суду и по сыску правити за них безчестия: жене против мужня оклада вдвое, дочери девке против отцова оклада в

четверо; сыну неверстанному против отцова оклада вполы».

Глава вторая. Преступления против веры и нравственности по русскому праву XVIII и XIX веков.

1. Отношение Петра Великого и его преемников к преступлениям против веры и нравственности.

§ 1.

Со времени Петра Великого в истории изучаемого нами вопроса начинается целый ряд новых явлений. Общий дух преобразований, который охватил разные стороны русского быта, затронул и сферу преступлений против веры и нравственности. Вызванные реформами перемены изменили и подсудность, и наказуемость религиозных преступлений. К этому надобно еще прибавить особенности в положении раскола в связи с вопросом о свободе совести. Все эти перемены обозначились с полной рельефностью уже в царствование самого Петра. Отсюда нам предстоит прежде всего рассмотреть следующие вопросы: 1) о подсудности, 2) церковной и уголовной наказуемости религиозных преступлений, 3) вопрос о свободе совести и 4) о положении раскола в царствование Петра I.

Поворотным пунктом в вопросе подсудности преступлений против веры и нравственности являются докладные пункты Св. Синода, на которых были сделаны Петром Великим резолюции 12 Апреля 1722 г.⁸²¹

К церковному суду были отнесены дела богохульные, еретические, раскольные, волшебные, равно и суеверия⁸²², недоуменные браки и вины разводов⁸²³, а также прелюбодеяние⁸²⁴. А прежде ведавшийся в патриаршем разряде дела о любодействе, кроме прелюбодеяния, о блудном насилии, о насильном господей с рабынями своими блудодействе, о насильном к браку восхищении и о кровосмешении – перешли в ведомство светских судов⁸²⁵. Св. Синод в своей практике судебной и неестественные пороки отнес также к светскому суду, ссылаясь при этом на те же докладные пункты 12 Апреля 1722 г.⁸²⁶ Это разграничение, впрочем, подверглось вскоре некоторым незначительным изменениям. Так, дела о раскольниках, хотя и подлежали суду церковному, но только отчасти. Против раскольников в эпоху Петра были изданы

строгия распоряжения, по которым они нередко подлежали суду уголовному, а не церковному. На духовной власти лежала обязанность увещать раскольников и иметь дело с раскольниками раскаявшимися, налагать им эпитимию или рассылать по монастырям. Нераскаянных же духовное начальство отправляло в светские суды. В делах о волшебстве духовное начальство, как увидим дальше, нередко прибегало к содействию светской власти, которой оно и предавало обвиняемого. Таким образом, не всегда и не все из представленных ей дел решала сама церковная власть.

Рядом с более или менее точным определением границ компетенции церковного суда Петровское время внесло перемены и в сферу наказаний, как уголовных, так и церковных. Мы не будем касаться вопроса об уголовных наказаниях, так как на этот счет имеется специальная монография⁸²⁷, а остановимся лишь на наказаниях церковных, именно: а) отлучении и в) публичном покаянии.

Духовный Регламента различает два вида отлучения: полное отлучение – анаеме, «еже есть проклятие, казнь смерти подобная», и меньшее отлучение или запрещение. Первая состоит в совершенном отлучении от церкви, лишении всякого церковного общения; второе – это «когда не предает явно грешника церковь анаеме и не изгоняет его от стада Христова; но токмо смиряет его отлучением от сообщения с правоверными в общих молитвах; не велит входить в храмы Божия, и на некое время запрещает ему причастие Святых Таинъ»⁸²⁸. Сравнивая действие этих двух наказаний, составитель Регламента проводит такую аналогию: «Кратко рещи, чрез анаеме человек подобен есть учтенному, а отлучением или запрещением подобен есть за арест взятому»⁸²⁹.

Применение того и другого наказания Духовный Регламент обставляет некоторыми предварительными условиями.

Анаема полагается за явные и особенно тяжкия согрешения: «аще кто явственно хулит имя Божие или Священное Писание, или церковь, или явно грешникъ есть, не стыдяся дела своего, но и паче тем чваняся, или без правильной вины покаяния и святыя Евхаристии болше году не

приемлет, или что иное творит с явным закона Божия ругательством и посмеянием, таковой по повторенном наказании, упрям и горд пребыв, достоин судитися толикой казни»⁸³⁰. При этом прежде самого наказания должно быть

сделано к виновному несколько «посольствъ» с целью увещания. Но и после этого епископ не может отлучить его, а должен сначала донести об этом Духовному Коллегіуму, т.е. Св. Синоду, и только по получении от него указа предать грешника анаеме по определенной форме, текст которой имеется в самом Регламенте.

Меньшее отлучение епископ может наложить сам, без указа из Синода. Применяется оно к «некоему великому и явному греху, но не самому большому явпогрешению, – например, когда кто явно безчинствует, на долзе от церковного пения удаляется, явно изобидев или обезчестив лицо честное, прощения не просит, таковых епископ сам собою, или чрез духовника поучив, да покаяние явственное принесут, аще того не похотят сотворить, хотя не являя великой гордости и презорства, может смирить отлучениемъ»⁸³¹.

Впрочем, и здесь вскоре были сделаны некоторые изменения. По доношению Tobольского митрополита Антония, что многие из раскольников показывают на исповеди тяжкие грехи и тем самым надолго отлучают себя от Св. Причастия, Св. Синод указом 28 февраля 1722 г. постановил: «кающагося и исповедающаго грехи свои, какие бы ни были, к причастию Св. Тайн пропускать безъотложно, ведая, что Бог истинно кающагося приемлет скоро»⁸³². В Прибавлении к Дух. Регламенту, изданном в том же году, снова поднимается вопрос об эпитимиях. После длинного рассуждения о возможности смягчения строгих эпитимий в заключение делается такой вывод: «собственно же и именно оную, в древнем обычае бывшую, эпитимию, еже на долгое время лишати причастия таин святых, понеже она древле была во врачество, яко показующая грехов мерзость и возтягиющая злые похоти, ныне же не токмо не страшна многим, но и желаемая ленивым стала, тайным же раскольником и весьма любимая, и притворным грехов исповеданием нарочно поискуема, отселе

оставити, и оной к тому не употреблять, помянутых ради вин и по силе вышеписанных учительских наставлений подобаетъ»⁸³³. Хотя здесь собственно идет речь об отлучении от Св. Причастия духовником, но нужно думать, что с этих пор оно не практиковалось, как самостоятельное наказание, и в публичной дисциплине. Дарование Св. Таин приостанавливалось только на время несения виновным эпитимии, которая заканчивалась принятием кающимся Св. Таин.

Публичное покаяние также потерпело перемены. Много нового внес в церковное покаяние Воинский Устав (1716 г.)⁸³⁴. Резкую особенность составляет уже то, что церковное покаяние назначается по Воинскому Артикулу судом светским; здесь церковное покаяние является не только коррективом уголовных наказаний, в роде средневековой экспіации, но даже само становится до некоторой степени уголовно-карательным институтом. Наложение покаяния не сообразуется с нравственным состоянием преступника, а определяется лишь совершившимся деянием. Раз факт преступления на лицо, то должно быть и возмездие, должно быть и покаяние. И это покаяние не есть воздыхание, и слезы, и труд, смирение души постом и бдением, как его понимали в старину⁸³⁵, – а есть публично выраженное раскаяние, удовлетворение Бога и церкви, «сатисфакция», произносимая в присутствии народа. По Дух. Регламенту покаяние состоит в том, что кающийся публично в церкви приносит епископу свое покаяние и просит разрешения со исповеданием греха своего и гордого презорства, как выражается Регламент. Кающемся предлагаются соответствующие вопросы. После ответа на них, который должен говориться в слух всего народа, епископ читает над кающимся грешником разрешение. После этого в ближайший праздничный или воскресный день он причащается Св. Таин⁸³⁶. В таком именно роде публичное покаяние было понесено в 1723 г. отставным солдатом Иваном Красковым, взятым с подозрительными письмами, травами и жеребейками. «Красков, с 10 по 17 марта, каяся, вне церкви стоял и по заамвонной молитве, в церкви (Успенского собора) пред народом вина его прочтена и он в том у иереев и у предстоящих

прощения просил и впредь подобного обещался не творить, – а 23 марта, по исповеди его протопопом, Св. Евхаристии сподоблен и пред приобщением паки был вопрошен и также сказав, что истинно кается и впредь тому подобное обещается отнюдь не творить»⁸³⁷. Когда покаяние налагалось светским судом, то в церкви читалась самая сентенция суда, изложенная в указе⁸³⁸. Но вместе с этим продолжали действовать и прежние виды наказаний –монастырское заключение и телесные наказания⁸³⁹. Рядом с ними существуют и денежные штрафы. Напр., в Новгородском архиерейском разряде штрафуют за церковную противность, за покражу из церкви двух жестяных лепестков от херувимских образов, за пропуски в ведомостях об исповедавшихся и т. д.⁸⁴⁰ В Св. Синод поступали деньги с раскольников⁸⁴¹, а также с уклоняющихся от исповеди⁸⁴².

Не мало перемен в эпоху Петра выпало и на долю раскола. Но прежде чем говорить о расколе, необходимо коснуться вопроса о свободе вероисповедания вообще.

Сам Петр, все время вращавшийся среди иноземцев, привык относиться к религиозным убеждениям других с известным уважением. Известна его фраза, которою он выразил свое отношение к совести его подданных: «Господь дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос»⁸⁴³. Поэтому, привлекая к себе на службу иностранцев, он не насиловал их убеждений. Он предоставил им свободу жить и веровать посвоему, а равно и совершать богослужение по своим обрядам⁸⁴⁴. В данном случае он только следовал политике своих предшественников. Но этого мало. Петр в вопросе о свободе вероисповедания прямо выразил и формулировал, как право, то, что до конца XVII в. было пока только фактом. Манифест 16 Апреля 1702 года дал свободе вероисповедания юридический характер. В этом манифесте говорится: «Понеже здесь в столице нашей уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковью несогласных, сект: того ради и оно сим вновь подтверждается таким образом, что Мы по дарованной Нам от Всевышняго власти совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его

ответственность пеcись о блаженстве души своей. И так крепко станем того смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужения обезпокоен

не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен былъ»⁸⁴⁵. Но дозволяя свободу богослужения, Петр Великий далек был от мысли допускать пропаганду иноверия среди православных и неодобрительно относился к таким лицам. «Хулители веры, выражался он, наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поскольку подрывают основание законов, на которых утверждается клятва, или присяга, или обязательство»⁸⁴⁶. Но были и прямые узаконения касательно пропаганды. В 4-м пункте инструкции Воеводам читаем: «а паче чтоб прямая христианская каеолическая вера твердо была содержана: а буде явится также, что тайное тцание имеют в людях о других верах, какие раздоры чинить, то об оных заранее епископу или определенных духовных дел судиям объявлять и поступать с ними по правилам Святых Апостол и Святых Отец и по церковному уставу»⁸⁴⁷. В указе 18 Августа 1721 г., хотя браки шведов с русскими разрешаются, но безусловно запрещается при этом всякая иноверная пропаганда⁸⁴⁸. Право пропаганды предоставлялось одной лишь православной вере, при чем ее распространение среди инородцев сопровождалось предоставлением последним разного рода льгот⁸⁴⁹. Впрочем, Петр настойчиво требовал, чтобы крещение инородцев не было насильственным, и издал с этою целью даже несколько указов⁸⁵⁰.

Но эта терпимость Петра к вере других как будто совсем исчезает, если мы взглянем на его отношение к расколу⁸⁵¹. На ряду с такими выражениями Петра по отношению к раскольникам: «если они подлинно таковы (т.е. честны и прилежны, и им можно в торгу верить), то по мне пусть веруют, чему хотят и носят свой козырь.»⁸⁵², – на ряду с покровительством Выговской пустыни и стародубским раскольникам мы встречаемся с целым рядом суровых мер, направленных против раскола, которые заканчиваются

признанием раскольничьих дел делами злодейственными: «понеже раскольничья прелесть, упрямства наполненная, правоверию противна и злодейственна есть»⁸⁵³. Объяснение этого неопределенного и шаткого положения раскола надо искать прежде всего в том, что «расколъ» не был *верою* в том смысле, в каком можно было говорить о верах «римской» или «люторской». Раскол не приурочивался ни к какой национальности иноземной, он был упорным отступлением от православия, а потому и нельзя было распространить на него принципов вероисповедной политики, принятой Петром по отношению к другим верам. Но здесь была еще одна сторона дела, которая повлияла на вероисповедное положение раскола. Петру на раскольников приходилось смотреть не с одной только религиозной точки зрения. В лице их Петр видел фанатичных ревнителей старины, противников всех его нововведений. Из их среды шла самая непримиримая ненависть к Государю, которого они считали за антихриста и покушались даже на его жизнь. Ими были постоянно заполнены тюрьмы Преображенского приказа, и все эти лица, – были-ли они церковными раскольниками или нет, – причислялись при путанице и неустойчивости тогдашней терминологии заодно к раскольникам⁸⁵⁴. Таким образом тот отпор, какой давали Петру раскольники, заставлял последнего прибегать к мерам более строгим. А эта строгость вызывала со стороны раскольников еще более стойкий отпор, что, конечно, сильно должно было раздражать Петра; и чем строже были меры Петра, тем сильнее был ему отпор. И иногда «стена этого отпора была так крепка, о нее так легко разбивались кары уголовного возмездия, что законодатель как-бы терялся, переходя от мер жестоких к мягким, от угроз к полному забвению и прощению содеянного, лишь бы только вызвать со стороны общества исполнение своих требований. Но, как не раз выражается Петр Великий, – «презиратели» указов являлись постоянно, шли н-прерывным строем, не пугаясь ни угрозами жестоких наказаний, ни примерами лиц, уже наказанных»⁸⁵⁵. Эта драматическая борьба Петра с поборниками старины дорого стоила и той и другой стороне. Не пускаясь в детали, мы коснемся здесь

главнейших фазисов этой борьбы, важнейших мероприятий Петра против раскола в их исторической последовательности.

В целях сближения России с Западом и уничтожения антагонизма между русскими и иноземцами, Петр решил уничтожить некоторые из усвоенных русскими привычек, в том числе исконные национальные особенности – русское платье и бороды. В указе от 4 января 1700 года он запретил всем дворянам, чиновным, служилым и торговым людям носить русское платье, велел его заменить венгерскими кафтанами⁸⁵⁶, а затем указал всем, даже и крестьянам, носить верхнее платье саксонское и французское, а нижнее – немецкое⁸⁵⁷. Это запрещение в 1714 году было повторено, с угрозой жестокого наказания за ослушание⁸⁵⁸. В 1705 году 16 Января появился указ Петра, повелевавший всем служилым, дворовым и городовым людям, и гостям, и гостинной сотни и черных слобод посадским людям брить бороды и усы, под угрозой штрафа в 60 и 100 р. с человека и по 2 деньги с крестьян по вся дни, как пойдут в город и за город⁸⁵⁹. Этот указ для лиц, которые слышали недавния грозные послания патр. Адриана против брадобрития⁸⁶⁰ был великим соблазном. Нашлись люди, которые скорее были готовы отдать головы на отсечение, чем позволить себе обрить бороду⁸⁶¹. Бородачей после этих указов осталось не мало. Сборы с них были настолько значительны, что в 1724 году для них при сенате была учреждена особая контора⁸⁶². Рядом с этими мерами против русского платья и бород, шли меры и против раскольников. которые не желали расставаться ни с тем, ни с другим. Так как Петр не хотел, чтобы раскольники представляли из себя таинственную, неведомую ему силу, то он решил обезопасить себя от них посредством явности их. С этою целию был предпринят ряд мероприятий, главнейшие из которых мы и укажем⁸⁶³. В отмену постановления 7 Апреля 1685 года Петр издал в 1716 году 8 и 18 Февраля постановления, коими раскольники освобождались от строгих уголовных наказаний за содержание раскола, под условием их записи в двойной подушный оклад⁸⁶⁴. Этот указ подтверждался не раз⁸⁶⁵. В 1720 году было указано всем записываться в приказе церковных дел «без всякого сомнения,

не внимая некоторых пустотному совету; а ежели кто, ведая сей указ..., за раскол в плате же оклада в записке не явится, а в том от кого изобличен будет, и тому преслушнику учинено будет жестокое наказание и доправлен будет и перед тем двойным окладом еще вдвое штрафъ»⁸⁶⁶. Но тем не менее, не смотря на строгие указы, раскольники избегали объявлять себя и записываться в двойной оклад: явилась масса «потаенных раскольниковъ». Помимо сыска и поимки их специально для этой цели посылаемыми отдельными лицами или отрядами, было найдено целесообразным обязать всех ежегодно исповедываться и причащаться под угрозой штрафа за неисполнение сих христианских обязанностей⁸⁶⁷. Но и здесь, в практическом применении этого узаконения, вышло не мало затруднений⁸⁶⁸. Видя такое упорство, Петр прибег к мерам более строгим. Потаенных раскольников было велено ссылатъ, при чем двойной штраф взыскивался неопустительно⁸⁶⁹. Раскольники, далее, были лишены прав государственно-общественной службы. В Дух. Регламенте говорится: «по всей России раскольников не возводить на власти, не токмо духовныя, но и на гражданския, даже до послѣдняго начала и управления, чтоб не вооружать нам по нас же лютихъ неприятелей, и государству и государю непрестанно зло мыслящихъ»⁸⁷⁰. Позднее, в 1724 г., Петр писал: «а им раскольщикам, по прежним же Его Императорского Величества указам ни у какихъ делъ начальниками не быть, а быть токмо в подчиненных, також во свидетельство их нигде не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю»⁸⁷¹.

Вместе с этим было установлено для раскольников особое платье. Мысль об этом подал Златоустовского монастыря архимандрит, судья Московской тиунской конторы Антоний. Он, между прочим, спрашивал от 9 февраля 1722 г. Св. Синод: «Раскольщики записные между православными не познаваемы суть, достоит-ли им на верхнем платье некий имети знак, дабы, яко мерзости некия, гнушались православнии». По этому пункту Синод 22 февраля 1722 года определил: «записным раскольщиком усмотрено приличное званию их носить платье, самое старинное долгое, с долгим ожерельем и с нашивками на

грудях по четверти, на боках, на подоле – прорехи с петлями же; шапку высокую с прорехами и с петлями. Однако ж о сем прежде публикации предложить в доклад Его Императорскому Величеству, или сообщить на конференцию Сенату»⁸⁷². Царский указ последовал чрез несколько месяцев. Раскольникам было велено носить платье исключительно старое, а именно: зипун с стоячим клееным козырем, ферязи и однорядку с лежащим ожерельем. «Только раскольщикам, говорилось далее в указе, – носить у оных козыри из красного сукна, чего для платья им красным цветом не носить»⁸⁷³. Установленное платье раскольники должны были носить зимою и летом⁸⁷⁴. Позднее раскольникам еще велено было носить медные бляхи⁸⁷⁵. Но оттого, что раскольников обязали носить определенное платье, раскол не оказался более известным, чем прежде. Даже напротив, ношение этого платья, с его посрамительной целью, было тяжело для раскольников⁸⁷⁶, и оно являлось также одною из причин избегать записи в раскол, чего так добивался Петр. Так и умер этот великий царь, не узнав точно количества раскольников. Значение Петровского законодательства в истории наказуемости религиозных преступлений то, что оно впервые отступило от религиозной точки зрения на преступления против веры и нравственности, заменив ее узко-государственной, поскольку видело в этих преступлениях не иное что, как одно из самых тяжких нарушений военной дисциплины. Переходим к деятельности его преемников

§ 2.

Смерти Петра многие обрадовались, и прежде всего, конечно, раскольники. В царствование Екатерины I, положение которой на престоле было не особенно прочно и устойчиво, они справедливо могли надеяться на смягчение, или по крайней мере на бездействие строгих мер, изданных при Петре. Нижегородский епископ Питирим писал: «Раскольщики злую дерзость против прежняя уже много пуще ныне возымели: попов приходских, которые тщатся их раскол не укрывать, паче же приводить ко обращению, тех воровски тайным обычаем убивают до смерти, со многим и различным поруганием: а отколе им такая придадётся дерзость, и в какой надежде, – того

признать не можно». А Феодосий Новгородский жаловался, что раскольщики поблажку себе находят в самом кабинете⁸⁷⁷. Но это продолжалось не долго. Уже Анна Иоанновна считала необходимым по крайней мере формально, ссылаться на указы Петра В., следовать его политике и обещать верность православию. В манифесте от 17 марта 1730 г. она выражала, что имеет прилежное попечение о хранении и защищении православного закона христианского Восточные церкви и прочих преданий, славы ради и хвалы Божия учрежденных, при чем Св. Синоду вменялось в обязанность заботиться, чтобы все христиане закон Божий сохраняли, тайны святыя, от Спасителя нам на спасение преданные, и прочие предания, от церкви святой узаконенный, с тщанием и благоговением исполняли, и в праздники и в воскресные дни на службу Божию приходили с тщанием, и во время службы

святой в церквах благочиние сохраняли. «Сущие же, читаем далее, – под властью нашею разные народы, которые не знают христианского закона, также раскольников, невежеством своим противляющихся Св. Церкви, обращать увещанием и учением во благочестие и соединение Св. Церкви»⁸⁷⁸. Практически заверения Анны Иоанновны о защите православия выразились в издании некоторых строгих постановлений касательно совращения. Так, за совращение в раскол угрожала вечная ссылка на галеры и конфискация всего имущества⁸⁷⁹. Были изданы постановления касательно, как католической⁸⁸⁰, так, и лютеранской⁸⁸¹ пропаганды. Рядом с постановлениями о совращении при Анне Иоанновне издано было несколько и других постановлений, восстанавливающих силу указов прежнего времени. Таков указ 25 мая 1731 г. о волшебстве⁸⁸². В 1732 г. Сенат приказал: с записных раскольников, с купечества, сверх обыкновенных платежей брать еще по столько, сколько кто платит подушных денег в гильдиях: с крестьян брать по семи гривен, с разночинцев – по рублю двадцати копеек, а с женщин половину. Вместе с этим подтверждалось, что по прежним указам у записных раскольников детей должны были крестить православные священники и восприемниками быть православные же люди, и отцы обязывались присягою детей

своих, крещенных православными иереями, раскольнической прелести не учить, в семь лет представлять к исповеди и причастию и венчать по чину церковному⁸⁸³.

К царствованию Анны же Иоанновны относится и деятельность первой следственной о раскольниках комиссии (1733–1739 гг.), учрежденной для разбора вновь возникшего дела о хлыстах⁸⁸⁴. Коммиссия состояла из светских и духовных лиц. «Участие в процессе духовных членов, которым вменялось в обязанность увещевать подсудимых, чтобы показали истину, было, повидимому, весьма незначительное и чисто формальное: единственный в сохранившихся делах случай, в котором проявилось оно, это определение архимандрита Кирилла о снятии монашеского сана с двух преданных суду монахов; вероятнее всего, что деятельность духовных присутствующих ограничивалась участием в составлении доношений и экстрактов, представлявшихся Синоду»⁸⁸⁵. За время процесса этой комиссией было осуждено 303 человека⁸⁸⁶, при чем еще до 150 человек не было сыскано⁸⁸⁷.

В царствование Елизаветы Алексеевны о раскольниках было издано также немало постановлений. Всеми этими постановлениями восстанавливались указы Петра⁸⁸⁸. Напр., в 1743 году она подтвердила указы своего отца о ношении платья немецкого покроя всем, кроме духовных особь и пашенных крестьян. Раскольники также обязаны были носить установленное для них при Петре платье, «чтоб по тому во всяких местах явны были и ни под каким предлогом нигде прикрыться и от платежа положенных с них денег минут никак не могли». Заслушание они подлежали штрафу⁸⁸⁹. О ношении платья и запрещении пропаганды в 1745 году появился новый указ⁸⁹⁰. В 1752 году было опять подтверждено раскольникам носить установленные для них знаки и одежду⁸⁹¹. Было запрещено раскольникам делать какия-бы то ни было сборища между собою⁸⁹² и т.п. К ея времени относится деятельность второй следственной комиссии, осудившей более 400 чел. еретиков. – Но не одни раскольники были стеснены в своих вероисповедных правах.

При преемниках Петра было издано несколько постановлений и касательно евреев, – постановлений, стесняющих их свободное проживание в России. Так, Императрица Екатерина I в 1727 году велела выслать из России «жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и других российских городах, и впредь их ни под какими образы в Россию не пускать и того предостерегать во всех местах накрепко»⁸⁹³.

Царствование Петра II и начало царствования Анны Иоанновны было для них временем некоторой свободы. Но в конце ее царствования, с 1739 года, правительство переходит к стеснительным мерам. А при Елизавете Петровне было издано общее распоряжение, запрещающее евреям жить и селиться в России на том основании, что от них, «яко от таковых Имени Христа Спасителя ненавистников, нашим верноподданным крайняго вреда ожидать должно»⁸⁹⁴. Любопытна резолюция, какую Императрица Елизавета положила на доклады Сената касательно осуществления условий этой меры: «от врагов Христовых не желаю интересной прибыли»⁸⁹⁵.

Другое ограничение свободы совершения богослужения Елизавета сделала по отношению к армянам. Разрешив им в 1740 г. построить церковь в Москве⁸⁹⁶, она в 1742 г. лишила их права строить где-нибудь свои церкви, а построенные велела упразднить, кроме одной в г. Астрахани⁸⁹⁷.

В таких чертах рисуется положение вопроса о свободе вероисповедания в Елизаветинскую эпоху.

Что касается вопроса о положении при преемниках Петра церковной дисциплины, то первое важное постановление здесь относится к 1734 году. 21 января этого года Св. Синодом был издан указ, значительно ограничивающий свободу приходских пресвитеров в наложении епитимии на своих духовных детей. «По указу Ея Императорского Величества, читаем мы здесь, Св. Правительствующий Синод в Санктпетербурхе, имея рассуждение, что в книге Кормчей, в правилах святых апостол тридесять девятом, на листе 10-м напечатано: «без воли епископа своего пресвитери или діакони да не творят ничтоже; тому бо суть поручени людие Господни»; на оное ж правило в

толковании: «несть достойно пресвитеру или діакону без позволения епископа своего, ни людей связовати, еже есть отлучати, или умножити или умалити епитимию, сиречь запрещение, или ино что таковое творити, аще не будеть им дано от епископа о том писание, сиречь приимати в покаяние, и вязати и разрешати; кроме того не могут ничтоже творити, яко епископу суть поручени Господни людие, и той хошет воздати слово о душах ихъ», – а понеже Св. Правительствующему Синоду известно есть, что священники детей своих духовных и обретающихся при тех церк-вах, у коих они имеютца, прихожан без ведома местных своих архиереев и за неправильные вины, но партикулярные свои ссоры отлучают от входа церковного и протчих по чину Восточные Церкви треб, лишают самовластно сами собою, – того ради приказали: отныне священникам детей своих духовных и приходских людей, никого самовластно, без ведома местного своего архиерея, в Синодальной же области – Духовной Декастерии и протчих установленных над ними духовных начальников, то есть, зашачиков и Санктпетербурхского Духовного Правления, оным же духовным правительством не доложат о том Св. Правительствующая Синода, по силе вышеозначенного святых апостол правила, ни за какия вины от входа церковного не отлучать, и протчих по чину Восточные Церкви треб отнюдь не лишать, опасаясь за то себе жестокого на теле наказания и священства лишения; а ежели ими, священниками, кто в таковой вине, за ню же должно тому от входа Церковного быть отлучену и лишену протчих треб церковных, будет усмотрен, то об таковых объявляли с ясным той вины показанием, точию не означивая, кто в том явится, именем, прозванием и рангом его, местному архиерею, в Синодальной же области Духовной Декастерии и в Санктпетербурхском духовном правлении, а тем духовным правительством Св. Правительствующему Синоду и на то свое объявление ожидать резолюции. А донележе резолюция не воспоследует и повеления не получит, до тех лет самим собою запрещения, под вышепоказанным же страхом не чинить»⁸⁹⁸. Таким образом, наложение епитимии духовником затруднялось до чрезвычайности. Разрешение из Синода на наложение

эпитимии могло последовать спустя несколько лет после совершения греха, а это лишало эпитимию ея истинного смысла – исправления кающихся. Таким образом, падение эпитимии вследствие этого указа было неизбежно. Отлучение, как наказание, перестало применяться. Наложение эпитимии с этого времени было практически возможно только по определению суда или светского или духовного. Определяемая судом эпитимия состояла или в церковном покаянии или в монастырском подначальстве. О публичном церковном покаянии известий от данного времени сохранилось немного. Известен случай наложения церковного покаяния одной солдатке, виновной в волшебном согрешении. Духовное правление отправило ее в Успенский собор, к свящ. Петру Федотову, для публичного церковного покаяния. Священник, бывший ея духовником, исповедал ее и наложил на нее тайную эпитимию. А затем солдатка в течение трех дней во время богослужения стояла вне церкви, у дверей, всем входящим исповедывала свое согрешение, с поклонами, прося у них прощения и молитв пред Богом⁸⁹⁹.

В 1731 г. князю Соколинскому била назначена следующая публичная эпитимия: «в воскресный день, во время Божественные литургии, в Смоленске, стоя при входных дверях в соборную церковь, у входящих, в нее и паки из нея исходящих правоверных христиан в том своем погрешении смиренно с поклонениями просить прощения неотменно»⁹⁰⁰. Несколько ранее, в 1728 году, Св. Синод сделал такое определение относительно саранского подьячего Θεодора Соколова, обвинявшегося в волшебстве: «оному Соколову учинить в церкви, где прилично, при народном собрании, публичное по обыкновенно церковное покаяние. А для учинения того покаяния учинить форму»⁹⁰¹. Подробности совершения Соколовым назначенной ему эпитимии не известны. За то сохранился текст читанного им «покаяния», который для иллюстрации мы здесь и приводим: «Аз нижепоименованный истинно исповедую и не скрытно, святей церкви и всем православным, христианам объявляю, я же невежеством моим дерзостно сотворих, что в

прешедших временах содержал я при себе злые и весьма мерзкия от Бога отводящая, суеверные и благочестию и Святей церкви непотребные и противныя, к волшебству касающиеся, письмишка, из которых одно письмо в прошлом 718 году зимою дал мне свойственник мой, Починского присуду, села Никольского, Летки тож, попа Петра Мосолова сын его Осип, яко бы для того, чтобы были ко мне судьи добры, а другия письма, которые моею рукою списаны, и те письма писал я с слов солдата Клима Кашиги, чтоб мне жить с женой своею в совете, того ради, что между нами было несогласие. И те письмишка я содержал при себе истинно простотою своею без умыслу, и действия по ним никакова не чинивал, и как чинить не знал, и ныне ие знаю. Однакож то весьма учинил вышеозначенному противно, о чем чрез правое Св. Правительствующего Синода учение и наставление, познал явное мое в том заблуждение. Того ради в том моем пред Богом согрешении усердно каюся и всепокорно от Господа Бога и от Святые Православно – Каеолическия Восточные Соборные Апостольския Матери наша церкви и от своего природного и истинного Всемиловитейшего Державнейшего Государя, Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссийского, прошу всепокорно милостивейшего прощения и от Св. Правительствующего Синода разрешения и от всего православная христианского сословия требую оставления. А понеже как в прешедших временах от рождения своего Святей Церкви противности никакой не чинивал, но во всем повиновался, так и ныне и впредь непременно по совести моей во всем повиноватися буду, и никакой противности чинить не стану, и таковых нелепых и весьма мерзких и суеверных письмишек при себе содержать и ни списывать, и ни читать и наизусть говорить отнюдь не буду. И те все бездельные и на зло вымышленные бредни от себя весьма отреваю. О чем, в подтверждение, клянуся и еще пред Всевидящим Богом, что вся вышеупомянутая ныне мною обещаваемая, не инако толкую в уме моем, яко провещаваю устнами моими, но и в той силе и в таком разуме, яковую силу и разум чтущими, слышащими сия являют, утверждая же сия клятвою моею и заключаю, аще

противная сей моей клятве впредь мудрствовать и таковые выше объявленные непотребные письмишка при себе иметь или списывать и

читать и наизусть говорить дерзну и сей моей клятве явлюся нарушителем, то подвергаю мене церковной клятве и гражданскому суду и казни, каковая указом Его Императорского Величества мне определено будет. В заключение же сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь». К тексту этого покаяния приписано: «сие покаяние в Москве в Соборной Большой Пресвятые Богородицы честного и славного ея успения церкви города Саранска подъячей Ѳедор Тимоооеев, сын Соколов ноября 7 дня 1728 года читал и руку приложилъ»⁹⁰².

В этом примере собственно покаяние соединяется с принесением присяги. Отсюда публичность покаяния только усиливает торжественность этой приисяги. Но подобная форма покаяния представляла собою редкое исключение, а не была обычной.

Из последующего времени можно указать еще один подобный случай, именно покаяние, к какому был присужден при Екатерине II Жуков с женою, убивший в 1754 году совместно с нею свою мать и сестру. В манифесте 24 марта 1764 года Императрица Екатерина объявляла: «Мы довольно ведаем, сколь ужасное сие преступление поразило человеколюбивое сердце покойной тетки нашей Императрицы Елизаветы Петровны. Но как такое окаянное дело, в целых веках редко случающееся, неведомыми судьбами Божиими по сие время не решилося, а пред немногим только временем подано нам от Сената нашего докладом, и между тем некоторые участвующие яко орудии в сем убийстве уже померли, главные же самые убийцы и прямые содеятели: сын и брат убитых матери и сестры его и жена его живы на земли остаются в тюремном заключении, то сие самое, столь долговременное продолжение их жизни наипаче привело нас в размышление, угоднее-ли Богу будет лишением живота по законам строжайшим сих злодеев наказать, и яко прямо отступивших от веры Христовой и от закона естественного

истребить, или видев их преступление отчаянное соблюсти души их от вечной муки истинным к Богу покаянием, без нарушения нашего правосудия и без соблазна народного, оставя дни и живот их в руке Всевышняго Судии на собственное совести раскаяние и всечасное их сокрушение. В таковом духа Нашего смущении, повелели Мы из первейших наших духовных, а именно: Димитрию, Митрополиту Новгородскому, Иннокентию, Епископу Псковскому, и Гавриилу, Епископу Тверскому, исследовать в истории церковной и в правилах святых отец, какие в древней церкви нашей православной употреблялися подобным злодеям наказания и каким образом души их предавалися в помилование Богу. На что нам всеподданнейше от них представлено, что хотя по древнейшему церкви православной обычаю, Монархи Христианские, яко властители сами духовные и мирские, будучи власть, предержащая от Бога, сохраняли правосудие в народах по законам, от них же установленным, и казнь таковым злодеям состояла в воле и власти ихъ; но по истинному христианству прежде всего пеклися они о соблюдении душ погибающих от вечной муки, потому что Церковь Божия, по слову Евангельскому и Апостольским поучениям и по силе правил святых, ожидает истинного обращения к вере Христовой и прямого покаяния от самих злодеев отчаянных и вовсе закона отпадших. В следствие такового заключения душ сих осужденных, повелеваем Алексея Жукова и жену его Варвару, яко первых виновников душегубству родства и сродства своего, предать церковному пред народом покаянию, так, как в приложенном при сем обряде предписывается. По исполнении которого послать повелеваем Алексея Жукова в Соловецкий монастырь, а жену его Варвару Тобольской епархии в Далмацкий монастырь, где им по правилам Святых Отец о убийцах двадцать лет, включая и время содержания их в

тюрьме, ходить на всякое церковное пение и становиться не в церкви, но в трапезе, и всякий пост исповедываться, токмо не причащаться, кроме смертного случая. Настоятели же тех монастырей должны употреблять их в сносные, по силе каждого, монастырские труды... По прошествии сего времени их

покаяния, ежели с ясными знаками раскаяния оно препроводят, то по силе помянутых же правил, приобщить их к церкви и сподобить причастия Святых Таин, а потом нам доложить». Обряд покаяния, о каком говорить манифест, должен был совершаться в четырех, нарочито упомянутых, церквях Москвы четыре раза: в 4-е и 5-е воскресенья великого поста, в четверть 5-й недели, т.е. в день великого канона, и в Лазареву субботу. Самый обряд покаяния состоял в следующем. В день, назначенный для покаяния, убийцы, одетые в посконные одежды, с распущенными волосами, босые и в оковах, держа в руках зажженные свечи, в сопровождении военной команды, проводятся чрез Ивановскую площадь тем точно порядком, как водят осужденных на смертную казнь. По приведении их к притвору, не впуская в церковь, велено их поставить у церковных дверей, и окружа командою, прочесть манифест, а потом, поставив обоих убийц на колени, велеть каждому изустно читать в слух народа молитву, особо для этого случая сочиненную, а затем, стоя на коленях, неоднократно говорить входящим и выходящим следующее: «Возлюбленнии о Христе! чувствуя мы тягость нашего беззакония и ужасаяся раздраженного нами Бога, недостойных себе судим услышания Его; вас убо молим, спостраждите нам, и восслите к Господу молитву, да призрит на покаяние наше и милостив нам будеть». Затем, в обычное время за литургией протопоп церкви Николая Голстунского Постников должен был произнести особую проповедь. По окончании литургии убийцы, вторично став на колени, в тех же словах, как и прежде, должны просить неоднократно о молитве об них выходящий из церкви народ. Исполнение всего обряда было поручено произвести Архимандриту Знаменского монастыря, Синодской конторы члену, Вареоломею⁹⁰³.

Но такая форма покаяния, какая дана была Жуковым, являлась лишь исключением, почти единичным случаем. С 30–40 годов XVIII стол. публичное покаяние стало сближаться с монастырским заключением, а рядом с ним возник вид эпитимии, сближающийся с эпитимиею тайной. Это именно эпитимия, назначаемая виновному по суду, но проходима им

под наблюдением его духовного отца. В царствование Елизаветы Алексеевны эта практика уже окрепла. Приведем из этого времени несколько примеров. В 1755 г. Октября 17 Ревизион-коллегии архивариус Григорий Дмитриев Левлев принес в Московскую Духовную Консисторию жалобу на свою жену Веру Егорову, что она от него, Левлева, бегаёт и имеет связь с разными лицами. На допросе Егорова в блудном грехопадении винулась. Консистория наложила на нее эпитимию под смотрением духовника на 2 года с тем, чтобы класть ей в среды и пятки по 100 земных поклонов и употреблять сухоядение, под страхом неблагословения от церкви и лишения вечного спасения за неисполнение⁹⁰⁴.

Другой пример. В том же 1755 году Декабря 14 отставной сержангъ Ѳеодор Антропов жаловался Московской Консистории на жену свою Матрену Антонову, что она от него бежала. Консистория определила означенной жене за самовольную ея от мужа своего отлучку учинить в Консистории нещадное плетьюми наказание, а сверх того, за ту ея самовольную от мужа без правильной вины отлучку наложить эпитимию, – в среду и пятки употреблять ей пищу единожды сухой хлеб с водою один год, и в те дни класть по 50 поклонов земных, а исповедь и Св. Таин сообщение иметь ей по надлежащему, под смотрением духовника⁹⁰⁵. Таким образом, духовник следил за исполнением его духовным сыном или дочерью назначенной эпитимии и сподоблял кающегося в положенное время Св. Таин.

В образе прохождения эпитимии обращает внимание употребление поклонов, общее число которых иногда доходило до крупной цифры – 500, 600, 1000 и даже 1200⁹⁰⁶, чем, конечно, имелось в виду доставление физического страдания несущим такую эпитимию⁹⁰⁷.

Что касается монастырского заключения, то в самой монастырской дисциплине не произошло особенных перемен. Что же касается состава лиц, туда посылаемых, то на этот счет было издано несколько важных постановлений. Относительно сумасшедших Св. Синод в 1725 году постановил – принимать в монастыри лишь после докторского освидетельствования и только тех, кто будет признан неисцельно больным⁹⁰⁸. В 1727 г.

Верховный Тайный Совет издал по высочайшему повелению (Императрицы Екатерины) указ, коим повелевалось принимать в монастыри престарелых, увечных и изумленных преступников⁹⁰⁹. По этому случаю Св. Синод послал в Верховный Тайный Совет доношение «с требованием милостивого определения: чем и кем содержать таковых присылаемых в монастыри престарелых и сумазбродов, понеже монастыри, кроме некоторых, состоят ныне в определении, и как деньги, так и хлеб положены на указанное число монахов и светских служителей, к тому-ж при монастырях светских служителей имеется не довольно и не так, как их прежде сего, до определения тех монастырей, довольно число было»⁹¹⁰.

Недостаток в монастырях стражи и надзора позволял арестантам не редко убегать из монастырей. Не мало пререканий возникало из-за отправки ссыльных. В 1732 г. по решению Тайной канцелярии было велено Дворцового села, Московской губ., раздьякона Алексея Клементьева, «который причинился в краже им в той церкви из алтаря, с престола евангелия, креста и разных книг и в сказывании слова и дела», – к наказанию плетьюми и ссылке в Соловецкий монастырь. Из Тайной канцелярии дьякон Клементьев был прислан смотрителю Московского подворья для отправки. Смотритель, ссылаясь на то, что у них нет вотчины в Московском уезде, и на бедность монастыря, отказывался переслать арестанта на свой счет и отправил его назад в канцелярию, чтобы оттуда его отправили на казенный счет. Канцелярия, не вняв его жалобам, опять отправляет арестанта на подворье, с подворья дьякона пересылают опять в канцелярию и так до трех раз, пока, наконец, смотритель подворья не сдался и не отправил Клементьева в Соловки⁹¹¹. Главный контингент содержащихся в монастыре составляли в эту эпоху раскольники и особенно лица, виновные в политических преступлениях. Много было духовных, обвинявшихся в непринесении присяги или в других подозрительных винах политического характера. В некоторых случаях в монастырь присылали лиц, только что принявших крещение. Напр. в 1746 году из Самарской Воеводской Канцелярии, по распоряжению Синода, прислан был в

Соловецкий монастырь новокрещеный персиянин Александр Михайлов с тою целью, «чтобы он от благочестия каким-либо случаем не мог в неверие обратиться и тем благочестие поругано не было, и для лучшего в благочестивом законе к вере утверждения содержать его безысходно, с дачею надлежащего пропитания и с крепким смотрениемъ»⁹¹². С такою же целию и туда же был послан восприявший из жидов веру греческую Павел Ѳедоров⁹¹³.

Присылаемые в монастыри там должны были пребывать большею частию «неисходно», особенно, если это были еретики, раскольники, сказавшие за собою «слово и дело» и т. д. Другие в монастыри посылались лишь на определенное время. Московская Духовная Консисто́рия в 1755 г. определила отправить одного невольного убийцу в Мосальский Боровенский монастырь. В приговоре сказано: «послать на духовное покаяние и содержать его в пристойных трудах чрез двухгодичное время, допуская его до слушания божественного пения по вся дни. Сверх же того, велеть ему каждый день в церкви во время утрени по вся дни, кроме воскресных и праздничных дней, класть по 50 поклонов земных и в пищу ему, кроме хлеба и воды, и то единожды в день, не давать, и по прошествии этого срочного времени представить его в Консисто́рию при доношении, объявляя о том, какого он состояния находился и со усердием ли покаяние приносил и не с роптанием ли эпитимии несъ»⁹¹⁴. Кроме поклонов иным заключенным в монастыри назначались еще монастырские труды. Чаще всего назначалось мукосеяние. К нему приговаривались очень не редко духовные лица. В Малороссии это наказание считалось особенно унижительнымъ; прозвище «мукосий» было ужасным клеймом на целую жизнь, и похвальба: «підешь муку сиять» было слишком грозным предостережением в ссорах⁹¹⁵. Эпитимия в Малороссии называлась «покутой». Посланный на «покуту» в монастырь становился в полное подчинение к настоятелю. Последний мог заставить его колоть дрова, прислуживать в кухне, трапезе, или отослать его в деревню беречь пасеку, хутор, огород и т. п. Если тяжело было положение мирян, ссылаемых в монастыри, то

положение духовенства было еще хуже. «Сосланный на «покуту» официально назывался здесь ссыльным, арестантом (каторжником иногда); прислуга монастырская помыкала им, как своим слугою, припоминала ему в насмешку *панихиды и обльды* у крестьян, *книши и куры*, звала его *попом*, каждый слымак (послушникъ) считал себя выше его, потому что сам был членом того общества, которому священник был прислан в услуги. Так проживали эти лица здесь иногда по году и более. А в деревне, его приходе, теперь отданном другому священнику, остаются его дети и жена без хлеба и приюта!.. Это была действительно каторга, а не эпитимия, ожесточение, а не исправление, самый неудачный прием тогдашняго патриархального суда! Монашествующих ссылали или на черный двор, или в монастырскую деревню к полевым работам, на скотный двор, под надзор «атамана воловицкаго», который должен был уравнивать арестанта во всем с прочими «воловиками», «гайдаями», а за неисправление киями наказывал бы»⁹¹⁶. С подобными же чертами монастырское подначальство существует и в Великороссийских епархиях. Монастырское «смирение» продолжает играть видную роль в монастырской дисциплине. Телесные наказания были в употреблении не только в мужских, но и в женских монастырях⁹¹⁷. Иных преступников держали в цепи, других ссылали в особые монастырские тюрьмы. В Соловецком монастыре земляные тюрьмы продолжали существовать до 1742 года, когда Елизавета Алексеевна приказала их засыпать⁹¹⁸. В предупреждение произнесения некоторыми беспокойными арестантами «важных и непристойных словъ», им было велено класть в рот особое орудие – кляп. Так, в одной инструкции касательно содержания преступника в Соловецком монастыре говорится: «а ежели паче чаяния оный колодник станет произносить важные и непристойные слова, то класть ему в рот кляп и вынимать, когда пища будет давана, а что произнесет он в то время, то сполна записывать, и содержа секретно, писать о том в тайную канцелярию»⁹¹⁹.

Кроме монастырей в XVIII в. местом наказания являются Духовные Консистории, повсюду введенные вместо

архиерейских домов и епархіальных канцелярий в 1744 году⁹²⁰. При Консисториях существовали особые помещения, которые наз. тюрьмой или колоднической. Предназначались они частью для подсудимых, частью же были прямым наказанием осужденным; особенно часто они назначались виновным из духовенства. Реже применялось это наказание к мирянам. «Содержание в тюрьме или колодничей имело разные степени. Начиная от простого заключения в тюрьму на хлеб и на воду на несколько дней, наказания имевшего какой-то школьный характер, идет длинный ряд этих степеней до содержания в тюрьме в течение нескольких лет в цепях. Цепи для этого употреблялись тоже разные – ручные и ножные, большие и малые; кроме цепей на арестанта надевались иногда колодки и рогатки, тоже разной величины и формы, и чтобы он не кричал и не говорил каких-либо противностей, в рот его вкладывалось особое, специально для этого назначенное, орудие. Все эти вещи – колодки, цепи и пр. числились, как и плети, в числе необходимых канцелярских расходов. Осужденного на цепи приковывали этими цепями к стене или к столбу, за руку или за ногу, а то даже и за шею, или просто только заковывали в них по рукам и по ногам. Тяжесть цепей была иногда громадная. Один арестант Московской Консистории жаловался в 1745 году Синодальной Канцелярии, что на него наложили две цепи, одну в 6, другую в 9 пудов, да еще железа на ноги. Цепи снимались только в Пасху;

в другое время арестант постоянно должен был их носить на себе, даже если отпрашивался у Консистории за стены тюрьмы – на базар, или для посещения близких людей»⁹²¹.

Заключение в колоднической считалось наказанием более строгим, чем наказания телесные, которые также были в большом ходу. В качестве орудий телесных наказаний, выполнявшихся в духовных Консисториях, употреблялись ременные плети, шелепы, розги, или, как они назывались в Малороссии, «барбары» (плети), «кийки» (розги) и т. п.⁹²² Телесным наказаниям миряне подвергались главным образом за грехи плотские. Продолжительная публичная эпитемия в 7 и более лет, назначаемая канонами за такие преступления,

заменялась в консисториях короткой расправой, – наказанием плетьюми или шелепами. Для женщин плети заменялись розгами. Эпитимия в таком случае значительно сокращалась и проходила под наблюдением духовного отца, а иногда и совсем не налагалась. Приведем для иллюстрации один-два примера употребления в Духовных Консисториях телесных наказаний.

Ландмилицкого украинского корпуса протопоп Симеон Сумма, доношением в Белгородскую Консисторию от 14 Июля 1759 г., изъяснил, что «однодворец слободы Шиболинки, на украинской линии, Изот Сляднев женился – тому близко 50 лет – на однودворческой девке Марве Ильиной, дочери Пушкаревой, которая, пожив с ним полтора года, ушла безвестно, и после ее побега, не имея о жене своей никакого известия, чераз 10 лет женился на однودворческой девке Матрене, которая, живя с ним до 40 лет, 757 года умре, после чего он, Изот, будучи в Белгороде, проведаль, что первая жена его Марья за отставным драгуном, а как звать его и прозвания не знает». Женка Марья допросом показала: «выдана она матерью своею за показанного однودворца Изота Сляднева, и жила с ним один год и за великими его нападками и побоями, сослана от оногo

своего мужа вон, и по умертвии отца своего и матери, за сиротством своим пошла она в Белгород и жила по разным местам лет с 10, и уведав от свекра своего, что оный муж ее Изот женился на другой, пошла и она, Марья, за второго мужа, драгуна Андрея Дашкова, и жила с ним лет 12 и прижила трех сыновой и одну дочь, которые померли; а по смерти его, побыв она вдовою с год, вышла замуж за третьего мужа, Солдата Андрея Жегулина, не сказав ему, что первый муж ее в живых находится, понеже и она сама про то подлинно не ведала, а уповала, что он умре, с которым Жегулиным и жила по ныне». Консистория определила: «женку Марию с упомянутым солдатом Жегулиным разлучив и отдав ее первому мужу в сожитие по прежнему, – учинить виновным вместо подлежащей по правилам эпитимии, которой они по простолюдимству и за всегдашнюю черною работою исполнить не могут, в показанной слободе Шиболинке, при народном собрании, от ландмилицкого

духовного правления жестокое наказание – Изоту плетьюми, а женке его Марие – разгами, и отдать в смотрение приходскому священнику для того, чтобы они чрез полгода ходили к церкви и стояли вне церкви, и о своем согрешении приносили Богу истинное покаяние, а по прошествии того времени сообщить их Божественных Таинъ». Женщине, наказанной по этому приговору, было наверное не менее 70 лет⁹²³.

В 1745 г. купец Плотников обратился в Московскую Дух. Консисторию с просьбою дозволить ему жениться на одной купеческой дочери, с которою он прижил ребенка. Консистория разрешила, но за блудное сожитие определила учинить им наказание плетьюми на страх другим⁹²⁴.

На 10 лет раньше, в 1734 г., Января 21, подканцелярист Московской Дикастерии привел в Дикастерию взятого им в необыкновенной одежде человека, «которого можно признать, яко бы раскольник, а именно на нем кафтан серого толстого русского сукна, рукава – широкие; поверх того кафтана по плечам и вороту пришиты лоскуты черного сукна». Член Консистории, Петровский архимандрит Аввакум, доложил о нем Св. Синоду в Москве. По ближайшем дознании оказалось, что это шут одного помещика и зовут его Михей. Московский Синод велел объявить помещику, дабы он впредь людям своим в неприличную одежду одеваться отнюдь не велел. А Дикастерия определила: за то, «что означенный Михеев в таком неприличном платье бродил, учинить ему плетьюми наказание, а кафтан с пришивками черного сукна хранить в Дикастерии»⁹²⁵. Некоторых виновных наказывали при архиерейском доме

совершением разных работ. Это наказание чаще всего несло провинившееся духовенство⁹²⁶, но иногда оно падало и на мирян. Около половины XVIII с.т. раскольников Тобольской епархии присуждали на тяжелые работы в огородах и садах Тобольского Архиепископа⁹²⁷.

В таких чертах рисуется духовная дисциплина при преемниках Петра Великого. Но если Елизаветинская эпоха характеризуется усилением стеснительных мер в отношении к инославию и иноверию, равно как и к расколу, если на нее падает полный разцвет применения в церковной дисциплине

телесных наказаний и суровых мер «монастырского смирения»; если в уголовном правосудии мало было места снисхождению и милости, то к ея же времени относятся и другия явления, свидетельствующие о начинающемся повороте во всей сфере наказаний церковных и уголовных. С одной стороны раздаются голоса против грубостей «монастырского смирения», с другой стороны совершаются некоторые преобразования в области общего материального уголовного права. В 1753 г., от 3 Февраля, Московский Митрополит Платон дал по своей епархии такое предписание: «Понеже не безызвестно нам, что епархии нашей некоторые монастырские настоятели, т. е. архимандриты, игумены, а в девичьих монастырях игуменьи, не взирая на сан свой, и в противность обыкновенно чинимому им при вручении жезла настоятельского архипастырскому увещанию, в наказаниях, бываемых в винах подчиненным им братиям, а игумении – сестрам, поступают весьма непорядочно: ибо те наказания чинят, не рассуждая меры согрешений их, весьма жестоко и не по монашеску, сверх данной им власти. Ибо оным начальствующим, при произведении их в то начальство, в наставлении архипастырском, при вручении, как выше упомянуто, жезла, объявляется, дабы оные начальствующие братию отчески утверждали в житии их монашеском не жезлом ярости и биения, но словесы кроткого наставления и образом жительства святого их самих начальствующих, и немощи их носить терпеливно, имеяй жезл правления не властительства, еже гордится им над порученными бессловесно, но яко кормчию, имущу кормило корабля духовного, и пасти им богоданное стадо, яко чадом своим равную любовь показуя всем: малодушные утешая, немощные утверждая и врачуя духом кротости. Непокаряющиеся же монашеским уставам, но ходящие противно монашескому чину и иным преткновение и блазнь бывающия, благопокорпы и благочинны творяще словом и духовными повествованиями, а не яростью или (чего Боже сохрани) смертными побои и наказаниями».

«А оные начальствующие, забыв означенное наставление и страх Божий, являющихся в винах подчиненных им, не рассуждая о них, что из них кто есть иеромонах, иеродиакон и

монах, и о согрешениях их, против чего и по какой причине оное воспоследовало; но тотчас уведань, хотя мало, и не удостоверясь подлинно, не токмо без совета, но и без ведома прочей братии, не смиряя духом кротости оных виновных монашествующих, не яко братию, но яко злодеев безчеловечно ранами на теле, обнажа их пред мирскими, кто при том наказании бывает, смертно бьют и наказуют: в чем оные начальствующие поступают противно обета своего и закона Божия и правил Св. Апостол, ибо оными св. правила, не точию монашествующих, братию свою, но и неверных пресвитером, под лишением священства, бить запрещается. Но точию они, настоятели, вышеписанное пренебрегая, аки нерадея о своем святении, вышеписанные безрассудные жестокости над братиею своею употребляют».

«О чем мы сожалея и желая всем спасения, определяем: отныне во всей епархии нашей мужские и девичьи монастыри к настоятелям и настоятельницам от Московской нашей духовной консистории подтвердить накрепчайшими указами, чтобы оные начальствующие порученных им монашествующих никого ни за что без общего рассмотрения и согласия всей или хотя первенствующих братий, сами собой никаковым телесным, кроме увещательного, наказанием наказывать не отваживались. Но и являющихся в винах, призвав к себе из знатнейших братию, во-первых, в винах их, каковым случаем и от чего оные в те вины попали, рассуждали б и по тех винах рассудя, и наказание по мере вины чинили б. Во-первых-же оного погрешившего должны учить от Божественного писания, показав ему, что за преслушание своей власти и непокорство наказан быть имеет от Бога, яко противник Божий, представляя ему апостольская словеса и прочих Св. Отец доводы. Аще же по том увещании не покорится и преслушает и в других продерзостях явится, тогда, где имеется общая трапеза, в оной, а где нет, то в церкви во время служения штрафовать по рассмотрению поклонами. Ежели и то преслушает, тогда уже такового преслушника на несколько времени по вине, сколько настоятелем по совету братии заблагорассудится, в тягчайшие труды определять и сажать в чепи. Буде же и потом не

исправится, такового наказывать настоятелю с общего всей братии согласия, а не единолично при собрании монашествующих, шелепами, монашествующим же, а не мирским. Когда и по вышеписанных штрафных наказаниях исправиться и добросостоятельного жития показать не похощет, такового с обстоятельствами о его продерзостях и бывших ему за оные наказания, показания, за руками всей братии, присылать в Консисторию нашу для учинения ему указанного и правильного штрафования при донесении»⁹²⁸.

Это замечательное распоряжение пытается ограничить применение телесных наказаний в монастырской дисциплине. И хотя оно издано для одной только Московской епархии и имеет в виду лиц только монашествующих, а не мирян, посылаемых в монастыри под начал, тем не менее оно является предвозвестником скорого окончания грубых форм «монастырского смирения». Это смягчение выражается и в том, что мало-по малу в приговорах Духовных Консисторий, при определении телесных наказаний, выражения: «бить плетьюми нещадно, на страх другимъ»— начинают исчезать⁹²⁹.

Что касается сферы общего уголовного права, то потребность в новом Уложении, давно дававшая себя чувствовать, вызвала существование так называемой Елизаветинской комиссии по составлению нового Уложения. Эта комиссия была составлена по Сенатскому постановлению в Июле или Августе 1754 года⁹³⁰. Работы были начаты тотчас же и к Апрелью 1755 г. две первых части проэкта были готовы. Из них первая содержала законы судные, а вторая, озаглавленная «о разыскных делах и какия за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены», относилась к материальному уголовному праву. «По содержанию своему, проэкт есть свод уложений современного ему действующего права (Уложения 1648 г., Воинск. Артикулов, Морского Устава, сепаратных законов от 1648 года по 1754 годъ), дополненный некоторым количеством новых определений. Наиболее важной частью работы составителей является приведение в порядок санкционирующей части уголовного закона: безусловно-неопределенной санкции мы

почти не встречаем в проэkte; за каждое преступление указан соответствующий род наказания». «Положений новых по существу, т.е. таких, которые могли бы составить известный момент в истории того или другого института уголовного права, мы находим в проэkte весьма мало. Составители в большинстве случаев ограничиваются тем, что присоединяют к определениям действующего права несколько разъяснений или в форме отдельных статей, или в форме распространения текста законоположений. Несколько дополнительных определений о наказуемости соучастников и прикосновенных лиц в разных преступлениях, при чем почти везде всем соучастникам и прикосновенным лицам назначается одинаковое с главными виновниками наказание, наконец, определяют в проэkte несколько новых частных видов преступлений, не указанных в отдельности в прежних законах»⁹³¹. В Проэkte 1754–1766 г.г. преобладающим наказанием является смертная казнь, преимущественно в ее квалифицированные формы – сожжения, колесования, заливия горла расплавленным металлом и даже разорвания 5-ю лошадьми (гл. 20, ст. 1) и повешения за ребра (гл. 32, ст. 1). Последние два вида явились у нас вновь⁹³². Проэкт 1754–66 г. имеет две редакции, из которых вторая представляет собою результата пересмотра и переделки первого проэкта 1754/55 г. Пересмотр этот происходил по частям, начиная с той минуты, когда неутвержденные две первых части Проэкта были возвращены в Сенат. Это было 27 Марта 1761 г.⁹³³ Длительность они до прекращения деятельности комиссии, т.е. до 1766 г. По сравнению с 1-й редакцией, вторая, не изменяя ни системы, ни состава отдельных преступлений, заключает в себе частью редакционное исправление текста первоначального Проэкта, частью смягчение, хотя очень слабое, наказаний⁹³⁴. Главная особенность второй редакции в том, что высшие сословия, дворяне и купцы 1-ой гильдии, освобождаются от телесных наказаний, какового различия не знает первая редакция. Но этот проэкт Елизаветой не был утвержден. Причиной этого была слишком суровая система кар, принятая в нем, частое применение смертной казни⁹³⁵, между тем как Елизавета

Петровна всячески стремилась к ограпичению этого тяжелого наказания. Так, в 1744 г. было велено все дела

о преступлениях, за которым положена смертная казнь, пересылать в Сенат⁹³⁶. Исполнение смертных приговоров, так об., было предоставлено на Высочайшее усмотрение. Но так как Императрица эти приговоры оставляла без исполнения, и так как тогда не было никаких постановлений о замене смертной казни другими наказаниями, то масса не решенных дел побудили Сенат сделать временное распоряжение: отсылать всех приговоренных, а также и всех тех, кои имеют быть приговорены к смертной казни, в Рогервик и др. места, для употребления на тяжкия работы в кандалах⁹³⁷. А колодниц, вместо Рогервика, велено отправлять в Сибирь на поселение⁹³⁸. Окончательное решение вопроса о смертной казни, как ординарном наказании, последовало в указе от 30 Сентября 1754 г., который подтвердил все прежния узаконения касательно замены смертной казни другими наказаниями⁹³⁹. Императрица хотела ее совершенно уничтожить, почему и дала в Марте 1701 г. словесный указ законодательной комиссии: «в новосочиняемом уложении за подлежащая вины смертные казни не писать»⁹⁴⁰. Смертная казнь осталась с этого времени только как исключение, вплоть до Свода Законов 1832 г., где она имеет применение 1) в преступлениях политических, 2) при нарушении карантинных правил, по приговору военного суда, и 3) в воинских преступлениях, в уставе Военно-Уголовном означенных⁹⁴¹. Уничтожение смертной казни повлекло замену ее другими наказаниями и во всех преступлениях, как против веры, так и против нравственности, – где она имела приложение.

Другая особенность Елизаветинского времени при наложении наказаний, это смягчение его по отношению к малолетним, виновным в тяжких преступлениях, к числу которых относится, между прочим, и святотатство. В 1742 г. малолетними были признаны лица, не достигшие 17-летнего возраста. Пытка и казнь, в случае совершения ими тяжких уголовных преступлений была для них заменена наказанием плетьюми и батогами; после этого виновные должны были в течение 15 лет быть в заключении в каком-нибудь монастыре⁹⁴².

В 1744 г. этот закон был несколько изменен. Предельный возраст малолетия был сведен с 17 лет до 12, а монастырское заключение – с 15 до 7 лет⁹⁴³.

§ 3.

Новая эпоха в истории изучаемого нами вопроса начинается с восшествием на престол Екатерины II. Она была государыня европейски образованная, стремившаяся к проведению в жизнь всего того, что могло служить прогрессу и что было ею усвоено из книжного и личного знакомства с корифеями XVIII века. Выражением ее прогрессивных идей, усвоенных из западной уголовно-юридической доктрины XVIII в., был знаменитый «Наказ», данный комиссии по составлению нового уложения⁹⁴⁴. Этот наказ не был памятником законодательным. «Я запретила на оный инако взирать, пишет сама Екатерина, как единственно он есть, т. е. правила, на которых основать можно мнения, но не яко закон, и для того по делам не выписывать, яко закон, но мнение основать на оном дозволено»⁹⁴⁵. Но не смотря на это, Наказ имел не малое значение и несомненно влиял на дух законодательства в России⁹⁴⁶. На него иногда ссылались в судебных приговорах XVIII и XIX вв.⁹⁴⁷ В нем были высказаны некоторые такие принципы, как вообще в сфере материального и процессуального уголовного права, так в частности и в отношении категории преступлений, нами изучаемых, которые мало-по-малу нашли себе приложение в русском законодательстве, частью в ее же время, частью позднее. Поэтому, считаем не лишним познакомиться с Наказом подробнее.

Весь Наказ Екатерины посвящен вопросу о том, как нормировать отношения общественных элементов в государстве. Задача в том, чтобы согласить идею общего порядка, требуемого во имя государства, с идеей личной свободы каждого его члена. Подчинение общественным интересам не должно являться насилием над личностью, а с другой стороны свобода («вольность» – *la liberté*) ее не должна состоять в том, чтобы делать все, что кому угодно. «Вольность, говорит Екатерина, есть право все то делати, что законы дозволяют»⁹⁴⁸. Законы являются, так. обр., звеном,

объединяющим требования порядка и требования свободы, и в тоже время составляют гарантию того и другого⁹⁴⁹. Цель закона не в чем другом, как в том, «чтоб сделать самое большое спокойствие и пользу людям, под сими законами живущимъ»⁹⁵⁰. Закон должен приучать каждого чувствовать свою свободу и не бояться ничего, кроме закона⁹⁵¹. Законы служат не только к определению меры свободы каждого, но и к охранению ея неприкосновенности от посягательств со стороны других. «Законы можно назвати способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось. Но не довольно было установить сии способы, кои сделались залогом, надлежало и предохранить оный»⁹⁵². В этих целях и установлено наказание⁹⁵³. В вопросе о наказании Екатерина выставила целый ряд новых в России гуманных требований и принципов.

Наказания названы Екатериной «способами, препятствующими возгнестись преступлениямъ»⁹⁵⁴. Хотя всякое наказание само по себе есть «тиранское»⁹⁵⁵, однако цель их не есть мучение. «Намерение установленных наказаний не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; оне на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он в перед не мог вредить обществу, и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений»⁹⁵⁶. След., наказание, как средство предупредительное, должно быть целесообразным и не должно быть через меру тяжким. «Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить» (гл. 8, ст. 96). «Последуем, говорит Екатерина в другом месте, природе, давшей человеку стыд вместо бича, и пускай самая большая часть наказания будут безчестие, в претерпении наказания заключающееся» (ст. 88). Усиление карательных мер клонится только ко вреду государства, а не к его пользе⁹⁵⁷. Требование целесообразности в наказаниях eo ipso устраняет всякий произвол в выборе карательных мер. «Наказание не должно происходить от прихоти законоположника, но от самой вещи»⁹⁵⁸, т. е. от характера преступлений. Но в самом понятии преступления, как и в наказании, Екатерина видит некоторые новые стороны. «Наказ, говорить Стефановский⁹⁵⁹, – не смотрит

уже на преступление, как на грех, или как на ослушание царской воли. Преступление в нем облекается в чисто общественную одежду; идея его исключительно стягивается к одному фокусу, – к общественному спокойствию и благосостоянию», и слова Наказа (гл. 6, ст. 41): «ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или отдельному лицу, или всему обществу», – отлично иллюстрируют слова Стефановского. На этом принципе и построено в Наказе деление всех преступлений на четыре группы: 1) преступления против веры, 2) преступления против нравов, 3) преступления, нарушающие спокойствие и тишину граждан, или полицейские правонарушения, и 4) преступления против безопасности граждан, – как отдельных лиц, так и всего общества в целом. На первых двух группах мы и остановим наше внимание. В виду того, что русский текст 74 ст., трактующей о преступлениях против веры, не везде удобопонятен, мы приведем параллельно с ним французский подлинник.

«Между преступлениями, «Je ne mets dans la classe des касающимися до закона, или crimes, qui intéressent la веры, я не полагаю никаких Religion, que ceux qui других, стремящихся прямо l'attaquent directement, comme противу закона, каковы суть sont les sacrilèges réels et прямые и явные святотатства. manifestes. Car les crimes, qui Ибо преступления, которые en troublent l'exercice, sont de смущают упражнение в законе, la nature de ceux, qui choquent носят на себе свойства la tranquillité des Citoyen ou преступлений, нарушающих leur sûreté voïés à ces classes. спокойствие или безопасность Pourquoi la peine des граждан, в число которых оные исacrilèges, tels que nous les относить должно. Чтобы avons définis, soit tirée de la наказания за вышеписанные nature de la chose, elle doit святотатства производимо было consister dans la privation de из свойств самой вещи, tous les avantages que donne la должно оное состояти в лишении Religion: l'expulsion hors des всех выгод, законом нам Temples, la privation de la даруемых, как то: изгнание из société des fidèles pour un храмов, исключение из собрания temps ou pour toujours,

верных на время или навсегда, l'éloignement de leur удаление от их присутствия...» préférence...»

Так. об., преступления против веры, или святотатство, по терминологии Наказа, ограничиваются только теми деяниями, которые имеют прямым и непосредственным объектом религию, как определенное вероучение. А все деяния, объектом которых является исполнение обрядов религии, не составляют преступлений против веры, а только против личности. Поэтому, охранение общественного богослужения, как в церкви, так и вне ее, было вменено Екатериною, в ее дополнении к Большому Наказу, в задачу земской и городской полиции⁹⁶⁰. Но Екатерининское разграничение религиозных деликтов не нашло себе выражения в дальнейшем законодательстве, и новый смысл термина святотатство не получил гражданского признания. В вопросе об отношении Екатерины к религиозным преступлениям необходимо еще коснуться замечания, сделанного ею относительно дел о волшебстве и еретичестве⁹⁶¹. «Обвинение в сих двух преступлениях, – читаем мы в 497 ст. Наказа, – может чрезмерно нарушить тишину, вольность и благосостояние граждан, и быть еще источником безчисленных мучительств, если в законах пределов оному не положено. Ибо как сие обвинение не ведет прямо к действиям гражданина, но больше к понятию, воображенному людьми о его характере (mais plutôt sur l'idée, que l'on s'est faite de son caractère), то и бывает оно очень опасно по мере (à proportion) простонародного невежества. И тогда уже гражданин всегда будет в опасности для того, что ни поведение в жизни самое лучшее, ни нравы самые непорочные, ниже исполнение всех должностей не могут быть защитниками его противу подозрений в сих преступленияхъ». Далее она ссылается на два случая из Византийской истории – в пример того, как трудно решать дела о волшебстве, когда приходится «со преступлением во свете самым неизвестным совокуплять опыты для изведения самые неизвестныя». В этих словах сказался прогресс конца XVIII в. пред его началом. Петровское законодательство еще находило возможность угрожать наказанием заговаривателю ружей⁹⁶², а Екатерина в волшебстве видит одно только невежество.

Преступления против нравственности, т. е. те, которые, по выражению Наказа, растлевают нравы⁹⁶³, образуют собою вторую группу преступлений по классификации Екатерины. К этой группе Наказ относит: «нарушение чистоты нравов (*la violation de la continence*), или общей всем, или особенной каждому, т. е. всякие поступки против учреждений, показующих, каким образом должно всякому пользоваться внешними выгодами, естеством человеку данными для нужды, пользы и удовольствия его. Наказания сих преступлений должно также производить из свойств вещи. Лишение выгод, от всего общества присоединенных ко чистоте нравов, денежное наказание, стыд или бесславие, принуждение скрываться от людей, безчестие всенародное, изгнание из города и из общества: словом, все наказания, зависящая от судопроизводства исправительного, довольны укротить дерзость обоего пола. И во истину, сии вещи основаны не столько на злом сердце, как на забвении и презрении самого себя. Сюда принадлежат преступления, касающиеся только до повреждения нравов, а не те, которые вместе с тем нарушают безопасность народную, каково есть похищение и изнасилование (*la viol*), ибо сии вмещаются уже между преступлениями четвертого рода»⁹⁶⁴. Если изнасилование имеет определенные юридические черты, то этого нельзя сказать про «нарушение чистоты нравовъ». Насколько широко или узко должен пониматься этот термин *la violation de la continence*, по этому месту Наказа определить невозможно, тем более, что охрана народной нравственности лежала не только на уголовном законе, но и на полиции. «Целомудрие нравов, – говорит составительница в добавлении к нему⁹⁶⁵, – есть вторым предлогом сохранения благочиния и включает в себе все нужное к стеснению роскоши, к отвращению пьянства, ко пресечению запрещенных игор, пристойное учреждение о общих банях или мыльнях и о позорищах, чтоб воздержати своеволие людей, худую жизнь ведущих, и чтоб изгнать из общества обольщающих народ под именем волшебников, прорицателей, предзнаменователей и других подобных обманщиковъ». Это разграничение уголовных преступлений и

полицейских проступков, хотя и не было строго проведено, тем не менее в принципе явилось прогрессом по сравнению с временем Петра, который строгими наказаниями карал иногда самые незначительные проступки. Нужно, впрочем, заметить, что изложенные воззрения Екатерины, выраженные ею в Большом Наказе, не вполне оригинальны: многое заимствовано ею у Монтескье из его сочинения «О духе законов». Она сама в письме к Даламберу в 1765 г. говорила, что в своем Наказе она во благо ея империи обобрала президента Монтескье, не называя его (С. Р. И. О. I. 276. Ср. 283. X. 31, 94–95, 167). Убедиться в этом не трудно. Так, уже самое определение «вольности» взято у Монтескье, который определяет свободу, как право делать все, что дозволено законами⁹⁶⁶. Равным образом, и требование, чтобы наказание не было произвольным и соответствовало существу преступления, заимствовано Екатериною у Монтескье, который говорить: «свобода торжествует, когда кары, налагаемые уголовными законами, извлекаются ими из особенной природы преступлений; здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, а от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком»⁹⁶⁷.

Самое деление преступлений на 4 группы или рода и характеристика каждой группы почти буквально взяты Екатериной у Монтескье. Последний к первой группе относит преступления против религии, а ко второй – преступления против нравов. Тоже сделала, как мы видели, и Екатерина. «Я помещаю, говорить Монтескье, – в разряд преступлений против религии только те из них, которые затрогивают ее непосредственно, каково, напр., всякое святотатство: так как преступления, нарушающия отправление религиозных обязанностей, по природе своей принадлежат к тем, которые нарушают спокойствие и безопасность граждан, и должны быть причислены к тому разряду. Чтобы наказание за простые святотатства проистекало из природы преступления, оно должно заключаться в лишении всех, доставляемых религией, преимуществ: в удалении из храма, в отлучении от общества верных на время или навсегда, в избегании присутствия

преступника, в обращаемых к нему выражениях отчуждения, омерзения, отвращения»⁹⁶⁸. Приведенная тирада целиком (кроме последней фразы) приведена в Большом Наказе. Точно также и рассуждения Монтескье о наказаниях за преступления второго рода, об осторожности при обвинении кого-нибудь в ереси или волшебстве, нашли себе место в Наказе. «Второй разряд (преступлений), говорит Монтескье, состоит из преступлений против нравов. Таковы оскорбления публичной и частной благопристойности, т.е. установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями. Здесь наказания должны следовать тоже из природы преступления. Они должны заключаться в лишении выгод, связанных с чистотою нравов, в штрафах, позоре, необходимости скрываться, в публичном посрамлении, в изгнании из города и общества, наконец, все наказания, относящиеся к ведомству исправительной юстиции, достаточные для борьбы с распущенностью обоих полов. В самом деле, основание этих преступлений лежит не столько в злой воле, сколько в забвении своего достоинства и в презрении к себе. Но здесь идет речь лишь о тех преступлениях, которые исключительно касаются нравов, а не о тех, которые и кроме того нарушают общественную безопасность, каково изнасилование и похищение: эти уже принадлежать к 4-му разряду»⁹⁶⁹. «Вот важное правило, говорит в следующей главе Монтескье, надо быть очень осмотрительным в деле преследования волшебства и ереси. Обвинения по этим преступлениям могут вести к самым пагубным последствиям для свободы и быть источником бесконечной тирании, если законодатель не сумеет поставить их в надлежащие границы. Будучи основаны не на действиях гражданина, а скорее на составившемся о его характере мнении, они становятся тем опаснее, чем невежественнее народ, и являются вечной угрозой для гражданина, так как самое похвальное поведение в мире, нравственность самая чистая и безукоризненная, выполнение всех обязанностей не могут защитить человека от подозрения в этих преступлениях»⁹⁷⁰. Это буквально повторила и Екатерина. Так. об., приведенные выше взгляды имп. Екатерины являются

насаждением на русскую почву воззрений одного из крупнейших политических мыслителей XVIII ст.

Рассмотрев идеальную программу уголовной политики, начертанной в Наказе Екатериной, с указанием одного из ее источников, перейдем к обозрению Екатерининского законодательства. Мы остановим наше внимание а) на ее общих уголовных законах, б) на решении вопроса о свободе совести вообще, в) на ее отношении к расколу в частности, и наконец охарактеризуем, состояние церковной дисциплины в ее время.

а) В вопросе об общих уголовных узаконениях мы должны констатировать бедность ее законодательства в сфере материального уголовного права. Работы известной, т. наз. Екатерининской комиссии по составлению нового уложения служили тормазом, не позволявшим императрице до поры до времени издавать какие-либо общие законы. Правда, в учреждении о губерниях мы находим реформу судов, встречаем новизну в отделении гражданского процесса от процесса уголовного, но в отпошении вопросов о преступлении и наказании новых данных здесь имеется немного. Можно только указать на новый вид наказания, именно «смирительный дом,» который предназначался для лиц «непотребного и невоздержного жития.» К таковым были отнесены 1) сыновья или дочери, кои родителям своим непослушны или пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны; 2) люди, которые впадут в непотребное житие, начнут расточать имение, накапливать долги вдвое против имения, дом разорять и чинить непотребности, противные чести; 3) люди, которые начнут без стыда и зазора иметь явно поведение, добронравию и благочинию противное; 4) рабы непотребные, которых никто в службу не принимает; 5) рабы ленивые и гуляки, кои все пропивают или проматывают; 6) люди, которые не хотят трудиться для своего пропитания, едят хлеб вотще и сим подобные; 7) лица женского пола непотребного, неистового и соблазнительного жития⁹⁷¹. На ряду с этим новым видом наказания, продолжали действовать в Екатерининскую эпоху и

прежняя: смертная казнь – в виде редкого исключения⁹⁷², и телесные наказания в их различных формах – обычно⁹⁷³.

б) Принцип веротерпимости Екатериной был провозглашен не раз. Уже в Наказе она говорит: «в толь великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности граждан был порок-запрещение или недозволение их различных вер. Только благоразумная веротерпимость, признанная православною верою и политикой, может привести сих заблудших овец к истинному стаду верных. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые зачерствелые сердца и отводит их от заматорелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению гражданъ»⁹⁷⁴. В таком же направлении Екатерина высказалась позднее, в 1773 году: «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя святой Его воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали»⁹⁷⁵. На практике осуществление этих принципов выразилось в даровании свободы богослужения всем католикам⁹⁷⁶, протестантам⁹⁷⁷ и др. иповерцам⁹⁷⁸, равно и в одинаковых с православною церковью, если только не больших, заботах о белорусской католической епархии⁹⁷⁹. Она, впрочем, не разрешала пропаганды других вер между христианами, – православными или неправославными – все равно. Так, даруя в 1763 г. иностранцам право селиться в России, в любых губерниях, она напоминает им при этом, «чтоб из живущих в России в христианских законах никто и никого в согласие своей веры или сообщества ни под каким видом не склонял и не привлекал, под страхом всей строгости наших законов, изъемя из сего разного звания находящихся в магометанском законе, принадлежащих к границам нашей империи народов, коих не только благопристойным образом склонять в христианские законы, но и всякому крепостными учинить позволяемъ»⁹⁸⁰. Охранение императрицей православной веры не чуждо было политического расчета, ибо – по ее словам – основания этой

веры «тем драгоценнее для человечества, что они никогда не идут наперекор верховной власти и гражданского управления, также как и благоденствию общественному»⁹⁸¹.

в) Сферой, где принцип веротерпимости нашел себе новое приложение, было законодательство Екатерины II о расколе⁹⁸². Еще при предшественнике Екатерины, Петре III, из Сената был послан во все губернские канцелярии указ от 28 февраля 1762 г., коим было велено всех раскольников, находящихся в острогах, распустить, а следствие о них прекратить. В духе терпимости к расколу стала издавать свои указы и Екатерина. Так, напр., указом 14 Декабря 1762 года разрешалось всем, бежавшим за границу, раскольникам возвратиться на родину с правом поселения на указанных местах Европейской России и Сибири⁹⁸³. В 1763 г. все раскольники, с уничтожением раскольнической конторы, были подчинены общим присутственным местам⁹⁸⁴. Но этого мало. Понятие раскола стало суживаться. Манифестом 3 Марта 1764 г. повелено тех раскольников, которые православной церкви не чуждаются и таинства церковные от православных священников приемлют, а только крестятся двоеперстным сложением, не отлучать от входа церковного *и не считать раскольниками и не писать в двойной оклад*⁹⁸⁵. В следующем году раскольники были сравнены с православными в отбывании воинской повинности⁹⁸⁶. Более строгия меры применялись только к самосожигателям⁹⁸⁷ и скопцам. Впрочем, дело о последних повелено «трактовать, как обыкновенное гражданское, а не иначе»⁹⁸⁸, т. е. смотреть на него не с религиозной точки, а с государственной. В 1765 г. 20 Декабря Сенат сообщил ведение св. Синоду с требованием, «чтоб оный благоволил не токмо не учреждать без сношения с Сенатом особых по раскольническим делам комиссий, подобных бывшей о донских казаках, но если где таковые ж есть, вовсе бы оставить и содержащихся в них людей освободить, а сверх того и епархіальных архиереев и прочия духовные команды от себя уведомить, дабы они по всем раскольническим делам ничего собою не предпринимая, отписывались о том в Св. Правительствующий Синод, а из оного в силу подписанной

собственноручной Государем Императором Петром Великим резолюции на докладных, поданных от Св. Синода, пунктах, 1722 года, между прочим, против первого пункта, о презиравших духовную власть, давать знать Сенату, почему в случае надобности общия с Св. Синодом конференции назначены и потребные резолюции даны быть могут». 27 Декабря 1765 г. Св. Синод разослал по всем епархиям указы к исполнению этого сенатского сообщения.

Все отдельные мероприятия в отношении к расколу 60-х п 70-х г.г. заканчиваются знаменитым указом 20 Июля 1782 г., где Императрица говорить: «Всемиловейше повелеваем от сего времени состоящих в двойном окладе, как городских, так и сельских, жителей того двойного оклада в казну нашу не собирать, и им не платить, а каждому из них платить в казну нашу те самые подати, кои по состоянию каждого вообще противу прочих на него положены»⁹⁸⁹. Уничтожение двойного оклада выкидывало из всех ведомостей графу о раскольниках, и этот термин исчезал из языка разных юридических актов. Борьба с расколом передана из сферы права в сферу свободного религиозного их увещания⁹⁹⁰ и в сферу образования. В особенности на просвещение Екатерина возлагала очень большия надежды: «в 60 лет, говорила она, все расколы исчезнуть; коль скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само собою; тут насилия не надобно»⁹⁹¹. Но какой-нибудь определенной системы просветительной деятельности, специально в отношении к расколу, ею не было выработано, и раскол от терпимости Екатерины не уменьшался, а даже, по словам современников ее (князя Щербатова), увеличивался⁹⁹².

Духовной власти по отношению к расколу приходилось вести себя осмотрительно и осторожно, и не только при Екатерине, но и при ее преемниках, – Павле и особенно Александре 1, при котором для раскола наступает золотой век. В 1800 г. 22 Марта Св. Синод издал указ, который должен был служить духовному начальству руководством во всех делах о раскольниках. – Принцип свободы совести в той формулировке, какую он получил и в предыдущих царствованиях, т. е. свободы

богослужения и запрещения пропаганды других вер, кроме православия, был высказан и Павлом I и Александром I. «Вступив на прародительский наш Императорский престол, говорит Павел в манифесте 18 Марта 1796 г.⁹⁹³, предположили мы священным себе долгом обезпечить каждому свободу исповедания веры, им содержимой, охранять всеми мерами Святую Греко-Российскую православную веру, нами самими и природными российскими подданными исповедуемую.» Эти слова он повторил и в указе 3 Апреля 1797 г.⁹⁹⁴

В царствование Александра I отношение к раскольникам стало особенно терпимым. В 1801 г. от 5 Апреля, по случаю открытия духоборов в Слободско-Украинской губ., секретно был разослан от генерал-прокурора Беклемишева ко всем гражданским и военным губернаторам циркуляр такого содержания. «Государь Император, обращая милостивое и человеколюбивое внимание на заблуждающихся по простоте и невежеству, уклоняющихся от правоверия и святою церковью утвержденных правил, Высочайше повелеть ему соизволил подтвердить, всем господам военным и гражданским губернаторам, чтобы вместо строгости, с каковою пред сим с ними было поступаемо, и которая не к исправлению, а к единому ожесточению служить может, отныне впредь не делалось им ни малейшего притеснения, но предоставлялось бы духовным особам их вразумлять и наставлять на путь истинный без всякого с их стороны принуждения, но с кротостью, с терпением и с усердным настоянием, что единое может смягчить сердца жесточайшия и отвести от закоренелого упорства: а из-за сего иметь только попечение, чтобы повсеместное спокойствие нарушаемо не было, нарушителей же оного отсылать к суждению, куда по законам следует, и притом наблюдать, дабы каждый поступал по предписанным государственным узаконениям и исполнял бы все то, что к его состоянию принадлежит»⁹⁹⁵. Как на практике исполнялся этот циркуляр, мы узнаем из письма обер-прокурора Св. Синода графа Кочубея к С.-Петербургскому митрополиту Амвросию от 13 Ноября 1802 года. Вот текст этого письма: «В Саратовской губернии открылись в четырех селениях раскольники, под

именем малаканов. Новохепрское Духовное правление, приняв на себя обратить их к православию и не успев в том, отослало их с делом в Саратовскую Духовную Консисторию, которая, найдя их так же непреклонными, положила предать их суду по законам. Узнав о сем, Гражданский губернатор сообщил Саратовскому Преосвященному Высочайший рескрипт, коим по случаю духовборцев в Слободско-Украинской губернии открывшихся, предписано было всем губернаторам наблюдать, дабы никакого принуждения в насилие совести допускаемо не было. Преосвященный Гайй по сему сообщению предписал Новохепрскому Духовному правлению, чтобы по увещании сих раскольников, есть ли и не обратятся они, отослать их без дальняго следствия во-свояси. Государь Император, получив о сем от Губернатора извещение, заметить соизволил, что заблуждение сего рода лучше и удобнее прекращаются и мало по-малу исчезают, когда ни духовное, ни светское правительство, не обращая на них открытого внимания и примечая только издалека ход их, не формальными следствиями и увещаниями, но частными внушениями кроткого и примерного духовенства, старается не чувствительно приводить их на путь истины, и что напротив Саратовское духовное правительство, приняв сперва строгую и открытую на них меру, а в последствии умягчив ее и отступив от прежнего своего положения, дало себе тем самым некоторый вид слабости и унижения, а раскольникам предоставило как бы повод думать, что одержали они над духовною властью некоторую поверхность, и тем более в их мнениях утвердиться. Желая предохранить Духовные Начальства от подобных сему по делам раскольничьим произшествий, и поставить их в состояние действовать единообразно с теми началами, кои приняты по части гражданской, Его Императорское Величество Высочайше повелеть мне соизволил, доведя до сведения Вашего Высокопреосвященства сие обстоятельство, сообщить Вам, милостивый Государь, выписку из Высочайшего рескрипта, о духовборцах данного, по коему все гражданские губернаторы вообще по делам сего рода поступают. Государь Император предполагает, что Ваше Высокопреосвященство не оставите по

сему сообщению сделать от себя всем епархіальным преосвященным Архидіереям сообразные сему секретные предписания»⁹⁹⁶.

Такою же веротерпимостию проникнуты и дальнейшія узаконенія Александровская времени. В указе 21 февраля 1803 г., по делу о Тамбовских духоборах, Александр I выразился об отношеніи к совести своих подданных таким образом: «Общее правило, принятое мною на заблужденія сего рода, состоит в том, чтобы, не дѣлая насилія совести, и не входя в розысканіе внутренняго исповѣданія веры, не допускать однакож никакихъ внешнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви, и строго воспрещать всякіе в сем соблазны, *не в видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка*»⁹⁹⁷. В другой раз, в 1816 г., в указе на имя Херсонскаго Военнаго губернатора, Императоръ Александръ выражался о духоборахъ и ихъ обращеніи къ православію еще съ болѣею гуманностію. «Отделение сихъ людей отъ православной Греко-Россійской церкви, читаемъ мы в указе⁹⁹⁸, – есть конечно съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на некоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и о духѣ христіанства. Сіе происходитъ в нихъ отъ недостатка просвѣщенія, ибо ревность Божию имѣютъ, но не по разуму. По просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ, заблудившихъ возвращать въ недра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшая на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствомъ и казнями, не можетъ служить къ гибели спасаемаго, коего ищутъ обратити на путь истины. Истинная вера порождается благодатию Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ и кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Исходя изъ такихъ основаній, Александръ I, для пресѣченія распространенія ересей, старался отведеніемъ особыхъ мѣстъ для поселенія, особенно на Кавказѣ и въ Таврической губ., изолировать всехъ принадлежащихъ къ той или другой сектѣ.

При этомъ сначала духоборцы были лишены права избранія на общественныя должности⁹⁹⁹, а впоследствии и раскольники

безпоповского толка¹⁰⁰⁰. Вступление в Ѳедосеевский толк было безусловно воспрещено¹⁰⁰¹. В циркуляре, данном начальникам губерний 19 Августа 1820 г.¹⁰⁰², касательно раскола было выражено, что раскольники не преследуются за мнения их секты, отводящиеся до веры, и могут спокойно держаться сих мнений и исполнять принятые ими обряды, *без всякого, впрочем, публичного оказательства учения и богослужения своей секты*, но что ни под каким видом не должны они уклоняться от наблюдения общих правил благоустройства, законами определенных. Этот циркуляр нашел себе место и в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений¹⁰⁰³, и явился, так. обр., общим принципиальным выражением правительственной точки зрения на раскол и ересь. Они являлись не религиозными деликтами. В них видели только посягательство на «благоустройство государства.»

Прежняя религиозная точка зрения была безповоротно оставлена. В виду таких снисходительных отношений Александра I к расколу, уголовное преследование его значительно затруднялось. Для иллюстрации этих затруднений приведем хотя один пример. Расскажем дело о раскольническом учителе Иване Тихонове Золотареве.

Дело это началось в Мае 1818 года въ Ставропольском Духовном правлении по доношению некоторых православных обывателей дер. Нижней Сунчелеевой о том, что «раскольнический учитель, казанский мещанин Иван Тихонов Золотарев, по заблуждению его перекрещенец, приехав Мая 17 в их деревню, поучает народ по привезенным с собою раскольническим книгам, утверждает, что церковные книги испорчены, и что совершаемое по оным книгамъ крещение противно преданию св. отец, а потому ежели кто хочет спасен быти, должен быть крещен по старопечатнымъ книгамъ». В виду такого доношения Ставропольское Дух. правление, взяв от земской нполиции вспоможение, отправило нарочного, діакона Троицкого собора Петра Данилова, для поимки означенного Ивана Тихонова Золотарева. Но посланные захватить его не успели, так как он уехал в деревню Хрящевку, и для опроса в Дух. правление отправили Василия Пронова, на дворе брата

которого происходили сборища раскольников. Опросом этого Василия Провова, а также Василия и Ефрема Ушатовых выяснилось, что действительно Иван Тихонов приезжал в Нижнее Сунчелеево и жил там 12–15 дней. Каждый день раза по три собирались к нему лица, принадлежащая к его толку, называемому толком Московского кладбища, или толком перекрещенцев, для совершения общих молитв, причем Иван Тихонов их учил по старопечатным книгам. Иногда приходили и другие, православные. Тогда Иван Тихонов поучал их не в келье, а на дворе. Вскоре пойман был и сам Ивап Тихопов. При нем оказались 6 книг старой печати: 1) Ответы преосвящ. Никифора, Арх. Словенского и Херсонского; 2) лицевой Апокалипсис без толкований; 3) Жезл правления;

4) Псалтирь толковая; 5) Кормчая и 6) нечто в роде требника, и несколько тетрадок, в том числе инструкция, данная ему на учительство в казанском крае заправилами Преображенского богаделенного дома.

На допросе Тихонов не заперся: он открыто заявил о своем учительстве и, убеждаемый членами Дух. правления отказаться от своих заблуждений, остался непреклонным. Тогда Дух. правление его отправило в Казан. Дух. Консисторию, которая, рассмотрев это дело, 18 июня 1818 г. нашла, что это дело по силе 6 пункта указа Св. Синода от 22 Марта 1800 г., надлежит до светского начальства, а потому приказало препроводить Тихонова и дело о нем к гражданскому губернатору. Вместе с этим были посланы об этом деле рапорты от преосв. Амвросия, Арх. Казанского

и Симбирского, в Св. Синод, а от секретаря консистории Кадомского обер-прокурору Св. Синода князю А. Н. Голицину. В ответ на эти сообщения, от 2 Сентября был получен на имя преосв. Амвросия из Св. Синода указ, в котором говорилось: «Поелику Ставропольское Духовное правление в сыске и допрашивании означенного раскольника вошло в противность указа Св. Синода 1800 г. Марта 22 дня, 6 пункта, то Ваше Преосвященство имеет сделать тому правлению предписание, дабы оно впредь по подобным делам отнюдь не входило в розыскание раскольников, а получа о таковых сведения,

доносило бы о них Епархіальному Преосвященному для поступления по означенному указу».

Гражданский Казанский губернатор, граф Ив. Анд. Толстой, рассмотрев дело Ив. Тихонова, от 13 Июля 1818 г. известил о своем решении Каз. Дух. Консисторию отношением следующего содержания: «Присланное ко мне из оной Консистории при отношении, от 20 числа минувшего Июня за № 3202, на основании указа Св. Прав. Синода 1800 г. Марта 22 числа, дело о Казанском мещанине Иване Тихонове Золотареве я рассматривал, и видя, что сей Золотарев, имея узаконенный годовой пашпорт, мог отлучаться из Казани во все места России, следовательно, за бытие его в Ставропольском уезде не подлежал какому-либо законному взысканию. Учение, производимое им там, в значущихся в следствии трех селениях, в коем он признался, заключает в себе единственно толкование (sic!) старых церковных книг, находящихся ныне в рассмотрении Духовной Консистории, и кои подлежать ли запрещению, относится до духовного начальства. Сверх сего учения или толкования оный Золотарев никаких противозаконных поступков, подлежащих суждению и взысканию, не производиле, а оное, не заключая в себе ничего, относящегося к нарушению спокойствия и благочиния, правилами закона возбраненного, не могло также подлежать взысканию закона; тем более, что правила, изображенные в старых церковных книгах, и сумазбродные последователи в исполнении их терпимы и известны Правительству и самой Высочайшей власти, о каковых и о учреждении общества старообрядцев по городу Москве, под дозволением богаделенного дома в 1809 г. состоялось Высочайшее позволение. То по сим причинам мещанина Золотарева, только заблуждающаяся и приверженного к правилам староцерковных книг, но не сделавшего какого-либо преступления, спокойствия нарушающего, я дабы не стеснить его, и руководствуясь Высочайшим указом 1801 года на имя бывшего г. генерал-прокурора и кавалера Александра Дмитриевича Веклемишева данным, остановился преданием суду и взысканию, но как лично, так и чрез здешняго полицеймейстера, убеждал его и

подтвердил ему оставаться одному самому в таком заблуждении, и сумазбродных правил отнюдь впредь не распространять и не поселять оных в слабые умы других. В следствие чего и все дело ко мне доставленное препреводил полицмейстеру и предписал ему принадлежащая Золотареву бумаги его, в деле имеющиеся, возвратить ему. О сем мнении моем и распоряжении уведомляю Консисторию и в следствие одного прошу ее по рассмотрении книг, Золотареву принадлежащих и ныне в Консистории находящихся, прислать их ко мне для выдачи ему, буде к тому не последует каких либо законных препятствий»¹⁰⁰⁴. Дело, так. об., закончилось освобождением Золотарева.

Отпадшим в раскол должно было сначала чинить увещания Дух. Консисториею. Эти увещания, как видно¹⁰⁰⁵, иногда тянулись по несколько лет. После продолжительных и бесполезных увещаний отпадшим в раскол, их предавали, наконец, светскому суду.

Так. обр., раскол и ересь, перестав быть религиозными преступлениями, почти совершенно вышли из-под церковной юрисдикции. На долю церкви остались одни лишь увещания, а суд над раскольниками и еретиками перешел в гражданские установления. Сокращение предметов церковной юрисдикции не ограничивалось одним расколом. Но нужно заметить, что высшая духовная власть не отстаивала прав церковного суда в сфере преступлений против веры и нравственности. Это с полною очевидностью обнаруживается при ознакомлении с наказом, данным Св. Синодом его депутату в Екатерининскую комиссию, и пунктами, приложенными к этому наказу¹⁰⁰⁶. На них, хотя не надолго, следует остановиться.

§ 4.

Наказ и синодальные пункты к нему подписаны не всеми членами Св. Синода. Не бывшие в это время в Петербурге синодальные члены: Гавриил, Арх. С.-Петербургский, Аеанасий, Еп. Ростовский, Сильвестр, Еп. Переяславский, и Порфирий, Еп. Белгородский, – дали особые свои пункты, которые отчасти были приняты Св. Синодом во внимание при составлении наказа, а потом препровождены депутату Св. Синода.

Переяславский Сильвестр свои «пункты» разделил на две группы: к первой он отнес, что нужно узаконить вновь, а ко второй – те прежде состоявшиеся законы, которые по его мнению следовало подтвердить. Подтвердить по его мнению было нужно, между прочим, законы: о запрещении суетного в клятве, божбе и лже имени Божия восприимания (п. 1); о явногрешниках, не стыдящихся дела своего (п. 2); о истреблении всякого суеверия, кликуш, притворно-юродцев и пр. и на разглашающих притворные чудеса или другия какия суеверия (п. 4); о присылке от светских команд в духовные светских персон, приличающихся по духовным делам, положенным по Духовному Регламенту и резолюциям Императора Петра Великого, последовавшим на синодальные докладные 721-го и 722-го годов пункты (п. 5); о хождении всем христианам в праздничные и воскресные дни в церковь на молитву и о непродаже в эти дни и в крестохождения в городах, селах и деревнях, в лавках и на площадях товаров, а из кабаков – питей, и о удержании народных забав, с положением точного штрафа (п. 6); о штрафовании за разглагольствования в церквах во время божественные службы (п. 7); о отлученных от церкви правильно, по законам и не покоряющихся мирских особах (п. 8.)¹⁰⁰⁷.

Вновь узаконить, по мнению Сильвестра, между прочим следовало:

1) на продерзких христианского благочестия критиков, дабы чрез то не оподлевало и в упадок не приходило, ибо простые и малоискусные, слыша презорственные о догматах церковных беседы и любопытное священного писания превращение, а еще от таких, коих честь и разум пред ними отличают, мнеть могут, что все сказуемое ими истина, и не столь нужно ко спасению христианское учение, как вообще о том от церкви предлагается (п. 1).

2) На бесстыдных художников, кои живописью, резьбою, гридоровкою (гравированием) и иными способы срамотства плотская изображают и при общем естества человеческого тлении еще художеством к тому руководствуют: своим – прелестное то ремесло, чужестранным – вывоз таких вещей

воспретя; тож на сочинителей в бесстудной материи стихотворства и комедіальных действий (п. 2).

3) О пресечении народного бешенства в седмицу сырную, понеже долговременным искусом оказалось, что дозволенное ко отдохновению время, по злоупотреблению народному обратилось только к гибели многих душ и безчествованию святого поста, пьянствы и другими непотребствы предваряемаго; из чего подается резон порочить церковь и охуждать святые посты иноверцам (п. 4).

4) О пресечении вольности в явно-народном разорении святых постов, извиняемом всегда и в крепком тела составе немощию, дабы подлинно слабосильные, хотя во врачевство себе разрешение брашен и имели, но с дозволения духовных и искусных пастырей, но из уверения о немощи их от своей им совести и без презорственного духа, також и с заменю другими за оное благотвореньми, при всем же том в уединенности и без соблазна, а здравые и крепкие своих же душ в пользу спасительное кратновременного прискорбиа средство употребляли (п. 5).

5) О истреблении беззаконных в рождественския святки игрищ (п. 6).

6) О истреблении игралищных позорищ на публичных и открытых местах в дни праздничные, дабы Божий закон, святити оный их заповедающий, явно и всенародно не уничтожался (п. 7).

7) О обуздании бесстрашия в юношестве обоого пола, особливо которые имея достаток и свободу, а не имея никакой отынуды к законному бракосочетанию препоны, окажутся в пороке блудодейственном (п. 8).

8) О пресечении богоненавистного прелюбодейства, не только правилами, но и градскими законами в древней церкви всегда строго истязанного, над которым, однако церковные у нас правила, по разным виновников уверткам и укрывательствам слабо действуют, а гражданския правительства, взирая на то, что оное суду духовному оставлено, въ производство дел не вступают (п. 9).

9) О штрафовании четвероженцов и вообще незаконно брачившихся, потому что налагаемая им отлучения от таинств епитимия, к врачеванию душ едва служит, поскольку еще и убеждать их к тому денежным штрафом нужда требует: в монастыри отсылать оных не удобно, как для государственных, кои они при домехъ своих хлебопашеством вырабатывать должны, податей, так для помещичьих работ и оброков, почему неотступно от своих помещиков и испрашиваются; телесно наказывать их правило апостольское духовенству возбраняет, а в прочих покаяния плодах, по невежеству их, положиться на них не надежно (п. 10).

10) О воспящении уклоняющихся в раскольнический разврат и чрез то предохранении многих невинных душ гибели, ибо снисходительное к открытию себя потаенным чрез записи дозволенное им средство обратилось к совращению въ раскол и не бывых ни явно ни потаенно раскольниками из принятого мнения, яко бы свобода ныне дается и правоверным и раскольникам быть каждого по желанию, будто бы по усмотрению, что учение их не заблудительно, каковым образом доселе толковано и истязуемо было; и на сем прелестном основании утверждаясь, с дня на день записываются и те, кои точно в правоверии с общением церковных таинств состояли, не имея ни вождя, ни пастыря (п. 11)¹⁰⁰⁸.

Эти, приведенные нами, пункты позволяют видеть некоторые стороны в фактическом положении церковного суда по религиозным преступлениям. Первое, что бросается в глаза, – это желание Сильвестра, чтобы действующие постановления, касающиеся религиозных преступлений, были подтверждены повторным изданием их. Особенно здесь интересен пункт пятый «о присылке от светских команд в духовный светских персон, приличающихся по духовным деламъ». На счет подобной присылки никаких указов не существовало. Она создавалась обычаем. Светския устаповления могли присылать только тех лиц, о которых имелось у них дело, при разбирательстве коего открывалось какое-либо преступление, подлежащее церковному суду. Привлечение же к церковному суду лиц этим последним самостоятельно было связано с затруднениями. Тот-же

Сильвестр говорит, что касающиеся прелюбодеяния церковные правила, по разным виновных уверткам и укрывательствам, слабо действуют. Равным образом и наложение эпитимии на простолюдинов соединялось с немалыми неудобствами. С одной стороны невежество простого народа требовало тщательного наблюдения за выполнением наказания каждым несущим эпитимию, что, конечно, было затруднительно для духовенства и церковной власти, а с другой – монастырское заключение, продолжавшееся не малое время, от 1/2 года до нескольких лет, было тяжело для крестьян, плативших всякого рода подати и оброки, и не выгодно для помещиков, лишавшихся в нужное время рабочих рук. Такое положение дела, когда церковному суду по религиозным преступлениям приходилось чаще бездействовать, чем действовать, обуславливалось тем, что вся почти исполнительная часть по отношению к преступникам, – их задержание, представление в суд и т.д., мало-по-малу сосредоточилась в руках светской команды, именно полиции. Отсюда духовные команды при осуществлении ими функций церковного суда связывались полицейскими и др. учреждениями. А чрез это принадлежащее церковному суду право самостоятельного возбуждения дел по религиозным преступлениям перестало применяться и фактически уступило место возбуждению дела светскими командами. Этот порядок, со всею ясностью констатируемый в начале XIX в.. свои зачатки имел уже в 60-х 70-х годах XVIII ст., как это видно из приведенных пунктов Переяславского епископа Сильвестра.

Понятно отсюда желание того же Сильвестра, чтобы был издан целый ряд распоряжений касательно постов, благочинного празднования масленицы, суеверий и т.д. Наблюдение за исполнением этих указов падало бы на полицию, а уголовная санкция, содержащаяся в них, служила бы гарантией их практического применения.

Сильвестр в своих пунктах преступлениям против веры и нравственности уделяет довольно много места. Между тем Гавриил, Арх. С. Петербургский, их касается бегло, а Афанасий,

Еп. Ростовский, и Порфирий, Еп. Белгородский, почти о них не упоминают!

В 32 пункте Гавриил говорит: «Ни в какую инославную религию Российского человека, как христианина, так и неверного, тож иностранных, во всей Российской Империи не принимать и в раскол впредь не был бы никто же обращаем и принимаемъ». В следующих двух пунктах – 33 и 34 – сказано: «от раскольников рождающихся детей крестить православным и представлять оных от семи лет к церкви, чтоб от них дань для священно-служителей приходских была определена. Раскольников на православных не венчать, пока они не обратятся в правоверие, ни под каким видомъ»¹⁰⁰⁹.

Любопытнее следующие два предложения Арх. Гавриила. 1) В производстве церковных дел не употреблять формы суда, но следствием производить, тож и мужа с женою, о прелюбодействе челобитствующих, не по форме, но следствием судить и оное следствие производить в светских судебных местах, а к архиереям присылать бы их уже по исследовании со всем производством, и выпискою для одного решения; равномерно поступать и в других до рассмотрения духовного по силе указов следующих блудных делахъ» (п. 28).

Суд по форме, введенный при Петре в 1723 году, практиковался все XVIII ст. Он стал исчезать только в начале XIX в.¹⁰¹⁰ Его неудобства –громадное бумажное делопроизводство и продолжительность – чувствовались сильно, хотя этот суд распространялся не на все дела, подлежавшие церковному суду. Из него исключались, напр., дела о богохульстве, расколе, волшебстве¹⁰¹¹. Предлагая следственное производство в замен суда по форме, Гавриил ведение следствия предлагает отдать светским установлениям, оставляя церковному суду лишь окончательный момент судопроизводства – постановление приговора.

2) «Из разных регламентов и сепаратных какой-либо коллегии или конторы указов в производстве духовных дел не выписывать. Если же и из светских законов что употреблять будет подлежательно, то из коих именно – предел положить» (п. 29).

Это предложение вызвано тем обилием разного рода распоряжений, изданных в разное время по разным поводам и иногда одно другому не соответствующих и противоречащих.

От отдельных пунктов, представленных членами св. Синода, перейдем теперь к вопросу, как формулировал св. Синод *in corpore* свои *ria desideria* в отношении к фактическому и юридическому положению церковного суда по религиозным преступлениям.

Прежде всего в Наказе св. Синод выражает желание, чтобы все канонические правила «в своей силе содержаны были чрез Высочайшее Ея Императорского Величества оных подтверждение» (п. 2). Также и «о введенных в Кормчую нашу книгу, установленных в древние времена благочестивыми греческими императорами градских законах, с правилами церковными сопряженных, представить, чтоб оные ж или Высочайшей Ея Императорского Величества апробации удостоены были, или особое о том установление сделать Высочайше указано было, а прочие тех градских законов пункты, до светских дель принадлежащие, оставить на рассуждение светским» (п. 3). «Что же касается до того, – говорится в следующем 4-м пункте, – чтоб все православные христиане в нелицемерном страхе Божии себя содержали, в воскресные, праздничные и в высокаторжественные дни в церковь Божию ходили, учений пастырей своих слушали, от всяких суеверий и праздности удалялись, и повсягодно по должности христианской исповедывались и Св. Таин приобщались, о том, яко о первом христианском деле, как прежним Уложением и другими законами, так и на общей бывшей 755 году у Синода с Сенатом конференции, особливými пунктами рассуждение уже положено. А ныне к тому при будущем о сем трактовании, предложить в дополнение следующее: не рассудится-ли всего того в помощь духовным, надсматривать и светским, положа при том, кто в какой небрегомости усмотрится, по состоянию персоны пристойные штрафы, дабы и другие, то видя, благопристойность в том наблюдали, а напротив того священников, если они подлежащего в том смотра имать не будут и фальшиво не исповедавшихся исповедавшимися и

причастившимися писать станут, штрафовать епархіальным архиереям без упущения; только б и с светской стороны никакова к такому фальшивому написанию принуждения не было, о чем требовать надлежащая рассуждения и подтверждения» (п. 4).

Св. Синод находил необходимым оставление въ прежней силе постановлений, касающихся наказания «развращающих и отступающих от православные веры» (п. 6). Вместе с этим он признавал целесообразным «запретить в шутках или азартно иметь диспуты и распри о Бозе и Его всемогуществе, о Святей Троице, о Христе Спасителе, о Священном Писании и о всем, что до богопочитания касается; ибо чрез такие нескромные в том поступки, а особливо от азартных распрей много происходит неистовых толкований, повреждающих совесть и благочестие, а малорассуднымъ подают соблазн и развращение, отчего некоторые подвергают себя и многим несчастьям, по причине о том на них доносов и следствиевъ» (п. 5).

7-й п. Наказа говорить о не исповедающихся: «И понеже прежние на не исповедающихся и не причащающихся денежные штрафы облегчительно положены, того ради для удержания от того небрегомых людей сверх изображенного, в имянном 763 года указе, таковых на хлебе и воде содержания и денежных штрафов не рассудится-ль положить, чтобы таковых ни в свидетельство не принимать, ни в чины не производить и из числа честных людей исключать»¹⁰¹².

К Наказу были приложены особые пункты, в которых говорилось: 1) о искоренении суеверий, 2) о епископах, 3) о священно- и церковнослужителях, 4) о выгодах, принадлежащих священнослужителям, 5) о устройении церквей, 6) о запрещении неискусно пишемых икон, 7) о богадельнях по городам, 8) о исправлении мирских людей и 9) о браках и разводах. Из всех этих пунктов к нашей теме ближайшее отношение имеет группа 8 и отчасти 2-я.

В отделе «о епископахъ» в п. 2-м читаем: «По делам духовным, до их (епископовъ) рассмотрения касающимся, не подлежит им собою светских людей в ссылки в монастырское заключение посылать, а по исследовании, кто в чем виновен

явится, и какому штрафу достоин будетъ; в светскія команды отсылать, а наипаче отсечения от церкви и проклятія, хотя б кто тому за преступленіе и подлежал, не представляя прежде св. Синоду, а оному без согласія с Правительствующимъ Сенатом, не чинить. Отлученіе же временное от входа церковного, по духовному регламенту, оставить на рассмотрение архіерейское»¹⁰¹³. Несколько неяснымъ представляется в этомъ пункте ограниченіе епископовъ в правѣ наложенія ими монастырскаго заключенія, какъ наказанія. Для какой цели епископъ долженъ, по исследованіи дела, посылать виновныхъ в светскія команды? для того ли, чтобы положено было светское наказаніе, или только для исполненія приговора, постановленнаго имъ, епископомъ, по данному делу? Ответить на эти вопросы затруднительно; одно лишь несомненно – это желаніе св. Синода такъ или иначе ограничить примененіе монастырскаго заключенія, каковое примененіе на практикѣ соединялось с целымъ рядомъ неудобствъ, отмеченныхъ несколько выше.

В пунктахъ, тракующихъ «о исправленіи мирскихъ людей,» мы видимъ с одной стороны желаніе подтвержденія уже изданныхъ узаконеній, с другой – указаніе необходимости некоторыхъ переменъ в существующихъ. Такъ в 4 и 5 п.п. читаемъ: «Смотреть же епархіальнымъ архіереямъ и прочимъ духовнымъ и того, чтобъ из содержащихъ православную христіанскую веру никто в другіе законы отнюдь не вступали и ни в какую б инославную религію российскаго человека какъ христіанина, такъ и невернаго, тожъ иностранныхъ, кои в Россіи въ подданствѣ находятся, во всей Россійской Имперіи не принимали» (п. 4. Ср. п. 32, Арх. Гавриила). «Также б и в расколъ впредь никто обращаемъ и принимаемъ не былъ бы, и от раскольниковъ рождающіеся дети крещены б были православными священниками, и представлять оныхъ от седми летъ церкви, а в противномъ случаѣ поступать с ними по прежнимъ, или какіе установлены будутъ, законамъ, при чемъ и того наблюдать, чтобъ богохуленія и церковнаго мятежа и никакихъ во время бываемаго церковнаго славословія непристойностей и в церквахъ между собою разговоровъ отнюдь

не происходило; в чем во всем и светским командирам, во всех командах вспомогать» (п. 5)¹⁰¹⁴.

Пункт 8 посвящен вопросу о применении церковных наказаний к мирянам по духовным делам. «По духовному регламенту, – говорится здесь, – и состоявшимся высокославные памяти Государя Императора Петра Великого 721-го и 722-го годов указам, некоторые светские по духовным делам подлежат духовному суду, но по многим требованиям из светских команд не присылаются, и затем в решении дел продолжение и остановки бывают, а виновные без исправления остаются, и того ради просить, что б всем светским командам учинено было о том подтверждение» (п. 8)¹⁰¹⁵. Здесь опять видим указание на то, что к церковному суду приходилось привлекать виновных мирян чрез светския команды, отчего происходила длинная проволочка.

Кроме подтверждения прежних узаконений Св. Синод нашел необходимым издание некоторых постановлений в дополнение существующим. Так. в п. 2 сказано: «А как по духовному регламенту, в части «о епископахъ», 1-м пунктом: «Аще кто явственнo хулит Имя Божие, или Священное Писание, или церковь, или явно грешник есть, не стыдяся дела своего, а паче тем чваняся, или без правильной вины покаяния и святыя Евхаристии больше года не приемлет, или что-либо иное творит, с явным закона Божия поругательством и посмеянием, таковой по повторном наказании, упрям и горд пребыв, осужден анаеме», – то первее оному исправление может быть способнейшим содержанием в пристойных местах на одном хлебе и воде, удержанием из положенного жалования некоторой части, запрещением дворянам в продаже недвижимых имений, или и отобранием из оного, по вине смотря, на содержание сирот, вовсе или на время, из недвижимого некоторого числа, не исключая из сего и женска пола, кои в такой же небрегомости усмотрятся; а которые и затем в упорстве останутся, с таковыми уже, по сношении с Правительствующим Сенатом, по исключении их из числа честных людей, поступать по духовному регламенту и ни в каковое общество их не принимать»¹⁰¹⁶.

В пункте 9-м: «Прежним Уложением и другими законами волшебникам и заговорщикам от ружья и от прочого жестокая положена казнь. А по производившимся многим делам усмотрено, что таковые люди от одного своего неразумия и льстя себя глупою и безрассудною надеждою, в таковой проступок впадают, а в самом же деле никакого по их желаниям действия, каковые они в бездельных письмах своих изъясняют, не бывало и быть не может, кроме одного их мечтания, каковое они в силе действия безумно присвоят. Того ради просить высокоmaterняго Ея Императорская Величества к таковым легкомысленным людям облегчения, и хотя они без наказания оставлены быть не должны, однако положить оное тем, кои обучают и действуют, потяжеле, а кто слушает таковых, полегче, и потом для епитимии отсыланы б были в духовные команды» (п. 9).¹⁰¹⁷

Издание новых или подтверждение старых узаконений касательно некоторых религиозных преступлений было Св. Синодом *предоставлено всецѣло светской власти*. «Если ж кто Имя Божие, Священное Писание, церковь, Пресвятую Богоматерь и Святых явно хулит, или от церкви и благочестия удаляться станет, и пастырям своим в том не повиноваться и учение их презирать будет, за оное, – прежние ль законы подтвердятся или вновь установлены будут, – оное зависит от Высочайшего Ея Императорского Величества благоволения» (п. 7).¹⁰¹⁸

Таковы те соображения, какия Св. Синод представил в Екатерининскую комиссию в своем наказе и пунктах, приложенных к нему, – данных его депутату. Но так как этой комиссией нового уложения не было издано, то и Св. Синод не достиг, в сфере изучаемого нами вопроса, никаких особенных результатов, если не считать более определенных узаконений касательно суеверий, изданных позднее. Более практического значения имеет другой наказ, Наказ Главной Полиции. В этом наказе мы встречаем, напр., такая статьи. «В глазах полиции да нетерпимы будут богохульники, развращающие нежные сердца молодых людей, и да накажутся строго, а паче изгнанием из общества и посрамлением их умствования» (ст. 37).

«Сплетатели лжи, лжесвидетели и клятвопреступники по важности дела да накажутся обличением публично, или из числа граждан удалены да будут, дабы презрены были от честных людей» (ст. 39). «Гадатели и пререкатели нетерпимы полициею да будут, и истребятся, или да накажутся» (ст. 43)¹⁰¹⁹. «О ханжах и кликушах, чтоб оные, по освидетельствованию в медицинской коллегии или конторе, с наказанием заперты были во учрежденный цухт-гауз в работу, тож и о обманщиках, колдунах, цыганех и ворожеях сделать учреждение» (ст. 60). «Распутные женщины не редко делают жителям многие злы, яко: в таковых домах убивства, грабежи, обманы и болезни; оных да сыскивает полиция и отсылает на прядильные дворы, или в отдаленные новые селения, по рассмотрению своему» (ст. 63)¹⁰²⁰. «В карты и во всякую зернь играть на всякое движимое и недвижимое имение и на кредита, и обязательства или заклады, да запретится строго, под конфискованием проигранного и бывшего в игре, и сверх взыскания в штраф двойного годового оклада в казну и ваказанием на месяц тюрьмою, кто б ни былъ» (ст. 338)¹⁰²¹.

Эти статьи Наказа главной полиции нашли себе место в Уставе благочиния, изданном 8 Апреля 1782 г.¹⁰²² В этом уставе предписывается предавать суду для законного наказания: богохульников (ст. 237), учинивших помешательство совершению Божьей службы (ст. 238), заводящих в церкви разговоры (ст. 239), совратителей (ст. 242) и совращенных (ст. 243); лжепредсказателей и лжепредзнаменователей (ст. 254), занимающихся колдовством и чародейством (ст. 266), пьяниц (ст. 250), лиц, творящих непотребство (ст. 263), или допускающих публично неприличную брань (ст. 204). С изданием этого устава из церковного суда перешли в светский все дела о суевериях. Сфера церковного суда, так. обр., еще сократилась. Его деятельность ограничилась наложением эпитимии только на уклоняющихся от исповеди и св. причастия и виновных в прелюбодеянии, а также наложением церковного покаяния на лиц, присылаемых из светских судов. Касательно этого последняго, т.е. касательно наложения эпитимии на лиц, присланных из светских судов, в царствование Екатерины II и ея

преемника было издано несколько постановлений. Первое относится к 23 Августа 1770 г. Так как, действуя на основании законов, в том числе Воинского Устава, в системе наказаний которого есть и церковное покаяние, светские суды в своих приговорах должны были налагать это наказание, то указ 23 Авг. 1770 г. ограничивает это право тем, что определение срока наказания предоставляет не светскому, а церковному суду. «Из сообщенного в Правительствующий Сенат из Святейшего Правительствующего Синода ведения, – читаем в этом указе, – оказалось, что некоторое присутственное место по произведенному в оном следствию за смертное убийство, осудя двух человек на церковное покаяние, положило на них, без сношения с Духовною командою, церковную трехмесячную эпитимию, и для исполнения

оной определило отослать их в монастырь, но по правилам Святых отец убийство вольное с невольным различается, и таковым преступникам, церковные покаяния положены с различием их вин не равны; в воинском же артикуле предписано только то, за какие именно погрешения людей осуждать на церковное покаяние, а того, чтоб и время для исправления эпитимии определять тем светским Правительствам от которых, оные осуждаются, ни мало не упомянуто; следовательно, и предоставлено оное на рассмотрение Духовных Правлений, тем паче, что оныя, смотря каждого плоды покаяния, могут возложенный на них эпитимии и уменьшать, во что светским командам входить неможно. Того ради, по указу Ея Императорского Величества, Правительствующий Сенат приказали: всем светским командам, в случае отсылки в Духовные Правления на церковное покаяние для исправления эпитимиею людей, никакого времени на то не определять, а представлять оное тем правлениям, давая им только знать о состоянии преступлений, с тем однакож, дабы срок того церковного покаяния назначиваем был с апробации Св. Правит. Синода, который бы благоволил о том, кто, за что и на сколько времени эпитимиею обложен будет, и Сенат уведомлять. Чтож касается до должного за таковыми определенными на покаяние присмотра, то как их количество

бывает не большее, и определяются они не в одно место, а по разным монастырям, из которых при каждом, по духовным штатам, кроме монашествующих положены сторожи и прочие служители, к тому ж оные монастыри, будучи с оградами, запираются; в рассуждении чего и содержать оных, присылаемых на покаяние, за присмотром тех, положенных по духовным штатам в монастырях сторожей и прочих служителей»¹⁰²³. То же самое читаем мы в указе 27 июля 1780 г. «В случае отсылки на церковное покаяние людей в духовные правления, прописывать только их вины, а возложение духовной епитимии и покаяния, так как и назначение времени, оставлять на рассмотрение Епархіальным Архиереям, которое и полагаемо будет с апробации Св. Синода: то вследствие того никакое Светское Правительство при осуждении преступника на основании законов к церковному покаянию назначать точного времени и не должно, потому наипаче, что определение точного к покаянию времени по церковным правилам зависит единственно от духовного правительства, которое, видя плоды покаяния осужденная, может и облегчать оное»¹⁰²⁴. Это правило в 1785 г. 18 марта было распространено и на лиц, посылаемых в духовные команды из Совестьных судов¹⁰²⁵. Но требуемая этими указами апробация Св. Синода на каждое дело о наложении епитимии была практически очень не удобна. Она просуществовала до 1797 г., когда была отменена. «Святейший Правительствующий Синод, читаем мы в указе от 19 сентября 1797 года, имея рассуждение, что хотя посланными из оного в следствие требования Прав. Сената в прошлом 1770 году сентября от 15 дня, во все подчиненные места указами и велено к присылаемым епархіальным архиереям или в Консистории из светских правительств по присуждению их преступникам назначать срок церковного покаяния с апробации Св. Синода; но как с самого того времени по многим, вступившим в Св. Синод от преосвященных Архиереев представлениям определении того покаяния за разные преступления людям, многия решения от Св. Синода, сходственно правилам святых отец последовали так, что при случае наложения на церковников церковной епитимии,

соображаясь тем решением, всякое недоумение самими Преосвященными Архиепископами удобно разрешено быть может, а чрез то и участь многих преступников, которые за неполучением иногда чрез долгое время по отдаленности епархии из св. Синода резолюции содержаться под стражею должны, облегчена быть имеет. Для того приказали: В Московскую Святейшего Синода канцелярию, к Синодальным членам и к прочим Преосвященным епархиальным архиепископам послать указы, с тем, чтоб отныне посылаемым из светских правительств к ним – преосвященным, или в Консистории людям, срок церковного покаяния, смотря по обстоятельствам преступлений их, назначаем был самими ими преосвященными, не представляя уже Св. Синоду, согласно правилам Св. отец, применяясь к прежним, последовавшим из Св. Синода предписаниям, репортуя точию обстоятельно Св. Синоду во известие о каждом таковом, кто именно епитимиею и на сколько времени обложен будет. А ежели о ком из тех преступников в определении епитимии встретится какое затруднение, в таком случае представлять Св. Синоду, со всеми потребными к тому обстоятельствами»¹⁰²⁶.

Что касается самого применения церковной дисциплины, мер ее воздействия, то здесь мы замечаем ряд весьма важных перемен. Указом 7 июня 1767 г., коим запрещалось употребление телесных наказаний в отношении духовенства и монашества¹⁰²⁷, был нанесен сильный удар старому «смирению»; хотя и после этой указа мы видим существование телесных наказаний в монастырях¹⁰²⁸, видим также применение их к мирянам из простого народа¹⁰²⁹, но все это исключения, которые мало-по-малу вовсе вышли из употребления.

После этого епитимия явилась только в формах монастырского заключения и епитимии, проходимой под руководством духовного отца. Первая стала именоваться публичной, а вторая домашней. «Епитимия публичная в монастыре, – скажем словами Розанова, – разнообразилась только большим или меньшим количеством времени содержания в монастыре, смотря по важности преступников и преступлений тех лиц, которые подвергались церковному

наказанию, как то: 1) число лет не бытия у исповеди и у св. причастия большею частию возмещалось тѣм же числом недель содержания в монастыре; 2) за намерение лишить себя жизни, за ненамеренное убийство другого определялось содержание в монастыре от 2–3 месяцев; 3) за любодеяние, прелюбодеяние и другие виды плотской нечистоты назначалась епитимия в монастыре от полугода до одного года. Во время содержания в монастыре подвергнутые епитимии обязывались пребывать в труде, посте и молитве, ходить ко всякой божественной службе и умилоствовать благодать Божию в содеянном прегрешении, между тем пищу употреблять сухоядную.

Епитимия домашняя, под смотрением отца духовного, большею частию составляла продолжение первого вида епитимии. Отец духовный, смотря на плоды покаяния, во всякое время мог сократить такую епитимию»¹⁰³⁰.

И та и другая епитимия налагались на обвиняемого без особого разбора их дела. «Епархіальное начальство, говорит тот же Розанов, не могло и судить, как образовался грех, за который предавался обвиненный церковному наказанию, потому что дело о проступке предаваемого церковному наказанию было в руках светского суда. Светское судебное место, предавая подсудимого церковному покаянию, много, ежели вполне сообщало об нем свой приговор. Епархіальное начальство, довольствуясь приговором светского суда, без исследования, по каким побуждениям кто впал в проступок, подвергший его церковному наказанию, налагало епитимию»¹⁰³¹.

В начале XIX в., как это видно, напр., из дел архива Казанской Духовной Консistorии, приговор суда в доношении Консistorии излагался целиком. Консistorии приходилось только следить, чтобы приговор был формально правилен. Иллюстрируем это примером. В 1823 г. Чебоксарское Духовное Правление от 27 октября послало в Каз. Дух. Консistorию следующее доношение: «Цивильский уездный суд сообщением в сие Правление присланным прописал: в суде-де оном по выслушании выписки, учиненной из дела наченшагося по прошению Чебоксарского уезда, деревни Байгеевой ясашого крестьянина Осипа Короткова о причинении ему побойства

Цивильского Городнического Правления сотником Семеном Абрамовым Карасевым определено: хотя Цивильского Городнического правления сотник, ясашной крестьянин Семен Карасев в жестокостях им причиненных деревни Байгеевой ясашному крестьянину Осипу Короткову, защищаясь тем, что он, Карасев, пришед на квартиру, занимаемую им, Коротковым, у ясашного крестьянина Егора Пастухова, примерно часу в 11-м ночи взят его, Короткова в полицию для того, чтобы представить его поутру к г. Городничему для отсылки в его селение, но сие он учинил без позволения Начальства, а самовольно; по ссылке ж просителя Короткова три человека под присягою показали, что действительно он, Карасев, в пьяном образе взял его без всякой причины в Полицию, где ударил раза три рукою по лицу, отчего у Короткова потекла из носу кровь, и потому его, Карасева, за такое самовольство и причинение Короткову побойства, согласно Уложения 10 главы 158 статьи и устава столичного города Москвы 7-й главы 7 статьи, выдержать в смирительном доме два месяца. А за то, что он, Карасев, не был уже 4 года на исповеди и святого причастия (так как он сам признался) в оное правление сообщить с уведомлением, что подсудимый Карасев отослан чрез посредство внутренней стражи. Почему въ Правлении определено: приобщить к прочим таковым же; а как *само правление* чрез небытие четыре года у исповеди и святого причастия крестьянина Карасева *епитимии возложить на него не можетъ*, а имеет о том представить в рассмотрение оной Духовной Консistorии, то до получения из оной разрешения, отослать его обратно при сообщении в Чебоксарскую внутреннюю стражу,... а между тем в Казанскую Духовную Консistorию представить доношением в рассмотрение с прописанием сообщения Цивильского уездного суда». Казанская Д. Консistorия, выписав указ Сената от 18 февраля 1798 года, коим предписывалось «всем губернским правлениям, дабы исследования о таковых преступлениях, за которые виновный подлежит по закону лишению жизни или чести, или торговой казни, непременно отсылать из полиции в нижния судебные места, а из оных в Палату, хотя бы и преступника обличено не было, для *обревизования* однакож

самого исследования и производства по 108 статье Учреждения, учинено ли оно порядочно и сходно с законами для приведения в ясность преступления, столь и для обличения преступника», – выписав этот указ, Казан. Дух. Консистория постановила 1823 г. 11 декабря: «как из доношения духовного правления того, чтобы дело сие уездным судом представляемо было на ревизию Уголовной Палаты, не видно, *а предается* церковному покаянию крестьянин Карасев за небытие им чрез четыре года у исповеди и св. причастия по одному приговору уездного суда в противность указа 1798 г. февраля 18 числа, то за сим Консистория и не может определить тому Карасеву церковного покаяния»¹⁰³².

Еще раньше, в 1820 г., по делу о наложении за ядение лошадиного мяса церковного покаяния на крещеного из чуваш Якова Васильева, присланного из Цивильского земского суда в Чебоксарское Духовное Правление, Казанская Д. Консистория сделала запрос казанской палате уголовного суда о том, было ли это дело на ревизии, и только по получении положительного ответа, постановила предать его годичной эпитимии под смотрением духовного отца¹⁰³³.

Руководством епархиальной власти в наложении на виновных эпитимии прежде всего служили канонические правила св. Апостол, вселенских и поместных соборов и св. отец. В указе св. Синода 21 февраля 1799 г. подтверждено, чтоб в наложении эпитимии епархиальные архиереи, «вникая лучше в смысл правил св. отец, изображенных в Кормчей книге, назначали преступникам церковное покаяние во всем согласно с теми правилами».

Кроме канонических правил епархиальное начальство должно было руководиться при наложении эпитимии и указами Св. Синода. Не говоря об указах, имеющих в виду наложение эпитимии за то или другое преступление в отдельности, каковы напр. указы 30 сентября 1765 г., 26 января 1801 г. – о не исповедавшихся; 16 марта 1822 г. – об эпитимии за прелюбодеяние, следует указать на указ 21 марта 1780 г., трактующий о наложении церковной эпитимии вообще. «Св. Правительствующий Синод, – читаем мы в этом указе, – по

вступившим от Епархіальных Архиереев представлениям о предании впадших в разные преступления церковному покаянию, усмотрено, что оным налагаются эпитимии по точным в правилах Святых Отец положениям, которыми время соразмеряется степенью ожесточения по отношению к важности преступления. Но как из оказавшихся и в равномъ преступлении одни бывают жестокосерды, и ни увещаниями, ни временем, к искреннему раскаянию не приводятся, другие при признании приносят о грехах раскаяние и сокрушение, иные ж или по холодности к закону, или по расколу запрещение ни во что вменяют, пачеже оного желают, а иные продолжением запрещения впадают в отчаяние. Таковых ради винословий, святые отцы на шестом Вселенском Соборе, в правиле 102, предоставили приемшему власть от Бога вязати и разрешати, смотреть на множество и на малость грехов и на обращение согрешившего и кающагося, и тако да размерять милость, и врачьбу приносить подобну болезни: ибо все Слово Божие, ему же поручено есть пастырское владычество, в сем есть, еже обратити блудящее овча, да не впадетя в пропасть отчаяния, и уязвленного от змия, или лютейшими и терпкими или слабейшими и мягкими былии. На сем и на свидетельстве других Святых отец основано прибавление Духовного Регламента в 14 пункте рассуждение о эпитимияхъ, что древние Св. отцы и Пастырие не так рассуждали о эпитимиях, яко бы неудобь переменяемых догматах, но переменяли и переменять оные попускали, имея к тому некия благословные вины, о чем там же довольно в поучении Святых отец собранное изъяснение и наставление дано, как в наложении кающимся эпитимии поступать и что приемший власть вязати и решить, смотря на чистое кающихся покаяние, аще милость ему покажет умалением времени эпитимии, не будет достоин порицания: не времени бо долгою, но обращения истинною покаяние совершается. И для того, по рассмотрении обстоятельств кающагося, не только время эпитимии умаляти, но едину эпитимию на другую переменяти дозволено; собственно же и именно сие разумеется об оной, в древнем обычае бывшей эпитимии, еже на долгое время лишати причастия Святых Таин:

понеже она древле была во врачество, яко показующая грехов мерзость и востягающая злые похоти; ныне же не токмо не страшна многим, но и желаемая ленивым стала, тайным же раскольникам и весьма любимая. Того ради, по указу Ея Императорского Величества, Св. Правительствующий Синод приказали: по всем преосвященным епархіальным архиереям послать указы, дабы особливо в рассуждении *налагаемого преступникам запрещения причащения Святых Таин поступали осмотрительно*, так, чтоб ни кающегося не обременять, и не привести в отчаяние, ни в ожесточенном не произвести неуважения к святым тайнам, равно и к содеянному преступлению, а в имеющем холодность к закону не умножить оныя, паче же, чтобы расколу не послабить. Что ж надлежит до умаления времени, то в оном искренно раскаивающемся от церкви снисхождение оказывать нужно, однако и в сем иметь осторожность, дабы одни не возымели повода притворством сего достигать, другим же, наипаче в важнейших преступлениях, не подать виду послабления»¹⁰³⁴.

Этот указ, разрешающий смягчение эпитимии и замену одного ея вида другим, на практике мог иметь только одну форму, форму замены монастырского заключения эпитимией домашней. В практике это происходило таким образом. Общая продолжительность эпитимии назначалась в соответствие церковным канонам. При этом часть ея, не свыше двух лет, должна проходиться в монастыре, а остальное время под руководством духовного отца. Так, в 1819 г., постановлением от 29 мая, Казанская Духовная Консистория по сообщению Казанской Палаты уголовного суда о наложении эпитимии за блудодеяние на крестьянскую женку Казанской губ., Чистопольского у., Варвару Иванову, и Оренбургской губ., Бугульминского у., крестьянина Трифона Иванова, определила предать их семилетней эпитимии, чрез два года, для принесения покаяния, первой – в Свияжском Предтеченском девичьем монастыре, а второму, – так как он Оренбургской епархии, – о чем туда сообщить, в тамошнем каком-либо монастыре; последняя же пять лет под смотрением приходского священника»¹⁰³⁵.

В 1820 г. Казанского Артиллерийского штата цейхлинера 2 класса Николая Иванова дочь, девка Наталья, присланная из Кригрехта, при Казанском ордонант-гаузе учрежденного, в Казанскую Духовную Консисторию, была приговорена за блудодеяние к 7-летней эпитимии, причем год должна проводить в Казанском девичьем монастыре, а остальное время исполнять эпитимию под наблюдением своего духовного отца¹⁰³⁶. Общий срок эпитимии назначался в соответствие церковным канонам. Но в XIX в., в тех случаях, когда виновные понесли какое-нибудь наказание в светском суде, этот срок сокращался на половину. Так, в 1821 г. 14 Ноября Тетюшский уездный суд сообщил Казанской Дух. Коисистории состоявшееся в нем решение о заключении крестьянки Евдокимовой за прижитие младенца в смирительном доме на один месяц и отдаче ее церковному покаянию. Казанская Д. Консистория 28 янв. 1822 г. постановила: «Хотя бы по словам 59 правила Св. Василия, надлежало женку Евдокимову подвергнуть семилетней эпитимии: *но по уважению понесенного ею наказания*, определить ей для очищения совести епитимию в *полы*, т. е. на 3 года с половиною, с исполнением оной чрез полгода в Свияжском девичьем монастыре, под смотрением искусной и в житии иноческом благонадежной монахини, внушая ей, Евдокимовой, тяжесть содеянного преступления, стараться расположить ее к чистосердечному в том пред Богом с сокрушением сердца раскаянию и к препровождению впредь лучшей при прочих христианских добродетелях жизни, заставляя при том ходить в церковь ко всякому молитвословию и полагать земные поклоны, а в свободное от молитв время употреблять и в монастырския послушания, за что и кормить ее от монастыря; в посты же принимать ее на исповедь, с надлежащим от духовника увещанием, но до причастия Св. Таин, кроме смертного случая, не допускать. А остальное ж той эпитимии время, то есть три года, исполнять ей, Евдокимовой, при приходской церкви, под смотрением отца ее духовного, которому, смотря на плоды покаяния ее, в уменьшении той эпитимии и в сподоблении причастия Св. Таин поступать

сообразно 102 правилу 6-го Вселенского Собора и указу Св. Правительствующего Синода 1780 г. Марта 22 дня»¹⁰³⁷.

Приходские священники, под руководством которых проходили виновные домашнюю эпитимию, должны были руководствоваться приговором Консistorии, где иногда указывался образ прохождения виновным эпитимии, ему назначенной. Напр., в 1816 г. из дела о поджоге, рассматривавшагося в Казанских уездном суде и городском Магистрате, открылось, что мещанская жена Марья Григорьева, по мужу Кадалова, по ее собственному признанию, давно не бывала у исповеди и Св. Причастия. В виду этого, Казанская Палата Уголовного суда, отношением от 4 января 1816 года, известила об этом Казанскую Духовную Консistorию «для надлежащего выполнения». Консistorия постановила предписать благочинному г. Казани, протоиерею Петру Талиеву, чтобы он «означенную мещанку Кадалову, за прописанное небытие ее на исповеди и у святого причастия, заставил ее ходить чрез несколько дней в приходскую церковь и полагать земные поклоны»¹⁰³⁸.

В других случаях приходскому священнику предоставлялась свобода в наложении рода эпитимии, в приговоре указывались лишь те канонические правила, какими он должен был руководствоваться. Например. В 1822 году, 26 Апреля, Казанское Губернское Правление сообщило Казанской Духовной Консistorии решение Царевококшайского уездного суда, внесенное на ревизию в Казанскую Палату Уголовного Суда и утвержденное Гражданским Губернатором, – о наложении церковной эпитимии на крещеного из черемись Петра Якимова за намерение принести в наступающую осень, по старому языческому обычаю, в жертву Господу Богу быка. Казанская Духовная Консistorия 14 Июля 1822 года постановила: «означенного черемисина отдать на двухгодичное по седьмому Анкирского собора правилу покаяние под особенным смотрением приходского священника, с тем, чтобы он внушал ему догматы веры христианской и утверждал бы его в православии, поступая с ним по 102 правилу шестого вселенского собора и по 5 правилу святого Григория

Нисскаго»¹⁰³⁹. Иногда в приговоре просто писалось: предать такого-то за то-то «внутреннему испытанию и приватному суду отца духовного»¹⁰⁴⁰. В таких случаях в наложении эпитимии священник должен был руководствоваться 106, 107 и 108 главами Книги о должностях пресвитеров приходских, – впервые изданной в 1776 году¹⁰⁴¹. В уменьшении эпитимии он должен был руководствоваться 102 пр. Трулльского собора и указом Св. Синода 1780 г., а в смертном случае поступать по 5 пр. Григория Нисскаго¹⁰⁴².

В таком виде является церковно-дисциплинарная практика пред изданием Свода законов. Издание Свода не могло ее изменить, хотя его нормы и не соответствовали этой практике. Да и вообще Свод законов уголовных не справлялся с существующей практикой, ограничившись одними разнохарактерными и разновременными уложениями и указами. «Свод законов уголовных графа Сперанского, говорит Н. Неклюдов¹⁰⁴³, носил на себе все недостатки сводов вообще. Это не было законодательство одного отлива, а сбор узаконений различных периодов русской законодательной деятельности, приведенной только в более стройную систему. Вот почему он страдал отсутствием внутреннего единства и единства принципов. Составитель его хотел помирить в нем начала Наказа Екатерины с суровыми законами Царя Алексея и Петра». «Составители стараются придерживаться правил Наказа Екатерины и в тоже время постоянно отступают от них в отдельных статьях. От этого, наряду с мягкими постановлениями позднейших царствований стоят нещадные и жестокие статьи Соборного Уложения и Воинских Артикуловъ»¹⁰⁴⁴. При том-же этот Свод законов уголовных страдал тем капитальным недостатком, что представлял собою только часть уголовных узаконений, не малая доля которых была раскидана по другим томам Свода¹⁰⁴⁵. Эти замечания приложимы и к тем постановлениям Свода законов уголовных, которые касаются религиозных преступлений и церковной дисциплины. Последней специально касаются три статьи: 76–78 (по изд. 1842 г.). «Церковные наказания, говорит 76 ст., хотя назначаются в приговорах судебных мест за некоторые в

законах означенные преступления, но виды сих наказаний, степень и наблюдение за точным их исполнением предоставляется усмотрению и распоряжению духовной власти. Таковы суть: церковное покаяние. 2) Смирение, исправление или увещание по правилам Св. Апостол и Св. Отец и по Церковному Уставу. 3) Лишение христианского погребения». «При осуждении на церковное покаяние, говорит следующая 77 ст., – никакого времени на то не определять, а предоставлять назначение сего духовному начальству, давая оному только знать о роде и качестве преступления. Срок церковного покаяния назначается Епархіальными Архиереями, которые, ежели в определении оного встретят затруднение, представляют о том Святейшему Синоду со всеми потребными объяснениями». По ст. 78 «преступники, ссылаемые в Сибирь на поселение, кои подлежать будут вместе с тем церковному покаянию, предаются оному на месте их ссылки; определение времени оного предоставляется тому епархіальному начальству, к ведомству которого принадлежать будет место поселения».

Из приведенных статей 77 касается собственно процессуальной стороны дела, именно того пункта, какому суду, светскому или церковному, надлежит назначать время эпитимии, а ст. 78 касается порядка исполнения церковного наказания лицами, осужденными к ссылке в Сибирь на поселение. О церковных наказаниях говорит только одна 76 ст. Но нужно заметить, что перечисление видов церковных наказаний страдает неполнотой и неясностью. С одной стороны ст. 76 вовсе не упоминает о таком крупном роде церковного наказания, как монастырское заключение; с другой – находим такое неопределенное наказание, как «смирение, исправление или увещавание по правилам Св. Апостол и Св. Отецъ». Лишение же христианского погребения по Своду имеет место только в одном случае, именно применяется к самоубийцам (ст. 378 изд. 1842 г.).

Что касается сферы применения церковных наказаний, то ст. 76 выставляет такой принцип: церковные наказания определяются за некоторые в законах означенные преступления». Следовательно случаи применения этих

наказаний должны быть поименованы в законе. Свод и делает подобную попытку. Но церковные наказания назначаются Сводом в значительно меньшем объеме, чем это делает Уложение о наказаниях 1845 г. и действующее. Свод законов уголовных назначает церковное наказание за легкомысленное богохульство (ст. 198 изд. 1842 г.), неосторожное убийство (ст. 367), кровосмешение в боковых линиях и свойстве (ст. 780) и клятвопреступление (ст. 871). Монастырского же заключения оно не назначает совсем.

В Своде законов уголовных изд. 1832 г. в одном случае назначалось публичное покаяние, именно при умышленном богохульстве совместно с каторжными работами (ст. 182 изд. 1832 г.), но в издании Свода законов 1842 г. о публичном покаянии уже не упоминается (см. ст. 195 изд. 1842 г.). Вот и все немногое, что мы находим по вопросу о церковной дисциплине в Своде законов уголовных.

Переходим к обозрению отдельных преступлений и наказаний за них, с какими мы встречаемся в памятниках русского права XVIII и начала XIX в. по Свод законов уголовных включительно.

2. Обзор отдельных преступлений против веры и нравственности в русском праве XVIII и XIX веков по Уложению о наказаниях включительно.

Так как из двух, изучаемых нами, категорий – преступлений против веры и преступлений против нравственности – вторая очень мало, почти совсем не носить на себе религиозного характера, то на ней мы остановим меньшее внимание, а больше уделим его группе первой категории, с которой и начнем.

1. Преступления против веры и церкви.

Из этого рода преступных деяний мы встречаем в Петровском и после-Петровском праве следующие виды: А) богохульство; Б) церковный мятеж; В) совращение и вероотступничество; Г) раскол и ересь; Д) уклонение от исполнения постановлений церкви; К) волшебство и суеверия; Ж) святотатство; З) разрытие могил и И) лжеприсягу.

А. Богохульство.

Богохульство в XVIII в. судилось на основании частью Соборного Уложения, частью – военных законов Петра – «Воинского Устава»¹⁰⁴⁶ и «Морского Устава»¹⁰⁴⁷. Петровское законодательство вносит в состав этого преступления несколько новых черт. Но прежде чем перейти к анализу особенностей, вносимых этими уставами, укажем примеры применения статьи Уложения о богохульстве. Самый крупный факт преступления этого рода, относящийся к началу XVIII в., – это иконоборный поступок циркульника Ёомы. Ёома Иванов Тверитинов приходился двоюродным братом известному Дмитрию Тверитинову. Ёома проявил большое упорство в отстаивании своих заблуждений и при этом выказал большой фанатизм. Посланный в Августе 1714 г. в Чудов монастырь, он здесь, находясь в Благовещенской церкви у службы 5 октября, улучил удобную минуту по окончании службы, вынул косарь, взятый им тихонько из кельи, и ударил им по резному на серебре образу Святителя Алексия, стоявшему перед правым клиросом, за железную решеткою, и перерубил икону пополам.

В тот же день Өома был подвергнут допросу в Духовном приказе и оставлен здесь в оковах за крепким караулом до решения его дела. Приговор, решивший его судьбу, был сказан Петром В. 29 ноября того же 1714 г.: Өому было велено сжечь. Приговор этот был исполнен в тот же день на Красной площади¹⁰⁴⁸. Перед смертью Өомке была сказана вина его в следующих словах: «Вор, и богохульник, и церковный мятежник, раскольщик Өомка цируликъ! Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя, и Белые Росии Самодержец, указал тебе сказать: В прошлом 713 году по розыскному раскольному делу приведен ты вор был в Преображенский Приказ, а по распросным твоим воровским речам в Преображенском Приказе возлагал хулу на Святые Иконы и на мощи святых Угодников Божиих, что святым иконам кланяться не надлежит, и мощи святых угодников Божиих ни во что вменял, и причастие святое хулил, и называл Тело Христово простым хлебом и кровь Христову вином простым !.. И того же прошедшего году был ты, вор Өомка, прислан с Москвы из Преображенского Приказу к розыску в Санкт-Питербурх. И в Санкт-Питербурхе перед Правительствующим Сенатом ты, вор, злым своим коварным вымыслом Соборной и Апостольской церкви во всем принес покорение, и предания Апостольская и святых отец заповедем явился воровским своим умыслом, будто, послушник, и Тело и Кровь Господа Нашего Иисуса Христа ставил за самую истину и ни в чем Святой Церкви противности чинить не хотел. А что в Преображенском Приказе на святые иконы и святых угодников Божиих поносил хулу, и тело и кровь Христову ставил ни во что, и Соборной и Апостольской церкви был во всем противник, и то все будто бы ты вор говорил в безпамятстве и убоясь розыску. И по его Великого Государя указу, милосердую о твоём воровском заблуждении и видя твоё повиновение и соборной Церкви покорность, прислан ты для исправления православные христианския веры к Москве, к преосвященному Стефану, митрополиту Резанскому и Муромскому. И по той присылке сидел ты вор на Москве за караулом в Чудове монастыре. И, будучи в том монастыре под началом, ты – вор и еретик и богоотступник, злым своим

умыслом изрубил святой образ Алексея Митрополита косаремъ. А в ро(с)просе и с 3-х пыток ты, вор, говорил: образ чудотворца Алексея митрополита рубил собою для того, что святых икон и животворящего креста Господня и мощей угодников Божиих не почитаешь и не поклоняешься, и предания святых отец нивчтоже вменяешь, и восточной нашей соборной и апостольской церкви явился противник, враг и богоотступник. А по его Великого Государя указу, и по Уложению и по грацким законам таких воров и еретиков, и раскольщиков, и церковных мятежников и единомышленников их велено казнить смертью без всякого милосердия и пощады. И Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белые России Самодержец, указал тебя вора, и богохульника, и церковного мятежника, и раскольщика, *Өомкv* за твои вышепомянутые воровства и богохульства, и за противность святой апостольской церкви, казнить тебя, вора, смертью, зжечь в срубе»¹⁰⁴⁹. После прочтения этой «вины» *Өома* Иванов был сожжен.

Другой случай сожжения за богохульство рассказывает Берхгольц в своем дневнике под 2 октября 1722 г. Он передает, что в Петербурге, года за четыре перед сим, «сожгли заживо одного человека, который во время богослужения вышиб у Епископа из рук образ какого-то святого и сказал, что по совести убежден, что почитание икон есть идолопоклонство, которое не следует терпеть». За это его приговорили к сожжению. Казнь была произведена таким образомъ. Осужденного «поставили на костеръ, сложенный из разных горючих веществ, и железными цепями привязали к устроенному на нем столбу, с поперечной на правой стороне плавкой, к которой прикрепили толстой железной проволокой и потом плотно намоленным холстом руку вместе с палкой, служившей орудием преступления. Сперва зажгли одну эту правую руку и дали ей одной гореть до тех пор, пока огонь не стал захватывать далее, и князь-кесарь вместе с прочими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказали поджечь костер. При таком страшном мучении преступник не испустил ни одного крика и оставался с совершенно спокойным лицом, хотя рука его горела одна минут

семь или восемь, пока наконец не зажгли всего возвышения. Он неустрашимо смотрел все это время на пылавшую свою руку и только тогда отвернулся в другую сторону, когда дым уже очень стал есть ему глаза и у него начали гореть волосы»¹⁰⁵⁰.

Нельзя упускать из вида того, что судимым за раскол иногда, особенно в начале XVIII столетия, приговор вершился на основании 1 ст. 1 гл. Уложения о богохульстве. Так, напр., было с Василием Левиным, казненным 26 июля 1722 г.¹⁰⁵¹ Несколько позднее, в 1725 г., было учинено наказание астраханским раскольникам, проявившим упорство в содержании раскола. Один из подсудимых, Денис Лукиянов, во время пыток умер. Его тело было по 1 ст. 1 гл. Уложения сожжено. А другой раскольник, Матеей Николаев, за его великий церковный раскол сожжен живым¹⁰⁵².

Военное законодательство Петра изменило наказание за богохульство и некоторые особенности внесло также в самый состав этого преступления. О богохульстве трактует и Воинский Артикул и Морской Устав. Статьи того и другого имеют незначительные редакционные особенности, и при том не в определении состава преступления, а в наказании. В Воинском Артикуле богохулению посвящены 3–8 ст. 1 гл. Им в Морском Уставе соответствуют 4-й книги 1-й главы 2–7 статьи. Из них 3–4 статья Артикула (2–3 М. У.) говорят об умышленном богохульстве; ст. 6 Арт. (5 М. У.) – о неумышленном; ст. 5 Арт. (4 М.У.) карает недонесение богохульства. А ст. 7–8 Арт. (6–8 М. У.) о квалифицированном виде богохульства: об употреблении имени Божия в божбе, клятве и лжи. В этом порядке и станем их анализировать.

1 .

Богохульство в собственном смысле.

Приведем касающиеся этого преступления статьи Воинского Артикула.

«Кто Имени Божию хуление приносит и оное презирает и службу Божию поносит и ругается Слову Божию и Святым Таинствам, а весьма в том он обличен будетъ; хотя сие в пьянстве или в трезвом уме учинится: тогда ему язык

раскаленным железом прожжен и потом отсечена глава да будетъ» (ст. 3 Арт.; 2 ст. М. У.).

«Кто Пресвятую Матерь Божию Деву Марию и Святых¹⁰⁵³ ругательными словами поносит, оный имеет по состоянию его особы и хуления, телесным наказанием отсечения сустава¹⁰⁵⁴ наказан, или живота лишен быть (ст. 4 Арт ; 3 М. У.). И если слова одного ругателя никакого богохуления в себе не содержат, и токмо из легкомыслия произошли, а учинится то единожды и дважды, тогда имеет преступник 14 дней в железа заключен быть и жалование его на месяц в гошпиталь вычтено, или гонянием шпиц рутен наказан, а в третье аркубузирован (расстрелянъ) быть» (Арт. бет.).

Морской устав, оставляя расстреляние за произнесение легкомысленных богохульных слов, учиненное в третий раз, изменяет несколько наказание за два первых раза, а именно: «а учинится то: единожды: тогда имеет преступитель, ежели офицер, вычетом жалования по важности преступления наказан быть, а рядовой кошками жестоко бит быть; а ежели повторит, то наказание умножено быть имеет и к тому публично церковное покаяние принести долженъ» (ст. 5).

Если мы эти три статьи будем сравнивать с единственной 1 ст. 1 гл. Соборного Уложения, то сразу же увидим между ними значительную разницу, как в перечислении предметов религиозного почитания, ругательные слова по отношению к которым будут составлять богохульство, так и в разграничении умышленного или легкомысленного богохульства в Уставах, о чем нет никакого упоминания в Уложении, и, наконец, в самых наказаниях. Таким образом, разницу можно найти и по отношению к субъекту и по отношению к объекту богохульства и в самом деянии, его внутренней и внешней стороне, и, наконец, в наказании.

О субъектах в Уставе выражено: «кто»...; тогда как в Уложении: «Будет кто иноверцы какия ни буди веры, или и русский человекъ». Повидимому, первая редакция шире второй, но на самом деле уже, поскольку уставами имеются в виду только военные. Но так как на Руси внимание практиков-юристов сосредоточивалось главным образом на деянии, то

подобное ограничение смысла 3–4 ст. Арт. не могло иметь места, тем более, что Воинскому Уставу сам Петр Великий, как известно, придавал в некоторых его частях значение общее – государственное, а не только ведомственное военное. В проекте 1754–1706 г. сохранена редакция Уложения (гл. 16 ст. 1), а в проекте 1813 г. – более общая, Уставов (§ 112).

Воинский устав упоминает следующие *предметы* христианского поклонения и почитания, непочтительный отзыв о которых или отношение к которым рассматривалось, как богохульство: имя Божие, Слово Божие и св. Таинства, Божия Матерь и святые. Морской Устав к богохульству относит еще и порицание «преданий и уставов Каеолической церкви». Но ни в том, ни в другом нет упоминания о Честном Кресте, о чем говорится в Уложении.

Воинский Устав различает богохульство двух видов – умышленное и совершенное по легкомыслию. В судебной практике к неумышленным были относимы также случаи богохульства, совершенные в безчувственно-пьяном виде (вопреки прямому смыслу 3 ст. Арт.), в состоянии безпамятства или умопомешательства¹⁰⁵⁵.

Все выражения Уставов, которые говорят о богохульстве, указывают только на одну словесную его форму. Преступное деяние богохульства состоит, таким образом, в произнесении ругательных и поносительных слов по адресу предметов религиозного почитания и поклонения. Но по отношению к конкретным предметам христианско-православного культа, напр. Святым Таинствам, ругательство может быть и действием. Практике сыского приказа такие дела не безызвестны¹⁰⁵⁶. Проекты, как 1764 г. (гл. 16, ст. 1), так и 1813 г. (§ 112), кроме словесной формы богохульства, указывают еще письменную. При богохульстве, совершаемом по легкомыслию, ругательных выражений может и не быть. Достаточно, если они будут, как выражается один из проектов (1754 г. 16 гл. 3 ст.), только «неприличны».

За богохульство наказание изменяется по различию его объектов и по различию внутренней, субъективной стороны преступления.

Самая высшая степень наказания положена за сознательное хуление имени Божия, порицание службы Божией и поношение слова Божия и Св. Таинств, а именно – прожжение языка раскаленным железом и затем смерть чрез отсечение головы. Первая половина наказания заимствована из

голландского военного артикула и французских ордонансов, а вторая из Швеции, где именно практиковалась смерть мечем за богохульство¹⁰⁵⁷.

За поношение Божией Матери и Святых, а равно за похуление преданий и уставов Каеолической веры, наказание альтернативное: 1) или – телесные наказания вообще, следуя Морскому Уставу, или только в форме отсечения сустава пальца согласно с Артикулом, или же – 2) лишение пожитков, т. е.

конфискация.

За легкомысленное произношение слов, имеющих вид богохуления, наказание изменяется, смотря по тому, в который раз имело место это преступление: если в первый раз то – по Артикулу – 14-дневное заключение в железа и штраф в размере месячного жалования, или шпицрутены: а по Морскому Уставу – штраф для офицеров и кошки для рядовых.

За вторичное произношение легкомысленных слов и отзывов о религиозных, идеальных и конкретных, предметах наказание усиливается; а за тоже деяние, учиненное в третий раз, назначается расстреляние.

Таковы наказания в законе. На практике, поскольку можно судить, напр., из дел Московского сыскаго приказа¹⁰⁵⁸, они применялись не так строго. Виновный в богохульстве, учиненном в пьяном состоянии, был наказан плетью нещадно (№ 30.91), а виновный в том же преступлении, но учинивший его по умопомешательству и безпамятству, был заключен в монастырь (№ 4979), согласно указу 12 мая 1725 года¹⁰⁵⁹ о рассылке беснующихся по монастырям. Один был приговорен к наказанию кнутом и к вечной ссылке в Оренбург (№ 4031). В этом последнем деле подсудимый на следствии в Сысканом Приказе показывал, что богохульство им было учинено по безпамятству. Духовное начальство, не доверяя этому дополнительному показанию, какого подсудимый не давал на

духовном суде, настаивало на более строгом наказании, чем простое монастырское заключение. Сыскной приказ уступил, но в приговоре сделал оговорку, что такое наказание определено за подозрительство подсудимого, в силу того, что он и до этого времени три раза был приводим в суд по разным преступлениям и наказываем за них¹⁰⁶⁰. В начале XIX столетия казенный крестьянин М-в за произнесение богохульных слов по буйству, пьянству и невежеству был наказан плетью, 40 ударами, и сослан в Сибирь на поселение¹⁰⁶¹. В 1819 г. экономический крестьянин Тетюшского уезда, Казанской губернии Михайло Митрофанов за расколотив им в пьяном виде образа Владимирской Божией Матери был приговорен Казанским Совестным судом к церковному покаянию. Казанская Духовная Консистория, 19 октября 1827 года, постановила отдать его для очищения совести, под смотрение и увещание приходского священника¹⁰⁶².

Указанная законами мера наказания за богохульство отчасти нашла себе место и в проэктах. По проэку 1754 года за хулу на Бога, в Троице славимого, и ругательство св. Писанию и св. таинствам назначается сожжение (гл. 10, ст. 1), а за поношение Божией Матери или Честного Креста, или святых угодников Божиих, а равно похуление преданий и уставов православной греко-восточного исиоведания церкви – отсечение головы (16 гл. ст. 2). Но в том и другом случае наказанию предшествует увещание виновного, будет ли он православный или иноверец, у духовного начальства. И если первый приносил покаяние, а второй принимал православие, то с ними велено поступать Духовному Правительству по правилам Св. Апостол и Св. Отец. И только в противном случае наказывать богохульников смертью. За богохульство по легкомыслию проэкт 1754 года назначает монастырское заключение, за первый раз – на один месяц, во второй раз на два или на три месяца, в третий раз на год, и в случае учинения этого преступления в четвертый раз – смерть мечем (16 гл. 3 ст.).

Проэкт 1813 г. за умышленное богохульство полагает высшее наказание – смертную казнь 1 степени, т. е. повешение (§ 112), а «кто станет говорить, или писать противу Бога и Греко-

Российской православной веры по одному заблуждению ума и легкомыслию, не имея намерения поколебать христианского закона, того наказывать лишением свободы по § 59, 60 и 65-му, а потом отсылать к церковному покаянию» (§ 113). За рецидив наказание это увеличивается (§ 114).

В Своде законов уголовных за умышленное похуление Господа нашего Иисуса Христа. Богородицы Марии, Честного Креста, или святых угодников виновные подвергаются лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (182 ст. изд. 1832 г.; 195 ст. изд. 1842 г.). При этом в издании Свода 1832 г. прибавлялось, что виновный сверх того приговаривается к публичному церковному покаянию. В издании Свода 1842 года это опущено. За похуление имени Божия, поношение службы Божией и церкви православной и ругательство Св. Писанию и св. таинствам виновные подлежали тому же наказанию (183 ст. изд. 1832; 196 ст. изд. 1842 г.). За богохульство по легкомыслию виновный в первый раз подвергается вычету из жалования на месяц, тюремному заключению на 14 дней, или телесному наказанию; во второй раз к этому наказанию присоединяется еще публичное покаяние. А в третий раз преступление легкомысленного богохульства наказывается, как умышленное (185 ст. изд. 1832 г.; 198 ст. изд. 1842 г.).

Уложение о наказаниях¹⁰⁶³ различает несколько видов богохульства, причем к одной группе с богохулением относит порицание веры и кощунство.

Богохуление, по Улож. о наказ., состоит в возложении хулы или 1) на Бога, или 2) на Божию Матерь, или 3) на Честный Крест, или 4) на безплотные Силы Небесные, или 5) на св. угодников Божиих. По степени тяжести наказания оно различается, как умышленное и неумышленное. Затем влияет на размер наказания обстановка богохуления, т. е. было ли оно совершено а) в церкви, б) в публичном месте или при собрании более или менее многолюдном, или же в) при немногих свидетелях. Так-же уступается наказание и за порицание веры или ругательство над Св. Писанием и св. Тайнами (ст. 178). Высшим видом богохуления является умышленное

богохуление, учиненное в церкви. За него назначается каторга от 12 до 15 лет (ст. 176, ч. 1). За умышленное богохуление в публичном месте или при многолюдном собрании – каторга от 6 до 8 лет (ст. 176, ч. 2). Такое же наказание положено и за умышленное порицание веры при таких же условиях (ст. 178, ч. 1). За богохуление или порицание веры, учиненные умышленно при немногих свидетелях с целью поколебать их веру или произвести соблазн, виновные подлежат ссылке в отдаленнейшие места Сибири (ст. 177, 178, ч. 2). Последнему наказанию подлежат и те, кто дозволит себе в печатных и каким-либо образом распространяемых сочинениях богохуление, порицание веры или ругательство над Св. Писанием и Св. Тайнами (ст. 181). Выделка и продажа соблазнительного вида икон, если она имеет целью поколебать уважение к святыне, приравнивается к умышленному богохулению (ст. 183, ч. 1), а если это деяние учинено по неразумению и невежеству, то виновный наказывается тюрьмой от 2 до 4 мес. или арестом от 3 дней до 3 недель (ст. 183, ч. 2). За неумышленное богохуление Улож. Наказ. назначает тюрьму от 8 м. до 1 г. и 4 мес. (ст. 180), причем к неумышленному богохулению относятся только те случаи, когда деяние совершено «единственно по неразумию, невежеству или пьянству». В Проекте Улож. Наказ. указывалось только легкомыслие, как и в Своде законов уголовных. Но окончательная редакция этой статье дана та, какая указана. Мотивы этой перемены высказаны самими составителями проекта 1344 г. «По замечанию Св. Синода, говорят они в объяснении к 186 ст., – богохуление есть преступление столь важное, что оно не может быть совершено по легкомыслию, а единственно – или по умыслу, или по неразумию, невежеству и пьянству. Вследствие сего замечания, мы в Проекте заменили слово «легкомыслие» словами – «неразумие, невежество и пьянство».

К одному разряду с богохулением и порицанием веры Улож. Наказ. относит кощунство, т. е. «язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам или обрядам

церкви православной или вообще христианства». За умышленное кощунство Улож. Нак. угрожает тюрьмою от

4 до 8 мес., а за неумышленное – арестом от 3 недель до 3 месяцев (ст. 182). В первых изданиях Улож. Наказ. 1345 г. и 1857 г. умышленное кощунство наказывалось несколько строже, именно тюрьмою от 6 м. до 1 года (ст. 188 изд. 1845 г.; ст. 198 изд. 1857 г.).

2.

Недонесение богохульства.

Раз богохульство было совершено, то всякий, слышавший его, был обязан о нем донести. Петр Великий особой статьей предусмотрел этот случай. «Ежели кто слышит таковое хуление и в надлежащем месте благовременно извету не подаст, оный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления, живота или своих пожитков лишен быть» (Артпкул, ст. 5; М. У. ст. 4).

В Проекте 1754 года наказание смягчено. Оно ограничивалось только приисесением публичного покаяния (Гл. 16, ст. 4).

Благодаря этому строгому узаконению, богохульство не могло оставаться долго скрытым, но с другой стороны в тех случаях, когда факт преступления не был на духовном суде достаточно твердо установлен, то для вчинившего иск могла начаться длинная судебная волокита, пример чего мы видим на пономаре Алексинского уезда, села Русанова, Иване Архипове.

Интересную историю его волокиты рассказал И. Северный в своем небольшом очерке: «Преступления против веры и церкви на суде Московского Сыскного Приказа»¹⁰⁶⁴. Считаем небезынтересным повторить этот рассказ. Архипов выступил сначала в качестве обвинителя священника своего села Гавриила Петрова и двух его братьев. Обвинил он этих лиц в том, что они были причиною вторжения в церковь собаки, которая произвела оскорбительные для святости храма беспорядки. На суде в Московской Духовной Консистории не было установлено, каким образом опое дело учинилось, и сам Архипов, по причине крайняя и многая своего разноречия, остался крайне сумнителен. Отпустить его в силу этого Консистория не могла, и потому, приняв во внимание, что

вышеобъявленный означенного церковника Ив. Архипова донос состоит в великоважном духовном деле, касающемся до богохуления, постановила ко изысканию самой сущей истины отослать его в Сыскной Приказ. 21 марта 1754 г. Архипов поступил в Сыскной Приказ. Здесь производство тянулось до 24 января 1755 года, отчасти в силу тех процессуальных, затруднений, которые представлялись Сыскному Приказу при производстве и окончательном решении этого дела и по поводу которых Сыскной Приказ неоднократно должен был списываться с консисторией. На пытке в Сыском приказе Архипов показывал то же, что он показывал и в консистории. Уведомленная об этом, консистория дала ответ, «чтоб Сыскной Приказ, не учинивший еще решения по этому делу, поступил с ним, Архиповым, по указамъ». Но Приказ решил вовсе отказаться от дальнейшего производства, сославшись на то, что по указу 1730 г. 22 июля велено: «в Сыском Приказе ведать татинныя, разбойные и убивственныя дела. А за *такия преступления, как Архипова, что чинить – Сыскной Приказ точных указов не имеет.* А принадлежит оное до Правительства Духовнаго. А по генеральному Регламенту 14 главы одному коллегію в дело другого вступаться не должно. Чего ради его, Архипова, Сыскной Приказ и препровождает в консисторию». Но секретарь Консистории вернул и Архипова и бумаги о нем назад в Приказ, объявив на словах посланному Сыского Приказа: «что означенного Архипова в ту Консисторию принять не подлежит и впредь принят не будет, для того, что по его показанию означенного села Русанова священники штрафованы и следовать в той Консистории более нечего; а с ним бы Архиповым Сыскной Приказ учинил, чему он достоинъ». Получив Архипова, Сыскной Приказ постановил на основании указа 182 года 25 октября еще пытать его два раза и жечь огнем. Обе пытки, из которых вторая была с огнем, дали теже результаты. Основываясь на указе 165 г., предписывавшем верить тем речам, что с трех пыток и огня учнут говорить, Сыскной Приказ в составленном новом по этому делу протоколе 1 декабря решил: «что в Сыском Приказе по этому делу следовать не о чемъ». Но недоумевая о том, какое решение об

Архипове будет со стороны духовного начальства, Сыскной Приказ отправил снова злополучного Архипова в консисторию. Но секретарь, как и прежде, принять его отказался. Тогда Сыскной Приказ пнашел выход из своего положения в том, что препроводил при указе Русановского пономаря в Московскую Губернскую канцелярию. Дальнейшая судьба Архипова неизвестна, имя его затерялось, и в 1760 г. Московская Духовная консистория, повидимому, тщетно спрашивала в Сыском Приказе, где оный пономарь ныне обретается.

Недонесение богохульства, как преступление, известно и проэку 1754 г., положившему за него публичное церковное покаяние (гл. 16, ст. 4), но не известно проэку 1813 г. В Своде Законов Уголовных (т. XV, ст. 184 изд. 1832 г.; ст. 197, изд. 1842 г.) оно нашло себе место, хотя здесь определенного наказания за него не положено: велено вообще виновных карать, «смотря по вине» их. Гораздо строже относится к этому преступлению Уложение о наказаниях. Оно за недонесение надлежащему начальству о богохулении или порицании христианского закона угрожает свидетелю такого преступления заключением в тюрьме от 4 до 8 мес., или арестом от 3 недель до 3 мес. (ст. 179).

3 .

Божба и клятва.

Упоминание имени Божия в божбе и клятве Воинский Устав выделяет в особый вид богохульства и посвящает ему две статьи. «Пресвятое и достохвальное Имя Божие да не восприимлется всуе: в клятве, божбе и лже. И ежели кто найдется, который сие в сердце и с должной ревностью чина своего учинит, оный имеет по состоянию своего чина некоторое число денег в шпиталь дать, или в присутствии регимента мушкеты, пики или карабины¹⁰⁶⁵ носить» (Арт. 7, М. У. ст. 6). «Ежели сие нарочно, или из злости, или в пьянстве учинится, тогда имеет нарушитель Господу Богу явное покаяние при собрании людей принести и притом половину своего месячного жалования в шпиталь вместо наказания дать, или два дни, а на каждый день по одному часу, ружье носить» (Арт. 8). В Морском Уставе денежный штрафъ— для офицеров и унтер-офицеров, а «рядовые наказаны будут кошками у машты» (ст. 7).

Произнесете имени Божия всуе, как видим из приведенных статей, может быть или а) ненамеренное, аффективное, или б) намеренное, злостное.

а) Артикул 7 указывает два случая аффективности, которые, впрочем, понятнее в немецком оригинале, чем в русском тексте: когда божба происходит или «aus übereilender Gemüths-Bewegung», или «aus billigen Amtseifer». Первое выражает собою простой аффект, взрыв неудержного чувства, всего чаще – гнева, второе – плод должностного усердия лиц, который без крепкого словца не могут сделать ни одного приказа, сказать ни одного слова. Оба эти случая, в которых нет умысла, а есть только или внезапный порыв чувства, или бессознательно усвоенная привычка, караются слабо.

б) Более строгое наказание положено за божбу в тех случаях, когда она произносится из злости или в пьяном виде. Злость не есть аффект. Она – состояние длящееся и потому дающее возможность рассудочного контроля. Божба из злости теряет характер поступка неумышленного, а наличность какой-нибудь задней мысли, умысел при божбе и делает наказание более строгим. Наказание – кошки и батоги. В после-петровском праве о божбе и клятве особых постановлений не было.

Б. Церковный мятеж.

В Петровском законодательстве под церковным мятежем понимается произведение беспорядка во время богослужения. Оно имеет различные формы – 1) в зависимости от места совершения и 2) по различию объекта преступления, и может быть разграничено на три вида: 1) безчинное стояние в храме, 2) произведение беспорядка вне церкви при совершении крестных ходов и 3) оскорбление священнослужителя. К ним проэты 1751 и 1813 г. г. присоединяют еще 4) оскорбление частных лиц в храме во время богослужения. В Уложении о наказаниях выражение: «церковный мятеж» не употребляется, хотя постановления о нарушении церковного благочиния и имеются, именно в III гл. II раздела.

1 .

Безчинное стояние в храме.

О благопристойном поведении во время богослужения еще при Петре I было издано несколько указов помимо тех постановлений, какие имеются в Воинском Артикуле и Морском Уставе относительно стояния на молитве. Оба устава запрещают присутствовать на молитве в пьяном виде (Арт. 12–13; М. У. ст. 10, гл. I, кн. 4, ч. I) под угрозой: для офицеров – ареста у профоса в первых двух случаях и разжалования в солдаты в третий раз, а для рядовых – телесного наказания кошками, по Морскому уставу, и закования в железо, по Воинскому Артикулу. В указах вообще запрещалось производить в храмах какой-нибудь шум или беспорядок. Так, в 1718 году было указано штрафовать всех, кто станет разговаривать в церкви¹⁰⁶⁶. В 1723 году было вновь указано не разговаривать во время богослужения ни в церквях, ни в монастырях, а равно, чтобы не производить беспорядка, «устного лобзания (иконъ) не употреблять», а делать это по окончании службы. В противном случае велено было штрафовать¹⁰⁶⁷. Оба эти указа были подтверждены в 1742 году¹⁰⁶⁸.

В Уставе благочиния этому преступлению посвящена 239 статья. «Буде кто пришед в церковь Божию во время службы Божией учинит разговор о светских или иных делах, или ходить будет взад и вперед по церкви, или говорить громко, или иной учинит шум, или от службы Божией отвратит внимание православных – словом, деянием или движением: того выслать из церкви и за то взыскать с него пеню, дневное пропитание нищего, да сажать под стражу, дондеже заплатит»¹⁰⁶⁹. В 1816 г. было Высочайше указано, «дабы повсеместно сделано было подтверждение о соблюдении в церквях должного порядка и тишины и чтобы строжайше взыскиваемо было за всякий противный тому шаг, ибо Государь Император считает одним из важнейших преступлений нарушение обязанностей Богопочитания и вероисповедания, для чего иметь строгий надзор чрез полицию, и при малейшем отступлении от правил, которые наблюдаемы быть должны в церквях, отсылать виновных, не взирая ни на какое лицо, к суду»¹⁰⁷⁰. Штрафы за неблагочинное стояние в церкви первоначально шли на нужды и устройство самой церкви, и только значительно позже, именно в

минувшем XIX столетии, в 1817 году, их было велено обратить в пользу Приказов Общественного Призрения¹⁰⁷¹.

С этой системой денежного штрафа за церковный мятеж, заменяемого при смягчающих обстоятельствах монастырским заключением¹⁰⁷², стоит в противоречии проэкт 1754. «Буде какой безчинник, – читаем мы в гл. 17 ст. 1, – пришед в церковь Божию каким-нибудь образом божественные литургии совершить не дает и в том доказан будет подлинно, и такого мятежника казнить смертию – отсечь голову без всякия пощады». «А кто – говорить ст. 2 – во время святыя литургии пьянством своим учинит соблазн, и такого по важности вины и учиненного соблазна штрафовать тюремным заключением или другим телесным наказанием, смотря по состоянию того, от коего оно произойдет». Впрочем, в другом месте (ст. 10, гл. 15) за разговоры в храме положен штраф в размере одного рубля с человека. В проэкте 1813 года наказание смертию заменено лишением свободы: «кто в Православной Греко-Российской Церкви произведет с умыслом мятеж, или иным насильственным и буйным образом остановит отправление службы Божией, или кто при крестных ходах произведет наглое помешательство и учинит тем смятение в народе: такового наказывать лишением свободы и чести по мере вины, по §§ 38–40»¹⁰⁷³.

Таким образом, проэкт 1813 года требует 1) умысла, 2) прерыва богослужения для наличности церковного мятежа; но этого мало. Его особенность еще в том, что особой статьей, именно § 117, он подвергает тем же самым наказаниям всех, кто такие преступления учинит в церквях других христианских исповеданий.

Обратимся к Своду Законовъ Уголовных. Здесь нарушению мирянами благочиния в церкви посвящена 204 ст. (по изд. 1832 г., 222 по изд. 1842 г.): «Кто нарушит благоговение при отправлении службы Божией, или к соблазну других придет в церковь пьяный, или пришед в церковь, учинит во время службы Божией суетный разговор о светских или иных делах, или будет ходить взад и вперед по Церкви, или говорить громко, или кричать, или хохотать начнет, или иной учинит шум, или от

службы Божией отвратить внимание православных словом, делом или движением: того подвергать взысканию штрафа в пользу Приказа Общественного Призрения, или временному аресту, тюремному заключению, или телесному наказанию» (204 ст.; 222 ст.). Недопущение совершить литургию подвергало виновного лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (206 ст. изд. 1832 г.; 224 ст. изд. 1842 г.). Духовные особы в этих случаях подлежали духовному суду (ст. 207 изд. 1832 г.; ст. 225 изд. 1842 г.).

Что касается Уложения о наказаниях, то в первых изданиях его особыми статьями запрещалось нарушать в церкви должное благоговение и неприлично-громким криком, хохотом или иным шумом производить соблазн (ст. 231 изд. 1845 г.; ст. 243 изд. 1857 г.), – занимать места, предназначенные для священнослужения (ст. 233 изд. 1845 г.; ст. 245 изд. 1857 г.), или места, где стоят особы Императорской Фамилии (ст. 234 изд. 1845 г., ст. 246 изд. 1857 г.), подавать в церкви просьбы кому бы то ни было (ст. 235 изд. 1845 г.; ст. 247 изд. 1857 г.) и наконец – силою врываться в церковь (ст. 236 изд. 1845 г.; ст. 248 изд. 1857 г.). Наказанием за эти проступки служат или денежная пеня от 50 коп. до 1 рубля или арест от 3 до 7 дней. Только остановка богослужения, вызванная в первом случае, усиливает наказание арестом до 3 месяцев максимум. После издания Устава о наказаниях все эти статьи заменены одной 35 ст. Устава, по которой за нарушение благоговения в церкви, часовне или ином молитвенном доме непристойным криком и шумом или неблагоприятными поступками виновные наказываются или арестом не свыше 1 месяца или денежной пеней не свыше 100 рублей. Священнослужители же и церковнопричетники как белого, так и черного духовенства за нарушение благочиния в церквях наказываются по определению своего духовного начальства (ст. 218).

2.

Несоблюдение тишины во время богослужения вне храма.

Соблюдение тишины во время крестных ходов составляло заботу и до-Петровского времени, а также соблюдение тишины

на улице во время совершения в храмах литургии. В этих видах в XVIII веке, в эпоху Петровскую, был издан указ о том, чтобы во время крестных ходов не открывать кабака, «такожеб кулачных боев, скачек и плясок и конского ристания и других безчиний чинено не было»¹⁰⁷⁴. За ослушание этого указа было велено штрафовать¹⁰⁷⁵. В 1722 году было запрещено вовремя богослужения продавать рядом с церковью в шинках разные пития, равно и во время крестных ходов производить драку или шум¹⁰⁷⁶. В Уставе благочиния сказано, что, если кто в воскресный или табельный праздник до окончания обедни откроет трактир, или кабак, или погреб, где продают питии, то с него взыскать пеню, дневное пропитание нищего, и сажать под стражу, дондеже заплатит¹⁰⁷⁷. Проект 1751 года не упоминает об этом виде преступления. Проект 1813 года постановил карать лишением свободы и чести того, «кто при крестных ходах произведет наглое помешательство и учинит тем смятение в народе» (§ 115). При издании Свода Законов постановления о соблюдении тишины вне храма во время богослужения вошли в Устав предупреждения и пресечения преступлений¹⁰⁷⁸. При этом определенного наказания не было положено; оно предоставлено усмотрению суда гражданского или церковного (ст. 22 и 14).

Уложение о наказаниях нашло необходимым нарушение благочиния во время богослужения вне храма обложить наказанием. В первых изданиях его этому виду посягательства, было посвящено 4 статьи (237–240 ст. изд. 1845 г.; 249–252 изд. 1857 г.). Все они с изданием Устава о наказаниях объединены в одной 36 ст. этого устава, но которой за нарушение вне молитвенных зданий благочиния во время священнослужения общенародными забавами и увеселениями или какими-либо безчинствами, препятствующими общественной службе, назначается арест не свыше 15 дней или пеня не свыше 50 рублей. Но если при этом было допущено оскорбление святыни, то виновный наказывается по соответствующим статьям Уложения о наказаниях.

3 .

Оскорбление священнослужителя.

Оскорбление священнослужителя в храме во время богослужения является одним из видов церковного мятежа. Но это же оскорбление выделяется и в более общую форму, не квалифицируемую ни местом, ни временем, – форму оскорбления священнослужителя вообще. О ней говорят уставы – Воинский Артикул (ст. 15) и Морской Устав (ст. XI , гл. 1, кн. 4, ч. I): «Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать, и никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться. А кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления вдвое так, как бы то над простолудином¹⁰⁷⁹ учинил, наказан быть». Если всякое непочтительное отношение к священникам каралось, то оскорбление их во время совершения богослужения тем более. Так, в начале XVIII столетия посадский человек г. Курска Бесходарный за то, что во время совершения брака тащил из церкви неведомо куда харьковского протопопа Иакова, был за такой церковный мятеж наказан плетью¹⁰⁸⁰.

Известен случай оскорбления священнослужителя в то время, когда он нес св. Дары для причащения больного. По Синодальному постановлению было велепо виновных или разослать на 10 лет в отдаленные монастыри Рязанской епархии, или, учинив телесное наказание, послать в Оренбург. Военная Коллегия определила, помимо церковной эпитимии, наказать виновных шпицрутенами и послать в казенную работу на 10 лет¹⁰⁸¹.

В проекте 1813 года оскорбление священнослужителей или священнослужения карается, как и перерыв богослужения и помешательство при крестных ходах, – т. е. лишением свободы и чести. Самый состав преступления очерчен с большой рельефностью: «Кто во время отправления в церкви службы Божией, или при крестных ходах на Духовных Особ явно и умышленно посягнет, или ругательными и позорными словами оскорбит ихъ» (§ 116). Под такую же охрану уголовного закона этот проект ставит духовенство и других христианских исповеданий (§ 117).

Уложение о наказаниях довольно подробно останавливается на оскорблении священнослужителя при

отправлении им богослужения. Оно предусматривает 1) оскорбление священника дерзкими и грубыми словами (ст. 214), 2) нанесение ему побоев с прерывом богослужения (ст. 211), 3) нанесение увечий и ран, (ст. 212, ч. 2) и наконец – 4) убийство священника (ст. 212, ч. 1). При этом наказание видоизменяется в зависимости от того, было-ли преступление совершено умышленно, или же неумышленно, напр. в состоянии опьянения. По буквальному смыслу статей применение 211, 212 и 214 ст. имеет место лишь при таком оскорблении священника, когда этим прерывается богослужение, но Сенат в своей практике главным обстоятельством признал факт оскорбления, а прерыву богослужения придал значение факта, усиливающего наказуемость преступления (1869 г. по делу Сергеевой № 101). Самые наказания за эти преступления назначаются таким образом: за умышленное оскорбление словом – тюрьма от 2–8 мес. (ст. 214); за неумышленное – арест от 3 недель до 3 месяцев (ст. 215). За нанесение побоев или других насильственных действий, –если оно было умышленным, то назначается ссылка в отдаленнейшие места Сибири, а если оно было неумышленным, то ссылка в места не столь отдаленные. При этом виновный должен еще понести особое церковное наказание по распоряжению своего духовного начальства православного, если он православный, и неправославного, если он сам неправославный (ст. 211) . За нанесение священнослужителю увечий и ран, а также за убийство его назначается каторга, при чем срок ее изменяется сообразно тяжести преступления. За нанесение увечий и ран без предварительного обдуманного намерения она назначается от 4 до 6 лет; за то же деяние, совершенное намеренно, срок каторжной работы удлиняется до 8–10 лет. Когда же эти увечья и раны имели своим следствием смерть священнослужителя, то виновный наказывается 12–15 годами каторги. Предумышленное убийство священнослужителя наказывается бессрочной каторгой (ст. 212). Приведенные постановления Уложения об оскорблении священнослужителя дополняются еще одной статьей, предусматривающей оскорбление священнослужителя православной веры лицами иностранных

исповеданий, хотя и не во время богослужения, но с намерением оказать неуважение к церкви. Виновный в этом иноверец наказывается в первый раз тюрьмой от 8 до 16 мес. (ст. 216). Если же подобное оскорбление будет нанесено православному священнослужителю раскольником и притом из религиозного фанатизма, то виновный наказывается ссылкой в особо предназначенные места с лишением всех прав состояния (196 ст. ч. 2).

4.

Оскорбление частных лиц в храме.

Об этом преступлении, как одном из видов мятежа, главным образом говорит проэкт 1754 года. Из 7 ст. 17 главы: «о церковных мятежниках» – четыре статьи посвящены оскорблению в храме, наносимому кем-либо частным лицам. Оно различает 4 формы такого оскорбления: 1) нанесение смертельных увечий, 2) обнажение ружья, 3) удар рукою и 4) обида словом. Объединяющим моментом является во всех этих четырех формах совершение их в храме, т. е. место совершения преступления; о времени ничего не говорится, – оно, след., во внимание не принималось, было безразлично: до службы, во время службы и после нея было нанесено оскорбление. За смертельные увечья проэкт 1754 года положил колесование: «Если кто придет в Церковь Божию, учнет бити когонибудь и убьет его до смерти, онго казнить смертию – колесовать» (ст. 3). В наложении наказания за обнажение ружья обе редакции этого проэкта не сходятся между собою. По первой редакции: «А будет кто на кого в церкви ружье свое обнажит и хотя не ранит, но за такое в церкви Божией безчинство и дерзновение онго сечь кнутом и с вырезанием ноздрей послать на каторгу» (ст. 4). А по второй редакции за то же преступление в рангах состоящих людей, дворян и первой гильдии купцов¹⁰⁸² ссылатъ в Сибирские города на вечное житье и сверх того обиженному взыскать безчестье и увечье вдвое без суда, из чего взысканное за безчестье отдать в церковь, а за увечье – обиженному, и прочих всех сечь плетями и отсылать в казенную работу» (ст. 3. по 2 ред.).

За нанесение ударов рукой, а не ружьем, первая редакция полагает месячное тюремное наказание и после его окончания церковное покаяние, при чем кроме этого за безчестие взыскивался еще штраф, половина которого назначалась в пользу обиженного, а другая – в пользу церкви (ст. 5.). За безчестие словом по первой редакции наказание почти то же, что и за удар рукой, – месячное заключение в тюрьму и двойной денежный штраф (ст. 6.). Нет только церковного покаяния. Вторая редакция несколько видоизменяет это наказание. «Будеж кто в церкви кого непристойными и

бранными словами выбранит, и такого, за его в церкви Божией безчинство и дерзновение, в рангах состоящих дворян (и первой гильдии купцовъ) посадить под арест на 6 месяцев, и по прошествии оного учинить ему церковное покаяние, и сверх того править с него безчестье, как сей же части по 41 главе о безчестьях положено, а прочих всех сечь плетью» (ст. 4).

Проект 1813 года, не вдаваясь в такую подробность, сделал общее постановление: «Кто в церкви с умыслом словом или делом обидит другого, для такового увеличивать наказания, положенные за те же обиды, вне церкви учиненные, по рассмотрению Суда» (§ 118). Но если это не было умышленное оскорбление, если дело ограничивалось только «маловажными ссорами и шалостями, в церкви учиненными», то виновные наказывались не в уголовном, а в административном порядке, судились по полицейским законам (§ 119).

5.

Оскорбление святыни.

Об оскорблении святыни, как преступлении *sui generis*, говорит только Уложение о наказаниях, при чем помещает статьи, касающиеся его, в одну главу с нарушением церковного благочиния (3 глава II раздела). В первых изданиях Уложения (1845 и 1857 г.г.) эта глава делилась на три отделения, из коих первое озаглавливалось: «о оскорблении святыни и духовных лиц во время священнослужения». Две статьи этого отделения относятся к поруганию святыни в церкви, а одна – говорит о повреждении крестов и икон.

Поругание святыни в храме может выражаться или в ругательстве словом или действием над священными или освященными чрез употребление в богослужении предметами (ст. 210), – или же в выражении неуважения к святыне Господней (ст. 213). Что разуместь под священными и

освященными предметами это выясняется из сопоставления с 213 ст. 221 и 222 ст. и примечания к 230 ст. Уложения о наказаниях. Не ясно выражение: «Святыня Господня» (ст. 213). Но оно должно пониматься в соответствие с предметами священными, о чем говорится в 210 ст. Основанием такого понимания указанного термина служат слова составителей Проекта 1844 г. к ст. 225 (213 ст. Уложения): «В статье 222 (= 210 Уложения) определяется наказание за оскорбление священных предметов ругательством. Здесь полагаются наказания за такие с намерением слова или действия, которые хотя еще далеки от поругания святыни, но доказывают дерзкое неуважение к богослужению в церкви или ином публичном месте». За неуважение к святыне Господней, если оно было выражено без умысла оскорбить святыню, виновный наказывается арестом на время от 3 недель до 3 мес. (ст. 215). За такое же неуважение к святыне Господней, если оно учинено с намерением произвести соблазн, виновный наказывается тюрьмою от 1 г.

4 м. до 2 лет, или от 4 до 8 месяцев (ст. 213). За оскорбление святыни в храме словами Уложение назначает каторжные работы от 12 до 15 л. (ст. 210, ч. 1), а за поругание действием над Св. Таинствами или другими священными предметами – бессрочную каторгу (ст. 210, ч. 2).

Другим видом оскорбления святыни по Улож. о наказ. является повреждение выставленных на публичных местах крестов и икон (ст. 217). Если это деяние совершено с намерением оказать неуважение к вере христианской, то виновный подвергается заключению в тюрьме на время от

4 до 8 мес. и сверх того церковному покаянию (ст. 217, ч. 1). А если у виновного не было такого намерения, и он действовал лишь по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения, то

наказание понижается до ареста на время от 3 недель до 3 месяцев (ст. 217, ч. 2).

В. Совращение и вероотступничество.

О совращении в нехристианския или христианския, но не православныя, исповедания особых постановлений, полагают, их новые наказания, в эпоху Петровскую и после-Петровскую не было. Продолжали действовать узаконения Уложения, только иногда подтверждаемые новыми указами. Запрещение совращать кого-либо или из православного или нехристианских исповеданий в другия раздавалось въ течение всего XVIII века, как это уже нам известно. Как на особенность этого времени, нужно указать на то, что теперь правительство берет под свою охрану иноверцев, запрещая их совращать в какое либо христианское, но не православное исповедание, а равно и в магометанство. – Пропаганда и пославия¹⁰⁸³ между магометанами также была воспрещена, за исключением только прилегающего к юговосточным границам района¹⁰⁸⁴. Но с особенною строгостию воспрещалось совращать в магометанство, еврейство и идолопоклонство кого-либо из русских людей. Таких велено по 27 ст. XXII гл. Уложения казнить смертию, жечь без всякого милосердия¹⁰⁸⁵. Это не было только мертвой буквой. От слов доходили и до дела. Всем известна история еврея Вороха, казненного за совращение в жидовство Возницина¹⁰⁸⁶. По Уставу благочиния (1782 г.) совратителей велено отсылать к суду (ст. 242). Наказывая совратителей, закон не оставлял без наказания и вероотступников. Петр Великий не назначил за вероотступничество определенного наказания. Он только велел доносить о всех вероотступниках в сенат, «где имеет быть собственная Его Императорского Величества резолюция предложена»¹⁰⁸⁷. Но мало-помалу практикой установилось, что вероотступников отсылали сначала к духовному начальству. Так, напр., в 1743 году православный грузин Юрий, некогда попавший в плен и обрезанный, затем снова перешедший в православную веру и снова отпавший в магометанство, был отправлен для увещания под строгим караулом в Знаменский Московский монастырь к игумену арх. Николаю. Последнему было поручено «увещавать его

прилежно, дабы он православную веру содержал твердо и ненарушимо и за прежния свои от святыя веры отступства... с сожалением сердечным каялся бы Господу Богу, для слушания божественной литургии, вечерни и утрени велеть ходить ему в церковь всегда, точию до причащения Божественных Таин не допускать, доколе-же он, Юрий, в совершенное состояние придет»¹⁰⁸⁸.

А в случае, когда увещание не действовало, вероотступников отсылали в светския команды, где наказанием для них была ссылка на казенные работы¹⁰⁸⁹. Впрочем, за принятие иноверия, т. е. магометанства или еврейства, виновных иногда прямо казнили смертью. Так в 1738 году был сожжен Возницин¹⁰⁹⁰.

В том же 1738 г. 20 Апреля в Екатеринбурге был сожжен новокрещеный башкир Айлинской волости, Сибирской дороги Тойгильда Жуляков. Перед смертью был ему прочитан такой указ Главной Горной Канцелярии: «По указу Ея Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, и по определению Его Превосходительства Тайного Советника Василия Никитича Татищева, велено тебя, татарина Тайгильду, за то, что ты, крестясь в веру греческого исповедания, принял паки мухаметанский закон, и тем не только что в богомерзкое преступление впал, но яко пес, на свои блевотины возвратился, и клятвенное свое обещание, данное при крещении, презрел, чем Богу и закону Его праведному учинил великое противление и ругательство, на страх другим таковым, кои из мухаметанства приведены в христианскую веру, при собрании всех крещеных татар велено казнить смертью – сжечь. Да ты же Тойгильда по злой изменнической вашей совести, видя себя уже и не на воле, а под караулом, как везли сюда, дорогою, вымысля коварственно, украл у извозчиков топор и тем незапно посланных за тобою конойных Сибирского драгунского полку дву человек гренадеров, и у одного перерубил лядунку, а другого руку и имел намерение к побегу, чрез что наивящее злодейство свое проклятое умножил, и не только за оное твое преступление, но и за сие содеянное зло учинил себе достойна смерти»¹⁰⁹¹.

В 1740 году было велено казнить смертью казака Исаева за принятие магометанской веры и участие в бунте башкир¹⁰⁹².

По Уставу благочиния было вообще велено отправлять вероотступника в суд, «да накажется, как в законе написано» (ст. 243).

Указанными узаконениями и исчерпывается почти весь юридический материал указов. Некоторые особенности мы замечаем в Проектах.

В проекте 1754 года совращению и вероотступничеству посвящены две первых статьи 18 главы. Из них первая трактует об отступивших в инославие, а вторая о совратителях иноверцев и совращении и отступничестве в иновереие. Приведем текст той и другой статьи.

«Всем православным христианам, содержащим православную восточную грекороссийскую веру, паче всего от благочестия не отступать и иной веры не принимать, а ежели кто от православной восточной греко-российской веры отступит и примет иную, хотя и христианскую веру, также если благочестивую жену или детей присудить или попустить принять таковую же веру, или детей отъ себя раждающихся будет крестить в иную веру, и о таковых тем, кто сведает, доносить в Синод, без продолжения времени и по тем доношениям от Синода следовать и таких отступивших исправлять, и об обращении к благочестию увещевать, и буде по увещанию исправиться не похотят, и таковых, не присылая в светский суд, из духовных правительств посылать в дальние монастыри, где содержать их до самой их смерти неисходно».

Здесь, как мы видим, 1) одинаково с вероотступничеством наказывается как склонение к нему своих домашних, так и поущение этого; 2) наказание не желающим принести покаяние вероотступникам – заключение в монастырь прямо из духовного суда, без дальнейших сношений с светским; 3) ничего не говорится о наказании совратителям. Иного рода особенности во второй статье. «А буде кто из жидовской, или магометанской, или идолопоклоннической веры какими нибудь мерами, насильством или обманом, русского человека к своей вере принудит, или по своей вере обрежет, или кто русский человек,

отступя от благочестивые веры, примет жидовскую, или магометанскую, или идолопоклонническую веру волею, и ве том на следствии изобличены будут, и таковыхъ отсылать для исправления в духовные правительства, и когда они в том правительстве надлежащим порядком русский человек обратится и в том истинное покаяние принесет, а иноверец примет православную восточную греко-российскую веру, тогда в том духовном правительстве учинить с ними по правилам Святых Апостол и Святых отецъ; а ежели такие от православной веры отступники в том духовном правительстве покаяния не принесут, и по прежнему не обратятся, а иноверцы православной греко-российской веры не примут, и от духовного правительства присланы будут обратно для наказания, и таковыхъ казнить смертию, а именно – сжечь».

Проект таким образом совратителей и вероотступников уравнивает в отношении наказания, как его высшей формы – сожжения, так и слабой формы – заключения в монастырь по определению церковного суда. Практика к совратителям относилась строго и не знала случаев смягчения им наказания, тогда как Проект 1754 года выделяет один случай: наказание, если совратитель принимал православие, налагалось духовным судом, а не светским, и самая высшая мера наказания по духовному суду – это пожизненное монастырское заключение, как, напр., полагалось в Проекте поступать с отступившими в инославие. Сожжение в Проекте назначалось для отступивших – в случае непринесения покаяния, а для совратителя – в случае отказа перейти в православие.

В Проекте 1813 года проводится различие между отпадением по совращению и обольщению с одной стороны и между отпадением по собственному произволению с другой, различие, впрочем, довольно слабое, почему отпавший в обоих случаях одинаково отправлялся в духовное правительство «сколько для вразумления его и возвращения к православной вере, столько и для выдержания строгого церковного покаяния по правилам святых Отецъ» (§ 123). Совращение в Проекте 1813 года различается на несколько видов. Основанием для такого различия служит различие объекта. Виды совращения

следующие: 1) совращение православного, т. е. принадлежащего к грекороссийскому исповеданию, в какое-либо другое. За него наказание – лишение чести и свободы (§ 120), при чем соучастники наказывались заключением в крепость, тюрьму, или рабочие дома на 2–5 лет (§ 121); 2) совращение христианина, всякого вообще, в какое-нибудь нехристианское исповедание, – за что виновный должен быть наказан кнутом в наивысшем количестве ударов и ссылкой в Сибирь на вечное поселение (§ 125); 3) совращение нехристианина в какое-либо христианское, но не греко-российское исповедание, за что виновному был положен арест от 3 до 6 месяцев (§ 124). За рецидив наказание увеличивалось (§ 122).

В Своде Законов Уголовных совращение и вероотступничество влекут не только уголовное наказание, но и в некоторых случаях ограничение гражданской правоспособности. Так, отступившие от православной веры в другое христианское исповедание подлежали церковному наказанию и кроме того ограничению в правах семейственных и в праве владения крепостными православными людьми (ст. 186 изд. 1832 г.; ст. 199 изд. 1842 г.). А все лица римско-католического исповедания в губерниях, от Польши возвращенных, за притеснение доброй воли к переходу в православную веру, за самое малейшее помешательство в правилах и священнослужении на олтарях церкви православной, помимо уголовного наказания, подлежали секвестру имущества до окончания дела (ст. 187 изд. 1832 г.; ст. 200 изд. 1842 г.).

Совращение в христианския, кроме православная, исповедания наказывалось вообще во всей строгости законов, были ли совращаемые православные (ст. 199 изд. 1842 г.) или вообще, по отношению к совращаемому, иноверцы (ст. 188 изд. 1832 г.; ст. 201 изд. 1842 года).

Совращение православного в еврейство, или магометанство, или идолопоклонство подвергало виновного лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы (ст. 189 изд. 1832 г.; ст. 202 изд. 1842 г.). Этому же наказанию подлежали и совратившие в одно из

указанных исповеданий христианина других, кроме православного, вероисповеданий (ст. 190 изд. 1832 г.; ст. 203 изд. 1842 г.). Вероотступники от православия отсылались к духовному начальству, для поступления с ними по правилам церковным (ст. 189 изд. 1832 г.; ст. 202 изд. 1842 г.).

Свод Законов Уголовных предусматривает еще один случай квалифицированного совращения, когда магометане и евреи, вступившие в брак с лицами евангелического исповедания, стали бы, вопреки данным ими подпискам, детей своих воспитывать не в христианской вере евангелического исповедания, или склонять жен и детей своих к отпадению от христианства, или просто препятствовать им в свободном содержании ими религии. Виновные подвергались наказанию во всей строгости законов (ст. 191 изд. 1832 г.; ст. 204 изд. 1842 г.). Многоженство им в этом случае возбранялось (Таже статья).

Переходим к Уложению о наказаниях.

Постановления Уложения о наказаниях касательно совращения и вероотступничества стоят в тесной связи с Сводом уставов о предупреждении и пресечении преступлений. При беглом ознакомлении с тем и другим памятниками русского права легко заметить между ними близкое сходство в узаконениях, относящихся к совращению и вероотступничеству. А это дает нам возможность для уяснения статей Уложения пользоваться соответствующими статьями Уст. пред. прест. Уложение о наказаниях карает не только прямые виды совращения, но и такие случаи, кои, хотя и не являются совращением в собственном смысле, но или служат к отпадению кого-либо из того вероисповедания, к которому он принадлежит, в другое, – или являются в каком-либо отношении посягательством на то первенствующее положение, какое по законам принадлежит в России православной вере. Поэтому наказанию подлежат виновные не только 1) в совращении, но и 2) в воспрепятствовании кому-либо присоединиться к православию, 3) в воспрепятствовании совершению православными их религиозных обязанностей, 4) в преступном содействии вероотступничеству, 5) в преступном попустительстве отпадению, наконец 6) виновные в

вероотступничестве. Рассмотрим каждое преступление в отдельности.

В первом отделе второй главы II раздела Уложения о наказаниях, где говорится «о отвлечении и отступлении от веры», предусматриваются два вида совращения: а) совращение в нехристианское исповедание и б) совращение в какое-либо христианское, но не православное, исповедание.

Так как евреи, магометане и язычники лишены права привлекать в свою веру кого бы то ни было из русских подданных, то совращение в нехристианскую веру наказывается строго. При этом наказание изменяется в зависимости от того, во-первых, принадлежат-ли совращаемые к какому-либо христианскому исповеданию, или же к нехристианскому, и во-вторых, было-ли совращение простым или насильственным. Наиболее тяжко наказывается насильственное совращение христианина в нехристианскую веру, именно – каторгой от 12–15 лет (ст. 184, ч. 2). Слабее, именно каторгой от 8 до 10 лет, – ненасильственное совращение христианина (ст. 184, ч. 1). Насильственное совращение инородца в другую нехристианскую веру наказывается или ссылкой на житье в Сибирь или арестантскими ротами от 1 1/2 до 2 1/2 лет (ст. 936, ч. 2). Ненасильственное совращение иноверца наказывается тюрьмой от 2 до 4 месяцев, если оно было совершено чрез подговоры, обольщения и внушения, – или же тюрьмой от 8 до 10 мес., если оно было совершено чрез открытое проповедание нехристианской веры (ст. 936, ч 1).

Христианские инославные исповедания не лишены права пропаганды инославной веры среди не православных. Так, разрешается переход из одного христианского неправославного вероисповедания в другое христианское-же исповедание, хотя и не иначе, как с разрешения Министра Внутренних Дел по формальным просьбам, принесенным ему от желающего переменить веру без всякого участия духовенства того исповедания, в какое он желает перейти (Уст. иностр. исп., ст. 6; Уст. пред. прест., ст. 82). Духовным лицам всех терпимых в России христианских исповеданий с Высочайшего разрешения дозволяется наставлять в правилах своей веры магометан и

язычников, изъявивших к тому желание (Уст. пред. прест, ст. 85; Уст. иностр. испов. ст. 8). Евреи могут по их желанию быть принимаемы в каждое христианское неправославное исповедание с разрешения Министра Внутренних Дел по формальным просьбам, подаваемым духовному начальству (Уст. пред. прест., ст. 84; Уст. иностр. исп. , ст. 7 и прил. к 7 ст., п. 1). Но строжайше воспрещается духовным и светским лицам инославных христианских исповеданий прикасаться к убеждениям совести не принадлежащих к их религии (Уст. иностр. исп. ст. 4; Уст. пред. прест, ст. 77), особенно православных. Запрещается римско-католическому духовенству детей православного исповедания посылать в римско-католическия церкви к слушанию службы вместе с католиками, преподавать сим детям катихизис или делать им противные православию внушения (Уст. пред. прест., ст. 79). Запрещается духовенству иностранных христианских исповеданий преподавать православным духовные требы (ст. 80). На этих началах построена и наказуемость соращения в какое-либо христианское, но не православное исповедание. При этом наказуемо соращение только из православного в неправославное христианское исповедание и не наказуемы случаи соращения неправославных. Как-же наказывается соращение в инославные христианския исповедания? За ненасильственное соращение православного в какое-нибудь другое христианское исповедание Улож. наказ. назначает ссылку на житье в Сибирь или арестантския роты от 1 до 1 1/2 года (ст. 187, ч. 1), а за насильственное – лишение всех прав состояния и ссылку на поселение в Сибирь (ст. 187, ч. 2). За привлечение к инославному исповеданию путем проповеди или сочинения авторы наказываются – в первый раз тюрьмой от 8 до 10 мес., во второй – заключением в крепость на время от 2 л. и 8 мес. до 4 лет, и в третий – ссылкой на житье в Сибирь или арестантскими ротами от 1 1/2 до 2 1/2 лет; а распространители подобных сочинений – тюрьмою от 4 до 8 мес. (ст. 189). Священнослужители иноверных христианских исповеданий, совершившие над православным конфирмацию или миропомазание, как действия, знаменующия принятие в

исповедание иноверной христианской церкви, или же совершившие крещение над православным, наказываются отрешением от должности или лишением духовного сана (ст. 194, по прод. 1893 г.). Духовенство инославных исповеданий за допущение заведомо православного к исповеди, причащению или елеосвящению подвергается удалению от должности на время от 6 мес. до 1 года в первый раз, и лишению духовного сана во второй раз. Если же не было известно, что таинство совершается над православным, то наказанием служит лишь строгий выговор (ст. 193 по прод. 1893 г.). За преподавание православным детям катихизиса или делание им противных православию внушений, хотя без доказанного намерения совратить их, иноверное духовенство в первый раз наказывается удалением от должности на время от 1 до 3 лет, а во второй раз – лишением духовного сана и заключением в тюрьме от 8 до 16 мес. (ст. 194 по прод. 1893 г.). Случаи совращения нехристиан или неправославных христиан из одного исповедания в другое ненаказуемы, и только неправославное христианское духовенство за принятие кого-либо в свое исповедание без надлежащего разрешения наказывается в первые два раза строгим выговором, в третий раз – удалением от должности на два года, а в 4 раз – лишением сана и соединенных с ним преимуществ (ст. 195). В первых изданиях Уложения о наказаниях была еще статья, санкционировавшая ту статью Уст. пред. прест., (по изд. 1890 т. это 78 ст.), которою римско-католическому духовенству в западных губерниях запрещается иметь для услужения в их домах, при церквях и монастырях лиц православного исповедания. Виновные в этом лица белого или монашествующего римско-католического духовенства наказывались денежною пеней в размере 10 рублей (ст. 203 изд. 1845 г.; ст. 213 изд. 1857 г.). В Уложении о наказаниях издания 1885 г. подобной статьи уже не имеется.

Запрещая совращение христиан в нехристианския веры и православных в неправославные христианския исповедания, наше право кроме того запрещает кому-бы то ни было и под каким-бы то ни было видом препятствовать лицу,

исповедующему иную веру и желающему присоединиться к православию (Уст. пред. прест., ст. 75; Уст. иностр. исп. ст. 5); запрещает евреям, нанимающим лиц христианских исповеданий для постоянных домашних услуг, или иных работ, препятствовать нанятым лицам в чествовании воскресных и установленных праздничных дней и в исполнении прочих религиозных обязанностей (Уст. пред. прест., ст. 88); запрещает всем и каждому ради различия веры вчинать ссоры или распри или брань или чинить поношение (Уст. пред. прест., ст. 67). Соответственно этим узаконениям Уложение о наказаниях назначает уголовные кары за нарушение этих запрещений. За воспрепятствование лицу, желающему присоединиться к православию, в исполнении его желания виновный наказывается тюрьмою от 2 до 4 месяцев (ст. 191, ч. 1), при чем наказание увеличивается до 8–16 мес., если для помешательства были употреблены угрозы, притеснения или насилия (ст. 191, ч. 2). Евреи за препятствование нанимаемым ими лицам христианских исповеданий совершать их религиозные обязанности подвергаются денежной пене не свыше 50 р. (Уст. наказ. ст. 48-я). В первых изданиях Уложения о наказаниях за учинение неприличных споров, распри или брани изъ-за религии виновные подвергались или строгому выговору суда, или денежному взысканию от 5 до 10 рублей, или наконец и аресту от 3 до 7 дней (ст. 205 изд. 1845 г ; ст. 215 изд. 1857 г.). В последнем издании особо этот случай не предусматривается. Кроме указанных случаев Уложение назначает наказание и тому, кто, зная, что его жена или другия лица, за коими ему предоставлено законом наблюдение и попечение, намерены отступить от православия, не будет стараться отклонить их от сего намерения и не примет никаких мер для воспрепятствования сему. Наказание таким лицам положено – арест от 3 дней до 3 мес. и сверх того лицам православным церковное покаяние (ст. 192). Родители или опекуны, обязанные своих или опекаемых детей воспитывать в православной вере, если будут крестить их или приводить к другим таинствам и воспитывать по обрядам других христианских исповеданий, наказываются тюрьмою от 8 до 16

месяцев. Дети таких родителей отдаются на попечение православных родственников, а виновные в этом опекуны немедленно устраняются от опеки (ст. 190). Таковы постановления Уложения о наказаниях о совращении. Остается сказать о том, как наказывается отступление от веры. Вероотступничеству в Уложении посвящены две статьи: 185, по которой отступившие от христианской веры православного или другого исповедания в веру нехристианскую отправляются к духовному начальству прежнего их исповедания для увещания и вразумления; при этом до возвращения их в христианство они не пользуются правами состояния, и им воспрещается жить в их имениях, которые отдаются в опеку; и ст. 188, по которой отступившие от православного в иное христианское вероисповедание отсылаются к духовному начальству для увещания, вразумления и поступления с ними по правилам церковным. До возвращения их в православие, принимаются правительством для охранения их малолетних детей от совращения указанные в законе меры. В их имениях, населенных православными, назначается опека, и им запрещается иметь там жительство. Этими статьями предусматриваются два случая отпадения: 1) христиан в нехристианские исповедания и православных в неправославные христианские исповедания. Случаи отпадения из одного нехристианского исповедания в другое не предусмотрены законом, следовательно они ненаказуемы. Переходы из нехристианской веры в христианскую или из одного христианского исповедания в другое законом разрешаются, следовательно тоже не наказуемы. Не наказуем переход из христианского исповедания в православие. Наказанием за отпадение из православного в другое нехристианское исповедание является собственно умаление гражданской правоспособности, именно: 1) лишение права управлять своими имениями, населенными православными (ст. 38 Уст. пред. прест.); 2) лишение права жительства в этих имениях (ст. 38 Уст. пред. прест.) и 3) ограничение родительской власти над детьми, так как на Министерство Внутренних Дел возлагается обязанность собирать сведения о семействе лица, отступившего

от православия, и если окажутся малолетние, то о мерах к охранению их православия представлять на усмотрение Императора (ст. 39 Уст. пред. прест.). Кроме этого виновные отсылаются к духовному начальству «для увещания, вразумления и поступления с ними по правилам церковнымъ» (ст. 188 Улож. наказ.). «Поступление по правилам церковнымъ» должно пониматься в смысле 37 ст. Устава пред. прест: «Когда открываются совращения и совращенные, то епархіальное начальство, на основании предписанных ему правил, действует мерами вразумления, входит в сношение с гражданским начальством и доносит Св. Синоду». При этом примечание к 37 ст. говорит: «В 1773 году разъяснено было: вышеозначенных людей отсылать к суду с осмотрительностью и осторожностью, дабы иногда невинным людям напрасной тревоги (турбаций) и разорения причинено быть не могло». По примечанию к 1004 ст. Уст. угол. суд. (изд. 1892 г.) отступившие от веры христианской в нехристианскую, или от православного в иное христианское вероисповедание, а также совратившиеся из веры православной в какую-либо ересь, во всяком случае назидаются в истинной вере и увещаются духовным начальством по правилам церковнымъ». Таким образом Уложение о наказаниях, назначающее в иных случаях и церковное покаяние и заключение в монастырь, за отступление от православия в иное христианское исповедание церковного наказания, как и уголовного, не назначает в согласии с нашим законодательством, ограничивающим деятельность церковной власти по отношению к отступившим от православия одними лишь вразумлениями. Отступившие из христианских исповеданий в нехристианские также посылаются к духовному начальству их прежнего исповедания для вразумления и назидания, и кроме того подлежат еще большему умалению гражданской правоспособности, чем отступившее из православия в инославие, так как, кроме лишения права управлять своими имениями, они теряют права состояния (ст. 185 Улож. наказ.) на все время отступления от христианства.

Г. Раскол и ересь.

Понятие раскола, как преступления, в XVIII в. имело очень широкий смысл. Оно обнимало собою и деяния религиозного характера, и деяния только противогосударственные. Объединяющим моментом во всех этих видах раскола является единство субъекта. Раскол, как религиозно-государственное преступление, обнимал следующие виды: 1) соращение в раскол, 2) отпадение в раскол, 3) распространение раскольнического учения, 4) совершение мирянами раскольниками священнослужения, 5) упорство и отказ от обращения в православие.

Раскол, только как государственное преступление, обнимал собою 1) так называемый потаенный раскол, т. е. уклонение раскольников от записи в двойной оклад, 2) самосожжение, 3) укрывательство раскольников и недонесение об них. Прибавим к этому, что раскол являлся отягчающим вину обстоятельством при совершении разных других преступлений, как религиозного характера, как напр., при богохульстве, когда оно учинено раскольником, так и нерелигиозного, например, при подделке фальшивых паспортов и казенных печатей, при побегах и т. п. Уличенные в этих преступлениях раскольники вместе судились и за содержание раскола и наоборот¹⁰⁹³.

По мере того, как правительство в отношении к расколу постепенно переходило от строгих мер к смягчению этих мер и прекращению преследований раскольников за веру, в народе началось сектантское движение. Появился целый ряд сект – молокан, духоборов, иудействующих, скопцов, хлыстов и т. д., на которых и останавливается теперь внимание правительства. Эти секты стали преследоваться главным образом за их противогосударственный и противообщественный характер. Но название им осталось церковное, и притом не ереси, а главным образом раскола. Таким образом в начале XIX века этот термин раскола получил совершенно новое и даже не церковное значение. Им были обозначены все противцерковные и в тоже время противогосударственные секты. Эта терминология впервые узаконяется Сводом Законов Уголовных¹⁰⁹⁴, а затем она переносится и в Уложение о наказаниях.

Поэтому мы рассмотрим сначала раскол в первом указанном смысле его, а затем раскол во втором его значении, или ересь. В заключение укажем те постановления о расколе, какие имеются в Уложении о наказаниях.

АА. Раскол.

1 .

Совращение в раскол.

Совращение в раскол, как это можно видеть из дел сыскаго приказа¹⁰⁹⁵, преследовалось на основании указов 28 февраля 1722 года¹⁰⁹⁶, 21 марта 1736 года¹⁰⁹⁷ и 13 мая 1745 года¹⁰⁹⁸. В последнем указе нет карательной санкции; хотя и велено совратителей преследовать и отдавать в светский суд, но определенного наказания им за это преступление не было назначено. Но в остальных указах содержатся данные для определения меры наказания за совращение в раскол. В 1722 году велено было совратителей наказывать наравне с раскольническими учителями¹⁰⁹⁹, а в 1730 году наказание за совращение в раскол было уже определено точно: «если кто правоверных раскольническою прелестию тайно или явно обольстит, такового, по жестоком в гражданском суде наказании, посылать в галерные работы вечно, а движимое и недвижимое имение отбирать в казну»¹¹⁰⁰.

Такия же почти наказания были предложены и в Проекте 1754 года. «А ежели кто из правоверных – читаем мы во 2 ст. 19 главы – по дерзостному тайному или явному тех раскольников обольщению уловлен будет в сети погибельные их прелести, и в том по надлежащем исследовании, они раскольники будут доказаны, и таким прелестникам чинить жестокое наказание – сечь кнутом нещадно и ссылатъ в каторжную работу вечно, а движимое и недвижимое имение их отписывать на Наше Императорское Величество». Вторая редакция движимому и недвижимому имуществу сосланных совратителей дает несколько другое назначение: «А движимое и недвижимое имение их отдавать, ежели помещичьи, то их помещикам, а ежели дворцовые, то их родственникам, которые в благочестии состоят, а ежели окажутся и родственники их раскольники¹¹⁰¹, то все их имение конфисковать».

В проекте 1813 года о совращении в раскол отдельно не говорится. Там вообще сказано о распространении или как выражается Проект, «рассевании» ереси или раскола (§ 120). Об этом речь будет дальше.

2.

Отпадение в раскол.

В отношении вероотступников в раскол действовал указ от 8 января 1727 года, к сожалению нам¹¹⁰² неизвестный, так как указа этого нет в Полном Собрании Законов. Но отступников в раскол, вероятно, на общем основании сначала посылали для увещания или в какой-либо монастырь, или к Ректору славяно-греко-латинской Академии¹¹⁰³. А затем, если совратившийся не упорствовал, то его отправляли в какой-нибудь монастырь на испытание и для эпитимии, как поступали и вообще со всеми обратившимися из раскола в православие¹¹⁰⁴. А в противном случае с ним поступали на общих основаниях, т. е. отсылали к гражданской власти. Светская власть, а не духовная, судила также и *вторичное* отпадение в раскол¹¹⁰⁵. Какое наказание практиковалось в этом случае, мы не знаем.

По Проекту 1754 г. отпадшие или, как их называет Проект, «прельстившиеся» – отсылаются в Св. Синод «для наставления и обращения» (19 гл. 2 ст.).

3 .

Распространение раскольнического учения.

За распространение раскольнического учения виновные тоже подлежали ответственности. Распространением раскола признавались все меры, какие бы ни были употреблены для совращения в раскол, или какие могли бы повлечь отпадение. Не только пропаганда раскола в современном значении этого слова, даже простой разговор раскольника с нераскольником о предметах своего учения рассматривался, как распространение раскола. Типичным выражением этого воззрения служит указ от 16 июля 1722 года¹¹⁰⁶. Здесь говорится, что записавшийся в оклад только он один и считался раскольником и в этом расколе должен состоять только он один, «а другим о той раскольнической прелести разговоров и учения не точию посторонним, но в одном доме живущим, никому отнюдь ему не

произносить, и никого тому не учить и никакими способами к той раскольнической прелести не привлекать и учителей раскольнических и потаенных раскольников в дом к себе не принимать и противных правому святыи церкви мудрованию книг на большее им прельщение и другим на соблазн употребляемых, как печатных, так и письменных, отнюдь у себя не держать, и где потаенных и не записных раскольников ведают, объявлять без всякой утайки». Запрещение заводить разговоры о предметах раскольнического лжеучения было повторено в 1736 году¹¹⁰⁷.

Таким образом, к распространению раскола были отнесены 1) разговоры о раскольнической прелести, 2) распространение книг старопечатных и новой печати, тетрадей, икон, брошюр и друг. предметов, священных для раскольников¹¹⁰⁸ и 3) держание всех этих книг и предметов у себя. Это преступление, распространение раскола, едва ли бывало самостоятельным, а вероятнее только побочным, всплывавшим наружу при других, или при совращении в раскол, или при укрывательстве раскольников и т. п. Поэтому указы и не выделяют его в особый вид и не назначают отдельного наказания. В Проекте 1754 года о распространении раскольнического учения говорят 5-я и частью 4-я и 7-я ст. 19 главы, трактующей «Раскольных дел о учителях». Рассеватели раскола и распространители всяких раскольнических книг подлежат телесному наказанию и ссылке в каторжную работу.

4.

Совершение раскольниками священнодействий.

Совершение таких таинств, как крещение и отчасти бракосочетание, таких обрядов, как погребение, за отсутствием правильной преемственной иерархии раскольники предоставляли по нужде и мирянам. Иногда и то и другое совершалось беглыми попами, а иногда и православными священниками, но с особенностями раскольнического обряда. И церковная и правительственная власть восстала против подобной профанации религиозного культа. Уже цитованный нами указ 16 июля 1722 года этому вопросу о совершении раскольниками священнодействий посвящает особый параграф.

«Понеже усмотрено из дел, – читаем здесь мы, – что всем раскольническим действиям, большею причиною есть то, что по суетному их раскольническому мнению попы, паче же и не посвященные отправляют всякия церковные потребы, а именно: младенцев крестят, хотящих брачиться венчают и умерших погребают; того ради имать у всех раскольпиков сказки под лишением имения и ссылкой на галеры, кто у них оные потребы на перед сего исправлял, и ныне исправляет, то есть младенцев крестит, брачившихся венчает, и болящих исповедывает и причащает и умерших погребает; и по тем сказкам таких, кого они покажут, сыскивать чрез них же самих к духовному правлению, и сыскивая допрашивать, какого был чина, и ежели поп, кем посвящен, и имеет ли свидетельствующую священство его грамоту, и где служить и по указу-ль и не под запрещением ли обретається. А буде непосвященный действует, давно-ль в расколе и кем в расколе приведен и такой прелести научен, и для чего так дерзостно неданное ему действует, и по тем допросам, учиня обстоятельное о них следование, таких попов по обнажении священства, равно с прочими продержатели, по содержанию прежде состоявшихся о том Его Императорского Величества указов, отсылать для наказания и ради ссылки на галеры к светским управлениям, а движимое их и недвижимое имение отписывать на Его Императорское Величество и содержать под Синодским ведением»¹¹⁰⁹. Православные священники, если они «по раскольническому содержанию противно что действовали», подлежали извержению из сана и духовному суду¹¹¹⁰. Касательно совершения треб в 1722 г. Св. Синодом было постановлено: относительно крещения – у записных раскольников детей крестить по православному обряду, а также при браках смешанных, когда одно лицо православное, а другое держится раскола., то последнее «да прииметь церкви святой обещание с присягою». А когда оба раскольники, то их браки не венчать, а брачное сопряжение их рассматривать, как блудодеяние¹¹¹¹. С раскольникове, допустивших в своем доме исправление раскольнических треб, брали штраф. Так в 1721 году было велено всех тех лиц, у кого «раскольническая действовал раскольнический поп Яков

Семенов, оштрафовать, именно взять «с каждого человека за всякую потребу против тяглого платежа их вдвое». А о самом попе Якове Семенове приговор Канцелярии тайных розыскных дел был таков: «велено с него, попа Семенова, священнический чин снять, и за его воровство учинить ему наказание – бить кнутом нещадно и сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму, и быть ему там до кончины жизни неисходно». Приговор этот, за смертью осужденного, не был исполнен¹¹¹².

За исполнением этих указов вообще следили очень строго. К этому делу была привлечена в С.-Петербурге полиция, а в других губерниях и городах – Губернския и Воеводския канцелярии. Так, в 1733 году этим учреждениям было велено сыскивать и отсылать в Синод тех раскольников, которые, не быв посвящены, дерзали священнодействовать. На этот предмет был дап особый указ¹¹¹³.

В Прозкте 1754 года, повторяющем приведенную тираду из указа 16 июня 1722 года, за совершение раскольниками священнодействия велено с виновными поступать, как с святотатцами, т. е. отсечь голову и тело положить на колесо (гл. 19, ст. 6).

Прозкт 1813 года, вообще скупой по части постановлений о ереси и расколе, об этом преступлении совершенно умалчивает.

5.

Потаенный раскол.

Потаенный раскол, т. е. содержание раскола без записи в двойной подушный оклад, преследовался весьма строго, особенно в первую половину XVIII столетия. Основанием для возбуждения преследования служили указы 2 марта 1718 г., 15 мая 1722 г. и 8 января 1727¹¹¹⁴.

Всех сысканных потаенных раскольников при Петре было велено отсылать – мирских на каторгу, а монахов и монахинь в монастырь под начал¹¹¹⁵, при чем раскольнический оклад, который они не заплатили по укрывательству, с них взыскивался неопустительно¹¹¹⁶ и даже в двойном количестве¹¹¹⁷ и слагался только при возвращении их в православие¹¹¹⁸. В соответствие этим узаконениям, напр., в Нижнем Новгороде в 1721 году 10 раскольникам «наказание чинено и ноздри выняты за то, что они

жили потаенно в расколе и от оклада укрывались, и от оных семь человек не обратившиеся и противники святой Церкви по Его Царского Величества имянному указу посланы в каторжную работу, а два человека..., кои обратились, велено отослать в Св. Прав. Синодъ». Св. Синод постановил этих двух послать в Александроневскую лавру для освидетельствования «сущи ли оные ко святей церкви от расколу обратились»¹¹¹⁹. Дальнейшая их судьба не известна.

При Анне Иоанновне сысканных раскольников отправляли или в монастыри на самую тяжелую работу¹¹²⁰, или на заводы¹¹²¹, где и держали их до тех пор, пока они упорствовали в своем расколе и не хотели обратиться к православной церкви.

И в последующее время с потаенными раскольниками было велено поступать во всей строгости законов¹¹²².

Все эти указы потеряли свою силу с отменой в 1782 г. двойного подушного оклада, в силу чего содержание раскола, ни явное, ни тайное, не стало более преступлением.

6.

Упорное пребывание в расколе.

Упорное пребывание в расколе и необращение из раскола к православной церкви ставилось в вину судимым за раскол. Фанатичная приверженность к расколу, в связи с другими видами раскола, могла иногда вызвать очень и очень суровые кары. Так, в 1722 г. была учинена казнь Василию Левину, который был фанатичным поборником и распространителем раскола: ему был отрезан язык, отсечена голова, а туловище сожжено¹¹²³. В 1753 г., по распоряжению конторы тайных розыскных дел был послан в Соловецкий монастырь раскольник дьячковский сын Иван Яковлев. В инструкции, присланной вместе с ним, приказывается содержать его в большой строгости. «Раскольщика дьячкова сына Ивана Яковлева – говорит инструкция – за злодейственные, богопротивные, важные его вины (о которых в тайной канцелярии явно), сверх бывшего ему розыска, вместо смертной казни, учинить жесточайшее наказание: бить кнутом нещадно, и вырезав ноздри (которое ему и учинено), скована в ручных и ножных кандалах, содержать в особом уединенном месте, под

крепким караулом никуда не исходна, и посторонних ему, кроме караульных, ни для чего не допускать и караульным же разговоров с ним никаких иметь не велеть, а писем ни к кому ни о чем писать ему не давать, чего ради пера, чернил и прочого, чем можно писать, отнюдь бы при нем не было; смотреть же накрепко того, дабы он каковым образом не мог утечки учинить, и во время того его содержания пищу ему давать токмо один хлеб и воду. А ежели паче чаяния, оный Яковлев станет произносить каковые важные и непристойные слова, тогда ему в рот класть кляп, который вынимать тогда, когда ему пища давана быть и хлеб, и о том записывая и содержа секретно из оного монастыря писать в Тайную Канцелярию»¹¹²⁴.

Упорное пребывание в расколе обычно ставилось в близкую связь с другим преступлением – потаенным расколом, что и понятно, так как «двойной оклад на них (т. е. раскольниковъ), как выражается указ 16 Июля 1722 г., положеп за то, что по упрямству своему обращаться ко святей церкви и в соединении с православными быть не хотятъ»¹¹²⁵. Суду за упорное необращение из раскола предшествовало увещание. Это увещание производилось разными лицами и учреждениями. Относительно, напр., Московской епархии имеются сведения, что раскольников для увещаний отправляли в Духовную Дикастерию¹¹²⁶, или к ректору Славяно-греко-латинской Академии¹¹²⁷, или же к особым наказным священникам¹¹²⁸. Иногда раскольников для увещания отправляли в монастыри. Так, в 1728 году Раскольнической конторой был препровожден в Сенат тяглец Малых Лужников, записной бородач и раскольник Андрей Емельянов, которого за неплатеж бородажных денег, в размере 355 р. 50 к., для зарабатывания тех денег, контора присудила в каторжную работу. Сенат объявил ему, что, если он бороду станет брить, то его в каторжную работу не пошлют, но он брить бороду отказался. Тогда ему бороду остригли, но он и после того пребывал в своем упорстве. Сенат рассудил, что если его послать в каторжную работу, то он за старостию работать не сможет, и будет лишь напрасная трата на него казенных кормовых денег, почему решил просить Синод принять его на две недели в Спасский монастырь, где увещавать его

обратиться в православие, а если не обратится, прислать его обратно в Сенат. Св. Синод принять раскольника в монастырь согласился, но с тем, чтобы прислан был из Сената караул для присмотра над ним. Пробыв две недели в монастыре, Емельянов не обратился в православие и был отослан обратно в Сенат¹¹²⁹. После того, как увещание не имело силы, содержащего раскол за его упорство предавали суду. Сыскной Приказ в этих случаях руководствовался 7 п. указа 16 Июня 1722 г. и не вошедшим в Полное Собрание Законов указом 22 Августа 1733 г. Что касается наказания за упорство в расколе, то при Петре Великом обычным наказанием была ссылка. Местом ссылки первоначально была Сибирь, но в 1722 году, по именному указу Петра, вместо Сибири, раскольников велено ссылать в Рогервик¹¹³⁰. Так как на практике упорное пребывание в расколе нередко соединялось с другими видами раскола, чаще всего с потаенным расколом, то и наказание полагалось одинаковое с наказанием за этот последний: так, в 1749 г. Сенат приказал потаенных раскольников Боровского уезда, вотчинника Архангельского собора крестьянина Никиту Ларионова и жену его Агафью Прокопьеву за необращение их из раскола ко святой церкви, до исправления в вере послать Ларионова в С. Петербург в Адмиралтейскую коллегию, в каторжную работу, а жену его в Оренбург чрез Сыскной Приказ¹¹³¹. Время ссылки отчасти зависело от того, выражали раскольники или нет желание обратиться в православие. По 3 п. сенатского указа от 4 Ноября 1721 г. повелено: «В каторжной работе быть раскольникам, пока обратятся, а как обратятся, тогда для определения посылать в Св. Синодъ»¹¹³².

7.

Самоеожжение раскольниковъ¹¹³³

Наказывать самосожигателей правительство вынуждалось и тем, что не могло допускать среди подданных подобный антицерковный и антигосударственный фанатизм, и потому, что в сожегшихся оно теряло своих тягловых плательщиков, и потому, наконец, что самоеожжение по своему юридическому характеру однородно с самоубийством, а последнее и Воинский Артикул (гл. XIX, ст. 164), и Морской Устав (ч. I, кн. 5, гл. XV, ст.

117) наказывали строго: покусившийся на самоубийство подлежал позорной смерти. Самосжигателей, в видах острастки, сначала Петр велел сжигать. В своемъ письме к Виніусу относительно этого предмета он выражался: «таким вора́м, которые собрав людей, сжигали, без всякой пощады во страх иным, таким же вора́м, сжечь»¹¹³⁴. Но на практике поимка сожигающихся раскольников редко бывала удачна: фанатики очень часто сожигались на глазах посланных к ним команд, которым оставалось лишь констатирование фактов самосожжений. С целью предотвращения этих случаев публиковались во всеобщее сведение особые пастырския увещания¹¹³⁵. Прибегали и к другим мерам. По указу Св. Синода 20 Ноября 1723 г. на всех вотчинников и помещиков предлагалось возложить наблюдение, во 1-х, затем, чтобы поблизости их поместий и сел в лесах не было никаких раскольнических скитов и пустынекъ; во 2-х, – наблюдение и увещание всех, про кого они узнали бы, что те склоняются к самосожжению, а кто их слушать не будет, под крепким караулом держали бы и увещали совместно с духовными управителями¹¹³⁶.

При Елизавете Петровне в 1756 году было велено наказывать зачинщиков самосожжений «политическою смертию»¹¹³⁷, которая, как известно, состояла в том, что виновного клали на плаху и объявляли ему смерть, а потом, подняв с плахи, посылали в каторжные работы.

Массовые самосожжения раскольников имели место до царствования Петра III. В 1762 году 1 февраля был издан важный указ относительно самосожжений. «Правительствующий Сенат – читаем в этом указе – приказали: во все губернии послать указы, которыми велеть во всех местах каждой губернии, своего ведомства обстоятельно, через кого пристойно разведать, нет ли где раскольнических для сожжения своего сборищ, и ежели где такия богомерзкия сборища окажутся, то немедленно посылать туда достойных людей и велеть им всячески стараться чрез увещания от такого оных раскольников душепагубного намерения удерживать, и спрашивать их, чего ради они такое душепогубельное

намерение чинять; и ежели показывать будут, что такое богомерзкое намерение восприяли они от причиняемых им по одному их расколу притеснений и забирания под караул, то их уверить, что производимые об них следствии уже уничтожать повелено, которые и действительно ныне оставить и содержащихся под караулом тотчас в дома отпустить и вновь никого не заирать и быть тем посланным в оных местах до тех пор, пока те раскольники совсем то свое душепогубительное намерение оставят и разойдутся в дома»¹¹³⁸.

После этого число самосожжений значительно уменьшается. Впрочем, единичные случаи самосожжения (как это видно из статьи Сапожникова: «Самосожигание в русском расколе») имели место и после указа 1 Февраля 1762 г.

В 80-х годах XVIII ст. проповедником самосожжения был некто Мензелин. Его проповедь имела громадное влияние: у него явилось много последователей и начался целый ряд массовых самосожжений. В 1782 г. Мензелин с его сообщниками – Осипом Замираловым и Данилом Гладковым были схвачены. Мензелин был сослан в Рогервик.

8.

Укрывательство раскольников.

В связи с содержанием раскола стоит еще один вид его, это – укрывательство раскольниковых учителей и попов и недонесение о потаенных раскольниках. Последних было запрещено принимать к себе в дом¹¹³⁹. А «которые раскольники держат в домах у себя потаенных своих попов, или учителей, за сказками своими каковы о недержании их при записке в раскол, под потерянном животом и имения даны: таким где что надлежит чинить против их обязательства; а которые ни обязались, а просто записались в раскол, тех отдавать суду гражданскому; а как первые, так и другие должны поставить утаеваемых у себя попов и учителей»¹¹⁴⁰.

Духовных особ, потающих раскольников, лишали сана и ссылали в монастыри. Напр., поп Θεодор Матвеев был в 1723 году лишен сана и сослан в Соловецкий монастырь, где ему велено быть простолудином вечно¹¹⁴¹.

ББ. Ересь.

В начале XVIII в. за ересь признавалось главным образом религиозное значение, и каралась она высшей мерой наказания – смертью чрез сожжение. Юридического различия отдельных моментов этого преступления не проводилось. Содержание ереси или распространение ея было безразлично для состава этого преступления. Случаев наказания вольнодумцев-еретиков было не мало. Так, еще в XVII в., в 1689 г. был сожжен Кульман за распространение вольномыслия и еретичества¹¹⁴².

В 1701 году был сожжен Гришка Талицкий с своим сообщником Савиным за сочинение и распространение в народе тетрадей о том, что Петр Великий – антихрист, или, говоря словами позднейшего синодского указа 1722 года, за то, что «ради возмущения людям писал письма плевальные и ложные о пришествии антихристов»¹¹⁴³. «К сожалению, говорит Сергеевский¹¹⁴⁴, нам неизвестно ни одного подробного описания этой казни, но и отрывочныя, дошедшия до нас сведения достаточны для составления хорошей картины этого сожжения, не только медленного, но и осложненного какими-то небывалыми, мучительными дополнениями. По выражению упомянутого синодского указа, это было даже не сожжение, а *копчение*. «Во время казни, копчением творимой, говорит этот указ, Талицкий, не стерпя того, покался».... Штраленберг сообщает, что Талицкого и Савина в течение 8 часов обкуривали (*geräuchet und geschmauchet*) каким-то едким составом, от которого у них вылезли все волосы на голове и бороде и все тело начало таять, как воск (*wie Wachs zu schmelzen*). Затем их сожгли вместе с эшафотом¹¹⁴⁵. Один современник-очевидец рассказывал: «Талицкого видел. Видел, как под него *курево* подпускали». Во время этой страшной казни к Талицкому на костер неоднократно поднимались для покаяния и допроса Преображенский священник и Ѳеодор Плещеев»¹¹⁴⁶.

В 1713 году началось дело Тверитинова и его единомышленников. Их ересь состояла «в иконоборстве и в непочитании Св. Божиих угодников и гнушении св. апостольскою церковью». После допроса виновных в Москве и Петербурге, они были отправлены к местоблюстителю патриаршей каеедры, Митропол. Стефану Яворскому, «для освидетельствования

духовне» их православия. Хотя Стефану и были поданы еретиками исповедания их веры в православном духе, однако в виду вновь найденных иконоборных сомнительных тетрадей, принадлежавших виновным, Стефан не нашел возможным их «оправдать в церкви всенародно». Стефан составил «увещание к православнымъ», в котором приглашал всех, кто Тверитинова «прежде еретичествовавши знает, писанием же, или словесы, или иным образом ересь свою между правоверными рассеивающа видел есть или слышал есть, тот объявлял бы об этом духовному собору». Новые данные, собранные после вызванных этим увещанием показаний, а разн и иконоборный поступок цирульника Ёомы, нам уже известный, повели за собою то, что освященный собор с Митр. Стефаном во главе нашел необходимым, для умиротворения взволнованных умов, предать виновных анаееме.

Это было 24 Октября 1714 года. Приводим текст этого соборного постановления. «Мы, zde благодатию Всесвятого Духа собрании, Всероссийского православия архиереи и прочии, zde присутствующие духовного сана чины, имуще толик облак о их ересех свидетелей, исполняюще же наше звание и закон Божий церковный и гражданский, повелевающий, *да при двоих или трех свидѣтелях станет всяк глагол*, соборне объявляем их таковых быти, каковых сами себе явиша еретиков и не хотящих покаяться, но яд явный свой утаити хотящих на повреждение и иных мечем духовным от Христа Спасителя нам дарованным, аки уды

неисцелимые, от тела Христова, церкви Его святыя, отсецаем и анаееме предаем, именно: ересеначальника и лжеучителя их Димитрия Евдокимова сына Тверитинова, отнюдь не кающася, и ученика его Михаила Андреева сына Косова, иже недоволен смятением, еже в девяностом году злодей со злодеями стрельцами на гражданство противу обоих законов воздвизаше, еще и ныне новый ков на церковь Божию с единомышленными воздвизает и ничтоже от святыя церкви требует, и Ёому Иванова, не токмо не покаявшася, но беззаконие к беззаконию приложивша обруганием образа угодника Божия, иже во святых отца нашего Алексея. Да будут

убо сии самоосужденнии еретики прокляты от седми соборов вселенских и от нашего смирения и имена их да напишутся в церковную роспись с прежними еретиками, им же сии подражатели и наследницы явишася». После сего осуждения собор предал их гражданской власти, моля «хриstopодражательное гражданство не отлагать суда церковнаго».

Из подсудимых прежде всего была решена участь Θомы Иванова, которого за его богохульство велено было сжечь. С 21 Марта 1715 года начались в сенате «консилиумы» для слушания «иконоборного дела». Дело тянулось до конца 1717 г., когда Петр именным указом велел лекарю Дмитрию Тверитинову быть в доме Митр. Стефана в лекарской службе, а часовника Кудрина и купецкого сына Мартынова послать к другим архиереям и быть у них в службах по их рассмотрениям. Тверитинов после этого несколько раз обращался к Митроп. Стефану, говоря, что он покался. Но Стефан не особенно верил искренности его раскаяния. С учреждением Св. Синода Тверитинов снова обратился уже к высшей правительственной церковной власти, представив письменное исповедание веры. Св. Синод 1-го февраля 1723 года определил: «оному Тверитинову, во знак его к Церкви святей покаяния, то исповедание прочитать ему самоустно в Московском Большом Успенском Соборе во всенародное объявление, и подписав своеручно, подать во Св. Синодъ; а как он то исповедание учинит и оной святей церкви не лестное покорение принесет и православной христианской вере чистою своею совестью приобщится, то, учиня ему обычайную по должности христианской исповедь, сподобить его по достоинству Св. Таинъ». Исповедание веры читано было Тверитиновым в Успенском соборе 10 Февраля 1723 года. После прочтения исповедания и приведения к присяге «Тверитинов от Св. Синода в объявленной его вине был прощен и от клятвы разрешень». Такова судьба Тверитинова¹¹⁴⁷. Из его единомышленников несколько данных имеется о дальнейшей участи Михаила Косого. Косой, как не обнаруживший раскаяния, был сослан в Тобольск. Здесь он в 1728 году просил

Тобольского митрополита Антония, чтобы ему дозволено было быть на исповеди. Антоний предварительно снесся с Синодом. Св. Синод 20 Марта 1730 г. определил: «Михаилу Косому, если он противность святой церкви от себя всесовершенно отвергнет и паки желает обратиться к святой церкви, написав все свои противности и подписав svoеручно, учинить в соборной церкви исповедание веры». Но Косой этого не захотел делать. Он говорил, что анаееме предан Стефаном «по некакой злобе» последняго, «будто не правильно». Проклять еретиков он отказался, говоря, что де ему не дано такой власти, чтобы кого проклинять. Митроп. Антоний в своем донесении говорил, что «отлучение от церкви святой ему, Косому, не тяжестно, понеже и так мало когда прихаживал до церкви, и то лицемерно токмо являя себе, яко бы он в числе верных есть, дабы не гнушались им здешние обыватели; но и тое прихождение его многим на соблазн точию было, понеже вшедше в церковь Господню не токмо никогда поклонения, но и на слова Христовы не чинил и крестом не знаменовался, но стоял просто, яко древо бездушное; и посему мнитмися, что ему, Косому, zde в Тобольске, посреди многочисленного парода, быть бы не надлежало, дабы развращенными своими словесы других не повредил, а лучше бы определить его в пределы града Березова на Обдор, между новокрещенные, из которых едва кто русского языка знает и то весьма недовольно, где и слушать противного церкви святой учения его будет не кому». В виду этого доношения Св. Синод 19 Июля 1731 года передал то дело на благоусмотрение Сената. 22 Сентября 1731 г. Сенат сообщил Св. Синоду следующее свое определение о Косом: «Косого

посадить в крепкое заточение в тюрьму и кроме хлеба и воды никакой пищи ему не давать, пока не исправится и не принесет чистого покаяния; по исправлении же послать его в Обдорск с объявлением ему, буде он после того покаяния паки будет чинить святой церкви противности, то за оные казнен будет смертию, а если какия противности от него там происходить будут, то посадить его паки в заточение, а в Сенат о том писать»¹¹⁴⁸.

С 30-х годов XVIII ст. начинается возникновение и распространение в народных массах новых сект мистического и рационалистического характера.

Во время первой о раскольниках комиссии 1733–1739 г.г., учрежденной для розыскания новых еретиков (хлыстовъ), было осуждено 303 человека. Из этого числа пятеро (три мужчины и две женщины)¹¹⁴⁹, или шестеро (4 муж. и 2 женщ.)¹¹⁵⁰ были сожжены. «Дальнейшими мерами наказаний, говорит Нечаев¹¹⁵¹, были: 1) наказание кнутом, урезание языка и ссылка на работы; 2) наказание кнутом и ссылка в работы или на житье; 3) наказание плетью и ссылка в монастырь или возвращение на место жительства. К последнему наказанию приговаривались бывшие на одном сбире. Для тех, которые по следствию оказывались не явившимися к духовным властям с повинными доношениями в указанный срок, мера наказания повышалась на одну степень. Приговоренные к ссылке посылались в Сибирь в разные города, остроги и монастыри, и в Оренбургский край. По первой категории было осуждено 11 человек, по второй – 225 человек, по третьей – 61 чел. Двум малолетним крестьянским детям плети были заменены розгами. Без наказания была сослана в дальний монастырь (Свияжский Предтеченский) одна Авдотья Лопухина».

Новое дело о хлыстах начинается с 1745 года, когда учреждается опять особая о раскольниках комиссия из светских и духовных персон. Следствие тянулось до конца 1748 года, когда комиссия приступила к постановлению приговоров, которые в форме «мнений» предлагались на утверждение Синоду в экстракте; те же экстракты сообщались Сенату «во известие». Всех лиц в экстрактах упоминалось 446 человек¹¹⁵².

«Духовные члены комиссий – говорит Нечаев – не нашли возможным ни одного из подсудимых подвергнуть церковной каре, т. е. клятве и отлучению от церкви, потому что все оказались обратившимися к церкви во время следствия; определение рода и меры наказаний предоставлялось поэтому светскому суду, с которым духовные присутствующие и сходились в мнениях в большинстве случаев. Немногим осужденным сверх уголовного наказания было назначено

церковное покаяние в виде «крестообразного лежаия» в церкви в течение года. Светские судии поставляли приговоры на основании Соборного Уложения 1 гл. 1 пункта. 10 гл. 232 п., 21 гл. п. п. 9, 10, 38, 63 (о наказании воров и разбойниковъ), указа 16 Августа 7163–1655 г., Морского Устава 4 кн. 1 гл. § 2, 3, 5 (о наказаниях за богохульство), и указа от 7 Августа 1734 года.

Известно 414 приговоров: в дошедшей до нас копии экстракта от 20 Января 1749 года не достает 45 приговоров, по 11 из них узнаем из списка освобожденных на расписки; в этом же списке находим мнения о купце Буркове и строителе Синаксарской пустыни Иоасафе, экстракты о которых не сохранились. Было приговорено: а) к публичному сожжению в срубе 5 чел., б) к смертной казни 26 ч., в) к наказанию кнутом, вырезыванию ноздрей и ссылке 18 ч., г) к наказанию кнутом и ссылке 171 ч., д) к наказанию плетьюми и ссылке 17 ч., е) к наказанию плетьюми и отдаче в солдаты и матросы 38 ч., ж) к наказанию плетьюми и ссылке в монастыри на исправление 5 ч., з) к наказанию плетьюми и отдаче на прежнее жилище 78 ч., и) к наказанию плетьюми и выдаче замуж за правоверующих 9 ч.

От наказания освобождено и разослано по монастырям 28 человек.

Различные мнения были поданы о 19 человеках. Менее виновные, по силе Синодского указа от 22 Марта 1749 г., были приводимы к присяге в Успенском соборе и освобождены на поруки до постаповления приговора. С 16 Апреля 1749 года по 6 Августа 1752 года принесли присягу 292 человека»¹¹⁵³.

Но приведенные приговоры Сенат несколько изменил. О приговорах Сената мы узнаем из указа Св. Синода от 9-го Декабря 1756 г. Здесь сказано, что причастных к «квакерской ереси», т.е. хлыстовщине, оказалось 416 чел., при чем сообщаются определения о 410 человеках, именно: «До будущего об осужденных к смертной казни колодниках рассмотрения, – читаем в указе, – по наказании кнутом, мужеск пол в Рогервик в тяжелую работу, а женск – на фабрики 34, по наказании ж кнутом 28, без наказания в Рогервик же, да по наказании плетьюми годных написать в солдаты и матросы, а не годных, таж монашествующих и женск пол, оставить в

прежних жилищах и монастырях 216, по наказании шелепами в дальние монастыри стариц двух по наказании плетью отпустить на прежние жилища 83, да без наказания ж на прежние ж жилища 47»¹¹⁵⁴.

С Екатерины II на сектантство начинают смотреть с точки зрения общественной и государственной, а не религиозной. В 1772 г. напр., было велено дело о скопцах «трактовать, как обычное гражданское, а не иначе»¹¹⁵⁵. Эта точка зрения была усвоена правительством и в эпоху Александра I, когда сектантское движение приобретает широкое распространение. Мы уже знакомы с личными принципиальными воззрениями Александра Благословенного на вопрос о свободе совести. В ереси он видел общественно-полицейскую сторону – нарушение порядка и благочиния. Поэтому и не мог считать распространение этих ересей, а равно и их публичное оказательство, деяниями абсолютно безнаказанными. Какие же меры наказания употреблялись в отношении к сектантам в первое 30-летие XIX века?

Эти наказания до издания Свода законов, или точнее до Высочайше утвержденного 20 Октября 1830 г. мнения Государственного Совета о духоборах, иконоборцах, малаканах, иудействующих и других признанных особо вредными еретиками¹¹⁵⁶, не имели твердой определенности. Поэтому, нам придется указать только отдельные случаи наказания тех или других сектантов, пользуясь тем материалом, какой дает Варадинов в 8-ой книге своей «Истории Министерства Внутренних Дел».

Правительство не сразу провело ту разницу между сектами не фанатическими и сектами, характеризующимися изуверством, какая замечается в указанном Высочайше утвержденном 30 Октября 1830 г. мнении Государственного Совета. Скопцы и хлысты подлежали не более строгому наказанию, чем духоборы, малакане и т.п. секты рационалистического характера.

Наказания сектантам имели частью предупредительный характер, а частью карательный. Переселение духоборцев из Тамбовской и Воронежской губерний в Таврическую¹¹⁵⁷ подало

правительству мысль применить эту меру ссылки и для других случаев и не только по добровольному желанию сектантов, но и по суду, т. е. как меру предупредительно-карательную. Поэтому сосланные в 1800 году из Перекопского уезда в Сибирь для работы на Екатеринбургских заводах духоборцы в 1805 году были освобождены от них и были поселены в Мелитопольском уезде¹¹⁵⁸. Ссылка в Таврическую губернию, кроме духоборов, применялась еще и к принадлежащим к секте иконоборцев¹¹⁵⁹, а равно и малакан¹¹⁶⁰. Кроме Таврической губернии сектантов ссылали и в Кавкасскую: она была обычным местом ссылки для субботников¹¹⁶¹. Оставалась в действии и ссылка в Сибирь, а также заключение в монастырь. Заключение в монастырь практиковалось не очень часто. Так, около 1806 г. два казака войска Донского, Прокудин и Артемьев, уклонились в духоборскую ересь. Император Александр повелел поступить согласно с представлением Наследника Константина Павловича, а Константин Павлович изъяснял, что, рассмотрев «суд, произведенный при Великолуцком Мушкетерском полку над упомянутыми казаками Прокудиным и Артемьевым, за отрицание от закона духовного, исповедуемого Православною Греко-Российскою церковью, за непризнание никакой власти и неповиновение оной, находил, что оные казаки не только в столь важном их преступлении признались пред военным судом, но и упорно подтвердили оное, за что комиссия Военного суда, на основании вышеписанных из дел узаконений, приговорила к смертной казни, а генерал от кавалерии Обрезков мнением полагал: выключая из воинского звания, наказать кнутом, дав каждому по 50 ударов, и вырезав ноздри с постановлением на лице знаков, отослать вечно в отдаленные вь Сибири рудные заводы в работу. А Его Императорское Высочество, заключая, что, хотя по важности преступления и заслуживают сего определяемого им наказания, но с другой стороны, входя в существо всего дела, полагал мнением, дабы, не наказывая их кнутом, заковать навсегда в железы и отослать не в каторжную работу, но в Соловецкий монастырь; ибо всякое публичное телесное наказание будет их более утверждать в их заблуждении и подаст им о себе мысль,

как о страждущих невинно за веру; а вечное заточение в пустыне каждого порознь будет им вящим наказанием и даст им время опомниться в их заблуждении; сверх того, площадное наказание может более и других заблудившихся, под названием духоборцев, отвлечь от православные церкви и послушания Верховной власти в виде невинно за веру мучимых, а ссылка в каторгу произвести таковую же вредную заразу в развращении веры Греко-Российского исповедания и непризнавания Верховной власти между порочными людьми, туда сосланными».

В соответствии этому мнению Наследника Цесаревича Св. Синод 1/15 Февраля 1807 г. определил: «об означенном Высочайшем повелении Ставропигіального Соловецкого монастыря Архимандриту Илариону дать знать указом и предписать ему при том, чтобы означенные казаки Прокудин и Артемьев были содержимы в оном монастыре, согласно мнению Его Императорского Высочества, Государем Императором Высочайше подтвержденному»¹¹⁶². В тот же Соловецкий монастырь в том же 1807 году были сосланы из Екатеринославской губернии 4 духобора¹¹⁶³.

Были сосланы в монастыри один скопец¹¹⁶⁴ и один скопческий учитель¹¹⁶⁵ и один субботник¹¹⁶⁶. В Соловецком монастыре, как это видно из ведомости о содержащихся в нем арестантах 1835, было заточено 9 человек скопцов¹¹⁶⁷. Они в монастыре содержались до 1835 г., когда по Высочайшему повелению их было велено отдать в солдаты¹¹⁶⁸. В 1823 г. Комитетом Министров было постановлено послать в монастыри 4 крестьян Калужской губернии, распространявших какую-то ересь, похожую на скопчество¹¹⁶⁹.

В 1806 г. был заточен в Соловки псаломщик Иванов за уклонение в ересь жидовствующих¹¹⁷⁰.

Ссылка в Сибирь была связана с другим наказанием, применяемым по отношению к сектантам, – с отдачей в военную службу. Годные брались в рекруты, а негодные и женщины присуждались к ссылке в Сибирь или на поселение, или на работы на заводах. Это наказание применялось к распространителям духоборческой секты¹¹⁷¹, к

распространителям иконоборческой секты¹¹⁷². Точно также в военную службу было велено отдавать жидовствующих, а не способных к ней ссылатъ в Сибирь¹¹⁷³. Св. Синод к этому предложил посылать субботников на военную службу в Грузию и по окончании срока не возвращать их на место прежнего жительства¹¹⁷⁴. Скопцов было также велено отдавать в солдаты. Распоряжения касательно этого были сделаны правительством несколько раз, сначала в виде отдельного мероприятия¹¹⁷⁵, а в 1807 году в качестве уже общей меры¹¹⁷⁶.

В 1816 г. Комитет Министров постановил отсылать скопцов в войска, расположенные в Сибири и Грузии, а неспособных – на поселение в Иркутскую губернию¹¹⁷⁷. Но Государь приказал так поступать с главными зачинщиками, или с теми, которые производят оскотление; закон этот дополнен впоследствии тем, что сила его распространена на людей, которые сами себя оскотили¹¹⁷⁸. Женщины, оскотивши себя и других, ссылались в Иркутскую губернию на суконные фабрики¹¹⁷⁹.

Каким наказаниям подлежали принадлежавшие к секте хлыстов, мы не можем указать: книга Варадинова не дает для этого нам достаточных данных¹¹⁸⁰.

Что касается раскола старообрядчества, то его распространители и фанатичные последователи не оставались без наказаний. В Соловецкий монастырь было сослано несколько лиц за раскол. Так, в 1812 г., по Высочайшему повелению, был сослан крестьянин Шубин за произношение на Св. Церковь и на Св. Дары богохульных слов и за приверженность к расколу¹¹⁸¹; в 1821 г. – инвалид Кузнецов за соращение в раскол нижних военных чинов¹¹⁸². В 1823 г. были присланы в Соловецкий острог наставники старообрядческого Московского Рогожского кладбища, Ѳедотьев и Гнусин¹¹⁸³, В 1825 г. были заточены в Соловецком монастыре раскольники – Кудимов, за отступление от православной веры и надругательство над иконами, Низов – за отступление в раскол и соращение в него других, Кузнецов – за раскольническую ересь¹¹⁸⁴. В 1830 г. – чиновник Крестинский за соращение себя, жены своей и детей в раскольническую ересь безпоповщини¹¹⁸⁵. В 1831 г. Герасимов, Павлов и Ефимов, неслужащие инвалиды

округов военного поселения, за распространение раскола были по Высочайшему повелению навсегда заточены в Соловецком монастыре¹¹⁸⁶.

В 1830 г. Высочайше утвержденное 30 Октября мнение Государственного Совета объединило все эти узаконения и сообщило большую определенность и твердость карательной деятельности уголовного суда. Оно же притом почти целиком вошло в Свод законов уголовных. Свод законов уголовных 1832 г. термин «раскольникъ» понимает в смысле распространенном, причисляя сюда всех принадлежащих к сектам особенно вредным. За распространение своей ереси и привлечение к оной других, а равно и за соблазны, буйства и дерзости против церкви и духовенства православной веры, виновным назначено зачисление в солдаты в случае годности, а в случае неспособности – водворение в Закавказския провинции. Последнему наказанию подлежали и женщины (ст. 192). Сибирские сельские жители и граждане, виновные в тех же преступлениях, отдавались на службу в отдаленные отряды Сибирского Корпуса или на поселение в отдаленные края Сибири (ст. 193).

За вторичное отпадение в сектантство виновные возвращались в Закавказския провинции уже безвозвратно (ст. 195). Виновные, уже на военной службе, в буйствах и дерзостях против православной веры и духовенства должны судиться уже по военным законам (ст. 196). А малолетних детей, производящих по жидовской ереси духовные обряды в кругу ли своего семейства, или вне онаго, отсылать способных в батальоны и полубатальоны военных кантонистов, для поступления с ними по усмотрению военного начальства, неспособных же обращать на казенные фабрики, по распоряжению Министерства финансов (ст. 197).

Скопцы отчасти подлежали общему узаконению (ст. 192), а отчасти подчинялись особой 199 (217 изд. 1842 г.) статье, по которой указанные выше правила не распространяются на наставников и последователей таких сект, коих ереси соединены с жестоким изуверством и фанатическими на жизнь свою или других посягательствами; этого рода лица должны

быть наказываемы по законам о смертоубийстве или намерении к самоубийству (ст. 199 изд. 1832 г.; 217 изд. 1842 г.).

Принятие православия, по общему правилу, избавляло от ссылки и наказания (ст. 208, 209, 212 изд. 1842 г.)¹¹⁸⁷. Но подобное прощение могло быть даровано только один раз (ст. 211 изд. 1842 г.; в изд. 1832 г. ее нет).

Таковы постановления Свода законов уголовных о наказуемости раскола. Но XV том Свода не воплотил в себе всей суммы запретительных норм о расколе и ереси, действовавших в царствование Николая Первого. Часть этих норм, не нашедшая себе уголовной санкции в XV т., находится в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений. Так как постановления этого Устава имели значение основы, на которой покоится наказуемость раскола в Уложении о наказаниях, то знакомство с ними мы считаем не лишним.

Устав вообще провозгласил тот принцип, что раскольники не преследуются за мнения их о вере (ст. 60 изд. 1842). Но им запрещается заводить скиты и обители (ст. 61), вновь строить или переделывать их часовни и молитвенные дома (ст. 62), обращать в молельни крестьянские избы (ст. 64). Запрещается соращение в раскол (ст. 60, 71), заведение и распространение между православными ересей (ст. 72) и всякое внешнее оказательство ереси со стороны последователей ее (ст. 77). Раскольники и еретики, виновные в распространении раскола или ереси, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и православного духовенства, подлежат суду (ст. 83). Суду же подлежат лица, виновные в принуждении или соглашении малолетних детей к совершению обрядов по жидовской ереси (ст. 84), а равно наставники и последователи таких сект, коих ереси соединены с жестоким изуверством и фанатическими покушениями на жизнь свою или других (ст. 85). Проповедники разврата и оскотления также подлежат суду (ст. 86), при чем оскотившие сами себя предаются суду на таких-же основаниях, как и оскотляющие других (прим. к ст. 86). Из уездов, где находится жидовская ересь, Устав требует высылать всех евреев без исключения (ст. 81), а если здесь явятся евреи, то поступать с ними, как с безпаспортными, и подвергать

наказанию лиц, давших им пристанище (ст. 82). Раскольникам в собственном смысле запрещается печатать и продавать раскольнические богослужебные книги печати не Московской Синодальной или единоверческой типографии (ст. 65). – Если мы сопоставим эти статьи Устава о предупреждении и пресечении преступлений со Сводом законов уголовных, то должны будем констатировать тот факт, что область уголовно-наказуемых деяний, входящих в понятие раскола и ереси, была не велика. По Своду уголовно-наказуемы только совращение в раскол, распространение ереси или раскола, вторичное отпадение в раскол, принадлежность к сектам, проповедующим изуверство или разврат, и совершение малолетними детьми обрядов по жидовской ереси. Остальные проступки, запрещаемые Уставом, не влекли за собою уголовных кар. Иначе к этому отнеслось Уложение о наказаниях.

ВВ. Раскол и ересь по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных.

Уложение о наказаниях за все время своего существования не осталось в одном неизменном виде, данном ему его составителями. По мере изменения тех или иных отделов нашего права и Уложение изменяло соответствующие статьи приспособительно к новым законам. Такие перемены пришлось пережить и тому отделу, который трактует «о ересьях и расколахъ». Первые издания Уложения основываются на тех постановлениях о расколе, какие находились в Уст. пред прест. (изд. 1842 г.), а издание 1885 г. уже соотнобразуется с теми переменами, какие внес в положение раскола закон 3 мая 1883 года. По сравнению же со Сводом законов уголовных Уложение отличается большим количеством преступных деяний, связанных с содержанием раскола или ереси. Большинство тех проступков, которые запрещал Устав о предупреждении и пресечении преступлений (изд. 1842 г.), не указывая однако за них каких-либо наказаний, в Уложении о наказаниях стали преступлениями, влекущими за собою уголовные или исправительные кары. Познакомимся сначала с постановлениями о расколе и ереси в первых изданиях

Уложения, а затем с переменами, внесенными в этот отдел законом 3 мая 1883 г. По первым изданиям Уложения виновные в распространении существующих между отпавшими от православия ересей и сект или в заведении новых (ст. 206 изд. 1845 г.), последователи особенно вредных сект (как-то: духоборцы, иконоборцы, малакане, иудействующие, скопцы) за распространение их сект и совращение (ст. 207), принадлежащие к ересям, соединенным с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противонаравственными гнусными действиями (ст. 212), наказывались одинаково – ссылкой на поселение – и таким образом: из Европейской России в Закавказский край, из областей Кавказской и Каспийской и из губерний Грузино-Имеретинской в Сибирь, а по Сибири в отдаленнейшие места ея. При этом последователи особенно вредных сект и принадлежащие к ересям, о коих говорит 212 ст. Уложения по изд. 1845 г., на местах поселения водворялись особо от других поселенцев и старожилов. Малаканы и прочие, принадлежащее к особо вредным ересям, уже за одну публичную проповедь их лжеучения признавались распространителями ереси (ст. 207, ч. 2). Насильственное совращение в раскол или ересь наказывалось каторжными работами от 12 до 15 лет (ст. 210). Таким-же наказанием, как и за ненасильственное совращение в раскол, подлежали раскольники за явное оскорбление православной церкви по заблуждению фанатизма (ст. 206, ч. 2), а также родители или воспитатели, допустившие малолетних христиан производить обряды по жидовской или иной ереси (ст. 209, ч. 1). Сами малолетние, совершившие эти обряды, отсылались – способные к военной службе в батальоны и в полубатальоны военных кантонистов, а неспособные – на казенные фабрики (ст. 209). За оскотление себя виновные наказывались ссылкой на поселение, а за оскотление других – каторгой от 4 до 6 лет (ст. 211). За вторичное отпадение в раскол Уложение назначает ссылку на поселение безвозвратно по 206 и 207 статьям (ст. 213). Православные, совратившиеся в раскол или ересь, должны отсылаться к духовному начальству для увещания и

вразумления (ст. 206, ч. 3). Епархіальное начальство при отпадении кого-либо в раскол или ересь должно было поступать сообразно 75 ст. Устава пред. прест., именно: местные приходские священники должны немедленно приступить к мерам наставления и увещаниям, которыя, если бы не достигли своей цели, повторяются со стороны епархіального начальства чрез тех же священников или других духовных лиц. При безуспешности таких мер совратившийся вызывается, по сношению с гражданским начальством, и увещевается в присутствии Духовного Правления или Консистории и, смотря по надобности, лично Архиереем. Убедившийся обращается в общине церкви и не подвергается никакой дальнейшей ответственности. О преслушавшем же церковь, если при всех убеждениях его со стороны духовенства он не придет в раскаяние с обращением к церкви, сообщается гражданскому начальству, хотя ни Уложение о наказаниях, ни Устав не указывают того, как должно поступать гражданское начальство с упорными отступниками от православия.

Только что перечисленные преступления, предусматриваемые Уложением о наказаниях, не составляют чего-либо нового по сравнению со Сводом законов уголовных, исключая только более подробную редакцию текста статей. Кроме этих преступлений Уложение знает несколько деликтов, доселе не подлежавших уголовному наказанию, хотя и запрещенных Уставом о предупреждении и пресечении преступлений. Так, по Уложению о наказаниях изд. 1845 г. раскольники, виновные в издании старопечатных книг не Московской Синодальной или единоверческой типографии или в продаже раскольнических богослужебных книг, наказываются штрафом от 100 до 200 р. за первый раз, и вдвое в следующие разы, при чем в третий раз они кроме штрафа наказывались еще тюрьмою от 3 до 6 месяцев. Найденные у них книги отбираются и отсылаются к епархіальному начальству (ст. 214). За устройство раскольнических скитов и обителей, за постройку молитвенных домов и за обращение крестьянских изб в молельни Уложение назначает заключение в тюрьме от 1 до 2 лет (ст. 215). Еврей, высланный из мест распространена

жидовской ереси, за самовольное возвращение назад наказывался розгами в количестве от 20 до 40 ударов и подлежал отдаче в рядовые без выслуги, или же, в случае неспособности к военной службе, ссылке на поселение за Кавказ (ст. 216). А давшие такому лицу пристанище наказывались, если это был помещик, арендный, поссессионный или временный владелец казенного имения, то – денежным взысканием в первые два раза и потерю прав над имением в 3-й раз, а если это был или крестьянин или городской обыватель, то арестом от 3 недель до 3 месяцев в первые два раза и тюрьмою от полугода до года в третий раз (ст. 217). Эти 4 статьи представляют собою уголовные санкции уже знакомых нам статей Устава о пред. прест. Так, 214 ст. Уложения основывается на 65 ст. Устава, 215 ст. на 62 и 64 ст., 216 и 217 ст. на 81 ст. При издании Уложения в 1857 году в отделение «о ересьях и расколах» были вставлены две новых статьи: 222 и 227. По 222 ст. скопец, у которого в паспорте это не оговорено, наказывается, как за самооскопление; а хозяин скопец, принимающий к себе в дом работника, постороннего или родственника, который окажется оскопленным, между тем как в его паспорте это не оговорено, подвергается наказанию, как за оскопление других. По 227 ст. малаканы, имеющие в домах своих, на фабриках и заведениях людей православного исповедания в услужении или в работниках, или сами вступившие в услужение в дома или к хозяевам православного исповедания, наказываются арестом от 3 до 7 дней.

Закон 3 Мая 1883 года¹¹⁸⁸ предоставил раскольникам свободу общественного богослужения, разрешив им исправлять и возобновлять принадлежащая им часовни и другия молитвенная здания. Вместе с сим этот закон отказался от прежней номенклатуры раскольниковских толков. Но так как он имеет в виду главным образом раскольников в собственном смысле, то практическое действие его не распространяется на сектантов. Между тем Уложение о наказаниях в изд. 1885 г. усвоило термин *раскольник* в общем смысле, включив сюда и раскольников в собственном смысле и сектантов. В данном случае оно следовало прежним изданиям, где слова: ересь и

раскол употребляются как синонимы. Отказавшись от номенклатуры в законе толков раскола и еретических сект, Уложение 1885 г. должно было с одной стороны выкинуть те статьи, которые относились к отдельным сектам, с другой – изменить редакцию статей в смысле придания им большей общности. В Уложении 1885 года уже не встречается постановлений о малаканах или иудействующих. Но сделано исключение для скопчества, и сохранена статья о наказании за принадлежность к сектам, соединенным с свирепым изуверством или противонаправственными гнусными действиями. По отношению же к расколу в собственном смысле были сохранены: статья о наказуемости печатания и продажи раскольнических богослужебных книг, изданных в других типографиях помимо указанных в законе (ст. 205 изд. 1885 г.), а также статья о наказуемости а) устройства скитов и обителей и б) нарушений законов относительно раскольнических молитвенных зданий (ст. 206). В этом последнем пункте Уложение основывается прямо на законе 3 Мая 1883 года. Что касается преступлений, где раскольники и сектанты в отношении наказуемости уравниваются, и между ними не проводится никакого различия, то сюда относятся: 1) распространение ереси или раскола, а равно и заведение новых сект (ст. 196, ч. 1 и 200), 2) оскорбление раскольниками православной церкви или духовенства ею из фанатизма (ст. 196, ч. 2), 3) публичная проповедь раскольниками и сектантами их лжеучения или совершение раскольнических треб над православными (ст. 196, ч. 3) и 4) вторичное отпадение в раскол (ст. 204). Особо выделяется статья, назначающая кары за принадлежность к изуверным сектам (ст. 203), и статьи о наказании скопцов. Уложение о наказании изд. 1885 г. сохранило постановления о скопцах без изменения, наказывая 1) распространение скопчества (ст. 197), 2) оскотление других и оскотление себя (ст. 201), 3) имение скопцами паспортов без прописки об их скопчестве (ст. 202) и 4) самую принадлежность к скопчеству (ст. 203). Всеми указанными деликтами и исчерпывается область преступлений, относящихся к ереси и расколу. О том, как поступать с отпадшими от православия в раскол, Уложение не

говорит. В Уставе о предупреждении и пресечении преступлений указывается, что православные, в случае соращения в раскол, назидаются по усмотрению духовного начальства в истинной вере и увещаются чрез местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых епархиальным начальством. Но такие назидания и увещания производятся над соращенными без отвлечения их от мест их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий (ст. 56). Успешность или безуспешность увещаний не имеет никакого юридического значения. Теперь Устав уже не требует сообщения гражданскому начальству о тех соращенных, которые остались упорны в своем заблуждении, не смотря на все увещания духовного начальства, как этого требовал, напр., Устав изд. 1842 г.

Что касается наказаний за указанные преступления, то Уложение о наказаниях 1885 г. следует вообще прежним изданиям с небольшими изменениями лишь в некоторых статьях. Так, по старым изданиям последователи особенно вредных сект, в том числе и скопцы, за распространение своих ересей наказывались наравне с раскольниками, т. е. ссылкой на поселение – из России в Закавказье, из Закавказья и Ставропольской губернии в Сибирь, а по Сибири – в отдаленнейшие места (ст. 217, изд. 1857 г.). Между тем по Уложению изд. 1885 г. скопцы за распространение скопчества ссылаются из всех местностей в отдаленный край Сибири (ст. 197). Такому же наказанию подлежат лица, виновные в оскотлении самих себя (ст. 201, ч. 2). Наказание тюрьмой изменяется лишь в сроках: там, где прежние издания назначали ее на время от 3 до 6 мес., последнее издание назначает – от 2 до 4; а там, где назначался срок тюремного заключения от 1 до 2 лет, теперь назначается от 8 до 16 месяцев. В двух случаях последнее издание Уложения назначает свои наказания, именно за преступления, о которых не было речи в прежних изданиях. Так, за публичную проповедь раскола, а также за совершение над православными духовных треб раскольниками Уложение назначает наказание, одинаковое с наказанием за отвлечение от православия чрез сочинения (ст. 196, ч. 3 по прод. 1893 г. – ссылка на 189 ст.), т. е. тюрьму от 8 до 16 месяцев за первый

раз, заключение в крепость от 2 л. и 8 мес. до 4 лет во второй раз и ссылку на житье в Сибирь или арестантския роты от 1 1/2, до 2 1/2 лет. Виновные же 1) в исправлении или возобновлении приходящего в ветхость раскольнического молитвенного здания без разрешения губернатора или начальника области, 2) в перестройке раскольнического молитвенного здания, изменяющей общий его наружный вид, без разрешения Министра Внутренних Дел, 3) в постройке нового молитвенного здания или обращении в таковое уже существующего без требуемого законом разрешения со стороны Министра Внутренних Дел, – виновные в этом приговариваются к тюремному заключению на время от 4 до 8 месяцев (ст. 206, ч. 2).

Остальные кроме указанных преступления наказываются на старых основаниях.

Д. Уклонения от исполнения постановлений Церкви.

1. Уклонение от исповеди и Св. Причастия.

Соблюдение установлений церковных было вменено в личный долг каждому верноподданному и истинному сыну церкви. Но в некоторых случаях это исполнение было прямою обязанностью чисто юридического характера: это именно неуклонная ежегодная исповедь. По указу 17 Февраля 1718 г. все должны повсягодно исповедываться¹¹⁸⁹. Уклонение от исповеди было признано Петром В. за преступление. Им было велено всех не желающих исповедываться «причитать за раскольников и ослушников»¹¹⁹⁰ и штрафовать¹¹⁹¹. Преемницы Петра В. подтверждали эти указы о неуклонном исполнении этого долга. Так, в 1737 г. Анна Иоанновна указала штрафовать всех, кто уклоняется от исповеди и Св. Причастия¹¹⁹²; тоже указала и Императрица Елизавета в 1740 г.¹¹⁹³ На Св. Синод было возложено следить за теми, кто не исповедывался, и отсылать таковых в Коммиссариат «для надлежащего по указам с тех неисповедующихся взыскания»¹¹⁹⁴.

Все должны были исповедываться у своих духовников, и только в 1772 году было дозволено безпрепятственно исповедываться и не у своего духовника¹¹⁹⁵. Для большей действенности всех этих узаконений при Елизавете Петровне

был издан указ, по которому подсудимые имели право отводить свидетелей, не бывших в течение трех лет у исповеди и Св. Причастия¹¹⁹⁶. Размер штрафа был следующий: с разночинцев и посадских в первый раз – по рублю, во второй – по два, в третий – по 3 рубля, а с поселян в первый раз – по 10 денег, во 2-й раз – по гривне, а в третий – по 5 алтын¹¹⁹⁷.

Относительно практического применения этих постановлений Св. Синодом в 1721 году было указано: 1) с малолетних до 8 лет штрафов не брать; 2) с мужчин и женщин штраф брать одинаково¹¹⁹⁸; 3) тех раскольников, которые добровольно себя объявят, оклада брать с того числа, в которое они будут записаны, а с открытых сыском штраф брать со дня объявления указа¹¹⁹⁹.

Тех, кто не мог уплатить этих штрафов, было велено, по указу 5 Мая 1722 г., – мужчин посылать на галеры, а женщин в Москву на прядильный двор¹²⁰⁰. Священники за утайку лиц не исповедывавшихся подлежали наказанию (V. № 3183). Эти строгия постановления нашли себе место и в проекте 1754 года. «А ежели кто, – читаем мы в 3 ст. 15 гл., – во дни святые четырехдесятницы или следующих потом трех постов, исповедываться и без законных причин Святых Таин приобщаться не будут, с таковых, какого-бы они звания и чина ни были, нашим губернаторам и воеводам и прочим светским командирам по подаваемым от духовных правительств о тех не исповедававшихся именным реестрам, взыскать штрафы без всякого послабления; ктож духовным правительствам по представлениям их должного вспоможения чинить не будут, и в том будут доказаны, таковых штрафовать двойным взысканием тех запущенных денег, как о том ниже сего и сказано». Размер штрафа оставлен тот же (ст. 4).

В царствование Екатерины II, в 1765 г. 30 Сентября¹²⁰¹, был издан указ, коим определялись некоторые подробности в наложении наказания за уклонение от исповеди и узаконялась замена одних наказаний другими. Этим указом было велено: 1. «Разночинцев за небытие в первый, второй и третий годы на исповеди и у святого причастия, коим за то положенных, по вышеупомянутым прежним имянным и Сенатским, обще с

Синодом, указам, денежных штрафов за совершенную скудость и нищетою, платить будет не чем, употреблять по усмотрению Губернаторскому в работы казенные и полицейския, и в той работе содержать по две недели; и сверх того, оным в работу употребляемым, доколе они в той работе будут, давать в пищу хлеб и воду, а телесного наказания им не чинить; за помещиковых же и владельческих людей и крестьян, кои за неисповедь положенных штрафов сами платить будут в несостоянии, – взыскивать те штрафы с помещиков их и владельцев, а в небытность оных – с прикащиков и старост, а за дворцовых и экономических – с управителей, казначеев и старост же, в чьем те крестьяне находятся, за их в том несмотрение. 2. Се воинских сухопутных и морских нижних чинов служителей, яко-то: унтер-офицеров, капралов, рядовых, их жен за небытие на исповеди и у Святого Причастия, в рассуждении малоокладного, получаемого ими жалования, штрафа взыскивать против поселян – за первый год по 5, за второй – по 10, а за третий – по 15 копеек. 3. Кто из неимеющих рангов воинские и прочие чины, також купечество, разночинцы и дворовые люди явятся сверх трехлетнего времени в небытии на исповеди и у Святого Причастия, а в расколе не окажутся: таковым, яко за преступление, требующее духовного, а не телесного исправления, телесного наказания никому не чинить, а наказывать их публичным церковным покаянием, молитвою и постом. Буде же ко и после оногo в таковой же неисповеди окажется, таковых наказывать же, во-первых: на некоторое по рассмотрению время тюрьмою, питая во время того содержания хлебом и водою, а потом им чинить публичное-ж церковное покаяние и указную, по силе Духовного Регламента в правоверии присягу. 4. С состоящих в обер-офицерских рангах и их жен и детей, не бывших у исповеди и святого причастия сверх трех лет, штрафа взыскивать против того, что за третий небытия на исповеди и у Святого Причастия год положено в трое, то есть по 9 рублей, умножая таковую-ж тройною прибавкою, ежели кто и долее исповедываться и Святым Таин приобщаться не будет. 5. А как вышеписанные от губерний о неисповедавшихся представления в Сенат вступили до

состояния Всемиловейшего Ея Императорского Величества прошлого 1762 года Сентября 22 дня указа, то вышеписанных работою, церковным покаянием и тюрьмой наказанием тем, кои в означенных неисповедях до состояния одного указа явились, не чинить, а поступить по сему с теми, кто с состояния одного Всемиловейшего указа в таковых неисправлениях оказались, и впредь окажутся, денежных же штрафов за неисповедь, с кого что надлежит, а по состоянию того указа не взыскано, по состоянию состоявшегося в том же 1762 году Октября 23 (25) дня указа взыскать только третью часть, в прочем же во всем во взыскании за неисповедь штрафов поступать по прежде состоявшимся именным и сенатским указамъ».

Штрафы за неисповедь существовали весь XVIII век. В начале XIX ст. был издан указ, коим предписывалось это преступление наказывать церковным, а не уголовным наказанием. Это именно указ 26 января 1801 года. «По именному Его Императорского Величества Высочайшему указу, состоявшемуся сего Января в 18 день на поднесенном от Синода докладе, которым всеподданнейше представлено было, что по утвержденному Имянными Его Императорского Величества Высочайшими указами, состоявшимися прошлых 1798-го Марта 12 и 1800-го годов Октября 27-го чисел, о дозволении старообрядцам иметь церкви и священников, рукоположенных от Епархиального Архиерея, и между прочим повелено: таковых старообрядцев за небытие у исповеди и Святого Причастия, яко духовное прегрешение, вместо взыскания с них за то штрафа, наказывать духовными эпитимиями; напротив же того, с тех, которые не состоят в старообрядчестве, взыскивать за небытие у исповеди и Св. Причастия положенные именным 1765 года Сентября 30 дня указом денежные штрафы, а как приверженные истинно к православной церкви редко упускают исполнение сего христианского долга, и то по стечению каковых-либо обстоятельств; нерадящие же об этом единственно для избежания платежа за то штрафа, как из дел, произведенных в Синоде оказалось, объявляют себя старообрядцами, следовательно, сделанная старообрядцам от платежа

помянутого штрафа свобода, не только дает им пред православными выгоду, но служит некоторым, слабым в вере и не радящим о должностях христианских, поводом к удалению от православной церкви, а сбор сих штрафных денег не может простираться до такого количества, чтобы составлял знатный государственный доход, для того Синод всеподданнейше испрашивал Высочайшего указа, не благоугодно-ли Его Императорскому Величеству Всемиловитейше повелеть оставить взыскание штрафов и с тех, которые пребывают непоколебимо в исповедании православной Греко-Российской церкви, а сообразно вышеупомянутому Высочайше подтвержденному Его Императорским Величеством о старообрядцах, приемших правильное священство, положению, предоставить за то небытие у исповеди и причастия Св. Таин приватному суждению духовных их отцов, если же кто по нерадению или пренебрежению, или по другим незаконным причинам уклоняться будет от сея святыни, на таковых при внушении им с довольным увещанием о неудалении от оной, налагать публичные церковные эпитимии с ведома епархиальных архиереев, не отлучая однако никого из поселян и обязанных службою от домов, а при церквях под смотрение приходских священников и сельских или волостных начальников, а в городах при посредстве начальства по состоянию каждого, заставляя сих нерадящих о сем спасительном долге, чрез несколько дней в приходской церкви класть земные поклоны, закоснелых же в том ставить публично на колени в церкви или притворе церковному а ежели кто в сем упорствовать станет, или прислан будет из светского присутственного места для духовного суждения за удаление его от исповеди и Св. Причастия, таковых посылать для исправления в монастыри попрежнему, а поселянам, пока оно не исполнят, не давать для отъезда по промыслам их покормежных писем. И на оном докладе собственною Его Императорского Величества рукой написано тако: быть по сему. Св. Прав. Сипод приказали: о должном по сему Высочайшему Его Императорского Величества указу исполнении в Московскую Святейшего Синода Контору, во все епархии к Преосвященным

Архиереям, также армии и флота обер-священнику, Синодальному члену, протоиерею и кавалеру Павлу Озерецкому послать указы, предписав при том, дабы они Преосвященные по пастырскому своему долгу снабдили приходских священников потребными наставлениями, дабы оные старались прихожан своих располагать к точному и неперемennomу исполнению вышеизображенных христианских обязанностей, внушая им, что всемилостивейшее освобождение их от денежных за небытие у исповеди и Св. Причастия штрафов последовало не к послаблению нерадящих о сем спасительном деле, но дабы исправляя таковых уклоняющихся от оногo, яко за духовное прегрешение духовными же наказаниями привести в вящее восчувствование своего прегрешения и к истинному о том раскаянию. А как некоторые не от нерадения, но от стечения различных обстоятельств, какъто, по болезням, или по отлучкам от домов своих во время святых постов, а особенно во святую четьредесятницу могут иногда упустить исполнение сего христианского долга и необходимо нужного для спасения душевного, предполагая, будто в другое время кроме постов, исправить оногo не можно, а другие, почитая сами недостойными себя причащения Св. Таин, не объявляли, то таковых вразумлять, что истинное покаяние Всемилоливый Бог приемлет всегда, следовательно, и кроме постов могут они всегда во всякое время исповедываться, а по удостоению духовников своих приобщаться Св. Таин. В болезнях находящимся наипаче советовать исполнение: сего, яко душевного врачевства не отлагать до другого времени, и когда ими оно исправлено будет, то таковых показывать уже бывшими у исповеди и Св. Причастия, наблюдая при том, чтобы всяк, хотя единожды в год непременно сие исполнял, в отсылке же в губернския управления об одних не исповедавшихся имянных списков, а в Свят. Синод о исповедавшихся и неисповедавшихся перечневых экстрактов поступать по прежним указамъ»¹²⁰².

Применение этого указа можно иллюстрировать несколькими примерами. 1. В 1816 году из дела о поджоге, производившагoся в Казанских уездном суде и городовом

магистрате, открылось, что мещанская жена Марья Григорьева, по мужу Кадалова, по ее собственному признанию, давно не бывала у исповеди и Св. Причастия. В виду этого Казанская Палата Уголовного Суда отношением 4 Января 1816 года известила об этом Казанскую Духовную Консисторию «для надлежащего выполнения». Казанская Духовная Консистория постановила предписать благочинному г. Казани, Протоиерею Петру Талиеву указом, чтобы он означенную мещанку Кадалову «за прописанное небытие ее на исповеди и у Св. Причастия, заставлял ее ходить чрез несколько дней в приходскую церковь и полагать земные поклоны»¹²⁰³.

2. В 1819 году из Казанской Палаты Уголовного Суда была послана Цивильского уезда мещанина Ивана Винокурова жена Анна Винокурова, десять лет не бывшая у исповеди, в Казанскую Духовную Консисторию. Последняя постановила 17 Сентября 1819 г. предать Винокурову церковной эпитимии, именно, чтобы она весь рождественский пост ходила в церковь ко всем службам, за которыми и полагать по 25 поклонов, и буде по усмотрению ее приходского священника она окажется достойною, то в конце поста допустить ее до Св. Причастия¹²⁰⁴.

3. В том же году из Свияжского земского суда был послан в Казанскую Духовную Консисторию, более 3 лет не бывший у исповеди, крещеный из татар, Андрей Андреев для наложения церковной эпитимии. Казанская Дух. Консистория, справившись с указом 30 Сентября 1765 г. п. 3 и 1801 г. 18 Января, постановила 20 Ноября 1820 г. крещеного Андреева отослать к приходскому священнику для ставления его публично на колени в церкви в течение трех месяцев¹²⁰⁵.

4. В том же 1819 г. посланный из Казанского Губернского Правления дворовый Кондратьев за небытие у исповеди в Каз. Дух. Консисторию, для наложения на него эпитимии, был наказан последнею таким образом: Консистория 26 Августа 1819 г. постановила отправить его на полгода в Свияжский Богородицкий монастырь под смотрение искусного иеромонаха, который бы, внушая ему существо и важность христианской обязанности, старался привести его в чистое пред Богом раскаяние, а при том Кондратьев должен был присутствовать

при служении божественного славословия, и когда усмотрены будут плоды его раскаяния, тогда удостоить его во св. Четыредесятницу по надлежащем приуготовлении и Св. Причастия, а в свободное от молитвы время употреблять его и в монастырския послушания, для чего и кормить его от монастыря¹²⁰⁶.

Другая обязанность, исполнение которой требовали указы, хотя и без карательной санкции, это – посещение богослужения. При этом были перечислены все те дни, когда посещение службы Божией было обязательно¹²⁰⁷. Проект 1754 г. не назначил за это также никакого наказания. А проект 1813 г. вовсе не говорит об этом виде религиозных преступлений. Но Уложению о наказаниях православные за уклонение от исповеди и Св. Причастия, по нерадению или небрежению, подвергаются церковным наказаниям по усмотрению и распоряжению духовного епархиального начальства, с наблюдением того, чтобы при сем не были надолго отлучаемы должностные от службы, а поселяне от своих домов и работ (ст. 208). Родители, не приводящие своих детей, достигших 7 лет, к исповеди и Св. Причастию, подвергаются особому внушению от духовного и замечанию от местного гражданского начальства (ст. 209).

2. Совершение новокрещеными инородцами языческих суеверий.

На окраинах России, где русское население соприкасалось с инородческим, нередко случалось, что принявшие крещение инородцы иногда продолжали совершать свое старое языческое «кумирослужительство». Против подобного «кумирослужительства», а равно и других обрядов языческого характера, церковная власть не только действовала увещанием и убеждением, но и прещением. Так, в 1725 году Тобольской епархии поп Дороеей Скосырев, «с прежним новокрещеных остяков идолом побратавшийся», и дававший «самовольное оным остякам к первозлочестному их идоложертвию позволение из получаемой от них корысти», был лишен сана и, по определению Св. Синода, предан гражданскому суду. Тобольская Губернская Канцелярия Скосырева приговорила

вместо смертной казни к вырыванию ноздрей и ссылке в Нерчинск на серебряные заводы. Решение это состоялось 20 Сентября 1727 г., приведено же в исполнение 25 Октября 1728 г., с таким изменением, что Скосырев, вместо определенного ему наказания, был послан в Якутск для отсылки в Анадырский или другой дальний острог, на службу бессменно¹²⁰⁸.

В 1731 г. оказалось, что творятся суеверия в нескольких деревнях Ямбургского и Коморского уездов. Оказалось, наприим., что в деревне Вазговичах, в часовне, «собираяся тамошние обыватели в праздничные дни молятся, и мужики простые Яков Михайлов да Нестер Никитин при собрании народа ладоном кадят, и водой, не святою, но простою, в которую огарки восковых свеч гасили, как святые иконы, так и народ кропили». При этой часовне имеется у стены огороженный крест и две березы, к которым «на Флоров и на Воздвижениев дни принося петухов, закалывают, и кровь на оный крест и на березы проливают, а головы под крест кладут, и оных петухов у того креста и берез едят – и в постные дни и на Воздвижениев день». Оказалось далее, что в деревне Канбале «имеется камень, к которому, принося петухов на Воздвижениев депь, закалают и едят. В той же деревне у крестьянина Парамона Иванова посреде двора в навозе три креста, которым туж жертву приносят, петухов закалают и пивом обливают». При деревне же Валговичах на поле имеется камень, у которого на Флоров день убивают быка и едят¹²⁰⁹. Для исследования этого дела был послан в 1732 г. протопоп Фёдор Константинов¹²¹⁰, а в следующем году ему на помощь поручик Ушаков¹²¹¹. Подобные суеверия имели место и в других деревнях.

В декабре 1733 г. состоялись в Св. Синоде приговоры о наказании виновных в указанных суевериях. Именно, сохранились следующие приговоры. а) «Деревни Песков крестьянам 14 человекам, которые вышепоказанные суеверия чинили, учинить всем при народном собрании в той же деревне Песках беспощадное плетью наказание, чтобы им и, на то взирая, другим таких и подобных тому суеверий чинить было не повадно; и по учинении того им наказания обязать их всех

писменно с крепким подтверждением, дабы они впредь таких и никаких суеверств, ни тайно ни явно, отнудь не чинили. А ежели они таковые и тому подобные суеверия чинить станут, и за то отосланы они будут к гражданскому жесточайшему истязанию неотложно»¹²¹².

б) «Деревни Костоловой семи человекам крестьянам учинить в той деревне при собрании народном безпощадное плетьюми наказание. А крестьянам же Луке Иванову, Ивану Семенову, которые оные ж суеверия чинили, да сверх того за всех суеверствовавших имевшейся (т. е. имевшийся) в вышеупомянутом обрубке, крест пивом поливали, учинить против вышеозначенных крестьян плетьюми-ж наказание жесточая»¹²¹³.

в) Деревни Лужиц 23 человекам учинить наказание плетьюми при общем собрании, приусугубив наказание только Дементию и Семену Клементьеву за то, что они «явились по допросам и по очным ставкам подозрительнее»¹²¹⁴.

В 1740 г. 11 Сентября был дан Высочайший указ, коим определялось, как именно должна поступать церковная власть по отпощению к новокрещеным инородцам. В пункте 4-м этого указа читаем: «Ежели кого из новокрещеных усмотрят, что он поступает не так, как правоверному христианину надлежит, и в церковь Божию для молитвы в дванадесятые и Господские праздники, и в воскресные, и в высокоторжественные дни не приходят и магометанские обычаи содержат, таких вначале увещевать, дабы оттого отстали, а буде не послушают, тогда священникам того приходу объявлять, которые должны упомянутых новокрещеных от всякого суеверия и лености отвращать и к истинному пути христианского закона приводить и наставлять, а на непокорных оные эпитимии налагать, (выше говорится о легкой церковной эпитимии, напим., публично класть в церкви по несколько поклонов и т. п.)..., а буде по свидетельству явится великая вина, то церковным покаянием, или другими по рассмотрению их штрафами штрафовать; однакожь таких дел, что до новокрещеных иноверцов и вере и неисполнении христианского закона касаться будет, далее трех дней отнудь не продолжать и по приказному обычаю ничем их

не завязывать, но всякое снисхождение, сколько возможно, им показывать, дабы чрез такие ласковые к ним поступки и наставление праведному и безпорочному житию прочим иноверцам к восприятию христианского закона придать охоту»¹²¹⁵.

Совершение языческих жертвоприношений новокрещеными большею частию судилось церковным, а не светским судом. Из начала XIX в. мы имеем несколько дел, извлеченных нами из архива Казанской Духовной Консистории. Приведем некоторые из них.

В 1819 году 7 Марта Козьмодемьянский земский суд при сообщении препроводил в Козьмодемьянское Духовное Правление новокрещена из черемис Андрея Дмитриева для наложения на него, за принесение быка и краденой лошади в жертву керемеи, по силе духовных правил и указа 1771 года Апреля 23 дня, церковной эпитимии. Козьмодемьянское Духовное Правление 27 Марта того же года постановило: «новокрещена Дмитриева, на основании Кормчей книги, поместного собора, иже в Кареегене, 8 правила и толкования его, подвергнуть церковной эпитимии на 7 лет, которую и исполнить ему чрез один год в Чебоксарском Троицком монастыре и под смотрением искусного иеромонаха следующим образом: приходить ему каждодневно к службе Божией в церковь и приносить Господу Богу с сокрушенным сердцем чистосердечно в том грехе раскаяние, и об отпущении греха усердные молитвы, с полаганием в каждые сутки, кроме воскресных и праздничных дней, по сту земных поклонов, разделяя оные по службам, пищу ж ему иметь от монастыря умеренную, а в среду и пяток один хлеб с водою; в посты же его исповедывать, но до причастия Св. Таин, кроме смертного случая, не допускать..., остальное-ж сей эпитимии время исполнить ему при приходской церкви, под смотрением духовного его отца, которому, смотря на плоды его покаяния, в уменьшении той эпитимии и сподоблении причастия святых таин поступить сообразно 102-му правилу VI Вселенского собора и указу 1780 года Марта 26 числа». Это решение было препровождено в Казанскую Духовную Консистирию. Последняя

изменила решение Духовного Правления. Именно она постановила 22 Мая 1819 г.: «хотя по силе поместного собора Анкирского 8 правила надлежало новокрещена Дмитриева за идолопоклонство на годичное покаяние послать в монастырь и два года под надзором приходского священника, но как на основании 1740 года Сентября 11 дня указа велено новокрещеным, яко младенцам в вере, во всех подобных

случаях делать всякое снисхождение, то не отлучая его от дома, велеть во все воскресные и праздничные дни в продолжении года ходить ему в церковь и под присмотром приходского священника при каждом священнослужении класть по 50 земных поклонов, которому и предписать указом с тем, чтоб он всячески внушал ему мерзость идолослужения и поучал догматам хриетианской веры»¹²¹⁶.

В 1820 г. несколько человек, крещеных из черемис, деревни Малых Карамыс, Царевококшайского уезда, совершили жертвоприношение по языческому обряду. Казанский Совестьный суд приговорил их к церковному покаянию, так как они совершили означенное жертвоприношение по невежеству и глупости. Казанская Духовная Консистерия¹²¹⁷ 28 Февраля 1821 года постановила «отдать их под строгий присмотр приходского их священника, чтобы он им внушал и мерзость таковых жертвоприношений и неудоение оных принятия, а равно внушал бы им истинное богослужение, основанное на Святом Евангелии и на правилахъ Святых Отець»¹²¹⁸.

В 1820 г. из Казанского Совестьного суда в Казан. Дух. Консистирию поступило дело о предании деревни Шеребоксат, Царевококшайского у., из черемис крещеных Игнатия Филиппова и его дочери Татьяны церковному покаянию за совершение ими по глупости и невежеству жертвоприношения идолу Керемети (на основании воинских проц. 2 ч. 2 гл. 1–3 п., Высочайшего о губерниях учреждения 397 и 431 статей, толкования на 1 Воинский Артикул и Морского Устава, кн. 4, гл. 1, п. 1). Казан. Дух. Консистерия, выписав 11-е правило Св. Василия Вел., 102 прав. VI Вселенского Собора и 4 п. указа 1740 г. Сентября 11 дня, постановила 1 Декабря 1820 г. предать означенных лиц трехлетней эпитимии, причем первые полгода в монастыре,

Игнатий Филиппов в Спасо-Преображенском, а его дочь – в Свияжском девичьем, а остальные 21/2 года под смотрением их духовного отца. Но Игнатий Филлипов в Декабре 1822 г. подал прошение Казанскому Архиепископу Амвросию, где просил, чтобы он его и его дочь от посылки в монастырь освободил. На докладе Консистории по этому делу Амвросий положил следующую резолюцию 20 Декабря 1822 г.: «Как о возложенной эпитимии на просителя и дочь его репортовано Св. Синоду, то отменить оную по силе 130 статьи Высочайшего о управлении губерниями учреждения не можно, что ему и объявить». Но выполнение эпитимии затянулось, так как они не хотели ее нести. К этому еще прибавилось новое усложнение. Так как многие выражали желание взять означенную Татьяну замуж, то ее отец духовный, свящ. Феоктист Никитин, и докладывал Архиеп. Амвросию, спрашивая, как ему поступить. Амвросий дело разрешил так: «Как девка Татьяна желает вытти в замужество, то и позволить приходскому священнику обвенчать ее, ежели законных препятствий к тому не окажется; а затем, уже не посылая ее в монастырь, предоставить возложить на нее эпитимию приходскому священнику» (Резолюция 12 Июня 1824 г.)¹²¹⁹.

Расскажем еще одно дело о жертвоприношении черемис. С 19 на 20 Ноября 1827 г. около деревни Варангуш, Царевококшайского уезда, Казанской губернии, было собрание крещеных и некрещеных черемис для жертвоприношения. Узнав об этом, недозволенным законами, собрании, исправник города Царевококшайска Микулин отправился на место происшествия с 50 понатыми; но толпа собравшихся черемис, во главе с крещеным крестьянином села Торьял Уржумского уезда (ныне Вятск. губ.) Григорьем Ивановим, едва было не убила исправника и жестоко побила понятых. Возникло два дела: в светской юстиции (Царевококшайском уездном суде, Казанской Уголовной Палате и Казанском Губернском Правлении) о незаконном сборище для идолослужения, и в Духовной Консистории – об участии крещеных черемис в совершении языческих действий и обрядов. В списке крещеных, участвовавших в этом деле, значится всего 132 человека. Их

Консистория передала для утверждения в вере христианской их духовным священникам, смотря по тому, к чьему приходу принадлежало то или другое лицо. Определенной какой-либо эпитимии Духовная Консистория на них не наложила, ограничившись только увещанием, которое к тому же, судя по рапортам духовных отцов виновных, имело хорошие результаты, так как виновные принесли покаяние и дали обещание впредь не делать ничего такого. В Казанской же Уголовной Палате дело это, внесенное на ревизию из Царевококшайского Уездного Суда, закончилось следующим приговором¹²²⁰: крестьянин Григорий Иванов, как зачинщик буйства, в страх другим, был приговорен к наказанию плетьюми 45-ю ударами и ссылке в Сибирь на поселение, а других 7 человек, которые по показанию понятых навлекают на себя подозрение в соучастии с первым, постановлено выдержать под стражей на 4 недели. При этом жители деревень, участвовавших на сходе, были обязаны подпиской, чтобы они впредь не думали собираться для совершения их обрядов. Но так как некоторые из участников этого дела, именно крещеные черемисы сел Больших Парат, Моркял и Алыхъял, отказались дать эту подписку, то главные их слушники, Герасим Михайлов из села Парат, Козьма Егоров, – из с. Моркял и Иван Алексеев из Алыхъял, приговором Казанского уездного суда, утвержденным в ревизии Казанской Уголовной Палатой, были присуждены, как нарушители установленного религии порядка, к наказанию на сходе розгами по 40 ударов. Кроме того, как они, так и остальные упорствующие были приговорены к покаянию, определить место и срок которого было предоставлено Казанской Уголовной Палатой Казанской Духовной Консистории. Приговором последней 14 Октября 1829 г., утвержденным Епархиальным Архиереем Филаретом 29 Октября, все эти виновные были поручены попечению священника с. Парат Журавлеву, коему было вменено в обязанность своих прихожан, чинивших собрания для языческого жертвоприношения, всеми мерами отвращать от зловерного для них заблуждения и приводить к спасительному христианскому правоверию¹²²¹.

Кроме жертвоприношений церковному покаянию подлежали: 1) употребление новокрещеными в пищу лошадиного мяса. Так, в 1825 году, по делу о краже лошади у татарина Абзям Антыкова, производившемся в Царевококшайском Уездном Суде, выяснилось, что обвиняемый, крещеный из черемис Артемии Тиханов, употреблял в пищу лошадиное мясо. В виду этого Царевококшайский Уездный Суд послал доношение в Казанскую Духовную Консисторию. 1829 года Марта 7 дня «Казанск. Дух. Консистория, слушав доношение Царевококшайского Уездного Суда, коим по мнению своему, утвержденному Казанской Уголовной Палатой, предоставляет усмотрению Консистории поступок деревни Малой Шигаковой из черемис крещеного Артемия Тиханова, в имении им у себя лошадиного мяса для употребления в пищу, приказали: означенного крещеного Артемия Тиханова за ядение лошадиного мяса, противного христианской религии, предать духовному суду приходского его священника, чтобы он внушал ему гнусность такового поступка, и в меру его раскаяния сокращал или умножал епитимию, в чем и имеет он руководствоваться правилами Св. Отецъ»¹²²².

В 1828 г. 14 Июня Казанское Губернское Правление сообщило Казанской Духовной Консистории о приговоре Уголовной Палаты, коим крещеные из чуваш – Тимофеева, ея мать и отец приговорены к церковному покаянию за ядение лошадиного мяса. Консистория 14 Октября 1829 г. по выслушании этого сообщения Губернского Правления, приказала означенных лиц «за ядение лошадиного мяса, яко пищи, христианскою церковью запрещенной, для очищения совести их и определения им по мере прегрешения их епитимии, отдать приватному суду отца их духовного»¹²²³.

2) Погребение новокрещеными умерших без христианского обряда. Так, в 1821 г. 22 Декабря Казанская Палата Уголовного Суда сообщила Казанской Духовной Консистории состоявшееся в ней решение о наложении церковной епитимии на крещеных из татар – Екатерину Иванову и Николая Мокеева, за похоронение ими без надлежащего христианского обряда, первую – своего мужа Бориса Иванова, а вторым – своего дяди

Гавриила Михайлова. Казанская Духовная Консисто́рия 14 Ю́ня 1826 г. постановила, по силе указа Св. Синода от 1740 года Сентября 11, отдать их

под смот́рение и христианское назидание их приходского священника¹²²⁴.

Но иногда за это преступление налагалось наказание и в порядке светского суда. Так, в 1831 году Казанский Вице-Губерпатор Филимонов мнением положил 10 человек, крещеных из татар деревни Новой Деминой, Чистопольского уезда, за похоронение трех человек без христианского обряда, выдержать при волостном правлении на хлебе и воде по 2 недели, с строжайшим подтверждением об исполнении христианских обязанностей и предоставить Духовной Консисто́рии сделать по своему благорассмотрению распоряжение к наставлению их в правилах христианства, чрез приходского их священника, под особенным наблюдением благочинного на месте их жительства без отвлечения от поселянских работ. Это мнение Филимонова было утверждено Правительствующим Сенатом, о чем и был послан указ в Казанское Губернское Правление от 26 Ноября 1831 года¹²²⁵.

По Уложению о наказаниях новообращенные в православную веру, которые, не исполняя уставов церкви, будут придер́живаться каких-либо иноверческих обычаев, отсылаются к духовному начальству для вразумления и поступления с ними по правилам церковным (ст. 207). А за погребение христиан без совершения надлежащих христианских обрядов виновные подвергаются аресту от 3 недель до 3 месяцев (ст. 209).

Е. Волшебство и суеверия.

Вера в волшебство, знакомая до-Петровской Руси, известна и Петровскому времени. Она господствовала не только у нас: она сильна была и на западе. Поэтому-то, даже военное законодательство Петра сохранило следы этой веры. Кроме того, несколько постановлений касательно всякого рода суеверий находится в указах. Некоторые из них перешли и в Свод Зако́нов Уголовных 1832 года и в Уложение о наказаниях.

Воинский Артикул¹²²⁶ и Морской Устав¹²²⁷ за волшебство одинаково назначают сожжение, хотя отдельные моменты в

понятии этого преступления указывают и не одинаково. Артикул называет следующих лиц: идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей. Проводилось ли между ними различие? В идее – пожалуй, на практике – вряд-ли. Идолопоклонник это всякий, кто по примеру язычников стал бы поклоняться каким-нибудь неодушевленным предметам. Название чернокнижца относилось ко всем, имевшим какие-либо книги и тетради астрологического и магического содержания, Чародей – это общее название колдунов, т. е. лиц, имеющих знания о тайных силах природы и умеющих пользоваться ими. – Волшебство, как преступление, различалось в тяжести 1) по степени принесенного вреда и 2) по источнику, из какого приобретено это нечистое могущество. «Наказание сожжения, сказано в толковании на I Артикул, есть обыкновенная казнь чернокнижцам, ежели оный своим чародейством вред кому учинил, или действительно с дьяволом обязательство имеет. А ежели-ж он чародейством своим вреда никому не учинил и обязательства с сатаною никакого не имеет, то надлежит, по изобретению дела, того наказать другими вышеупомянутыми наказаниями и притом церковным публичным покаянием».

Интересные особенности, по сравнению с Воинским Артикулом, представляет толкование на I ст. 1 гл. IV кн. Морского Устава. «Наказание сожжения, читаем мы тут, есть обычная казнь чернокнижцам, и тем, которые чрез отраву вред какой учинят, или в оных письмах, или словах, хула имени Божию или отвержение от оного найдется. А ежели в оных письмах или словах хулы имени Божия и отвержения от оного нет, но точию суеверные бредни, то надлежит по изобретению дела того наказать

другими вышеупомянутыми наказаниями и притом церковным публичным покаянием».

Здесь, таким образом, указывается еще основание для различия в тяжести преступления, различие, относящееся главным образом, к черным книгам, – это то, встречаются-ли в них какие-либо дерзкия и богохульные мысли, или оне содержат одне только суеверные бредни. Наравне с волшебниками судились и те,

«кто чародея подкупит или к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинилъ» (Арт. ст. 2).

Но едва ли была обширна сфера практического применения этих узаконений. Так как волшебство и суеверия были предоставлены суду церковному, то в начале XVIII в. чаще должны были практиковаться за волшебство наказания церковныя. Но церковная власть рассматривала волшебство, как один из видов суеверия, другими видами которого были ханжество и ложные чудеса и предсказания.

Известно несколько случаев наказания церковною властью за держание подговорных писем и волшебных тетрадей.

Так, в 1727 году 19 июля Св. Синодом было постановлено о посадском человеке города Тулы Старикове, виновном в списывании волшебных тетрадок: «оного Старикова для лучшего уверения, подлинно ли он благочестие христианского исповедания содержит и не имеется ли в нем какая церкви святей противности, совершенно освидетельствовать С.-Петербургского Петропавловского Собору протопопу Петру Григорьеву, которому в будущий Успенский пост исповедать его по обыкновению и по исповеди, ежели явится достоин, и св. Таин сподобить»¹²²⁸.

Годом ранее состоялось постановление об Иване Мякиnine, у которого в доме были найдены «приличные к волхованию и заговорные письмишка, травы и коренья». Приговор ему был таков: «ему, Мякинину, учинить публичное при народном собрании, по обыкновению, церковное покаяние в такой силе: понеже как в прешедших временах святей церкви противности не чинивал и во всем повиновался, и оных писем наизусть не выучил, так и ныне впредь непременно, по совести своей, повиноваться будет и никакой противности чинить не станет, и таковых нелепых и весьма мерзких и суеверных писмишек впредь при себе содержать, или списывать, но и читать, или наизусть говорить не будет, и те все бездельные и на зло вымышленным бредни весма от себя отрывает; а ежели впредь таковые непотребные писма при себе иметь или списывать и читать их он, Мякинин, будет, и тому своему при оном покаянии отрицанию явится нарушителем, и за то с ним

будет поступлено, как правила святые и приличные толу указы повелевают. И для учинения ему, Мякинину, покаяния сочинить форму против вышеписанного с изъяснением, и для апробации предложить к синодальному рассуждению без замедления». А «взятые у него, Мякинина, злые и весьма мерзкия, и от Бога отводящая суеверных бездельников вымыслами, безумным на соблазн сплетенные и благочестию и святых церкви непотребные и противные письма по 149 Воинского Устава Артикулу¹²²⁹ и по прежде чиненным Св. Правительствующим Синодом июля 2-го 725 да генваря 26-го 726 годов определениям, с публичным поруганием велеть истребить без замедления»¹²³⁰.

Письма эти были сожжены только в 1731 году 22 января¹²³¹, а публичное покаяние было принесено в Троицком соборе 12 февраля 1727 года. Форма этого покаяния такова. «Я нижепоименованный пред Самем Господем Богом во святых Его церкви, всему православно-христианскому сословию истинно исповедую и нескрывто объявляю, что в прошлых годах имелись в доме моем, по неведению, волхованию приличные заговорные писмишка и раскольнические тетратишки, по рассуждению Св. Правительствующего Синода, злые и весьма мерзкия, от Бога отводящая суеверных бездельников вымыслами, пребезумным на соблазн сплетенные и весьма непотребныя, благочестию и Святых Церкви противныя, которым хотя я сам и не учился, и истинно не таю, и кроме того таких и тому подобных безделных писмишек не имею и наизусть оным не выучился, однакож и в том заблуждении усердно каюсь и всепокорно прошу от Всепресветлейшего Самодержавнейшего Великия Государыни Нашея Императрицы Екатерины Алексиевны, Самодержицы Всероссийския, всемилостивейшего прощения, от Святейшего же Правительствующего Всероссийского Синода разрешения и от всех православных христиан оставления и прилежных о мне молитв. А Святых Православной церкви, как в прешедших временах противности не чинивал и во всем повиновался, так и ныне и впредь непременно по христианскому благочестию повиноватися буду, и твердо верую верую, и кроме всякого сумнения, исповедаю

оную Святую Церковь сущую православную, такову, якоже и в начала веры уставися от Христа, и от Апостол, и от соборов святых вселенских и поместных и донине пребывает непременно. И вся апостольского и церковного предания, уставы и расположения, истинно приемлю и лобызаю, и власть в церкви православно-каеолической от Христа Бога дана не всякому, но токмо служителем Божественных Таин, яже вся крепко содержу и невреждимо, даже до конечного моего издыхания содержать долженствую, а противности чинить никакой не стану и непристойных и весма мерзких и суеверных писмишек, каковы у меня были, не токмо впредь ниоткуда принимать и при себе содержать или списывать, но и читать и наизусть говорить не буду, и те все бездельные и на зло вымышленные бредни от себя весма отреваю, и сам собою и чрез других никакого по таким вымыслам действия ни над кем чинить не хочу и не буду, и волхвом, обавником, узолником и другим, тому подобным, безделникам себя не вдам и в дом свой, аки бы для открытия и ведомости, призывать их и обретения волшебства и чародейства склонности иметь и таким бредням верить не стану.

Клянуся и еще пред Господом Богом, что во всю мою жизнь церковным противникам в их противностях сообщатися, и никаких с ними в том согласий употреблять, и защищать их и укрывать никаким образом отнюдь не буду; но вся раскольнического согласия, елика где ныне суть или впредь будут, – *проклиная*.

А ежели вышеозначенное мое исповедание явится ложно и впредь таковые непотребные писма при себе иметь, или списывать и читать буду, и сему своему покаянию и отрицанию явлюся нарушитель, то да буду, якоже язычник и мытарь, и да возвратятся на мя вся клятвы и анаеемы, на еретиков и отступников от Святых Отец на всех вселенских и поместных соборах изреченныя, и подвергнуся всем казнем церковным и гражданскому жестокому суду. И в заключение всего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь.»¹²³²

В 1728 г. Св. Синод приговорил за волшебство к публичному церковному покаянию Ѳедора Соколова¹²³³. Форма этого

покаяния нами уже была приведена выше.

Рядом с волшебством преследовалось и ханжество, как вид мошенничества и корыстной эксплуатации суеверного и набожного народа. К этому могли присоединяться и другие мотивы. Так, в 1722 году Канцелярия Тайных Дел препроводила в Св. Синод двух ханжей, Давыда Константинова и Давыда Степанова, по прозванию Бирюка, для отсылки их по монастырям, «потому что – говорится в приговоре – до них, Константинова и Бирюка, в тайных делах по розыски большой важности хотя и не показалось, однако же показалось то, что они всю свою жизнь препровождали скитаючись между народом для дневные пищи, не хотя оные настоящим трудом приобрести и от таковых скитающихся не другое что доброе происходит, но токмо пересылка вещей и прочих непотребных дел под видом яко бы простоты их или святости, как и во оных Константинове и Бирюкове по наследствованию и по розыску нечто таковое оказалось. И того ради им, Константинову и Бирюку, весьма надлежит быть в монастыре неисходно, чтобы впредь для тунеядства каких соблазнов между мирскими от них не происходило».

Св. Синод постановил этих ханжей за их «народное прельщение, и чтобы они впредь такого прельщения в народе отнюдь не рассевали», отослать в монастыри: Константинова – в Московский Андрониев, а Бирюкова – в Савин¹²³⁴.

При Анне Иоанновне «бродящего ханжу Филиппа Иванова, за его лукавство и пронырство, что он носил на себе вериги железные и ходил с железным посохом притворно, не для спасения души своей, но ради того, чтоб ему давали больше денег и почитали б за трудника», – Св. Синод приговорил к вечной ссылке в Сибирские горные заводы¹²³⁵. Но так как принять его, Иванова, Московская Губернская Канцелярия отказалась, в виду того, что партия ссыльных в Сибирь уже отправлена и его отправить не с кем, то Св. Синод заменил вечную ссылку в Сибирь вечной же ссылкой в Соловецкий монастырь для содержания его в тягчайших монастырских трудах¹²³⁶.

В 1739 году состоялось общее распоряжение: «Ежели где в епархиях.... ханжи являться будут, и буде они в престарелых летах, то их отсылать в монастыри, мужеск пол в мужеские, а женск в девичий, а ежели будут молодые люди, то их ловить и отдавать в солдаты, зачитая в рекруты, а молодых и девок скитающихся по миру ловить же и допрашивать, и чьи оне скажутся, туда по силе прежних указов отсылать и отдавать помещикам, а если будут разночинцы из купечества и прочих чинов, тех отдавать родственникам и свойственникам с подпискою, что им впредь по улицам не скитаться, а буде родственников нет, то отдавать гражданам и поселянам, с подпискою, чтобы их кормили обществом, а по возрасту определять их в работу; и накрепчайше смотреть, дабы таковых шатающихся в праздности, которые не хотят трудами хлеб получать, кроме прошения милостыни отнюдь не было»¹²³⁷.

Как суеверие, рассматривалось церковною властью и объявление ложных чудес. Духовный Регламент обязал епископов тщательно следить, «дабы иконам святым ложных чудес не вымышлено»¹²³⁸. Св. Синоду в первый же год своего существования пришлось встретиться с этого рода преступлением.

2 июня 1721 г. Θεодосий, Архиепископ Новгородский, доложил Св. Синоду, что в предыдущем 1720 году в Новгороде, в Ямской Новинской слободе, Троицкой церкви дьячком Василием Ефимовым было разглашено ложное чудо; именно: тайно пробравшись ночью в церковь, Ефимов зажег пред иконами свечи, воскурил принесенный с собою росный ладон и покропил в разных местах водою. Сам притворился немым и письменно показал, что слышал в церкви пение: «радуйся Невесто Невестнаа» и «Аллилуіа», и видел над церковью лучи, и издалека слышал глас: «Владычице, приими молитвы раб Своихъ». Но потом дьячек Ефимов признался в том, что все это им выдуманно. Св. Синод, сделав экстракт из законов Моисеевых, Духовного Регламента и из Толкований Заповедей в новоизданных букварях, приговорил: «Оного бывшего дьячка Василия, который вымыслом своим Августа в 13 числе

прошлого 720 года учинил притворную во оной церкви тайным в нощи свещь возжением и покроплением в разных при иконах местех воды и наполнением от воскуренного ладона благоухания, ложь, аки чудо, и припасал то святым иконам и разгласил о том во оном граде, некое будто чудесное видение и слышание, чего никогда не видел и не слыхал, и тем учинил народный соблазн и легкомысленным и малорассудным людям обман, в чем и повиновение допросом принес, отослать, за такую продерзость и бесстрашие, к градскому наказанию в Юстиц-Коллегию, с таким указом, чтоб оное наказание учинено ему было по Его Царского Величества правам в Новгороде при оной церкви, в которой он вышеозначенную притворную ложь учинил. И о том наказании учинена б была прежде экзекуции обычайная публикация, дабы все про такое притворное и вымышленное чудо слышавшии, могли ведать, что оное ложно есть и видели б, чем за то оный лживецъ и таковому народному соблазну виновный наказуется, и то видя, имел бы всяк в таких вымыслах страх, и впредь бы никто такой на Бога и на Святых Его и на Иконы лжи произносить и вымышленного притворства чинить отнюдь не дерзал, под вящшею казнию; а по наказании было б определено о нем, как Его Царского Величества права повелевают».

Юстиц-Коллегия постановила приговор 4 Декабря 1721 г., на основании Уложения 1 гл. 1 ст. и XII гл. 13 ст. Приведем текст этого довольно интересного приговора: «Вышеписанного бывшего дьячка Ефимова за ложное его воровское в народ разглашение и за богопротивный притвор, яко бы в той церкви от святых икон происшедшего чуда, которое он нарядно произволом своим учинил, вместо славы нанес хулу имяни Божию, казнить смертью – сжечь, понеже оный дьячек через тот свой воровской сплетенной промысл, что в славу Имяни Божию приносить Святая Церковь, то он в Троице славимого Бога, ангельскому пению и церковному благочинию притворил ложное и составное вымыслом свидетельство и к святым иконам будто чудо, которого не было, и чинил тем затаенным ложным чудом в народе смуту, роздавал в народ с того своего блядословного воровского писма копии, которые принимали от него за истину,

того ради и приговорили его, Василья, и с ним то письмо, которое с ним о том лживом чуде написано, в Новгороде, при той церкви, в которой он затейное чудо учинил, для показания тамошним всем обывателям, зжечь, дабы впредь другим такое ужасное дело ложно и притворно затевать и тем народ возмущать было не повадно». По этому приговору Василий Ефимов был 29 Декабря 1721 г. сожжен в Новгороде¹²³⁹.

Через год после этого события, в 1722 году 12 Апреля Петр Великий за разглашение ложных чудес велел наказывать вечной ссылкой на галеры, с вырезанием ноздрей¹²⁴⁰.

На практике дело нередко ограничивалось одними плетями. Так, в 1724 году были наказаны плетями крестьянин Поморцев за ложное объявление о своем, будто бы чудесном, исцелении Великомученицей Варварой¹²⁴¹, и Пимен Волков за ложное разглашение мнимых чудес от образа Св. Троицы¹²⁴².

Дальнейшим шагом в истории наказуемости волшебства и суеверия является указ 25 Мая 1731 года, который мы здесь и приведем целиком¹²⁴³.

«Понеже известно Ея Императорскому Величеству учинилось, что в России некоторые люди, забыв страх Божий и вечное за злые дела мучение, показывают себя, будто они волшебства знают и обещаются простым людям чинить всякие способы; чего ради те люди и призывают их к себе в дома и просят их о вспомоществовании в злых своих намерениях, что те мнимые волшебники им обещаются и за то получают себе не малые прибитки, а прельщающиеся на те их душевредные способы восприимлют себе втуне убытки, паче же гнев Божий, а по гражданским правам наказания, а иные по винам и казни; того ради по указу Ея Императорского Величества, Правительствующий Сенат приказали: о вышеписанном по всей Российской Империи публиковать из Сената печатными указами, дабы впредь никто никаких мнимых волшебников в дома явно и тайно не приводили и к ним в дома не ходили, и на пути разговоров с ними о волшебствах не имели, и никакому душевредному учению их не обучались. А ежели кто впредь гнева Божия не боясь и сего Ея Императорского Величества указа не страшась, станут волшебников к себе призывать или к

ним в дома для каких волшебных способов приходить, или на путях о волшебствах разговоры с ними иметь и учению их последовать, или какие волшебники учнут собою на вред, или мняще якобы на пользу кому волшебства чинить: и за то оные обманщики казнены будут смертию, сожжены; а тем, которые для мнимой себе душевредной пользы, станут их требовать, учинено будет жестокое наказание, биты кнутом, а иные, по важности вин, и смертию казнены будут; а буде означенные обманщики такие богомерзкия дела за собою имеют и вины свои в том объявят сами без доношения на них от других кого: и оные вины отпущены им будут без всякого истязания».

Этот указ возвратился к строгостям Воинского Устава Петра.

В силу этого указа Св. Синод, которому и прежде принадлежали эти дела о суевериях и волшебстве¹²⁴⁴, теперь должен был обратить особое внимание на них. Помимо распространения и нового издания этого указа 25 Мая 1731 года¹²⁴⁵, Св. Синод особым указом 25 Ноября 1737 года¹²⁴⁶ указал, как нужно действовать в этом отношении. Наблюдение за волшебниками и суеверными в епархиях было возложено на епархиальных архиереев, которым особенно было запрещено допускать так называемых кликуш «до суеверных шалостей». За небрежение они подлежали штрафу. В этих же видах было указано епископам учредить по всем городам из духовного чина нарочитых закащиков, или Благочинных, которые б, коль скоро где что в народе к суеверию подлежащее появлялось, тотчас объявляли о том¹²⁴⁷. Но самая высшая мера наказания за волшебство не всегда применялась. Напр., по указу 12 Июня 1735 года Калинкинскую жительницу Настасью Яковлеву, обвиненную в волшебстве, и полковницу Марию Семеновну Антонову, пользовавшуюся услугами первой, было велено разослать в девичьи монастыри на работу навсегда, предварительно наказав в теле¹²⁴⁸.

При Екатерине II все, кто стал бы колдовать или чародействовать, или делать иной подобный обман, происходящий от суеверия или невежества, или мошенничества, и для этой цели стал бы чинить начертания на

земле, курения, пугать чудовищами, предвещать по воздуху или по воде, толковать сны, искать волшебством кладов, искать видений, нашептывать на бумагу, траву или питье, – все такие судились в Совестном Суде¹²⁴⁹.

Кликуш в 1770 году было велено наказывать публично плетьюми, как обманщиц¹²⁵⁰. Лжепредсказания и лжепредзнаменования были причислены к другим видам преступной лжи и наказывались сообразно с ними¹²⁵¹.

Наказанию подлежало и всякое подстрекательство к волшебству. Еще Петр Великий угрожал наказанием вечной ссылкой на галеры всякому, кто велел бы ради своего интереса или суетной славы огласить какое-нибудь чудо притворно и хитро чрез кликуши, или чрез другое что, или подобное тому прикажет творить суеверие¹²⁵². Постановление это вошло и в Свод Законов Уголовных (ст. 200 изд. 1832 г.; ст. 218 изд. 1842 г.).

Проект 1754 года за различные самовымышленные, к поколебанию и сумнительствам простого народа, суеверия назначает наказания кнутом или плетьюми (ст. 3, гл. 18), – за принуждение священника к оглашению чудес – то же наказание, что положил и Петр (ст. 4, гл. 18), – за ханжество, согласно известному нам указу 26 Ноября 1739 года, – монастырь или ссылку на прядильные дворы (ст. 5). А за причинение кому-либо вреда лицами, обманно выдающими себя за чародеев, смертную казнь чрез отсечение головы (ст. 2, гл. 40); такой же казни подлежали и подстрекатели волшебства (ст. 3). А за суеверные бредни шептанием виновные подлежали телесным наказаниям (ст. 4) и затем отправлялись к Духовному Правительству.

По Проекту 1813 года, суеверие и волшебство, как менее важные поступки, были обложены полицейскими, а не уголовными наказаниями (§ 128).

В Своде Законов Уголовных за разглашение ложных чудес постановлено священника наказывать лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение (ст. 200 изд. 1832 г., 218 изд. 1842 г.). А так называемых кликуш, обвиняющих кого-либо в порче их, или причинении им зол посредством ворожбы или

злых духов, считая сии изветы клеветою на невинных людей, наказывать плетью публично на месте их жительства (ст. 203; ст. 221). Статьи 201 и 202 (219 и 220 изд. 1842 г.) Свода являются повторением 254 и 206 статей Устава благочиния, нами уже приведенных. Эти же постановления повторяются и в Уставе предупреждения преступлений (т. XIV Свода Законовъ) ст. 33–45.

Уложение о наказаниях сохранило постановления касательно преступных видов суеверия, поместив эти постановления в главу «о нарушении общественного спокойствия». Уложение предусматривает четыре вида преступного суеверия: а) разглашение ложных чудес, б) религиозное самозванство, в) колдовство и г) кликушество.

а) О разглашении ложных чудес говорит 933 ст. Уложения. Состав преступления ею обозначается так: «кто ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды будет разглашать, или велит разгласить подложно о каком-либо, будто бы случившемся, чуде, или же посредством подлога какое-либо свое, или, по распоряжению его, приготовленное действие выдавать легковерным за чудо, тот за сей, до предметов святыни касающийся, обман приговаривается» и т. д. Под ложными чудесами здесь понимается: 1) объявление чудесами своих действий, и 2) подложное разглашение о каком-либо будто бы случившемся чуде. Православная церковь верует в чудеса, совершаемый силою Божиею при св. чудотворных иконах и св. мощах. Поэтому и закон считает преступлением оглашение только ложного чуда, сделанное из личных корыстных целей. В этом преступлении два элемента: 1) оскорбление религиозного чувства верующих выдаванием за святое того, что не свято, и 2) обман людей с целью получения какой-либо выгоды, т. е. мошенничество¹²⁵³. Наказывается разглашение ложных чудес тюрьмою: от 4 до 8 месяцев в первый раз, и от 8 до 16 с лишением некоторых особенных прав во второй раз. Сверх того виновный, если он христианин, во всяком случае предается для очищения совести церковному покаянию, по распоряжению своего духовного начальства. В первых изданиях Уложения вместо тюрьмы за разглашение

ложного чуда было назначено заключение в смиренный дом на время от полугода до года в первый раз и от года до двух лет во второй раз (ст. 1150 изд. 1845 г.; ст. 1199 изд. 1857 г.).

б) Религиозное самозванство – это выдавание себя «за лицо, одаренное какою либо сверхъестественною чудотворною силой или святостью» и пользование вызванною в народе этим обманом верою в целях произведения среди него тревоги, волнения или уныния, или же неповиновения законом установленной власти (ст. 938). Религиозное самозванство наказуемо не само по себе, а лишь при наличии у виновного особых, в законе указанных, целей. Если религиозное самозванство носит такой характер, что не производит в народе волнения и никак не нарушает общественного спокойствия, то оно не подлежит и наказанию. Следовательно основным моментом, определяющим наказуемость или безнаказанность религиозного самозванства, является умысел преступника и цель его действий. Поэтому и наказание за религиозное самозванство положено суровое – лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири (ст. 938).

в) Устав пред. прест. запрещает лжепредсказания и лжепредзнаменования (ст. 30 изд. 1890 г.), запрещает выдавать себя за колдуна или чародея и употреблять подобные обманы, основанные на суеверии, невежестве или мошенничестве (ст. 31). В соответствие с этим и Уложение назначает наказание за выдавание себя за колдунов, за лжепредсказания и лжепредзнаменования, за приготовление и продажу мнимоволшебных напитков. Наказание уступается по способу совершения преступления. Если для лжепредсказаний и лжепредзнаменований виновные употребляли какие-либо предметы, посвященные христианскому богослужению, то наказание назначается такое же, как и за оглашение ложных чудес (ст. 934), т. е. по ст. 933, именно: тюрьма от 4 до 8 мес. и церковное покаяние в первый раз, тюрьма от 8 до 16 мес. и церковное покаяние – во второй раз. Слабее наказываются те лица, которые, хотя и без нарушения должного уважения к священным или освященным чрез употребление в христианском

богослужении предметам, будут, пользуясь легковерием простых или слабоумных людей и выдавая себя за колдунов или чародеев, представлять им мнимые видения или готовить и раздавать или продавать мнимоволшебные напитки и будто-бы имеющие какую-то сверхъестественную силу талисманы. Такие лица тюрьмою от 4 до 8 месяцев наказываются лишь во второй раз, а в первый раз они наказываются арестом от 7 дней до 3 месяцев. Но когда будет доказано, что употребление данных или проданных такими quasi-колдунами напитков должно было иметь вредные для здоровья или чьей-либо безопасности последствия, то виновные наказываются лишением некоторых прав и заключением в тюрьме от 8 месяцев до 1 года 4 мес. А если от употребления этих напитков кому-либо учинится смерть, то виновный сверх других наказаний предается церковному покаянию по усмотрению своего духовного начальства (ст. 935). Наказанию по 935 ст. не подлежат лишь те именующие себя чародеями или кудесниками сибирские инородцы, которые в этом случае следуют правилам языческого ритуала (прим. к 935 ст.).

г) Кликуши, по 937 ст., за оговор и изветы на кого-нибудь, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за свой злостный обман заключению в тюрьме от 4 до 8 месяцев (ст. 937). Кассационный Департамент Сената в одном из своих решений по поводу этой статьи заметил, что кликуши по 937 ст. наказываются только тогда, когда, намеренно обманывая, возводят на кого-либо ложное обвинение в порче их или в причинении им зла. Но если злобного обмана нет, т. е. если страдания женщины действительны, и она, приписывая их действиям известного лица, оговаривает его в порче, то такой случай не подходит под действие 937 статьи (1871 г. № 132, Бердниковой).

Ж. Святотатство.

Постановления Воинского Устава о святотатстве далеко ниже постановлений об этом предмете XVII века. Воинскому Уставу не знакомо уступенение наказания в зависимости от места совершения, по роду церковных вещей, освященных и не

освященных, и, наконец, уступенение наказуемости по рецидиву кражи¹²⁵⁴. Это мы увидим в самых относящихся к святотатству статей Воинского Артикула¹²⁵⁵ и Морского Устава¹²⁵⁶, имеющих одинаковую редакцию. «Кто церкви, или иные святыя места покрадет, или у оных что насильством отнимет..., оный имеет быть лишен живота, а тело его на колесо положено». Так. обр., на этой статье нисколько не отразилось прежнее русское законодательство. Петр В. совершенно его игнорировал. Более подробное и точное определение состава святотатства было дано только в начале XIX века. В 1808 году, по требованию Министра Юстиции князя Лопухина, Св. Синодом было выяснено, что «все вообще вещи, находящиеся в церкви и принадлежащая ей, суть освященные, и потому кража их должна почитаться святотатством. Из сего исключаются те вещи, кои хотя и находятся в церкви, но принадлежат не ей, а частным лицам, кои для сохранения их иногда в оную поставляют. Крадущие таковые вещи не должны быть почитаемы святотатцами»¹²⁵⁷.

В 1811 году Св. Синодом было указано «похищение всякого рода вещей, принадлежащих церкви, хотя и вне оной находящихся, но посвященных ей, признавать в равной степени со святотатством»¹²⁵⁸. На этом последнем основании можно бы считать святотатством и кражу принадлежащих церкви вещей, находящихся в частных домах, но Государственный Совет в 1827 году положил считать святотатством похищение из самых церквей, из часовен, ризниц, временных или постоянных хранилищ, хотя бы оне и вне церкви находились, но не из частных домов, где какая-либо церковная вещь могла случайно находиться. Государственный Совет свое мнение мотивировал тем соображением, что в указе 1808 года свойство преступления определяется местом его совершения¹²⁵⁹.

К святотатству отнесено было также похищение¹²⁶⁰, или утайка¹²⁶¹ собираемых в церкви в кошельки или кружки денег. Но растрата и похищение сумм, собранных от доброхотных дателей на содержание монастырей и монахов, не почитались святотатством¹²⁶².

Указом 20 Февраля 1834 года понятие святотатства было расширено: за кражу из церквей иноверческих христианских было велено наказывать, как и за святотатство¹²⁶³.

Наказание за святотатство было первоначально смертная казнь, замененная потом ссылкой. Так, наприм., в 1763 г. 18-летняя девица Татьяна Жемчужникова, за кражу из кельи Казанского девичьего монастыря у строительницы Парасковьи церковных и прочих вещей, была сослана в Нерчинск на поселение¹²⁶⁴.

Малолетним наказание за святотатство уменьшалось. В 1742 году велено было, чтобы малолетних до 17 лет, виновных в святотатстве, наказывать батогами и плетьюми, и затем на 15 лет посылать в монастырь на работы¹²⁶⁵.

Впрочем, в 1744 году предельный возраст малолетства был сведен с 17 до 12 лет, а время монастырского заключения с 15 л. на 7 лет¹²⁶⁶. Эти наказания не вполне, но применялись. Так, в 1743 году малолетним ребятам Степану Сергееву и Савве Гобову Св. Синодом было положено только однократное наказание розгами и годичное заключение в монастырь¹²⁶⁷.

В 1767 г. ротный писарь Богуш за кражу из церкви образов, риз и прочей утвари был наказан только батогами¹²⁶⁸. Иногда наказание смягчалось, когда святотатство совершалось по бедности или каким-нибудь другим, смягчающим вину, обстоятельствам¹²⁶⁹.

В Своде Законов Уголовных 1832 года за святотатство виновные подлежат лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (ст. 212 изд. 1832 г.; ст. 230 изд. 1842 г.).

Что касается статей, относящихся к святотатству, в Проектах 1754 и 1813 годов, то Проект 1754 года нового не вносить ничего, хотя по сравнению с Воинским Уставом Пегра В. и проводить различие между кражей разных предметов. «Кто из церкви покрадет, – читаем мы в ст. 1., гл. 34, – или разграбит освященные и прочия вещи, а именно: потир, сосуды, оклады с образов, ризы, деньги, собранные на церковное построение, или престол обдерет, такого лишить живота, – отсечь голову и тело положить на колесо, (а покраденное взыскать) из животов его и

отдать в церковные доходы; а ежели кто из церкви украдет какая другая, кроме вышепоименованных, вещи, и с таковыми поступать так, как о прочих татях положено». А малолетние, после наказания плетью и закования в кандалы, подлежали ссылке в отдаленные мужские и женские, смотря по полу обвиняемого, монастыри на 15 лет¹²⁷⁰.

По Проекту 1813 года святотатством признается 1) кража из церкви, или других священных мест, вещей и денег, оным принадлежащих (§ 537); 2) кража, хотя и вне церкви, вещей, ей принадлежащих и богослужению посвященных, и разрытие могил, и обдирание погребенных

тел (§ 538). Но святотатством не почитается в проекте 1813 года кража из церкви вещей или денег, отданных туда на сбережение, а равно и похищение у другого чего-либо в церкви: все это кража простая (§ 539).

За святотатство виновные присуждаются по § 34 к вечной ссылке, причем они лишаются дворянства и личных прав, а простолюдины подлежат и телесному наказанию (§ 538). Кроме того, за воровство вещей церковных с виновных взыскивается вчетверо в пользу церкви и богоугодных при церкви учреждений (§ 540).

Уложение о наказаниях святотатству посвящает более места, чем какому либо другому из религиозных преступлений. Об этом преступлении имеется всего 15 статей, именно 219–233 ст. Такое обилие статей обуславливается тем, что составители Уложения старались соразмерять наказание с различными видами, обстоятельствами и условиями святотатства. Это они сами выясняют в объяснении к IV главе II раздела проекта Уложения о наказаниях 1844 года. «В Своде Законов Уголовных, говорят они, назначается одно наказание за все роды святотатства, именно: лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжную работу. Святотатство есть без сомнения весьма важное преступление и доказывает необыкновенное развращение или ожесточение нравственного чувства в человеке, который из видов корысти забывает уважение ко всему, что мы из детства привыкли считать священным. За оное во всех почти законодательствах, также как

и в нашем, определяются наказания гораздо более строгия, нежели за воровство каких-либо других предметов. Между тем, однако, рассматривая тщательнее различные виды этого противозаконного деяния и, так сказать, вникая в существо оного, нельзя не убедиться, что и при назначении мѣры вины в святотатстве, как и во всяком ином похищении имущества, должны быть принимаемы в соображение род и образ похищения, место, в коем оное совершено, вещь, бывшая предметом похищения, и многия другия обстоятельства, более или менее увеличивающия или уменьшающия сию вину; что, следственно, постановление одного наказания за все роды, виды и определяемые зловерностью или дерзостью похищения степени святотатства, было бы не вполне справедливо, ибо оно в некоторых и нередких случаях оказывалось бы несообразным ни с свойством, более или менее преступным, самого деяния, ни с произведенным чрез оное, впечатлением на других. По сим причинам в Проекте своем мы хотя постановляем, что общее значение преступления, именуемого святотатством, есть тоже, которое признавалось и доселе, и что под сим разумеется всякое похищение церковных вещей и денег, как из самых церквей, так и из часовен, ризниц и других, постоянных или временных, хранилищ, даже тогда, когда они находятся вне церковного строения: но важность преступления и следующих за него наказаний определяем по обстоятельствам, оное сопровождавшим, именно по тому, было ли оно совершено с оскорблением святыни, с насильственными действиями, или со взломом. На сем основании, которое вполне одобрено и Св. Синодом, мы различаем:

Во-первых, была-ли предметом похищения вещь священная, или же только освященная употреблением при совершении богослужения, или вовсе не принадлежащая ни к тому, ни к другому роду.

Во-вторых, совершено ли похищение из самой церкви или церковной ризницы, или же из часовни, или другого какого-либо церковного хранилища. И наконец, похищение церковного имущества не учинено ли с насилием, которое имеет вид разбоя или грабежа, или по крайней мере со взломомъ».

Исходя из указанных соображений, составители Уложения сначала в ст. 219 (по изд. 1865 года) дают определение святотатства, а в дальнейших устанавливают наказуемость его различных видов.

Святотатством, по Уложению, признается всякое похищение церковных вещей и денег, как из самых церквей, так и из часовен, ризниц и других постоянных и временных хранилищ, хотя бы они находились и вне церковного строения (ст. 219). Таким образом святотатство по характеру деяния однородно со всеми видами похищения; его

особенность в том, что оно представляет похищение особенное, квалифицированное. Похищением же вообще называется умышленный противозаконный, с целью присвоения захват чужого движимого имущества из чужого владения¹²⁷¹. Святотатством будет называться захват церковного движимого имущества или «церковных вещей». Все «церковные вещи», которые могут быть объектом святотатства, Уложение разграничивает на три труппы: 1) вещи *священные*, к которым отнесены: потиры, диски, дарохранительницы, копия при совершении проскомидии употребляемая, кресты, евангелия, образа, а равно оклады и украшения на крестах, образах и мощах, антиминсы, покрывала священных сосудов и одежды с престолов и жертвенников (ст. 221); 2) вещи, употреблением при богослужении *освященные*, каковы: купели и другие большие чаши для водоосвящения, ковши, кропила, одеяния с налоя, ризы, кадила, паникадила и поставленные уже в них свечи, лампады, богослужебные книги, кроме евангелий (ст. 222); и 3) *неосвященные* употреблением при богослужении вещи, к которым относятся, напр., свечи, а также деньги (ст. 225).

Объектом святотатства не может быть: 1) имущество частное, не церковное, хотя бы то были и предметы священные; 2) имущество, хотя предназначенное церкви, но еще не ставшее ее действительною собственностью, не оккупированное еще или – по объяснениям Сената – не записанное еще на приход в церковные книги. В отличие от Свода законов уголовных Уложение считает утайку денег, поданных на свечи, не святотатством, а обыкновенным присвоением (ст. 220); и 3)

имущество, принадлежащее не христианским исповеданиям¹²⁷². – Кроме различия видов святотатства по объекту, Уложение различает еще святотатство 1) по месту совершения его: а) на кражу, совершенную из церкви или иного церковного хранилища (ст. 221–226); б) на кражу из столбов и кружек, выставленных для сбора на церковь (ст. 227 и 237), и в) на кражу заведомо священных или освященных вещей из частного дола (ст. 231); 2) по способу деяния – а) па святотатственный грабеж и б) святотатственную кражу, которая может быть учинена или аа) со взломом, или бб) без взлома. Отсюда отдельных видов святотатства очень много. Насчитывают 4 вида святотатственного грабежа и 28 видов святотатственной кражи¹²⁷³. Укажем в отдельности, какие наказания назначены Уложением за каждый вид святотатства.

Высшее наказание – каторга от 12 до 15 лет – назначается за ограбление церкви с насилием; за насильственное ограбление часовни каторга от 10 до 12 лет (ст. 220), а за разбой в церкви бессрочная каторга (ст. 1628).

За похищение священных вещей: а) из храма со взломом назначена Уложением каторга от 8 до 12 лет; без взлома – от 6 до 8 лет (ст. 221); б) из другого церковного хранилища со взломом – каторга от 6 до 8 лет; без взлома – от 4 до 6 лет (ст. 223); в) из частного дома со взломом – ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири; без взлома – ссылка на поселение в Иркутскую губернию или арестантския исправительные отделения от 3 1/2 до 4 лет (ст. 231).

За похищение *освященных* вещей: а) из церкви со взломом Уложением назначена каторга от 6 до 8 лет; без взлома – от 4 до 13 лет (ст. 222); б) из другого церковного хранилища со взломом – каторга от 4 до 6 лет; без взлома – ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири (ст. 224); в) из частного дома со взломом – ссылка в отдаленнейшие места Сибири; без взлома – ссылка на жительство в Сибирь в Иркутскую губ. или исправительные арестантския отделения от 3 1/2 до 4 лет (ст. 231).

За похищение *неосвященных* вещей: а) из церкви или ризницы со взломом Уложением назначена каторга от 4 до 6

летъ; без взлома, но с обдуманым заранее намерением – ссылка в Сибирь на поселение; без взлома и без обдуманная намерения – ссылка на житье в Сибирь или исправительные арестантския отделения от 3 до 3 1/2 лет (ст. 225); б) из часовни или отдельного хранилища со взломом – ссылка в Сибирь на поселение; без взлома, но с обдуманым заранее намерением – ссылка на житье в Сибирь или арестантския отделения от 3 до 3 1/2 летъ; без взлома и без обдуманного заранее намерения – наказание на одну степень ниже (ст. 226); в) из какого-либо другого места – наказание как за кражу (ст. 233).

За похищение церковных денег: а) из столбов и кружек с образами и крестами – по 226 ст. (ст. 227); б) из столбов и кружек без образов и крестов при заведомости деяния по ст. 226, при других условиях, как за кражу со взломом, по 170 ст. Устава о наказаниях и 1659 ст. Уложения (ст. 232).

За похищение лицом, коему доверены церковные вещи или деньги, наказание усиливается одною степенью по сравнению с указанными в других статьях за каждый род преступления наказаниями (ст. 228).

За присвоение денег, данных на свечи, или вообще на церковь, или же на содержание монастырей, но в имущество церковное не поступивших, наказание Уложением назначено такое же, как и за кражу (ст. 229). Святотатство, учиненное в церквях, часовнях, ризницах и церковных хранилищах, принадлежащих не православному, а какому-либо другому христианскому исповеданию, наказывается на тех же основаниях, как и похищение церковных вещей, принадлежащих православной церкви (ст. 230).

3. Разрытие могиль.

О разрытии могил мы имеем очень немного постановлений. В 1739 г., по поводу ограбления тела одного знатного иностранца, было повелено всех разрывающих могилы, сжигать¹²⁷⁴. В 1772 году, в год чумы, было велено всех, кто будет откапывать погребенных во время чумы лиц наказывать таким образом: «бить кнутом на площади, також и на самом месте сделанного преступления, и вырвав ноздри, поставить на лбу и на щеках знаки, сослать в тягчайшую работу»¹²⁷⁵.

Проект 1754 года за выкапывание гробов и мертвому телу грабительство назначает отсечение головы (ст. 3, гл. 34). А Проект 1813 года, как мы видели, приравнивает разрытие могил и обдирание мертвых тел к святотатству (§ 538). Свод Законов Уголовных 1832 года за разрытие могил и ограбление мертвых тел назначает лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылку в каторжную работу (ст. 213 изд. 1832 г.; ст. 231 изд. 1842 г.).

Уложение о наказаниях предусматривает разрытие могил, но различает по тяжести наказания несколько его видов в зависимости от целей преступления. Разрытие могил может быть совершено 1) для ограбления мертвых или поругания над погребенными, 2) для каких-либо суеверных действий и 3) по шалости или в пьянстве (ст. 234). В первом случае виновные наказываются каторгой от 10 до 12 лет, во втором – ссылкой на поселение в Сибирь, и в третьем – тюрьмой от 4 до 8 месяцев. Кроме разрытия могил Уложение предусматривает истребление или повреждение надгробных памятников, а равно и наружное повреждение могил. В зависимости от цели преступления оно наказывается не одинаково. Если преступление учинено по злобному чувству по отношению к погребенным, то виновный наказывается тюрьмой от 4 до 8 месяцев. А если преступление учинено по одному лишь легкомыслию, то на виновного налагается денежное взыскание не свыше 50 рублей. Но виновный во всяком случае должен исправить на свой счет поврежденные им памятники (ст. 235) или могилы.

И. Лжеприсяга.

Лжеприсяга в первые годы царствования Петра Великого наказывалась строго. По указу 21 февраля 1097 года (= 7205) за лжеприсягу назначена смертная казнь¹²⁷⁶, также и за лжесвидетельство¹²⁷⁷. То же наказание мы встречаем и в указе 17 января 1702 года. «А буде кто впредь с сего Его Великого Государя указа всяких чинов люди явятся ко лжесвидетельстве ж: и тех людей Великий Государь указал, по прежнему своего Великого Государя Именному Указу прошлого 205 года февраля 21 дня, за то лжесвидетельство казнить смертью без всякого милосердия и пощады»¹²⁷⁸. Новые показания вносятся военным

законодательством Петра В. «Кто лживую присягу учинит, читаем мы в Воинском Артикуле (гл. XXII, ст. 196), и в том явственным свидетельством обличен будет, оному надлежит два пальца, коими он присягал, отсечь, а его послать на каторгу». Виновные в лживой присяге могли сверх этих наказаний подлежать еще и церковному покаянию (Толков. на 198 ст.). Такое же почти наказание положеио и в Воинских процессах: «Кто из свидетелей фальшивую учинит присягу и потом доказано будет, то оный отсечением пальцев, которыми он присягал, публичным покаянием в церкви, изгнанием из земли или посыланием на каторгу наказан бывает, и никогда более свидетелем предстать не может, ниже к другому какому явному чину допущен будеть»¹²⁷⁹.

Но уже в том же 1720 году, когда вышли в свет Воинский Устав и Воинские Процессы Петра В., указом 23 февраля за лжеприсягу положено было другое наказание, именно вырезывание ноздрей и ссылка на галеры¹²⁸⁰. Это же наказание перешло и в Морской Устав¹²⁸¹. По толкованию Петра на 196 ст. Воинского Артикула лжеприсяга тогда только считается преступлением, когда она совершена лицом, сознающим, что, давая ее, он дает лживую присягу, а также помнящим, что, нарушая присягу, он совершает преступление. Отсюда исключаются те, кто «не осмыслясь к присяге представит себя: ибо сие к безпамятству причитается».

Наказание за лжеприсягу усиливалось в случае приносимого присягою кому-нибудь вреда. «Ежели таковой клятвопреступник – говорится в 197 ст. Воинского Артикула – чрез свою лживую присягу кому чинит вред на теле или в имепии, то оного надлежит по розыску дела и по судейскому приговору жестоко наказать, а иногда и весьма живота лишить». В ст. 198 мы читаем: «Також с таковыми клятвопреступники и лжесвидетельми поступать должно, которые по учиненной присяге ложно свидетельствовали и невинному учинили вредъ». В обеих указанных статьях говорится о вреде только материальном, между тем Морской Устав указывает еще на вред интеллектуального характера: нарушение чести, что также отягчало лжеприсягу¹²⁸².

Подлежали наказанию и подстрекатели лжеприсяги: «А кто, читаем мы в Воинских Процессах, свидетеля к ложному свидетельству склонит, оный равным образом либо денежным штрафом, или телесным наказанием, или публичным церковным покаянием накажется и в свидетель более допущен не будет»¹²⁸³.

По Проекту 1754 года за лжеприсягу назначается отсечение головы, а понесенные кем-либо от этой лжеприсяги вред и убытки возмещаются из пожитков наказанного (ст. 1, гл. 53). Вторая редакция этого Проекта несколько пространнее говорит о наказании за лжеприсягу. По ней «за лживое крестное целование в рангах состоящих и дворян шельмовать и посылать в дальние Сибирские города вечно, а не имеющих рангов и не дворян, т. е. разночинцев, – сечь кнутом, и вырезав ноздри, послать на казенные работы вечно жъ; так чинить и с духовными персонами».

По Проекту 1813 года за лжеприсягу назначено наказание по §§ 34 и 38, т. е. вечное поселение с лишением дворянства, или без оногo, и с наказанием простолюдинов кнутом (§ 270).

В Своде Законов Уголовных за лжеприсягу, но умышленно данную, назначается лишение всех прав состояния, наказание плетью и ссылка на поселение (ст. 868 изд. 1842 г.).

Наказание за лжеприсягу может быть и увеличено, если учинивший лживую присягу учинил чрез то ущерб в имении, или довел потерпевшего до телесного наказания (ст. 869), или вообще причинил невинному вред (ст. 870). Кроме того, клятвопреступники и лжесвидетели могли быть подвержены по рассмотрению суда и церковному покаянию (ст. 871).

По Уложению о наказаниях за лживую присягу, данную с обдуманном заранее намерением, виновные подлежат строгому наказанию: ссылке в Сибирь на поселение (ст. 236). Наказание усиливается до каторги от 8 до 10 лет, если давший ложную присягу в уголовном деле тем самым способствовал невинному неправильно понести уголовное наказание (ст. 237). Наказание за лжеприсягу уменьшается до ссылки на житье в Сибирь или исправительных арестантских рот на время от 1 1/2 до 2 1/2 лет, если давший ложную присягу сделал это не по обдуманному

намерению, а «по замешательству в трудных обстоятельствах и по слабости разума святоści присяги» (ст. 238). Лицо, объявившее, что готово дать присягу, и потом отказавшееся сделать это, если это им было учинено без умысла, а по замешательству, наказывается, «по надлежащем его в суде вразумлении о неосторожности такого поступка и о важности и вреде последствий, которые он мог иметь», арестом от 3 недель до 3 месяцев (ст. 239). Если за лжеприсягу в указанном в ст. 237 случае не будет почему-либо положено уголовного наказания, то виновный подлежит церковному покаянию (ст. 240).

II. Преступления против нравственности.

Касательно преступлений против нравственности в Петровском и после-Петровском законодательстве мы не встречаем такого богатства постановлений, какое мы видели относительно преступлений против веры и церкви.

Из преступлений против нравственности нам придется говорить А) о блуде и непотребстве; Б) прелюбодеянии, В) кровосмешении; Г) растлении и изнасиловании; Д) скотоложстве и мужеложстве.

А. Блуд и непотребство.

О блуде мы находим постановления в Воинском Уставе¹²⁸⁴ и в Морском Уставе¹²⁸⁵: «Ежели холостой человек пребудет с девкою и она от него родит, то он для содержания матери и младенца, по состоянию его, и платы нечто имеет дать, и сверх того тюрьмою и церковным покаянием имеет быть наказан, разве что он потом на ней женится и возьмет ее за сущую жену, и в таковом случае их не штрафовать». Таким образом для виновных в блуде назначается альтернативно или брак, или наказание. Брак, покрывающий собой грех их и дающий имя и родителей ребенку, как бы уничтожает виновность согрешивших. В случае же отказа мужчины от брака он наказывался трояко: 1) он должен был давать на содержание матери и ребенка потребное количество денег, 2) просидеть в тюрьме, сколько будет положено, и 3) понести публичное церковное покаяние.

В тех случаях, когда блуд сопровождался со стороны мужчины обещанием жениться, это обещание должно быть

выполнено (толков. на 176 Арт.). Епархіальное начальство, разрешая браки лицам, до сего состоявшим между собою в связи, нередко при этом приговаривало: «а за блудное житие учинить им наказание плетми, на страх, дабы впредь, как им, так и другим, чинить того было неповадно»¹²⁸⁶.

Как наказывалось вообще непотребство, не сопровождаемое беременностью и рождением ребенка, указаний нет. Но вообще ремесловое непотребство возбранялось. «Никакия блудницы при полках терпимы не будут, говорится в Воииском Артикуле¹²⁸⁷, но ежели оные найдутся, имеют оные без рассмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть».

В 1750 году было велено сыскивать и приводить в главную полицию непотребных жен и девок, а также и сводниц¹²⁸⁸. При Екатерине II непотребство наказывалось заключением в смирительный дом¹²⁸⁹. В Уставе благочиния о непотребстве говорит 263 статья. В ней читаем: «1) Буде кто дом свой или нанятой откроет днем и ночью всяким людям ради непотребства: с того взыскивать пеню – двеуадцатидневное содержание содержанного в смирительном доме, и сажать его в тот же дом, дónдеже заплатит. 2) Буде кто в дом, открытый днем и ночью разным людям ради непотребства, войдет для того же: с того взыскивать пеню шестисуточное содержание содержанного в смирительном доме и сажать под стражу, дónдеже заплатит. 3) Буде кто непотребством своим или иного делает ремесло, от оногo имеет пропитание: то за таковое постыдное ремесло отсылать его в смирительный дом на полгода»¹²⁹⁰.

Эти наказания Устава благочиния (кстати заметим, вошедшая потом в XIV т. Свода Законов, в Устав предупреждения и пресечения преступлений ст. 224–226 изд. 1842 г.) не исключали однако и церковного покаяния, которое

обычно налагалось при смягчающих обстоятельствах. Для иллюстрации приведем несколько примеров наложения за блудодеяние церковного покаяния.

Так, въ 1783 году, по сообщению из Свяжской Нижней Расправы о «живущего въ Свяжску черкасской нации Якова

Данилова жене Акулине Павловой, оказавшейся по производившемуся въ этой Расправе делу в житии деревни Селищ с экономическим крестьянином Артемьем Авраамовым блудно», Казанская Духовная Консистория велела ей «за показанный учиненный грех понести церковную эпитимию чрез 5 лет: первые 2 года в Свияжском Иоанновском девичьем монастыре, таким образом, чтоб ей, будучи въ одном монастыре чрез то двухгодичное время приходя к церкви Божией ко всякому священнослужению, то есть к вечерни, утрени и литургии, во отпущение греха своего приносить усердные Господу Богу молитвы, полагая при том земные поклоны за вечерней и утреней по тридцати, а за литургиею по сорока, в чем иметь за нею наблюдение жития честного монахини; какое ж она о своем грехе покаяние приносить будет, из реченного монастыря по третям года в консисторию репортовать; остальное ж тригодичное время наложенной ей эпитимии исправлять при приходской церкви, и по прошествии упоминаемого термина ее исповедать и по достоинству Св. Таин сподобить»¹²⁹¹.

В 1815 году Казанская Духовная Консистория постановила пономарицу села Шихазанова, Цивильского уезда Парасковью Иванову за блудодеяние «оштрафовать духовною эпитимиею с тем, чтобы она Иванова, приходя оного села в церковь через две недели за каждою службою клала по пятидесяти поклонов и, исполняя оные, приносила Господу Богу в содеянном ею преступлении чистосердечное, с сокрушенным сердцем раскаяние, а притом на будущее время имела жизнь, при прочих христианских обязанностях, самую примерную и добродетельную». Но так как Иванова положенную эпитимию не выполнила и при том оказалась беременною, то Чебоксарское Духовное Правление определило за неисполнение эпитимии отослать ее на полгода в Казанский Богородицкий девичий монастырь на монастырские труды, а так как «она, Иванова, за всем тем, что ей вышеписанным указом из оной Духовной Консистории велено иметь жизнь при прочих христианских обязанностях самую примерную и добродетельную, таковой жизни не имеет, а имеет жизнь распутную, чем самым и наносит

духовному званию стыд и укоризну, и потому ей, Ивановой, яко от распутной жизни не унимавшейся, за блудодеяние на основании изображенных в Кормчей книге правил Василия Великого – 19-го, Григория Нисского – 3-го и Воинских Процессов 2 части 2 главы, 1-го, 2-го и 3-го пунктов, прибавить к означенной возложенной на нее полугодичной эпитимии еще полгода, которую ей и исправить в показанном Казанском девичьем монастыре, под присмотром искусной монахини с тем, чтоб внушаема была ей тяжесть содеянного ею пред Богом согрешения, и чтобы она, приходя ко всякой службе Божией, приносила с сокрушением сердца сердечное Господу Богу раскаяние; но выжитии ж ею, Ивановой, этой эпитимии, прислана б была в сие Правление обратно, которую по получении и отослать к ея духовному отцу для исполнения ею, по силе вышеписанных же правил святых отец, остального шестилетняго с половиною времени эпитимии, предписав ему, дабы она также приходила в церковь ко всякой службе Божией и приносила б в преступлении своем чистосердечное Господу Богу раскаяние, и чтоб он ее в посты допуская на исповедь, до причастия Св. Таин кроме смертного случая не допускалъ; однакож ежели он усмотрит плоды ея покаяния, то в уменьшении эпитимии и в допущении до Святых Таин причастия поступил бы сообразно 84-му правилу Святого Василия Великаго». Была ли выполнена Ивановой эта эпитимия, из дела не видно¹²⁹².

В 1822 году Казанский Сове́стный Суд при сообщении препроводиль в Казанскую Духовную Консисторию несовершеннолетнюю Авдотью Григорьеву для наложения на нее церковного наказания за блудодеяние. Консистория 18 Апреля того же года постановила «наложить седмилетнюю эпитимию за оглашенное ею самою блудодеяние, с тем, чтобы она выжила один год в Казанском Богородицком девичьем монастыре под надзором искусной и честной монахини, а последние шесть лет под смотрением отца ея духовного с тем, что если в продолжении сего времени покаяния выищется к ней жених, то эпитимию покончить и дозволить ей выйти замужь». Но на докладе Консистории Казанский Архиепископ Амвросий,

принимая во внимание несовершеннолетие и неопытность Григорьевой, резолюцией определил ей семилетнюю эпитимию под надзором ея духовного отца¹²⁹³.

В таком виде применялась церковная эпитимия до издания Свода.

В Своде Законов Уголовных 1832 года блуд наказывается тюрьмой и церковным покаянием (ст. 669; ст. 781 по изд. 1842 г.).

По Проекту 1754 года – «Кто со вдовою или девкою блуд учинит, и в том пойман будет, и они люди подлые, и таким чинить наказание –сечь батоги; а буде такое безчинство от других, состоящих в классах и от шляхетства, или от знатных купцов произойдет, таких штрафовать держанием под арестом две недели или меньше, смотря по состоянию персон, а ежели вдова или девка от того блуда родит, и такому незаконнорожденному младенцу обязан тот, с кем оный прижит, до возраста дать достойное пропитание» (ст. 1, гл. 50). Вторая редакция несколько видоизменяет наказание привилегированным лицам: «а буде такое беззаконие от других, состоящих в классах и от шляхетства, или *первой гильдии* от купцов произойдет, и таких держать под арестом, в рангах состоящих и дворян в домах две недели, а купцов в канцеляриях две же недели и сверх того, по прошествии ареста, для церковного покаяния послать православных в духовное правительство, а иностранцев – в Юстиц-Коллегию к Лифляндским и Эстляндским делам».

Рядом с непотребством Проект 1754 года ставит и сводничество. «А кто мужеского и женского полу, говорит статья 3-я, дерзнет делать своды женками или девками на блудное дело, и таким сводникам и сводницам по изобличении чинить наказание – сечь плетьюми, а сверх того, женск пол, когда вторично в том поймана и изобличена будет, ссылат на прядильные дворы», а также брать подписки с наказуемых (по 2-й редакции Проекта). Последняя – 3 ст. 50 гл. – говорить о публичных домах: «для искоренения такого безчинства, ежели где явятся блядские (или какие публичные) подозрительные домы, и о таких давать знать, а особливо того смотреть

полицейской, а в городах, где полиции нет, – губернским и воеводским канцеляриям, а в тех правлениях таких подозрительных людей в самой скорости ловить, и по поимке содержателям оных домов учинить наказание против 3-го пункта, а изыманных в тех домах непотребных женщин и девок сечь плетью и отдавать на прядильный дворъ». По второй редакции прядильный двор заменяется ссылкой в Сибирь.

По Проекту 1813 года блуд и сводничество подлежали действию полицейских законов (§ 491).

Кроме блуда простого русскому праву XVIII века были известны еще виды блуда квалифицированного. Это блудные сожития, а также и браки православных с нехристианами и раскольниками, или браки раскольников между собою.

О раскольниках еще в указе 28 февраля 1722 года сказано: «обоих раскол держащих лиц не венчать, а если и без церковного венчания жить с собою станут, допросить, кто венчал, или без всякого венчания живут, и того венчавшего взыскать к наказанию, да и все венчавшиеся, яко своего обещания (которые при своем записании в явный раскол с роспискою учинили) преступники, наказанию подлежат. А ежели сами собою сожитие свое восприняли, за тое их, яко законопреступников явных, звать на суд архиерейский, а ежели не похотят сказать, кто венчал их или без всякого венчания сжились, то взяты будут в розыск»¹²⁹⁴.

В 1769 году было запрещено священнослужителям венчать браки в раскольнических часовнях, а не церквях¹²⁹⁵.

Указом 11 мая 1800 года Св. Синод разрешил браки раскольников венчать в православной церкви, но «не иначе, как чтобы сие венчание происходило по напечатанному в требнике церковному чиноположению, без всякой отмены общих на таковые случаи правил, и чтоб вступающие в браки предварительно признали совершение их правильным и основанным на древнем постановлении содержимых православною церковью правил, а потому, помня даваемое ими при совершении сего таинства друг другу обещание, хранили оное и все требуемые от супругов обязанности по смерти свою».

В 1808 году 14 августа Св. Синод послал Воронежскому епископу указ следующего содержания: «Святейший Правительствующий Синод по донесению Преосвященного Арсения, Епископа Воронежского, последовавшему по пяти делам о браках разных станиц казачьих детей, повенчанных старообрядческими попами в простых домах и часовнях, определил: поскольку вышеупомянутые браки повенчаны вне церкви, в домах и часовнях, и неизвестными бродягами в противность правил, изображенных в Кормчей книге, Святых Апостол 33, поместных соборов, иже в Гангре, 6, иже в Лаодикии – 32 и о тайне супружества 50 главы, притом определения Святейшего Синода 1722 года февраля 28 дня: – 8 пункта и указа оного 1769 года Августа 18 числа, – то и не могут они быть признаны за браки законные, а за сопряжения блудодейныя. А как таковые преступления по силе Высочайшей резолюции на докладных Святейшего Синода пунктах, 1722 года Апреля 12 дня состоявшейся, подлежат суду гражданскому, то предположение Его, Епископа Воронежского, дабы подобные дела отныне безъ отношения уже в духовное правительство представляемы были непосредственному исследованию, суждению и решению Войсковой Канцелярии, Святейший Синод находит правильным и основательнымъ»¹²⁹⁶.

Принцип светской подсудности раскольнических браков был распространен и на те случаи, когда православные вступали в сожитие, под именем старообрядческих браков, с раскольниками. Ярославский Архиепископ Антоний по поводу вступления старообрядца безпоповщинского толка, крестьянина Андрея Иванова, в незаконное сожитие, под именем раскольнического брака, с уклонявшейся от исповеди и причастия Св. Таин девкою Парасковьею, испрашивал у Св. Синода разрешения, как ему поступать с лицами православного исповедания, вступающими в подобные связи со старообрядцами.

Состоявшимся вследствие сего 10 декабря 1809 (10 января 1810) года определением Св. Синода положено: «Архиепископу Антонию предписать указом, что поскольку сопряжения, под именем старообрядческих браков, и при том в неизвестности

составленные, не могут быть признаны по правилам, православною нашею церковью содержимым, за браки, а надлежит признавать их за сопряжения любодейныя; и поскольку преступления сии подлежат по силе Высочайшей резолюции на докладных Св. Синода пунктах, состоявшейся 1722 года Апреля 12 дня, суду гражданскому, то ему, преосвященному, не представляя о сем Св. Синоду, надлежало отнести беззаконное сожитие девки Прокофьевой с старообрядцем крестьянином Ивановым, равномерно как и о прижитых ими детях, к рассмотрению и суду гражданского правительства. Сим предписанием имеет он, преосвященный, руководствоваться и на будущее время в подобных случаях»¹²⁹⁷.

В 1827 году, по вопросу, поднятому в Государственном Совете, духовному или гражданскому ведомству надлежит рассматривать и судить дела о людях, вступивших в брак по раскольническому обряду, Император Николай I, усматривая, что указом Св. Синода 14 августа 1808 года, Преосвященному Воронежскому и Черкасскому данным, дела такого рода постановлено рассматривать и судить гражданским, а не духовным, правительством, повелел опубликовать этот Синодский указ для единообразного и повсеместного исполнения¹²⁹⁸.

В следующем 1828 году мнением Государственного Совета, Высочайше утвержденным 10 декабря, было пояснено: «а) что указ Св. Синода 1808 года, опубликованный в 1827 году, не простирается на раскольнические браки вообще, но относится к тем токмо бракам, кои именно в том самом указе означены; б) что в Высочайшем повелении, объявленном в указе Правительствующая Сената 1827 года, содержится токмо подтверждение прежнего общего правила о том, что дела по раскольническим бракам признаются, так как и всегда были признаваемы, подлежащими ведомству не духовного, но гражданского, начальства»¹²⁹⁹.

Отсюда браки раскольников, совершенные в церкви православной с соблюдением условий, указанных в Синодском указе 11 мая 1800 года, считались законными и не подлежали

расторжению. Браки же, совершенные раскольническими попами, безусловно расторгались. Так, Казанская Духовная Консисто́рия 9-го марта 1832 года постановила 10 браков, венчанных раскольническим попом Марком Васильевым признать незаконными и мнимо брачившихся за любодейное их сожитие предать на страх прочим законному суждению, на основании Высочайшей резолюции на докладных Св. Синода пунктах 12 апреля 1722 года¹³⁰⁰.

Другим видом квалифицируемого по субъекту блуда является блудное сожитие лица христианского вероисповедания с лицом вероисповедания нехристианского. Подобные сожития наказывались судом светским, при чем лицо, принадлежащее в исповеданию христианскому, наказывалось и в суде церковном епитимией. Можно привести для иллюстрации два-три примера.

В 1824 году Временный Департамент Казанской Уголовной Палаты приговорил, на основании Улож. XXII. 24 и Воевод. Наказа 1728 г. сентября 12 дня пункта 17-го, татарина Чистопольского уезда, деревни Служилой Елтани, Рахманкула Субханкулова за блудное сожитие его с взятой им себе в жены крещеной девкой Варварой (фамилия не известна) – наказать плетью, дав 45 ударов, потом отдать в жительство с строжайшим подтверждением, дабы он на будущее время от таковых противозаконных поступков воздержался. А его незаконной жене Варваре дать 25 ударов. После чего она, вместе с матерью Анной Павловой, были отправлены, как не бывшая у исповеди и Св. Причастия, в Казанскую Духовную Консисто́рию. Казанская Духовная Консисто́рия, за небытие их обеих у исповеди, а Варвару еще и за тайное ее прегрешение (блудъ), постановила отдать для епитимии их духовному отцу, приходскому священнику, который бы, «внушая им важность исповеди и причастия Святых Таин, старался увещаниями своими, с кротостию и смирением, располагать их к чистосердечному пред Богом раскаянию в содеянном ими прегрешении и к точному и неременному исполнению всех христианских обязанностей, руководствуясь притом в уменьшении им епитимии и в допущении их до причастия Св. Таин 102-м правилом 6-го Вселенского собора и указом из Св.

Прав. Синода, 1780 года марта 21 дня состоявшимся, а в смертном случае 5-м правилом святого Григория Нисскаго»¹³⁰¹.

В 1829 году марта 23 дня Мензелинский уездный суд приговорил из татар новокрещеных девок, деревни Керемети, Чистопольского уезда, Дарью, Марью и Мареу Александровых за выход их замуж за некрещеных башкир, 1-ой за Сайфуллу Зензянова, 2-й за Мухамета Рахима Губейдуллина и 3-ей за Хисметьюллу Сепьянова, – наказать плетьюми и потом, по наказании, для очищения совести и исправления их, а их детей для крещения, представить Казанской Духовной Консистории. А башкир, женившихся на оных Александровых, «во страх других и в пример прочимъ», наказать плетьюми, если они не пожелают обратиться к Греко-Российской вере. В Казанской Духовной Консистории 18 марта 1830 года состоялось определение о предании означенных девок надзору их духовных отцов «¹³⁰².

В 1832 году Самарский Уездный Суд из татар крещеную вдову Семенову, жившую блудно с татаринном Самарского уезда, дер. Старой Тогальбуги Усманом Искендеровым, прижившую сына, согласно Воинских 169-го и 176-го Артикулов, указа 1802 г. Декабря 12 дня и мнения Госудрственнаго совета 1826 г. декабря 1-го, пункта 1-го и 4-го, постановил наказать розгами и церковным покаянием, а Усмана Искендерова предоставить суду Оренбургского магометанского духовного правления; прижитого же сына крестить в Греко-российскую веру, и на прожитие как его, так и матери, Семеновой, взыскать с Искендерова ежегодно по десять рублей, до достижения сыном 12-летнего возраста. Этот приговор был утвержден Симбирским губернатором, при внесении его на ревизию в Симбирскую Палату Уголовного Суда.

Во исполнение этого приговора, для наложения церковного покаяния, означенная Мареа Семенова была препровождена в Казанскую Духовную Консисторию. Последняя 29 ноября 1833 года постановила: «преданную Симбирскою Уголовною Палатой духовному суду за блудодеяние, крещеную татарку Семенову, по уважению, что она уже наказана плетьюми, подвергнуть церковной эпитимии по 57 правилу Св. Василия Великого в половину, т. е. на три года с половиною, из числа коих на один

год отослать ее в Казанский девичий монастырь, при указе к настоятельнице оного монастыря, игумении Евпраксии, с тем, чтобы она татарка поручена была искусной и опытной в добродетельной жизни монахине, которая бы при внушении ей о тяжести содеянного ею греха, располагала ее, Семенову, к чистосердечному

пред Богом раскаянию, и заставлять ее ходить к слушанию божественных служб, в посты же – исповедываться; остальное ж сей эпитимии время исполнить ей под смотрением отца ея духовного, который в допущении ея до причастия Св. Таин, смотря на плоды ея покаяния, имеет руководствоваться 102-м правилом шестого Вселенского собора, а в смертном случае – 5-м правилом Святого Григория Нисскаго»¹³⁰³.

Уложение о наказаниях предусматривает лишь один вид блуда, именно незаконное сожитие неженатого с незамужней, и назначает за него церковное покаяние (ст. 994).

Б. Прелюбодеяние.

Прелюбодеяние – единственное из всей категории преступлений против нравственности деяние, которое со времени Петра осталось в ведении церковного суда¹³⁰⁴. Весь XVIII в. не возникало по поводу этого особых пререканий. По недоразумениям, возникшим в начале XIX в., Государственный Совет постановил¹³⁰⁵ «подтвердить указом, чтобы светские присутственные места по делам о прелюбодеянии мужа и жены отнюдь не входили ни в какое суждение, а отсылали б оные в духовные правительства, яко непосредственно суду их принадлежащая».

Свод Законов Уголовных дела о прелюбодеянии также относит к ведомству духовного суда (ст. 775 изд. 1842 г.; ст. 664 изд. 1832 г.).

Какия наказания духовным судом налагались за прелюбодеяние, можно видеть из следующих фактов.

1728 года 16 февраля Московская Дикастерия приговорила жену копииста Вельяминова Парасковью за прелюбодеяние «в наказание отослать по указу 723 года на прядильный двор чрез Московскую Губернскую Канцелярию»¹³⁰⁶.

В том же 1728 году Св. Синод приговорил Симакова за прелюбодеяние с женою копииста Алексеенцева к наказанию плетью при Синодальной Канцелярии и затем преданию обоих их духовным отцам под эпитимию. Телесное наказание Алексеенцевой было предоставлено усмотрению ея мужа, так как он изъявил желание на продолжение с нею супружества¹³⁰⁷.

В 1730 году в Св. Синоде состоялось решение по делу о прелюбодеянии адмиралтейского ведения плотника Егора Пачуева жены Мавры, четырекратно бегавшей от мужа и прелюбодействовавшей с тремя человеками: было постановлено: «оной жене Мавре, за показанные ея прелюбодеяния, по сорока пятому и 59-му Закона Гражданского пунктам, вместо публичного гражданского наказания, облегчая то, по силе напечатанного в Воинском Уставе на 170-ый артикул толкования, для мужа прощения, учинить при Духовном Правлении жестокое плетми наказание и велеть впредь жить по закону благочестно и у мужа своего быть в послушании. А за оные прелюбодеяния, исповедав те грехи отцу своему духовному, по двадцатому поместного, иже в Анкире, Собора и по 58 Великого Василия правилам, исполнять эпитимию по рассмотрению того духовного своего отца, как правила повелевают. И о том, также, дабы и впредь от таких грехопадений оберегалась и от пьянства, в чем она сама себя признает соглашалась, сказать ей указ, с крепким подтверждением; и потом ее Мавру по девяносто второму Шестого Вселенского Собора правилу и Закона Градского грани первые надесять, по седьмому надесять пункту, отдать вышереченную мужу ея, плотнику Егору Пачуеву, который, прощая ей ея вины, паки ее взять к себе восхотел в супружество по-прежнему. Также и прелюбодею ея, Маврину, морского флота матросскому квартирмейстеру, Андрею Иванову, сыну Каменеву, который в том не запирался-ж и сказал, что жил с нею в таком сквернодействе с полгода, по согласию ея, по сорока пятому Градского ж закона пункту, учинить за то при Духовном же правлении крепкое ж плетми наказание, что бы впредь взирая на то, ему и других таких незаконных проделок чинить не повадно было, Церкви же

Святей противности и народу христианскому порока и соблазна не происходило; и церковную епитимию, яко прелюбодею потомуж велеть ему исправлять, по рассуждению отца его духовного, неотложно»¹³⁰⁸.

В 1748 году Московская Консистория жене писаря Данилы Свечинского Дарье Ѳедоровой определила учинить за прелюбодеяние жестокое наказание плетьюми¹³⁰⁹.

Телесные наказания за прелюбодеяние употреблялись и в других епархиях¹³¹⁰. Впрочем, в 1734 году ноября 6-го Св. Синод по одному делу о разводе по прелюбодеянию, чинившемуся в Петербургском Духовном Правлении, постановил: «наказаний телесных по таким делам являющимся прелюбодейцам в Санктпетербургском Духовном правлении не чинить того ради, что оныи наказания, по напечатанным в Кормчей книге, в законе градском тридесять девятая грани, по четыредесять пятому и пятьдесят девятому, и Леона царя и Константина в зачатке шестом-на-десять по шестомуж надесять, пунктам, подлежат до светского суда»¹³¹¹.

Кроме криминальных наказаний за прелюбодеяние наказывали еще и епитимией. В 1728 году псковский епископ Рафаил, расторгнув брак флигель-адъютанта Андрея Григорьева Щербинина с женою его Анной Григорьевой по вине прелюбодеяния последней, определил, по 9-му правилу Анкирского собора и 21-му прав. Василия Великого, исправить ей духовное покаяние¹³¹².

В 1730 году Астраханская губернатора фон-Мегден, виновного в прелюбодеянии с вдовой попадьею Палагеей Даниловой, Св. Синод велел исправлять в оном грехопадении его духовнику, по правилам святым и его, духовникову, рассуждению. А попадье Палагее Св. Синод велел учинить при Духовной Дикастерии жестокое шелепами наказание; при этом с нея была взята подписка впредь такого прелюбодейства ни с кем не чинить, под страхом ссылки в монастырь в земляную работу на неисходное до ея смерти пребывание¹³¹³.

Любопытно дело о прелюбодеянии Белоградской провинции секретаря Максима Пархомова и Дарьи Колтовской¹³¹⁴.

Пархомов свою жену Ирину насильно постриг в монашество и женился на вдове Дарье Колтовской. Духовная Дикастерия, рассмотрев дело, и уверившись, что Ирина была пострижена «в неволю», определила: «монашества она, Ирина, разрешена, и велено ей быть в свецком звании». Брак Пархомова с Дарьей оказывается незаконным, и сам Пархомов был привлечен к ответственности за прелюбодеяние. Св. Синод постановил Пархомова, Колтовскую и содержащуюся при синодальной канцелярии по тому делу в свидетельстве дворовую девку Марью Сухоручку, «для следования и окончательного решения из Прав. Синода, при указе, отослать в Коллегию Юстиции, без замедления; и по окончании тамо, не освобождая их, Пархомова и Колтовскую бывшую жену Дарью, за вышеобъявленное ими незаконно брачное сочетание, для церковного покаяния, как святые правила повелевают, паки в Св. Синод из той Коллегии, при обыкновенном доношении, прислать неотложно»¹³¹⁵. Но назад они присланы не были. Св. Синоду стало известно, что Пархомов и Колтовская выпущены на свободу и живут вместе, как законные супруги. Тогда, имея в виду, что у них были сильные заступники, Св. Синод 22 мая 1728 года обращается к Императору Петру II с прошением, «дабы скверному Пархомова и бывшей Колтовского жены Дарьи прелюбодейству и о других непорядках повелено было Его Величества указом воспретить, да не наносится божественным законным правилам такая пакость»¹³¹⁶. Но Пархомов продолжал жить с Дарьей, как законный муж. Тогда Св. Синод решает прибегнуть к мерам строгости. 5 мая 1729 года Св. Синод постановляет: «Властию Всесвятого и Животворящего Духа, оных противников Максима Пархомова и прелюбодейцу его Колтовскую, дондеже пребывают в упрямстве своем и не возвратятся с покаянием, отлучить от церкви, и ни до каких таинств и священнослужений церковных их не допускать и входа церковного им нигде не давать, и в дом их ни с какими церковными требами не входить»¹³¹⁷.

24 сентября Св. Синод делает новую публикацию об отлучении Пархомова и Колтовской, при чем распространяет церковную клятву на всех, «кто им будет помогать, их

защищать и прикрывать, и в домах своих держать». В заключение указа говорится: «Буде же где оные прелюбодейцы, жестокосердые, и гнева Божия не боящиеся, Пархомов и Дарья, явятся, и их, поймав, привести в Святейший Синодъ»¹³¹⁸.

Спустя довольно продолжительное время, в 1741 году, Пархомов обратился в кабинета принцессы Анны Брауншвейгской с просьбою освободить его от наказания и разрешить законное сожитие с Дарьей Колтовской. Кабинет дал Пархомову указ, но Пархомов сделал неосторожность явиться с этим указом в Св. Синод. Здесь его задержали. Сидя под караулом, Пархомов то обращался к Синоду с просьбою освободить его, обещаясь более не жить с Колтовской, то просил разрешить брак с нею. Вскоре была схвачена и Колтовская. Перед Синодом она также выразила желание отказаться от сожития с Пархомовым. Видя в обоих раскаяние, Св. Синод нашел возможным разрешит их от анаеммы и ввести в церковь. При этом он постановил: Принимая во внимание важность их вины, сочинить краткое письменное объяснение их поступка, и наказать чередному архиерею в С. Петербургском Петропавловском соборе, при собрании народу, прочесть после присоединения их к церкви. А чтобы Пархомов и Дарья не имели возможности жить вместе, было решено, заковав их, выслать в разные монастыри, – Дарью в один из женских, а Пархомова – в Соловецкий.

В первое воскресение после Крещения, в 1742 году, в Петропавловском соборе состоялось торжественное присоединение к церкви Пархомова и Колтовской. После чего служащий архиерей прочел описание их вины, которое заканчивалось приговором: «Оного Пархомова и Колтовскую от наложенных на них клятв и анаеммы, по церковному чиноположению, разрешить и в церковь ввести их, якоже чин и устав церкви о таковых повелевает, а о важности преступления их для публичного в церкви прочтения сочинить краткое на письме изъяснение, и все то учинить в С.-Петербургском Петропавловском соборе в воскресный день при народном собрании чередослужащему архиерею. Что и учиняется. Понеже оные, Пархомов и Колтовская, не усташася таковых наших

клятв и гнева Божия и бессовестно и каменносердечно, аки свинии в блате, чрез многих лет валялись в прелюбодействе, и сами от своего произволения с покаянием ко святой церкви не возвратились, и уже в аресте будучи, особливо оный Пархомов, разными Св. Синоду доношениями, повинуюсь Св. Церкви и суду духовному и обещаваясь к тому с Колтовскою не жити, употреблял прошение о разводе их. И тако, ежели по принятии их ко святой церкви, попустить их свободно жити отнюдь ненадежно, чтобы они всесовершенно разлучились, но есть крайняя опасность паки, по своему бесстрашию и каменносердечию, не впали в прежнее скверное беззаконие и не погибли с душами своими вечно, как и прежде за учиненным уже проклятием то чинили. И для того возвращения от такового их душепагубного сквернодействия, а ко наставлению их к покаянию и на путь спасения, разослать их каждого в монастыри, под караулом, скованных».

Куда была заточена Колтовская, не известно. Пархомов 1 февраля 1742 г. был отправлен из Петербурга чрез Архангельск и Суму в Соловецкий монастырь под конвоем двух синодских солдат. Монастырскому начальству приказывалось расковать его и держать в монастырских трудах до кончины живота его неисходно, под надлежащим присмотром, чтобы он побегу не учинил, во всяком воздержании и наблюдательстве, и велеть приходить ему к Божественной службе всегда и слушать ее со всеприлежным усердием, об отпущении тягчайшего своего согрешения молением. Велено было поручить наблюдение за ним какому-либо опытному старцу, к сему последнему вменено в обязанность делать Пархомову наставления.

Пробыв несколько лет в Соловках, Пархомов был увезен отсюда неизвестно куда¹³¹⁹.

В 1743 году Московская Духовная Дикастерия по делу о разводе брака прокурора Коллегии Ефима Сабурова с женою его Еленой Михайловой, по вине прелюбодеяния последней с прапорщиком Озеровым, 14 ноября положила представить в Св. Синод экстракт из дела, с мнением: брак их расторгнуть, Елене Сабуровой пребывать по разлучении Вологодской епархии (где вотчины ея имеются) в девичьем монастыре, в котором

пристойно, по смерть ея, неисходно, дабы она больше прелюбодейства чинить не могла, и хотя она, Елена, за объявленное ею с прапорщиком Озеровым прелюбодейство подлежала и наказанию: однако то ей наказание оставить, а вменить ей в наказание содержание ея в Федоровском девичьем монастыре (во время следствия), а именно девять месяцев безысходно¹³²⁰. В 1745 г. Сентября 25 Московская Духовная Консистория постановила: «хотя Елену Сабурову за ея прелюбодейство, по силе новых заповедей Иустиниана царя 4 гл. гр. 13, и надлежало послать к не-исходному до смерти ея пребыванию в девичь монастырь, или по указу апреля 2 дня 1741 года, в вечную работу, но за самовольное ея в том признание оную посылку в вечную работу отставить, а вместо того послать ее, как и прежде Дикастерию утверждено, в приданые ея дальния деревни, в которых быть ей до кончины ея, без выхода; а отцу ея духовному положить ей епитимию, и иметь крепкое смотрение, дабы то е епитимию исполняла и о отпущении греха все милостивого Бога усердно просила»¹³²¹.

Таже Московская Консистория 21 января 1768 года приговорила Чащина и Иванову за прелюбодеяние к епитимии на 14 лет¹³²², а в 1773 г. Елену Алферову к 15-летней епитимии под смотрением духовного отца. В обоих случаях супружества были расторгнуты. Контора Св. Синода 15 мая сократила последнюю епитимию на 7 лет. «А как она, Елена, в прелюбодействе своем обличена, и дабы по слабости своей и впредь в оное впасть не могла, для исполнения той епитимии и для жительства определить ее, Елену, в Московский Ивановский девичий монастырь, где ей быть на ея собственном содержании по смерть свою безбрачной и из монастыря безысходной». Впрочем, от монастырского заключения Елена была освобождена Святейшим Синодом в июле 1773 года¹³²³.

В XIX в., сообразно установившейся практике прохождения части епитимии в монастыре, а остальной части под смотрением духовного отца, и епитимия за прелюбодеяние, обычно 7-летняя, проходила таким же точно образом. Напр, Казанская Палата Уголовного суда в 1821 году постановила предать церковному покаянию солдатку Авдотью Матвееву, за

прелюбодеяние и несохранение рожденного ею младенца, церковной епитимии. Казанская Духовная Консисто́рия, по силе этого постановления Уголовной Палаты, определила означенной Матвеевой, на основании 20 пр. Анкирского собора, семилетнюю епитимию, – 2 года в монастыре, а остальное время – под смотрением ея духовного отца¹³²⁴.

Но наложение публичной епитимии в монастыре за прелюбодеяние существовало только до 1822 года. С этого года практика наказания за прелюбодеяние несколько изменяется.

В 1821 году Казанская Палата Уголовного Суда сообщила Казанской Духовной Консисто́рии о ея постановлении, утвержденном Казанским Губернатором, о предании солдатской жены Акилины Егоровой, за прелюбодеяние и прижитие младенца, церковной епитимии, по силе Высочайшей на докладные пункты Св. Синода резолюции 21 апреля 1822 года и указа 15 января 1821 года.

Казанская Духовная Консисто́рия, выписав 67 правило Св. Василия Вел., также 75 и 76, 20-е прав. Анкирского собора, 102-е шестого Вселенского Собора, – 27 сентября 1821 года постановила, на основании 20 правила Анкирского собора, определить Егоровой епитимию на семь лет, с исполнением ея в течение первого года в Свияжском девичьем монастыре, а остальное время – под смотрением ея духовного отца. Но на доношении об этом Архиеп. Амвросием Св. Синоду последовал из него 20 января 1822 года указ, в котором говорилось, чтобы означенная солдатка Егорова не была предаваема публичному покаянию, но очищение ея

исповедью и наложение по мере прегрешения епитимии предоставлено было духовному отцу, с тем, чтобы он в сем случае сообразовался с правилами Св. Отец и законными постановлениями¹³²⁵.

Такой же точно указ о непредании за прелюбодеяние публичной епитимии был послан того же 20 января 1822 г. в Казанскую Духовную Консисто́рию и по другому однородному делу.

Солдатская жена деревни Крестниковой Дарья Васильева, за прелюбодеяние и прижитие младенца, была приговорена

Казанской Палатой Уголовного Суда к церковному покаянию. Казанская Духовная Консисто́рия, на основании 58 правила Св. Василия Вел., постановила 6 октября 1821 года означенную Дарью Васильеву предать эпитимии на 7 лет, – первые два года в Свяжском девичьем монастыре, а остальные 5 – под присмотром духовника. Но указом Св. Синода от 20 января 1822 года Васильева от публичной эпитимии в монастыре была освобождена, а всю семилетнюю эпитимию должна была исполнять под наблюдением ея духовного отца¹³²⁶.

Эта практика была узаконена указом Св. Синода 16 марта 1822 года. В нем говорится: «признавшимися в прелюбодеянии мужу или жене публичную эпитимию отменить и отдавать их внутреннему испытанию и приватному суду духовным отцам их, которые в сем случае должны поступать сообразно с правилами, в 3 главе книжицы о должности пресвитера изображенными»¹³²⁷.

Чтобы покончить с историей церковной наказуемости прелюбодеяния в XVIII и начале XIX века, укажем еще на один казуистический случай, возникший в судебно-церковной практике, именно: как поступать со старообрядцами, судимыми за прелюбодейство.

Тобольский Архиепископ Амвросий доносил Св. Синоду, что тамошняя Уголовная Палата по делу о крестьянине Тюменского округа, Переваловской волости, Леонтии Паклине, в чинении им, при живой жене своей, с девкою Аграфеною Семеновою прелюбодеяния, и прижитии оттого младенца, предоставила рассмотрению Консисто́рии обращение Паклина к Св. Церкви и поступление с ним по законам за прелюбодеяние, присудив при том с девки Семеновой, за то ея непотребство, в сообразность Уст. Упр. Благ. 263 ст. 2 отд., взыскать пени, – шестисуточное содержание в смиренном доме, для чего и посадить ее под стражу, и что по делу сему им, преосвященным, определено: крестьянина Паклина отослать в Тюменский монастырь для увещания, на основании указов Св. Синода 1800 г. марта 22 и 1801 г. апреля 17 числа: когда же он окажет чистосердечное раскаяние, то приготовить его к присоединению, на основании указа Св. Синода 1801 г. февраля 16. Девку ж Семенову, за

наложенным уже ей от светского правительства наказанием, подвергнуть шестилетней эпитимии, с исправлением оной под смотрением отца ее духовного, в уменьшении коей поступить сообразно 102 правилу VI Вселенского собора и указу из Св. Синода 1780 года марта от 2-го числа.

Состоявшимся вследствие сего 20 мая (10 июня) 1808 года определением Св. Синода положено: Преосвященному Тобольскому предписать указом, чтобы он, ежели упомянутый старообрядец Паклин окажется по справке венчанным с называемою его женою в православной вашей церкви, то в таком случае об обращении его к православию сделать ему надлежащее увещание; и буде он обратится, то за упомянутое прегрешение его определить ему, по 20 правилу Анкирского собора, семилетнюю эпитимию, с исполнением оной под смотрением отца его духовного. Но если напротив того, брак его не был совершен в православной церкви, нежели он в заблуждении своем останется непреклонным, то рассмотрение об нем, как о блуднике, на основании Именного Высочайшего 1722 года апреля 22 дня указа, обратиться в гражданское правительство, по последствии донести Св. Синоду. На означенную же девку, в рассуждении, что она светским правительством присуждена к содержанию в смиренном доме, наложить эпитимию на три года с половиною¹³²⁸.

Переходим к обозрению постановлений светского законодательства о прелюбодеянии.

В светском праве этому преступлению было посвящено несколько постановлений. Таковы в Воинском Артикуле 169 и 170 статьи: «Ежели муж женатый, говорит первая из указанных статей, с женою замужнею телесно смешается и прелюбодеяние учинит, оные оба наказаны да будут по делу и вине смотря». «Одинакое прелюбодеяние, – говорит следующая, 170-я, статья, – когда едина особа в супружестве обретается, а другая холостая есть, она, по состоянию особ и обстоятельству, имеет жестоким заключением, шпицрутенном и отставлением от полку или посылкою на каторгу на время наказана быть». Здесь, как мы видим, наказание не достаточно точно определено. Гораздо определеннее выражается Проект 1854 года. «Буде муж

женатый, читаем мы в 1 ст. 48 главы, с замужнею женою, или жена замужняя с женатым мужем прелюбодейство учинит, и за такое двойное прелюбодейство знатных персон и других состоящих в классах, и дворян, и знатное купечество православных отсылать в монастыри, где содержать их три месяца безъисходно на братской пище, а подлых и не имеющих рангов сечь плетьюми, а иноверцев (христианского исповедания) знатных, и состоящих в классах и знатное купечество сажать в тюрьму на три месяца, а подлых потомуж наказывать. А когда женатый муж со вдовой или девкой, или замужняя жена с холостым прелюбодейство учинят, и за такое одинакое прелюбодейство знатных и вышеписанного чина людей посылать в монастыри на шесть недель, где содержать их против вышеписанного, а подлых сечь батоги, а из иноверцев сажать в тюрьму на 6 недель, а подлых потомуж наказывать батоги».

По Проекту 1831 года, муж, виновный в прелюбодеянии, подлежал церковному покаянию и заключению в монастырь на срок от шести недель до трех месяцев (§ 484). Тому же наказанию подлежали виновная в прелюбодеянии жена и ея обольститель (§ 485).

В Своде Законов Уголовных за прелюбодеяние лиц, венчаных по православному обряду, наказания не положено.

Наложение его предоставляется суду церковному (ст. 662 изд. 1832 г.; ст. 771 изд. 1842 г.). Лица же евангелического исповедания за прелюбодеяние подвергаются церковному увещанию и сверх сего, по определению светского суда, заключению от 3 до 14 дней (ст. 665 изд. 1832 г.; ст. 776 изд. 1842 г.).

Магометанскому духовному правительству предоставлялось право, в случае признания недостаточным духовного наказания и исправления отсылать виновных в прелюбодеянии к светскому суду, который и налагал на них заключение от 3 до 14 дней (ст. 777 изд. 1842 г.).

По Уложению о наказаниях лицо, виновное в прелюбодеянии, наказывается или заключением в монастырь или тюрьмою от 4 до 8 мес. и сверх того церковным покаянием.

А лицо, с кем учинено прелюбодеяние, наказывается или тюрьмою от 2 до 4 месяцев или арестом от 3 недель до 3 месяцев и сверх того тоже церковным покаянием (ст. 1585).

В. Кровосмешение.

Петровское военное законодательство касательно кровосмешения имеет ту особенность, что вводит и узаконяет различие между кровосмешением по восходящей и нисходящей линии и кровосмешением в боковых линиях. Первому посвящена 173 ст. Воинского Артикула: «Блуд, еже двое из близких свойственников (которым по правам в супружество вступить невозможно для свойства) телесно смешаются, правда в восходящей и нисходящей линии, смертью казнен бываетъ». Это строгое наказание имело силу и на практике. В 1727 году Арзамасец Аратов за изнасилование несовершеннолетней дочери был казнен смертью¹³²⁹. В 1736 году резчик Лебединцев за изнасилование и растление своих малолетних падчериц был предан смерти¹³³⁰. В 1743 году указом Елизаветы Петровны вдова Анна Алексеева Павлова, за кровосмешение со своим отцом Алексеем Баскаковым, была послана в один из монастырей Сибирской епархии, где она, постригшись в монахини, должна была нести вечное покаяние¹³³¹.

О кровосмешении в боковых линиях говорит статья 174 Воинского Артикула: «Ежели же учинится в побочной линии и между близкими свояками, то, по рассуждению судейскому, наказаны и виновные явное церковное покаяние принести имеютъ».

Указанное различие нашло себе место и в Своде Законов Уголовных. За кровосмешение в прямой восходящей или нисходящей линии виновные родственники подлежат лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселене (ст. 667 изд. 1832 г.; ст. 779 изд. 1842 г.). А в боковых линиях наказание определяется по усмотрению суда. При этом во всех случаях светский суд о степени вины, соразмерной со степенью родства, сносится с духовным правительством (ст. 668 изд. 1832 г.; ст. 780 изд. 1842 г.).

Несколько особняком стоят Проекты. Проект 1754 года не выдерживает строго разграничения, данного в Воинском Уставе.

К первой группе он относит кровосмешение отца с детьми, брата с родной сестрой и родственников в восходящей линии (ст. 1 гл. 39). «А ежели кто учинится с побочной линии и между близкими родственниками, которым по правилам вступить в супружество не можно, таких наказывать по рассуждению судейскому и по состоянию особ, знатных и состоящих в классах – тюремным арестом и денежным штрафом, а подлых – кошками или батоги¹³³², а сверх того для принесения церковного покаяния отсылать их в монастыри» (ст. 2).

Проект 1813 года измеряет тяжесть наказуемости кровосмешения степенями. За кровосмешение в первых трех степенях родства виновные наказывались по § 40; а в прочих степенях родства виновные подлежат церковному покаянию и заключению в монастырь от 2 до 6 месяцев (§ 482). За кровосмесительный брак, который рассматривался, как один из видов подлога при совершении брака, Проект назначил лишение свободы, без позорных наказаний по §§ 60–62 (§ 282).

Остается указать об эпитимиях за кровосмешение и кровосмесительные браки. Практика Св. Синода в XVIII в. относительно степеней родства и свойства, в коих браки считались действительными и законными, не была единообразна. Но относительно назначения эпитимии за браки, в близких степенях родства и свойства нельзя сказать того-же, потому что церковная эпитимия назначалась независимо от признания брака действительным или недействительным. Отсюда церковное наказание иногда сопровождало расторжение брака, иногда назначалось и таким лицам, брак коих, хотя и заключенный в запрещенных степенях родства и свойства, оставаясь был Св. Синодом в силе. Примеры того и другого может дать труд Митрополита Евгения Болховитинова: «Свод решений Св. Правительствующего Синода, последовавших по делам о браках, совершившихся в разных сродствахъ», напечатанный покойным профес. А. С. Павловым¹³³³.

Что касается эпитимии за кровосмесительные браки по ея содержанию, то часто назначалась Св. Синодом эпитимия под смотрением духовного отца¹³³⁴. Иногда указывалось время

эпитимии – два года¹³³⁵, семь лет, как за прелюбодеяние¹³³⁶. Налагались и другие наказания. Так, в одном случае за вступление в недозволенный брак виновным была определена церковная эпитимия, по рассмотрению епархиального архиерея, и вместо ссылки их в монастыри на 2 года, на основании узаконения, в Кормчей книге на 562 листе изображенного, было велено взыскать с них на содержание священно- и церковнослужительских вдов и сирот сто рублей¹³³⁷. Употреблялись и телесные наказания. Один крестьянин Московской епархии взял себе в жену двоюродную сестру. Московская консистория, с утверждения Митрополита Платона, 18 ноября 1751 года расторгнула брак, а крестьянину и женке, вышедшей за него, учинила жестокое наказание плетьюми и обязала их подписками, чтобы они к сожитию происка ни под каким видом не имели и в одном доме не жили. О чем поручено наблюдать духовным отцам их с наложением эпитимии по своему усмотрению¹³³⁸. Иногда наказывали за кровосмешение заключением в монастырь. Так, в 1816 г. были посланы из Казанской Палаты Уголовного Суда в Казанскую Духовную Консисторию Царевококшайской округи из черемис крещеный Илья Иванов и его сноха Варвара Петрова за любодейную связь для наложения церковного покаяния. Они были приговорены к годичному заключению, первый в Царевококшайскую Мироносицкую обитель, а вторая – в Свияжский девичий монастырь¹³³⁹.

В Уложении о наказаниях кровосмешение влечет иногда уголовные, иногда церковные наказания, при чем при всех случаях кровосмешения церковное наказание назначается непременно, а уголовное только в некоторых случаях. На наказуемость кровосмешения влияют степени родства, в каких стоят между собою виновные. Наиболее строго наказывается кровосмешение с родственником или родственницей в восходящей или нисходящей линии. Виновные подлежат ссылке в отдаленнейшие места Сибири для заключения там, вместо поселения, в тюрьме в уединении на 6 лет 8 месяцев, по истечении которых мужчины отдаются в монастыри на всю жизнь для исполнения тяжких работ (ст. 1593), а женщины

отсылаются в самые дальние округа Сибири (ст. 1595). Если это лица христианских исповеданий, то они подлежат кроме указанных наказаний церковному покаянию.

За кровосмешение во второй степени родства назначается такое же наказание, как и за кровосмешение с восходящими или нисходящими родственниками, только тюремное заключение в Сибири уменьшается до 3 лет и 4 месяцев (ст. 1594, ч. 1). За кровосмешение в 3-ей степени родства или в первой степени свойства виновные из православных подвергаются ссылке на житье в Сибирь или отдаче в арестантския исправительные отделения от 1 1/2 до 2 1/2 лет (ст. 1594, ч. 2). За кровосмешение в четвертой степени родства или первой свойства виновные из православных наказываются заключением в монастыре на время от 4 до 8 месяцев (ст. 1594, ч. 3). Все эти лица кроме указанных наказаний во всяком случае подлежат церковному покаянию. За любодеяние в таких степенях родства или свойства, в коих браки не воспрещаются законом, виновные наказываются по 994 ст., как за незаконное сожитие неженатого с незамужней (ст. 1597). Все указанные постановления относятся к кровосмешению внебрачному. Что касается кровосмешения брачного, то, исключая браков в первой и второй степени родства, во всех остальных случаях за вступление в незаконный брак виновные в этом православные подвергаются заключению в тюрьме от 4 месяцев до 1 года

и 4 мес. и церковному покаянию (ст. 1559). За вступление же в супружество в 1-й или 2-й степени родства виновные православные наказываются, как за кровосмешение внебрачное (ст. 1559, ч. 2).

Лица других христианских исповеданий, кроме православного, за кровосмешение в первой и второй степени родства и в первой степени свойства подлежат тем же наказаниям, как и православные (ст. 1594). При чем если в Сибири нет монастырей соответствующего исповедания, то наказуемые по истечении срока тюремного наказания ссылаются в качестве ссыльно-поселенцев и без права переписываться в крестьяне в отдаленные округа Восточной Сибири (ст. 1593). За кровосмесительный брак лица других

христианских исповеданий наказываются тюрьмою от 2 до 4 мес. и церковным покаянием по усмотрению своего духовного начальства (ст. 1560).

Г. Растрение и изнасилование.

Разграничение изнасилования и растрения строго в Петровском законодательстве не проводилось. В Воинском Артикуле говорится только об изнасиловании. Случаи растрения известны из указов. Попытку разграничения изнасилования и растрения делает Свод Законов Уголовных (ст. 675 изд. 1832 г.; ст. 787 изд. 1842 г.). Проект 1754 года об этом различии не говорит, а Проект 1813 года слабо намекает на него.

Воинский Артикул говорит об изнасиловании, но в таких выражениях, что под это понятие могло быть подведено и растрение. «Ежели кто, – читаем мы в нем¹³⁴⁰, – женский пол, старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земле изнасилует, и освидетельствуется, оному голову отсечь или вечно на галеру послать, по силе дела».

О покушении на изнасилование Воинский Устав не говорит ничего¹³⁴¹, а Морской Устав выражается обще: «начатое изнасилие, а не оконченное, наказуется по рассмотрению».

Наказание за изнасилование – или отсечение головы, или ссылка на галеры. А за растрение определенного наказания в законе не было. Есть только факт. В 1749 году крестьянина Орлова за растрение было велено наказывать так: «сказав смерть, положить на плаху, и сняв с плахи, бить кнутом, и вырвав ноздри, сослать в Оренбург на вечную работу»¹³⁴². Это, так называемая, политическая смерть.

Проект 1754 года за изнасилование назначает отсечение головы (ст. 1 гл. 45).

По Проекту 1813 года виновный в изнасиловании подвергается лишению свободы и чести, по § 40, подлежит церковному покаянию, а за безчестье платит оклад мужа или отца, жене за 4 года, а дочери – за 8 лет (§ 479). Наказание «увеличивается в следующих случаях: 1) когда изнасилованная ниже 15 летъ; 2) когда изнасилователь из числа имеющих

власть над изнасилованной; 3) когда он из числа домашних, и 4) когда им окажется «служитель» (§ 480).

По Своду законов уголовных «за изнасилование замужней женщины, вдовы и насильное растление девицы совершеннолетней или малолетней, виновные подлежат лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу» (ст. 675 изд. 1832 г.; ст. 787 изд. 1842 г.). Такому-же наказанию подлежали крепостные и дворовые той особы, над которой учинено насилие, если они ее не обороняли в насилии и чинили насильствующему вспоможение (ст. 676 изд. 1832.; ст. 788 изд. 1842 г.).

Д. Мужеложство и скотоложство.

О мужеложстве говорит 166 ст. XX гл. Воинского Артикула, различающая мужеложство простое и насильственное¹³⁴³. Это-же различие встречается и в Проекте 1754 года (ст. 2 и 3 гл. 47 – «о содомском грехе»).

О скотоложстве говорит 165 ст. Воинского Артикула, назначающая жестокое на теле наказание¹³⁴⁴.

По Проекту 1754 года, такого велено сечь кнутом нещадно и, согласно прибавке второй редакции, отослать на вечное житье в дальние сибирские города, а не подлежащих телесному наказанию, согласно этой-же редакции, отсылать в монастыри на 5 лет. Но во всяком случае, та скотина, которая служила для удовлетворения неистовой похоти, должна быть убита и зарыта в землю, а собственнику ее должна быть выплачена по оценке стоимость ее (ст. 1 гл. 47).

Проект 1813 гола высказывается в общих выражениях вместе и о скотоложстве, и о мужеложстве: «причинивший какое-либо противоестественное студодеяние присуждается к лишению свободы по § 60, простолюдины же наказываются по § 65; сверх того, виновный подвергается публичному церковному покаянию» (§ 488).

Свод Законов Уголовных говорит отдельно и о скотоложстве, за которое виновные подлежат лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселение (ст. 678 изд. 1832 г.; ст. 791 изд. 1842 г.), и о мужеложстве, как простом, за которое виновные подлежат лишению всех прав

состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселение, так и насильственном: в этом случае ссылка на поселение заменяется каторжной работой (ст. 677 изд. 1832 г.; ст. 790 изд. 1842 г.).

По Уложению о наказаниях за насильственное мужеложство виновный наказывается каторгою от 10 до 12 лет (ст. 995), а за ненасильственное –ссылкою в Сибирь на поселение и сверх того церковным покаянием (ст. 994). Виновные в скотоложстве наказываются ссылкой на поселение в отдаленнейшия места Сибири и сверх того церковным покаянием (ст. 996).

Часть третья. Современное положение вопроса о наказуемости религиозных преступлений по русскому праву.

Глава первая. Объем применения церковной дисциплины к преступлениям против веры и нравственности по действующему русскому праву.

Применение церковной дисциплины в сфере преступлений против веры и нравственности, как со стороны своих пределов, так отчасти и со стороны своего содержания, определяется в действующем русском праве Уложением о наказаниях и Уставом Уголовного Судопроизводства.

На основании последняго, которым церковному суду предоставляется некоторое участие в светском уголовном суде, можно провести разграничение светской и церковной подсудности преступлений против веры и нравственности. При этом здесь возможны три случая: во-первых, может случиться так, что в законах уголовных положено за преступление или проступок лишь церковное покаяние, или отсылка виновного к церковному суду, – в таком случае преступление или проступок судится судом церковным (1002 ст. Уст. Угол. Судопроиз., изд. 1892 г.). Во-вторых, может быть такой случай, когда в законе, сверх церковного покаяния, положено еще уголовное наказание, – тогда дела решаются в суде уголовном, но приговор суда сообщается духовному начальству для предания осужденного церковному покаянию. В третьих, может быть и так, что в законах уголовных за какое-нибудь преступление против веры и нравственности положено одно только уголовное наказание. Может-ли церковный суд в таком случае самолично присоединить наказание церковное? Прямого ответа на этот вопрос не дано. Но принимая во внимание, 1) что по смыслу 1002 и 1003 ст. применение церковного покаяния возможно только там, где прямо в уголовных законах о нем упомянуто, и 2) что в отношении осужденных в ссылку в каторжные работы применение церковного покаяния воспрещается примечаниями к 1003 ст., следует признать, что в этом случае, т. е. когда в законе прямо не упомянуто о назначении церковного покаяния, но не может иметь места по отношению к тем, кто присуждается к какому-либо уголовному наказанию. Эти три возможные

комбинации подсудности преступлений против веры, а также и против нравственности, мы и рассмотрим.

I. Из преступлений против веры и нравственности одним только церковным наказаниям подлежат некоторые виды уклонения от постановлений церкви (ст. 207 и 208 Улож. о нак.), вероотступничество¹³⁴⁵ (ст. 185–187), лжеприсяга, если учинивший ее не был подвергнут уголовному наказанию (ст. 240), конкубинат (ст. 994 ч. 1), прелюбодеяние (ст. 1585), кровосмешение в 4-й степени родства или второй степени свойства (ст. 1594, ч. 3). По прямому и точному смыслу 1001, 1002 и 1004 ст. Уст. Угол. Суд., суду

церковной власти подлежат также и те преступления против веры, а равно и против нравственности, о которых не упоминает Улож. о нак. Это видно из объяснения к ст. 1001, данного редакторами Устава уголовного судопроизводства. «На основании Свода 1857 года, читаем мы здесь, духовному суду подлежат не только такие преступления и проступки, за которые полагается церковное покаяние или отсылка виновных к духовному суду, но и такие, за которые виновные подвергаются разного рода церковным запрещением и наказаниям, присуждаемым собственно на основании церковных правил (лишению приобщения Св. Таин, лишению всякого общения церкви и др.); поэтому признано необходимым для удержания сего порядка в точности, пояснить в ст. 1001, что постановления настоящей главы относятся лишь к тем преступлениям против веры и другим, соединенным с нарушением церковных правил, которые подлежат ведомству светского суда»¹³⁴⁶.

Такому пониманию не противоречит неопределенное выражение Устава Дух. Консисторий, что епархиальному суду подлежат и миряне «по проступкам и преступлениям, подвергающим виновного церковной епитимии»¹³⁴⁷. Это понимание допускается и учеными юристами¹³⁴⁸.

Таким образом, в принципе юрисдикции церковного суда подлежат все те преступления против веры и нравственности, которые не наказуемы по Уложению, или за которые в Уложении положено одно лишь церковное наказание.

II. В тех случаях, когда виновный, кроме уголовного наказания, подлежит еще и церковному, возникает двоякая подсудность. По Уложению наказ, она имеет место при деяниях, предусматриваемых статьями 192, 217, 933, 934, 935, 995, 997, 1554, 1555, 1559, 1560, 1564, 1582, 1586, 1593, 1594 и 1595 Уложения о наказаниях. При этом дело решается, по 1003 ст. Уст. суд., уголовным, а не церковным судомъ; приговор уголовного суда сообщается духовному начальству для предания осужденного церковному покаянию. Освобождаются от этого добавочного наказания только осужденные к ссылке в каторжную работу (примеч. к ст. 1003 Уст. угол. суд.¹³⁴⁹), и раскольники (ст. 1585¹ – Улож. о нак.).

III. В тех случаях, когда какое-либо преступление против веры и нравственности предусматривается Уложением о наказаниях, и за него здесь положено одно лишь уголовное наказание, оно и подлежит юрисдикции суда уголовного. Наложением преступнику такого рода уголовного наказания исчерпывается и вся карательная деятельность суда. Здесь уже не может более идти речи ни о вторичном разборе дела в суде церковном, ни о каком-либо добавочном, церковном наказании преступника: здесь принцип: *non bis in idem* остается в полной силе. Но совершенно устраняя церковный суд от непосредственной юстиции по делам такого рода, наше действующее законодательство однако привлекает церковную власть к участию (весьма, впрочем, ограниченному) в уголовном процессе по подобным преступлениям. Так, по делу о соращении предварительное следствие может начинаться не иначе, как по требованию духовного начальства (ст. 1006 Уст. Угол. Суд.). Основания этого были высказаны редакторами Устааа уголовного судопроизводства. «Преследовать за сектаторство, говорят они, можно тогда, когда надлежащая власть признает, что в известном случае есть сектантство; а такую власть здесь может быть только власть духовная. Прежде чем духовная власть не сказала своего слова об известном событии, заключающем в себе признаки соращения, может иметь место только полицейское дознание, или могут быть приняты полицейския меры, предписанные в Уставе о

предупреждении и пресечении преступлений, но не может быть речи о начатии уголовного следствия, именно потому, что даже приблизительно не решен вопрос, преступно-ли самое событие, о котором идет речь. Преступность или не-преступность его зависит оттого, признается-ли духовною властью известное действие, или известное учение противным религии и церкви, или не признается. Иначе преждевременное возбуждение уголовного правосудия может иметь своим последствием один только соблазн для верующих и породить в обществе толки о религиозном преследовании»¹³⁵⁰.

Из правила, изложенного в 1006 ст., изъеются дела как о распространителях скопческой ереси (Улож. Наказ, ст. 196, по прод. 1890 г. и 1897 г.), так и о совратившихся в скопчество и другия ереси, соединенные с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, либо с противонравственными и гнусными целями (Улож. Наказ, ст. 203). По сим делам предварительное следствие начинается и без требования со стороны духовного начальства (ст. 1007 Уст. Угол. Суд.).

Затем, по статье 1011 Уст. Угол. Суд., когда при рассмотрении в духовном ведомстве дел, заключающих в себе нарушение церковных правил, откроются преступления, подлежащая суду уголовному, то духовные правительства сообщают о том состоящим при окружных судах прокурорам, которые в дальнейшем направлении этих дел поступают по установленному порядку. В объяснении к этой статье редакторы замечают: «на основании Законов судопроизводства уголовного (Свода 1857 г. т. XV, кн. 2, ст. 792–795), ведомству судов духовных подлежат дела: 1) об удостоверении в действительности события браковъ; 2) о признании их законности или незаконности; и 3) о расторжении браков. Все другия дела, возникающия по преступлениям брачного союза, подлежат светскому уголовному суду, и только связанный с некоторыми из подобных дел вопрос о действительности, законности и расторжения брака разрешается духовным судом по церковным правиламъ»¹³⁵¹.

Дела же о браках, совершенных по насилию, обману, или сумасшествию одного или обоих брачившихся, начинаются в уголовном суде, приговор коего относительно насилия или обмана сообщается духовному суду, как для решения о действительности или недействительности брака, так и для определения ответственности духовных лиц, совершивших бракосочетание (ст. 1012). «В сих случаях, – говорят редакторы в объяснении к этой статье, – прежде всего должно обратиться в светский уголовный суд, где и доказывать насилие и обман, и если они действительно будут обнаружены уголовным судом, то уже тогда дело должно подлежать суду духовному. Хотя сии дела, в отношении признания или непризнания брака действительным и степени участия в сих преступлениях духовных лиц, подлежат исключительному ведению судов духовных, но как исследование и суждение по сему предмету духовных судов может последовать только по обнаружении светским уголовным судом насилия и обмана, содеянных при совершении брака, то надлежало сделать пояснение, в том состоящее, что из дел о преступлениях союза брачного, дела о обвенчании насильственным и сумасшествием одного или обоих брачившихся должны начинаться в гражданском ведомстве и уже по поставлении светским судом решения относительно насилия или обмана поступать в суд духовный для постановления решения собственно о действительности или недействительности брака, и относительно участия в сих преступлениях духовных лиц. В противном случае духовный суд был-бы поставлен в необходимость разрешать вопрос, подлежащий суду светскому: действительно-ли были учинены насилие и обман, ибо без разрешения сего вопроса нельзя поставить заключения о действительности или недействительности брака»¹³⁵².

По делам о многобрачии лиц христианских исповеданий обвиняемые предаются уголовному суду не прежде, как по истребовании от суда духовного точных сведений о совершении брака при существовании уже другого. В том-же порядке требуются от духовного суда сведения и по делам о кровосмешении между лицами, не состоящими в брачном союзе

(ст. 1013). Дела-же о вступлении в брак в недозволенных степенях родства или свойства, о воспрещенном браке христиан с нехристианами и о четвертом браке православных поступают к уголовному суду по окончании над виновными суда церковного (ст. 1014). Сему-же порядку следуют и другия дела брачныя, в коих уголовный суд, по передаче их из суда духовного, определяет уголовную ответственность подсудимых, а также о браках лиц духовного звания, коим по законам церкви их воспрещено вступать в брачный союз, если виновными употреблен был для сего обман, или подлог (ст. 1015).

Статьи 1013–1015 Уст. Угол. Суд. представляют развитие 151 ст. Высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г.¹³⁵³ основных положений уголовного судопроизводства, которая гласит: «в делах о преступлениях против союза брачного и о кровосмешении приговор уголовного суда постановляется после рассмотрения в духовном суде вопросов, как о действительности и законности брака, так и о нарушении преступлением церковных правил»¹³⁵⁴.

При развитии этой 151 ст., на которой основаны вышеприведенные 1013–1015 ст. Уст. Угол. Суд., редакторами были приняты во внимание следующие соображения «По Своду 1857 года, из дел о преступлениях брачного союза некоторые, начинаясь в светском суде, потом поступают

в духовный суд для решения вопроса о действительности брачного союза, нарушенного преступлением; другия, наоборот, начинаются в духовном суде или, по крайней мере, по ним требуются предварительные сведения от духовной власти, в том именно случае, когда о самом преступлении, подлежащем преследованию светской власти, может быть речь уже при существовании брачного союза, действительность или законность которого прежде всего должна быть удостоверена.

К делам первого рода, которые начинаются в светском уголовном суде и по окончании в нем всего производства поступают в духовный суд, для признания действительности, или недействительности брака, относятся дела о браках, совершенных по насилью, обману или сумасшествию одного, или обоих брачующихся. К делам второго рода, которые или

начинаются в духовном суде, или по которым по крайней мере требуются предварительные сведения от духовной власти, относятся дела о многобрачии и кровосмешении, следующие одинаковому порядку производства.

«По Своду 1857 года, по этим последним делам производство в светском уголовном суде начинается большею частью до истребования от духовной власти надлежащих сведений, но по Судебным уставам предание суду обвиняемых в означенных преступлениях может последовать не прежде, как по получении этих сведений. К этой же категории дел принадлежат и те, которые во всяком случае должны начинаться в духовном суде, которые не прежде поступают в светские суды, как по окончании над виновными суда духовного. Сюда относятся дела о вступлении в брак в недозволенных степенях родства или свойства, о воспрещенном браке христиан с нехристианами и о четвертом браке православныхъ»¹³⁵⁵. Из всех этих объяснений с несомненностью следует вывод, что то церковное судопроизводство, которое имеется в виду, ни в коем случае не может иметь своей задачей наложение церковного наказания, прежде чем дело рассмотрено будет судом уголовным. В данном случае церковный суд может только констатировать *событие преступления*, и именно преступления с точки зрения церковных правил, а не с точки зрения уголовного права и кодекса, поскольку церковный суд компетентен в констатировании этого события. Но предвосхищать, так сказать, наказание у суда уголовного он не может. Так. обр., суд уголовный в вопросах подсудности преступлений против веры и нравственности преимуществом пред судом церковным. Уголовная подсудность в большинстве случаев исключает подсудность церковную. На долю последней выпадают лишь небольшие крупницы трапезы первой. Подобное устранение лишь содействует поглощению начала церковного началом уголовным.

Переходим к обозрению тех наказаний или отдельных дисциплинарно-покаянных мер, какия употребляются судом церковным по отношению к подлежащим его юрисдикции

религиозным преступникам. Уложение о наказаниях знает две такие меры: монастырское заключение и церковное покаяние.

До половины прошлого столетия монастырское заключение применялось довольно часто, нередко в тех случаях, когда по Уложению налагалось только церковное покаяние. Поворот в этом отношении произвел циркулярный указ Св. Синода от 18 марта 1868 года¹³⁵⁶. Еще в июле 1851 года Св. Синод, по выслушании доложенной Канцеляриею Обер-Прокурора Св. Синода справки из ведомостей о лицах светского звания, содержащихся в 1850 г. в монастырях, признал, что общее число светских людей, содержащихся в монастырях, восходившее до 648, представляется весьма значительным, тем более, что сюда не вошли люди, находившиеся в таком-же положении в девяти епархиях, из которых сведений не было доставлено. При этом Св. Синод обратил внимание и на то, что к нему поступали жалобы, что, с обращением в монастыри, люди торговые и поселяне отторгаются от своих обычных занятий, а семейные – от семейств, а чрез то подвергаются крайнему разорению. В сих обстоятельствах не достигается самая цель содержания в монастыре, ибо вместо раскаяния возраждается ожесточение, а монастыри стесняются и помещением сих людей и недостатком надзора за ними и нередко страдают от соблазнительного их поведения при нераскаянности.

По рассмотрении этих жалоб Св. Синод большею частию предоставлял епархиальным начальствам освобождать сих людей с преданием их эпитимии на месте жительства под надзором духовных отцов. Прохождение эпитимии под надзором духовного отца, как замечено опытом, есть мера самая действительная, если прилагается негласно и с усердием со стороны духовника, могущего своими наставлениями, в духе кротости и христианской любви, возбудить сознание греха и искреннее раскаяние; но к сей мере местные епархиальные начальства обращаются редко, а прямо присуждают к содержанию в монастырях. Вследствие сего Св. Синод циркулярным указом от 11 июля 1851 года предписал епархиальным архиереям: а) войти в подробное рассмотрение

тех дел, по которым, вследствие решений епархіальных начальств, люди светского звания содержатся в монастырях под эпитимиею, и если по таковому рассмотрению не представится каких-либо особых затруднений, то содержимых по силе решения людей обратить к покаянию на местах жительства, под надзором духовников, которым преподать соответствующие наставления; б) о последствиях своих распоряжений донести Св. Синоду во всей подробности; в) о содержимых по распоряжениям светских правительственных мест войти в рассмотрение, нет-ли из числа их таких, которые оказывают раскаяние и потому могли-бы быть переданы надзору духовных отцов, и о таковых представить Св. Синоду, и г) на будущее время по делам, по которым следует виновных подвергать церковной эпитимии, входить в ближайшее соображение и обращать внимание на положение подсудимых и в монастыри обращать тогда, когда сие необходимо или по качеству преступления, или по доказанной безуспешности покаяния на месте жительства. Указ 18 марта 1868 года входить в более подробные рассуждения касательно прохождения церковной эпитимии в монастырях. «По силе вышеприведенного указа (т. е. указа 11 июля 1851 года), говорит этот указ Св. Синода, число людей светского звания, содержимых в монастырях, хотя и стало уменьшаться, но нельзя не заметить, что и по ныне сих людей довольно много; так, по ведомостям, представленным в Св. Синод от епархіальных преосвященных за 1864, 1865 и 1866 годы, число людей светского звания, кои содержались в монастырях, значится в следующем количестве: в 1864 г. – 266 лиц, в 1865 г. – 212 лиц, и в 1866 г. – 193 лица. Если при этом принять во внимание с одной стороны, что монастырскому заключению, кроме людей светского звания, подвергаются и духовные лица, и что сих последних в монастырях ежегодно содержится около 900 человек, а с другой, что монастыри вообще не имеют ни средств к содержанию и надзору за арестантами, ни самых помещений, надлежащим образом для сей цели устроенных, то нельзя не признать, что и то количество людей светского звания, содержимых по монастырям, какое значится по ведомостям за последние

годы, составляет тяжелое бремя для монастырей».

Далее указ переходит к обозрению статей Уложения наказ., где назначается монастырское заключение. Оно перечисляет (по изд. 1866 г., тоже и в изд. 1885 г.) следующие статьи: 138, 1549¹³⁵⁷, 1585, 1593, 1594 и 1597. Других преступлений, кроме вышеуказанных, за которые полагалось-бы заключение в монастырь, – говорить указ, – в законах не указано¹³⁵⁸; но есть значительное число преступлений, за которые полагается церковное покаяние, или отсылка виновных к духовному начальству для увещания и вразумления. Церковное покаяние в некоторых случаях присоединяется к наказаниям уголовным и исправительным (Улож. Нак. ст. 58), а в некоторых назначается в виде особой меры для очищения совести, без соединения с уголовным или исправительным наказанием».

Делается перечисление преступлений, за которые налагается церковное покаяние, или отсылка к духовному начальству: это статьи Улож. о наказ.: 185, 188, 207, 208 (и Уст. пред. прест. 27), 994, 1465, 1466, 1473, 1583, 1586, 1597¹³⁵⁹, и 75 Уст. пред. прест. по продолжению 1864 года.

«О том, – далее продолжает указ 18 марта 1868 года, – каким образом должно быть проходимо церковное покаяние, и как должно производиться увещание посредством духовных лиц, в церковных законах нет определительных постановлений. Посему не редко случается, что за известное преступление в одной епархии церковное покаяние проходится на месте жительства, при приходской церкви, а в другой епархии преданный за тоже преступление церковному покаянию заключается в монастырь. В светском законодательстве по сему предмету имеются только следующие правила. а) Православные, в случае соращения в раскол, назидаются, по усмотрению духовного начальства, в истинной вере и увещаются чрез местных священников, миссионеров, или других лиц, назначаемых епархиальным начальством. Но такие назидания и увещания производятся над соращенными без отвлечения их от места их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий (Уст. пред. прест,

ст. 75. прод. 1864)¹³⁶⁰. Кто, не смотря на убеждения священника, два или три года окажется не бывшим у исповеди и Св. причастия, о том доносится епархіальному архиерею особенно. Преосвященный чрез приходского священника, или наконец сам, смотря по обстоятельствам и по местной удобности, вразумляет его и мерами убеждения старается возвратить его к долгу христианскому, с возложением епитимии по своему усмотрению, на основании церковных правил. Таким образом поступает и с теми, о которых по делам в присутственных местах открывается небытность их у исповеди и Св. причастия, но с тою разницей, что в сем последнем случае епитимия должна быть публичная в приходской церкви и монастыре. Публичная епитимия назначается без отлучения от должности и поселян от домов. Кто не вразумится увещаниями, не придет в раскаяние и не исполнить долга христианского, о том сообщается гражданскому начальству на его рассмотрение (Уст. пред. прест., ст. 27). в) Виды церковного покаяния и сроки прохождения оного определяются духовным начальством. Ссылаемые в Сибирь на поселение или на житье, если они с тем вместе приговорены к церковному покаянию, предаются оному в месте ссылки на срок, назначенный тамошним епархіальным начальством (Улож. Наказ, примеч. к ст. 58).

Из вышеизложенного указания преступлений, за которые в законах определяется *монастырское заключение*, и тех, за которые полагается лишь *церковное покаяние, или духовное увещание и назидание*, усматривается, что преступлений первого рода гораздо меньше. Между тем, по имеющимся в

Св. Синоде сведениям о людях светского звания, заключенных в монастыри, оказывается, что большая часть сих людей содержится в монастырях за такие преступления, за кои в законах полагается не заключение в монастырь, но лишь церковное покаяние, или назидание и увещание через духовных лиц. Так, например, по ведомостям о людях светского звания, кои содержались в монастырях в 1865 году, общее число людей сих 212 человек: из них только 63 человека были заключены за те преступления, за которые по Уложению о наказаниях полагается заключение в монастырь, а именно: 29 малолетних

за разные преступления и 34 лица за прелюбодеяние и кровосмешение. Из остальных 149 человек 15 человек содержались в монастырях по особым Высочайшим повелениям и два лица согласно циркулярному указу Св. Синода от 11 июля 1851 года, за неисполнение церковной епитимии; затем 132 человека показаны содержащимися в монастырях за такие преступления, за которые по законам не полагается монастырское заключение, и при том из них 17 человек содержалось за уклонение в раскол, тогда как по силе 75 ст. Уст. пред. прест. (по продолжению 1864 года) увещания над соvrращенными в раскол должны производиться на месте их жительства, без отвлечения от обыкновенных трудов и занятий их, а 6 человек было заключено в монастыри, вопреки 27 ст. Уст. пред. прест., за небытие у исповеди и Св. Причастия.

По ведомостям за 1864 и 1866 годы также значится большое число людей светского звания, содержащихся в монастырях не за те преступления, за которые в законах полагается заключение в монастырь, а именно: из 266 лиц, содержащихся в монастырях в 1864 году, только 85 человек было заключено за те преступления, за которые по законам полагается монастырское содержание; а из 193 лиц, находившихся в монастырском заключении в 1866 году, только 55 лиц показаны содержащимися за те преступления, за которые в законах постановлено заключать в монастырь.

Сообщив вышеизложенные обстоятельства и принимая во внимание: 1) что монастыри, вопреки их назначению, обременены множеством заключенных в оные людей духовного и светского звания, и что из числа сих последних значительно большая часть содержится за те преступления, за которые по законам полагается не заключение в монастырь, но церковное покаяние, или отсылка к духовному начальству для увещания и вразумления; 2) что по мнению Св. Синода прохождение епитимии под надзором духовного отца есть мера самая действительная, если прилагается негласно и с усердием со стороны духовника, – Г. Обер-Прокурор находить, что освобождением из монастырей с преданием епитимии на месте жительства всех содержащихся в монастырском заключении

людей светского звания не за те преступления, за которые законом положено монастырское заключение, было-бы предоставлено большое облегчение монастырям, а сами освобожденные из оных были-бы поставлены в положение, в котором вернее может быть в них возбуждено сознание греха и искреннее раскаяние, о чем Г. Обер-Прокурор и предлагает Синоду». Св. Синод определил: «предписать епархиальным преосвященным, чтобы они немедленно сделали распоряжение об освобождении из монастырей, с преданием церковной епитимии на месте жительства, всех тех людей светского звания, которые содержатся в монастырях не по Высочайшим повелениям, и не за те преступления, за которые на точном основании 138, 1549, 1585, 1594 и 1597 ст. Улож. наказ. полагается монастырское заключение. При чем поручить епархиальным начальствам к неперемennomу исполнению, чтобы впредь были подвергаемы заключению в монастырях только те из людей светского звания, о заключении которых в монастырь впоследствии особое Высочайшее повеление, или состоится, согласно упомянутым статьям Улож. о наказ., приговор уголовного суда, и чтобы затем все люди светского звания, присуждаемые к церковному покаянию, проходили сие покаяние на местах жительства, под надзором духовных отцов, кроме тех только лиц, по отношению к которым прохождение епитимии на месте окажется безуспешным, и которые посему, на основании указа Св. Синода от 11 Июля 1851 года, будут подлежать заключению в монастырь»¹³⁶¹.

Таков указъ 18 Марта 1868 года. Им объем применения монастырского заключения, как церковно-карательного института, ограничивался только немногими случаями, указанными в приведенных статьях Уложения. Монастырское заключение, которое в Уложении нередко назначалось альтернативно с тюрьмой, является здесь институтом полууголовным, аналогичным последнему, т. е. тюрьме. Так смотрит на это отношение монастырского заключения к тюрьме и наш Сенат.

Кассационный Департамент Сената в своем решении 1884 года за № 41, по делу Шмелева, прямо выразил, что

назначаемое 3 ч. 1594 ст. Улож. заключение в монастырь от 4 до 8 месяцев *соответствует заключению в тюрьме*, без лишения и ограничения прав по 2 степ. 38 ст. Улож. о наказ. И это сближение монастырского заключения, как карательного института, с тюрьмой проводится в Уложении. Так, по 1 ч. 1585 ст., виновное в прелюбодеянии (состоящее в браке) лицо подвергается заключению *в монастырь*, или же в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, и *сверх того*, если оно принадлежит к одному из христианских вероисповеданий, предается *церковному покаянию*, по рассмотрению своего духовного начальства.

При текстуальном толковании этого постановления, в котором первая половина носит *альтернативный*, а вторая *безусловный* характер, выходит, что за прелюбодеяние можно назначить одновременно монастырское заключение, как наказание главное, и церковное покаяние, как наказание дополнительное! Другой случай подобного рода представляет 1594 ст., по которой виновные в кровосмешении в 4 степени

родства или 2 степени свойства и подвергаются монастырскому заключению от 4 до 8 месяцев и во всяком случае, *сверх того*, предаются церковному покаянию по распоряжению духовного начальства.

Заключение в монастырь, кроме значения наказания основного, может быть и наказанием заменяющим. «Это наказание, говорит Н. С. Тагапцев, – заменяющее по ст. 137 и 138 Улож. для малолетнего многие виды исправительных наказаний и ссылку на поселение, было введено в Уложение в 1845 году Коммиссиею Государственного Совета в том соображении, что такое наказание и по способам надзора и по религиозным наставлениям, прямо и благонадежно ведет к исправлению. Закон уголовный указывает только сроки содержания малолетних в монастырь, но самый порядок содержания остается совершенно неопределенным, и теперь, с постепенным развитием исправительных приютов, это наказание будет все более и более ограничиваться в своем применении»¹³⁶². Предсказание г. Таганцева исполнилось в Новом Уголовном Уложении 1903 г. До того же времени

помещение малолетних в монастыре практиковалось по прежнему.

Законом 2 июня 1897 г. следственной и судебной власти предоставлено между прочим помещать малолетних и несовершеннолетних преступников в монастыри их вероисповедания. Помещение это допускается, как мера пресечения названным преступникам уклоняться от суда, в случае невозможности принятия для сего других мер, указанных в законе, и как мера исправления некоторых из таковых преступников в местностях, где исправительные приюты или колонии для них не устроены, или в случае недостатка в сих учреждениях свободных помещений. Избрание православных монастырей для помещения в них малолетних и несовершеннолетних преступников производится по предварительном сношении с местными архиереями. Правила, какими Епархиальное начальство должно руководствоваться при избрании монастырей и помещении в них преступников, указаны в циркулярном указе Св. Синода от 15 Декабря 1900 года¹³⁶³. По новому Уголовному Уложению только несовершеннолетние лица женского пола в случае невозможности поместить их в воспитательно-исправительные заведения могут быть отданы в женские монастыри (ст. 41, ч. 4).

Что касается церковного покаяния, то сущность его была определена Св. Синодомъ еще в 1852 г. В Наставлении священникам о том, как действовать на людей, преданных под их надзором церковной епитимии, в 8 п. читаем: общий способ исполнения епитимии полагать в том, чтобы падший непременно во все праздничные и воскресные дни (в монастырях же во все дни) неопустительно ходил в церковь и в оной пред иконостасом полагал по 25, или же более земных поклонов, с произношением молитвы мытаревой: Боже, милостив буди мне грешному! В среды же и пятки употреблял сухоядение, а в посты исповедывался, от Святого же Нрпчастия кроме смертного случая да возбранится. Кроме сего несущий епитимию может исполнять какие-либо дела благочестия, возможные по его состоянию, например: раздаяние милостыни, посещение и признание больных, поклоны домашние с

молитвою Иисусовою и подобное»¹³⁶⁴. В настоящее время применение церковного покаяния почти не выходит за пределы тех случаев, в каких оно назначается Уложением о наказаниях. Наложение церковной епитимии духовными Консисториями вне указанных законом случаев, и притом самостоятельно, независимо от приговоров судебных установлений, имеет место чрезвычайно редко. Обыкновенно дело бывает так. Прокурор суда сообщает консистории состоявшийся в окружном суде приговор, в котором обозначается, кто, за какое преступление, по какой статье и к какому присужден наказанию. Если в приговоре указано заключение в монастырь, то в консистории назначается, в какой именно монастырь должен быть послан обвиняемый; если-же в приговоре назначено церковное покаяние, то консистория, заслушав приговор, сперва выводит на справку соответствующия правила из Кормчей книги. Так, при незаконном сожитии – Василия Вел. правила 22, 38 и 59; при кровосмешении – прав. Василия В. 75–79; при самоубийстве – Тимоеея Александрийского пр. 14 и т. д. После этого уже составляется приговор Духовной Консистории в такой приблизительно форме: «крестьянина за незаконное сожитие, на основании 22 прав. Василия В., предать отлучению от причащения Св. Христовых Таин на четыре года, под надзором и руководством приходского его священника, которому и послать о сем указ, с тем, чтобы он объяснил тяжесть содеянного им греха, возбудил в нем искреннее пред Господом Богом раскаяние, убедил его чаще являться к

церковным службам, во время которых молиться мытаревой молитвой с земными поклонами; во время постов говеть и исповедываться, но к Св. Причастию, до истечения срока епитимии, на основании 13 прав. I Вселенского собора, допустил-бы его только в случае *опасности жизни или уныния*»¹³⁶⁵.

В таком виде существует институт церковного покаяния в действующем праве.

Глава вторая. Учение современной юриспруденции о наказуемости религиозных преступлений.

Русские криминалисты уже давно находили много недостатков в нашем Уголовном уложении. В одних случаях находили противоречие тех или иных статей Уложения выводам науки, в других указывали разные практические неудобства, возникающие при применении статей к отдельным конкретным случаям. Устранение всех недочетов, как теоретических, так и практических, этого Уложения Высочайшею волею возложено было на особую комиссию, которой и поручено составить новый проект уголовного уложения. Работы этой комиссии кончены, проект ею составлен и 22 марта 1903 г. утвержден Высочайшею властью. Поэтому нам при изучении религиозных посягательств нельзя игнорировать этого нового уложения. Но прежде чем говорить о нем, поскольку он входит в нашу тему, мы должны сначала познакомиться с учением современной юриспруденции о границах и основаниях наказуемости религиозных посягательств, так как ни один из отделов действующего уложения по мнению ученых не является так несовершенным, так отставшим, как именно тот, который трактует о преступлениях против веры¹³⁶⁶. Один из современных русских криминалистов, И. Я. Фойницкий замечает по поводу всего II раздела действующего Уложения о наказаниях следующее: «нетерпимость, контроль над совестью и суровые наказания – вот что характеризует этот раздел уголовного кодекса, составляющий прямое наследие Уложения 1648 г., так что практике приходится прибегать к смягчению его постановлений¹³⁶⁷. Так отзываясь о II разделе Уложения о наказ., Фойницкий хочет этим сказать, что современная научная постановка религиозных посягательств не согласуется с Уложением, что доктрина в основу наказуемости их кладет иные принципы, чем какие положены в основу их наказуемости в действующем русском праве. Еще раньше Фойницкого другой русский криминалист, А. Θ. Кистяковский, писал, что «из обозрения постановлений нашего полицейского и уголовного

законодательства о запрещенных деяниях, касающихся веры, легко убедиться, что оно принадлежит к старой формации и по типу своему вполне сходно с теми системами права, которые во всей Европе существовали до конца XVIII ст.» и которые характеризовались признанием следующих начал: а) абсолютной ортодоксии, б) монопольного прозелитизма и в) неверотерпимости¹³⁶⁸.

Напротив, доктрина новейшего времени выдвигает другие приципы и прежде всего *принцип вљротерпимости*, принцип религиозной свободы.

Веротерпимость государства по отпошению к религии его подданных принято называть также «свободою совести», «религиозной свободою». Лучшим из этих терминов, в смысле юридической определенности, является последний. Выражение «свобода совести» можно понимать и в психологическом, и в этическом и юридическом смысле, а это обстоятельство умаляет его значение, как юридического термина, для которого определенность – первое качество. Выражение «свобода веры» и менее определено и значительно уже термина «религиозная свобода». Этот последний термвн уже приобрел право гражданства в юридической литературе, как термин технический, а потому мы его и будем употреблять¹³⁶⁹.

Каково же содержание и объем этого понятия? Западные юристы довольно точно и подробно разработали этот вопрос. Они различают свободу «совести» и свободу «исповедания». Особенно отчетливо это различие проводится у Блунчли. «Ни одно человеческое право, говорит он, не представляется *естественнее и святље*, как право обращающегося к Богу человека – *быть истинным пред Богом* (Wahr zu sein vor Gott). Люди Богу приписывают все лучшие качества, которые находятся в их природе, во всей полноте и совершенстве, они видят в Нем вечную истину, всеведение, всемогущество. Религиозный человек производить от Божьей благодисти всякое благо, каким он обладает. Потребовать от человека, чтобы он отверг свою веру и принял веру, которая ему чужда, значит потребовать от него, чтобы он выступил лицемером пред Богом, который видит и осуждает всякое лицемерие. Закон,

становящийся между Богом и человеком и желающий принудить последнего поступать против своей совести, ставит человека в необходимость выбора – или отвергнуть свою религиозную веру и оскорбить святая святых своей души, или заплатить за нее своим человеческим существованием и своим благополучием. Если он повинуется велению своей совести, ему угрожает мученичество; если он исполняет предписания государства, он теряет свой душевный мир и уважение к себе самому. Прямую опасностью эта альтернатива угрожает людям верующим с твердым характером и прямодушным. Равнодушные, слабые, лицемеры умеют ускользать от кары этого закона и смеяться над его могуществом в ту самую минуту, когда они, повидимому, преклоняются пред ним. Закон, принуждающий к вере, страшен не для низких людей, но он угрожает чести и безопасности благороднейших натур, хотя естественная задача правопорядка охранять именно их честь и безопасность. – Глубоким источником *свободы исповедания* является *свобода совести* (Glaubensfreiheit), так как исповедание есть только обнаружение веры, живущей в душе. Об этой свободе веры позаботился сам Бог, защитив внутреннюю жизнь духа телесным покровом. Люди не проникают во святая святых чувств и мыслей друг друга и не имеют силы господствовать над верою индивидуума. Они, к счастью, *не могут проявлять здесь никакого непосредственного принуждения*. Если бы они могли, они, конечно, проявили бы его. Но религиозному принуждению (Glaubenszwang) положены естественные границы, за которые оно не выходит. Свобода веры охраняется самою природою человека. Молчаливое, полное таинственности общение духа отдельного индивидуума с Богом защищается от неразумного и неуместного вмешательства государственной силы тем, что государство не имеет доступа во внутреннюю жизнь духа и не обладает никаким средством преобразовать его чувство и мысль по своему произволу. Свобода совести (Glaubensfreiheit) не есть правовое понятие, также как оно и не нуждается вовсе в человеческой правозащите. Возможность внешнего воздействия со стороны людей начинается тогда, когда доселе внутренняя вера получает внешнее выражение в словах и действиях. Здесь

только и может быть поставлен вопрос о том, дозволена или необходима не известная вера, а именно исповедание определенной веры. Вопрос о свободе исповедания или о принуждении в исповедании принадлежит к вопросам права, над ним и церковные, и государственные мужи, теологи и юристы, около столетия спорили и до сей поры еще спорять»¹³⁷⁰.

Что касается объема религиозной свободы, иначе выражаясь, отдельных *прав* индивидуума в вопросах религии, то Блунчли высказывает следующие положения. 1) Ересь есть ошибка; она никак не может составлять преступления; 2) каждый имеет право высказывать свою веру и свои убеждения о религиозных предметах; 3) каждый имеет право чтить Бога сообразно своей совести, если он только не нарушает государственного и гражданского правопорядка; 4) никто не может быть принужден к исповеданию веры, которая противоречит его чувствам; 5) для каждой во всякое время выбор церкви, или религиозного общества, является свободным; переход из одного вероисповедания в другое не наказуем; 6) ни церковное воспитание, ни церковная дисциплина не противоречат свободе исповедания, но внешнее принуждение самостоятельных лиц к участию в богослужебных действиях, вопреки их совести, не позволительно; 7) следует и гражданское право и политическое государственное право сделать независимыми от определенного религиозного исповедания»¹³⁷¹.

Другой немецкий ученый, Вильгельм Мартенс, ставит понятие религиозной свободы в тесную связь с понятием нового правового государства (*Rechtsstaat*), представляя первое постулатом второго. По его взгляду современное правовое государство должно создать целую новую систему отношений к религии подданных, в основу которой должна быть положена *полная религиозная свобода*. По Мартенсу, религиозная свобода, или свобода религиозного исповедания, состоит в том, что всякий индивидуум может по своему усмотрению обращаться к той или другой конфессии, переходить от одной из них к другой, соблюдать или не соблюдать религиозные обычаи,

при чем государственная власть не должна действовать принудительно и побудительно. Тот, кто имеет право без всякой невыгоды в государственном отношении присоединяться к одной из признаваемых в государстве конфессий, должен быть во всяком случае в праве не присоединиться ни к какой конфессии и вообще удаляться от религиозно-общественной жизни. Состояние безрелигиозных и атеистов в высшей степени достойно сожаления и возбуждает горькое чувство у всех, кто признает за религией значение, но государство, которое признает полную религиозную свободу, должно последовательно терпеть и неконфессиональность (Confessionslosigkeit): оно не может, если хочет оставаться последовательным, выступать против неверия и индифферентизма с внешними средствами и должно отказаться от принуждения к принятию определенного вероисповедания. В силу признаваемой новым государством религиозной свободы, оно должно отказаться от принуждения, от признания того или другого религиозного общества истинным или неистинным, и рассматривать каждое из них только с юридической стороны, т. е. как форму общения. Каждый подданный государства независимо от его вероисповедания пользуется государственными и гражданскими правами, допускается к занятию государственных должностей, а в конституционных государствах, в качестве народного представителя, может принимать участие в законодательстве. Наконец, религиозная свобода ведет к отделению государства от церкви, в смысле независимости государственного порядка от церковного учения и церковного права»¹³⁷².

Германский профессор Гиншius (Hinschius) рассматривает «религиозную свободу», как основной принцип отношения современного государства к религии и религиозным обществам. По его мнению, из признания современным государством свободы совести или свободы веры вытекают: а) право индивидуума без всякой невыгоды исповедывать свою веру и отсутствие веры, раз существующие уголовные законы не нарушаются дальнейшим содержанием исповедания (как это, напр., проявляется в оскорблениях, открытом богохульстве,

возбуждающем соблазн, в публичном подстрекательстве к неповиновению законам или к восстанию против государственной власти), и раз исповедание не нарушает публичный порядок и общественное благо (напр. открытую проповедь атеизма на улице пред необразованною народвою массою). b) Необходимым дополнением свободы совести или свободы веры является свобода религии или свобода культа, т. е. право тех, кто имеет одни и те же религиозные воззрения, соединяться в собрания и общества для служения религии и отправления богослужения, так как всякой религиозной вере присуще стремление к общей деятельности, и она бы захирела, если бы исповедники ее стали ограничиваться только собою и молитвою в своем семейном кругу. Но свободе религии или культа поставляются известные границы, заключающиеся в уважении к уголовным законам и к публичному порядку: ни одно религиозное общество не может переступать этих границ под предлогом, что здесь дело идет об их религиозных догматах, или учении. c) Дальнейшим следствием свободы религии или культа является право индивидуума по свободному убеждению выходить из своего прежнего религиозного общества, равно как присоединяться к какой-либо другой религиозной партии, или даже ни к какой, с освобождением от всех своих отношений к прежней церкви или религиозному обществу, при том без всяких политических последствий. В первом отношении может быть исключение только в том случае, если должны быть выполнены имущественные обязательства, основывающиеся на прежней принадлежности к обществу (напр., уплата истекших налогов или пошлин); однако не должны быть выполняемы те обязательства, которые свое основание имеют в воззрениях данной церкви или религиозного общества (напр., целибат у католиков). Что же касается последнего пункта, то из него следует, что государству, которое обезпечивает своим подданным свободу совести, должно быть чуждо церковное понятие ереси, в особенности, чтобы последняя не рассматривалась, как наказуемое преступление. d) Наконец из рассмотренных принципов следует, что государство не имеет права принуждать принадлежащих к одному религиозному

обществу к участию в культе другого или к почитанию религиозных предметов последнего¹³⁷³.

В таком виде представляется вопрос о религиозной свободе, ее существе и объеме, в важнейших трудах западных ученых. Познакомимся с воззрениями на этот предмет русских ученых.

У нас горячим защитником принципа религиозной свободы выступил покойный криминалист А. Кистяковский. «Веротерпимость, говорит он, есть требование разума, которое необходимо осуществить для спокойствия и безопасности государств; она есть веление справедливости, она предписывается разумом современного человека и его христианским братолюбием. Всякий законодатель, исповедующий известную веру, должен знать, что все другие религии опираются на исторических фактах, что они подкрепляются одними и теми же доказательствами, что они имеют за собой известные книги и предания, которые признаются за священные их последователями, что они покоятся на идее недостаточности разума человеческого, что все они имеют среди своих поклонников людей просвещенных и честных, что противоречивые религиозные мнения исповедуются по доброй совести теми людьми, которые целую жизнь размышляли о предметах веры; и потому законодатель должен быть веротерпим. Всеобщий интерес человечества требует допущения и утверждения свободы мнений, совести и богослужений. Это есть единственное средство установить между людьми братство, так как при абсолютной невозможности достигнуть соединения всех в одних религиозных убеждениях, братство и согласие возможны только под условием оказания уважения тем, которые держатся противоположных религиозных мнений. – Веротерпимость в больших государствах необходима для стойкости правительства; при господстве веротерпимости, ему нечего опасаться, так как оно, способствуя спокойствию и умиротворению страстей, отнимает всякий предлог для недовольства. При преследовании религиозного разномыслия малые и отдельные силы соединяются и образуют опасную

силу. При господстве же противоположная режима в стране, разделенной на великое число сект, ни одна не может претендовать на господство, и следовательно все пребывают в спокойствии». – «Люди, которые считают исповедуемую ими веру истинною, должны стоять за веротерпимость. И прежде всего потому, чтобы иметь право быть терпимыми в той стране, в которой их вера не есть господствующая; потом для того, чтобы их религия могла кротостью покорить все умы. Всякий раз, когда людям предоставлена была свобода обсуждения, в конце концов одна истина торжествовала. Не много прошло времени с тех пор, как позволено разуму заговорить о колдовстве; и это заблуждение, столь недавно всеобщее, столь застарелое, почти абсолютно исчезло».

«Что такое ересь, говорить А. Кистяковский далее, как не мнение о догмате, различное от того, которое принято в известной стране. Лютеранство есть ересь в Риме, католичество в Лондоне, Али считается в Испагани святым, а в Константинополе еретиком. Все народы должны относиться с терпимостью к различию религиозных мнений; одна национальность не может преследовать другую под предлогом ереси, не подвергаясь опасности испытать тот же самый способ обращения над собой. Умы не просвещаются кострами, и не может быть преступления в том, что не веруют в то, чего не понимают».

«Абсолютная ортодоксия, монопольный прозелитизм и неверотерпимость были источником величайших бедствий в истории новых европейских народов: они порождали религиозные войны одного народа против другого; они возбуждали междоусобные войны внутри государств; они поддерживали смуту, замешательства и волнения среди управляемых, они вооружали руку правителей на преследование своих подданных; они питали ненависть среди населения к правительству отечественной страны; они поддерживали полицейския, административные и уголовные преследования целых масс населения; они дали в результате огромное количество кар и наказаний, в виде лишения прав, изгнания, тюрьмы и ссылки, мучений и телесных наказаний и,

наконец, в виде смертных казней самых изысканных родов. Кровь, пролитая вследствие религиозного фанатизма, в религиозных войнах и путем уголовной юстиции, едва-ли не обильнее была всей пролитой в Европе по другим побуждениям»¹³⁷⁴. Из приведенных тирад А. Кистяковского мы видим, куда клонятся его взгляды, – именно, к проведению принципов веротерпимости, отказу от абсолютной ортодоксии и монопольного прозелитизма. В новейших трудах русских юристов вопрос о религиозной свободе ставится в связь с вопросом о задачах культурного и правового государства. Сюда можно отнести Рейснера¹³⁷⁵ и Пусторослева¹³⁷⁶. С взглядами последнего мы коротенько познакомим читателя.

Культурное государство, говорит Пусторослев, есть соединение культурного народа в одно самостоятельное, независимое целое под одной верховной властью. Каждый народ стремится к удовлетворению всех своих потребностей, как материальных, так и духовных, к увеличению своего всестороннего благосостояния, или, по крайней мере, поддержанию этого благосостояния на достигнутой высоте. В этом стремлении ярко выражается самая высшая из действительных целей жизни культурного народа, доступных наблюдению.

Будучи соединением культурного народа в одно самостоятельное целое под одной верховной властью, культурное государство весьма дорожит народным благосостоянием, т. е. благосостоянием всего своего народа, как одного целого, воплощающаяся в государстве. В наши времена культурное государство признает поддержание и возможно большее увеличение всестороннего народного благосостояния самым главным из тех принципов, которыми должно руководиться государство в своей общественной деятельности. Благосостояние культурного народа стоит в зависимости от множества различных условий. К числу их принадлежит и обеспечение возможности удовлетворения религиозных потребностей граждан. Заботясь о благосостоянии своего народа в религиозном отношении, культурное государство должно оказывать охрану религиозным чувствам и убеждениям

своих граждан и даже обывателей, иностранцев. Отсюда и вытекает для культурного государства весьма важный долг охранения религии или веры. А так как верования людей бывают различны, стеснение же верующего человека в его вере является для него крайне тяжким гнетомъ; то у культурного государства является надобность давать охрану не одной религии или вере, а нескольким, т. е. держаться принципа веротерпимости или религиозной свободы. Под религиозной свободой разумеется: 1) свобода исповедания веры, т. е. возможность для человека избрать себе и соблюдать ту религию или веру, которая наиболее соответствует его личным чувствам и убеждениям, 2) свобода проповедания веры, т. е. возможность излагать свою веру другим людям и убеждать их, с их согласия, к принятию ея, 3) свобода соединения в религиозные союзы, т. е. возможность для людей одной и той же веры соединиться в организованный религиозный союз, пользующийся самоуправлением по делам своей веры, и 4) свобода богослужения, т. е. возможность совершать богослужение по правилам и обрядам своей веры¹³⁷⁷.

Установив эти общия положения конфессиональной политики, Пусторослев прибавляет, что «принципа религиозной свободы не следует доводить до крайности»¹³⁷⁸. Это – вредно для интересов народного благосостояния. «Дорожа благосостоянием своего народа, говорит он дальше, культурное государство должно оказывать охрану на своей территории всем религиямъ, совместимым с интересами народного благосостояния, но должно ограничивать и запрещать, по мере надобности, все религии, несовместимые с этими интересами. Таким образом, принцип веротерпимости или религиозной свободы должен быть проводим культурным государством, но не безгранично, а только относительно религий, совместимых с интересами народного благосостояния»¹³⁷⁹.

Переходим теперь к обозрению тех элементов или тех прав, из коих складывается религиозная свобода. Пусторослев, как мы видели, указывает 4 таких элемента. Лохвицкий¹³⁸⁰ и Градовский¹³⁸¹ указывают тоже 4 элемента религиозной свободы: 1) свободное отправление богослужения; 2) свободная

перемена веры по внутреннему убеждению; 3) свобода проповеди и пропаганды; 4) основание нового вероучения – по Лохвицкому – и возможность пользоваться политическими и гражданскими правами, не смотря на принадлежность к той или другой церкви – по Градовскому.

А. С. Белогриц-Котляревский в понятии религиозной свободы указывает «три кардинальных права», именно: 1) «право свободы совести или свободы выражать свои убеждения в области религии частно или публично, а следовательно и в форме пропаганды или прозелитизма... Право свободы совести имеет своим предметом лишь внешние акты выражения человеком своих религиозных убеждений, в форме ли слова, письма, печати или изображений; оно предполагает не только свободу сообщения человеком себе подобным частным или публичным образом тех религиозных убеждений, которые он исповедует, но и свободу исследования, критики, отрицания мнений, с ним не согласных, дебатов по поводу последних, равно как и выражения мнений, враждебных религии.... Но само собою разумеется, что свобода выражения мнений в области религии не может простираться до права публичного поношения существующих культов, до проповеди противунравственных принципов, тем более до вызова, подстрекательства к совершению преступных действий. Все такого рода действия, как угрожающая общественному порядку, выходят за пределы права свободы совести и могут быть запрещены.» Но право пропаганды или прозелитизма не выходит за эти пределы: «тот, кто пользуется правом сообщать свои религиозные мнения другим, eo ipso пользуется и правом убеждать последних в истине своих положений».

2) «Право свободного богослужения, т. е. свободного отправления культа по обрядам или церемониям последнего, освященным религиозными верованиями последователей этого культа. Область этого права, как и права религиозной свободы вообще, не должна, разумеется, выходить за пределы непарушимости общественного порядка или спокойствия».

3) «Право свободного образования и самоуправления религиозных обществ, т. е. свобода возникновения последних

без предварительного разрешения государства, а также самостоятельность в установлении религиозных догм, культа, иерархии и дисциплины»¹³⁸².

С большою схематичностью расчленяет понятие религиозной свободы Коркунов. Он в этом понятии различает: 1) свободу совести и 2) свободу церковную. «Свобода совести, говорит он, есть вид индивидуальной свободы. Полная свобода совести будет обеспечена, если каждому совершеннолетнему лицу будут предоставлены: 1) свобода выбора религии, предполагающая и свободу основания новых религиозных учений, 2) свобода исповедания, включающая в себе и свободу совершения религиозных обрядов и свободу проповеди, и 3) пользование гражданскими и политическими правами независимо от различия религиозных верований. Свобода церковная есть, напротив, частный вид свободы общественной. Она складывается также из трех элементов: 1) свободы основания новых религиозных обществ, 2) свободы церковной организации и управления и 3) полного равенства в правах всех существующих религиозных обществ»¹³⁸³.

Таковы юридические построения религиозной свободы, как суммы некоторых прав. К каким же результатам ведет это построение в сфере собственно религиозных преступлений? Признание принципа религиозной свободы во всей его широте ведет к исключению из уголовного кодекса многих преступлений, напр. ереси и раскола, – как деяний, с точки зрения религиозной свободы не преступных. Эти последствия можно констатировать в кодексах тех западно-европейских государств, где проводится принцип религиозной свободы. Знакомый уже нам А. Кистяковский эти результаты сводит к следующим положениям. 1) Западно-европейские кодексы отказались от абсолютной ортодоксии. «Они провозгласили, что каждая религиозная община, признавая внутри себя и для себя свое вероучение истинным, должна считать однакож своею обязанностью не препятствовать общинам других вероисповеданий держаться того же мнения относительно своей религии». 2) Они «отказались от учения о неверотерпимости, предоставив каждому вероучению, каждой секте

безпрепятственно исповедывать свою веру, публично отправлять богослужение и всенародно его проповедывать под охраною общих законов.» 3) Они «отказались от монопольного прозелитизма, предоставив каждому вероисповеданию принимать в свои недра иноверцев и конкурировать в привлечении своих последователей». 4) «Они, наконец, отказались от миссии мстить за оскорбление Бога, поставив под защиту закона верования каждого признанного культа от обиды и оскорбления, от стеснения и материального нападения. В силу этого исчезло богохульство в смысле непосредственного оскорбления Бога христианского культа, а явилось публичное оскорбление верующего, производимое посредством поносных слов, относящихся до Божества, будут-ли поносные слова относиться к христианскому культу всех вероисповеданий, или магометанскому, еврейскому или языческому. Таким образом, в новейших уголовных кодексах мы не встречаем преступлений прежнего времени: богохульства, в его прежней форме, ересей, отступления от веры, колдовства, святотатства, в смысле религиозного преступления, и лжеприсяги»¹³⁸⁴. Вот результат применения в уголовном праве принципа религиозной свободы.

Итак, западно-европейская юриспруденция, а равно и русские криминалисты, в основу юридического построения религиозных посягательств кладут принцип религиозной свободы. Расширяя рамки этой последней, *eo ipso* суживают сферу первых. Отказывая в праве на существование преступлениям, вытекающим из ограничений веротерпимости, *eo ipso* уничтожают эти ограничения и раздвигают пределы последней. Таким образом объем религиозной свободы является одним из условий, определяющих объем религиозных посягательств. – Другим важным камнем того фундамента, на котором строится юриспруденциею здание наказуемости религиозных преступлений, является учение уголовной доктрины об объекте религиозных деликтов. К нему и следует перейти.

Это учение в разные времена и у различных писателей-криминалистов не было одинаковым. В западно-европейском

праве и доктрине¹³⁸⁵ последовательно сменилось несколько воззрений на существо и характер религиозных преступлений. Средневековое теократическое государство, трактовавшее известные религиозные убеждения, как правовые обязанности и вместе как предположение правомочий отдельных лиц в их отношениях к государству, рассматривало антирелигиозные поступки сами по себе и считало их как таковые подлежащими наказанию уголовному. Такая теократическая тенденция уголовного права приводила к тому, что в группу религиозных преступлений были включены не только прямо на религию посягающие деликты, напр. богохульство, волшебство, ересь, – в качестве *delicta mixta* подлежавшие совместному суду – и церковному и уголовному, – но и всякия дрґгия деяния были отнесены сюда же, если только они, даже не заключая прямого посягательства на юридические блага, по воззрениям времени рассматривались, как тяжкия нарушения заповедей веры и церкви; таковы, напр., ростовщичество, лжесвидетельство и лжеприсяга, nepотребство и др. На этой точке зрения стоит *Constitutio Criminalis Carolina*.

Эпоха просвещения порвала с прежней идеей, что Бог и религия сами суть объекты уголовно наказуемых посягательств. И если австрийская Терезиана 1768 г. (*Constitutio Criminalis Theresiana*) колдовство, волшебство, апостасию и облагает уголовными наказаниями *ad maiorem Dei gloriam*, как преступления религиозныя, то Австрийское Уложение Иосифа II 1787 г. (*Allgemeine Gesetz über Verbrechen und der selben Bestrafung*) трактует их, как полицейския правонарушения. На той же точке зрения стоит и Прусское Земское Право (*Allgemeines Landrecht* – 1794 г.).

Уголовно-юридическая доктрина этой эпохи в лице ея позднейших представителей: Фейербаха, Грольмана, Клейна, Вернера – религиозные деликты стала рассматривать, как *обиды*, учиняемые церкви, в смысле общественного союза. Фейербах, например, так рассуждает о богохульстве: «Церковь, как моральная личность, имеет право на честь. Кто унижает ея цели, тот унижает и самый союзъ; кто порицает предметы

религиозного почитания, лежащие в основе единения членов этого союза, тот наносит порбцание ему самому»¹³⁸⁶.

«Богохуление, говорит Грольман, другой представитель этой школы, – есть оскорбление последователей определенной религиозной веры путем выражения презрения или уничтожения предметов их поклонения и религиозного почитания»¹³⁸⁷. Взгляды этой школы нашли себе место в Баварском кодексе 1813 года. Вюртембергское же и Брауншвейгское уголовные Уложения трактуют религиозные деликты, как нарушения мира, или же как деликты против общественного порядка.

Здесь еще, как мы видим, религиозным посягательствам в ряду других преступлений не отводится самостоятельного места, они то помещаются в группу полицейских нарушений, то конструируются, как вид обид. Но уже вскоре назрели новые взгляды, давшие иную постановку религиозным преступлениям.

В противоположность Фейербахо-Грольмановой школе Саксонское Уложение 1838 года кладет в основу наказуемости религиозных преступлений новую теорию, именно, что посягательства на общия религиозные основы государственного порядка уже сами по себе составляют преступления, хотя бы они и не заключали никакого посягательства на права частных лиц. С этой точки зрения являлись преступными выражение порицания по отношению к религии вообще, оскорбление памяти умершего, осквернение гробов, трупов и т. п.¹³⁸⁸

Согласно этой теории посягательства против религии заключают в себе нападение не только на права религиозных обществ, но и на самую религию, как жизненное условие существования общества, как один из элементов государственного общежития. На такой точке зрения стоять и многие криминалисты начала и половины прошлого столетия, как, напр., Титтман, Вехтер, Митермайер, Генц и Вальберг¹³⁸⁹. Сюда же должен быть отнесен и Бернер. «Бесспорно, говорить последний, – что посягательство на религию и нравы вообще не составляет преступления. Ежели бы государство вздумало наказывать безразлично все правонарушения, а равно и все простые безнравственности и антирелигиозные поступки, то это свидетельствовало бы только за весьма малую степень его

развития. На этой точке зрения стояли восточные государства, которые оставались постоянно в периоде ребячества и которые перепутывали поэтому право и мораль с религиею. Но и самое образованное государство должно опираться более или менее значительно на религию и нравы. В такой же степени и оскорбление религии и нравов является посягательством на государство, на основы общественного порядка, а следовательно преступлением»¹³⁹⁰.

Эта новая теория нашла себе выражение и в позднейшем законодательстве. Так, на ней основывается общегерманское Уголовное Уложение¹³⁹¹, хотя, Лист¹³⁹² и замечает, что германское право дает уголовную защиту 1) религиозной свободе известных религиозных обществ и 2) религиозному чувству отдельных лиц, т. е. как будто отрицает публично-правовой характер и значение этого момента в отношении наказуемости религиозных преступлений. Но в противовес ему другие ученые подчеркивают государственное значение религии, видя в этом определяющий момент наказуемости религиозных деликтов. Религия, говорит один из новейших исследователей вопроса о постановке религиозных посягательств, Колер, – охраняется государством, как один из тех высших культурных интересов, установление и развитие которых составляет задачу государственной жизни¹³⁹³.

«Если новое государство, говорит другой новейший исследователь – Ботт, – в противоположность христианскому государству и безрелигиозно, не признавая истинною одной определенной религии, ея защиту не считая высшей своей обязанностью, и ея исповедания не требуя от всех своих граждан, – оно (новое государство), однако, признает религию, как один из могущественных факторов народной жизни, оскорбление которой также мало может быть терпимо, как и оскорбление публичной нравственности. Если вообще допускается, что наша новая культура в существенном выросла на почве христианства, если религия еще и теперь имеет значение могущественной силы в публичной жизни государства; если последнее требует для своих чиновников и перед судом принесения присяги; если, наконец, государство уже тем

признает высокое значение религии для общего благополучия и нравственности, что известным христианским религиозным общинам и их должностным лицам сообщает публично-правовое значение и дает вспоможение из публичных средств, и в своих школах вводит религию, как предмет обучения: то и уголовное право должно принять в расчет это особенное положение религии»¹³⁹⁴.

Таким образом, германская юридическая доктрина, в лице большинства своих представителей, склоняется к той мысли, что уголовная наказуемость религиозных деликтов определяется значением религии, как фактора государственной жизни. Этот взгляд высказывают и русские криминалисты: Белогриц-Котляревский, Таганцев, Сергеевский, Кистяковский.

Так, Белогриц-Котляревский, рассуждая о третьей, новой, теории наказуемости религиозных преступлений в том виде, в каком ее изложил Wahlberg, говорит: «эта теория исходит из совершенно верной точки зрения, что задача государства простирается за пределы охраны интересов, входящих в содержание прав или частных лиц или непосредственно государства; последнее вправе охранять и такие интересы, которые, не входя в содержание чьих-либо прав, образуют в то же время существенно-необходимое условие его жизненности, его развития. Запрещая публичные непотребные действия или распространение непотребных сочинений, рисунков или изображений, государство, очевидно, исходит не из соображений неприкосновенности чьих-либо прав, а из соображения значения морали, как одной из основ общественного строя. Таким образом, объектом преступления может быть не только неприкосновенность прав, принадлежащих или частным лицам или непосредственно государству, но и общия основания социального порядка, потрясаемый грубыми нарушениями нравственности или религиозности»¹³⁹⁵.

«Уголовные законы, говорит другой русский криминалист – Н. С. Таганцев, могут и должны ограждать церковь, как общество верующих, ограждать ее мирное незыблемое существование. Закон может преследовать за оказание

публичного неуважения к догматам и обрядам религии, так как этим нарушаются права личностей, может наказывать за нарушение благочиния в церквях и молитвенных домах, за препятствие свободному отправлению богослужения, за другие посягательства на законы о веротерпимости; но во всех этих случаях объектом будет не вера или религия, а отдельный верующий, или церковь, как особая форма общения граждан, признанная и охраняемая государством»¹³⁹⁶. Близок к Таганцеву по воззрениям на этот предмет Н. Д. Сергеевский. Он говорит, что «нет преступного деяния в поступках, направленных против предметов невещественных – существ и понятий отвлеченных. Сюда относятся Бог, ангелы, святые. Они стоят к нам вне юридических отношений; деяния, направленные против них, будут деяния безнравственные, противорелигиозные, но не правонарушения. В уголовных уложениях мы находим группу религиозных преступлений или «преступлений против веры», как выражается наше уложение; нередко при этом текст закона редактирован так, что преступное деяние изображается, как посягательство на самое Божество. Но в действительности, по своей юридической конструкции, деяния этого рода заключают в себе лишь посягательство на блага людей – оскорбление религиозного чувства верующих или стеснение их религиозной свободы. Объектом преступного деяния будет здесь не Божество и не религия сама по себе, а «отдельный верующий или церковь, как особая форма общения граждан, признанная и охраняемая государством» (Таганцев, Лекции, II, стр. 520). Указанная особенность в редакции текста законодательных определений есть не более, как остаток старины»¹³⁹⁷.

Читатель, конечно, уже заметил, что Таганцев и Сергеевский, в противоположность Белогриц-Котляревскому, объект религиозных посягательств видят в неприкосновенности прав религиозной свободы отдельного лица или целого общества – церкви. Еще определеннее выражается по этому поводу Л. Э. Кистяковский. «Так как всякое вероисповедание, говорит он, и всякая религиозная община имеют право на существование и на свободное отправление своих религиозных

обрядов, то вообще всякое реальное насилие, или всякое действительное оскорбление религиозной общины, или частного человека, отправляющего обряды своей веры, будет преступлением. Здесь является объектом преступления не религиозное верование и не предмет этого верования, а неприкосновенность права каждого человека свободно и ненарушимо исповедывать и проявлять ту религию, к которой он и принадлежать»¹³⁹⁸.

Таким образом, тогда как западные криминалисты, говоря об объекте религиозных посягательств, видят его в религии, поскольку она является известного рода интересом, спланивающим воедино целые группы лиц и, как таковая, требует себе правозащиты, – русские криминалисты имеют в виду субъекта религиозной свободы с неприкосновенностью этого последнего права под угрозой уголовного наказания. Но эти две формулировки не только не противоречат одна другой, но даже и не составляют противоположности. Настаивая на *публично-правовом* характере религиозных посягательств, западные криминалисты и говорят об религиозном интересе и значении религии в ряду других государственных интересов. Напротив, русские криминалисты, ратуя за расширение пределов веротерпимости, имеют в виду то значение, какое религия, или точнее, ее безпрепятственное отправление (т. е. религиозная свобода) имеет для каждого индивидуума. Одни признают уголовную правозащиту религии необходимою потому, что этого требуют интересы государства, – другие же потому, что этого требуют интересы индивидуума. Но эта двойная необходимость не раздваивает объекта религиозных посягательств, ибо отвлеченный религиозный интерес государства в конкретной форме является как интерес отдельных индивидуумов, а неприкосновенность их верований и свободное отправление ими их религиозных обязанностей есть то самое, в чем заинтересовано государство. Отсюда следует, что если объектом преступления вообще является какое нибудь юридическое благо или правоохраняемый интерес, то объектом религиозных посягательств является религиозная свобода, неприкосновенность тех прав, какия входят в это понятие. А так

как религиозная свобода есть институт не частно, – а *публично правовой*, то и религиозные посягательства не составляют квалификации каких-нибудь преступлений против личности, а являются особой, самостоятельной группой деликтов. Вот к чему приходит современная юриспруденция по вопросу о наказуемости религиозных преступлений.

Чтобы лучше видеть ее влияние на законодательство, посмотрим, в каком объеме западно-европейские кодексы принимают религиозные посягательства. Начнем с старейшего из этих кодексов, – французского Code pénal. Здесь религиозным посягательствам посвящено пять (260–264) статей § VIII гл. I, кн. III под общим заглавием: Entrave au libre exercice des cultes. Один из наиболее видных французских криминалистов, Гарро (Garraud, Traité, IV, № 68), указывает, что Code pénal в этих постановлениях охраняет не только общественный порядок, но и одно из драгоценнейших прав, дарованных конституцией. Государство не требует принадлежности граждан к известному исповеданию или церкви, но оно уважает все верования и все церкви, а потому и требует от каждого уважения к религиозным убеждениям и верованиям его сограждан. На первый план кодекс ставит помешательство исполнению обрядов признанных или терпимых вероисповеданий. При этом Code pénal вовсе не предусматривает случаев богохульства и порицания веры, когда таковые соединены с надругательством над священными или освященными предметами. Относительно пополняющая в этом отношении Code pénal закона 25 марта 1822 г. (ст. 6) об оскорблении признанных законом во Франции религий комментаторы французского права между собою не согласны: некоторые из них, напр, Гарро, считают этот закон вовсе отмененным законом 29 июня 1881 г., другие же, напр. Бланш, Даллоз, считают его действующим, поскольку он не заменен текстом закона 1881 г., а Шассан признает его не только действующим, но и объемлющим в применении своем случаи публичного проповедывания атеизма¹³⁹⁹.

Кодекс бельгийский повторяет в 142–146 ст. постановления Code pénal, при чем предоставляет охрану всяким

вероисповеданиям вообще.

Итальянский кодекс 1890 г. трактует о преступлениях против свободы вероисповеданий (*contra la liberta dei culti*) в ряду преступлений против прав, гарантированных конституцией (ст. 140–144), относя сюда: 1) помешательство кому-либо из лиц, принадлежащих к признанным в государстве вероисповеданиям (*culti ammessi nello stato*), в совершении богомоления, буде это учинено с целью оскорбить сие исповедание; виновные подвергаются пене от 50 до 1500 лир и заточению до 3 месяцев, а если помешательство сопровождалось насилием, угрозами или надругательством над священными предметами, то пене от 100 до 1500 лир и заключению от 3 до 5 месяцев; 2) публичное, пред лицами, исповедующими какое-либо признанное в государстве вероисповедание, выражение презрения к этому исповеданию, буде деяние учинено с целью оскорбить это вероучение; наказанием служит денежная пеня от 100 до 3000 лир или заточение до 1 года; и 3) уничтожение, повреждение или иное публичное выражение неуважения к предметам, предназначенным для богослужения какого-либо признанного в государстве исповедания с целью оскорбления сего исповедания или оказания ему неуважения, а равно и употребление с тою же целью насилия над духовным лицом; деяния эти облагаются пеней от 50 до 1500 лир и заточением от 3 до 30 месяцев¹⁴⁰⁰.

Нидерландский кодекс, в числе преступлений против общественного порядка, угрожает тюремным заключением на срок не свыше одного года (в ст. 145) лицам, которые намеренно, посредством насилия или угрозы, воспрепятствуют дозволенному публичному религиозному собранию

или погребению. Следующая 146 ст. карает тюремным заключением до 1 месяца или пеней до 120 флоринов тех, кто намеренно, причинением беспорядка или производством шума, расстроит дозволенное публичное религиозное собрание, дозволенную религиозную церемоию или погребение. Наконец ст. 147-ю тюремное заключение на срок не свыше 3 месяцев, или денежная пеня до 120 флоринов назначается за надругательство: 1) над духовным лицом во время исполнения

им обязанности своего звания и 2) над предметом священным или освященным в местах, предназначенных для богомоления, во время такового¹⁴⁰¹.

Венгерский кодекс предусматривает 1) учинение соблазна оскорбительными выражениями против Бога и прерыв богослужения (190 ст.). Наказанием служить тюрьма до 1 года и денежная пеня до 1000 флориновъ; 2) учинение безчинства в месте, предназначенном для религиозных собраний, и оскорбление действием или возбуждающими соблазн словами предметов почитания какого-либо вероисповедания. Наказание: тюрьма до 6 м. и пеня до 200 фл. (191 ст.). Накопец 3) статья 192 угрожает: а) тюрьмою до 1 года, пенею до 500 фл. за причинение, во время богослужения, обиды словом или действием или угрозами духовному лицу признанного в государстве исповедапия, и б) исправительным домом за учинение насильственных над таким лицом действий¹⁴⁰².

Несколько подробнее остановимся на постановлениях Allgemeines Deutsches Strafgesetzbuch 1871 г. (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich). Дело в том, что это Уложение, так сказать, воплотило в себя все те идеи, какие выработала уголовная доктрина по вопросу о наказуемости религиозных преступлений. Оно является для некоторых криминалистов основой догматического изучения данного вопроса¹⁴⁰³, а также меркой, которой можно измерять высоту постановлений других законодательств в области религиозных посягательств.

Все, что говорит Allgemeines Deutsches Strafgesetzbuch о религиозных преступлениях, заключено всего в 3 параграфа (§§ 166–168). Первый из них говорит о богохулении и оскорблении религиозных обществ. Под богохулением разумеется публичное поношение (in beschimpfenden Aeusserungen) Бога, соединенное с соблазном¹⁴⁰⁴. А оскорбление религиозных обществ или, как формулируется это преступление в объяснительной записке к новому проекту Уголовного Уложения, надругательство над церковью¹⁴⁰⁵ состоит: а) в поношении религиозных обществ, как таковых, или же их учреждений и обрядов и б) в оскорблении мест религиозных собраний, т. е. в учинении в церкви или ином, предназначенном для религиозных собраний, месте

оскорбительного безчинства. Во всех этих случаях преступное действие состоит в поношении, которое обнимает собою случаи выражения презрения или к предметам верования и учреждениям и обрядам или же к местам религиозных собраний. Это поношение и презрение должны быть оскорбительными, конечно, не для самых верований, обрядов или мест, а именно для тех лиц, для которых эти верования, обряды и места имеют религиозное значение. При этом к правозащите Allgemeines Landrecht могут прибегать кроме христианских исповеданий и все другие религиозные общества, кои пользуются внутри территории союза корпоративными правами¹⁴⁰⁶. Наказанием за богохульство и оскорбление религиозных обществ является тюремное заключение на срок не свыше 3 месяцев (§ 166).

В § 167 Allgemeines Landrecht говорится о воспрепятствовании совершению богослужения действием или угрозою и насилием. Сюда относятся две категории деяний: а) собственно воспрепятствование действием или угрозою кому-либо в совершении богослужения и б) умышленное нарушение последнего чрез возбуждение беспорядка в месте религиозных собраний¹⁴⁰⁷. Общая черта данных нарушений состоит в том, что в обоих случаях охраняется неприкосновенность права богослужения всех терпимых религиозных обществ¹⁴⁰⁸. Другая общая черта правонарушений, предусматриваемых § 167, та, что «предмет посягательства в обоих случаях не только общественное богослужение,... но и сакральные действия отдельных членов, насколько последние по положениям религиозных обществ рассматриваются, как общественные учреждения, отправления»¹⁴⁰⁹. Наказанием за воспрепятствование богослужению является тюрьма на срок не свыше 3 лет (§ 167).

В § 168 Allgemeines Landrecht, последнем из тех, коими предусматриваются «относящиеся к религии преступления», говорится о нарушении покоя мертвых и неприкосновенности гробниц. Отсюда являются преступными: а) похищение трупа из места сохранения его лицом, имеющим на это сохранение полномочие; б) разрушение гробниц и в)

совершение по отношению к ним какого-либо оскорбительного безчиния¹⁴¹⁰. Наказанием служит во всех этих случаях тюрьма на срок не свыше двух лет. – В проекте Allgemeines Reichsgesetzbuch еще предусматривалось в отделе религиозных посягательств поношение памяти умершего, но при окончательном обсуждении этого проекта Рейхстаг это поношение из категории религиозных посягательств перенес в категорию личных оскорблений или обид, причиняемых ближайшим родственникам умершего оклеветанием его поведения при жизни (§ 189)¹⁴¹¹.

Вот и все, что имеется в Allgemeines Reichsgesetzbuch Уголовном Уложении 1871 г. относительно религиозных посягательств.

Какой же вывод следует сделать из обзора западноевропейского законодательства по вопросу о наказуемости преступлений против религии?

Прежде всего бросается в глаза их немногочисленность: богохуление, выражение презрения или поношение какого-нибудь вероисповедания, его учреждений и обрядов, помешательство богослужению и богомолению, осквернение мест религиозных собраний, надругательство над вещественными предметами религиозного почитания, нарушение покоя мертвых и повреждение гробниц – вот и вся совокупность преступлений, с которыми мы встречаемся в различных западно-европейских уголовных кодексах. Эта немногочисленность обусловливается тем, что западно-европейскими конституциями проводится принцип религиозной свободы. Каждому гражданину, принадлежащему к покровительствуемой или терпимой религиозной общине, предоставлено право свободно исповедывать свою веру и беспрепятственно совершать богослужение по обрядам своей веры. Уголовные кодексы и охраняют эти права, подвергая наказанию всех, кто выражением презрения или поношением того или иного вероисповедания в присутствии лиц, к нему принадлежащих, уничтожением материальных предметов религиозного почитания нарушил бы право свободы совести, – или же воспрепятствованием богослужению, осквернением мест религиозных собраний нарушил бы право свободы культа.

Таким образом провозглашение конституциями религиозной свободы в той широкой конструкции, какую ей дала доктрина, повело к ограничению объема преступлений против религии. По своему существу это не религиозные преступления, а именно посягательства на права религиозной свободы, которой предоставляется уголовная правозащита.

Резюмируя все, что трактовалось в этой главе, мы можем сказать, что

1) юриспруденция отстаивает права религиозной свободы – свободу совести и свободу культа. По ее мнению все преступления, которые существуют благодаря лишь отсутствию той религиозной свободы, о которой она трактует, не должны иметь места в уголовном кодексе. Из преступлений, касающихся религии, должны быть сохранены только те, коими охраняются права религиозной свободы. Охрана этих прав поκειται на том значении, какое имеет религия, как один из элементов государственного общежития.

2) Уголовные западно-европейские кодексы в pendant к доктрине знают лишь немногие из религиозных посягательств и при том только те, коими дается правозащита религиозной свободе.

Глава третья. Новое Уголовное Уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. в его отношении к религиозным преступлениям.

В предыдущей главе мы видели, в каком отношении к религиозным посягательствам стоит доктрина. Она не признает преступлениями многие из тех посягательств, кои считались уголовно наказуемыми в Европе в недавнем прошлом и кои знает наше Уложение 1865 г. Диаметрально противоположная постановка наказуемости религиозных деликтов в нашем Уложении и науке уголовного права должна была поставить в очень затруднительное положение Редакционную Коммиссию по составлению проекта нового Уголовного Уложения. В самом деле, ей приходилось или совсем покончить с Уложением, взяв в руководство западно-европейские кодексы и ученые трактаты, или же оставаться верной традициям Уложения в ущерб новейшим требованиям науки. Повидимому, состав Коммиссии, в которую вошли такие, известные своими учеными трудами, лица, как Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов, И. Я. Фойницкий и В. Случевский, – должен бы говорить за первое. Но на самом деле Редакционная Коммиссия пошла по второму пути. Совершенно отказаться от Уложения нельзя было уже потому, что уголовный кодекс не может стоять вне связи с другими отделами законодательства, не может их игнорировать. А потому и в отделе, касающемся религиозных посягательств кодекс уголовный не может вводить норм, которые бы противоречили другим государственным и полицейским законам. Составители Нового Уголовного Уложения не могли обойти нормы нашего законодательства, относящиеся к свободе вероисповедания, не могли также игнорировать того положения, какое занимает православная церковь в нашем государстве. Чтобы яснее видеть, насколько верно новое Уголовное Уложение нашему государственно полицейскому законодательству о веротерпимости, считаем необходимым сделать обзор норм нашего действующего права по этому вопросу.

Общая принципиальная положения действующего права по вопросу о веротерпимости (говорим –веротерпимости, потому что Своду Законов не известны термины «свободы совести» или «свободы религиозной», он говорит только о свободе веры) – следующая. 1) «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская православная восточного исповедания» (Осн. зак. ст. 40). 2) Все, не принадлежащие к господствующей церкви, подданные и иностранцы, живущие в России, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по своим обрядам (ст. 44). 3) Свобода веры присваивается не только православным, но и христианам других исповеданий, а также евреям, мусульманам и язычникам (ст. 45). 4) Раскольники не преследуются за их мнения о вере (Уст. пред. прест., изд. 1890 г. ст. 45). Вероисповедное положение раскола определяется законом 3 мая 1883 года. До этого закона вероисповедное положение различных раскольнических сект было не одинаково. Меркой, какою определялось их положение, являлась большая или меньшая степень вредности той или иной секты. Группировка их по этому принципу была сделана в 1842 году. Министерство Внутренних Дел, встречая необходимость сколь можно в точном разделении раскольнических ересей, обратилось к Обер-прокурору Св. Синода с просьбою уведомить, какия именно из раскольнических сект и толков признаются духовным начальством особенно противными учению Св. Церкви и в каком порядке следуют одна за другою по степени своего вреда для православной веры. Вследствие этого генерал-адъютант граф Протасов от 9 декабря 1842 г. уведомил, что, по соображениям Св. Синода, секты раскольников наиболее известные могут быть поставлены в трех степенях следующим образом: I. Секты вреднейшие: 1) Иудействующие, 2) Малаканы (секта разрушительная), 3) Духоборы, 4) Хлыстовщина. 5) Скопцы, 6) те безпоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за царя. II. Секты вредные: те из безпоповщины, которые принимают брак (новожены) и не отрекаются молиться за царя. III. Секта менее вредная: Поповщина¹⁴¹².

Но это разграничение, оставившее след на Уложении о наказаниях в его первых трех изданиях (1845 г., 1857 г. и 1866 г.), оказывалось не всегда и не везде удобным, да оно и не давало раскольникам никаких прав на существование, как особому вероисповеданию. Только закон 3 мая 1883 года, дозволивший раскольникам богомоление, *implicite* признал раскол за особое юридически существующее исповедание и тем самым уничтожил деление раскольнических сект, благодаря чему 1 часть 197 ст. Улож. Наказ, изд. 1866 г., трактующая об иудействующих, духоборах и т. п., в Улож. Наказ, изд. 1885 г. уже опущена.

Закон 3 мая 1883 года¹⁴¹³ предоставил раскольникам право творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам, как в частных домах, так равно и в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь непременно условием, чтобы при этом не были нарушаемы общия правила благочиния и общественного порядка (I, ст. 5). Раскольникам далее, было дозволено исправлять и возобновлять принадлежащая им часовни и другия молитвенные здания, приходящая в ветхость, с тем, чтобы общий наружный вид исправляемого и возобновляемого строения не был изменен (ст. 6). При погребении умерших раскольников дозволяется: а) предношение иконы сопровождаемому на кладбище раскольнику; б) творение на кладбищах молитвы по принятым у раскольников обрядам, но без употребления церковных облачений (ст. 9). Последователям раскола воспрещается публичное оказательство одного, которым признаются: а) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях, б) публичное ношение икон, кроме вышеуказанного исключения, в) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяний и г) раскольничье пение па улицах и площадях (ст. 11).

Однако, эти общия положения о веротерпимости как раскола, так и других вероисповеданий по русскому праву имеют несколько ограничений, которые сокращают и видоизменяют эти общие принципы. Ограничения эти таковы. 1)

Принадлежащим к вере православной – были они рождены в ней или потом перешли в нее – запрещается отступать от нея и принимать иную, хотя бы тоже христианскую, веру (Уст. пред. прест. ст. 36).

2) Только одна господствующая православная вера имеет право, в пределах государства, убеждать не при надлежащих к ней подданных к принятию ее учения (ст. 70). А всякия другия исповедания этого права лишены (Уст. дух. д. иностр. исп. ст. 4).

3) Всякое отвлечение не только от веры православной, но и от других терпимых вер строжайше иноверцам воспрещено (Уст. пред. прест. ст. 77). Перемена веры возможна только в такой градации: от еврейства, мусульманства, язычества в христианския исповедания, а не наоборот, и притом всякий раз с разрешения Министра Внутренних Дел (ст. 82). Совращение и вероотступничество наказуемы (ст. 36–44).

4) Раскольникам запрещается кого-нибудь склонять в свой раскол (ст. 45).

5) Им запрещено, далее, публичное оказательство раскола (ст. 59), равно устройство скитов и обителей (ст. 47).

6) Принадлежащие к сектам особенно вредным лишаются права свободы богослужебных собраний и подлежать уголовному наказанию (Улож. Наказ. 1885 г. ст. 203).

7) Всякия незаконные молитвенные сборища влекут наказание виновных (Уст. нак. ст. 29).

Таким образом, православная вера является, как вера первенствующая и господствующая, а по отношению к остальным религиям закон обеспечивает не столько свободу, сколько, по выражению И. Коркунова. «равенство вероисповеданий»¹⁴¹⁴. Впрочем первенство православной веры по Уложению о наказаниях выражается только в предоставлении ей права пропаганды и полноты уголовно-юридической охраны сравнительно с другими вероисповеданиями.

Вот те нормы русского права, с которыми приходилось считаться составителям нового Уложения. Как-же они к ним отнеслись?

Редакционная Коммиссия, как говорится в объяснительной записке к проекту Нового Уголовного Уложения, выходит из того общего положения, что «относительная тяжесть уголовной наказуемости религиозных посягательств вполне зависит от того значения, какое имеет религия в данном государстве, от того взаимного положения, какое там занимают отдельные вероисповедания, и того значения, которое придается среди других вероисповеданий господствующей вере»¹⁴¹⁵.

Став на такую точку зрения, Редакционная Коммиссия должна была «в составляемом ею проекте Уголовного Уложения придерживаться в постановке религиозных посягательств, по крайней мере в основных чертах, – воззрений нашего действующего законодательства. Религия и церковь являются одним из важнейших, основных государственных и общественных устоев, охрана которого от злоумышленных на оный посягательств должна быть признана одною из наиболее важных задач карательной деятельности. Особенно же это важно в России, где начала христианской веры и православная церковь, представляясь соединительным звеном, сплачивающим воедино ея многочисленное и многообразное население, придали нашему отечеству ту мощь, в силу которой оно занимает столь выдающееся в среде современных государств положение. Сообразно такому значению христианства и православия в России, охрана их в уголовном законодательстве имеет особую важность, существенно отличную от других государств. Понятно поэтому, что Редакционная Коммиссия с особою заботливостью отнеслась к надлежащему охранению в ея проекте религиозных верований, свободы вероисповедания и присвоенного нашими законами положения в государстве православной церкви»¹⁴¹⁶. Но придавая такое значение религии и церкви, Редакционная Коммиссия в раздел религиозных посягательств включает лишь «такия деяния, коими посягается на свободу вероисповедания как отдельных лиц, так и молитвенных собраний, или в которых выражается прямое неуважение к вере и церкви, и притом не по внешнему, иногда случайному моменту, а по внутреннему содержанию деяния, по проявленному преступником

намерению. Между тем многостатейность этого (II-го) раздела Уложения о наказаниях объясняется не только обычной казуистичностью его постановлений, но и включением в сей раздел таких деяний, которые лишь косвенно затрагивают веру и церковь. Таковы: во 1-х, постановления о лжеприсяге (ст. 236–240), которые еще и по Своду законов относились не к преступлениям против веры и церкви, а к так называемым лживым проступкам; Коммиссия перенесла эти постановления в соответственную группу противодействия правосудию; во 2-х, святотатство, т. е. тайное или открытое похищение из церквей, часовен или вообще церковных хранилищ церковного имущества (ст. 219–235), и при том не только священного или освященного употреблением при богослужении, но и вообще принадлежащего церкви, каковы, напр., свечи, деньги и проч., хотя бы такое похищение и не было соединено с оскорблением святыни. Такая постановка церковных хищений однако не проведена последовательно и в Уложении, ибо в главе о святотатстве не упоминается ни об обманном похищении священных или освященных вещей, ни о присвоении (кроме случаев 228 и 229 ст.) вверенного или найденного церковного имущества; с другой же стороны, она представляется тем менее соответственною, что аналогичные преступные деяния, даже еще ближе соприкасающиеся с посягательствами на веру и церковь и еще по Своду законов относившиеся к группе религиозных преступлений, а именно так называемые суеверные преступления, помещены составителями Уложения в группу нарушений спокойствия и общественного порядка по тому соображению, указанному ими, что таковыми деяниями нарушаются не столько постановления, ограждающие святость веры, сколько постановления, ограждающие порядок и тишину. Исходя из той мысли, что в захватах церковного имущества, не соединенных с каким-либо поруганием святыни, на первом плане стоит осуществляемая виновными корысть, противозаконная нажива, Коммиссия отнесла их к имущественным преступлениям, с тем однако ограничением, что если виновным, вместе с похищением, будет учинено какое либо надругательство над похищаемыми священными или

освященными предметами или вообще над святыней, то он будет отвечать по правилам об ответственности за совокупность преступлений»¹⁴¹⁷. Исключая из категории религиозных посягательств лжеприсягу и святотатство, Редакционная Коммиссия кроме того вовсе выключила из проекта все те статьи Уложения, которыми назначаются лишь наказания церковные. Таковы ст. 185, 188, 207–209. Коммиссия ограничилась внесением в Проект вновь восстановленного в законе, на основании Высочайше утвержденного 13 мая 1891 года мнения Государственного Совета, случая погребения христианина без соблюдения христианского обряда (ст. 209)¹⁴¹⁸. Поступая таким образом, комиссия имела в виду: 1) что не включенные ею в Проект деяния имеют исключительно характер неисполнения церковных правил, 2) что в Своде 1832 и 1842 годов они не предусматривались, и 3) что и ныне, по действующему Уложению, они в сущности не влекут за собою уголовной ответственности, ибо по ст. 207 и 208 не может иметь места привлечение виновных к уголовной ответственности, а они в первом случае отсылаются к духовному начальству для вразумления и поступления с ними по правилам церковным, а во втором подвергаются церковным наказаниям по усмотрению духовного начальства. Вследствие такой санкции этих упущений они, за силою 1002 ст. Уст. угол. суд., не могут подлежать рассмотрению уголовного суда¹⁴¹⁹.

Коммиссия не включила в проект и постановлений о мерах, принимаемых по отношению к отпадшим от православия или христианства, находя, что «сохранение этих мер в нашем законодательстве едва-ли желательно: а) отсылка к духовному начальству для увещания и вразумления, как по существу своему, так и в виду 1002 ст. Устава угол. судопр., не может быть назначаема уголовным судомъ; на этом основании о принятии таких же мер относительно совратившихся в раскол (56 ст. Уст. пред. прест. 1890) и ныне вовсе не упоминается в Улож. о наказ.; б) что касается другого рода последствий, а именно приостановления пользования правами состояния и ограничения места жительства, то, согласно ст. 39 Уст. пред. прест. (изд. 1890 г.), все такие распоряжения возлагаются не на

судебную власть, а на Министра Внутренних Дел, сохранение же указания в ст. 185 Уложения о нак. о том, что совратившиеся до возвращения в христианство не пользуются правами их состояния, может вызвать значительные недоразумения на практике относительно, напр., применения к ним наказания в случае совершения ими какого-нибудь нового преступления, относительно юридического положения детей, зачатых во время такого отпадения, относительно, наконец, самого определения их сословного положения и пользования сословными правами. По всем сим соображениям Редакционная комиссия предположила не включать в проект постановлений, соответствующих ст. 185 и 188 действующего Уложения.

Из всех этих рассуждений не трудно усмотреть, что в области религиозных посягательств Редакционная Коммиссия стремится к возможному сокращению в уголовном кодексе религиозных уголовно наказуемых преступлений. С этою целью она совершенно исключила из проекта все те деяния, которые по Уложению о наказаниях (изд. 1885 г.) не имеют уголовной санкции (ст. 185, 188, 207–209). Но этим она не ограничилась. Ею был затронут вопрос о том, в каком объеме совращение признавать наказуемым. По поводу этого вопроса Редакционная Коммиссия пустилась в подробные рассуждения на счет того, в каком размере допустима религиозная пропаганда. Не лишне ознакомиться с ее взглядами на этот пункт и с теми выводами, какие она отсюда делает.

«Естественным стремлением всякого истинно верующего является стремление сделать сопричастником своей религиозной жизни, своих упований и верований других лиц; индифферентизм в делах веры и убеждений большею частию сопровождает безверие. Но это право распространять религиозные вероучения, как одно из проявлений широко понимаемой свободы веры, имеет и свои естественные границы. Эти границы двояки: I) по содержанию религиозной пропаганды; II) по способам пропаганды.

I. Пределы распространения какого-либо религиозного вероучения могут основываться: а) на общегосударственных соображениях, б) на соображениях национально-

государственных. С точки зрения общегосударственной, не может быть дозволяемо распространение таких религиозных учений, которые представляют прямой вред или опасность для государства и при том не только по проводимым ими политическим и социальным началам, но и по основам их морали, их отношению к семье и т. п. Хотя религия есть дело совести, дело внутреннего человека, но нельзя забывать, что религиозное мировоззрение так охватывает всего человека, так сливается с его общим мировоззрением, с его научными и жизненными интересами, что правила религиозные весьма часто становятся вместе с тем главными правилами общественной и индивидуальной деятельности человека, а потому государство не может относиться безразлично не только к тем верованиям, которые в их внешнем проявлении, в их культе, представляются не совместными с государственною моралью – скопчество, мормонство, – но и с теми, которые в их принципах и положениях идут в разрез с охраняемыми государством принципами морального и общественного порядка. При этом борьба против известного верования может относиться или к культу в его целом или к отдельным его проявлениям; таково, например, воспрещение осуществления известных догматов и воззрений некоторых нехристианских религиозных верований относительно человеческих жертвоприношений, тризны с человеческими жертвами и т. д., вообще не терпимых в государстве, почему преступным будет почитаться собственно исполнение этих обрядов культа. – С точки же зрения государственно-национальной, ограничения пропаганды вытекают из того взаимного отношения, в котором стоят друг к другу отдельные верования, из того значения, которое закон придает государственной господствующей религии»¹⁴²⁰.

II. «Другое основание ограничения пропаганды лежит в ее способах, в недопустимости принудительного или насильственного соращения, при чем это ограничение относится безусловно ко всем вероисповеданиям. Так как, по статье 70 Уст. пред. прест. вера православная порождается благодатью Господнею, поучениями, кротостью и более всего

добрыми примерами, то посему господствующая церковь не позволяете себе ни малейшего принудительного средства при обращении последователей иных исповеданий и веры к православию и тем из них, кои примкнуть к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди апостольской. Равным образом и по статье 1290 т. XI православное духовенство в обращении сибирских инородцев и архангельских самоедов поступает по правилам кротости, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений, а по ст. 1291 того же устава местное начальство обязано не допускать стеснений тех и других инородцев под предлогом обращения в христианскую веру¹⁴²¹. – Из этих основных положений Редакционная Коммиссия делает несколько выводов, касающихся наказуемости совращения. «На основании всего изложенного, особым видом посягательства на свободу вероисповеданий является прежде всего всякое принудительное обращение кого-либо в другое вероучение, насильственное совращение или попытка такового, а затем совращение, хотя и не насильственное, но в такое вероисповедание, переход в которое воспрещается безусловно, или в которое переход по собственной инициативе обращенного хотя и дозволяется, но активная пропаганда или обращение дозволено только при соблюдении известного установленного законом разрешения»¹⁴²².

«Редакционная Коммиссия, читаем мы дальше, – принимая во внимание, что определение взаимных отношений вероисповеданий относится к области законов государственных, а не уголовных, лишь санкционирующих прочия части законодательства, полагала бы относительно совращения сохранить систему действующего права, приведя только его постановления в единообразную систему. Поэтому Редакционная Коммиссия, исходя из основного, защищаемого нашими законами, положения веротерпимости о том, что всякий в России находящийся может невозбранно исповедывать ту веру, в которой он рожден или которую он принял, что даже господствующая церковь может распространять свое вероучение мерами нравственного воздействия, а не

принуждением, установила прежде всего наказуемость всякого принудительного отвлечения от веры, совращение посредством насилия или наказуемой угрозы, придавая этому виду принуждения то же значение, какое оно имеет в преступлениях против личности. Засим, принимая во внимание, что законы наши, независимо от совращения насильственного, воспрещают по отношению к некоторым вероисповеданиям и совращение ненасильственное, Редакционная Коммиссия предположила назначить в этих случаях уголовное наказание и за совращение посредством каких-либо иных мер воздействия, обольщением, подкупом, а именно: христианина в нехристианское вероисповедание, православного в неправославную христианскую веру, православного в расколуучение, христианина православного в изуверные раскольнические секты. При этом как по отношению к принудительному совращению, так и совращению непринудительному, Редакционная Коммиссия, применяясь к системе действующего права, предположила разделить виды совращения смотря по религиозному характеру того вероисповедания, в которое происходит совращение»¹⁴²³. «Что касается других случаев совращения, почитаемого наказуемым по действующему Уложению, то Редакционная Коммиссия остановилась на следующих соображениях: 1) что ст. 195 включению в проект не подлежит¹⁴²⁴. Переход из одного христианского вероисповедания в другое по нашим законам не воспрещается (ст. 6 Уст. иностр. испов.), но может иметь место только с разрешения Министра Внутренних Дел, почему нарушение последнего требования имеет скорее характер полицейского запрета, но не заключает посягательства на свободу вероисповедания или на права и преимущества господствующей православной церкви; по действующему Уложению совращение католиком протестанта или обратно, само по себе, никакому наказанию не подвергает, так как ст. 195 наказывает только духовных лиц за принятие иноверного в свою паству, но за то наказывает безразлично, по их-ли инициативе или убеждениям и внушениям присоединилось это лицо к их исповеданию, или же это духовное лицо только совершило

таинство или обряд присоединения над иноверцем, склоненным кем-либо другим или пожелавшим присоединиться к данному вероисповеданию по своему личному, может быть, глубоко обдуманному и вполне искреннему, убеждению; наконец наказание, назначаемое по ст. 195, в случаях сего рода имеет характер служебно-дисциплинарный, а не уголовный, и состоит за первые два раза в простом выговоре.

2) Точно также Редакционная Коммиссия полагала бы не включать в проект и случая, предусмотренного 1-ю частью ст. 936 Улож., присоединения из одного нехристианского вероисповедания в другое, без употребления при сем принуждения. Основания для такого исключения, по мнению Редакционной Коммиссии, представляются следующие: 1) по Своду законов такие деяния вовсе не были запрещены под страхом наказания; редакторы Уложения 1845 года внесли их, как указано в объяснениях, потому, что по Уст. о пред. и пред. прест. было определено за совращение иноверцев кого-

либо из российских подданных, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежали отсылать виновного к суду, при чем по отношению к склонению нехристиан в нехристианские исповедания это положение было основано еще на законах XVIII в., а именно на указе 1750 г.¹⁴²⁵; 2) сами составители Уложения говорят, что случаи эти в практике крайне редки, и 3) редакторы Уложения видели в этом не посягательство на веротерпимость и права православной церкви, а только нарушение порядка, почему и поместили эти постановления в VIII разделе, в группе посягательств на общественное благоустройство. Что же касается принудительного совращения нехристианином нехристианина, то Редакционная Коммиссия полагала бы случаи сего рода, как несомненно составляющие посягательство на свободу вероисповедания, сохранить» в проекте¹⁴²⁶.

Таким образом, Редакционная Коммиссия по вопросу о совращении хотя в общих воззрениях и солидарна с Уложением о наказ., однако не находит возможным включить в проект все виды прямого и непрямого совращения, встречающиеся в

самом Уложении. Значит, последнее и по этому пункту подверглось некоторой урезке.

Рядом с стремлением к уменьшению количества религиозных преступлений в Новом Проекте Уголовного Уложения¹⁴²⁷ замечается стремление к смягчению самых кар, налагаемых по Уложению наказ, за то или иное преступление. Для примера возьмем статьи Уложения наказ. и проекта нового Уголовного Уложения, касающиеся а) богохуления и б) совращения. Нижеследующия таблицы покажут их отношение с полной отчетливостью.

А. Богохуление.

Виды его.	Улож. Наказ.	Проект Уг. Ул.
1) В церкви при совершении таинств	Каторга 12–15 л. Ст. 176 п. 1.	Каторга 5–15 л. Ст. 328 ч. 1.
2) Публичное или произведениях печати	Каторга 6–8 л. Ст. 176 п. 2. В Ссылка на поселение в отдал. места Сибири. Ст. 181.	Поселение. Ст. 328 ч. 2.
3) При свидетелях	Ссылка в отдал. места Сибири. Ст. 177.	Заточение на срок не ниже 3 лет. Ст. 328, ч. 3.
4) По неразумию, невежеству пьянству	Тюрьма 8 м.–1 г. 4 м. или-же иот 4 м. до 1 г. и 4 м. Ст. 180.	Тюрьма. Ст. 328 ч. 4.

Б. Совращение.

	АА.	ББ.
	Ненасильственное.	Насильственное.
1. Совращение а в нехрист. веру.	Улож. Наказ. Каторга от 8 до 10 л. Ст. 184 ч.1	Каторга 12–15 л. Ст. 184 ч. 2.
б Проект.	Исправит. дом. Ст. 337 ч.1.	Каторга от 5 до 10 л. Ст.337 ч. 2.
2. Совращение а в ересь или	Улож. Наказан.	на Каторга от 12 до 15 лет. Ст. 200.

раскол.

Закавказский край
(ст. 196), а скопцы
в Восточный край
Сибири (ст. 197).

б Проект.

Поселение в
Закавказский
край, а если
виновный Каторга от 5 до 10
скопцев, – влет. Ст. 339 ч. 2.
отдаленности
части Сибири.
Ст. 339 ч. 1.

3. Совращение
Православного
в другое
христианское
исповедание.

Ссылка на житье в
Сибирь или
исправительные Ссылка на
арестантския поселения в
отделения от 1 Сибирь. Ст. 187
года до 1 г. 6 м. Ст.
187 ч. 1.

б Проект.

Заточение до
3 лет. Ст. 338
ч. 1. Поселение. Ст. 338
ч. 2.

4. Другие
случаи
совращения.

а Уложение
Наказ. Различные
наказания.

б Проект.

Не Исправительный
наказуемы. дом. Ст. 336 .

Примечание. Нужно иметь в виду , что по Проекту
заточение не может быть назначено выше 6 лет, а тюрьма – 1
года.

Но и такое смягчение не всех членов Редакционной
Комиссии удовлетворило вполне. Напр., некоторые
высказались за еще большее смягчение предполагаемых
Проектом наказаний. Так, по вопросу о богохулении Н. С.
Таганцев развивал такие положения. 1) «По изменившимся в
науке права и общественном сознании воззрениям, сущность
богохуления состоит не в посягательстве на религию, как на

одну из нравственных основ государственной жизни, и при том посягательства эти, не разрушая тех благ, на которые они направлены, служат лишь доказательством отсутствия должного к ним уважения, возбуждая чрез то неудовольствие и соблазнъ; 2) как свидетельствует практика, богохуление, оскорбление святыни и кощунство учиняются обыкновенно или в пьяном виде, по неразумию, или же под влиянием религиозного фанатизма, напр., раскольниками во время религиозных споров и состязаний; учиненное при таких обстоятельствах, богохуление и оскорбление святыни не свидетельствует о значительной нравственной испорченности, которая оправдывала бы назначение за оные лишения всех прав состояния и каторжных работъ; 3) более, чем в какой-либо иной категории преступлений, важна неизбежная, хотя и не особенно суровая ответственность, между тем установленные в действующем уложении излишне строгия кары нередко приводят, как доказывает судебный опыт, или к оправдательным приговорам, или к установлению наличности смягчающих вину обстоятельств, не взирая на крайнюю сомнительность применения их в том или другом случае». На этих основаниях Таганцев предлагал заменить проэктированные большинством Комиссии наказания другими, именно назначить за первый вид богохуления – поселение, за второй – заточение, за третий – заточение не свыше 3 лет, за четвертый – арест¹⁴²⁸.

Тот-же Н. С. Таганцев вместе с другим членом Редакционной Комиссии, И. Я. Фойницким, высказались за ослабление наказаний, положенных большинством за соращение, мотивируя это рядом положений, а именно.

1) Стремление к обращению в веру, исповедуемую виновным, является столь естественным проявлением религиозного чувства, что там, где соращение не сопровождалось насилием, самая наказуемость его может возбуждать серьезные сомнения, а обложение его наказанием значительно строгим представлялось бы несправедливым.

2) Борьба с распространением верований, сект и учений путем жестоких уголовных кар, как указывает непререкаемый опыт истории, имела всегда обратное влияние, содействуя

развитию сект, создавая религиозное мученичество; главным орудием борьбы должно являться орудие духовное, сила нравственного убеждения, соответствие внутреннего достоинства проповедников веры проповедуемым ими идеям, а не тюрьма и ссылка.

3) При совращении не принудительном установление доказательства, что лицо приняло какое-либо религиозное учение не по собственному внутреннему убеждению, а по настоянию другого, представляется в высшей степени трудным.

4) Даже при принудительном совращении, зло, причиняемое лицу и вероисповеданию, представляется сравнительно не особенно существенным, как потому, что для Бога доступна не вынужденная, внешняя молитва человека, а внутренняя, припущению не подлежащая, так и потому, что даже ограничение внешнего проявления религиозного чувства представляется временным, потому что с момента окончания принуждения ничто не препятствует временно отпадшему снова возвратиться в истинную веру.

5) И ныне, как видно из Высочайше утвержденных положений Комитета Министров последних годов, в особенности 1892 г., по делам об отпадении крещеных инородцев в магометанство, Комитет даже по делам о совращении православных в нехристианство находил необходимым всегда ходатайствовать о смягчении назначаемого наказания, снисходя с одной стороны к побуждениям, руководившим виновными, а с другой стороны имея в виду, что самая среда, в которой велась пропаганда, только по метрикам была православной, а в действительности сохраняла в значительной степени свои нехристианские верования. — По всем этим соображениям вышеназванные члены Комиссии предлагали установить такую систему наказуемости совращения:

	1	2	3	4
Ненасильственное	Заточение до 3 лет	Заточение до года	Не наказуемы.	
Насильственное	Поселение	Поселение	Заточение до 3 лет	Заточение до 3 лет ¹⁴²⁹

Как видим, в обоих, взятых нами, примерах, наказания, проэктированные большинством Коммиссии, все еще представляются суровыми, почему и предлагают еще более ослабить ответственность за них.

Познакомившись с главными особенностями Нового Проекта Уголовного Уложения – ограничением объема религиозных посягательств и ослаблением кар сравнительно с Уложением о наказаниях, –перейдем к рассмотрению той системы, в какой изложены религиозные посягательства в этом Проекте.

Редакционная Коммиссия все посягательства на веру и церковь делит на две категории: 1) надругательство над религиею и 2) нарушения законов о терпимости¹⁴³⁰. В первую категорию входят все те постановления, которые в действующем праве размещены в разных местах Уложения (ст. 176–183, 210 и 219) и даже в Уставе о наказаниях (ст. 35 и 36). Редакционная Коммиссия все эти 20 статей объединила в Проекте в трех статьях, различая при этом богохуление (ст. 328), кощунство (ст. 329) и нарушение порядка в церкви (ст. 330).

Богохуление и кощунство, как их формулирует Проект, деяния сродные. Признаками, отделяющими по Проекту богохуление от кощунства и вместе с тем составляющими и условия преступности сих деяний, являются 1) *объект*, на который направляется хула или надругательство; в этом отношении под богохуление подойдет возложение хулы на Господа Бога, поношение веры православной и вообще христианской и ея догматов, пресвятой Богородицы и святых угодников, надругательство над святынею христианскою и вообще над предметами, называемыми священными; а кощунство будет обнимать поношение или поругание церковных правил и обрядов, или предметов, хотя и употребляемых при богослужении, но не почитаемых священными. Во 2-х, *самые свойства и характер дѣйстви́й*, при чем к богохулению относится надругательство действием, или возложение прямой хулы, а к кощунству – неуважительное обхождение, насмешки, хотя и неуместныя, при публичном их произношении, но не

совмещающая в себе прямого надругательства, хотя бы эти неприличные насмешки и относились к объектам первой группы¹⁴³¹. Так понимают и определяют различие богохульства и кощунства составители проекта Нового Уголовного Уложения.

Кроме этих двух преступлений к надругательству над религией относится безчинство в церкви или ином молитвенном доме, а равно и вне оных, но препятствующее совершению богослужения (ст. 330). Ближе определяя состав этого преступления, составители проекта подробно останавливаются на анализе самого понятия безчинства. «Действие по ст. 330, говорят они, определено как непристойный крик, или шум, или иное безчинство, т. е. учинение не только поступков (будет ли это выражение на словах – пение непристойных песен, произнесение ругательных слов, простые крики; будет ли это в виде символических действий, как напр. появление в непристойных костюмах, передразнивание священнослужителей, или в действиях – учинение драки или же пляски в церкви и т. п.), но и вообще чего-либо, хотя и не подходящего под понятия оскорбления святыни, богохуления или даже кощунства, но не соответствующего почтению к святости того места, где находился виновный, к религиозному значению совершаемых пред ним религиозных действий. Но при этом, конечно, не всякое деяние, не дозволенное в церкви, уже тем самым будет безчинством. Оно должно непременно заключать в себе тот элемент непочтения к религии, о котором говорит и 3 ст. Уст. предупр. (изд. 1890 г.), а именно, что все должны в церкви Божией быть почтительными и входить во храм Божий с благоговением без усилия.... В тех же случаях, когда безчинство учинено вне молитвенного дома, необходимо, чтобы по условиям его совершения, по обстановке, при которой оно учинено, оно было пригодно для препятствования богослужению. Вне этого условия такое деяние или будет вовсе ненаказуемым, или подойдет под общия постановления о нарушениях порядка, тишины и спокойствия»¹⁴³².

Вторую категорию религиозных преступлений, о каких трактует 17 глава Проекта Нового Уголовного Уложения,

составляют нарушения постановлений, касающихся веротерпимости.

Основным деликтом этого рода является совращение в его разных видах: совращения христианина в веру нехристианскую (ст. 337 Проекта), православного в инославное исповедание (ст. 338), православного в раскол (ст. 339) и т. д. Что касается состава этого преступления, т.е. совращения, то Редакционной Коммиссией признаются необходимыми в деянии: 1) наличность со стороны виновного активного участия в совращении, наличность каких либо мер, имеющих характер подстрекательства путем нравственного воздействия или же посредством обольщения, обещания выгод и т. п. Отсутствие такой активной деятельности исключает наказуемость совращения. 2) Действительное отпадение совращенного. Наличность отпадения должна быть устанавливаема по обстоятельствам каждого отдельного случая, но одно прекращение посещения церкви, небытие у исповеди или, наоборот, посещение иноверных молитвенных домов, само по себе не составляет еще безусловного доказательства отпадения. 3) Отпадение должно быть последствием воздействия совратителя¹⁴³³.

Кроме совращения, являющегося активным посягательством на свободу веры, Проект знает еще несколько других видов нарушения законов, касающихся веротерпимости. Так, родитель или опекун, по закону обязанный воспитывать своего, или находящегося под его опекою малолетнего (до 14 лет), воспитывающий в правилах не той веры, по какой этот последний должен воспитываться (ст. 340–341); лицо, виновное в публичном произнесении или чтении речи или же сочинения, возбуждающих к отпадению (ст. 342); духовное лицо иноверного христианского исповедания, за совершение над православным обрядов или таинств инославного исповедания, а равно и за преподавание катихизиса своего вероисповедания православному (ст. 343); духовное лицо инославного

исповедания, совершившее бракосочетание между заведомо православными (ст. 344); виновный в воспрепятствовании, посредством наказуемой угрозы или

насилия, желающему присоединиться к православной вере принять таковую (ст. 345) – все эти лица, по Проекту, подлежат уголовному наказанию.

В заключение Проект повторяет постановления Уложения о наказаниях 1) о принадлежности к расколу, соединенному с фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями (ст. 346), и 2) о вторичном отпадении в раскол (ст. 347). Впрочем, два члена Редакционной Комиссии, Н. С. Таганцев и Н. Неклюдов, высказались против включения в новое уложение последней статьи. Во-первых, говорят они, отпадение от православия не только в другое христианское вероучение, но и в раскол и даже нехристианство по нашему закону не почиталось, ни по Своду, ни по Уложению, уголовно-наказуемым в тесном смысле, а влекло только меры, имеющие характер церковно-дисциплинарный; поэтому постановление об отпадении и не включено в Проект; при этом такое положение одинаково относится как к рожденным православными, так и к обратившимся в православие иноверным христианам, или нехристианам, почему делать такое исключение для раскольников и наказывать столь тяжело их за отпадение представляется едва-ли справедливым.

2) Указание на то, что в данном случае наказывается вторичное отпадение, так сказать рецидив апостазии, не вполне точно, так как ст. 204 относится и к прирожденным раскольникам, наказанным напр. за свращение, и потом присоединившимся к православию.

3) Если же принять, что ст. 204 наказывает не за отпадение, а так сказать за надувательство, за притворство, благодаря коему виновный воспользовался известною льготой, то и с этой точки зрения постановления ст. 204 представляются чрезмерно суровыми, так как остается предположением, что присоединение бывшего раскольника было лишь обманом, актом лицемерия; вторичное отпадение в раскол могло произойти чрез много лет после обращения в православие и возвращения из ссылки при совершенно новых условиях»¹⁴³⁴.

По этим основаниям два члена Комиссии полагали, что раскольник, возвращенный из ссылки вследствие обращения его в православие, должен быть наказываем на тех же основаниях, как раскольники вообще, что посему за самое обращение его вновь в раскол он может подлежать ответственности только при наличности условий, в статье 346 указанных, что затем в Уставе о ссыльных можно сохранить постановление ст. 524 Уст. о том, что правила о возвращении из ссылки раскольников, припавших православие, не распространяются на тех из раскольников, которые, быв возвращены из ссылки вследствие обращения их к православию, вновь совершат преступное деяние, за которое они, как за преступное проявление раскола, должны на общем основании подлежать поселению¹⁴³⁵.

Вторичное отпадение в раскол – последнее, по месту в Прозекте, религиозное преступление. Им заканчивается его 17 глава.

Такова система религиозных посягательств, включенных в проект Нового Уголовного Уложения. Внимательно всматриваясь и вчитываясь в статьи этого проекта, мы должны будем сказать, что вся 17 глава его, посвященная «посягательствам на ограждающие веру законы», носит до некоторой степени двойственный характер. Этот двойственный характер выражается в том, что новый проект как-бы балансирует между двумя полюсами – выводами юриспруденции с одной стороны, а с другой – данными действующего Уложения. Первая категория религиозных преступлений носит на себе влияние юриспруденции, вторая же – Уложения о наказаниях.

Первая категория деликтов, т. е. надругательство над церковью, если ее рассматривать с внешней, текстуальной стороны, распланирована очень отчетливо и этим выгодно отличается от Уложения о наказаниях. Но при ознакомлении с объяснительной запиской к этим статьям легко усмотреть некоторое влияние на этот Проект уголовной доктрины и западных кодексов, в частности Общегерманского Уголовного Уложения.

Так, 2 ч. 328 ст. Проекта Нового Уголовного Уложения говорит о поношении веры православной или иной христианской, ея догматов, а 1 ч. 329 ст. – установлений или обрядов православной или иной христианской веры, причем первое относится к богохульству, второе же составляет кощунство. В объяснительной записке к Проекту читаем: «Поругание может относиться или к христианству вообще, или к отдельному христианскому вероучению в его целости, являясь поруганием православия, католицизма, лютеранства, или же к отдельным основным началам, догматам, и притом общим всем христианским вероучениям, или исповедуемым некоторыми из них, напр. таинство пресуществления, божественность св. Троицы и т. п., или к установлениям, признаваемым церковью божественными, каково установление священства». Вместе с тем Редакционная Коммиссия полагала бы правильным отличать от догматов установления церковныя, как напр. соблюдение постов, богослужебный порядок или чин отдельных богослужений, отдельные молитвословия, а равно и обряды церковныя, которые не принадлежат к числу таинствъ; поношение оных не может быть, по мнению Коммиссии, постановлено наравне с надругательством над догматами христианских вероучений»¹⁴³⁶.

Такое принципиальное разграничение порицания догматов и порицания обрядов, думается нам, проведено в Проекте под влиянием Общегерманского Уложения, которое особо говорит о богохулении, особо о поношении религиозных обществ, как таковых, или же их установлений и обрядов (§ 160). При этом нелишне заметить, что в Проекте этого закона рядом с последними были поставлены также *учения и предметы почитания*, но при окончательном обсуждении проекта в Рейхстаге, по предложению депутата Ласкера, эти слова были вычеркнуты из опасения, чтобы научные исследования и критика чрез это не были низведены в слишком узкия границы¹⁴³⁷. Однако такое исключение повело к тому, что при разрешении вопроса, что следует разуметь с одной стороны под оскорблением религиозных обществ, как таковых, а с другой – под поношением их учреждений и обрядов, – приходилось

прибегать к произволу и всяким натяжкам. Судебная немецкая практика, напр., к оскорблениям религиозных обществ, как таковых, относит между прочим поношение библии и десяти заповедей, догмата непогрешимости папы, а также при некоторых случаях и имени Лютера, а поношение литургии, таинств, целибатства святых и Девы Марии рассматривает, как оскорбление учреждений¹⁴³⁸. Чтобы избежать всех таких неудобств, наш Проект Нового Уголовного Уложения и внес различие оскорбления догматов и учреждений, отличая их в свою очередь от поношения самой веры православной или иной христианской.

При рассуждении о том, как понимать выражение 1 ч. 328 ст. Проекта, что богохуление состоит «в возложении хулы на славимого в Единосущной Троице Бога», Редакционная Коммиссия дала такие разъяснения в объяснительной записке, что под этим выражением разумеется не отвлеченное понятие монотеистического Бога, а догматическое понятие о нем христианской религии, причем под данное постановление должно подводиться и поругание каждой из Ипостасей в отдельности¹⁴³⁹. Это разъяснение, думается нам, сделано в виду того обстоятельства, что разными криминалистами под словом «Богъ» в понятии богохуления разумеется не одно и то же. Так, Белогриц-Котляревский, рассуждая о § 166 Общегерманского Уложения, говорить: «Под именем Бога следует разуметь не то понятие о Верховном Существо, которое выработано в учениях отдельных религиозных обществ, а общее о нем представление, лежащее в природе монотеизма, сущности христианской и других религий, господствующих в Европе. Поношение Иисуса Христа и Св. Духа, таким образом, не входит в это понятие, ибо вера в них, как в Верховное Существо, не принадлежит к сущности монотеизма»¹⁴⁴⁰.

Такого же мнения держатся немецкие ученые: Villnow, Гуго Мейер, Вальберг¹⁴⁴¹, Биндинг, Гельшнер, Колер¹⁴⁴². Но другие ученые держатся иного понимания выражения Бог в деликте богохульства. Так, Лист в своем Учебнике Немецкого Уголовного Права говорит: «Божество должно пониматься не в смысле философской всеобщности, выходящей из пределов времени и

пространства, и не в смысле монотеизма, общего всем христианским исповеданиям, а равно и иудейству, но так, как оно действительно понимается в признанном религиозном обществе верующими членами его. Отсюда порицание Сына Божия и Св. Духа, как и иудейского Иеговы, подходит под понятие богохуления»¹⁴⁴³.

Редакционная Коммиссия отдала предпочтение последнему взгляду, сузивши его лишь тем, что Бог понимается, как в Троице славимый, т. е. в смысле христианского монотеизма. Делая это ограничение, Редакционная Коммиссия одновременно с этим включила в Проект особую статью, предусматривающую: 1) поношение религии или религиозного верования признанного в России *нехристианского* исповедания и 2) поругание действием или поношение предмета религиозного чествования такого вероисповедания (331 ст. Проекта). При включении в Уложение этой статьи Редакционная Коммиссия руководилась отчасти тем, что «все современные кодексы, признавая терпимыми в государстве и некоторые нехристианские вероучения, признавая корпоративные права их религиозных обществ и не различая последователей этих учений в правах от последователей христианских вероисповеданий, считают необходимым охранять от посягательств и их религиозные верования, предметы их почитания и при том большею частию наравне с охраною христианских вероучений»¹⁴⁴⁴.

Всеми приведенными подробностями, касающимися состава богохуления и кощунства, как деликтов, по Проекту Нового Уголовного Уложения, мы хотим иллюстрировать ту мысль, что на конструкции преступлений, включаемых Проектом в категорию надругательств над верою и церковью, сказалось влияние юриспруденции и западных кодексов, именно Общегерманского Уложения 1871 г. Сходство посягательств этой категории в Проекте с религиозными посягательствами *Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich* очень заметно как со стороны количества и рода упоминаемых в том и другом случае преступлений, так и со стороны состава каждого преступления в особенности.

За то при обсуждении нарушений законов о веротерпимости Редакционная Коммиссия должна была отрешиться от западных кодексов, совершенно не знающих этого рода посягательств, и стать на почву Уложения о наказаниях. Но оставаясь верной принципам свободы вероисповедания, как она проводится нашим законодательством, а также и Уложению о наказаниях, Редакционная Коммиссия, где возможно, все же стремится урезать область этого рода посягательств, не признаваемых как западными кодексами, так и юриспруденциею за деяния, подлежащая обложению уголовной карой. Так, ею не включены статьи об оскотлении и самооскотлении из религиозного фанатизма; также точно она не все виды совращения считает наказуемыми. Как мы видели выше, она исключила 936 ст. ч. 1 Улож. наказ., касающуюся присоединения из одного нехристианского вероисповедания в другое нехристианское-же без употребления насилия. Это – проявление той же тенденции согласовать наше русское уголовное право с принципами права западно-европейского, хотя и ослабленное политическими соображениями.

Еще один пункт требует упоминания. Проект совершенно не упоминает о вероотступничестве. Правда, уже и по Уложению о наказаниях вероотступничество не является преступлением в строго юридическом смысле, ибо не есть деяние уголовно-наказуемое, однако его существование в кодексе с одной стороны поддерживало сознание его неправомерности, а с другой – поддерживало связи суда уголовного и церковного по религиозным посягательствам. Проект Нового Уголовного Уложения окончательно разрывает эти связи. Он по всем пунктам обособляет суд церковный от суда уголовного, первый совершенно игнорирует. В Проекте даже не было оговорено того, что действие проектируемого уложения не должно распространяться на те деяния, за которые виновный может подлежать церковному суду. Только при окончательном редактировании Нового Уголовного Уложения в Государственном Совете эта оговорка была сделана¹⁴⁴⁵. Таким образом те узы, которые связывали деятельность церковного суда по наложению церковного наказания за религиозные

преступления, пали. Церковному суду открывается возможность действовать самостоятельно и независимо от уголовного суда, действовать в сфере принадлежащего ему права прилагать к виновным против церковных законов соответствующие наказания. Таким образом церковной власти теперь предстоит задача – выработать те формы, в каких должен быть организован самостоятельный церковный суд над мирянами за религиозные преступления. Но этот вопрос в нашу тему уже не входить. Нам достаточно только отметить этот результат, к какому привел нами изложенный на предыдущих страницах исторический ход событий и явлений в области наказания судом церковным и уголовным религиозных посягательств.

Чтобы покончить с настоящей главой, нам необходимо сказать несколько слов об отношении нового Высочайше утвержденного 22 марта 1903 года Уголовного Уложения к его Проекту. Мы на предыдущих страницах говорили только о Проекте, а теперь будем говорить о той его редакции, какая ему дана в Государственном Совете. Так мы делаем для того, чтобы лучше оттенить те черты, какие внесены в Проект при окончательном обсуждении его в нашем высшем законодательном учреждении.

Первая особенность – это место, на каком религиозные посягательства поставлены в кодексе. Проект их поместил в гл. 17 после того, как в предыдущих главах было рассмотрено много других преступлений с государственным (напр., мятеж, измена, смута) и общественным характером (как, напр., нарушение законов и постановлений, ограждающих народное здравие, общественное благоустройство, общественную и личную безопасность, общественный порядок и спокойствие и т. п.). За этой главой следовала глава о нарушениях семейной нравственности и далее главы, касающиеся личных преступлений. Таким образом религиозные посягательства были поставлены на границе между общественными и личными преступлениями. Но уже совещание при Министерстве Юстиции, в виду сделанных на проект Св. Синодом замечаний, поместило их на первое место во 2 главу Уголовного Уложения, так же, как они были поставлены и в Уложении о наказаниях.

Порядок статей вообще оставлен прежний с одним-двумя исключениями. Это можно видеть из нижеследующей таблицы, показывающей отношение Нового Уголовного Уложения к его Проекту.

№№ статей Угол. Улож.	№ статей Проекта	№№ статей Угол. Улож.	№ статей Проекта	№№ статей Угол. Улож.	№ статей Проекта
73=328	82=337	91=342, ч. 2			
74=329	83=338	92 – нет			
75=330	84=339	93=343			
76=331	85 – нет	94=344			
77 – нет	86 – нет	95=345			
78=332	87=336	96=346			
79=333	88=340	97 – 110			
80=334	89=341	98 – нет			
81=335	90=342, ч. 1	нет – 347			

Уже из этой таблицы видно, что в Уголовное Уложение внесено 5 новых статей, коих нет в Проекте, а одна статья Проекта (347) не включена в кодекс. Не включенною оказалась статья о вторичном отпадении в раскол. Какия же статьи внесены вновь?

1) Ст. 77, по которой виновный в учинении безчинства, коим прервалось общественное религиозное служение признанного в России нехристианского исповедания, если оно учинено публично или в молитвенном доме того вероисповедания, наказывается арестом не свыше 3 месяцев. Эта статья служит дополнением предыдущей 76 ст., по которой наказуемо поношение нехристианского вероисповедания. Обе вместе они гарантируют нехристианским исповеданиям полную свободу культа. Внесена эта статья Государственным Советом.

2) Ст. 85, по которой наказывается оскотление, кем-либо совершенное с целью совращения в скотство. Проект Редакционной Коммиссии не предусматривал этого преступления, но особое совещание при Государственном Совете нашло нужным внести в Проект эту статью.

3) Ст. 89. Ею предусматривается случай совращения магометанином, евреем или язычником инородца, русского подданного, в другую нехристианскую веру. Это постановление есть 1 ч. 936 ст. Улож. Наказ. Ее, как мы видели, Редакционная Коммиссия не хотела включить в Проект, но особое совещание при Государственном Совете, внесшее эту статью, рассудило иначе.

4) Ст. 92. По ней «виновный в публичном оказательстве раскола, законом воспрещенном, наказывается денежною пеней не свыше 300 рублей». Это статья, по выражению Г. Евангулова, бланкетная¹⁴⁴⁶. Ею не указывается, какая именно действия со стороны раскольников признаются таким оказательством. Но так как эта статья лишь санкционирует 59 ст. Уст. пред. прест., то и обязательство раскола, о каком говорит 92 ст. Уголовного Уложения, должно пониматься соответственно примечанию к 59 ст. Уст. пред. прест. Внесена эта статья согласно указанию Товарища Обер- Прокурора Св. Синода В. К. Саблера.

Наконец 5) ст. 98 – об оскорблении или насилии над православным священником со стороны раскольника или сектанта с целью оказать неуважение к вере и церкви православной. Если такое насилие и оскорбление учинено не во время совершения им священнодействия или требы, то наказанием служит заключение в тюрьме, если же такое оскорбление или насилие причинено во время совершения священником службы Божией или исправления какой-либо духовной требы, то за оскорбление назначается исправительный дом, но не свыше 3 лет, а за насилие – тоже исправительный дом, но уже без обозначения maximum'a.

В Проекте постановления 98 ст. были изложены в нескольких местах 21 главы, именно в ст. 401, п. 2 и 403. Государственный Совет по примеру Уложения о наказаниях внес их в главу религиозных посягательств согласно указанию Св. Синода.

Перечисленные статьи, как показывает их характер, внесены в Уголовное Уложение не столько по каким-нибудь теоретическим основаниям, сколько по требованиям

практической необходимости. Эти статьи санкционируют ряд казусов уголовной практики и потому, конечно, они имеют жизненный интерес.

Другого рода особенности, отличающие Новое Уголовное Уложение от его Проекта, касаются самой редакции статей. Так как в каждой статье любого уголовного кодекса различают две части, диспозитивную и санкционирующую, то мы и будем рассматривать сначала изменения, внесенные Государственным Советом в диспозитивные части статей Проекта, а затем изменения самых санкций этих статей, иначе говоря, наказаний за те или иные преступления¹⁴⁴⁷.

Уже в первой статье, которую начинается вторая глава Нового Уголовного Уложения, мы встречаем иную редакцию диспозитивной части сравнительно с Проектом. Это статья о богохульстве. По новому Уложению возложение хулы возможно не только по отношению к славимому в единосущной Троице Богу, как это отредактировано в Проекте, но и по отношению ко всем *личным* объектам религиозного почитания и поклонения, как-то: Богородице, Безплотным Силам и Св. угодникам. Здесь в Новом Уложении сохраняется редакция Уложения о наказаниях. Кроме этого изменение касается условий, влияющих на уступление наказания за богохульство. По Проекту высшая мера наказания за богохульство имеет место в том случае, если оно учинено в церкви или ином христианском молитвенном доме публично, или и непублично, но действием (ст. 328). По Новому Уложению – если оно совершено при отправлении общественного богослужения или в церкви. Учиненное же в другом молитвенном доме или часовне, хотя бы и публично, богохульство, по Новому Уложению, наказывается слабее. Подобное уступление сохраняется и в статье о кощунстве (ст. 74).

В статье о безчинстве (ст. 75 Угол. улож.) к трем прежним прибавлен еще 4-й пункт. По Проекту безчинство наказуемо, если оно препятствует богослужению, или прерывает его (ст. 330, п. 1 и п. 2). Строже наказывается безчинство, если оно учинено с умыслом помешать отправлению богослужения (ст. 330, п. 3). Новое Уголовное Уложение дополняет эту статью

тем, что допускает еще умышленно вызванный прерыв бояслужения (ст. 75, п. 4 Уг. улож.), о чем Проект не упомянул.

В статье о похищении трупов Новое Уложение допускает совершение этих деяний по суеверию, неразумнию, невежеству или в состоянии опьянения (ст. 79, п. 3). Таких смягчающих обстоятельств не знает Проект (ст. 333), а Уложение о наказаниях указывает лишь «шалость» (sic!) да пьянство (ст. 334).

Очень важное и в теоретическом, и в практическом отношении изменение введено в статьи о совращении. Проект говорит: если тот-то того-то совратит – и только. В Новом Уголовном Уложении говорится несколько иначе, а именно: «виновный в том, что посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана, совратил.... etc». Таким образом по Новому Уголовному Уложению совращение наказуемо не во всех его видах, а только в некоторых, законом упомянутых. Указывается шесть способов совращения, кои наказуемы (О публичной пропаганде речь идет в другой статье, именно в 90). Совращение наказуемо, когда оно учинено: 1) посредством злоупотребления властью, 2) принуждения, 3) обольщения обещанием выгод, 4) обмана, 5) насилия над личностью и 6) наказуемой угрозы. Два последние случая составляют квалификации совращения. Те случаи совращения, при которых не имело места ни одно из указанных обстоятельств, не наказуемы. Так, не наказуемо совращение посредством нравственного убеждения в превосходстве учения совращающего над учением совращаемого, если только это убеждение не включает в себе элементов, предусматриваемых 90 ст. Уг. ул. относительно публичной пропаганды. Не наказуема и простая беседа, напр. католика с православным, если ее последствием будет отпадение православного в католицизм, и т. п. Указывают, что такое ограничение внесено в Уголовное Уложение «в согласии с твердо установившейся сенатской практикой»¹⁴⁴⁸, но сам по себе это факт капитальной важности, ибо этим пробивается брешь в прежнем законодательстве о совращении, так как по новому закону, вполне возможно совращение, лишь бы оно совершалось в законных пределах и

законом не воспрещенными средствами. Оставляя безнаказанными и вероотступничество, и соращение нравственными воздействиями, Новое Уложение подвергает более строгому наказанию духовных лиц инославных христианских исповеданий, а также тех из раскольников и сектантов, кто принимает православного в свое вероисповедание или секту (ст. 91 и 93 Уг. улож.). Этой косвенной мерой хотят ослабить увеличение случаев безнаказанного соращения.

Переходим к переменам, внесенным Новым Уголовным Уложением в санкционирующую часть 17 главы Проекта.

Общая черта, какую здесь приходится наблюдать, это смягчение наказаний, проектированных Редакционной Коммиссией. Это смягчение проявляется в нескольких формах, которые мы последовательно и рассмотрим.

В некоторых случаях рядом с наказанием, предложенным Редакционной Коммиссией, положено альтернативно еще другое наказание, в лестнице наказаний стоящее ниже, – напр., рядом с срочной каторгой – ссылка на поселение (ст. 73, ч. 1; ст. 82, ч. 2; ст. 84, ч. 2), – рядом с заключением в исправительный дом – заключение в крепость (ст. 82, ч. 1), – рядом с заключением в крепость до одного года – арест (ст. 90). За то иногда альтернативно назначаемые в Проекте наказания заменяются в Новом Уложении одним, именно высшим (ст. 74, ч. 4; ст. 75, ч. 1).

В других случаях сокращается время наказания, назначенное Проектом. Напр. вместо 10-летней каторги назначается 8-летняя (ст. 84, ч. 4) или 6-летняя (ст. 82, ч. 2; ст. 84, ч. 2), или-же точно обозначается максимум срока наказания (ст. 79, ч. 2; ст. 82, ч. 1).

Иногда проектируемое Редакционной Коммиссией наказание заменяется другим, напр., заточение не свыше 3 л. заменяется тюрьмой не ниже 6 месяцев (ст. 95), заточение не свыше одного года – арестом (ст. 76), тюрьма – арестом (ст. 73, ч. 4), арест – денежной пеней не свыше 500 р. (ст. 94), арест не свыше 1 месяца – денежной пеней не свыше 300 р.

(ст. 93).

Новое Уложение ослабило также наказание духовным лицам инославных христианских исповеданий, виновным или 1) в совершении над православным какого-либо священнодействия (крещения, конфирмации и т. п.), знаменующего принятие в инославную христианскую веру, или 2) в допущении к исповеди православного и в преподавании катихизиса своего вероисповедания малолетнему православному, или 3) в совершении брака иноверца с лицом православным прежде совершения брака православным священником. По Проекту кроме ареста не свыше 1 м. эти духовные лица в первом случае подлежали навсегда удалению от церковной должности, а во втором и третьем – удалению на время от 6 м. до 1 года, а при повторении – навсегда (ст. 343 Проекта). По Новому же Уложению кроме денежной пени не свыше 300 р. виновный удаляется от должности на время от 3 мес. до 1 года, а при повторении от 1 г. до 3 л. или навсегда, во втором и третьем случае наказывается лишь повторение, именно, во втором случае виновный наказывается удалением от должности на время от 3 м. до 1 года, а в третьем случае – от 3 до 6 месяцев (ст. 93).

Таким образом в большинстве случаев Новое Уложение смягчает наказания, предложенные в Проекте. Но есть несколько случаев, где Государственный Совет возвысил наказание, проектируемое Редакционной Коммиссией. Так, возвышено наказание за кощунство и за похищение трупов.

Кощунство, учиненное в церкви или при отправлении общественного богослужения, по Новому Уложению наказывается тюрьмой не ниже 6 месяцев, тогда как Проект указывал минимум наказания 3 месяца. Кощунство, учиненное с целью произвести соблазн, наказывается по Новому Уложению тюрьмой не свыше 6 мес., тогда как в Проекте предполагался только арест.

За похищение или поругание действием трупа вместо тюрьмы назначен исправительный дом на срок не свыше 3 лет, т. е. наказание повышено на две степени (ст. 79, ч. 1). Если же при этом виновным учинено над умершим оскорбляющее нравственность действие, то он наказывается заключением в

исправительном доме на срок не ниже 3 лет (ст. 79, ч. 2). По Проекту такой минимум не указан. Законный минимум исправительного дома как по Проекту, так и по Новому Уложению, 1 год 6 мес. (ст. 15 пр.; ст. 18 Уг. ул.).

В заключение перечислим наказания, положенные во 2 главе Нового Уголовного Уложения, с указанием тех деяний, за которые каждое положено. Наказания эти следующие.

1) *Каторга*. Она назначается на срок не свыше 10 лет за насильственное оскотление (ст. 85, ч. 2), – не свыше 6 л. – за оскотление по согласию (ст. 85 ч. 1) и не свыше 8 лет – за насильственное совращение православного в особо вредную секту (ст. 84, ч 4).

2) *Срочная каторга или ссылка на поселение* назначается за богохуление в церкви (ст. 73, ч. 1), за насильственное совращение христианина в веру нехристианскую (ст. 82, ч. 2), за насильственное совращение православного в раскол (ст. 84, ч. 2).

3) *Ссылка на поселение*. Ей подлежат виновные а) в богохульстве, учиненном в часовне или в распространенных или публично выставленных произведений печати, письме или изображении (ст. 73, ч. 2), б) в насильственном совращении православного в какое нибудь инославное исповедание (ст. 83, ч. 2) и с) в простом совращении православного в раскол (ст. 84, ч. 1).

4) *Ссылка на поселение в особо предназначенные местности* применяется как к совратителям, так и принадлежащим к особо вредным сектам, принадлежность к которым соединена с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с явно безнравственными действиями (ст. 84, ч. 3 и ст. 90). Этому же наказанию подлежат и оскотившие себя по заблуждению фанатизма (ст. 96, п. 2).

5) *Исправительный дом* назначается за совершение крещения или бракосочетания лицом, присвоившим себе самовольно священнический сан (ст. 97, ч. 2), и за насилие со стороны иноверца над личностью православного священника во время совершения им службы Божией или духовной требы (ст. 98, ч. 3).

6) *Исправительный дом не ниже трех лет* за учинение над трупом какого-либо, оскорбляющего нравственность, действия (ст. 79, ч. 2).

7) *Исправительный дом не выше трех лет* назначается за богохуление с целью произвести соблазн (ст. 73, ч. 3), за простое совращение христианина в веру нехристианскую (ст. 82, ч. 1). В этих случаях вместо исправительного дома может быть назначено заключение в крепости на срок не выше 3 лет. Затем, исправительному дому не выше 3 лет подвергаются виновные в похищении трупа (ст. 79, ч. 1). – виновные в насильственном совращении из одного вероисповедания в другое кроме случаев, указанных в 82–84 ст. Угол. улож. (ст. 87), –неправославные или раскольники, виновные в оскорблении православного священника во время совершения им службы Божией или исправления требы (ст. 98, ч. 3).

8) *Заключение в крѣпости не выше трех лет* назначается за простое совращение православная в другое христианское исповедание (ст. 83, ч. 1) и за учинение родителем или опекуном над малолетним, который должен воспитываться в христианской вере, религиозных обрядов нехристианского исповедания (ст. 88).

9) *Заключение в крѣпости не выше одного года.* Этому наказанию подлежат родитель или опекун, обязанный воспитывать своего или находящегося под его опекою малолетняго (до 14 л.) в правилах православной веры, виновный в крещении или приведении его к иным таинствам другого вероисповедания (ст. 89), – и виновный в пропаганде раскола (ст. 99).

10) *Заключение в тюрьме* Заключение в тюрьме религиозные преступники вообще подлежат: а) за кощунство в часовне или ином христианском молитвенном доме (ст. 74. ч. 2), б) за учинение безчинства с целью помешать отправлению богослужения (ст. 75, ч. 3), с) за принуждение кого либо к совершению обряда, не дозволенного тем вероисповеданием, к которому принадлежит принуждаемый, или же за воспрепятствование совершенно богослужения или обряда, установленных правилами признанного в России

вероисповедания, к коему принадлежит принуждаемый (ст. 80, ч. 1), – д) за совершение священнослужения лицом, самовольно присвоившим себе сан священнослужителя христианского вероисповедания (ст. 97), и наконец е) иноверцы или раскольники за оскорбление православного священнослужителя с целью оказать неуважение к вере (ст. 98, ч. 1).

11) *Заключение в тюрьму не ниже 6 месяцев.* Этому наказанию подлежат виновные в кощунстве, учиненном при отправлении общественного богослужения или в церкви (ст. 74, ч. 1), – в прерыве богослужения, учиненном толпою (ст. 75, ч. 4), – в воспрепятствовании посредством насилия или наказуемой угрозы принять веру православную желающему к ней присоединиться (ст. 95).

12) *Заключение в тюрьму не ниже трех месяцев* назначается за принуждение, указанное в ст. 80, п. 1, учиненное по отношению к какому-нибудь христианскому священнослужителю или духовному лицу нехристианского вероисповедания (ст. 80, ч. 2).

13) *Заключение в тюрьму не выше 6 месяцев* назначается за кощунство, учиненное с целью соблазна (ст. 74, ч. 3), и за похищение или поругание трупа, если оно учинено по суеверию, легкомыслию или в состоянии опьянения (ст. 79, ч. 3).

14) *Тюрьма не выше трех месяцев* назначается в одном случае, именно при совращении инородцем другого инородца, русского подданного, в свою веру (ст. 86).

15) *Арест.* Арестом наказывается богохульство, совершенное по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения (ст. 73, ч. 4), – неумышленный прерыв богослужения по причине безчинства (ст. 75, ч. 2). – поношение признанного в России нехристианского вероисповедания (ст. 76, ч. 1), – совершение раскольником или сектантом над православным крещения или иного какого-либо действия или духовной требы, знаменующей принятие в раскол (ст. 91).

16) *Арест не выше 3 месяцев* назначается за кощунство, совершенное по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения (ст. 74, ч. 4), – за учинение безчинства,

препятствующего отправлению богослужения (ст. 75, ч. 1), – за учинение такого же безчинства, если его следствием был прерыв богомоления какого-либо нехристианского вероисповедания (ст. 77), и за погребение христианина без христианского погребения (ст. 78).

17) *Арест не свыше одного мѣсяца или денежная пеня не свыше 100 рублей* назначаются лицу, виновному в поношении какого-либо нехристианского вероисповедания, если такое поношение совершено по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения (ст. 76, ч. 2).

18) *Денежная пеня не свыше 500 рублей.* Ей подлежат духовные лица инославных исповеданий в случае совершения ими брака 1) между иноверцем и православным, если он потом не был совершен по православному обряду, и 2) между заведомо православными (ст. 94, пп. 1 и 2).

19) *Денежная пеня не свыше 300 рублей* назначается за совершение духовным лицом инославного исповедания над заведомо православным какого-либо священнодействия, знаменующего собою принятие в инославное вероисповедание; за допущение им к исповеди заведомо православного, причащение его или совершение над ним елеосвящения; за преподавание им катихизиса своего вероисповедания молодетнему православному; за совершение им брака иноверца с православным прежде его совершения православным священником (ст. 93, пп. 1, 2, 3, п. 4). Этому же наказанию подлежат и виновные в публичном оказательстве раскола (ст. 92).

20) *Денежная пеня не свыше 50 рублей* назначается лицу нехристианского вероисповедания, воспрепятствовавшему христианину, находящемуся у него в услужении, исполнять религиозную обязанность его исповедания (ст. 81).

Вот и все наказания и все виды религиозных посягательств, с которыми мы встречаемся во II главе Нового Уголовного Уложения.

Заключение

Проследив в русском праве историю и современное положение вопроса о церковной и уголовной наказуемости преступлений против веры и нравственности, мы должны подвести в заключение итоги изученного нами процесса перемещения этих преступлений из духовного суда в светскую юстицию. Для этой цели сначала резюмируем основные положения, развитые в предшествующих главах настоящей работы. Церковная наказуемость религиозных преступлений всегда определялась общим состоянием церковной дисциплины в данное время. От этого отдельные церковно-дисциплинарные меры в разные эпохи были неодинаковы. В эпоху Ярослава и непосредственно после него виновных штрафовали большею частью денежными пенями; в XVI-XVII вв. их смиряли в монастырях и вне монастырей; в конце XVIII и начале XIX ст. их предавали приватному суду их духовных отцов. Возникновение уголовной наказуемости преступлений против веры и нравственности было явлением естественным, определявшимся различными историческими и юридическими условиями. Исходными моментами уголовной наказуемости этих преступлений были 1) традиция Византии и 2) требование духовным правительством применения «градских казней» к преступникам против веры и нравственности, причем вид и размер этих наказаний назначался князьями по своему усмотрению. Привлеченные к делу охраны православия и блюдения чистоты религиозной жизни, князья с XV-XVI вв. вступили на путь активной деятельности по отношению к религиозным преступлениям, считая это дело и своею государственною обязанностью и личным нравственным долгом. Но естественно, что они внесли в эту сферу новое освещение. Борясь с преступлениями против веры и церкви, князья идеей послушания объединили эти деяния со всеми другими государственными и частными преступлениями. Издавая свои распоряжения, свою «царскую заповедь» против религиозных преступников, подчас самостоятельно и

независимо от духовной власти, князья создали прецедент постоянной уголовной наказуемости известных антирелигиозных и безнравственных деяний. А отсюда уже было недалеко до прямого изъятия некоторых преступлений из сферы церковного суда. При Петре Великом такими изъятими преступлениями оказались преступления против нравственности. С Петра-же начинается и процесс преобразования религиозных преступлений. Религиозный элемент в них отступает на задний план; на его место выдвигаются цели государственные и полицейския. Преобразование касается как состава этих преступлений, так и их наказуемости.

Со стороны их состава делаются попытки точнее разграничить в преступлении его отдельные стороны (напр. отдельные виды раскола), указать в деяниях именно их *противозаконность*, т. е. нарушение положительного закона, будет-ли таким законом Соборное Уложение, Воинские Уставы или указы. Со стороны их наказуемости преобразование состоит в уравнивании этих преступлений со всеми другими уголовно-наказуемыми деяниями.

Когда изданием Свода Законов Уголовных 1832 г. были подведены итоги законодательству XVII и XVIII вв., то оказалось, что и преступления против веры, которые по докладным пунктам Св. Синода от 12 Апреля 1722 г. были оставлены в ведении духовного суда, – уже оказались теперь деяниями уголовно наказуемыми и, следовательно, подлежащими суду светской юстиции. Этот факт был окончательно санкционирован Уложением о наказаниях 1845 г., где около 80 статей было посвящено этой категории преступлений.

Равным образом и преступления против нравственности нашли себе место как в Своде, так и в Уложении. Но в обоих случаях требование, чтобы состав этих преступлений, их родовые признаки и видовые особенности были очерчены с полной рельефностью и точностью, стоит на первом месте. Юридический анализ этих преступлений, требуемый и юридической доктриной и судебной практикой, должен определить границы запрещенности каждого деяния, что

достигается детальным толкованием каждой статьи, определением объема ее действия. Понятно, что в таких юридических операциях религиозная сторона этих преступлений совершенно затемняется, и первенствующую роль в их запрещенности играет содержащийся в них момент посягательства на тот или иной из правоохраняемых интересов.

Таким образом, перемещение преступлений против веры и нравственности из церковного суда в светский повлекло за собою их юридическое преобразование, в силу которого на смену греховности в них выступил элемент противозаконности в современном уголовно-юридическом значении этого слова, а на смену наказаний церковных – уголовные кары. Но это не единственный результат изученного нами процесса.

Передача суда и наказания преступников против веры и нравственности в руки светской юстиции повела в конце концов к падению церковной дисциплины по религиозным преступлениям и к ослаблению непосредственных правовых связей церкви с преступниками против веры и церкви. В чем-же это выразилось?

Прежде всего в фактическом отсутствии самостоятельной юрисдикции церковного суда по этим преступлениям. Правда, юридически церкви принадлежит право привлекать к своему суду мирянь, виновных в антирелигиозных и безнравственных поступках, если эти деяния не предусмотрены уголовными законами. Но это право в существе дела довольно фиктивно, потому что слишком мало таких непредусмотренных уголовными законами деяний, где-бы могла упражнять свою юрисдикцию церковь. Трудно даже подыскать правдивый пример этого. А. Θ. Лавров указывает такой пример: «Богатый и благочестивый купеце испросил разрешение построить на свое иждивение церковь. Но при построении ее нарушило установленные церковью на сей случай правила – алтарем поставил церковь не на восток, а на запад, иконы поставил написанные двуперстным сложением, допустил и разные другия неправильности»¹⁴⁴⁹.

Но искусственность этого примера резко бросается в глаза. Да если-бы подобные факты и имели место, то это были-бы

случаи исключительные, выходящие из ряда вон. Между тем такие преступления, как совращение, богохуление и т. п., совершенно не подлежат суду церковному.

Мы не говорим о тех преступлениях, которые предусмотрены уголовными законами и за которые в Уложении о наказаниях определено одно только церковное покаяние, не говорим потому, что не видим в этом *самостоятельной* юстиции церкви, а только *исполнительную*.

А из такого положения дела вытекает, что фактически церковному суду подлежать только те проступки против веры, за которые в уголовных законах положены церковные наказания, причем разбирательство дела в церковном суде начинается с момента присылки виновных из светского суда или с момента сообщения церковному суду приговора суда уголовного. В тех случаях, когда наряду с уголовными наказаниями положены церковные, церковный суд действует не вполне самостоятельно, потому что ему не приходится рассуждать о фактических обстоятельствах преступления, равно и уклоняться от наложения церковного покаяния на лицо, раз уже приговоренное к этому наказанию в суде светском. Только определение размера и вида церковного наказания предоставлено свободе церковного суда, за исключением только тех случаев, когда виновный по закону подлежит заключению в монастырь. Но и церковное покаяние не применимо 1) к осужденным в каторжные работы и 2) к раскольникам (ст. 1585 Улож. о нак.). Таким образом, фактически у церкви нет самостоятельного суда по преступлениям против веры.

Все эти рассуждения вполне применимы и к преступлениям против нравственности. Из них по Уложению о наказаниях только конкубинат (ст. 994 Улож. о нак.), прелюбодеяние в некоторых случаях (ст. 1585) и любодеяние в таких степенях родства, в коих брак не воспрещен (ст. 1597), – подлежат церковному суду. Во всех-же остальных случаях светская власть действует или совершенно самостоятельно, не сносаясь с Духовной Консисторией, или-же требует от последней доставки нужных сведений (ст. 1013 Уст. уг. суд.). Духовному суду остается только вопрос о действительности или

недействительности брака, а равно дела о виновных священнослужителях, венчавших запрещенные, недействительные браки (ст. 1012). Следовательно, и здесь миряне почти не подсудны самостоятельной юстиции церковной власти.

Не имея фактически самостоятельной юстиции по преступлениям против веры и нравственности, духовная власть принимает в уголовном суде по этим преступлениям весьма слабое участие. Она возбуждает преследование совратителей (ст. 1006 Уст. угол. суд.), отсылает к гражданской власти лиц, виновных в уголовных преступлениях, когда эти преступления откроются при рассмотрении дела в церковном суде (ст. 1011), – она дает уголовному суду требуемые им справки (ст. 1013), – и только.

Таким образом участие духовной власти в уголовном суде чисто пассивного характера, да и случаев такого участия законом указано очень немного.

Новое Уголовное Уложение уничтожило последние следы какого-бы то ни было участия Церкви в наказании за преступления против веры и нравственности. Исходя из той идеи, что уголовный кодекс должен содержать только постановления об уголовно-наказуемых деяниях, Редакционная Коммиссия не заикнулась в Проекте 1895 г. ни об одном церковном преступлении в противоположность Уложению о наказаниях. Но возможно, что такое умолчание поведет к полной ненаказуемости, не только уголовной, но и церковной, деяний, не предусмотренных новым Уложением, т. е. поведет к полному уничтожению одной из функций церковного суда. А это будет служить одной из ступеней к превращению церковного суда из института с общегражданским значением в институт только сословно-ведомственный.

Нужно заметить, что с отсутствием у церкви в настоящее время самостоятельной юстиции по религиозным преступлениям уже и теперь некоторые деяния, с церковной точки зрения подлежащие наказанию, на деле остаются безнаказанными. Так, по ст. 1594 Улож. о наказ, кровосмешение между свойственниками наказуемо только до 2 степени

включительно и не распространяется на 3 и 4 степени (об этом ст. 1594 не упоминает), хотя церковью и запрещаются браки в 3 и 4 степенях свойства.

Таким образом кровосмешение в 4 степени свойства уголовно не наказуемо. Остается, следовательно, только церковное наказание. Но нам встретилось в Архиве Казанской Духовной Консистории дело, где консистория, получив от прокурора окружного суда сообщение, что указываемый ею факт кровосмешения в 4 степени свойства уголовно не наказуем, постановила производством это дело прекратить, поручив лишь приходскому священнику увещевать виновных воздержаться от блудного сожития¹⁴⁵⁰. Факт довольно знаменательный.

Другим ненаказуемым преступлением является вероотступничество. В Уложении за него не положено почти никакого наказания, так как указываемые 185 и 187 статьями Улож. наказ. меры, касающиеся ограничения виновных в правах владения, имеют не столько карательный, сколько предупредительно полицейский характер. Увещание и вразумление, кои предписываются этими статьями, также не имеют карательного характера. Поступление с вероотступниками по правилам церковным, как выражается 187 ст., может быть понимаемо в смысле наложения на них церковного наказания. Но так как последнее имеет место лишь по отношению к отступившим от православного в другое христианское исповедание и не применимо к отступившим из православного или иного христианского исповедания в нехристианское (ст. 185 Ул. о нак.), а равно и к уклонившимся в раскол, – то отсюда вытекает, что по смыслу Уложения вероотступничество *вообще* не наказуемо даже церковно, кроме одного случая, указываемого 187 ст. Следовательно, вероотступничество, поскольку оно вообще не наказуемо, не может считаться и преступлением; с другой стороны оно не есть и деяние правомерное, так как Уложение его помещает в категорию преступлений. Словом, по действующему праву вероотступничество – это какое-то непроступное преступление. В известном смысле Редакционная Коммиссия была вполне последовательна, когда она вовсе вычеркнула это деяние из

Проекта нового Уголовного Уложения. – Достаточно и этих двух примеров для иллюстрации того положения, что фактическое отсутствие у церкви самостоятельной юстиции по религиозным преступлениям ведет к ненаказуемости некоторых преступных деяний.

Это-же отсутствие у церкви самостоятельной юстиции по религиозным преступлениям привело к тому, что объем применения церковной дисциплины по преступлениям против веры и нравственности значительно сузился. Непосредственное отношение церкви к преступнику в акте церковного суда над ним в большинстве случаев заменилось отношением, посредствуемым процедурой уголовного суда. Меры воздействия на преступника со стороны церкви во многих случаях стали мерами карательного принуждения со стороны государства. Привлеченный к суду уголовному уже не мог, за исключением особо в законе поименованных случаев, подлежать суду церковному. Карательная власть государства заслонила собою дисциплинарную власть церкви одинаково как по отношению к преступлениям против веры, так и по отношению к преступлениям против нравственности. А заслонив собою дисциплинарную деятельность церкви, светская власть разобщила правовое отношение между церковью и каждым отдельным преступником. Юридическая связь каждого такого преступника осталась в большинстве случаев только между ним и уголовным, а не церковным судом. Самая мысль, что возможно отвечать пред самою церковью за преступления против веры или нравственности, стала чужда значительной части нашего общества, пример чему мы видим в толках по делу отлучения от церкви гр. Л. Н. Толстого.

Но если у церкви нет прямых правовых связей с преступником, отвечающим в уголовном суде, до назначения ему наказания, то тем более не может быть таких правовых связей в последующее время, когда уже ему назначено наказание, и когда он отбывает или уже и отбыл это положенное ему наказание.

Но можно-ли считать подобное разобщение между церковью и преступниками против религии явлением

целесообразным?

Ответ был-бы утвердительный, если-бы уголовное наказание вполне могло заменить наказание церковное. Но сделать это оно едва-ли в состоянии. Современные криминалисты считают азбучной истиной, что наказание должно преследовать цели исправительные. Но этот термин имеет условный и ограниченный смысл. Вообще считается уголовное наказание достигающим цели исправления, когда преступнику на место дурных навыков привиты хорошие: наприим. вместо лени и любви к чужой собственности – честность и трудолюбие, и т. п. Но достаточно-ли приобретения только этих, так сказать, общегражданских навыков при исполнении положенного наказания преступниками против религии? Понятно, что здесь навыки должны быть несколько иного рода. Но что дает, наприим., каторга совершившему богохуление по легкомыслию, которое, как известно, в нашем законе не служит условием, смягчающим вину? Исправит-ли она его именно религиозное легкомыслие? Конечно, все будет зависеть от конкретной обстановки, в какой окажется данное лицо, но само в себе наказание каторгой не заключает никаких таких условий, которыя-бы с несомненностью вели легкомысленного богохульника к исправлению именно религиозному. Уголовные наказания не заключают в себе элементов *религиозного воспитания*, а потому в применении к религиозным деликтам не могут служить целям религиозного исправления преступника. Значит, налагая уголовные наказания за преступления против религии, государство преступников только *карает*.

Но может-ли этим удовлетвориться церковь? Ответ должен быть отрицательный. В 102 пр. Трулльского Собора читаем: «у Бога и у приившего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратити и уязвленную змием уврачевати. Не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния, ниже опускати бразды к расслаблению жизни и к небрежению, но должно непременно которым-либо образом... противодействовати недугу и к заживению раны подвизатися». Но можно-ли быть уверенным в том, что тюрьма, исправительные арестантския отделения, ссылка и каторга не

допускают преступника до религиозного отчаяния и не дадут ему повода к религиозно-нравственному расслаблению? А если в этом быть уверенным нельзя, то уголовные наказания должны дополняться каким-нибудь коррективом, который-бы дал им отсутствующий в них религиозно-воспитательный элемент. Впрочем там, где этот корректив неприменим (напр. по отношению к фанатическим последователям раскола), уголовное наказание по необходимости всегда будет оставаться одно.

Вот те выводы, к каким приводит нас анализ современного состояния вопроса о церковной и уголовной наказуемости религиозных преступлений. Повторим вкратце эти выводы:

1) У церкви в настоящее время самостоятельной юстиции по религиозным преступлениям нет.

2) Этим вызывается безнаказанность некоторых религиозных преступлений.

3) Так как вместо церкви многие религиозные преступления карает государство, то это ведет к ослаблению непосредственных юридических связей церкви и преступников против веры и церкви.

4) Но, карающая многие преступления, уголовные меры сами по себе еще не могут способствовать исправлению преступников против веры и церкви, ибо в существе своем не заключают религиозно-воспитательного элемента, который здесь-то и необходим, поскольку исправление этих преступников должно состоять в исправлении и перевоспитании именно религиозном.

Сделанными выводами мы и можем закончить свой труд.

Примечания

¹ - Литература: Mommsen, Der Religionsfrevel nach römischem Recht в Historische Zeitschrift, 1890, B. 64 (Neue Folge B. 28), S. 389–429. Т. Барсов, Об участии госуд. власти в деле охранения др. вселенской церкви и ея веры, в Хр. Чт. 1877 г. И. С. Бердников, Государственное полож. религии в Римско-Виз. Имп. т. I (Казань, 1881). Маассен, Девять глав о свободной церкви и о свободе совести, Ярославль. 1882 г. Кипарисов, О свободе совести. Вып. 1. Москва. 1883. Голубинский, Об образе действования православных государей греко-римских в IV, V и VI веках в пользу церкви против еретиков и раскольников, в Прпб. к Твор. Св. От. ч. XVIII. Л. Сретенский, Критич. анализ главнейших учений об отношениях между церковью и государством. М. 1877 г.

² - Mommsen, Religionsfrevel, 390.

³ - Cicero, de leg. 2, 9, 22.

⁴ - Tacit. Ann. 1, 73.

⁵ - Mommsen, op. cit. 398.

⁶ - Dig. 47, 22, 1, 1: religionis causa coire non prohibentur, dum tamen per hoc non fiat contrasensus consultum, quo illicita collegia arcentur.

⁷ - Mommsen, op. cit. S. 399, 412. Aum. 5.

⁸ - Plinius, Hist. nat. 30, 1, 12.

⁹ - Ibid. 13.

¹⁰ - Tertull. Apol. 9.

¹¹ - Circumcidere Judaeis filios suos tantum rescripto divi Pii permittitur: in non ejusdem religionis qui hoc fecerit, castrantis poena irrogatur.

¹² - Paull. Sent, 5, 21, 2: Qui novas usu vel rationis incognitas religiones inducunt, ex quibus animi hominum moveantur, honestiores deportantur, humiliores capite puniuntur.

¹³ - Paull. Sent, 5, 21, 1, 3.

¹⁴ - Paull. Sent, 5, 22, 3: Cives Romani, qui se Iudaico ritu vel servos suos circumcidi patiuntur, bonis ademptis in insulam perpetuo

relegantur; medici capite puniuntur.

¹⁵ - Inst. 1, 2, 6.

¹⁶ - Dion Cas. 52, 36: Τὸ μὲν θεῖον πάντως αὐτός τε σέβου κατὰ τὰ πάτρια καὶ τοὺς ἄλλους τιμᾶν ἀνάγκηζε τοὺς δὲ δὴ ξενίζοντάς τι πεοὶ αὐτὸ καὶ μίσει καὶ ἐνόλαζε. Ср. Маассен, ук. соч. стр. 21.

¹⁷ - Oros. hist. 7, 5. Corpus legume ab imperatoribus Romanis ante Justinianum latarum, quae extra constitutionum codices supersunt, ed. Haenal (Lipsiae. 1857). Pars. 1, p. 43.

¹⁸ - Euseb. Chron. Int. Ниегон. Corpus legum. I, 175.

¹⁹ - Mommsen, Religionsfrevel, 417.

²⁰ - Euseb. Hist. eccl. 5, 9 (8). Iust., ap. I, 69. Corpus legum, I, 86.

²¹ - Tert. Apol. cc. 24, 28.

²² - Mommsen, Religionsfrevel, 414.

²³ - Ruinart, Acta primorum martyrum sincera, Amstelaedmi, 1713, p. 154.

²⁴ - Mommsen, op. cit. 397.

²⁵ - И.С. Бердников, Госуд. пол. рел. т. I, стр. 367–368.

²⁶ - Ibid. стр. 368.

²⁷ - Ю. Кулаковский, Христианская церковь и римский закон (в течение двух первых веков). Киев, 1891 г., стр. 31.

²⁸ - Inst. 1, 2, 6: quod principi placuit, legis habet vigorem, cum lege regia, quae de imperio ejus lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concessit.

²⁹ - По поводу одного постановления об еретиках Имп. Θεодосий II (428 г.) пишет: «Quae omnia ita custodiri decernimus, ut nulli iudicum liceat delatum ad se crimen minori, aut nulli coërcitioni mandare, nisi ipse id pativelit, quod aliis dissimulando concesserit». С. Th. 16, 5, 65.

³⁰ - Евсев. О ж. Конст. III, 12 (Русс. пер. стр. 175–176). Соз. ц. ист. I, 19.

³¹ - Деян. Вс. соб. в р. пер. т. II, стр. 492.

³² - Ibid. т. II, стр. 489.

³³ - Ibid. т. III, стр. 110. Mansi, VI, 552: Τοῦ Θεοῦ γὰρ παντοκράτορος εὐ μενοῦς καθεστῶτος, τὰ τῆς κοινῆς πολιτείας καὶ φυλάττεσθαι καὶ βελτιοῦσθαι θαρρόμεν.

³⁴ - Ibid. т. IV, стр. 127.

³⁵ - Epist. 111. См. Голубинский ук. соч. Приб. Тв. Св. От. ч. XVIII, стр. 52.

³⁶ - Прав. Кар. соб. 69, 71, 72 и др.

³⁷ - Деян. Всел. соб. т. I, стр. 87.

³⁸ - Деян. Всел. соб. т. I, стр. 479–480.

³⁹ - Cod. Theod. 16, 2, 16.

⁴⁰ - Деян. Ве. соб. т. III, стр. 106.

⁴¹ - Cod. 1, 3, 42 pr.

⁴² - Cod. 1, 3, 43 pr.

⁴³ - Cod. 1, 4, 34, 2: εἰς ἀνάγκην ἦλθομεν ἐπὶ τὸν παρόντα νόμον διὰ τὴν ὑπὲρ εὐσεβείας ἀφίκεσθαι σπουδὴν καὶ δμα... ὑπὲρ τε τοῦ κοινῆς τῆς πολιτείας συμφέροντος.

⁴⁴ - Epist. I, с. 2. Migne, Patr. с. compl. ser. lat. t. 16, col. 877.

⁴⁵ - Письмо 151. Твор. Григория Богослова в рус. пер. т. VI, стр. 251.

⁴⁶ - Epist. 156, с. 3. Migne, ser. lat. t. 54, с. 1130.

⁴⁷ - Epist. 165, с. 10. Migne, t. 54, с. 1171.

⁴⁸ - Epist. 44 ad Justinum. Приб. к Тв. Св. о., т. 18, стр. 62.

⁴⁹ - Leo Magnus, epist. 164, с. 1: «Agnoscite igitur, auguste et venerabilis imperator, in quantum totius mundipraesidium divina sis providential praeparatus, et quid auxilii matri tuae Ecclesiae debeas, quae te filio maximegloriantur, intellige». Migne, ser. lat. t. 54, col. 1149.

⁵⁰ - Эту мысль проводит св. Амвросий Медиоланский в своем письме к Θεодосию В. Epist. 40, с. 22. Migne, ser. lat. t. 16, col. 1109.

⁵¹ - Augustinus, De correctione Donat. (epist. 185)с. V. Migne, ser. lat. t. 33, col. 801.

⁵² - In epist. ad Roman. Homil. XXIII, с. 3. Migne, ser. gr. t. 60, col. 618.

⁵³ - Там-же, col. 615.

- ⁵⁴ - Там-же, col. 616.
- ⁵⁵ - Христ. Чт. 1865 г. т. II, стр. 435.
- ⁵⁶ - Epist. 204, с. 4. Migne, ser. lat. t. 33, col. 940.
- ⁵⁷ - Contra Parm. lib. I, с. 10; epist. 100, с. 1; Contr. Gaud. I. II, с. 12.
- ⁵⁸ - Contra Petil. lib. II, с. 97. См. Н.П. Родниковъ, Учение бл. Августина о взаимных, отношениях между госуд. и церковью. Казань. 1897 г. стр. 228–229.
- ⁵⁹ - Epist. 185, с. VII, §28.
- ⁶⁰ - Contra Petil. I. I I, с. 84. De unit, eccles. 55. Родников, стр. 243.
- ⁶¹ - Leo I, ep. 29 у Gratian. с. 21, can. 23 qu. 5: intraecclesiam potestatis necessariae non essent, nisi ut, quid non praevallet sacerdos efficere per doctrinae sermonem, hoc impleat per disciplinae terrorem. Hofmann, Die Lehrev. d. Gewissen. Leipzig, 1866. S. 268. A. 1.
- ⁶² - «Ибо чего не производят телесные наказания по приговору судилища, в том, сколько знаем, нередко оказываются действительными страшные суды Господни». Василий Вел. Письмо 278. Твор. в рус. пер. т. VII, стр. 284.
- ⁶³ - Ambrosius, Sermo contra Auxent. с. 36. Migne, ser. lat. t. 16. col. 1018.
- ⁶⁴ - Ambros. Epist. 21, с. 10.
- ⁶⁵ - Ambros. Epist. 40, с. 27.
- ⁶⁶ - Ambros. Sermo contra Auxent. с. 23.
- ⁶⁷ - См. Родников, стр. 128 и д. Другия цитаты из свв. отцов в Беседе за 1871 г. кн. II, стр. 164–167.
- ⁶⁸ - Беседа о священном. Вавиле, гл. 3. Слова и беседы на разные случаи, т. 1, стр. 143.
- ⁶⁹ - Epist. ad solit. vitam agentes. Беседа, 1871, II, 166.
- ⁷⁰ - См. подробности в сочин. г. Родникова, стр. 230 и далее.
- ⁷¹ - Epist. 97, с. V, § 17.
- ⁷² - Epist. 93, с. II.
- ⁷³ - Epist. 93, с. I, § 2.

⁷⁴ - Hi, qui inveninntur in viis et in sepibus, id est in haeresibus et schismatibus, coguntur intrare. Epist. 185, c. VI, §24.

⁷⁵ - Кипарисов, О свободе совести, стр. 198.

⁷⁶ - De errore profan, relig. c. 17. Migne, ser. lat. t. 12, col. 1019.

⁷⁷ - De schismati Donat. lib. VII, c. 6; Migne, ser lat. t. XI, col. 1095.

⁷⁸ - Epist. 55. Беседа, 1871 г. кн. II, стр. 165.

⁷⁹ - Epist. 26, 20. Migne, scr. lat. t. 16, col. 1046.

⁸⁰ - Родников, стр. 254–253.

⁸¹ - Главными пособиями по римскому уголовному праву для времени по законодательство Юстиниана служили работы Рейна (Rein): «Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus» (Leipzig. 1844) и Моммсена: «Römisches Strafrecht». Leipzig. 1899.

⁸² - О чем желающие могут читать у Кипарисова – «О свободе совести». В. 1 (Москва, 1883 г.), главы VI-VIII.

⁸³ - С. Th. 16, 10, 9.

⁸⁴ - С. Th. 16, 10, 10.

⁸⁵ - Cod. 1, 11, 5.

⁸⁶ - Cod. 1, 11, 7.

⁸⁷ - Cod. 1, 11, 10.

⁸⁸ - Proch. 39, 30; Epan. 40, 32; Harm. VI, 11, 6.

⁸⁹ - Bas. 1, 1, 17.

⁹⁰ - L. un. Cod. 1, 10.

⁹¹ - Cod. 1, 8, 19 pr.

⁹² - Cod. 1, 9, 6.

⁹³ - Cod. 1, 5, 21.

⁹⁴ - Истор. упадка и разруш. Римской Имп. т. II, стр. 258.

⁹⁵ - Nov. 129, c. 1 и 4.

⁹⁶ - Nov. 144 praef.

⁹⁷ - Cod. 1, 10, 2. Повторено в Василиках – LX, 54, 32.

⁹⁸ - Proch. 39, 31; Epanag. 40, 33; Harm. VI, 11, 2,

⁹⁹ - Nov. 55. Zachariä, Jus graeco-romanum, t. III, p. 149–150.

- 100 - Lib. XVI, tit. VII.
101 - C. Th. 16, 7, 3.
102 - C. Th. 16, 8, 1, 1.
103 - C. Th. 16, 8, 7. Cod. 1, 7, 1.
104 - C. Th. 16, 7, 1.
105 - Cod. 1, 11, 10. Тоже и в Bas. 1, 1, 20.
106 - Bas. LX, 54, 22. Harm. VI, 11, 1.
107 - Proch. 39, 34; Epanag. 40, 36.
108 - Proch. 39, 33; Epan. 40, 35; Cp. Bas. 1, 1, 20.
109 - Proch. 39, 28; Epan. 40, 30; Bas. 1, 1, 32; Harm. VI, 11, 7.
110 - C. Th. 16, 8, 1 pr. Cod. 1, 7, 5; 1, 9, 18; Proch. 39, 32;
Epan. 40, 34; Bas. LX, 54, 30; Harm. VI, 11, 3.
111 - Cod. 1, 7, 5; Bas. LX, 54, 26.
112 - Cod. 1, 5, 4, 1.
113 - Cod. 1, 5, 2, 1. Cp. Bas. 1, 1, 22.
114 - Cod. 1, 5, 12, 4.
115 - Nov. 109 praef.
116 - Cod. 1, 5, 5. Дата этого узаконения – 428 год.
117 - C. Th. 16, 5, 12, 14.
118 - Cod. 1, 5, 11, 12.
119 - Cod. 1, 5, 16, 18.
120 - Сократ, церк. ист. I, 9.
121 - C. Th. 16, 5, 34, 1.
122 - Cod. 1, 5, 8.
123 - Cod. 1, 5, 14.
124 - Созомен. церк. ист. 1, 20; 2, 21, 27. Сокр. ц. и. 1, 8.
125 - Соз. 7, 17.
126 - Деян. Всел. Соб. т. II, стр. 299.
127 - Cod. 1, 5, 8, 10.
128 - Cod. 1, 5, 8, 2.
129 - C. Th. 16, 5, 45, 51.
130 - C. Th. 16, 6, 2, 3.
131 - C. Th. 16, 5, 53.

- 132 - C. Th. 16, 5, 56.
 133 - C. Th. 16, 5, 52, 4.
 134 - C. Th. 16, 5, 8.
 135 - C. Th. 16, 5, 65.
 136 - C. Th. 16, 1, 2.
 137 - C. Th. 16, 5, 21, 39, 52, 54. Cod. 1, 5, 12.
 138 - C. Th. 16, 5, 6, 8, 14, 18, 31–34, 65. Cod. 1, 5, 12. Nov.
 42, 3, 2.
 139 - Proch. 39, 34; Epan. 40, 36; Harm. VI, 11, 5.
 140 - Proch. 1, 14; Epan. 14, 17; Harm. VI, 1, 26. Cp. Cod. 1, 5,
 13.
 141 - Proch. 39, 28; Epan. 40, 30; Bas. I, 1, 32. Harm. VI, 11, 7.
 142 - Proch. 39, 29. Harm, VI, 11, 8.
 143 - Изв. Русс. Археол. Инст. в Конст. т. II. Θ.И. Успенский,
 Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси, стр. 63–
 64.
 144 - Nov. 77,1, 2 .
 145 - Biener, Gesch. d. Novell. S. 583.
 146 - C. Th. 16, 2, 31.
 147 - Nov. 123, c. 31.
 148 - Bas. III, 1, 47.
 149 - Dig. 47, 12, 3, 2.
 150 - Rein, op. cit., S. 897–898.
 151 - In demoliendis sepulcris – C. Th. 9, 16, 1; Cod. 9, 19, 2.
 152 - Paul. I, 21, 5; Cod. 9, 19, 4.
 153 - Paul. I, 21, 12; Dig. 47, 12, 3, 6.
 154 - Dig. 11, 7, 12, 1.
 155 - Paul. I, 21, 8.
 156 - Paul. I, 21, 9.
 157 - Paul. I, 21, 4.
 158 - Dig. 43, 24, 22, 4.
 159 - Dig. 47, 12, 11; Si corpora ipsa extraxerint vel ossa
 eruerint. Dig. 11, 7, 38.

- 160 - Paul. I, 21, 4.
161 - Cod. 9, 19, 4.
162 - Dig. 11, 7, 8, 5; fr. 10 D. eod.
163 - Dig. 47, 12, 6.
164 - Dig. 47, 12, 3, 8.
165 - Dig. 47, 12, 3, 12.
166 - Dig. 47, 12, 3, 6.
167 - Dig. 47, 12, 3, 12.
168 - Paul. I, 21, 4.
169 - Paul. I, 21, 5.
170 - Dig. 47, 12, 3, 7.
171 - Dig. 47, 12, 11.
172 - Cod. 9, 19, 2.
173 - Cod. 9, 19, 4, 1.
174 - Cod. 9, 19, 4, 3.
175 - Ecl. 17, 14; Proch. 39, 57; Epan. 40, 68; Harm. VI, 5, 14.
176 - Bas. LX, 23, 11.
177 - Bas. LX, 23, 12.
178 - Bas. LX, 23, 14.
179 - Zachariä, Jus graeco-romanum, t. III, p. 193–194.
180 - Paul. V, 21, 1.
181 - Paul. V, 23, 17–18.
182 - Paul. V, 21, 3.
183 - Paul. V, 21, 4.
184 - C. Th. 9, 16, 3.
185 - C. Th. 9, 16, 4.
186 - C. Th. 9, 16, 6. Cod. 9, 18, 7.
187 - Apol. 23; de anim. 57.
188 - Contra Symm. I, 59 sqq. Этот и предыдущий цитат взяты у Rein'a стр. 909.
189 - Inst. IV, I8, 5. Cp. Dig. 4 8, 8, 3 pr.
190 - Proch. 39, 2. Harm. VI, 10, I.
191 - Bas. LX, 39, 25.

- 192 - Bas. LX, 39, 24.
 193 - Proch. 39, 20.
 194 - Epanag. 40, 23.
 195 - Eclog 17, 23.
 196 - Bas. LX, 39, 26. Cp. Cod. 9, 18, 5.
 197 - Nov. 65. Zachariä J. G. R. t. III, p. 160–161.
 198 - Harm. VI, 10, 2.
 199 - Harm. VI, 10, 5. Cp. Bas. LX, 39, 25.
 200 - Harm. VI, 10, 3. Cp. Proch. 39, 78; Epan. 40, 84.
 201 - Harm. VI, 10, 7.
 202 - Harm. VI, 10, 8. Cp. Proch. 39, 21; Epan. 40, 24; Bas. LX, 39, 27.
 203 - C. Th. 8, 8, 3.
 204 - C. Th. 16, 10, 11.
 205 - C. Th. 16, 5, 52 pr.
 206 - C. Th. 16, 7, 7 pr.
 207 - C. Th. 11, 36, 4.
 208 - C. Th. 16, 2, 31. Cod. 1, 3, 10.
 209 - C. Th. 16, 2, 25; l. un. Cod. 9, 39.
 210 - Serv. Eclog. IX, 20.
 211 - Dig. 48, 13, 9, 1.
 212 - Fr. 5 Dig. eod.
 213 - Fr. 9 § 1 Dig. eod.
 214 - Dig. 48, 13, 1.
 215 - Dig. 48, 13, 3: Peculatus poena aquae et ignis interdictionem, in quam hodie successit deportatio, contineri.
 216 - Dig. 48, 13, 9 (7).
 217 - Ecl. 17, 15; Proch. 39, 58; Epanag. 40, 69; Bas. LX, 45, 12. Harm. VI, 5, 15.
 218 - Cic. de off. III, 29.
 219 - Cic. de off. III, 29.
 220 - Cic. de off. 2, 9.
 221 - Cic. de off. 3, 31.

- 222 - Dig. 12, 2, 13, 6.
- 223 - Dig. 4, 3, 22. Cod. 9, 8, 2.
- 224 - Cod. 2, 4, 41.
- 225 - Cod. 12, 17.
- 226 - Ecl. 17, 2; Proch. 39. 46; Epanag. 40, 70; Harm. 1, 7, 19,
- 227 - Bas. XI, 2, 58.
- 228 - Bas. XXII, 5, 13
- 229 - См. Тит. XIII, гл. 18.
- 230 - Dig. 48, 5, 1.
- 231 - Dig. 48, 5, 13 (12).
- 232 - Dig. 48, 5, 14 (13), 1.
- 233 - Dig. 48, 5, 14 (13) pr.
- 234 - Dig. 48, 5, 14 (13), 1.
- 235 - Paul. II, 26, 11.
- 236 - Dig. 48, 5, 6.
- 237 - Dig. 48, 5, 44 (43).
- 238 - Fr. 13 (12). D. Iod.
- 239 - Dion. Hal. 2, 25; Gell. Noct. Attic. 10, 23.
- 240 - Шулин, Учебник истории римского права (Москва. 1893 г.), стр. 145.
- 241 - Terent . Eun. 5, 5, 22 sqq. Quint. 3, 6, 17; 5, 10, 39.
- 242 - Gell. Noct. Attic. 10, 23: In adulterio uxorem tuam si deprehendisses, sine iudicio impune necares. Illa te si adulterares, digito non auderet contingere; neque jus est.
- 243 - Dig. 48, 5, 21 (20): Patri datur jus occidendi adulterum cum filia, quam in potestate habet. Cp. Paul. II, 26, 1.
- 244 - Paul. II, 26, 2.
- 245 - Paul. II, 26, 4.
- 246 - Paul. II, 26, 14.
- 247 - Dig. 23, 2, 26.
- 248 - Dig. 3, 2, 2, 3; Dig. 49, 16, 4, 7.
- 249 - Dig. 28, 1, 20, 6.
- 250 - C. Th. 9, 40, 1; 9, 38, 1.

²⁵¹ - Rein, 851. Сопоставление прелюбодеяния с убийством было в последствии сделано еще Императором Львом Философом. (Nov. 55 = Zachariä, Jus Graeco-romanum, t. III, p. 117), который выражается, что оскверненный прелюбодеянием посягает на жизнь многих: отца, детей, родственников.

²⁵² - Cod. 9, 11, 1.

²⁵³ - Inst. IV, 18, 4.

²⁵⁴ - Nov. 134, c. X.

²⁵⁵ - Nov. 117, 8, 2.

²⁵⁶ - Nov. 134, 10,

²⁵⁷ - Proch. 39, 45. Epanag. 40, 51. Bas. LX, 37, 72. Harm. VI, 2, 19.

²⁵⁸ - Ecl. 17, 19–20; Proch. 39, 59. Epanag. 40, 57. Bas. LX, 37, 83. Harm. VI, 3, 2.

²⁵⁹ - Bas. LX, 37, 8 2 schol.; Harm. VI, 2, 20.

²⁶⁰ - Ecl. 17, 21; Proch. 39, 60; Bas. LX, 37, 83; Epan. 40, 58; Harm. VI, 3, 2.

²⁶¹ - Ecl. 17, 22; Proch. 39, 61; Bas. LX, 37, 83; Epan. 40, 58; Harm. VI, 3, 2.

²⁶² - Proch. 39, 42; Epan. 40, 46; Harm. VI, 2, 13.

²⁶³ - Harm. VI, 2, 10.

²⁶⁴ - Proch. 39, 43, Epan. 40, 49. Bas. LX, 37, 73.

²⁶⁵ - Ecl. 17, 27.

²⁶⁶ - Zachariä, jus Graeco-romanum, t. III. p. 116.

²⁶⁷ - Harm. VI, 2, 14. Ср. Bas. XXVIII, 7, 1, где повторяется Nov. Iust. 134, c. X, узаконившая впервые заключение прелюбодействующей жены в монастырь.

²⁶⁸ - Ecl. 17, 28. Epan. 40, 52. Proch. 39, 64.

²⁶⁹ - Dig. 48, 5, 34.

²⁷⁰ - Dig. 47, 10, 25.

²⁷¹ - Dig. 48, 5, 34.

²⁷² - Liv. 10, 31.

²⁷³ - Inst. IV, 18, 4.

²⁷⁴ - Paul. V, 4, 14.

- ²⁷⁵ - Rein. Op. cit., 868.
- ²⁷⁶ - Paul. II, 26, 12.
- ²⁷⁷ - Ecl. 17, 29; Proch. 39, 65; Epan. 40, 56; Bas. LX, 37, 79; Harm. VI, 3, 5.
- ²⁷⁸ - Ed. 17, 30; Proch. 39, 66; Epan. 40, 53; Bas. LX, 37, 80; Harm. VI, 3, 6.
- ²⁷⁹ - Proch. 39, 67; Ecl. 17, 31; Epan. 40, 54; Bas. LX, 37, 81; Harm. VI, 3, 9.
- ²⁸⁰ - Ecl. 17, 32; Proch. 39, 68; Epan. 40, 55; Bas. LX, 37, 82; Harm. VI, 3, 10.
- ²⁸¹ - Эклога этот случай, повидимому, рассматривает, как квалификацию прелюбодеяния, называя преступника прелюбодейцем в отношении Церкви (Ecl. 17, 23).
- ²⁸² - Proch. 39, 62; Epan. 40, 59; Bas. LX, 37, 77. Harm. VI, 3, 3.
- ²⁸³ - Proch. 39, 44; Epanag. 40, 50; Bas. LX, 37, 74.
- ²⁸⁴ - Harm. VI, 3, 8.
- ²⁸⁵ - Dion. Hal. 7, 2.
- ²⁸⁶ - Напр. Цицерон, Светоний, Ювенал, Тертуллиан, Пруденций и др. См. Rein, стр. 865.
- ²⁸⁷ - Quint. 4, 2, 69; 7, 4, 42.
- ²⁸⁸ - Dig. 48, 5, 34, 1.
- ²⁸⁹ - Dig. 48, 5, 8.
- ²⁹⁰ - Paul. II, 26, 12.
- ²⁹¹ - Dig. 48, 8, 1, 4.
- ²⁹² - Paul. V, 4, 14.
- ²⁹³ - C. Th. 9, 7, 3; Cod. 9, 9, 31.
- ²⁹⁴ - C. Th. 9, 7, 6.
- ²⁹⁵ - Ecl. 17, 38; Proch. 39, 73; Epan. 40, 66; Harm. VI, 4, 3.
- ²⁹⁶ - Ecl. 17, 39; Proch., 49, 74; Epan. 49, 67; Harm. VI, 4, 4; Bas. LXX, 37, 85.
- ²⁹⁷ - Dig. 23, 2 fr. 8, 14. § 2. 39. § 1. 69.
- ²⁹⁸ - Dig. 23, 2, 8.
- ²⁹⁹ - Dig. 23, 2, 14, 2.

- ³⁰⁰ - Rein, op. cit. 873.
- ³⁰¹ - Cic. de leg. 2, 9.
- ³⁰² - Quint. 7, 8. Tac. Ann. 6, 19.
- ³⁰³ - Dig. 23, 2, 68.
- ³⁰⁴ - Dig. 48, 5, 38.
- ³⁰⁵ - Dig. 48, 18, 5.
- ³⁰⁶ - Dig. 48, 5, 38, 1.
- ³⁰⁷ - C. Th. 3, 12, 1,
- ³⁰⁸ - Cod. 5, 5, 6.
- ³⁰⁹ - Nov. 12, 1.
- ³¹⁰ - Ecl. 17, 33; Proch. 39, 69; Epan. 40, 61; Bas. LX, 37, 75; Harm. VI, 4, 1.
- ³¹¹ - Ecl. 17, 37; Proch. 39, 72. Bas. LX, 37, 76. Epanag. 40, 62. Harm. VI, 4, 2.
- ³¹² - Неволин, полн. собр. соч. т. VI, стр. 286, прим. 100.
- ³¹³ - Прав. Соб. 1862 г., т. II. стр. 287, прим. 1.
- ³¹⁴ - Суворов. «Следы западно-католического церковного права в памятниках древняго русского права» (Ярославль, 1888) стр. 197, прим. 305.
- ³¹⁵ - Прав. Соб. 1862 г. т. 11, стр. 287, прим. 3.
- ³¹⁶ - Русск. достоп. т. II. стр. 200.
- ³¹⁷ - См. статью г. Сокольского «Влияние кельтического и германскаго права на систему кар западной церкви» в Ж. М. Н. Пр. 1882 г. Июль (= 222 т.), стр. 2 .
- ³¹⁸ - В.О. Ключевский, «Краткое пособие по рус. истории» (Москва, 1899 г.), стр. 46.
- ³¹⁹ - Павлов. Первоначальный славяно-русский номоканон (Казан, 1869 г.) стр. 24. Ср. Востоков. Опис. рук. румянц. музеума. Кормчая № ССХХХ, стр. 275.
- ³²⁰ - Р. И. Б. VI, 107.
- ³²¹ - Р. И. Б. VI, 114.
- ³²² - Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII века. Ст. 3 (Спб. 1890 г. См. Ж. М. Н. И. 1890 г. октябрь).

- 323 - Павлов, Неизд. пам., ст. 9, стр. 18.
- 324 - Ibid., ст. 7, стр. 17.
- 325 - Р. И. Б. VI, 59, ст. 10.
- 326 - См. напр. Р. И. Б. VI, 4, стр. 5; стр. 48 ст. 92, стр. 53 ст. 5; стр. 59 ст. 10; стр. 106 и др.
- 327 - Павлов, Неизд. пам., стр. 17 ст. 6. Ср. Р. И. Б. VI. 40, ст. 63 Ср. Р. И. Б. VI, 237–238.
- 328 - Р. И. Б. VI. 107, 252.
- 329 - Р. И. Б. VI. 252.
- 330 - Р. И. Б. VI. 52–53, ст. 5.
- 331 - Р. И. Б. VI, 122. См. также Павлов. Неизд пам., стр., 18 ст. 8.
- 332 - Р. И. Б. VI, 237.
- 333 - Р. И. Б. VI, 12.
- 334 - Р. И. Б. VI, 13.
- 335 - Р. И. Б. VI, 12.
- 336 - Р. И. Б. VI, 96, 97, 98, 99, 102.
- 337 - Р. И. Б. VI, 176.
- 338 - Р. И. Б. VI, 122.
- 339 - См. напр. Павлов, Неизд. пам., стр. 3, 9. стр 16. 18, Р. И. Б. VI 49. с. 95.
- 340 - Р. И. Б. VI, 21: «40 дни и опитемы» = 40 дн. поста.
- 341 - Павлов, Неизд. пам., стр. 17, ст. 5.
- 342 - Примеры ссылки на номоканон Постника см. напр. в Р. И. Б. т. VI. 42, 45, 46. Павлов, Неизд. пам., стр. 16–18, ст. 7.
- 343 - Горчаков, К истории эпитимийных номоканонов (пенитенціаловъ) православной церкви. СПб. 1874 г. Стр. 90; Starine, т. VI, стр. 134 Ъ.
- 344 - Горчаков, 91; Starine VI, 134 с.
- 345 - Горчаков, 92.
- 346 - Горчаков, 96; Starine VI, 135 i.
- 347 - Горчаков, 86, Starine VI? 135 j .
- 348 - Р. П. Б. VI, 16, ст. 28.

³⁴⁹ - Р. И. Б. VI, 13, ст. 24, стр. 10, ст. 21; стр. 14, ст. 25; стр. 48–4 , ст. 94.

³⁵⁰ - Р. И. Б. VI, 58 ст. 3.

³⁵¹ - Р. И. Б. VI, 59–60 ст. 13 и 19.

³⁵² - Р. И. Б. VI, 62 ст. 23.

³⁵³ - Р. II. Б. VI, 98–100.

³⁵⁴ - Р. И. Б. VI, 107.

³⁵⁵ - Р. И. Б. VI, 116.

³⁵⁶ - Р. И. Б. VI, 114.

³⁵⁷ - П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68 под 1004 г. и стр. 152 под 1123 г.

³⁵⁸ - Бернер, Учебник Уголовного Права, часть общая, добавление Н. Неклюдова к § 120, стр. 706–707.

³⁵⁹ - И. Я. Фойницкий. Учение о наказании в связи с тюрмоведением (С. П. Б. 1839 г., стр. 314).

³⁶⁰ - Лекции ко Русскому уголовному праву, вып. 4, стр. 1312.

³⁶¹ - Wilda, Das Strafrecht der Germanen. Halle, 1842. Глава V, стр. 314 и. д.

³⁶² - Против Вассершлебена Шмиц отдает пальму совершенства пенитенциалам романской группы. См. его «Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche, III Theil, S. 227 и sf.

³⁶³ - Ж. Н. М. Пр. 1882 г. № 9–10, т. 223 , стр. 293–294 .

³⁶⁴ - С выкупамы встречаемся в пенитенциалах Беды (Schmitz, 564), Эгберта (Ibid, 585–6), Куммеана (Ibid, 613–614), Валлццелянском (Ibid, 274, 326) , Мерзебургском (сс. 42–43, Schmitz, 702) и в Poenitentiale Remense (Katz, Ein Grundriss des kanonisches Strafrechts. Berlin. 1881. S. 166).

³⁶⁵ - Hinschius, Kirchenrecht, VI, 804. Anm. 1.

³⁶⁶ - Hinschius, Kirchenrecht, VI, 37–38.

³⁶⁷ - Katz, op. cit. S. 37.

³⁶⁸ - Schilling, Der Kirchenbann nach Kanonischem Rechte (Leipzig. 1859) S.7.

³⁶⁹ - Р. И. Б. VI. № 1, ст. 7. стр. 4.

³⁷⁰ - Павлов, Отрывки греческого текста канонических ответов русского Митрополита Иоанна П. См. прил. 5 к XXII т. Записок Импер. Акад. Наук, СПб. 1873 г., стр. 9.

³⁷¹ - Зап. Акад. Иаук, т. XXII, прил. № 5, стр. 19.

³⁷² - Суворов, Следы ест. стр. 232 и д. Его-же, К вопросу о западн. влиянии на древне-русское право, Ярославль, 1892 г., стр. 377–378.

³⁷³ - Главными образом Мрочек- Дроздовского, Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, в 1-м вып. его Исследований о Рус. Правде. Москва, 1881.

³⁷⁴ - Мрочек-Дроздовский, *Op. cit.* стр. 109.

³⁷⁵ - *Ibid.*, стр. 74.

³⁷⁶ - Если из фунта серебра в XVI в. делали 6 рубл., то, деля 96 на 6, получаем 16 золотн., т. е. в рубле XVI в. было около 16 зол. серебра, а в 2 1/4 р., след., 36 зол.

³⁷⁷ - *Op. cit.* стр. 96. Это еще в XII в.

³⁷⁸ - В. Сергльевич, Русск. Юрид. древности, 1 изд. Т. 1 стр. 384 прим.

³⁷⁹ - По Христом. Влад.-Буданова см. ст. 1–3, 5–6, 10, 2 , 23, 29. По Ист. Церкви Голубинского см. ст. 2–4, 7, 8, 28 и 32.

³⁸⁰ - Голубинский, Ист. Рус. Дер. т. 1, полов., 1 изд. 2, стр. 633, ст. 12.

³⁸¹ - Слав. Кормч. ч. 2 гл. 46 гл. 16.

³⁸² - См. *Starine VI*, 137 у . Кормч. Руког. Солов. Библи. № 1056, л. 351 .

³⁸³ - *Cap. 817 a. Wilda*, 528.

³⁸⁴ - Краткий очерк истории русского права, см. Зап. Новоросс. Унив. т. 50, стр. 206–207.

³⁸⁵ - М. Евгений. Описание Киево-Софийского Собора. Киев, 1820 г., стр. 244.

³⁸⁶ - Стоглав, гл. 49. Изд. Кожанч., стр. 215 ; изд. Казан. Дух. Акад., стр. 312 (Каз. 1862.). Тоже повторяет и Савва Сарский и Подонский; см. Павлов, Еще наказной список по Стоглаву, стр. 11, Зап. Новор. Унив., т. IX. Поздее в одном из наказов патриарха Иова говорится, чтобы десятильники «про женитьбу обыскивали

накрепко, чтобы женились ни в роду, ни во племяни, ни в кумавстве, ни в сватовстве, и не четвертым браком и не от жива мужа жену». Иванов, Опис. Госуд. Арх. старых дел, М. 1850 г. Стр. 244.

³⁸⁷ - Р. И. Б. VI, 281 –282.

³⁸⁸ - А. А. Э. т. I. № 238.

³⁸⁹ - Герберштейн, Зап. о Моск. Пер. Анонимона (СПБ. 1869 г.), стр. 62–63.

³⁹⁰ - Д. А. И. т. I. № 35.

³⁹¹ - Рус. Стар. т. 56, стр. 334.

³⁹² - См. напр. А. А. Э. т. III, № 104, 147; А. И. т. V, № 191.

³⁹³ - А. Л. Э. т. III, № 249.

³⁹⁴ - А. А. Э. т. III, № 147.

³⁹⁵ - Прав. Соб. 1862 г. т. II, стр. 396.

³⁹⁶ - А. А. Э. т. III, № 193.

³⁹⁷ - Р. И. Б. т. XIV, № 170. стр. 414.

³⁹⁸ - Примеры см. А. И. т. III. № 190, 223; Мат. по ист. раск. т. III, стр. 95; Р. И. Б. XIV, 414.

³⁹⁹ - А. И. т. I. № 212.

⁴⁰⁰ - А. А. Э. т. III, № 249.

⁴⁰¹ - В Ипатьевской летописи прибавлено: «и окова и посла». П. С. Р. Л., т. II, 24.

⁴⁰² - П. С. Р. Л. т. I, стр. 136.

⁴⁰³ - П. С. Р. Л. т. IX, стр. 171.

⁴⁰⁴ - Р. И. Б. VI, 209.

⁴⁰⁵ - Р. И. Б. VI, 431.

⁴⁰⁶ - Сергльевский, Наказание в русском праве XVII в. (СПБ. 1887 г.), стр. 180.

⁴⁰⁷ - См. Шевыревъ. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. (Москва, 1850 г.), ч. 2, стр. 6. Тут есть и рисунок одного такого мешка, находящегося в Московской башне Белозерского монастыря.

⁴⁰⁸ - Сергльевский, Наказание в русском праве, стр. 180.

⁴⁰⁹ - Колчин, Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI-XIX в., в Русской Старине, т. 50, 1887 г., кн. 3., стр. 54.

⁴¹⁰ - Рус. Стар. т. 56, стр. 54.

⁴¹¹ - Д. А. И. XI . № 110.

⁴¹² - Чистович, Θεοфан Прокопович и его время. СПб. 1868 г., стр. 179.

⁴¹³ - Матер. по ист. раскол, т. III, стр. 447. Ср. стр. 450.

⁴¹⁴ - Рус. Стар. т. 56, стр. 60.

⁴¹⁵ - См. указ. Св. Син. 22 Янв. 1742 г. И. С. И. и Р. по Вед. Прав. Исп. Сер. 2, т. I, № 41.

⁴¹⁶ - Рус. Стар. т. 50, стр. 55.

⁴¹⁷ - А. Ю. № 69. Мат. по ист. раск. т. III. стр. 103. А. А. Э. т. IV, №№ 116, 143.

⁴¹⁸ - Павел Алеппский, Путеш. Ант. Патр. Макария в Россию, перевод Г. Муркоса. Вып. 4 (1898г. Москва), стр. 37.

⁴¹⁹ - Мат. по ист. раск., т. III, 49.

⁴²⁰ - См. напр. Мат. по ист. раск. т. III, стр. 49, 61, 87, 91, 339: т. IV, стр. 292.

⁴²¹ - Мат. по ист. раск. IV, 292.

⁴²² - См. напр Р. И. Б. V. №№ 176, 224.

⁴²³ - Мат. по ист. раск. т. V, стр. 200.

⁴²⁴ - Мат. по Ист. раск. т. V, стр. 21.

⁴²⁵ - Р. И. Б. т. V, стр. 601.

⁴²⁶ - Рус. Арх. 1873 г. стр. 1780.

⁴²⁷ - Памятн. древн. письм., 1879 г. вып. III, стр. 31–32.

⁴²⁸ - Рус . Арх. 1873 г., стр. 1774.

⁴²⁹ - Мат. по Ист. раск. т. IV, стр. 29.

⁴³⁰ - Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в., стр. 25. См. Чт. Об. Ист. и Др. т. 144 = 1881 г. т. I.

⁴³¹ - Мат. по Ист. раск. т. III, стр. 144–115.

⁴³² - Пам. древн. письм., 1879 г. вып. III, стр. 10.

⁴³³ - Пам. Древ. Письм , 1879, в. III , стр. 34–36.

- 434 - Мат. по Ист. раск. т. III, стр. 87.
- 435 - Р. И. Б. XII. 900. Мат по Ист. раск. V, 74.
- 436 - См. инструкцию Патр. Адриана. II. С. 3. т. III, № 1612, ст. 29. Д. Р. В., т. XV, 373 стр, ст. 29–30. См. также А. А. Э. т. IV, № 188.
- 437 - Мат. по Ист. раск., т. V, стр. 200–201.
- 438 - Мат. по Ист. раск. т. V, стр. 255.
- 439 - Павел Алеппский, Путеш. Ант. Патр. Макария в Россию, перевод Г. Муркоса. Вып. II, стр. 150.
- 440 - Павел Алеппский, Вып. III, стр. 160.
- 441 - Для примера можно указать: А. И. т. III, №№ 223, 238; т. V – №№ 278, 253; А. А. Э. т. III, №№ 104, 249. Д. А. И. т. V, № 2; т. X, №№ 5 и 100.
- 442 - Р. И. Б. VI, 4.
- 443 - Р. И. Б. VI, 436.
- 444 - Кормч. Солов, библи. № 1056, л. 302 об.
- 445 - Р. И. Б. VI, 852–853.
- 446 - Измарагд XV в Рук. Сол. Библи. № 270. л. 199–200.
- 447 - Об этом см. М. Дьяконооъ, Власть Московских Государей, СПб. 1889 г.
- 448 - П. С. Р. Л. V, 123; IX, 67.
- 449 - Пам. Рос. Слов. XII в., 163; Рус. Дост. I, 63; Дьяконовъ, 39.
- 450 - Р. И. Б. т. VI, № 16, I.
- 451 - Дьяконов, там-же, стр. 47.
- 452 - Там же, стр. 51.
- 453 - Рус. Достоп, ч. I, стр. 70.
- 454 - Р. И. Б. VI, 580 и 584.
- 455 - Примеры см. у Дьяконова, стр. 57–58.
- 456 - Дьяконов, стр. 66.
- 457 - Стр. 68.
- 458 - Впрочем, еще в конце XIV ст. русский епископ Стефан писал о стригольщиках: «А кто по стригольничьской ереси начнетъ священник осуждати, не токмо не подобно их

послушати, но и от града згоже отгнати ихъ». Р. И. Б. VI, стр. 228.

⁴⁵⁹ - А. И. т. I, № 34. Р. И. Б. т. VI, стр. 485. Ср. Р. И. Б. т. VI, стр. 436–437: «а зело нерадящих о сем – и нуждами (толико кровь и смерть да не будут на таковыхъ), но инако всяко и заточеньми приводите тех в познание, да не погибнуть, ни снидуть во ад в помрачении своемъ».

⁴⁶⁰ - Р. И. Б. т. VI, 784.

⁴⁶¹ - А. А. Э. т. I, № 381. Р. И. Б. т. VI, стр. 775–776.

⁴⁶² - Д. Р. В. ч. XIV, стр. 134–135; Просв. стр. 55–56.

⁴⁶³ - П. С. Р. Л. IV. 159.

⁴⁶⁴ - Р. И. Б. VI. 825–826.

⁴⁶⁵ - Просветитель, стр. 526–555 (по 1-му изд.).

⁴⁶⁶ - Ibid. 534.

⁴⁶⁷ - Ibid.

⁴⁶⁸ - Просветитель, 540;

⁴⁶⁹ - Стр. 554–555.

⁴⁷⁰ - Д. Р. В. XVI, стр. 423–424.

⁴⁷¹ - Дьяконов, стр. 92–94.

⁴⁷² - П. С. Р. Л. VI, 49–50.

⁴⁷³ - Сочин. преп. Максима Грека т. I (Казань. 1859) стр. 51–55.

⁴⁷⁴ - А. П. т. I, № 16.

⁴⁷⁵ - Просветитель, сл. 13, стр. 336.

⁴⁷⁶ - Д. А. И. т. I. № 41.

⁴⁷⁷ - Сказ Кн. Курбского. Москва, 1833 г., ч. II, стр. 85.

⁴⁷⁸ - Стогл. гл. 41. вопр. 17.

⁴⁷⁹ - Ibid, вопр. 22.

⁴⁸⁰ - Ibid, вопр. 19, 21, 24; г л. 92.

⁴⁸¹ - Дополнительные статьи к Судебнику. А. И. т. 1. № 154, II; Утин и Лазаревский, Собр. важн. памяти, по ист. древн. Русс. права (СПб. 1859 г.), стр. 269–271.

⁴⁸² - Стоглав, изд. Кожанчикова, стр. 112 ; по изд. Каз. Дух. Акад. вместо последних слов стоит «церковному суду», стр.

144.

⁴⁸³ - Деяния Больш. Моск. Соб. в «Материалах для истории раскола», изд. Субботина, т. II, стр. 71.

⁴⁸⁴ - А. II. т. IV. № 35.

⁴⁸⁵ - А. II. т. IV. № 6. Дополнительные статьи к Судебнику, ст. VI. Ср. II. С. 3. т. I, № 430.

⁴⁸⁶ - Гл. X. ст. 25. Однородно ностановление и на Больш. Моск. Соб. См. выписку 17 Июня. П. С. 3. т. I, № 412.

⁴⁸⁷ - П. С. 3. т. I. № 453.

⁴⁸⁸ - П. С. 3. т. I. № 47.

⁴⁸⁹ - П. С. 3. т. I. № 570.

⁴⁹⁰ - П. С. 3. т. I. № 48.

⁴⁹¹ - Ibid, № 430.

⁴⁹² - Б. Чичерин. Ист. политич. учений, т. I, стр. 240. (Москва 1869 г.)

⁴⁹³ - Ibid, 320.

⁴⁹⁴ - По Меланхтону – «князь, держащий меч, должен запрещать ереси и наказывать еретиков, причем в неясных вопросах должно предшествовать суждение церкви. Так. обр. правитель становится истинным служителем Бога». Чичерин, т. I, стр. 339.

⁴⁹⁵ - Чичеринъ, т. 1, стр. 360.

⁴⁹⁶ - Чичеринъ, Ист. пол. уч. т. II, стр. 48. (М. 1872).

⁴⁹⁷ - Чичерин, Ibid, стр. 116.

⁴⁹⁸ - Höffding, Geschichte der neueren Philosophie, B. I. S. 370. (Leipzig, 1895).

⁴⁹⁹ - Белогриц-Котляревский, Преступл. против религии в важнейш. госуд. Запада. Ярославль, 1886, стр. 226.

⁵⁰⁰ - Р. И. Б. IV, 1366.

⁵⁰¹ - Пособиями нам служат: Д. Цвѣтаев, Из истории иностранных исповеданий в Россіи в XVI и XVII вв., М. 1886 г. и Его же, Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования, М. 1890 г.; Гр. Д. Толстой, Русский католицизм въ России, т. I, СПб. 1876 г. и отчасти М. Красножен, Иноверцы на Руси, т. I, Юрьев, 1900 г.

- 502 - Макарий, Ист. Рус. церкви, т. XI, стр. 232.
- 503 - Цвѣтаев, Протест. в России, стр. 137.
- 504 - Цвѣтаев, Из ист. ин. исп. стр. 290. Прил. II, стр. VIII.
- 505 - Цвѣтаев, Из ист. ин. исп. стр. 292.
- 506 - Ibid, 295.
- 507 - Ibid, стр. 346.
- 508 - Ibid, 312, 324, 339 и д.
- 509 - Ibid, стр. 375.
- 510 - Ibid, стр. 372–375.
- 511 - Цвѣтаев, Из ист. ин. исп. стр. 407–408.
- 512 - Цвѣтаев, Прот. в России, стр. 131.
- 513 - Цвѣтаев, Из ист. ин. исп. стр. 18 и д.
- 514 - Ibid, 24.
- 515 - Ibid, стр. 40–41.
- 516 - Цвѣтаев. Из ист. иносл. исп., стр. 46 и 56; Протест. в России, стр. 63, 68.
- 517 - Цвѣтаев., Прот. в России, стр. 84.
- 518 - Ibid, III; Из ист. ин. исп., стр. 171.
- 519 - См. Ч. М. О. И. Д. Р. 1884 г. кн. III, отд. II, стр. 10–32.
- Лебедев относит написание этого слова ко времени совместного царствования Иоанна и Петра Алексеевичей (1689–1696); автор его, по мнению Лебедева, или патриарх Иоаким, или архимандрит Спасова Нового монастыря Игнатий (предисл. стр. III и V).
- Цветаев относит время написания «Слова» к 1684–1686 г.г. (См. его работу «Из Истории протестантства в России» стр. 231–236, примечание). Автором его Цветаев считает архимандрита Игнатия (Ibid, стр. 214).
- 520 - Чт. М. О. И. Д., 1884 г. кн. III, отд. II, стр. 14.
- 521 - Чт. М. О. И. Д., 1884 г. кн. III, отд. II, стр. 13.
- 522 - Ibid, 116.
- 523 - Ibid, 18.
- 524 - Ibid, 19–20.
- 525 - Ibid, 30–32.

⁵²⁶ - Напр. в договорах Петровского времени об этом всегда встречается особая оговорка. См. след. главу.

⁵²⁷ - Цвѣтаев, Прот. въ России, стр. 410.

⁵²⁸ - Толстой, Римск. Католич. в России, т. I, стр. 125.

⁵²⁹ - Для древнейшего времени примером подобной конкуренции могут служить дела о наследовании, которые по Русской Правде (Кар. ст. 117) подлежали князю, а по уставу Св. Владимира – епископу. См. Сергѣевич, Лекции и исслед. по древн. истор. русск. прав. (СПБ. 1804 г.) стр. 353.

⁵³⁰ - Так напр, Павел Ювйй Новокомский (1552) уже отмечает, что епископы и др. высшія власти имеют право со всею строгостию наказывать распутство. См. В. Семенов, Библ. ин. пис. о России, т. I, стр. 53.

⁵³¹ - Котошихин. О России в царств. Алек. Мих. Изд . 2-е, СПб. 1859 г. Стр. 99.

⁵³² - Напр., губными учреждениями, см. у Сергѣевича Лекции, стр. 171, у Загоскина, в Истории права Москов. Госуд. т. I, в Уч. Зап. Каз. Унив., 1877 г., стр. 484.

⁵³³ - Котошихин, 96 .

⁵³⁴ - Судя по докладным пунктам Св. Синода от 12 Апреля 1722 г., дела о богохульстве подлежали ведомству Патриарха. См. П. С. З. т. VI. № 3963. Также П. С. П. Р. Сер. I, т. II, № 232. Как в практике понимают богохульство, см. ниже.

⁵³⁵ - См. напр. А. И. т. III, №№ 223, 238; V, №№ 278 и 253; А. Э. т. III , № 104, 249. Д. А. И. V, № 2; X, № 5 и 100.

⁵³⁶ - Котошихин, стр. 100.

⁵³⁷ - Р. И. Б. XII. № 233, стр. 1073.

⁵³⁸ - Сергѣевскій, О наказании, стр. 111. А. И. V. № 80.

⁵³⁹ - Заключенные сами себя так называли. Р. И. Б. XII, 887.

⁵⁴⁰ - Важнейшія пособия: Сергѣевич, Лекции, изд. 1804 г. Владимирскій-Буданов, Обзор истории русского нрава. К. 1888 г. Его-же, Отношения между литовским статутом и Уложением Алексея Михайловича – в Сборнике Госуд. знаний, т. IV. Неволин, О простр. церк. суда в России до Петра В. в VI т. собр. соч. и в Ж. М. Н. И. за 1847 г. кн. LV и LVI. Чебыше-Дмитриев, О

преступном действии по русскому до-Петровскому праву в Каз. Ун. Зап. 1861 г. Ланге, Древне-русское уголовное судопроизводство. Спб. 1882 г. Българиць–Котляревский, О воровстве-краже по русскому праву. К. 1882 г. Есипов, О святотатстве по русскому законодательству в Варш. Ун. Изв. 1893 г. VIII. Тиктин, Византийское право, как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей – в Зап. Новорос. Унив. т. 73. М. Архангельский, О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 (7156) г. в отношении к прав. русской церкви и в Хр. Чт. 1882 г. ч. II. Н. Серглевский, Наказание в русском праве XVII в. Спб. 1887 г. Неклюдов, Третье прилож. к учебн. угол. права Бернера. Голубинский, История русск. церкви, т. I, первая половина, изд. 2. М. 1901 г. Павлов, Источники церков. права в Бог. Вест. 1900 г. Март. Суворов, О церковных наказаниях. Спб. 1876 г. Българиць-Котляревский, Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль. 1886 г. Wilda, Das Strafrecht der Germanen. Halle. 1845.

⁵⁴¹ - Голубинский, Истор. рус. цер. т. I, пол. I, изд. 2, стр. 625.

⁵⁴² - В греческом тексте: «ταῖς παρενέσεσι καὶ ταῖς διδασκαλίαις.» См. Зап. Ак. П. т. XXII, прил. № 5, стр. 15.

⁵⁴³ - Р. И. Б. VI, 7–8, ст. 15.

⁵⁴⁴ - Ibid. стр. 3–4, ст. 5.

⁵⁴⁵ - Д. А. И. т. I, № 28.

⁵⁴⁶ - А. А. Э. т. IV, № 324.

⁵⁴⁷ - А. А. Э. т. IV, № 19.

⁵⁴⁸ - А. И. т. IV, № 151.

⁵⁴⁹ - П. С. З. т. I, № 4 5 3.

⁵⁵⁰ - А. И. т. IV. № 15.

⁵⁵¹ - Котошихин, 66.

⁵⁵² - Р. И. Б. XIV, 467. Ср. А. 10. № 334, 1.

⁵⁵³ - Павел Алеппский, Путеш. Ант. Патр. Макария в Россию, перев. Г. Муркоса. Вып. III, стр. 121–122.

⁵⁵⁴ - Р. И. Б. VI, 410.

⁵⁵⁵ - А. А. Э. т. IV, № 115.

- 556 - Полн. собр. соч. VI. 278 , пр. 74.
557 - Ibid.
558 - Истор. рус. цер., 1/1, изд. 2 , стр. 123 (624) прим. 11.
559 - Неволин, Ibid.
560 - Wilda, 961 и далее.
561 - Порфирьев, Истор. рус. слов. Ч. I, изд.5. Казань. 1891 г.
стр. 28.
562 - Wilda, 965.
563 - Полн. собр. VI, 279, пр. 74.
564 - Истор. рус. цер. 1/1 , стр. 624, прим. 3.
565 - Богосл. Вест. 1900 г. Март, стр. 496.
566 - Р. И. Б. VI, 58, ст. 5.
567 - Wilda, 965.
568 - Р. И. Б. VI, 862.
569 - П. С. Р. Л. VII, 328–329.
570 - П. С. Р. Л. I, 75–78; V, 143–146.
571 - П. С. Р. Л. I, 92.
572 - П. С. Р. Л. т. III, 42.
573 - Р. И. Б. VI, 274 , ср. стр. 283.
574 - Р. II. Б. VI, 949.
575 - Карамзин, Истор. Госуд. Рос., изд. 1817 г., т. V, стр.
345–346.
576 - Карамзин, т. VI, стр. 143.
577 - Стоглав, изд. Кожанч. стр. 136–137.
578 - Ibid. стр. 138.
579 - Ibid. стр. 264 и далее.
580 - Стогл. гл. 41, вопр. 22.
581 - Л. А. Э. т 1, № 224.
582 - Илов. Истор. Рос. III, 250.
583 - А. И. т. II, № 66.
584 - А. А. Э. т. III, № 176.
585 - А. А. Э. т. IV, № 18.
586 - Борисов, Опис. г. Шуи. Грамота № 46.

- ⁵⁸⁷ - Котошихин, 95.
- ⁵⁸⁸ - Котошихин, 96.
- ⁵⁸⁹ - См. А. А. Э. т. II, № 225. Христ. Влад. Буданова в. 3. Ярославль. 1873, ст. 47 и дал.
- ⁵⁹⁰ - А. А. Э. т. I, №103. Христ. Влад. Буд. в. 1, изд. 4. 1889 г., стр. 132.
- ⁵⁹¹ - Есипов, Святотатство в истор. русск. закон. Вар. Ун. Изв. 1893 г. книга VIII, стр. 9.
- ⁵⁹² - Ibid.
- ⁵⁹³ - Лекции по истор. рус. законод. М. 1879 г. стр. 350.
- ⁵⁹⁴ - Сергеевич, Лекции (изд. 1894 г.), стр. 253.
- ⁵⁹⁵ - Op. cit.
- ⁵⁹⁶ - Судебник царя Федора Ивановича. 1589 г., напечат. в Сборнике Москов. Главн. Архив. Минист. Иност. Дел. Вып. 7. Москва. 1900 г. стр. 1–56.
- ⁵⁹⁷ - А. А. Э. т. II. № 225; А. И. т. 111. № 167, ст. 40.
- ⁵⁹⁸ - В тексте, напечатанном в П. С. 3. т. I, № 412, напечатано «по 1 правилу».
- ⁵⁹⁹ - Матер. по истор. раск. II, 288–289.
- ⁶⁰⁰ - Такой редакции постановлений о святотатстве, в какой они читаются в приведенном ответе, в точности нет ни в Прохироне, ни в Эклоге, ни в Законе судном, в обеих его редакциях, ни в Книгах законных, ни в Новых заповедях Юстиниана. Тем не менее элементы этих постановлений могут быть указаны. Так, дневная и ночная татьба различается в «Новых заповедях Юстиниана» (Кормч. ч. 2, гл. 44, гр. 3, гл. 4). Источник этого постановления: Dig. 48, 13, 6, 9 и Nom. Phot. II. 2. О краже из алтаря говорит Градский закон (Кормч. ч. 2, гл. 48, гр. 39, гл. 58), Закон судный (Кормч. ч. 2, гл. 46, гл. 29. Также Русс. Дост. II, 169), Книги законные дад. Павлова, стр. 72, ст. 43). О видах смертной казни говорится в «Новых Заповедях Юстиниана» (Кормч. ч. 2, гл. 44, гр. 3, гл. 4). О телесных наказаниях («биен будетъ») говорится в краткой редакции Закона судного (Кормч. ч. 2, гл. 4П, гл. 29). О рецидиве говорит обширная редакция «Закона суднаго» (Р. Дост. II, 170).

- 601 - П. С. З. т. I, № 442.
- 602 - См. его исследований. «О воровстве-краже по русскому праву», стр. 63–64.
- 603 - Ор. cit. Варш. Унив. Изв. 1893 г. кн. VIII, стр. 67.
- 604 - Т. I, № 442.
- 605 - А. А. Э. т. IV, X 161.
- 606 - Павел Алеппский, Путеш. Ант. Митр. Макария в Россию. Перев. Муркоса. Вып. III, стр. 157.
- 607 - В. О. Ключевский, Сказ. иностр. о Москов. госуд. М. 1886 г. стр. 122.
- 608 - Котош., стр. 95–96.
- 609 - П. С. З. № 1026.
- 610 - Р. И. Б. VI, 485–486.
- 611 - Р. И. Б. VI, 922.
- 612 - А. И. т. II, № 85, II.
- 613 - В. Семенов, Библиот. иностр. пис. о России. т. I, стр. 34.
- 614 - Олеарий, Подробное описание пут. и т. д. (М. 1870 г.) стр. 298.
- 615 - Этой ст. нет в печатной славян, Кормчей.
- 616 - П. С. Р. Л. IX, 68.
- 617 - История Рус. церкви, 1 т. 2 пол. М. 1881 г., стр. 686–687.
- 618 - П. С. Р. Л. IX, 152.
- 619 - П. С. Р. Л. IV, 72.
- 620 - А. И. Т. I. №№ 33 и 44.
- 621 - «Просветитель», гл. 16., изд. 3. Казань 1886 г., стр. 542.
- 622 - См. выше.
- 623 - Выражение взято из А. Э. т. I, № 239.
- 624 - В. Жмакинъ, М. Даниил и его сочинения. М. 1881 г. стр. 72.
- 625 - А. А. Э. т. I, № 239.
- 626 - Иловайский, Истор. Росс. т. III, стр. 58.
- 627 - Ibid. стр. 59.
- 628 - А. А. Э. т. III. № 104.

- 629 - Ibid, № 147 и 149.
- 630 - Мат. для ист. возмущ. Стеньки Разина. М. 1857 г., 107–108.
- 631 - П. С. З. № 1358; С. Г. Г. Д., т. IV, № 204.
- 632 - Мат. по ист. раскола, V, 25.
- 633 - Ibid, стр. 67; ср. стр. 114.
- 634 - Мат. по ист. раскола, стр. 69, 70 и 72.
- 635 - И. С. З. т. I. № 412, гл. VII, вопр. (11), стр. 705–706.
- 636 - Мат. по истор. раскола, т. V, стр. 85–87; Христ. Чтение 1888 г. т. II, стр. 593–594 ; тоже 1889 г. т. I , стр. 230 и д.
- 637 - Д. А. И. т. VII, № 6; т. X, № 75. V; т. XII, № 110.
- 638 - Д. А. И., XI, № 39.
- 639 - Мат. по ист. раск. т. V. стр. 88.
- 640 - Ibid, стр. 75.
- 641 - А. И. т. V, № 75. Ответ на второе предложение.
- 642 - См. Энциклопедич. Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб. 1861 г. т. I., стр. 153.
- 643 - Раскольнич. дела XVIII ст., т. I, стр. 117.
- 644 - См. нагр. Христ. Чтение 1863 г. т. III, стр. 53.
- 645 - См. его исследование «Протопоп Авванумъ», СПб. 1898 г., стр. 347.
- 646 - А. И. т. V. № 100.
- 647 - Ibid, № 117.
- 648 - А. А. Э. т. IV, № 281.
- 649 - А. II. т. V, № 194.
- 650 - Инструкция Патриарха Адриана поповским старостам, ст. 18. II. С. З. т. III, № 1612. Д. Р. В. ч. XV, стр. 380–381.
- 651 - Ч. О. И. Д. 1847 г. № 4, стр. 77.
- 652 - Белогриц-Котл. Прест. прот. рел. etc, стр. 78.
- 653 - Ibid, стр. 79.
- 654 - Карамзин, Истор. Государ. Российского, т. VI , прим. 324, стр. 408, по изд. 1817 г.
- 655 - Костомаров, Историческая Монография, т. VI (СПб. 1868 г.), стр. 58

- 656 - Кормчая, п. 2 гл. 4 о хуле от Левитика, гл. 3.
- 657 - О них см. в следующей главе.
- 658 - Ч. О. И. Д. 1847 г. № 4, стр. 79–80.
- 659 - А. И. т. V, № 253.
- 660 - Соловьев, Ист. России, т. XI, стр. 331.
- 661 - Под бусурманами преимущественно разумелись магометане, и эта терминология в праве сохранялась долго. С ней мы встречаемся, напр. в 1740 г. См. II. С. 3. т. XI, № 8125.
- 662 - Обзор ист. Рус. пр., стр. 287–288 .
- 663 - Взято из Cod. Iust. lib. I, tit. 19, lex 18 in fine.
- 664 - Взято или из 1. 1, С. 1, 10 или из 2-й новеллы теодосия (III, 1, § 4).
- 665 - Зап. Новорос. Унив., т. 73, стр. 301.
- 666 - Р. И. Б. VI, 3.
- 667 - Ibid., VI, 381.
- 668 - Стоглав, гл. 91.
- 669 - А. Э. III. № 264.
- 670 - Правосл. Собеседн. 1861 г. т. III, стр. 34J.— Молозиво — первое после родов молоко у женщин и у самок животных. Ср. Р. И. Б. VI, 48, ст. 90.
- 671 - Р. И. Б. VI, 31.
- 672 - Ibid. VI. 100.
- 673 - Прав. Собеседн., 1865 г. II, стр. 225.
- 674 - Стогл., гл. 41, вопр. 24, изд. Кож., стр. 141.
- 675 - Ibid., вопр. 26.
- 676 - Ibid., вопр. 23.
- 677 - А. И. т. III. № 92. X.
- 678 - Иванов. Описание Государ. Архива стар. дел. стр. 290–297 (Москва, 1850 г.).
- 679 - См. Беляев. «О скоморохахъ» в Временнике Москов. Общ. Ист. и Др. кн. XX, стр. 69–92.
- 680 - А. А. Э., т. I. № 86.
- 681 - А. Э. т. I. № 145.
- 682 - А. А. Э. т. I. № 151.

- 683 - А. А. Э. т. I. № 181.
684 - А. А. Э. т. I. № 244.
685 - Стогл., гл. 92, стр. 263 (изд. Кож).
686 - Стогл., гл. 41, в. 19.
687 - А. А. Э. т. I. № 264.
688 - Ibid.
689 - Иванов. Описание Государ. Архива стар. дел. Москва.
1850 г, стр. 298.
690 - А. А. Э. т. IV, № 98.
691 - П. С. Р. Л. I, 6.
692 - Ibid.
693 - Голубинский, Ист. Рус. Цер. Т. I, 1 полов., стр. 623.
694 - Ст. 1 по изд. Владимирскаго-Буданова.
695 - См. 12 ст. Р. Л. А. (Рус.-Ливон.-Акты), Anhang № 1, стр.
428–429. Об этом ниже.
696 - Сергеевич, Лекции, стр. 262.
697 - Сергеевич, Лекции, стр. 262.
698 - Примеры см. у Wilda, 840 и д.
699 - Wilda, 880–831.
700 - Сборн. Гос. Зн., т. IV, стр. 20.
701 - Р. И. Б. VI, 7, ст. 15.
702 - Р. И. Б. VI, 18, ст. 30.
703 - Ibid., VI, 142.
704 - Ibid., VI, 272.
705 - Ibid., VI, 279.
706 - Р. И. Б. VI, 513.
707 - Р. И. Б. VI, 31.
708 - Р. И. Б. VI, 99.
709 - Стоглав, гл. 41, вопрос 16.
710 - А. И. т. VII, № 35.
711 - Wilda, 855.
712 - Неволин, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 195.
713 - Wilda, 852.

⁷¹⁴ - Перевод Павлова. Записки Ак. Наук, т. XXII, прил. № 5, стр. 9; Р. И. Б. VI, 4.

⁷¹⁵ - Ст. 7 по христоматии Влад.-Буданова.

⁷¹⁶ - Ibid., ст. 13.

⁷¹⁷ - Р. И. Б. VI, 920.

⁷¹⁸ - Ibid, VI, 252.

⁷¹⁹ - Р. И. Б. VI, 273; Ср. 282.

⁷²⁰ - Р. И. Б. VI, 9.

⁷²¹ - Печ. Кормчая, гл. 52.

⁷²² - Стоглав, гл. 21. По-гречески оно в одних редакциях читается так (пр. 2): «Ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῖται ἀλλὰ καὶ ἐπιτιμᾶται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων ἔτη δύο ὁ δὲ τρίγαμος ἔτη πέντε» (Ае. Синт. IV, 427; ср. Кормч. гл. 57, пр. 2). В другой редакции, пр. 8: «ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῖται, ἀλλ' ἔτη δύο». Пр. 9: «ὁ τρίγαμος ἐπιτιμάσθω ἔτη πέντε». Pitra, Jur. eccles. gr. t. II, p. 328.

⁷²³ - Стогл. гл. 23.

⁷²⁴ - Инстр. п. Адриана, ст. 46. П. С. З. т. III, № 1612. Д. Р. В. т. XV, стр. 391.

⁷²⁵ - О. А. С. С. т. VIII, 1728 г. № 635.

⁷²⁶ - Р. И. Б. VI. 273.

⁷²⁷ - Р. И. Б. VI, 281–282.

⁷²⁸ - А. И. т. 1, № 261; ср. № 267.

⁷²⁹ - Стогл., гл. 23.

⁷³⁰ - Ibid., гл. 24.

⁷³¹ - Так в печатной славян. Кормчей. В Книге правил оно читается так: «о многобрачии Отцы умолчали, как о деле скотском и совершенно чуждом роду человеческому. Нам же сей грех представляется тягчайшим блуда. Посему благорассудно будет подвергать таковых епитимии по правилам, т. е. да будут едино лето плачущими, три лета припадающими и потом могут быть приняты».

⁷³² - Возможно, что 18 получилось по описке переписчика из 8, а восьмилетняя епитимия за многоженство могла явиться из толкований Вальсамоном и особенно Властарем 80-го правила

Св. Василия Великого, которые находили, что на две, не упомянутые в правиле этом, степени покаяния должны класться еще четыре года, и тогда действителью, многоженство, как «тягчайшее» блуда, будет и наказываться строже последнего, за которое по 59 прав. Св. Василия Вел. положена семилетняя эпитимия. См. Ае. Синт. VI, 161; IV, 243–245; Павлов. Ном. при Б. Требн., изд. 2-е, стр. 326 и 327.

⁷³³ - Сличи 23 и 24 гл. Стоглава и Послание Фотия в Р. И. Б., стр. 281 и д.

⁷³⁴ - А. А. Э. т. 1. № 284.

⁷³⁵ - См. Улож. т. XVI, 15; II. с. 3. №№ 64, 459, 663 и 700.

⁷³⁶ - Wilda, 821.

⁷³⁷ - Ibid. 824.

⁷³⁸ - Ibid. 824–825.

⁷³⁹ - Ibid. 821–822.

⁷⁴⁰ - Wilda, 828.

⁷⁴¹ - Р. Л. А. Anh. № II, стр. 453.

⁷⁴² - Р. Л. А. Anh. № I, ст. 11 по ред. А, стр. 428.

⁷⁴³ - В. Сергеевич, Лекции etc. стр. 2С0.

⁷⁴⁴ - Р. И. Б. VI, 862, ст. 29.

⁷⁴⁵ - Starczewski, *Historiae Ruthenicae scriptores exteri*, t. I. Herb. Rer. Moscov. comm. p. 33.

⁷⁴⁶ - Ibid., t. II. p. 322.

⁷⁴⁷ - П. С. П. Р. Сер. I, т. III. № 1044.

⁷⁴⁸ - А. А. Э. т. IV, № 155.

⁷⁴⁹ - Инстр. п. Адриана ст. 32; ср. ст. 29. П. С. 3 т. III, № 1612. Д. Р. В. ч. XV, стр. 373 и д.

⁷⁵⁰ - Инстр. п. Адриана, ст. 33.

⁷⁵¹ - Котошихин, 96.

⁷⁵² - Павел Алеппский. Путеш. Ант. Патр. Макария в Россию. Перев. Г. Муркоса. Вып. III, стр. 157.

⁷⁵³ - А. А. Э. т. IV. № 155.

⁷⁵⁴ - Ред. III. разд. VIII. арт. 7 .

⁷⁵⁵ - Прав. Соб. 1865 г. ч II, стр. 242.

⁷⁵⁶ - Вот свидетельство Владимирского собора 1274 г.: «се слышахом: в субботу вечер собираются вкупь мужи и жены, и играют и пляшут бесстыдно и скверно длют в ночь святого воскресения». Р. И. Б. VI. 100.

⁷⁵⁷ - Р. И. Б. VI, 41, ст. 67.

⁷⁵⁸ - Р. И. Б. VI, 59–60.

⁷⁵⁹ - Павлов, «Неизд. Пам.», стр. 24, ст. 18.

⁷⁶⁰ - Р. И. Б. VI, 865.

⁷⁶¹ - Р. И. Б. VI, 272.

⁷⁶² - См. выше. Starczewski, t. II. p. 32.

⁷⁶³ - В 69 гл. поповским старостам и десятским вменяется в обязанность наблюдать, чтобы «венчались... ни в кумовстве, ни в сватовстве... и чтобы наложниц у себя не держали». И только! – Стоглав., по изд. Кожанч., стр. 215.

⁷⁶⁴ - Павлов. Еще наказн. список по Стоглаву, стр. 11; Зап. Новорос. унив. т. IX.

⁷⁶⁵ - Костомаров, Ист. Моногр. т. VI, стр. 59.

⁷⁶⁶ - Котошихин, 96.

⁷⁶⁷ - А. А. Э. т. III, № 177.

⁷⁶⁸ - Ibid, № 226.

⁷⁶⁹ - А. А. Э. IV, № 155.

⁷⁷⁰ - А. А. Э. т. IV, № 198.

⁷⁷¹ - А. А. Э. IV, № 295.

⁷⁷² - А. И. т. V. № 244, I; ср. II.

⁷⁷³ - А. И. т. V, № 290.

⁷⁷⁴ - Инстр. Патр. Адриана. Д. Р. В. XV, 373 и д. П. С. 3 . т. III. № 1612.

⁷⁷⁵ - Чижман (Zhishinann) в своем обстоятельном и солидном исследовании: *Das Eherecht der Orientalischen Kirche* (Wien. 1864), толкуя о препятствиях к браку, вытекающих из духовного родства (S. 203 и дал.) о запрещении брака между восприемниками не упоминает.

⁷⁷⁶ - Павлов, Номок. при Б. Требн., изд. 1, стр. 186–180; изд. 2, стр. 373 и д.; 50 гл. Кормчей книги. М. 1887 г., стр. 171 (и д.; Чт. общ. люб. дух. пр. 1891 г. Май-июнь и 1893 г. Март. Апрель.

⁷⁷⁷ - См. статьи проф. И. С. Бердннкова в Прав. Собеседн. 1891 г. т. 1, стр. 286 и д.; 1892 г. т. I, стр. 348 и д.; 1893 г. т. III, стр. 1 и д.

⁷⁷⁸ - Митр. Киприан в 1395 г. писал в Новгород «про кумовство», что «не слично двема крестити... по единому годится крестити или от мужьского полу или от женскаго». Р. П. Б. VI, 238.

⁷⁷⁹ - Кормчая, рук. Солов, библи. № 1056, л. 351 обор.

⁷⁸⁰ - Глава 69 по издан. Кожанч., стр. 215; по изд. Казан, стр. 220.

⁷⁸¹ - См. А. Павлов. Еще наказной список по Стоглаву, стр. 11, в Зап. Новорос. унив. т. IX.

⁷⁸² - Горчаков, К ист. эпит. ном., 92.

⁷⁸³ - Кормчая, гл. 48, гр. 39; гл. 69; гл. 49, зач. 16; гл. 13.

⁷⁸⁴ - Горчаков, 92.

⁷⁸⁵ - Ibid, 83.

⁷⁸⁶ - Печат. Кормч. гл. 45, гл. 31.

⁷⁸⁷ - Горчаков, 69. Ср. Требн. рук. Сол. библи. № 1090, л. 85 и 1104, л. 94.

⁷⁸⁸ - Печ. Кормч. гл. 48, гр. 39; гл. 69; гл. 49, зач. 16, гл. 13.

⁷⁸⁹ - Р. Л. А. № 1.

⁷⁹⁰ - Р. Л. А. Anh. № I, ст. 12 по списку А; по др. списку 10 гр., а не 5. См. Р. Л. А. Anh. № 1, ст. 12 списки С, F, G.

⁷⁹¹ - Р. Л. А. Anh. № II.

⁷⁹² - Р. Л. А. Anh. № I, ст. 12, а; Р. Л. А. Anh. № II.

⁷⁹³ - Р. Л. А. Anh. № I, ст. 12, с.

⁷⁹⁴ - Сергеевич, Лекции etc. стр. 261.

⁷⁹⁵ - Напр. Миклошич в своем «Lexicon palaeoslovenico-latinum» переводит его «rixa, uti videtur», ссылаясь при этом на Карамзина (ed. Vindobonae 1862–65, p. 653).

⁷⁹⁶ - Бог. В. 1900. Март, стр. 492–493.

⁷⁹⁷ - А. А. Э. т. IV, № 155.

⁷⁹⁸ - П. С. З. № 1266.

⁷⁹⁹ - П. С. З. т. II. № 1124.

- 800 - Р. И. Б. XII, № 199, стр. 954.
- 801 - Павел Алеппский, Путеш. Ант. Патр. Макария в Россию. Перев. Г. Муркоса. Вып. III, стр. 15.
- 802 - П. С. З. №№ 1266 и 1267.
- 803 - В свою очередь статью Литовского Статута считают заимствованием из немецкого права. См. Максимейко, Источники уголовных законов Литов, стат. Киев. 1804 г., стр. 172–173.
- 804 - Hist. Ruth. script. t. I, p. 36.
- 805 - Стогл. гл. 33, стр. 109–110 (изд. Кожанч.).
- 806 - Котошихин, 95.
- 807 - Павел Алеппский, Пут. Патр. Макария в Россию. Вып. III, стр. 157.
- 808 - Wilda, 788.
- 809 - Wilda, 786–787.
- 810 - Wilda.
- 811 - Wilda, 789.
- 812 - Wilda. S. 789. Anm. 1.
- 813 - Кн. Оболенского, Толстовском IV и Царском III. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, вып. I. М. 1881, стр. 182, прим. 100.
- 814 - У Калачева, ст. L
- 815 - Русск. Дост. II, 200.
- 816 - Иссл. о Русск. Прав., в. I, стр. 87.
- 817 - Иссл. о Рус. Прав., в. I, стр. 88.
- 818 - Ibid., стр. 93.
- 819 - А. И. т. I, № 153, ст. 26.
- 820 - Судебник 1589 года напечатал в Сборнике Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел, вып. 7. М. 1900 г. Стр. 1–56.
- 821 - См. П. С. З. т. VI, № 3963. П. С. П. т. II, № 532. Ср. П. С. З. т. VI, № 4081.
- 822 - Дела о суевериях ведал Синод согласно Дух. Регламенту, 2 ч. п. 4–5.

823 - П. С. З. т. VI, № 3963 и 4081. П. С. П. т. II, № 532. В указе 4 сентября 1722 г. (№ 4081) к церковному суду были отнесены дела о похищении церковного имения.

824 - Хотя на 7 п. доклада Св. Синода 12 Апр. 1722 г. о любодействе Петр и сделал резолюцию: «светского суда», – но она не относится к прелюбодеянию, которое вплоть до 1845 г. считалось в ведении дух. суда. В 1820 г. члены Госуд. Совета снова подтвердили, что прелюбодеяние касается церковного суда, мотивируя свое утверждение ссылкой на докладные пункты 1722 г. См. Арх. Госуд. Сов. т. IV, ч. 2, стр. 868–870.

825 - П. С. З. т. VI, № 3963 и 4081. П. С. П. т. II, № 532.

826 - О. А. С. С. т. II, 1722 г. № 67.

827 - А. Филиппов. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. Москва. 1891 г.

828 - П. С. П. т. I (изд. 2), стр. 14.

829 - Ibid.

830 - Д. Регл. Дела еписк. п. 16. П. С. П. т. I. стр. 12.

831 - Д. Регл. Дела еп. п. 16, П. С. П. т. I, стр. 14.

832 - П. С. П. т. II, № 454, пп. 13–14. О. А. С. С. т. II, 1722 г. № 917.

833 - П. С. П. т. II. № 596, п. 14.

834 - П. С. В. т. V, № 4006.

835 - Р. И. Б. VI, 122.

836 - Д. Регл. Дела еп. п. 10. П. С. П. т. I, стр. 14.

837 - О. А. С. С. т. III, 1723 г. № 18. Другой пример см. О. А. С. С. 1727 г. т. VII, № 336.

838 - Историко-стат. опис С-Петербур. епархии, вып. I, стр. 140–141.

839 - Розанов, Лет. Москов. епарх. упр., ч. I, стр. 81.

840 - О. А. С. С. т. V. 1725 г., стр. CDXCVII–DXXIV, №№ 1, 20, 22 а и др.

841 - П. С. П. т. 1, № 15, 119.

842 - П. С. П. т. 1, № 43.

843 - Соловьев. Ист. России, т. XVI, гл. 3 (2 изд. ч. 4. стр. 246).

⁸⁴⁴ - См. договоры Петра с Миссисипскими рудокопами в 1720 г. п. 10 (VI, 3701) , – со Шведами в 1721 г. п. 8 (VI. 3778), условия капитуляции Рижского гарнизона, пп. 34 и 43 (IV, 2274) , – условия сдачи Ревеля 1710 г. (IV, 2297 и 2298).

⁸⁴⁵ - П. С. 3 т. IV, № 1910.

⁸⁴⁶ - Голиков, Д. П. В. т. III.

⁸⁴⁷ - Инстр. Воевод. п. 4. П. С. 3 . т. V, № 3294.

⁸⁴⁸ - П. С. 3 . т. VI, № 3814; ср. № 3798.

⁸⁴⁹ - П. С. 3 . Т. VI, № 3037.

⁸⁵⁰ - П. С. 3. т. IV, № 1822, п. 17; т. V, №№ 2734, 2741 и 3410; т. II, № 1117.

⁸⁵¹ - См. Варадинов, История Министерства Внутренних Дел, часть VIII. стр. 11 к д. Также см. статью: «Состояние русского раскола при Петре I» в Христ. Чт. за 1863 г., ч. III, стр. 300 и д.

⁸⁵² - Голиков, Д. П. В. т. III, стр. 157.

⁸⁵³ - Собр. пост. по части раск. ч. I, стр. 98–99.

⁸⁵⁴ - Христ. Чт. 1863 г. т. III, стр. 312.

⁸⁵⁵ - Филиппов, О наказ. по законод. Петра В., в связи с реф. (М. 1891 г.), стр. 132.

⁸⁵⁶ - П. С. 3 . т. IV. № 1741.

⁸⁵⁷ - П. С. 3 . т. IV. № 1757.

⁸⁵⁸ - П. С. 3 . т. IV. № 2874.

⁸⁵⁹ - П. С. 3. т. IV. № 2015, а также 2874.

⁸⁶⁰ - Есипов, Раскол. дела XVIII ст., т. II, прил. стр. 35 и д. § 15 (Сиб. 1863 г.). Хр. Чт. 1863 г. т. III, стр. 74.

⁸⁶¹ - Св. Дмитрий Ростовский рассказывает, что однажды «два некие человеки брадата» спрашивали его: «Владыко святой, как ты велишь: велят нам по указу Государеву брады брить, а мы готовы главы наши за брады наши положить: уне нам есть, да отсекутся наши главы, неже да обриются брады наши». См. Шляпкин, Св. Дмитрий Ростов. и его время. Спб. 1891 г., стр. 377.

⁸⁶² - П. С. 3. т. VII, № 4596.

⁸⁶³ - Подробности см. в кн. свящ. Синайская, Отношение рус. церковн. власти к расколу старообрядчества в первые годы Синодального управления при Петре В., Спб. 1895 г., стр. 225, 293.

⁸⁶⁴ - П. С. З. т. V, №№ 2991, 2996.

⁸⁶⁵ - П. С. З. т. V, № 3232 в 1718 г.; т. VII, № 4526 в 1724 г.

⁸⁶⁶ - П. С. З. т. VI, 3547.

⁸⁶⁷ - Указ 17 Февр. 1718 г. И С. З. т. V. Х 3 1 6 9. Ср Д. Регл. о мир. п. 2.

⁸⁶⁸ - См. Синайский, *op. cit*, стр. 231–232.

⁸⁶⁹ - Указ 15 Мая 1722 г. п. 16 и 17. П. С. З. т. VI, 4009.

⁸⁷⁰ - Дух. Реглам. о мирянах, п. 6. П. С. З. т. I, № 1, стр. 27.

⁸⁷¹ - П. С. З. т. VII, № 4526 Ср. т. VI, № 4009, п. 15: «от раскольника свидетельства ни на какое правоверное лицо не принимать». Тоже П. С. П. т. II, № 454.

⁸⁷² - П. С. П. т. II, № 454 п. 28.

⁸⁷³ - П. С. З. т. VI, № 3944; П. С. П. т. II, № 523.

⁸⁷⁴ - П. С. П. т. II, № 844.

⁸⁷⁵ - П. С. З. т. VII, № 4596.

⁸⁷⁶ - Раскольники в Нижнем Новгороде в 1722 году просили Петра об отмене обязательного постановления о ношении указанного платья. См. у Есипова, т. II, стр. 276.

⁸⁷⁷ - Соловьевъ, т. XVIII, гл. 4 (по изд. 2-му, ч. 4, стр. 920).

⁸⁷⁸ - П. С. З. т. VIII, № 5761.

⁸⁷⁹ - П. С. З. т. VIII, № 5554; IX, № 6928.

⁸⁸⁰ - В 1730 году Сенат приговорил: присланного из Смоленска бернардина Вербитского, который вышел из-за польской границы в Россию, для совращения русских обывателей в римскую веру, послать в Смоленскую губернию под караулом, при указе, велеть его отдать за польскую границу тамошним командирам и объявить, чтоб таким в Российскую империю выход был запрещенъ; а если впредь такие будут выходить, то с ними поступлено будет по правамъ; также и на учрежденных форпостах смотреть накрепко, чтоб таких отнюдь не пропускать (П. С. З. т. VIII, 5538).

⁸⁸¹ - Впрочем, еще при Петре II, в 1728 году, было Св. Синодом постановлено, чтобы финские пасторы никого, никакого звания от российских православных христиан своим догматам учить не дерзали, и ни под каким видом в лютерскую или другая веры. «А ежели те пасторы, презри сей Его Императорского Величества указ, вышеповеленного чинить не будут, то подпадут не токмо пасторския чести лишения со изгнанием, но и жестокому градскому суду, как указы повелевают, неотменно» (П. С. П. т. VII, № 2657).

⁸⁸² - П. С. З. т. VIII, № 5761.

⁸⁸³ - Соловьев, т. XX, гл. 3; ч. 4, стр. 1513.

⁸⁸⁴ - См. В. Нечаев, Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII в. в Оп. Мос. Арх. Мин. Юст., кн. II (М. 1889 г.), стр. 77–199.

⁸⁸⁵ - Нечаев, стр. 82.

⁸⁸⁶ - Ibid, стр. 83.

⁸⁸⁷ - Ibid, стр. 84.

⁸⁸⁸ - Розанов, Истор. Москов. епарх. управления, ч. I, прим. 291, стр. 220–221.

⁸⁸⁹ - П. С. З. т. XI, № 8707.

⁸⁹⁰ - П. С. З. т. XII, № 9155.

⁸⁹¹ - П. З. З. т. XIII, № 10053.

⁸⁹² - Собр. пост. по ч. раскола, кн. 1-я, стр. 567.

⁸⁹³ - П. С. З. т. XIII, № 5063.

⁸⁹⁴ - П. С. З. т. XI, № 8673.

⁸⁹⁵ - П. С. З. т. XI, № 8840.

⁸⁹⁶ - П. С. З. т. XI, № 8194.

⁸⁹⁷ - П. С. З. т. XI, № 8500.

⁸⁹⁸ - П. С. П. т. VIII, № 2776. Горчаков отнес этот указ к 31 Января и привел его (К истории эпитим. номок. стр. 26–27) не полностью.

⁸⁹⁹ - Истор.-стат. свед. о Спб. епархии, в. I, стр. 142.

⁹⁰⁰ - П. С. П. т. VII, № 2484.

⁹⁰¹ - О. А. С. С. т. VIII, 1728 г. № 168.

- 902 - О. А. С. С. т. VIII. Прил. № IV, стр. LXIV-LXV.
- 903 - П. С. З. т. XVII, № 12600.
- 904 - Розанов, Ист. Моск.епарх. упр. ч. II, кн. 1, прим. 317.
- 905 - Розанов, Ист. Моск.епарх. упр. ч. II, кн. 1, прим. 317.
- 906 - Розанов, Ист. Моск.епарх. упр. ч. II, кн. 1, прим. 312.
- Ср. Ист. стат. опис. Сиб. епархии. В. П, стр. 218.
- 907 - Знаменский, Приход. дух. в Р. со врем. реф. Петра (Каз. 1873 г.), стр. 612. Розанов, Ист. М. еп. упр. ч. II, кн. 1, стр. 129.
- 908 - П. С. З. т. VII, № 4718; П. С. П. т. V, № 1556; О. А. С. С. т. V, 1725 г., № 135.
- 909 - П. С. З. т. VII, № 5034.
- 910 - О. А. С. С. т. VII, 1727 г., № 105
- 911 - Русск. Стар. т. 56, стр. 301–362.
- 912 - Рус. Стар, т. 56, стр. 600.
- 913 - Ibid.
- 914 - Розанов, Ист. Моск.епарх. упр. ч. II, кн. 1, прим. 316.
- 915 - Крыжановский, Киев. Дух. Консистория в XVIII в., в Киев. Епар. Пав 1862 г. № 14. стр. 484.
- 916 - Киев. Еп. Изв. 1862 г. стр. 484–485.
- 917 - А.Лебедев, Применение наказаний в среде духовенства Белгородской еп. в XVIII в. См. Рус. Стар. т. 73, с. 318.
- 918 - П. С. П. сер. 2; т. 1, № 41 и 153.
- 919 - Рус. Стар. т. 56, стр. 338; ср. Розанов, Ист. М. еп. упр. ч. I, прим. 302.
- 920 - П. С. З. т. XII, № 8988.
- 921 - Знаменский, Приходское духов. в России со врем. реформ Петра(Казань, 1873 г.), стр. 607–608. Розанов. Пет. Моск. еп. упр. ч. I, стр. 81–82.
- 922 - Розанов, Ист. М. еп. упр., ч. I, стр. 81; прим. 291, 311, 312 и др ; ч. II, кн. 1, прим. 296, 297, 299, 300, 301, 303 и др. Киевск. епарх. изв. 1862 г. стр. 483.
- 923 - Рус. Стар. т. 73, стр. 329–330.
- 924 - Розановъ, Ист. Моск. еп. упр. ч. II, кн. 1., прим. 325.

- ⁹²⁵ - Розанов, Ист. М. еп. упр., ч. I, прим. 291, стр. 220–221.
- ⁹²⁶ - Прим. см. у Знаменского, Прих. дух. етс. стр. 610–611.
- ⁹²⁷ - Тоб. еп. вед. 1887 г., стр. 355; 1888 г. стр. 165.
- ⁹²⁸ - Розанов, Ист. Моск. еп. упр. ч. II, кн. 1, стр. 66–68.
- ⁹²⁹ - Ист. Моск. еп. упр. ч. II, кн. 2, стр. 41, § 22.
- ⁹³⁰ - Латкин в своем сочинении: «Законодательные Комиссии в XVIII ст.», т. 1., стр. 32, указывает 28 Июля, а в П. С. 3 . т. XIV, № 10283, этот Сенатский указ датирован 24 Августа.
- ⁹³¹ - Проект Угол. Улож. 1754–1766 г.г. (Изд. А. А. Востокова, СПб. 1882 г.). Предисловие Н. Д. Сергеевского, стр. 6–7 .
- ⁹³² - Таганцевъ, Лекции, Вып. I, стр. 151. Вирочем, повешение за ребра не безызвестно и нашей Руси, по крайней мере, такіе случаи в виде самосуда и народной расправы были: Стенька Разин вешал за ребра, Сергеевский, предисл., стр. 12.
- ⁹³³ - Латкин, Закон. Ком., т. I, стр. 95.
- ⁹³⁴ - Напр. разорвание лошадьми и повешение за ребра заменены четвертованием и колесованием.
- ⁹³⁵ - «Сей проект не утвержден Императрицей, быть может, потому, что в нем определялась смертная казнь даже в таких случаяхъ, в коих исполнение оной было уже воспрещено»,— говорит гр. Блудов в предисловии к Проекту Уложения о наказаниях 1844 г. (стр. X по изд. 1871 г.). Также думал и Сперанский. Латкин, стр. 89.
- ⁹³⁶ - П. С. 3. XII, № 8944.
- ⁹³⁷ - П. С. 3. XIII, № 9871; XIV, № 10541.
- ⁹³⁸ - П. С. 3 . XIII, № 9911.
- ⁹³⁹ - П. С. 3. XIV, № 10300.
- ⁹⁴⁰ - Латкин, Законод. Ком. в XVIII ст. т. I, стр. 95 (СПБ. 1887).
- ⁹⁴¹ - См. Свод Законов 1842 года, т. XV. Свод Зак. Угол., СПб, 17 ст. п. 1–3, также 233–246 ст.
- ⁹⁴² - П. С. 3. т. X I. № 8601.
- ⁹⁴³ - П. С. 3. т. XII. № 8996.
- ⁹⁴⁴ - П. С . 3. XVIII. № 12949 и отдельно изд. 1770 г.

⁹⁴⁵ - Латкин, Учебн. ист. рус. права периода Империи (XVIII и XIX ст.), СПб. 1889 г., стр. 66–67.

⁹⁴⁶ - Владимирский-Буданов, Обзор ист. рус. пр., изд. 2, стр. 249.

⁹⁴⁷ - См. Арх. Каз. Дух. Конис., дело № 11418.

⁹⁴⁸ - Наказ, гл. 5, ст. 38.

⁹⁴⁹ - «Надлежит, чтоб законы, поскольку возможно, охраняли безопасность каждого особо гражданина». Ст. 33.

⁹⁵⁰ - Ibid, ст. 42.

⁹⁵¹ - Ibid. гл. 5, ст. 39; гл. X, ст. 244.

⁹⁵² - Наказ, гл. X, ст. 145–146;

⁹⁵³ - Ibid.

⁹⁵⁴ - Ibid, гл. VI, ст. 61.

⁹⁵⁵ - Ibid, ст. 63.

⁹⁵⁶ - Ibid, гл. X. ст. 205. Ср. ст. 150: «Когда бы жестокость наказания не была уже опровергнута добродетелями, челвечество милующии, то бы к отриновению оные довольно было и сего, что она бесполезна; и сие служить к показанию, что она несправедлива».

⁹⁵⁷ - Ibid, гл. XX. ст. 509: «ибо казни умножаются по мере повреждения нравов, что также производит разрушение государств».

⁹⁵⁸ - Наказ, гл. VII, ст. 67.

⁹⁵⁹ - «Разграничение русского гражданского и уголовного судопроизводства», в Ж. М. Н. Пр. 1873 г., Сент., стр. 3.

⁹⁶⁰ - П. С. З. XVIII, № 13075. Также и в изд. Наказа 1770 г. ст. 552.

⁹⁶¹ - Наказ, гл. XX, ст. 500.

⁹⁶² - В Арт. гл. I, ст. 1.

⁹⁶³ - Наказ, гл. VII, ст. 76.

⁹⁶⁴ - Наказ, гл. VII, ст. 77.

⁹⁶⁵ - Гл. XXI, ст. 553; П. С. З. XVIII, № 13075.

⁹⁶⁶ - Монтескье, О духе законов. Перевод с французского под редакций А. Т. Горнфельда, со вступительной статьей М. М.

Ковалевского. СПб 1900 г. Изд. Л. Ф. Пантелеева. Стр. 154.

967 - Ibid., стр. 188.

968 - Монтескье, О духе законов, стр. 189.

969 - Монтескье, О духе законов, стр. 190.

970 - Монтескье, О духе законов, стр. 191.

971 - Учрежд. о Губерн. ст. 391 . П. С. 3 . XX. № 14392.

972 - См. примеры у Сергеевского. Рус. угол. право, 2 изд. 1890 г., 131; также у Загоскина, Смертная казнь в России.

973 - См. Розыскная Экспедиция при Моск. губ. канцелярии 1763–82 г. в 4 кн. Опис. докум. и бум. Моск Архива Минист. Юстиции, стр. 177 и д .

974 - Наказ, гл. XX, ст. 294–296.

975 - П. С. 3. XIX. № 13996.

976 - П. С. 3. XVIII, № 13252, гл. 2, п. 9; гл. 8, п. 4 5.

977 - П. С. 3. XVI, 11932, 11933.

978 - В 1770 г., напр., было дозволено армянам в Петербурге и Москве построить на указанных полицией местах свои церкви. П. С. 3. XIX , № 13525.

979 - Подробности см. у Беликова, Отнош. госуд. власти к церкви и духовенству в царств. Екатерины II. Чт. Об. Люб. Д. Пр. 1874 г. Ноябрь, стр. 625 и д.

980 - П. С. 3 . XVI, № 11880, § 6, п. 1-й.

981 - Сб. рус. об. Ист., ст. кн. Оболенского, стр. 455, прил. № XL. Цитат вз. у Беликова в прим. к 639 стр.

982 - См. Б еликов, ор. cit. Чт. в О. Л. Д. Пр. 1875 г . Апрель, стр. 350 и д. Варадинов, 8, стр. 30 и д.

983 - П. С. 3. XVI, № 11683.

984 - П. С. 3. XVI, № 11989, п. 19.

985 - П. С. 3. XVI, № 12067.

986 - П. С. 3. XVII, № 12422. Это было подтверждено несколько раз. См. XVIII, № 12997, 13023 и 13076.

987 - П. С. 3. XVII, № 12326.

988 - П. С. 3. XIX, № 13838.

989 - П. С. 3. XXI, № 15473.

990 - См. записку Кашкина, и. д. Пермского и Tobол. Ген.-Губерн., у Варадинова, VIII, 36 и д.

991 - Зап. Храповицкого, Юля 18, 1782 г., стр. 4 . (Беликов, стр. 355).

992 - Статистика в рассуждении России, в Ч. Ист. Общ., т. III, стр. 58 (Беликовъ, 370 и прим. 1 на 371 стр.).

993 - П. С. З. XXIV, № 17879.

994 - Ibid, № 17904.

995 - Арх. Каз. Дух. Консистории, дело № 8.

996 - Арх. Каз. Дух. Консистории, дело № 9.

997 - П. С. З. XXVII, № 20629.

998 - П. С. З . XXXII, № 26550.

999 - Варадинов, 8, стр. 81.

1000 - Ibid, стр. 109.

1001 - Варадинов, 8, стр. 111.

1002 - Ibid, стр. 121–123.

1003 - Первая часть приведенной выдержки в 60 ст. (по изд. 1857 г.), а вторая в 77 (по изд. 1857 г.) и 59 по изд. 1893 года.

1004 - Арх. Каз. Дух. Консистории, дело № 27.

1005 - Ibid, № 98.

1006 - Наказ и пункты на него изданы в Сборнике Импер. Рус. Истор. Общ., т. 43.

1007 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 429–430.

1008 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 425–426.

1009 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 420.

1010 - Розанов, Ист. Моск. епарх. упр., ч. III, кн. 1, § 160, стр. 234.

1011 - П. С. И. т. IV, № 1341.

1012 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 43–44.

1013 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 47.

1014 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52.

1015 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 53.

1016 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 51–52.

1017 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 53.

- 1018 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52–53.
- 1019 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 302.
- 1020 - Ibid, стр. 305.
- 1021 - С. И. Р. И. О. т. 43, стр. 351.
- 1022 - П. С. З. т. XXI. № 15379.
- 1023 - П. С. З. т. XIX, № 13500.
- 1024 - П. С. З. т. XX, № 15029.
- 1025 - П. С. З. т. XXII. № 16,168.
- 1026 - Взято из указной книги Казанской Дух. Консистории.
- 1027 - П. С. З. т. XVIII, № 12909.
- 1028 - Рус. Стар., т. 73. стр. 319–320.
- 1029 - Розанов. Ист. Моск. еп. упр. ч. II, кн 2. § 107, лит г, с. 295 и прим. 351.
- 1030 - Ист. Моск. еп. упр., ч. II, кн. 2, стр. 77–78.
- 1031 - Ист. Моск. еп. упр., ч. II, кн. 2, стр. 101.
- 1032 - Арх. Каз. Дух. Конс., д. № 15264.
- 1033 - Ibid, д. № 11906.
- 1034 - П. С. З. XX, № 14990.
- 1035 - Арх. Каз. Дух. Конс., д. № 8098.
- 1036 - Арх. Каз. Дух. Конс., д. № 9778. Др. прим. см. в №№ 11418 и 12955.
- 1037 - Арх. К. Д. К., д. № 12308.
- 1038 - А. К. Д. К., д. № 683.
- 1039 - Арх. Каз. Дух. Конс. Дело № 13062.
- 1040 - Напр. Арх. Каз. Дух. Конс. Дело № 60.
- 1041 - Сопиков, Опыт российской библиографии. СПб. 1813 г. ч I, № 743.
- 1042 - Напр. Собр. пост. по части раскола (по Синоду), ч. II, стр. 67, 125.
- 1043 - III-е прилож. к перев. Учебника Угол. права Бернера, стр. 272.
- 1044 - Ibid. стр. 273.
- 1045 - Ibid.

- 1046 - См. в Полн. Собр. Законов, т. V, № 3006.
- 1047 - Тоже, т. VI, № 3485.
- 1048 - О. А. С. С. т. II, 1722 г. № 187.
- 1049 - О. А. С. С. т. II, ч. I, 1722 г., прил. X XXIV, стр. CXСIV-CXCVI.
- 1050 - Берхгольц, Дневник, часть II, стр. 283–284 (М. 1858 г.).
- 1051 - Есипов, Раскольничьи дела, XVIII ст., т. I, стр. 52–53 .
- 1052 - О . А. С. С., т. V, 1725 г., № 232.
- 1053 - Далее в М. У. вставлено: «и предания и уставы Каеолическия Церкви».
- 1054 - Слов: «отсечения сустава» нет въМ. У.
- 1055 - См. Очерк Н. Е. Севернаго: «Преступл. против веры и Церкви на гсуде Моск. Сыскн. Приказа (1730–1763)» в Тульских Епархіальных Вед. 1899 г. №22, стр. 1020.
- 1056 - Напр. дело 3086. См. Тульския Епарх. Вед. 1899 г. № 22, стр. 1019 и 1900 год. № 9, стр. 361 и д.; ср. П. С. З. 14. № 10750.
- 1057 - Бобровский, «Военное право», ч. 2. вып. I, стр. 150–151.
- 1058 - См. Очерк Севернаго. Тульск. Еп. Вед. 1899 г. № 22, стр. 1020–1021.
- 1059 - Чит. в П. С. З . 7, № 4718.
- 1060 - Очерк Севернаго, Тульск. Еп. Вед. 1899 г. № 22, стр. 1020–1021.
- 1061 - П. С. З . 34, № 26602.
- 1062 - Архив Казан. Дух. Консистории, дело № 7733.
- 1063 - Статьи Уложения о наказаниях мы будем приводить по изд. 1885 г.
- 1064 - См. Тульския Епарх. Вед. 1900 г. № 9, стр. 381–363; № 10, стр. 389–393 .
- 1065 - «Пики и карабины»—нет в М. У .
- 1066 - П. С. З. т. V, № 3 2 5 0
- 1067 - П. С. З. т. VII, № 4140; П. С. П. т. III , № 974; О. А. С. С. т. III, 1723 г. № 43.

- 1068 - П. С. З. т. XI, № 8559.
- 1069 - Уст. благоч., ст. 239; П. С. З. т. XXI, № 15379.
- 1070 - П. С. З. т. XXXIII, № 26122.
- 1071 - П. С. З. т. 34, № 27063.
- 1072 - См. Тульский Епарх. Вед. 1899 г. № 22, стр. 1023–1026, дело № 2490 Сыскного приказа об отставном поручике Иване Шишкине.
- 1073 - Проект Угол. улож. Рос. Имп. 1813 г. § 115.
- 1074 - П. С. З. XI. № 8759.
- 1075 - Там-же, 8821.
- 1076 - П. С. З. XIX. № 13847.
- 1077 - Уст. благоч. ст. 245; П. С. З. т. XXI. № 15379 .
- 1078 - Т. XIV, ст. 16–23, изд. 1842 г.
- 1079 - М. У. «Над светским человекомъ».
- 1080 - О. А. С. С. т. V. 1725 г. № 108.
- 1081 - П. С. З. т. XIV, № 10750.
- 1082 - Курсив подлинника.
- 1083 - П. С. З. 13. № 9722.
- 1084 - П. С. З. 16. № 11880, § 6, п. 1.
- 1085 - Наказ губернаторам и воеводам, п. 19. П. С. З. VIII. № 5333. Также указ 23 марта 1750 года, XIII. № 9722.
- 1086 - П. С. З. X. № 7612.
- 1087 - П. С. З. VI. № 3937.
- 1088 - П. С. Р. и П. по вед. прав. исп., сер. 2, т. I. № 476.
- Иногда, впрочем, для увещания отправляли к ректору Славяно-Греко-Латинской Академии. См. Смирнов, История Московской Слав.-Греко-Лат. Академии. М. 1855 г., стр. 131–135.
- 1089 - П. С. З. XI, № 13948а.
- 1090 - П. С. З. XI, № 8125.
- 1091 - «Русск. Стар.» 1878 г. № 10, т. 23, стр. 309–312.
- 1092 - П. С. З. XI. № 8125.
- 1093 - См. «Очерки Севернаго», Тульск. Еп. Вед. 1900 г. № 11, стр. 432–436.

- ¹⁰⁹⁴ - См. т. XV, ст. 192 изд. 1832 г. (по изд. 1842 г. ст. 205). «Раскольников, как то: духовборцев, иконоборцев, малаканов, иудействующих и др. наставников и последователей ересей, особенно вредными признанныхъ»...
- ¹⁰⁹⁵ - См. «Очерк Севернаго».
- ¹⁰⁹⁶ - П. С. П. т. II, № 454, П. С. 3. т. VI, № 4009, помечен 15 мая.
- ¹⁰⁹⁷ - П. С. 3. IX. № 6928.
- ¹⁰⁹⁸ - П. С. 3. XII. № 9155.
- ¹⁰⁹⁹ - П. С. 3. VI. № 4009, п. 14.
- ¹¹⁰⁰ - П. С. 3. VIII. № 5554. Тоже в указе 21 марта 1736 г, IX. № 6928.
- ¹¹⁰¹ - Курсив подлинника.
- ¹¹⁰² - Тульск. Еп. Вед. 1900 г. № 11, стр. 433.
- ¹¹⁰³ - О последнем см. Смирнов, «Ист. слав.-греко-лат. академия», М. 1855 г., стр. 131–135.
- ¹¹⁰⁴ - П. С. 3. IX. 6421; раньше, см. П. С. П. т. I. № 74.
- ¹¹⁰⁵ - П. С. 3. VI. № 4009, § 13.
- ¹¹⁰⁶ - П. С. 3. VI. № 4052, п. 7.
- ¹¹⁰⁷ - П. С. 3. IX. № 6924.
- ¹¹⁰⁸ - Тульск. Еп. Вед. 1900 г. № 11, стр. 434.
- ¹¹⁰⁹ - П. С. 3. VI, № 4052, п. 5; П. С. П. т. II, № 721; ср. № 453, п. 6 и 8.
- ¹¹¹⁰ - Там же, № 4009. п. 25.
- ¹¹¹¹ - Указ Св. Синода 28 февр. 1722 г., п.п. 5, 7, 10 и 11. П. С. П. т. II. № 451; ср. № 453, п. 6 и 8.
- ¹¹¹² - П. С. П. т. I. № 117.
- ¹¹¹³ - П. С. 3. IX. № 6415.
- ¹¹¹⁴ - Первого и последняго указов нет в Полн. Собр. Законов. С содержанием последняго мы не знакомы, а содержание первого приведено в указе 15 мая 1722 г.; см. П. С. 3. т. VI. № 4000, п. 16, а также в П. С. П. т. II. № 454, п. 20.
- ¹¹¹⁵ - См. указ 15 мая 1722 г., п. 16.
- ¹¹¹⁶ - Там же, п. 17.

¹¹¹⁷ - П. С. З. VI. № 3547. Впрочем, неизвестно, соблюдалось на практике это, или нет.

¹¹¹⁸ - Указ 15 мая 1722 г., п. 17.

¹¹¹⁹ - П. С. П. I. № 108.

¹¹²⁰ - П. С. З. X. № 7521; Ср. XI. № 6835.

¹¹²¹ - П. С. З. IX. № 6833; Ср. X. № 172.

¹¹²² - П. С. З. XVI. № 12007.

¹¹²³ - Есипов, Раскол. Дела, XVIII ст., т. I (СПБ. 1861 г.), стр. 52–54.

¹¹²⁴ - «Русск. Стар.», т. 56, стр. 602.

¹¹²⁵ - П. С. З. т. VI. № 4052; П. С. П. т. II, № 721, п. 7.

¹¹²⁶ - О. А. С. С. т. VIII, 1728 г. № 541.

¹¹²⁷ - Смирнов, История Слав.-гр.-лат. Академии, М. 1855 г., стр. 131–135.

¹¹²⁸ - П. С. П. т. VII, № 2481. Ист. Моск. еп. управ, ч. II, кн. I, § 104, стр. 140.

¹¹²⁹ - О. А. С. С. т. VIII, 1728 г. № 605.

¹¹³⁰ - П. С. З. т. VI, № 4109; П. С. П. т. II, № 882; О. А. С. С. т. II, 1722 г. № 1118.

¹¹³¹ - П. С. З. т. VIII, № 9582.

¹¹³² - Взято из О. А. О. С. 1721 г. № 704.

¹¹³³ - Источники к статье о самосожжении: Сырцов, «Самосожиг. Сиб. старообр. XVII и XVIII в.в., Тоб. Еп. Вед. 1887/8 в г.-и Сапожников, «Самосож. в рус. расколе (со 2 пол. XVII в. до конца XVIII) в Чт. Об. Ист. и Др. 1891 г. кн. 3. (=158).

¹¹³⁴ - Соловьев, Ист. России, т. XV, стр. 112 и д.

¹¹³⁵ - Напр. 1722 г. П. С. З. т. VI. № 4053; П. С. П. т. II. № 588; О. А. С. С. т. II. 1722 г. № 528; О. А. С. С. т. II, ч. I. 1725 г., прил. IX.

¹¹³⁶ - П. С. П. и Р. по Вед. Прав. Испов. Сер. I, т. 3, № 1145.

¹¹³⁷ - П. С. З. т. XIV. № 10644.

¹¹³⁸ - П. С. З. т. XV. № 11434.

¹¹³⁹ - П. С. З. т. VI. № 4052. п. 7.

¹¹⁴⁰ - П. С. З. т. VI, № 4009, п. 15.

- ¹¹⁴¹ - Опис. докум. и дел Арх. Св. Син. т. V. № 30.
- ¹¹⁴² - П. С. З. III. № 1358.
- ¹¹⁴³ - П. С. З. VI, № 3891; П. С. П. т. II. № 386.
- ¹¹⁴⁴ - «Наказание в рус. праве XVII в.» СПб. 1887, стр. 120–121.
- ¹¹⁴⁵ - Strahlenberg, D. Nord und ost. Theil. v. Europa u. Asia, S. 248.
- ¹¹⁴⁶ - Есипов, «Раскол. дела XVIII в.» т. I, стр. 7; Есипов, «Люди старого века», стр. 100. –Этот и предыдущий цитаты взяты у Сергеевского: Наказание etc. стр. 121., прим. 1 и 2.
- ¹¹⁴⁷ - О. А. С. С. т. II. 1722 г., ч. I. № 187 и прил. № XXII-XXIX.
- ¹¹⁴⁸ - О. А. С. С. т. X. 1730 г. № 33; см. еще П. С. П. VII. № 2491.
- ¹¹⁴⁹ - По свидетельству В. В. Нечаева: «Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII в.» стр. 83 (О. М. А. М. Ю. кн. VI).
- ¹¹⁵⁰ - П. С. З. т. IX. № 6613
- ¹¹⁵¹ - Дела сл. о раск. комм., стр. 83; О. М. А. М. Ю. кн. VI.
- ¹¹⁵² - Нечаев, «Дела следств. о раскол. комиссий, стр. 105–106, О. М. А. М. Ю. кн.
- ¹¹⁵³ - Нечаев, стр. 106. О. М. А. М. Ю. кн. VI.
- ¹¹⁵⁴ - П. С. З. т. XIV. № 10604.
- ¹¹⁵⁵ - П. С. З. т. XIX. № 13. 838.
- ¹¹⁵⁶ - 2. П. С. Зак. т. V. № 4010.
- ¹¹⁵⁷ - Варадинов, VIII, стр. 65–66.
- ¹¹⁵⁸ - П. С. З. XXVIII, № 21845.
- ¹¹⁵⁹ - Варадинов, VIII, стр. 83.
- ¹¹⁶⁰ - Там же, стр. 129–134.
- ¹¹⁶¹ - Варадинов, VIII, стр. 155. Иногда местом ссылки определяли с еверные части Финляндской и Олонецкой губерний, стр. 68.
- ¹¹⁶² - Собр. постановл. по части раскола, ч. II, стр. 55–57.

- ¹¹⁶³ - Ibid, стр. 50; «Рус. Стар.», т. 50, стр. 613; Варадинов, VIII, стр 69.
- ¹¹⁶⁴ - Варадинов, VIII, стр. 70.
- ¹¹⁶⁵ - Ibid, стр. 136.
- ¹¹⁶⁶ - Ibid, стр. 155.
- ¹¹⁶⁷ - «Рус- Стар.», т. 57, стр. 396–399.
- ¹¹⁶⁸ - Ibid, т. 57, стр. 57.
- ¹¹⁶⁹ - Собран. постан. по час. раскола, ч. II, стр. 163.
- ¹¹⁷⁰ - «Рус. Старина», т. 56, стр. 614.
- ¹¹⁷¹ - Варадинов, VIII, стр. 69 и 78; П. С. З. т. XXIV, № 22571; Собр. постан. по части раскола, ч. 2, стр. 65.
- ¹¹⁷² - Варадинов, VIII, стр. 134.
- ¹¹⁷³ - П. С. З. XL. № 436 а. Ср. Варадинов, VIII, стр. 277.
- ¹¹⁷⁴ - П. С. З. XL, № 30483.
- ¹¹⁷⁵ - Варадинов, VIII, стр. 70.
- ¹¹⁷⁶ - П. С. З. XXIX. № 22422.
- ¹¹⁷⁷ - Варадинов, VIII, стр. 83.
- ¹¹⁷⁸ - Ibid, 84.
- ¹¹⁷⁹ - Ibid, 134.
- ¹¹⁸⁰ - У него сказано обще: «а виновных предало оно (т. е. начальство) уголовному суду», – стр. 86.
- ¹¹⁸¹ - Рус. Стар., т. 56, стр. 614; т. 57, стр. 396.
- ¹¹⁸² - Ibid, т. 56, стр. 615; т. 57, стр. 396.
- ¹¹⁸³ - Ibid, т. 56, стр. 616; т. 57, стр. 396.
- ¹¹⁸⁴ - Ibid, т. 57, стр. 396–397.
- ¹¹⁸⁵ - Русск. Стар. т. 57, стр. 397.
- ¹¹⁸⁶ - Русск. Стар. т. 57, стр. 398.
- ¹¹⁸⁷ - Ст. 208 и 212 изд. 1842 г. нет в Своде изд. 1832 г. 209 ст. изд. 1842 г. соответствует 194 ст. изд. 1832 г.
- ¹¹⁸⁸ - З. П. С. З. т. III, № 1545.
- ¹¹⁸⁹ - П. С. З. V, № 3169.
- ¹¹⁹⁰ - Ibid. V1, № 4052 § 4; П. С. П. т. II. № 721.
- ¹¹⁹¹ - Ibid. VI, № 3963 по 24 п. § 3.

- 1192 - Ibid. X, № 7226.
- 1193 - Ibid. XI, № 8204.
- 1194 - П. С. З. т. XIV, № 10338.
- 1195 - П. С. З. т. XX, № 14240.
- 1196 - П. С. З. т. XII, № 9237.
- 1197 - П. С. З. т. VI. № 4052.
- 1198 - А по инструкции Зиновьеву с женщин указано было брать «вполы». П. С. П. № 89, п. 4.
- 1199 - О. А. С. С. т. I. 1721 г., № 180, пп. 3, 4 и 11.
- 1200 - П. С. П. т. II, № 819, п. 1.
- 1201 - П. С. З. т. XVII, № 12483.
- 1202 - Взято из указной книги Каз. Дух. Консистории
- 1203 - Архив Каз. Дух. Консистории, дело № 683.
- 1204 - Ibid, дело № 6430.
- 1205 - Арх. Каз. Дух. Конс., дело № 9227.
- 1206 - Арх. Каз. Дух. Конс., дело № 8797.
- 1207 - П. С. З. т. VI, № 4052, § 3.
- 1208 - П. С. П. т. V, № 1475.
- 1209 - П. С. П. т. VII, № 2587.
- 1210 - Там же.
- 1211 - П. С. П. т. VIII, № 2692.
- 1212 - П. С. П. т. VIII, № 2768.
- 1213 - Ibid. № 2769.
- 1214 - П. С. П. т. VIII, № 2770.
- 1215 - П. С. З. т. XI, № 8236.
- 1216 - Арх. Каз. Дух. Кон., дело № 8714 .
- 1217 - Сделав предварительно выписку из Кормчей книги: 1, 7 и 11 прав. Св. Василия В., 8 и 9-е Анкирского собора и Закона Градского грани 3 9 главы 48 в стихах 30 и 33.
- 1218 - Арх. Каз. Дух. Кон., дело № 9942.
- 1219 - Арх. К. Д. К., д. № 10735.
- 1220 - Приговор этот сообщен Каз. Дух. Конс. 23 Сент. 1829 г.
- 1221 - Арх. К. Д. К., д. № 53.

- 1222 - Арх. К. Д. К., д. № 52.
1223 - Арх. К. Д. К., д. № 68.
1224 - Арх. К. Д. К., д. № 12470.
1225 - Арх. К. Д. К., д. № 154.
1226 - Гл. I, ст. I.
1227 - Кн. IV, гл. 1, ст. 1.
1228 - П. С. П. т. VI. № 2173.
1229 - Воинский Артикул, гл. XVIII. арт. 149: «Кто пасквили, или ругательные письма тайно сочинит, прибьет и распространит и тако ему непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, оного надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он обруганного хотел обвинить: сверх того, палач такое письмо имеет сжечь под виселицею».
1230 - П. С. П. т. V. № 1874; О. А. С. С. т. V., 1725 года, № 211; П. С. П. т. VI, № 2173.
1231 - О. А. С. С. 1725 г. № 211.
1232 - П. С. П. т. V. Прилож. к № 1874, стр. 557–558.
1233 - О. А. С. С. т. VIII, 1728 г., № 115 и 168, прилож. № IV. стр. LXIV-LXV.
1234 - П. С. П. т. II, № 477; О. А. С. С. т. II, 1722 г. № 340.
1235 - П. С. П. т. VII, № 2348.
1236 - П. С. П. т. VII, № 2360.
1237 - П. С. З. т. X. № 7959.
1238 - Дух. Регл. Дела Еписк. п. 8; П. С. П. т. I. № 1, стр. 10.
1239 - П. С. П. т. I. № 250 и примеч. на стр. 307 (2-е изд.).
1240 - П. С. З. т. VI, № 3963, п. 10; П. С. П. т. II. № 352, п. 10.
1241 - О. А. С. С. т. IV, 1724, № 173
1242 - Там же, № 375.
1243 - П. С. З. VIII, № 5761.
1244 - П. С. З. VI. № 396 3 по 16 п. § 3.
1245 - П. С. П. т. VII. № 2451.
1246 - П. С. З. X. № 7450.
1247 - Там же.

- 1248 - П. С. З. IX. № 6784.
- 1249 - Учрежд. о Губ. ст. 399; П. С. З. XX, № 14392; Уст. Благ. ст. 2; П. С. З. XXI, № 15379.
- 1250 - П. С. З. XIX, № 13427.
- 1251 - Уст. Благ. ст. 254.
- 1252 - П. С. З. VI. № 3963 по 24 п. § 10.
- 1253 - Лохвицкий, Курс уголовного права, СПб. 1867 г., стр. 307.
- 1254 - Белогриц-Котляревский, «О воровстве–краже по русскому праву», стр. 121.
- 1255 - Гл. XXI, ст. 186.
- 1256 - Кн. V, гл. XVII, ст. 124.
- 1257 - П. С. З. XXX, № 22802.
- 1258 - П. С. З. XL. № 24576а.
- 1259 - 2 П. С. З. II. № 1160.
- 1260 - 1 П. С. З. VII. № 4277.
- 1261 - Указ 30 Апреля 1842 г.
- 1262 - 1 П. С. З. XXI. № 24739.
- 1263 - II П. С. З. IX. № 6835.
- 1264 - П. С. З. XVI. № 11925 п. 6.
- 1265 - П. С. З. XI. № 8601 п. 1.
- 1266 - П. С. З. XII. № 8996.
- 1267 - П. С. П. и Р. по Вед. Пр. Исп. Сер. 2, т. I. № 465.
- 1268 - П. С. З. XVIII. № 12873.
- 1269 - П. С. З. XXXIII, № 26383; XXXV, № 27261.
- 1270 - Ст. 2, гл. 34, ср. ст. 24, гл. 25.
- 1271 - Фойницкий, Курс уголовного права. Часть особенная. 3 изд. (СПб. 1899), стр. 151.
- 1272 - Фойницкий, стр. 268.
- 1273 - Пусторослев, Конспект лекций по особенной части русского уголовного права. Вып. 1 (Юрьев, 1902), § 36, стр. 125 и § 37, стр. 131.
- 1274 - П. С. З. X. № 7750.
- 1275 - П. С. З. XIX № 13877.

- 1276 - П. С. 3. т. III. № 1572, п. 9.
- 1277 - П. С. 3. т. III. № 1572 п. 10.
- 1278 - П. С. 3. т. IV. № 1893.
- 1279 - Воин. Проц. ч. II, гл. III. § 17; П. С. 3. V. № 3006.
- 1280 - П. С. 3. VI. № 3531.
- 1281 - Кн. V, гл. XVIII, ст. 132.
- 1282 - Кн. V, гл. XVIII, ст. 133.
- 1283 - Ч. II, гл. 111. § 17.
- 1284 - Арт. ст. 176.
- 1285 - Кн. V, гл. XVI, ст. 122.
- 1286 - Розанов, История Моск. епарх. упр., ч. II, кн. I, стр. 135, § 97.
- 1287 - Гл. XX, ст. 175.
- 1288 - П. С. 3. XIII. № 9789.
- 1289 - Учрежд. о Губ. ст. 391; П. С. 3. XX, № 14392.
- 1290 - П. С. 3. т. XXI. № 15379; Уст. благоч. ст. 263.
- 1291 - Арх. Каз. Дух. Конс. Указы Конс. в Свияжское Дух. Правд. 1783 г. № 4.
- 1292 - Арх. К. Д. Конс., дело 3681.
- 1293 - Арх. К. Д. Конс., д. № 12955.
- 1294 - П. С. П. т. II. № 454, п. 11; П. С. 3. т. VI. № 4009.
- 1295 - П. С. 3. XVIII. № 13334.
- 1296 - Этот указ находится в указе 19 июля 1827 г. 2. П. С. 3. т. II, № 1257. Также см. Собр. Постан. по части раскола, ч. II, стр. 75–76.
- 1297 - 2. П. С. 3. т. II. № 1257.
- 1298 - 2. П. С. 3. т. II. № 1257.
- 1299 - 2. П. С. 3. № 2507.
- 1300 - Арх. К. Д. Конс., д. № 141.
- 1301 - А. К. Д. К. д. № 43.
- 1302 - А. К. Д. К. д. № 145.
- 1303 - Арх. К. Д. Конс., д. № 160.
- 1304 - П. С. 3. VI. № 3963 по 18 пункту, § 6, п. I.

- 1305 - Арх. Госуд. Сов. т. IV, ч. II, стр. 870; также П. С. 3 .
XXXVII, № 28790.
- 1306 - Розанов, История Москов. епарх. управл., ч. I, прим.
308, стр. 223.
- 1307 - О. А. С. С. т. VIII. 1728 г. № 683.
- 1308 - П. С. П. т. VII. № 2609.
- 1309 - Розанов, История Москов. епарх. упр., ч. II, кн. 1,
прим. 326, № 3, стр. 109.
- 1310 - См. напр. ст. А. Лебедева «Применение наказаний в
среде духовенства и мирян Белгородской епархии в XVIII в.», в
Рус. Стар., 1892 г. Февр. т. 73, стр. 328–330.
- 1311 - П. С. П. т. VIII, № 2840.
- 1312 - О. А. С. С. т. VIII. 1728 г. № 473.
- 1313 - П. С. П. т. VII. № 2373.
- 1314 - Колчин ошибочно наз. ее Козмовской. См. Рус. Стар. т.
56, стр. 592 и д.
- 1315 - П. С. П. т. V. № 1872.
- 1316 - П. С. П. т. VI. № 2128.
- 1317 - П. С. П. т. VI. № 2222.
- 1318 - П. С. П. т. VI. № 2255.
- 1319 - Рус. Стар., т. 56, стр. 594–597.
- 1320 - Розанов, «Истор. Москов. епарх. упр.», ч. II, кн. 2,
прим. 368, № 2. стр. 126.
- 1321 - Розанов, «История Моск. епарх. упр.», ч. II, кн. I, прим.
327, № 3, стр. 119.
- 1322 - Ibid. ч. II, кн. 2, прим. 368. № 2, стр. 126.
- 1323 - Розанов, «Истор. Москов. епарх. упр.», ч. II, кн. 1,
прим. 327, № 3, стр. 132.
- 1324 - Арх. Каз. Д. Конс., д. № 11418.
- 1325 - Арх. Каз. Д. Конс., д. № 12013.
- 1326 - А. К. Д. Конс., д. № 12051.
- 1327 - Взято из Архива Казанской духовной консистории.
- 1328 - Собрание постановл. по части раскола, ч. II, стр. 77–
78.

- 1329 - П. С. З. VII. № 5181; О. А. С. С. 1726 г., т. VI, № 55.
- 1330 - П. С. З. IX. № 7040.
- 1331 - П. С. П. и Р. по Вед. Правосл. Исп. Сер. 2, т. I. №№ 176 и 294.
- 1332 - По второй редакции: «состоящих в рангах и дворян, рангов не имеющих, и первой гильдии купцов – тюремным арестом на месяц, а подлых сечь кошками»...
- 1333 - См. его «50-я глава Кормчей Книги» (М. 1887 г.). Приложение VI, стр. 407–438.
- 1334 - Ibid., стр. 410, 415–416 (№ 9 четвертой ст.), 430. Розанов, «История Моск. епар. упр.», ч. I. стр. 225, прим. 312; ч. II, кн. 1, пр. 329.
- 1335 - Павлов, *op. cit.* стр. 409.
- 1336 - Ibid., 411, 428 стр.
- 1337 - Ibid., стр. 408.
- 1338 - Розанов, «История Моск. епар. упр.», ч. II, кн. 1, прим. 329. № 2, стр. 136–137.
- 1339 - Арх. Каз. Дух. Конс., д. № 1273.
- 1340 - Военский Артикул, гл. XX, ст. 107.
- 1341 - Кн. V, гл. XVI, ст. 120.
- 1342 - П. С. З. X. № 7883.
- 1343 - Ср. Мор. Уст. кн. V, гл. XVI, ст. 119.
- 1344 - Ср. Мор. Уст. кн. V, гл. XVI, ст. 118.
- 1345 - Впрочем, судя по буквальному пониманию примечания к ст. 1004 Уст. Угол. Суд., отступники подлежат лишь увещанию и назиданию. Также выражается и ст. 185 Улож. Нак. Только 188 ст. Улож. Нак. добавляет «и для поступления с ними по правилам церковнымъ», что не означает непременно наказания.
- 1346 - Объяснение к 1001 ст. См. Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г., изд. госуд. канц. 1807 г. Ч. II, стр. 365–360.
- 1347 - Ст. 148, п. 2, л. г, изд. 1881 г.; ст. 158, п. 2, л. г, изд. 1841 г.
- 1348 - П. Я. Фойницкий, Курс Уголов. Судопроизводства, т. II (Изд. 2. СПб. 1899 г.), стр. 117.

1349 - Это правило впервые узаконяется судебными Уставами 1864 г.; до сего времени оно было лишь обычаем.

1350 - Суд. Уставы, изд. Госуд. Канц. (СПБ. 1867 г.), т. II, стр. 368.

1351 - Суд. Уставы, изд. Госуд. Канц. (СПБ. 1867 г.), т. II, стр. 372.

1352 - Суд. Уставы, изд. Госуд. Канц. (СПБ. 1867 г.), т. II, стр. 373.

1353 - П. С. З. № 38761.

1354 - Суд. Уставы, изд. Госуд. Канц. (СПБ. 1867 г.), т. II, стр. XXIV введения.

1355 - Суд. Уставы, изд. Гос. Канц. (СПБ. 1867 г.) , т. II , стр. 375.

1356 - Напечатан (впрочем с корректурными ошибками) полностью у А. Завьялова. Циркулярные указы Св. Синода 1807–1900 г.(СПБ. 1900 г.), стр.49–55. Есть и у Магницкаго. «Руководственные указы Св. Синода 1721–1870 г.».

1357 - У Завьялова (стр. 51) ошибочно поставлена ст. 1540.

1358 - Небольшая ошибка: пропущена ст. 1566, которого полагается такое-же наказание, как и по статье 1549.

1359 - Пропущены ст. 933–935, 1556, 1559, 1564, 1582.

1360 - В Уст. пред. прест, изд. 1876 г. ст. 60; изд. 1890 – ст. 56.

1361 - Завьялов, стр. 52–55.

1362 - Лекции по Рус . Уг. Праву. В. IV, стр. 1397–1398.

1363 - Приведен у Завьялова, стр. 372–374.

1364 - Предполагаемая реформа церковного суда. Вып. 1, стр. 24 (Сиб. 1873 г.).

1365 - Взято из Архива Каз. Дух. Консистории.

1366 - Кистяковский, О преступлениях против веры. Наблюдатель, 1882 г. 10, стр. 102.

1367 - Liszt, Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. В. I, S. 300 (Berlin, 1894).

1368 - Наблюдатель, 1882 г . № 10, стр. 121 и 109.

¹³⁶⁹ - Не лишне указать те пособия, какими мы пользовались. Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiösen Bekenntnissfreiheit. Elberfeld. 1867. Тернеръ, О свободе совести, в Сборник. Госуд. Знаний, т. III. Добротин, Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Миссион. обозр. 1896 г. Бердниковъ, Новое государство в его отношении к религии. Прав. Соб. 1888 г., кн. III. Темниковский, Государственное положение религии во Франции. Казань. 1896 г. Пусторослев, Конспект лекций по особенной части Русского уголовного права. Юрьев. 1902 г. Вып. 1, стр. 34–45.

¹³⁷⁰ - Bluntschli. Gesch. d. Rechtsd. relig. Bekenntnissfreiheit, S. 4–6.

¹³⁷¹ - Ibid. s. 36.

¹³⁷² - W. Martens, Die Beziehungen der Ueberordnung, Nebenordnung und Unterordnung zwischen Kirche und Staat. 1877 S. 351 u. f.

¹³⁷³ - Hinschius, Staat und Kirche, отдельный оттиск из Марквардсенова «Handbuch des öffentlichen Rechts», S. 234–235.

¹³⁷⁴ - О преступлениях против веры. Наблюдатель, № 10, стр. 112–115.

¹³⁷⁵ - М. А. Рейснер, Мораль, право и религия по действующему русскому закону. Вестник Права, 1900 г., №№ 3, 4–5, 8 и 9.

¹³⁷⁶ - П. П. Пусторослевъ, Конспект лекций по особенной части Русского Уголовного права. Вып. I, Юрьев. 1902 г., стр. 33–45.

¹³⁷⁷ - Пусторослев, op. cit., стр. 37–40.

¹³⁷⁸ - Ibid. стр. 40.

¹³⁷⁹ - Ibid. стр. 41.

¹³⁸⁰ - Лохвицкий, Курс Русского Уголовного Права. Спб. 1867 г., стр. 288.

¹³⁸¹ - А. Градовский, Начала Русского Государственного Права. Т. I. (изд. 2, Спб. 1892), стр. 367.

¹³⁸² - Л. С. Белогриц-Котляревский, Преступления против религии в важнейших государствах запада. Ярославль. 1886 г.,

стр. 392–395.

¹³⁸³ - Коркунов, Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Часть I, § 19, стр. 127 (Сиб. 1890).

¹³⁸⁴ - Наблюдатель, 1882 г. № 10, стр. 115–116.

¹³⁸⁵ - Пособия, какими мы пользовались при обозрении западно-европейского права и уголовной доктрины, следующие: Wahlberg, Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen – у Гольцендорфа в его Handbuch des Deutschen Strafrechts, B. III, SS. 261–274. Haelschner. Das gemeine deutsche Strafrecht, B. II, SS. 700–719 (Bonn. 1887). Liszt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts (A. 10. Berlin. 1900). Bott, Zur Lehre von den Religionsvergehen mit besonderer Berücksicht ganz von § 166 des Reiches-Strafgesetzbuch (Tübingen, 1890). Boitard, Leçons de droit criminel (13 éd. Paris 1896). Белогриц-Котляревский, Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль. 1886 г., стр. 297 и д. Богородский, Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII, тт. I-II, Киев. 1862 г.

¹³⁸⁶ - Bott, Zur Lehre von d. Religionsverb. S. 13.

¹³⁸⁷ - Grollman, Grundsätze, § 308. Белогр.-Котляревский, *op. cit.*, стр. 298.

¹³⁸⁸ - Wahlberg у Holtzendorf'a. B. III, S. 264.

¹³⁸⁹ - Белогриц-Котляревский, *op. cit.*, стр. 298–300.

¹³⁹⁰ - Бернер, Учебник Уголовного Права, пер. Н. Неклюдова, часть общая, стр. 310.

¹³⁹¹ - Wahlberg у Гольцендорфа, B. III, S. 266.

¹³⁹² - Liszt, Lehrbuch, § 117, II, 2. S. 381 (Berlin. 1900).

¹³⁹³ - Kohler, Studien aus dem Strafrecht, 1890. B. I, S. 161.

¹³⁹⁴ - Bott, Zur Lehre, S. 15–16.

¹³⁹⁵ - Белогриц-Котляревский, Преступл. против рел., стр. 302–303.

¹³⁹⁶ - Таганцев, Лекции по Русскому Уголовному праву, часть общая. Вып. II, стр. 520.

¹³⁹⁷ - Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право, изд. 2 (Спб. 1890), стр. 255.

- 1398 - Кистяковский, Элемент. Учебник Общего Угол. Права. Изд. 3, стр. 284.
- 1399 - Уголовное Уложение. Проект Редакц. Коммиссии и объяснения к нему. Сиб. 1897 г., т. IV, стр. 20.
- 1400 - Ibid. стр. 20.
- 1401 - Ibid. стр. 21.
- 1402 - Ibid. стр. 26–27.
- 1403 - См. исследование Белогриц-Котляревского, Преступления против религии в важнейших государствах Запада (Яр. 1886), стр. 304.
- 1404 - Белогриц-Котляревский, *op. cit.*, стр. 304.
- 1405 - Уголовное Уложение и объяснения к нему. Проект Редакционной Коммиссии. СБП. 1897. т. IV, стр. 22.
- 1406 - Б.-Котл., стр. 311. Ср. Liszt, Lehrbuch d. Deutschen Strafr. (Berlin, 1900), S. 382–383.
- 1407 - Liszt, Lehrbuch, S. 384.
- 1408 - Бел.-Котляревский, стр. 324.
- 1409 - Ibid. стр. 325–326.
- 1410 - Liszt, Lehrbuch, стр. 384–385. Б.-Котляревский, 333 и д.
- 1411 - Белогриц-Котляревский, стр. 342–343.
- 1412 - Собр. Пост. по ч. раскола (Мин. изд. Спб. 1875 г.), стр. 318–319. Это же издание цитируется и Варадиновым (Ист. Мин. Внутр. Дел, ч. VIII, стр. 492), хотя и ошибочно, именно не 318–319, а 408–410 стр. (Цитат № 2167).
- 1413 - 3 П. С. 3. т. III, № 1545.
- 1414 - Русское Государственное право, т. I. стр. 355 (изд. 2, Спб. 1893 г.).
- 1415 - Угол. Улож. и объясн. к нему. Спб. 1897. Т. IV, стр. 17.
- 1416 - Ibid. стр. 50.
- 1417 - Ж. М. Ю. 1895 г. № 7. Всеподданнейший доклад по Проекту Уложения о наказаниях, стр. 74–75.
- 1418 - Ж. М. Ю. 1895 г. № 7. Всеподданнейший доклад по Проекту Уложения о наказаниях, стр. 74–75.

1419 - Уголовное Уложение и объяснения к нему. Т. IV, стр. 53.

1420 - Уголовное Уложение. Проект Ред. Комиссии и объяснения к нему. (Спб. 1897) Т. IV, стр. 104–105.

1421 - Ibid. стр. 107.

1422 - Ibid. стр. 107.

1423 - Ibid. стр. 111–112.

1424 - Ст. 195 (Улож. 1885 г.) подвергает взыскание духовных иностранных исповеданий за принятие без надлежащего разрешения кого-либо из иноверных российских подданных.

1425 - Имеющийся здесь в виду указ см. в П. С. З. т. XIII, № 9722.

1426 - Уголовное Уложение. Проект Ред. Комм., т. IV, стр. 113–114.

1427 - Мы говорим пока только о Проекте. Об отношении Нового Уголовного Уложения, Высочайше утвержденного 22 марта 1903 г., к его проекту речь будет дальше.

1428 - Угол. Улож. Проект Ред. Комм. т. IV, стр. 77–78.

1429 - Угол. Улож. Проект Ред. Ком. т. IV, стр. 116–118.

1430 - Ж. М. Ю. 1895 г. Май, стр. 75.

1431 - Ж. М. Ю. 1895 г. Май, стр. 75–78.

1432 - Угол. Улож. Проект Ред. Ком. т. IV, стр. 88–89.

1433 - Ibid. стр. 114.

1434 - Ibid. стр. 150–151.

1435 - Ibid.

1436 - Уголовное Уложение, Проект Ред. Комм., и объяснения к нему. Т. IV, стр. 69–71.

1437 - Белогриц-Котляревский, Преступления против религии, стр. 313.

1438 - Белогриц-Котляревский, стр. 316.

1439 - Угол. Улож. Проект Ред. Комм. т. IV. стр. 69–70.

1440 - Белогриц-Котляревский, *op. cit.* стр. 317.

1441 - Белогриц-Котляревский, *op. cit.*, прим. 1 на стр. 307.

¹⁴⁴² - Liszt, Lehrbuch d. Deutschen Strafrecht. 10 A. Berlin. 1900. S. 382. Anm. 1 zu § 118.

¹⁴⁴³ - Ibid. S. 382.

¹⁴⁴⁴ - Уголовное Уложение. Проект Ред. Комм. и объяснение к нему. Т. IV, стр. 90.

¹⁴⁴⁵ - Ст. 5 Нового Уложения начинается так: «Действие сего Уложения не распространяется 1) на деяния, наказуемые по законами церковнымъ»...

¹⁴⁴⁶ - Г. Евангулов, Новое Уголовное Уложение. Право, 1903 год, № 21, стр. 1–179.

¹⁴⁴⁷ - Каждая статья нового уложения состоит из нескольких отделений; эти отделения необходимо нумеровать, чтобы сделать возможным указание, где находится цитуемое место. Мы будем держаться двоякой нумерации – по пунктам и по частям. Деля статью по признакам преступления, ею указываемым, мы будем иметь пункты, а деля ее по наказаниям, в ней положенным, получим части.

¹⁴⁴⁸ - Право, 1903 г., № 21, стр. 1478.

¹⁴⁴⁹ - Предполагаемая реформа церковного суда. Вып. 1, стр. 11.

¹⁴⁵⁰ - Арх. Каз. Дух. Конс. Дела 3 стола 1895 г. Дело № 4.